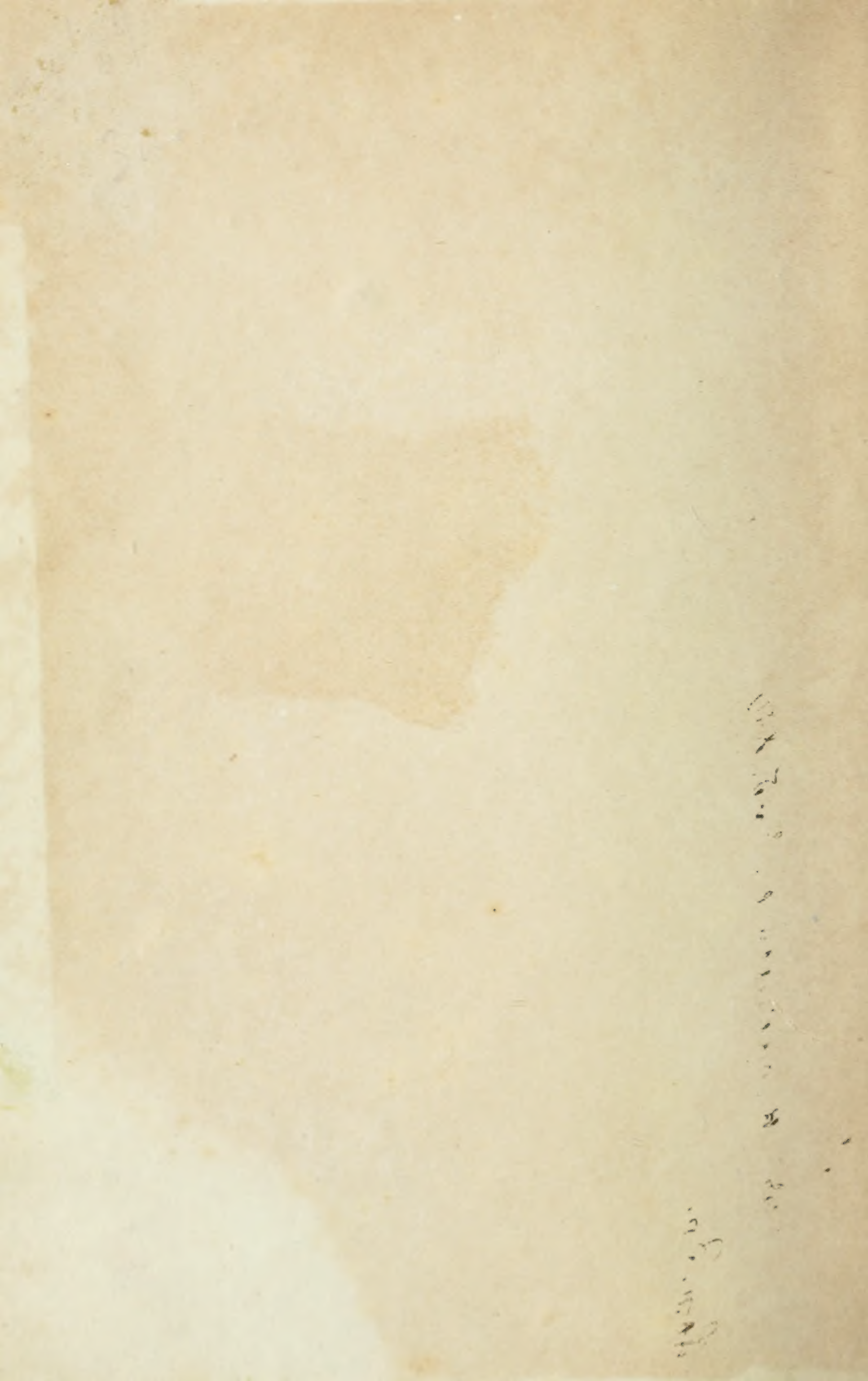

РУССКІЯ

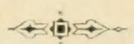
ЮРИДИЧЕСКІЯ ДРЕВНОСТИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

РУССКІЯ
ЮРИДИЧЕСКІЯ ДРЕВНОСТИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ТЕРРИТОРІЯ И НАСЕЛЕНІЕ

В. Сергѣевича

ординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Н. А. Лебедева. Невскій просп. д. № 8

1890

Только чтеніе подлинныхъ памятниковъ можетъ дать живое пониманіе древности. Въ издаваемомъ нынѣ трудѣ мы дѣлаемъ попытку представить желающимъ ознакомиться съ русскими юридическими древностями рядъ характерныхъ мѣстъ изъ источниковъ по двумъ вопросамъ: о территоріи и о населеніи.

Наша древность представляетъ медленную, но постоянную смѣну явленій. Въ юридическомъ бытѣ Московскаго государства можно найдти слѣды глубокой старины, но въ цѣломъ московскіе порядки отрицаютъ старину.

Задача настоящаго труда выяснить первоначальное положеніе дѣла по двумъ указаннымъ вопросамъ и прослѣдить его до конца XVII-го вѣка. На новыхъ явленіяхъ москов-

ской жизни мы останавливаемся, на сколько они имѣютъ прямое отношеніе къ старинѣ, отрицая ее или дополняя.

Въ отдѣлѣ о населеніи рѣчь идетъ и о дворовыхъ чинахъ. Это потому, что дворъ московскихъ государей является дѣятельнымъ факторомъ, существенно измѣняющимъ обликъ высшихъ классовъ населенія. Придворная служба, привлекающая къ себѣ все большія и большія силы, перерабoтываетъ старыхъ вольныхъ слугъ въ тѣ чиновные разряды населенія, которые наполняютъ города и уѣзды Московскаго государства въ XVI и XVII вѣкѣ.

Для удобства читателя, извлекаемые изъ памятниковъ тексты печатаются всегда съ новой строки.

30 января 1890 г.
С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Государственная территорія.

КНИГА ВТОРАЯ.

Населеніе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Несвободные.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Свободное населеніе.

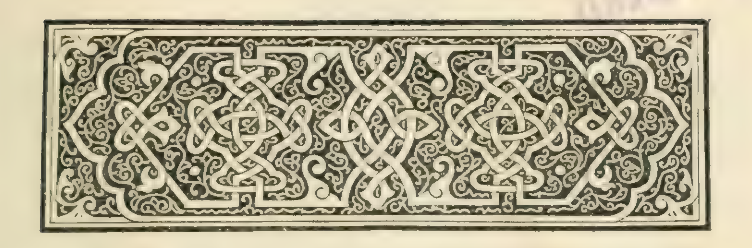
II. Закупы.

III. Крестьяне.

IV. Изгои.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дьяки.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Государственная территорія.

Наша древность не знаетъ единаго «государства Россійскаго»; она имѣетъ дѣло со множествомъ единовременно существующихъ небольшихъ государствъ. Эти небольшія государства называются: волостями, землями, княженіями, удѣлами, отчинами князей, уѣздами; всего позднѣе возникаетъ для нихъ наименованіе «государство».

Слово волость, иначе «власть», обозначаетъ территорію, состоящую подъ одною властью [1]).

Такое словоупотребленіе весьма обыкновенно нашимъ лѣтописямъ. Начальный лѣтописецъ, сказавъ объ убійствѣ Свѣнальдича Олегомъ, древлянскимъ княземъ, продолжаетъ:

«И о томъ бысть межю има ненависть Ярополку на Олега, и молвяше всегда Ярополку Свѣнальдъ (отецъ убитаго, пользовавшійся довѣріемъ князя Ярополка): поиди на братъ свой и пріими **волость его**» 975.

---

[1]) Слово волость означаетъ собственно всякую область, состоящую подъ одною властью, а потому одинаково употребляется, какъ для обозначенія цѣлаго государства, такъ и его административныхъ дѣленій, составляющихъ въ правительственномъ отношеніи тоже одно цѣлое. Въ текстѣ рѣчь идетъ только о волости въ смыслѣ государства.

Года черезъ два Ярополкъ дѣйствительно предпринялъ походъ противъ Олега, кончившійся пораженіемъ и смертью послѣдняго. Описавъ погребеніе Олега, лѣтописецъ заключаетъ свой разсказъ такимъ замѣчаніемъ:

«И прія власть его Ярополкъ».

Подъ 1135 годомъ читаемъ:

«Юрій князь Владиміровичъ... вда Ярополку Суздаль и Ростовъ и прочюю волость свою, но не всю». Лавр.

Въ 1149 г. послѣ побѣды у Переяславля, одержанной суздальскимъ княземъ Юріемъ надъ племянниками, Изяславомъ, княземъ Владимірскимъ и Кіевскимъ, и Ростиславомъ Смоленскимъ, кіевляне обратились къ этимъ князьямъ съ такою рѣчью:

«Господина наю князя! не погубите насъ до конца. Се нынѣ отцы наши и братья наши и сынови наши, на полку, одни изоиманы, а другіе избьени и оружіе снято. А нынѣ поѣдита въ свои волости! А вы вѣдаете, что намъ съ Юріемъ не ужити: а по сихъ дняхъ гдѣ узримъ стязи ваши, тамъ и мы будемъ». Ипат.

«Томъ-же лѣтѣ иде Рогволодъ Борисовичъ отъ Святослава отъ Ольговича искать себѣ волости, поемъ полкъ Святославль, зане не створиша ему милости братья его, вземше подъ нимъ волость его и жизнь его всю. И пріѣхавъ къ Случьску, и нача слатися къ дрьючаномъ. Дрьючане-же ради быша ему и пріѣздече къ нему вабяхуть и къ собѣ, рекуче: поѣди, княже, не стряпай, ради есме тобѣ; аче ны ся и съ дѣтьми бити за тя, а ради ся, бьемъ за тя». И выѣхаша противу ему болѣе 300 лодій дрьючанъ и полочанъ. И вниде въ городъ съ честью великою, и ради быша ему людіе. А Глѣба Ростиславича выгнаша и дворъ его разграбиша горожане и дружину его». Ипат. 1159.

«Черниговскому князю (Святославу Всеволодичу) не мирну съ Олегомъ Святославичемъ (Новгородъ Сѣверскимъ) и воевашетъ Олегъ Святославлю волость Черниговскую; Святославъ же... пойде на Ольга и пожьже волость его». Ипат. 1174.

«Посла Святославъ Глѣба, сына своего, въ Коломну, въ Рязанскую волость». Ипат. 1180.

«И скупи всю Черниговскую (сторону, а по другому списку) волость и дружину свою и поча думати...». Ипат. 1180.

«Сыновцы же твои воеваша Смоленскую волость». Ипат. 1195.

. «Всеволодъ (Владимірскій) посла мужи своя къ Ярославу (Черниговскому) и умолви съ нимъ про волость свою и про дѣти своя». Ипат. 1196.

Отъ сюда, вести споры и войны изъ за княженій — значитъ волоститься». Ипат. 1159.

Съ такимъ же словоупотребленіемъ встрѣчаемся и въ дошедшихъ до насъ полныхъ текстахъ княжескихъ договоровъ. Въ договорныхъ грамотахъ Новагорода съ великими князьями тверскими и московскими слово волость служитъ для обозначенія какъ всего Новогородскаго государства, такъ и государствъ Тверскаго и Московскаго.

Въ 1265 году Новогородцы обязываютъ тверскаго князя:

«А въ Бѣжицахъ, княже, — тобе... селъ не дьржати... и по всей волости Новогородьской»...

...«А изъ Бѣжиць, княже, людий не выводити въ свою (т. е. Тверскую) землю (въ грамотѣ 1270 года вмѣсто землю написано волость)». Рум Соб. I № 1, 3, 6, 15; 1265 — 1327.

Тоже и съ московскими князьями:

«А изъ Бѣжиць вамъ, князи, не выводити людей въ свою (Московскую) волость»... «А что мытъ по Суздальской землѣ, въ вашей (Московской) волости, отъ воза имати по двѣ вѣкши»... А. Э. I № 57, Рум. Соб. I № 20; 1456—1471.

Терминъ «власть—волость» очень хорошо выражаетъ юридическую природу государственной территоріи: все, что находится въ предѣлахъ территоріи, состоитъ подъ одною властью, а потому и составляетъ одно государственное цѣлое—волость. Эта природа волости ясна сознанію людей XII вѣка и хорошо выражена грамотеемъ, описавшимъ внутреннюю рознь, возникшую въ послѣдней четверти этого вѣка въ древней Ростовско-Суздальской волости.

«Новогородци бо изначала, говоритъ онъ, и смолняне, и кыяне, и полочяне, и вся власти (волости) на думу на вѣча сходятся; на что-жь старѣйшіи сдоумають, на томъ-же пригороди станоуть». Сузд. 1176.

Въ этихъ немногихъ словахъ выражена вся суть древняго волостного устройства.

Волости состоятъ изъ городовъ и пригородовъ [1]). Обыкновенно, въ каждой волости—одинъ городъ. Это главный пунктъ поселенія, по имени котораго обозначается и вся волость. Такъ получили свое наименованіе волости: Новгородская, Смоленская, Кіевская, Полоцкая, Черниговская и др. Остальные пункты поселенія находятся въ зависимости отъ «города». Они не сами по себѣ существуютъ, а состоятъ при немъ: это пригороды, возникшіе при городѣ и, конечно, для удовлетворенія потребностей жителей главнаго города. Служебное значеніе пригородовъ по отношенію къ городамъ видно и изъ того, что города сами нерѣдко заботятся объ укрѣпленіи своихъ пригородовъ [2]).

---

[1]) Слово «городъ» означаетъ собственно всякое укрѣпленіе съ цѣлью обороны. Въ Ипат. лѣт. подъ 1219 г. читаемъ: «...и созда градъ на церкви...» или въ Новгрд. I, подъ 1224 г.; «...сталъ бо бѣ на горѣ, надъ рѣкою надъ Калкомъ, и ту створи городъ около себя въ колѣхъ, и бися съ ними изъ города того по 3 дни». Согласно съ этимъ, выраженіе «ставить городъ» означаетъ обыкновенно только сооруженіе стѣнъ около существующаго уже поселенія для огражденія его жителей отъ внезапныхъ вторженій. Такъ извѣстія о построеніи Новгорода напр. встрѣчаются въ XI, XII, XIII и XIV в.; см. Ник. 1044 г., 1116 г., Новгрд. I 1262 г.; Львов. 1302 г. Древнѣйшее-же указаніе на построеніе городовъ съ цѣлью защиты относится еще ко времени, предшествовавшему призванію Рюрика. Въ 859 г. Кривичи, Славяне, Чюдь и Меря, изгнавъ за море Варяговъ, которымъ до того времени платили дань,—немедленно начинаютъ «грады ставити», т. е. укрѣплять свои поселенія, чтобы тѣмъ упрочить только-что завоеванную самостоятельность. Воскр. Призванные вскорѣ за тѣмъ князья являются продолжителями народа въ этомъ дѣлѣ охраненія самостоятельности Русской земли. — Иногда, по стратегическимъ соображеніямъ, города ставились и на новыхъ мѣстахъ, гдѣ прежде не было поселеній. Въ такихъ случаяхъ лѣтописи не ограничиваются обычнымъ выраженіемъ «поставить городъ»; но еще прибавляютъ къ тому и извѣстіе о населеніи такого города пришлыми людьми. Такъ въ Сузд. лѣт. подъ 989 г. читаемъ: «и нача ставити (Владиміръ Св.) грады по Деснѣ, и по Остри, и по Трубежу, и по Сулѣ, и по Стугнѣ и нача нарубати мужи лучшіи отъ Словенъ, отъ Кривичь, отъ Чюди, отъ Вятичь, и отъ сихъ насели грады: бѣ бо ратенъ съ Печенѣги».

[2]) Воскр. 1207; Львов. 1323, 1330; Новгор. I, 1372, 1387; IV, 1384; Псков. I и II, 1414, 1431, 1441.

Наиболѣе рѣзкимъ образомъ служебное значенiе пригородовъ выразилось въ 1468 г. во Псковѣ, когда пригороды были подѣлены между частями Пскова, причемъ на каждый конецъ досталось по два пригорода. Къ сожалѣнiю, краткость лѣтописнаго извѣстiя не даетъ возможности выяснить, какiя обязанности лежали на пригородахъ по отношенiю къ отдѣльнымъ концамъ, на долю которыхъ они достались.

Городъ является, такимъ образомъ, центромъ, вокругъ котораго образуется окружность волости. Центральному пункту, натурально, принадлежитъ характеръ старшинства: его жители—старѣйшiе въ волости. Населенiе-же пригородовъ—молодшее. Какъ молодшее, оно есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и слабѣйшее, а потому и должно слѣдовать направленiю, даваемому старшимъ городомъ. Подчиненiе пригородовъ старшимъ городамъ есть обыкновенное явленiе древности и замѣчено лѣтописцемъ:

«На чтожь старшiи (города) сдоумають, на томже и пригороди стануть», говоритъ онъ. Сузд. 1176.

Земля, находящаяся въ предѣлахъ волости, составляетъ собственность ея жителей и прежде всего жителей ея главнаго города. Не смотря на крайнюю бѣдность нашихъ лѣтописей по всѣмъ вопросамъ, касающимся поземельныхъ отношенiй, мы можемъ, однако, привести нѣсколько свидѣтельствъ, указывающихъ на связь земли съ городомъ,—связь, объяснимую только тѣмъ, что земля, часто на очень значительномъ протяженiи отъ города, составляла собственность его жителей. Такъ въ 1067 г. кiевляне требуютъ отъ князя своего Изяслава, только-что потерпѣвшаго пораженiе отъ половцевъ, чтобы онъ еще разъ выступилъ противъ нихъ, и свое требованiе мотивируютъ тѣмъ, что «половцы разсыпались по землѣ». Лавр. Если кiевляне защищали земли, лежавшiя внѣ стѣнъ Кiева, то, конечно, только потому, что эти земли принадлежали имъ, что тамъ были ихъ села и животы. Подобныя-же указанiя сохранились отъ Чернигова, Владимiра на Клязьмѣ и Полоцка. Въ 1138 г. черниговцы побуждаютъ своего князя Всеволода къ миру съ Ярополкомъ

Кіевскимъ на томъ основаніи, что въ случаѣ войны «онъ погубитъ волость свою», Лавр.; въ 1176 г. владимірцы изгоняютъ Ростославичей за то, что они грабили «волость всю», Ипат. Въ 1186 г. полочане, узнавъ о движеніи на нихъ новгородцевъ и смольнянъ, спѣшатъ встрѣтить ихъ на границѣ Полоцкаго княженія, опасаясь, что въ противномъ случаѣ они «сотворили-бы землю ихъ пусту», Воскр.—Приведемъ и свидѣтельство начальной лѣтописи, относящееся къ смерти великаго князя Владиміра Ярославича:

«Се же (смерть Владиміра) увѣдѣвше людіе безъ числа снидошася и плакашася по немъ: боляры акы заступника ихъ земли, убозіи акы заступника и кормителя»... 1015.

Обладаніе землей было такимъ важнымъ условіемъ политической силы въ древней Россіи, что количество поземельной собственности, принадлежавшей гражданамъ того или другого города, можетъ быть прямо считаемо мѣриломъ ихъ политическаго значенія. Извѣстно значеніе, которымъ пользовался Новгородъ по самый конецъ XV в.; объясненіе ему надо искать въ громадной поземельной собственности, принадлежавшей его горожанамъ.

Отдаленный отголосокъ этого первоначальнаго отношенія города къ землѣ слышится еще и въ XVI вѣкѣ. На вопросъ государя, царя и великаго князя, Ивана Васильевича, о мирѣ съ Литвой, государевы богомольцы, архіепископы и епископы, отвѣчали:

«А что королевы послы даютъ къ Полотцку земли по сей стороне вверхъ по Двине рѣкѣ на пятнацать верстъ, а внизъ по Двине рѣкѣ отъ Полотцка на пять верстъ, а за Двину земли не даютъ, а рубежъ чинять Двину рѣку, и тому ся стати мочно ли, что городу быти безъ уѣзда? Ано и село или деревни безъ поль и безъ угодей не живутъ, а городу какъ быти безъ уѣзда?» Рум. Собр. I, № 192, 1566.

Города составляютъ потребность мѣстнаго населенія и воздвигаются имъ въ видахъ защиты отъ нападеній безпокойныхъ сосѣдей. Такое возникновеніе городовъ можно наблюдать еще въ XVI вѣкѣ. Городокъ Шестаковскій былъ

поставленъ въ первой половинѣ XVI вѣка жителями окружавшихъ его деревень и починковъ, которые не удовольствовались существовавшимъ уже въ той мѣстности (Вятская земля) Слободскимъ городкомъ. Но наличныхъ средствъ у мѣстнаго населенія для постройки города было мало, и оно вошло даже въ долги (А. Э. I, № 210). Деревня, въ данномъ случаѣ, предшествуетъ городу; городъ возникаетъ въ силу совокупной дѣятельности окружающихъ его деревень и починковъ. Городъ высшая форма быта, результатъ нѣкотораго объединенія разрозненнаго сельскаго населенія, которое само создаетъ для себя оборонительный пунктъ. Въ случаѣ благопріятныхъ условій, такой оборонительный пунктъ можетъ сдѣлаться и мѣстомъ постояннаго поселенія. Городки возникали иногда и по почину отдѣльнаго лица, достаточно для того богатаго и, слѣдовательно, сильнаго. Въ 1558 г. дано было разрѣшеніе Григорію Аникѣеву Строганову, по его челобитью, поставить городокъ на Камѣ рѣкѣ и снабдить его пушками, пищалями и всѣмъ необходимымъ для береженія (А. Э. I, № 254). Съ тою-же цѣлью города ставились и князьями.

Такъ какъ земля, окружающая городъ, всегда входитъ въ составъ волости, то иногда цѣлое, волость, обозначается именемъ своей части земли,—землей [1]).

«Посла ны Деревска земля», говорятъ древлянскіе послы кіевской княгинѣ Ольгѣ и подъ землею, конечно, разумѣютъ не землю въ тѣсномъ смыслѣ слова, а волость Древлянскую, какъ политическое цѣлое.

Въ лѣтописи подъ 1190 годомъ читаемъ:

«Бяшеть Святославу (кіевскому князю) тяжа съ Рюрикомъ и съ Давыдомъ (смоленскими) и Смоленскою землей

[1]) Въ Обозрѣніи исторіи русскаго права проф. Владимірскаго-Буданова (вып. I), терминъ «земля» не метафора, а «форма общества, замѣнявшая государство во весь первый періодъ» (4). На стр. 4 эту особую форму, замѣнявшую государство, онъ называетъ «земскимъ государствомъ», но, къ сожалѣнію, не разъясняетъ, въ чемъ состоятъ свойства этого «земскаго государства» и чѣмъ оно отличается отъ государства вообще.

того дѣля и съ братіею (Ольговичами) совокупилъся бяшеть, како бы ему ся не съступить» (не уступить въ спорѣ). Ипат.

Споръ Святослава касался не лично только смоленскихъ князей, но и всей Смоленской земли въ смыслѣ особаго государства.

Въ этомъ-же смыслѣ употребляетъ слово «земля» и Русская Правда въ статьѣ о сводѣ:

«А изъ своего города въ чюжю землю свода нѣтуть». Тр. 35.

Но слово «земля» не всегда употребляется въ смыслѣ отдѣльнаго государства, оно обозначаетъ и просто извѣстную географическую мѣстность безъ всякаго отношенія къ государственному ея единству.

Въ этомъ смыслѣ употребляется нерѣдко выраженіе Русская земля.

«Бывшю же съвѣту всихъ князей во градѣ Кыевѣ, створиша съвѣтъ сице: «луче ны бы есть пріяти я (татаръ) на чюжей землѣ, нежели на своей». Тогда бо бѣахуть: Мстиславъ Романовичъ въ Кыевѣ, а Мстиславъ въ Козельскѣ и въ Черниговѣ, а Мстиславъ Мстиславовичъ въ Галичѣ: ти бо бяаху старѣйшины въ Русской земли; Юрія князя же великого суздальского не бы въ томъ съвѣтѣ». Ипат. 1224.

Въ томъ-же смыслѣ географическаго термина памятники говорятъ о Двинской землѣ и пр.

Возникаетъ вопросъ, какъ образовались эти древнѣйшія волости государства? Отвѣчать на него возможно только догадками. Существуетъ предположеніе о племенномъ происхожденіи волостей, т. е., каждое отдѣльное племя (поляне, древляне и пр.) составляло особую волость. Мысли этой посчастливилось, она получала значительное распространеніе среди нашихъ ученыхъ. У Соловьева читаемъ: «первоначально границы волостей соотвѣтствовали границамъ племенъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ началась дѣятельность князей Рюриковичей, это совпаденіе границъ было нарушено» (III, 24). По мнѣнію проф. Владимірскаго-Буданова, «племена, перечисляемыя въ начальной лѣтописи, суть земли — княженія». По Влади-

мірскій-Будановъ идетъ далѣе Соловьева, ибо допускаетъ, что эти племенныя земли—княженія «большею частью сохраняются и при князьяхъ Рюриковичахъ въ XI и XII вѣкахъ» (Обзоръ, I, 4).

Это мнѣніе отправляется, конечно, отъ того предположенія, что племена, перечисляемыя начальнымъ лѣтописцемъ, составляютъ каждое особую группу, имѣющую общее родовое происхожденіе. Племя, соединенное происхожденіемъ отъ общаго родоначальника, естественно, составляетъ одно цѣлое и поэтому образуетъ одну волость. Но такъ-ли это? Что такое племена, перечисляемыя лѣтописцемъ? Многія изъ нихъ получили свое имя отъ свойствъ занимаемой мѣстности. Поляне—жители полей, деревляне—жители лѣсной мѣстности; полочане названы по рѣкѣ Полотѣ, бужане—по рѣкѣ Бугу, дреговичи заимствовали имя свое отъ болотъ (дрегва—топь, трясина). Такія мѣстныя наименованія не даютъ повода предполагать родовое единство отдѣльныхъ племенъ и условливаемую этимъ единствомъ политическую ихъ цѣльность.

Переходя къ фактамъ, мы наблюдаемъ уже въ самое отдаленное время, о которомъ только разсказываетъ лѣтопись, несовпаденіе границъ племени съ границами волости. Призваніе варяговъ начальный лѣтописецъ приписываетъ: чуди, словѣнамъ и кривичамъ. Въ составъ Новогородской волости, значитъ, входятъ не только разныя славянскія племена, но и финскія, и это задолго до того времени, когда началась дѣятельность князей Рюриковичей. Съ другой стороны, одно и то же племя представляется раздѣленнымъ между многими волостями. Такъ Изборскъ, населенный кривичами, съ древнѣйшаго времени принадлежитъ къ волости Новогородской; но въ то-же время существуютъ кривичи, входящіе въ составъ двухъ другихъ волостей, Полоцкой и Смоленской, историческія судьбы которыхъ весьма различны.

Соотвѣтствіе границъ племени съ границами волости предполагаетъ, далѣе, совершенно мирное сожительство племенъ, благодаря чему каждое племя продолжаетъ составлять одно цѣлое, а не распадается на части. Могло-ли это быть? Это весьма сомнительно.

Лѣтописецъ, описывая нравы отдѣльныхъ племенъ, о древлянахъ говоритъ, что они жили «звѣриньскимъ образомъ» и «убивали другъ друга». Конечно, задолго до появленія князей Рюриковичей, были въ ходу всякаго рода насильственныя дѣйствія, грабежи, убійства, хищническія нападенія шайками и т. д. и не только между поселеніями разныхъ племенъ, но и среди единоплеменниковъ, какъ это и утверждаетъ лѣтописецъ.

Не на мирный характеръ первоначальныхъ людскихъ отношеній указываетъ и городовое устройство волости: это система укрѣпленныхъ мѣстъ. Въ виду весьма натуральной незамиренности племенъ въ началѣ ихъ историческаго поприща, укрѣпленія ставились для защиты не отъ иноплеменниковъ только, но и отъ соплеменниковъ. Допустить мирное и согласное участіе всего племени въ сооруженіи городовъ и въ созиданіи первоначальныхъ волостей очень трудно. Историкъ нашего древняго историческаго быта имѣетъ постоянно дѣло съ актами насилія; какъ допустить, что во времена доисторическія человѣческія отношенія (у тѣхъ-же племенъ) были обставлены иначе?

Скрытый отъ глазъ историка процессъ возникновенія первоначальныхъ волостей совершался, надо думать, медленно, но не мирно, а съ оружіемъ въ рукахъ. Города строились не цѣлымъ племенемъ, а группами предпріимчивыхъ людей, которые нуждались въ нихъ, какъ и въ XVI вѣкѣ, для береженія. Въ составъ этихъ группъ могли входить и люди разныхъ славянскихъ племенъ и даже иноплеменники; со славянами могли единиться чудь и меря. Жители такихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, при благопріятныхъ условіяхъ, могли стремиться къ расширенію своихъ владѣній и съ этою цѣлью захватывать чужія земли и подчинять себѣ разрозненное населеніе этихъ земель. Для «береженія» своихъ пріобрѣтеній имъ приходилось ставить пригороды. Такой способъ возникновенія волостей проглядываетъ и въ вышеописанной ихъ организаціи. Центръ волости—городъ, къ нему тянетъ земля, огражденная пригородами. Сила, создавшая такую волость, должна была выдти изъ города.

Возникшія въ борьбѣ живыхъ силъ волости и въ историческое время отличаются очень большой подвижностью. Границы ихъ не остаются неизмѣнными, и въ отношеніяхъ городовъ къ пригородамъ нерѣдко наблюдаются колебанія: новые города-пригороды возвышаются, иногда, до значенія старыхъ и даже, случается, затмеваютъ ихъ.

Это происходитъ въ силу дѣйствія различныхъ причинъ. Можно допустить, что тѣ-же причины, какія мы наблюдаемъ въ историческое время, вліяли и на доисторическое измѣненіе состава первоначальныхъ волостей.

Прежде всего здѣсь надо обратить вниманіе на естественный ростъ пригородовъ, какъ на одну изъ причинъ, существенно вліявшихъ на измѣненіе состава волости.

По происхожденію своему пригородъ есть зависимый и служебный по отношенію къ городу членъ волости. Но, находясь въ условіяхъ благопріятныхъ для своего дальнѣйшаго развитія, пригородъ можетъ сравняться силами со старымъ городомъ. При этомъ условіи строгая зависимость пригорода отъ города не можетъ болѣе имѣть мѣста. Городъ поневолѣ долженъ будетъ считаться съ волею пригорода. Въ волости могутъ, такимъ образомъ, возникнуть два старшихъ города; можетъ произойти и полное обособленіе пригорода въ отдѣльную волость; пригородъ можетъ, наконецъ, взять даже верхъ надъ городомъ. Въ случаѣ-же наличности особенно неблагопріятныхъ условій для главнаго города, имя его и совсѣмъ можетъ исчезнуть со страницъ исторіи и замѣниться именемъ новаго города.

Такъ именно случилось съ тѣмъ старымъ городомъ, по отношенію къ которому Новгородъ названъ Новымъ. Новгородская волость принадлежитъ къ древнѣйшимъ: лѣтописецъ относитъ ее къ «изначальнымъ», великій князь Всеволодъ Юрьевичъ называетъ ее (1206) «старѣйшею во всей Русской землѣ»; а между тѣмъ нельзя сомнѣваться, что эта волость образовалась на развалинахъ какой-то болѣе старой, самое имя которой не сохранилось.

Существенныя перемѣны въ составѣ Новогородской волости происходятъ и на глазахъ исторіи.

Первоначально Псковъ есть пригородъ Новгорода Великаго; пригородомъ остается онъ въ XIII и въ первой половинѣ XIV вѣка.

1270. Противъ Ярослава Ярославича, великаго князя Владимірскаго, «совокупися въ городъ (т. е. въ Новгородъ) вся власть Новгородская: и псковичи, и ладожане, и корела, и ижора, и вологжане, и идоша въ Голино отъ мала и до велика» (Лѣт. VII, 170).

Какъ старѣйшина, Новгородъ даетъ Пскову посадниковъ и другихъ мѣстныхъ правителей. Еще въ 1341 году псковичи сами обращаются къ Новгороду съ просьбой дать имъ намѣстника (Пск. I).

Но къ началу XII вѣка Псковъ достигаетъ такого развитія и такой силы, что въ состояніи дѣйствовать на свой страхъ и безъ согласія съ Новгородомъ. Въ первой половинѣ XII вѣка псковичи, иногда, сажаютъ у себя особаго отъ Новгорода князя; въ XIII вѣкѣ они вступаютъ въ самостоятельные договоры съ нѣмцами. Съ такой дѣйствительной силой нельзя было не считаться Новгороду; онъ съ ней, дѣйствительно, считается. Новгородцы начинаютъ называть псковичей «братьями». Это уже признакъ равенства. Въ 1223 г. они безъ согласія «своихъ братьевъ плесковичей» не пошли даже на Ригу, къ войнѣ съ которой побуждалъ ихъ князь Ярославъ. Въ 1347 году Новгородцы, наконецъ, признаютъ и полную самостоятельность Пскова:

«Того-же лѣта, егда идуще новогородцы къ Орѣховцу, даша жалованье городу Пскову: посадникамъ новогородскимъ въ Псковѣ не сѣдѣти, ни судити»... (Новог. III).

Такъ Псковъ выросъ въ самостоятельную волость и выдѣлился изъ старой новогородской.

Вторая причина, которая вела къ такому-же выдѣленію новыхъ волостей изъ старыхъ, заключалась въ князьяхъ.

Князья составляютъ необходимый элементъ каждой волости. Безъ нихъ нѣтъ достаточно твердой власти, и волость

безъ князя держаться не можетъ. Даже Новгородъ Великій безъ князя не обходится. Если ему отказывали въ князѣ, онъ говорилъ:

«Мы князя себѣ налѣземъ».

Князь такая-же необходимость для волости, какъ укрѣпленные города съ пригородами. Стоя во главѣ волости, князь носитъ титулъ «волостеля».

Владиміръ, галицкій князь, говоритъ о себѣ:

«Богъ поставилъ насъ волостелями въ месть злодѣямъ и въ добродѣтель благочестивымъ». Ипат. 1149.

Князь сажается народомъ на столъ въ главномъ городѣ волости. Вслѣдствіе этого главный городъ носитъ наименованіе стольнаго; а по званію князя — вся волость называется княженіемъ.

Весьма понятное стремленіе членовъ княжескаго рода, этихъ прирожденныхъ правителей, имѣть независимое отъ другихъ князей положеніе, ведетъ то къ соединенію, то къ дробленію первоначальныхъ волостей. Князь, у котораго была только одна волость, но нѣсколько сыновей, чувствуя приближеніе смерти, старшему сыну даетъ, обыкновенно, старшій городъ, пригороды же раздѣляетъ между сыновьями, но въ качествѣ самостоятельныхъ волостей.

Отъ этого дѣйствія раздѣленія отцомъ своихъ владѣній дѣтямъ произошло наименованіе «удѣла». Первыми удѣльными князьями являются, такимъ образомъ, сыновья Святослава Игоревича. Не смотря на это древнее происхожденіе удѣловъ, слово удѣлъ во всеобщее употребленіе входитъ не ранѣе второй половины XIV вѣка. Въ памятникахъ московскаго времени удѣлами называются какъ владѣнія младшихъ сыновей завѣщателя, такъ и владѣнія старшаго. Въ завѣщаніи Ивана Даниловича Калиты читаемъ: «а се сыномъ моимъ раздѣлъ учинилъ». Согласно съ этимъ, Семенъ, Андрей и Иванъ Ивановичи одинаково называютъ свои княженія удѣлами. Въ договорѣ, заключенномъ этими князьями, читаемъ:

«(А тобѣ, вел. князю, Семену Ивановичу, селъ въ) на-

шихъ удѣлѣхъ не купити, ни твоимъ бояромъ, ни слугамъ... (такоже и намъ не купити), ни нашимъ бояромъ, ни слугамъ въ твоемъ удѣлѣ».

Поэтому и великое княженіе Владимірское также называется удѣломъ. Великій князь Василій Васильевичъ, назначая старшему сыну своему великое княженіе Владимірское, называетъ его удѣломъ, какъ и владѣнія другихъ дѣтей своихъ:

«А которымъ дѣтямъ своимъ, читаемъ въ его духовной, села подавалъ, во чьемъ удѣлѣ нибуди ино того и судъ надъ тѣми селы, кому дано».

Князья не всегда бывали довольны тѣмъ, что получали отъ отцевъ. Кому удѣлъ казался недостаточнымъ (а едва ли было много князей, которые находили свои владѣнія достаточными), тотъ старался всѣми средствами увеличить его. Вслѣдствіе возникавшихъ изъ такого порядка вещей войнъ пригороды отдѣлялись отъ той волости, къ составу которой принадлежали первоначально, и присоединялись къ другой; кіевскіе пригороды отходили къ Полоцку, Владиміру, черниговскіе и переяславскіе—къ Кіеву и т. д. А съ другой стороны, отдѣльныя волости соединялись въ новое цѣлое.

При такомъ рѣзаніи по живому тѣлу исторически сложившихся волостей, иногда слышится протестующій голосъ населенія старшихъ городовъ, которое, натурально, стоитъ за единство своей волости. Но нельзя сказать, чтобы дробленіе, совершаемое въ чисто-княжескихъ интересахъ, не находило сочувствія и въ населеніи. Младшіе города нерѣдко тяготились зависимостью отъ старшихъ и рады были имѣть своего князя и сдѣлаться центромъ хотя и небольшой, но самостоятельной волости.

Каждая волость имѣла, такимъ образомъ, свою исторію; но по скудости нашихъ источниковъ полная исторія волостей едва-ли можетъ быть когда-либо написана. Что волости имѣли свою исторію и что дѣятелями ея были не только князья, но и населеніе, въ этомъ не можетъ, однако, быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Въ доказательство нашей мысли дадимъ нѣсколько страничекъ изъ исторіи Ростовской волости.

Возникновеніе и первоначальная исторія этой волости вовсе не освѣщены источниками. Есть, однако, основаніе думать, что на зарѣ нашей исторіи Ростовъ принадлежалъ къ составу Новгородской волости. На эту мысль наводитъ то обстоятельство, что Ростовъ упоминается въ числѣ городовъ, которые были розданы Рюрикомъ, первымъ новогородскимъ княземъ, имя котораго извѣстно нашей лѣтописи, мужамъ своимъ въ кормленіе:

«По дву же лѣту Синеусъ умре и братъ его, Труворъ' и прія власть Рюрикъ и раздая мужемъ своимъ грады: овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ градомъ суть находницы варязи, а перьвіи насельницы въ Новѣгородѣ Словѣне, Польтьски Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣозерѣ весь, въ Муромѣ мурома. И тѣми всѣми обладаше Рюрикъ». Лавр. 862.

Но затѣмъ возникаетъ вопросъ, какую роль играли перечисляемые лѣтописцемъ города въ составѣ Новогородской волости, были-ли они старинными пригородами Новагорода, или составляли новое пріобрѣтеніе первыхъ князей? Краткость первоначальной лѣтописи не даетъ основаній для положительнаго рѣшенія этого вопроса. Можно допустить и то и другое. Но послѣднее предположеніе кажется болѣе вѣроятнымъ для Полоцка, Ростова и Мурома. Преемникъ Рюрика, Олегъ, не остался въ Новгородѣ, онъ перешелъ на югъ, въ Кіевъ. Въ какомъ отношеніи находилась къ нему обширная, но оставленная имъ Новогородская волость, это не очень ясно. Краткое лѣтописное извѣстіе о первомъ мирѣ его съ греками перечисляетъ города, на которые греки обязались давать уклады:

«И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 кораблій по 12 гривнѣ на ключь, и потомъ даяти уклады на русскіе городы: первое на Кіевъ, тоже и на Черниговъ, и на Переяславль, и на Полътескъ, и на Ростовъ и на Любечь и на прочая городы, по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья, подъ Ольгомъ суще». Лавр. 907.

Новгородъ въ этомъ перечисленіи не упомянутъ. Правда, лѣтописецъ не перечисляетъ всѣхъ городовъ, но трудно допустить, что, назвавъ новогородскіе города, Ростовъ и Полоцкъ, онъ опустилъ самый главный, Новгородъ, и разумѣетъ его подъ выраженіемъ «и прочіе грады». Надо, кажется, заключить, что Новгородъ не былъ въ числѣ городовъ, на которые выговорена греческая дань и, конечно, потому, что власть Олега не простиралась на этотъ городъ. Ростовъ же и Полоцкъ имѣли князей, состоявшихъ въ зависимости отъ Олега. Эти два города, значитъ, обособились уже отъ Новгорода. Они важные пункты, ибо имѣютъ своихъ князей. Когда же они успѣли сдѣлаться важными, если еще въ 862 году они были столь незначительными пригородами, что лѣтописецъ ихъ вовсе не упоминаетъ и братьевъ Рюрика сажаетъ не въ Ростовѣ и Полоцкѣ, а въ Бѣлоозерѣ и въ Изборскѣ? Вотъ это-то обстоятельство и заставляетъ думать, что въ 862 году они не входили еще въ составъ Новогородской волости, какъ пригороды новогородскіе, а были самостоятельными городами, присоединенными къ Новгороду уже при Рюрикѣ и его братьяхъ. Это предположеніе находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе и въ томъ обстоятельствѣ, что племя Меря, населявшее Ростовскую волость, не упомянуто въ числѣ племенъ, принимавшихъ участіе въ призваніи варяговъ. Если же Ростовъ не былъ до Рюрика пригородомъ Новгорода, то еще труднѣе допустить, что имъ былъ Муромъ, отдѣленный отъ Новгорода Ростовской волостью.

Источники нашей древнѣйшей исторіи очень не полны, а выраженія лѣтописца не достаточно опредѣленны. О древнѣйшихъ событіяхъ возможны, поэтому, иногда только догадки

Какъ бы то ни было, былъ-ли Ростовъ изначала пригородомъ Новгорода, или присоединенъ къ нему при Рюрикѣ и его братьяхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ началѣ X вѣка онъ центръ самостоятельной волости и имѣетъ своего особаго князя. Въ волости этой могли быть и другіе города, но Ростовъ былъ старѣйшимъ, его имя приводится раньше всѣхъ другихъ городовъ. Позднѣйшіе лѣтописцы, разсказывая о

политическихъ событіяхъ въ предѣлахъ этой волости, на первомъ мѣстѣ, обыкновенно, ставятъ ростовцевъ; жители другихъ городовъ волости упоминаются ими всегда послѣ ростовцевъ.

Въ концѣ XII вѣка Всеволодъ Юрьевичъ, въ переговорахъ своихъ съ княземъ Мстиславомъ, называетъ жителей Ростова «старѣйшей дружиной», а такой эпитетъ, обыкновенно, придается жителямъ старшаго города волости.

Но съ половины XII вѣка въ предѣлахъ этой волости, рядомъ съ Ростовомъ, начинаетъ обозначаться и другой сильный городъ, Суздаль. Князь Ростовской волости, Юрій Владиміровичъ, живетъ чаще въ Суздалѣ, чѣмъ въ Ростовѣ *). Резиденція князя начинаетъ, такимъ образомъ, обособляться отъ старшаго города. Хотя Юрій былъ посаженъ на столъ не въ Суздалѣ, а въ Ростовѣ (Лавр. 1157), но на дѣлѣ его стольнымъ городомъ былъ Суздаль.

Возникающее преобладаніе Суздаля, какъ и всякаго города, есть прежде всего результатъ энергіи его жителей. Во время войны родныхъ братьевъ, ростовскаго князя, Константина Всеволодича, съ суздальскимъ, Юріемъ, приближенные Юрія такими рѣчами стараются удержать его отъ уступокъ брату:

«Не было сего ни при прадѣдахъ вашихъ, ни при дѣдахъ, ни при отцахъ, что бы кто вступилъ ратью въ землю Суздальскую и вышелъ бы цѣлъ».

Суздальцы, значитъ, сознаютъ свою силу; силу эту признаютъ и князья, ихъ противники. Князь Мстиславъ Новгородскій, союзникъ Константина, приготовляя полки свои къ бою съ суздальцами, обратился къ нимъ съ такою рѣчью:

«Се братіе! вошли есмя въ землю сильну, да позря на Бога, станемъ крѣпко, не озираюшеся назадъ, побѣгше бо, не уйдти».

*) По миру, заключенному въ 1151 г. съ племянникомъ, Изяславомъ, Юрій отказывался отъ обладанія Кіевомъ и обязывался удалиться въ «свой Суздаль». Ипат. Ср. еще Лавр. 1159 года. Безадникъ приведенъ изъ Суздаля.

Фактъ постояннаго пребыванія князя въ городѣ не могъ не вліять благотворно на его развитіе. Князья обыкновенно, украшали свои города постройками, обогащали ихъ монастыри и церкви подарками изъ своего многоимѣнія, жителямъ же роздавали доходныя должности. Овладѣвъ Кіевомъ въ 1155 г., Юрій окружилъ себя тамъ не ростовцами, а суздальцами, и имъ роздалъ кормленія по городамъ и селамъ. Суздаль былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ не одному себѣ, но и князю, Юрію Долгорукому, который предпочелъ его старшему Ростову.

Такимъ образомъ, къ концу XII вѣка въ Ростовской волости образовались два старшихъ города. Лѣтописецъ не умѣлъ примѣниться къ этому новому и не совсѣмъ обычному факту. Сказавъ, что изначала во всѣхъ волостяхъ жители сходились на вѣча, и на чемъ рѣшали старѣйшіе, на томъ становились и молодшіе, онъ продолжаетъ такъ:

«А здѣ (въ Ростовской волости) городъ старый, Ростовъ и Суздаль, и вси боляре, хотяще свою правду поставити, не хотяху створити правды Божія, но «какъ намъ любо» рекоша, «такоже створимъ, Володимеръ пригородъ нашь»...

Выходитъ, что Ростовъ и Суздаль—составляютъ какъ бы одинъ старшій городъ, Владиміръ же есть ихъ общій пригородъ! Такъ живуча идея о единомъ городѣ въ волости Хотя Ростовъ всегда занимаетъ первое мѣсто, но въ виду того, что Суздаль стольный городъ, стали иногда и всю волость называть «Суздальской» (Ипат., стр. 91 и 144).

Чувствуя приближеніе смерти, Юрій возымѣлъ намѣреніе оставить свою обширную волость двумъ сыновьямъ, Михаилу и Всеволоду, и получилъ на это согласіе жителей волости, которые цѣловали ему въ томъ крестъ. Въ этомъ фактѣ надо видѣть случай перваго раздѣленія Ростовской волости на двѣ части, состоявшееся по желанію князя и съ согласія народа.

Но у Юрія было не два сына, а девять, да еще два внука отъ умершаго при его жизни сына, Ростислава. Отъ чего же они ничего не получили? Не отъ того, конечно, что Ростовская волость не могла прокормить большаго числа князей

Можно думать, что дальнѣйшее дробленіе встрѣтило сопротивленіе въ «старѣйшихъ» волости; дѣленіе же на двѣ части было принято въ виду существованія двухъ одинаково сильныхъ городовъ, Ростова и Суздаля, между которыми и должно было произойдти размежеваніе прежде не раздѣльной волости.

Но даже и это дѣленіе на двѣ части не очень соотвѣтствовало вкусамъ «старѣйшихъ» волости. Оно было принято ими, пока былъ живъ князь Юрій, и немедленно нарушено, какъ только онъ умеръ.

«Того же лѣта, говоритъ лѣтописецъ, ростовцы и суздальцы, сдумавше вси, пояша Андрея, сына его (Юрія) старѣйшаго, и посадиша и въ Ростовѣ на отни столѣ и Суздали, занеже бѣ любимъ всѣми за премногую его добродѣтель, юже имяше преже къ Богу и ко всѣмъ сущимъ подъ нимъ». Лавр. 1157.

Такимъ образомъ, волею старшихъ городовъ было возстановлено единство Ростовской волости. Андрей былъ избранъ единымъ княземъ для всей волости и, по старинѣ, посаженъ «на отни столѣ» въ Ростовѣ. Въ этомъ возстановленіи «отеческаго стола» въ Ростовѣ нельзя не усматривать въ происшедшемъ переворотѣ преобладающей роли жителей старшаго города, Ростова.

Съ первенствующею дѣятельностію ростовскихъ бояръ мы встрѣтимся и въ дальнѣйшей исторіи Ростовской волости.

Князь Андрей, избранникъ старшихъ городовъ, княжившій въ Ростовской волости безъ малаго 18 л. и оказавшій сильное вліяніе на ходъ дѣлъ всей русской земли, не жилъ однако ни въ Ростовѣ, ни въ Суздалѣ. Любимымъ мѣстопребываніемъ его былъ пригородъ Владиміръ и недалеко расположенное отъ него село Боголюбово *).

Это второй случай несовпаденія стольнаго города со старшимъ. Старшимъ городамъ на этотъ разъ былъ предпочтенъ совсѣмъ новый, пригородъ Владиміръ.

*) Въ Суздалѣ посадничалъ сынъ его, Мстиславъ, который и былъ отправленъ имъ изъ этого города въ походъ на Кіевъ.

Какая причина этого передвиженія ростовскихъ князей изъ старыхъ городовъ въ новые? Очевидно, въ старыхъ городахъ было что-то такое, что не нравилось князьямъ, даже избранникамъ старыхъ городовъ. Не имѣя силъ передѣлать эти непріятные имъ порядки, князья уходятъ въ новые города, гдѣ, по всей вѣроятности, непріятные имъ элементы были слабѣе. Въ старомъ Ростовѣ было немало сильныхъ людей, бояръ, которые, естественно, стремились заправлять всѣми дѣлами волости. Отъ нихъ-то, надо думать, ушелъ Юрій въ Суздаль. Но, по всей вѣроятности, бояре успѣли развестись и въ Суздалѣ, и вотъ сынъ Юрія, Андрей, бѣжитъ во Владиміръ къ «мезиніимъ» людямъ владимірцамъ. Князья не въ силахъ еще мѣнять существующіе порядки, они могутъ только бѣжать отъ того, что имъ не нравится. Но примѣръ Андрея показываетъ, какъ трудно было убѣжать отъ старыхъ порядковъ, не возстановляя противъ себя всего населенія. Онъ избранъ на ростовскій и суздальскій столъ потому, что былъ «прелюбимъ» всѣми, умеръ же всѣми оставленный. Князь Андрей палъ жертвою мести отъ руки брата казненнаго имъ Кучковича Но смерть князя не нашла себѣ мстителя. Убійцы одно время опасались, что мстители придутъ изъ Владиміра. Чтобы склонить ихъ на свою сторону, они вступили съ владимірской дружиной въ переговоры. Владимірцы, правда, не стали на сторонѣ убійцъ, но и не взяли на себя защиты убитаго; они даже не позаботились о похоронахъ князя. Даже духовенство не явилось отдать ему послѣдняго долга. Три дня лежало тѣло князя, запертое въ божницѣ, безъ обычнаго молитвеннаго пѣнія. Только на третій день по убійствѣ пришелъ Арсеній, игуменъ св. Козьмы и Демьяна, и приступилъ къ отпѣванію, говоря: «Долго-ли намъ ждать старѣйшихъ игуменовъ, и долго-ли сему князю лежати? Отомкните божницу, да отпою надъ нимъ».

Равнодушіе лучшихъ людей къ смерти князя понятно. Онъ самъ ушелъ отъ нихъ и окружилъ себя людьми новыми. Ближайшимъ человѣкомъ къ себѣ онъ сдѣлалъ Анбала, ключника: это пришлецъ въ ростовской волости, возвышен-

ный княземъ изъ ничтожества. Ему-то, разсказываетъ лѣтописецъ, Андрей «далъ волю надо всѣмъ». Насколько князь плохо зналъ окружавшихъ его людей, видно изъ отношенія къ нему этого любимца его, Анбала: этотъ всѣмъ ему обязанный человѣкъ оказался въ числѣ убійцъ своего благодѣтеля. По всей вѣроятности, выборъ мѣстныхъ судей и правителей былъ также неудаченъ. Смерть князя была сигналомъ къ избіенію посадниковъ и тіуновъ по всей волости и къ грабежу домовъ ихъ. Все населеніе было недовольно: лучшіе люди тѣмъ, что князь пренебрегъ ими; меньшіе—тѣмъ, что новые любимцы не оправдали довѣрія князя.

Къ исходу XII в., въ Ростовской волости рядомъ со старыми городами, Ростовомъ и Суздалемъ, дѣлаются замѣтными и два новыхъ: Владиміръ и Переяславль. Владиміръ обязанъ своимъ возвышеніемъ долговременному пребыванію въ немъ князя Андрея.

По смерти кн. Андрея, единство Ростовской волости снова выразилось въ томъ, что ростовцы, суздальцы и переяславцы съѣхались у Владиміра для общаго избранія новаго князя. Съѣздъ старшихъ городовъ у Владиміра свидѣтельствуетъ уже о значительной силѣ этого пункта. Въ это время, очевидно, не было въ Ростовской волости города, который настолько возвышался бы надъ другими, чтобы взять на себя одного избраніе князя для всей волости. Не могли этого сдѣлать и два старшихъ города вмѣстѣ. Рядомъ съ ними, въ 18-лѣтнее княженіе Андрея, образовалась новая сила, городъ Владиміръ, которую нельзя было игнорировать. И вотъ, оба старшіе города съ новымъ Переяславлемъ съѣзжаются у Владиміра. При этихъ измѣнившихся обстоятельствахъ, ростовцы не потерялись, однако, въ массѣ, они съумѣли стать во главѣ общаго дѣла.

Ростовцы не ждутъ, когда другіе города заговорятъ объ избраніи князя и обратятся къ нимъ; они сами ѣдутъ ко Владиміру. Имъ принадлежитъ, по всей вѣроятности, починъ дѣла, имъ же и исполненіе. Они дѣлаютъ необходимыя распоряженія для пріема вновь избранныхъ князей. «По повелѣнію

ростовцевъ», говоритъ лѣтописецъ, полторы тысячи владимірцевъ отправились для ихъ почетной встрѣчи. Преобладающая роль ростовцевъ ясно обнаруживается и изъ послѣдовавшихъ за избраніемъ событій.

Самое избраніе имѣетъ значеніе съ той точки зрѣнія, что избиратели не считали себя обязанными руководствоваться родственными отношеніями избираемыхъ князей къ умершему. У князя Андрея остался сынъ. Объ немъ была рѣчь, но его не избрали: онъ показался слишкомъ молодъ. Не избрали также и братьевъ умершаго, хотя на нихъ и цѣловали крестъ отцу ихъ, Юрію. Избраніе состоялось подъ вліяніемъ желанія угодить Глѣбу, князю сосѣдней Рязанской волости, и отнять у него предлогъ къ нападенію на Ростовскую землю, воспользовавшись междукняжіемъ. Избрали Ростиславичей, внуковъ Юрія, братьевъ жены рязанскаго князя. Очевидно, Ростовская волость не составляла собственности потомковъ Всеволода Ярославича, не смотря на то, что они княжатъ тамъ цѣлое уже столѣтіе.

Ростовцы, суздальцы, владимірцы и переяславцы выбрали не одного князя, а двухъ: Мстислава и Ярополка Ростиславичей, внуковъ Юрія, отецъ которыхъ умеръ прежде Долгорукаго и самъ никогда не былъ владѣтельнымъ княземъ. Въ этомъ избраніи двухъ князей не слѣдуетъ видѣть желаніе населенія раздѣлить обширную Ростовскую волость на двѣ самостоятельныхъ части, хотя нѣкоторые списки лѣтописей и говорятъ, что Ростиславичи р а з д ѣ л и л и волость Ростовскую. Есть основаніе думать, что ростовцы хотѣли имѣть во Владимірѣ не самостоятельнаго князя, а своего посаженика, и такимъ образомъ господствовать во всей волости чрезъ избранныхъ ими князей. Даже сами владимірцы, у которыхъ былъ посаженъ князь Ярополкъ, не смотрѣли на себя какъ на отдѣльное цѣлое. Когда среди нихъ возникло недовольство управленіемъ Ярополка, они обращаются съ жалобой къ ростовцамъ и суздальцамъ, какъ къ высшей инстанціи. Призваніе двухъ князей не было, слѣдовательно, раздѣленіемъ Ростовской волости на двѣ; подъ нимъ скрывалось господство во всей во-

лости старыхъ центровъ, Ростова и Суздаля, а въ нихъ лучшихъ людей—бояръ.

Но Ростиславичи не одни пріѣхали княжить въ Ростовскую волость Приглашеніе нашло ихъ въ гостяхъ у черниговскаго князя, Святослава. Тамъ же гостили съ ними и двое дядей ихъ, Михалко и Всеволодъ Юрьевичи. Переговоривши между собой, князья рѣшили, что въ Ростовской волости найдется мѣсто для всѣхъ четырехъ, и утвердились крестнымъ цѣлованіемъ на томъ, что ѣхать имъ всѣмъ четыремъ; на Михалку же возложили старѣйшинство. Впередъ поѣхали Михалко и Ярополкъ.

Непрошенные гости встрѣчены были въ ростовской землѣ съ очень различными чувствами. Ростовцамъ прибытіе ихъ не понравилось. Это понятно: чѣмъ больше князей, тѣмъ меньше прибыли сильнымъ людямъ. Они «негодовали» по поводу пріѣзда Юрьевичей; даже къ своему избраннику, Ярополку, отнеслись они крайне сурово. Вмѣсто того, чтобы встрѣтить его съ честью и посадить на столѣ, они обратились къ нему съ грубымъ приказаніемъ ѣхать въ Переяславль. Эта встрѣча сильно смутила Ярополка, онъ даже забылъ о своемъ утвержденіи съ Михалкой, и украдкой, никому не сказавшись, уѣхалъ, куда его послали. Михалкѣ ростовцы велѣли подождать въ Москвѣ, не двигаясь далѣе въ предѣлы волости.

Но Михалко не былъ такъ кротокъ, какъ Ярополкъ. Онъ зналъ, по всей вѣроятности, внутреннія дѣла Ростовской волости и сейчасъ же сообразилъ, гдѣ можно найдти сторонниковъ. Не засиживаясь въ Москвѣ, онъ поѣхалъ во Владиміръ. Остававшіеся въ городѣ владимірцы (1500 человѣкъ выѣхали для встрѣчи князей) впустили его въ крѣпость и затворились съ нимъ. 18 лѣтъ соперничества со старшими городами вполнѣ объясняютъ этотъ поступокъ: владимірцы рады были имѣть самостоятельнаго князя, а не посаженика ростовскаго.

Ростовцы, какъ мы уже знаемъ, далеки были отъ мысли допустить самостоятельность Владиміра: они направились на Михалку со всею силою ростовской земли и съ полками своихъ союзниковъ, муромцевъ и рязанцевъ. Много зла сдѣлали

они владимірцамъ, но города не взяли, а только голодомъ принудили осажденныхъ отказаться отъ забѣжавшаго къ нимъ князя. Посовѣтовавъ Михалкѣ оставить городъ, владимірцы со крестами вышли къ осаждавшимъ князьямъ, Мстиславу и Ярополку, и утвердились съ ними крестнымъ цѣлованіемъ.

«Не противъ Ростиславичей они бились, поясняетъ лѣтописецъ, а не желая покориться ростовцамъ и суздальцамъ»...

Но сами князья покорились ростовцамъ: противъ Михалки воевали оба Ростиславича, а они цѣловали крестъ быть съ нимъ заодно и признали даже его старѣйшинство. По удаленіи Михалки, владимірцы должны были посадить у себя Ярополка; Мстислава же ростовцы «съ радостью великою» посадили въ Ростовѣ. Ростовъ снова сдѣлался стольнымъ городомъ: Ярополкъ былъ только посадникомъ ростовцевъ во Владимірѣ.

Владимірцы покорились ростовцамъ и единство волости снова возстановлено.

Но Ростиславичи слушались во всемъ бояръ, бояре же учили ихъ «на многое иманіе». Ярополкъ обобралъ золото и серебро, принадлежавшія церкви св. Богородицы во Владимірѣ, и лишилъ ее тѣхъ доходовъ, которыми она богато была надѣлена кн. Андреемъ; посадники же его обременяли народъ безмѣрными продажами и вирами. Это вызвало сильное неудовольствіе среди владимірцевъ Они стали собираться на сходки, на которыхъ слышались и такія рѣчи:

«Мы есмы волная князя пріяли къ себѣ, крестъ цѣловали на всемъ, а си аки не свою волость творита, яко не творячеся у насъ сѣдѣти, грабита не токмо волость всю, но и церкви; а промышляйте, братье»!

Но Владиміръ не составлялъ самостоятельной волости, онъ былъ пригородомъ Ростова и Суздаля и получилъ князя изъ рукъ ихъ. Согласно съ этимъ владимірцы рѣшили послать въ Ростовъ и Суздаль «являюче имъ обиду свою». Но жители старшихъ городовъ только на словахъ раздѣляли неудовольствіе владимірцевъ, на дѣлѣ-же ростовскіе и суздаль-

скіе бояре крѣпко держались Ростиславичей, дѣйствовавшихъ въ ихъ интересахъ и по ихъ внушенію. Предоставленные самимъ себѣ владимірцы рѣшились на свой страхъ прогнать Ярополка и снова призвать къ себѣ Михалку:

«Либо Михалка князя себѣ налѣземъ, а либо головы свои положимъ за Святую Богородицю и за Михалка». Лавр.

Такъ возгорѣлась новая война между Ростовомъ и Владиміромъ, кончившаяся торжествомъ новаго города, Владиміра, подъ главенствомъ котораго снова соединилась вся древняя Ростовская волость, получившая съ этого времени наименованіе Володимерской.

Хотя призванный владимірцами Михалко былъ уже боленъ и не могъ сидѣть на конѣ (его несли на носилкахъ), но полкамъ его удалось одержать побѣду надъ противниками: Мстиславъ бѣжалъ въ Новгородъ, а Ярополкъ — въ Рязань. Михалко занялъ Владиміръ. Вслѣдъ за этимъ онъ былъ признанъ и народною партіею въ Суздалѣ, которая вину сопротивленія складывала на бояръ, говоря:

«Мы на полку со Мстиславомъ не были, съ нимъ были бояре, на насъ сердца не держи».

За Суздалемъ покорился Ростовъ. Князь объѣхалъ всѣ главнѣйшіе города, вездѣ сотворилъ людямъ нарядъ и утвердился съ ними крестнымъ цѣлованіемъ. Самъ Михалко сѣлъ въ Володимерѣ, а брата Всеволода посадилъ въ Переяславлѣ. На этотъ разъ совершенно уже ясно, почему оба князя сѣли въ новыхъ городахъ, а не старыхъ, гдѣ преобладала противная имъ боярская партія.

Старые города, Ростовъ и Суздаль, потеряли свое главенство и стали управляться посадниками изъ Владиміра.

Былъ-ли Всеволодъ посадникомъ Михалки въ Переяславлѣ, или самостоятельнымъ княземъ отдѣльной волости, выдѣленной для него, объ этомъ нельзя сказать ничего положительнаго. Да это вопросъ и не существенный, такъ какъ самое сидѣніе его тамъ продолжалось очень недолго. Въ іюнѣ слѣдующаго года (1177), Михалко скончался, а на его мѣсто владимірцы призвали Всеволода изъ Переяславля.

Ростовцы нашли этотъ моментъ удобнымъ для возстановленія своего преобладанія. Но для этого имъ былъ нуженъ свой князь, и вотъ, получивъ извѣстіе о смерти Михалки, они спѣшатъ отправить посольство къ Мстиславу съ приглашеніемъ занять ростовскій столъ:

«Поиди вборзѣ,—говорили послы ихъ Ростиславичу,—Михалко преставился, а мы хотимъ тебе, а иного не хотимъ ни которого князя».

Пріѣхавъ въ Ростовъ, Мстиславъ немедленно выступилъ съ войскомъ ко Владиміру.

Весьма характерны переговоры, происходившіе между противниками передъ началомъ враждебныхъ дѣйствій. Всеволодъ, безъ малаго 18 лѣтъ жившій по чужимъ угламъ и ровно ничѣмъ не владѣвшій до приглашенія брата его на владимірскій столъ, не прочь былъ подѣлиться со Мстиславомъ Ростовской волостью. Желая отклонить войну, исходъ которой былъ въ руцѣ Божіей, онъ послалъ сказать своему противнику:

«Брате! аже привели тя старѣйшая дружина, то поиди къ Ростову, да оттолѣ міръ возмевѣ: Ростовъ буди тебѣ, привели бо тя къ себѣ ростовцы и бояре, а Володимеръ мнѣ, зане привели меня Владимерцы, а Суздаль буди намъ общь, кого восхотять, то имъ буди князь».

Иначе взглянули на дѣло ростовцы. Имъ дорого было единство Ростовской волости и они вовсе не хотѣли дѣлежа. Передовые изъ нихъ говорили Мстиславу:

«Аще ты міръ даси ему (т. е. на предложенныхъ условіяхъ), но мы не дадимъ».

Лѣтопись сохранила и имена двухъ заправилъ ростовскихъ. Это были: Добрыня Долгій и Матеушъ Бутовичъ *).

Намъ не въ первый разъ приходится указывать на то, что единство Ростовской волости поддерживается боярами двухъ старыхъ городовъ. Мы вовсе не желаемъ навязывать

*) Въ другомъ мѣстѣ Воскр. лѣт. сохранила имена еще слѣдующихъ думцевъ Мстислава Ростиславича: Борисъ Жидиславичъ, Ольстынъ и Дѣдилецъ (1177, 94).

Добрынѣ Долгому съ товарищами дальновидныхъ политическихъ плановъ. Они дѣйствовали прежде всего въ личномъ своемъ интересѣ, но съ этимъ личнымъ интересомъ легко вязались и важныя политическія послѣдствія: образованіе крупной недѣлимой волости. Личные же интересы князей того времени, наоборотъ, стояли гораздо далѣе отъ этой цѣли: взаимное соперничество и забота о дѣтяхъ наталкиваютъ ихъ постоянно на дробленіе. Будетъ однако односторонне объяснять стремленіе лучшихъ людей Ростовской волости къ единству одними ихъ эгоистическими побужденіями. Невыгоды многокняжія съ неизбѣжнымъ его послѣдствіемъ—борьбою князей—были такъ очевидны, что лучшіе люди могли желать единства волости и для блага земли.

Мстиславъ послушался своихъ бояръ. Но въ послѣдовавшей затѣмъ битвѣ (1177) счастье оказалось на сторонѣ владимірцевъ. Ростовцы были разбиты, Добрыня Долгій убитъ; вмѣстѣ съ нимъ палъ и другой бояринъ, Иванка Стефановичъ; остальные были взяты въ плѣнъ. Села ростовскихъ бояръ были до такой степени разграблены, что въ нихъ, по выраженію лѣтописи, ничего не осталось. Послѣдующая участь плѣненныхъ бояръ намъ неизвѣстна; но ростовцы потерпѣли столь сильное пораженіе на Юрьевскомъ полѣ, что, во все княженіе Всеволода, они были уже не въ силахъ снова возбудить борьбу изъ-за своего преобладанія.

Въ борьбѣ старыхъ городовъ съ новымъ, Владиміръ не былъ предоставленъ только собственнымъ силамъ. Есть основаніе думать, что на его сторонѣ былъ и другой пригородъ, Переяславль.

Восторжествовавъ при помощи владимірцевъ, Всеволодъ и управлять долженъ былъ, прислушиваясь къ ихъ вкусамъ, подобно тому, какъ Ростиславичи управляли, слушаясь бояръ. Лѣтопись сохранила нѣсколько случаевъ вмѣшательства владимірцевъ въ управленіе князя. Ихъ немного, и всѣ они относятся къ моментамъ крайняго возбужденія народа. Этимъ, можетъ быть, и надо объяснить то, что лѣтописецъ обратилъ на нихъ вниманіе и спасъ отъ забвенія. Въ такихъ крайнихъ

случаяхъ владимірцы приходятъ на княжъ дворъ и съ шумомъ и крикомъ предъявляютъ князю свои требованія. Такъ случилось, напримѣръ, въ самый годъ побѣды на Юрьевскомъ полѣ. Разбитые Ростиславичи обратились за помощью къ шурину своему, рязанскому князю, Глѣбу. Онъ, дѣйствительно, вторгнулся въ Володимірскую волость, но былъ разбитъ и попался въ плѣнъ вмѣстѣ съ Мстиславомъ Ростиславичемъ и многими изъ дружины. Всеволодъ кротко обошелся съ плѣнниками: онъ держалъ ихъ во Владимірѣ на свободѣ. Владимірцы нашли это опаснымъ, такъ какъ «лиходѣи» ихъ, ростовцы и суздальцы, были близко. Они потребовали, чтобы князь либо казнилъ плѣнниковъ, либо ослѣпилъ, либо имъ выдалъ. Всеволодъ, чтобы дать время успокоиться волненію, заключилъ плѣнниковъ, въ тюрьму; но этимъ не достигъ цѣли. Чрезъ нѣсколько дней, «людіе» во множествѣ и съ оружіемъ собрались на княжъ дворъ, требуя ослѣпленія. Воскр. лѣтопись разсказываетъ, что Ростиславичи были, дѣйствительно, ослѣплены, а Глѣбъ Рязанскій лишился жизни. Сузд. лѣтописецъ, описывая тѣ же событія, въ числѣ людей, приходившихъ на княжъ дворъ, называетъ бояръ и вельможъ. Во Владимірѣ, куда бѣжалъ Андрей отъ ростовскихъ и суздальскихъ бояръ, успѣли уже развестись свои собственные бояре.

Въ 1177 году князь осаждалъ Торжокъ, но онъ не хотѣлъ брать его на щитъ. Это не понравилось дружинѣ. Думаемъ, что она состояла изъ тѣхъ же владимірцевъ. «Мы не цѣловать ихъ пріѣхали, грубо говорила дружина князю, они лгутъ тебѣ и Богу», и съ этими словами бросилась на Торжокъ. Городъ былъ взятъ и сожженъ, имущество гражданъ разграблено, люди уведены въ плѣнъ.

Во все время продолжительнаго (35-лѣтняго) княженія Всеволода, Владиміръ неизмѣнно былъ его стольнымъ городомъ. Это окончательно и надолго упрочило за нимъ преобладаніе надъ старшими городами. Въ княженіе Всеволода, Владимірская волость, въ старыхъ границахъ Ростовской, достигаетъ наибольшей силы и развитія. Великій князь Всево-

лодъ является руководителемъ политики южныхъ и рязанскихъ князей. Въ Приднѣпровьи онъ пріобрѣтаетъ 5 новыхъ городовъ, ставитъ на Востри городъ Городецъ, а въ старинной отчинѣ своего дома, Переяславлѣ южномъ, сажаетъ сына Ярослава. Великій Новгородъ получаетъ князя изъ его рукъ.

Всеволодъ былъ послѣдній князь нераздѣльной Ростовской, при немъ Владимірской волости. Передъ смертью онъ дѣлитъ ее между сыновьями и установляетъ многокняжіе со всѣми его гибельными послѣдствіями. Мы не знаемъ, совѣщался-ли Всеволодъ, по примѣру своего отца, съ городами, или нѣтъ, но произведенный имъ дѣлежъ навсегда раздробилъ Владимірскую волость на нѣсколько самостоятельныхъ частей. Этотъ фактъ дробленія легко объясняется единовременнымъ существованіемъ въ волости нѣсколькихъ сильныхъ городовъ, ихъ застарѣлымъ соперничествомъ и весьма понятнымъ, поэтому, стремленіемъ къ самостоятельному политическому бытію.

Если дѣлежъ Всеволода и не вызвалъ сопротивленія въ населеніи старшихъ городовъ, тѣмъ не менѣе онъ далъ поводъ еще разъ высказаться мысли о недѣлимости Ростовской волости и съ той же стороны, съ которой она не разъ побѣдоносно проводилась прежде, со стороны старѣйшаго города Ростова. Еще за годъ до смерти, Всеволодъ, желая устроить своихъ сыновей, послалъ за старшимъ, Константиномъ, который посадничалъ въ Ростовѣ, и объявилъ ему, что онъ, по своемъ животѣ, даетъ ему Владиміръ, а второму сыну, Юрію, Ростовъ. Константинъ не согласился на это: онъ требовалъ Владиміра къ Ростову.

Дать Владиміръ къ Ростову, значитъ дать Владиміръ въ качествѣ пригорода Ростова. Это старыя, намъ извѣстныя уже притязанія ростовцевъ, которыми успѣлъ проникнуться князь Константинъ, посадничая въ Ростовѣ. Если бы Константинъ не поддался вліянію ростовцевъ, онъ долженъ бы былъ съ благодарностью принять предложеніе отца. Ему, какъ старшему, Всеволодъ давалъ лучшій и сильнѣйшій городъ, Владиміръ, и съ областью, значительно превышав-

шею участки другихъ братьевъ. Но Константинъ не смотритъ на владѣнія отца, какъ на частную собственность, которую хозяинъ можетъ дробить по усмотрѣнію: имъ владѣетъ мысль о недѣлимомъ политическомъ цѣломъ. Онъ стоитъ за нее наперекоръ своимъ личнымъ интересамъ. Это послѣдняя услуга, оказанная сѣверной Руси ростовскими боярами, отъ которыхъ старые ростовскіе князья бѣжали, какъ отъ враговъ своихъ.

Но и Всеволодъ не всѣмъ сыновьямъ своимъ далъ части въ своемъ княженіи. Послѣ него осталось шесть сыновей, участки же получили только четверо, двое же остались безъ всякаго надѣла. Очень можетъ быть, что это произошло не безъ нѣкоторой зависимости отъ числа существовавшихъ къ концу княженія Всеволода крупныхъ городовыхъ центровъ и ихъ взаимныхъ отношеній.

При преемникахъ Всеволода произошли дальнѣйшія дѣленія нѣкогда единой Ростово-Владимірской волости. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ ея образовались сперва княженія: Владимірское, Ростовское и Переяславское, а позднѣе: Суздальское, Тверское и Московское. Но и на этомъ не остановилось дробленіе: почти каждая изъ поименованныхъ волостей, въ свою очередь, раздѣлилась на нѣсколько болѣе мелкихъ.

Такой же процессъ дробленія происходитъ и въ другихъ волостяхъ: Кіевской, Черниговской, Смоленской, Полоцкой и проч. Чѣмъ болѣе развѣтвляется родъ Рюриковичей, тѣмъ болѣе усиливается процессъ разложенія первоначальныхъ волостей. Но начался онъ ранѣе всякой достовѣрной исторіи, а потому и нѣтъ для историка возможности опредѣлить, какія именно волости суть первоначальныя и какія образовались позднѣе изъ пригородовъ этихъ первоначальныхъ волостей. Такъ же нѣтъ возможности составить и списокъ городовъ и пригородовъ. Это величины постоянно мѣняющіяся.

Кромѣ княженія и удѣла, волости назывались еще отчинами князей. Отчина въ этомъ смыслѣ не однозначаща съ

современнымъ понятіемъ вотчины. Вотчина обозначаетъ собственность; отчина-же — княженіе есть ни что иное, какъ столъ отца, т. е. столъ, который занималъ нѣкогда отецъ извѣстнаго князя. Наименованіе отчиной усвояется каждой волости по отношенію къ дѣтямъ княжившаго тамъ князя и совершенно независимо отъ того удалось имъ добыть столъ отца по его смерти, или нѣтъ. Какъ волость отца по отношенію ко всѣмъ его дѣтямъ называется ихъ отчиной, такъ и князья-сыновья по отношенію къ волости отца называются отчичами и опять независимо отъ того, удалось имъ занять отчій столъ, или нѣтъ.

Въ этомъ смыслѣ Полоцкое княженіе называется отчиной Рогнѣды, дочери полотскаго князя Рогволода.

Разсказавъ объ отказѣ Рогнѣды вступить въ бракъ съ Владиміромъ, о послѣдовавшей за тѣмъ войнѣ, убійствѣ Рогволода, насильственномъ взятіи Рогнѣды Владиміромъ въ жены и, наконецъ, о покушеніи Рогнѣды на жизнь Владиміра, лѣтописецъ продолжаетъ:

«И созва (Влодиміръ) бояры и повѣда имъ (о покушенія Рогнѣды). Они же рѣкоша: уже не убій ея дѣтяти дѣло сего (Изяслава, сына Владиміра, рожденнаго Рогнѣдой), ни воздвигни о т ч и н у е я и дай ей съ сыномъ своимъ». Лавр. 131.

Въ 1139 году Всеволодъ Черниговскій ополчился противъ Андрея Переяславскаго, сына Владиміра Мономаха, желая передать его княженіе брату своему, а Андрея посадить въ Курскѣ.

«И Андрей тако рѣче, сдумавъ съ дружиною своею: лѣплѣе ми того смерть, а съ своею дружиною на своей вотчинѣ и на дѣдинѣ, нежели Курьское княженіе. Отецъ мой Курьскѣ не сидѣлъ, но въ Переяславли, и хочу на своей отчинѣ смерть пріяти. Оже ти, брате, всю землю Русскую держачи, а хочешь и сее волости, а убивъ мене, тобе то волость. А живъ не иду изъ своее волости! Обаче не дивно нашему роду, тако и преже было же, Святополкъ про волость же ци не уби Бориса и Глѣба? а самъ ци долго поживе?» Лавр.

Переяславль есть отчина и дѣдина Андрея, потому что

тамъ сидѣли его отецъ и дѣдъ. Вотъ почему она ему дорога, и онъ не хочетъ перемѣны. Княжескія же права его въ Курскѣ, конечно, были бы совершенно тѣ же, какими онъ пользовался и въ Переяславлѣ.

Въ этомъ смыслѣ и Новгородъ Великій не составляетъ исключенія, онъ тоже княжеская отчина.

«Тое же осени придоша Новгородци, лѣпшіѣ мужи, Мирошьчина чадь, къ великому князю Всеволоду съ поклономъ и съ мольбою всего Новагорода, рекуще: ты, господинъ, князь великій, Всеволодъ Гюргевичъ! Просимъ у тобе сына княжить Новугороду, за нѣ тобѣ о т ч и н а и д ѣ д и н а Новъгородъ». Лавр. 1200.

Какъ Андрей Переяславскій желаетъ остаться на своей отчинѣ, такъ новогородцы желаютъ имѣть княземъ своего отчича. Но называя себя отчиной Всеволода, они, конечно, очень далеки отъ мысли о томъ, что Новгородъ Великій есть его собственность.

«Того же лѣта князь Юрій Святославичъ да князь Олегъ Рязанскій пріидоша къ городу Смоленску (который занимали тогда поляки), а въ Смоленскѣ бысть въ то время мятежь и крамола: овіи хотяху Витовта, а друзіи о т ч и ч а своего» (т. е. Юрія Святославича, сына Святослава Ивановича, занимавшаго Смоленскій столъ до 1387 года). Воскр. 1401.

Обѣ партіи домогались посадить въ Смоленскѣ угоднаго имъ князя, а не собственника.

Въ этомъ же, конечно, смыслѣ и московскіе князья называютъ своей отчиной Москву и великое княженіе Владимірское, а не въ смыслѣ своей частной собственности.

Указанная выше практика дробленія волостей должна была ослабить изначальную зависимость пригородовъ отъ городовъ; а вмѣстѣ съ этимъ и самое слово пригородъ должно было выдти изъ употребленія и замѣниться словомъ городъ.

Эта перемѣна не во всѣхъ волостяхъ совершилась въ одно и то-же время. По весьма понятной причинѣ старые порядки всего болѣе держатся въ Новгородѣ и Псковѣ. Въ Кіевской же волости еще въ началѣ XIII вѣка пригороды начинаютъ называться кіевскими городами.

«Слышавъ же вси князи, оже Владимiръ гна въ Галичь, возвратишася вспять, и пришедшимъ имъ въ Кiевъ, Всеволодъ Чермный сѣде въ Кыевѣ, надѣяся на свою силу, и посла посадникы по всѣмъ городомъ кiевскымъ». Лавр. 1206.

Но до-московская старина отличается большою живучестью. Въ Новгородѣ и Псковѣ пригороды перечисляются еще въ XVI вѣкѣ (Д. къ А. И. I, стр. 383 и сл.). Даже для великаго княженiя Московскаго встрѣчаемъ упоминанiе пригородовъ въ памятникахъ XVI вѣка. Въ таможенной грамотѣ 1571 года читаемъ:

«А кто поѣдетъ москвитинъ изо всѣхъ пригородовъ и изъ волостей Московскiе земли...». А. Э. I. № 282.

Отдаленный отголосокъ старины слышится еще въ XVII вѣкѣ. Въ первой половинѣ этого вѣка въ царствующемъ градѣ Москвѣ существовало два судныхъ приказа: владимiрскiй и московскiй. Служба во владимiрскомъ считалась честнѣе службы въ московскомъ (Валуевъ, 36). Это, конечно, потому, что Москва хотя и царствующiй городъ, но по возникновенiю своему молодшiй передъ Владимiромъ; первоначально Москва могла имѣть только значенiе пригорода въ Ростовской волости.

Выше мы обратили вниманiе на то, что къ городу тянетъ земля. Пригороды первоначально не только могли не быть центрами земельныхъ владѣнiй своихъ жителей, но могли даже и вовсе не имѣть постоянныхъ жителей. Они основывались для нуждъ города и первоначально могли служить только мѣстомъ убѣжища для рабочаго населенiя принадлежавшихъ горожанамъ главнаго города селъ и деревень. По мѣрѣ же развитiя населенiя пригородовъ они тоже становились самостоятельными центрами тянувшей къ нимъ земли. Такъ, напримѣръ, новогородцы имѣли поземельную собственность въ уѣздѣ пригорода ихъ, Торжка; но въ Торжкѣ были и свои горожане, бояре и черные люди, которые также обладали недвижимостями въ уѣздѣ Торжка, какъ и новогородцы (Новогор. I. 1167 и Воскр. 1478).

Такимъ образомъ, съ теченiемъ времени, всякiе города

какъ старшіе такъ и младшіе, могли при благопріятныхъ условіяхъ, стать центрами, къ которымъ тянули окружавшія ихъ села и деревни. Изъ выше приведеннаго случая основанія городка Шестакова видно, что города даже и строились иногда мѣстными землевладѣльцами для собственнаго ихъ «береженія». По состоянію нашихъ источниковъ нѣтъ возможности составить карту древнихъ волостей съ показаніемъ, сколько земли тянуло къ какому городу; но встарину это было всѣмъ хорошо извѣстно. Памятники XVI вѣка говорятъ еще о «вѣковыхъ рубежахъ городу съ городомъ» (А. Ю. № 32). Постоянные рубежи города съ городомъ предполагаетъ и Русская Правда, когда говоритъ:

«А изъ своего города въ чюжю землю свода нѣтуть» (Тр. ст. 35).

«Въ чужю землю» значитъ здѣсь въ землю, тянувшую къ другому городу, какъ центру чужой волости: у всякаго города свои земли. Въ другомъ мѣстѣ Правды эта своя земля противополагается своему городу:

«Аже будеть (сводъ) въ одиномъ городѣ (т. е., только въ городѣ), то ити истьцю до конца того свода; будетъ ли сводъ по землямъ (внѣ города, но въ предѣлахъ волости), то ити ему до третьяго свода»... (31).

Волости-княженія, территоріальный составъ которыхъ мы старались выяснить, составляли самостоятельныя государства. Все, что находилось въ предѣлахъ территоріи каждаго такого государства, подлежало дѣйствію мѣстной власти, она производила на своей территоріи судъ и управленіе, давала указы и пр.

Это положеніе доказывается текстами всѣхъ дошедшихъ до насъ духовныхъ грамотъ и договоровъ князей.

Въ духовныхъ грамотахъ волости даются наслѣдникамъ «со всѣми пошлинами», т. е. и съ пошлинами отъ суда, а слѣдовательно и съ правомъ суда.

Въ договорахъ читаемъ:

«А въ твой намъ удѣлъ даньщиковъ своихъ не всылать, ни приставовъ давать, ни грамотъ не давать».

Подъ грамотами разумѣются, какъ льготныя, освобождающія отъ даней и подсудности княжескимъ судьямъ, такъ и опредѣляющія порядокъ суда и количества даней. Все это есть право мѣстнаго князя, а потому князья-союзники обязываются въ эти внутреннія дѣла не вмѣшиваться. Тотъ же смыслъ имѣетъ и обязательство не всылать въ предѣлы чужаго княженія сборщиковъ дани и приставовъ, т. е. судебныхъ и всякихъ правительственныхъ органовъ.

Въ духовной серпуховскаго князя, Владиміра Андреевича, это положеніе выражено въ такой формѣ:

«А судомъ и данью потянути по удѣломъ, гдѣ кто живетъ».

Въ договорахъ московскихъ князей съ тверскими то же начало выражено нѣсколько иначе:

«А судомъ и данью потянуть по землѣ и по водѣ».

Таже независимость мѣстнаго суда предполагается и статьями договоровъ объ общемъ судѣ, имѣвшемъ мѣсто въ дѣлахъ порубежныхъ:

«А судьямъ нашимъ (общимъ, поровну назначеннымъ каждымъ княземъ)—третій вольный» (т. е., если судьи «сопрутся», они могутъ избрать посредника по своему усмотрѣнію).

Въ общихъ дѣлахъ судьи назначаются со стороны каждаго князя; въ дѣлахъ же, касающихся только территоріи отдѣльнаго князя,—онъ одинъ судья.

Всѣ договоры предполагаютъ у каждаго князя-волостеля и самостоятельную военную власть. Они говорятъ о «стягѣ» князя-волостеля, о собственныхъ «его воеводахъ» и пр. Онъ собираетъ войско и предводительствуетъ имъ.

Но это еще не послѣднее слово политической обособленности каждой волости-княженія. Въ старину принимались мѣры къ тому, чтобы подданные одного княженія не дѣлались поземельными собственниками въ предѣлахъ другого.

Въ договорахъ Новагорода съ князьями читаемъ:

«А въ Бѣжичахъ тобѣ, княже, ни твоей княгини, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ слугамъ селъ не держати: ни

купити, ни даромъ пріимати и по всей волости Новогородской».

Тоже и въ междукняжескихъ договорахъ:

«А тобѣ, брату моему, въ моемъ удѣлѣ селъ не купити, ни твоимъ бояромъ»...

Бояре и слуги, покупая недвижимости въ чужомъ удѣлѣ, тѣмъ самымъ выводили эти недвижимости изъ службы мѣстной власти, такъ какъ получаемые ими доходы съ купленныхъ недвижимостей они тратили на службѣ чужаго князя. Въ этомъ непосредственная причина приведенныхъ запрещеній. Но, по первоначальному происхожденію своему, они могутъ стоять въ связи съ тѣмъ древнѣйшимъ порядкомъ вещей, когда волость состояла изъ совокупности землевладѣльцевъ, строившихъ городъ въ центрѣ своихъ владѣній, и когда землевладѣніемъ обусловливалась принадлежность лица къ волости.

Указанная политическая обособленность каждаго княженія предполагаетъ право мѣстнаго князя и его чиновниковъ ѣздить по уѣзду для отправленія суда и сбора даней. Вслѣдствіе этого княженіе называется уѣздомъ князя. Въ завѣщаніи Ивана Калиты читаемъ:

«А тамгою подѣлятся сынове мои; тако же и мыты, которые въ которого уѣздѣ, то тому».

Приведенныя нами доказательства политической обособленности волостей взяты изъ княжескихъ завѣщаній и договоровъ, тексты которыхъ не старѣе XIV вѣка. Возникаетъ вопросъ, то-же ли было въ болѣе отдаленное время? Думаемъ, что да. Хотя болѣе древніе договоры и не дошли до насъ, но лѣтописи сохранили такія выраженія изъ взаимныхъ княжескихъ переговоровъ, которыя даютъ право сдѣлать такое заключеніе.

Въ случаѣ какого-либо враждебнаго столкновенія двухъ князей-волостелей, они нерѣдко обращаются другъ къ другу съ такимъ заявленіемъ: «миръ стоитъ до рати, а рать до мира: уладимся либо миромъ, либо войной». Если каждому князю-волостелю принадлежитъ право войны и мира, то

надо думать, ему принадлежало и право суда и управленія въ предѣлахъ своей волости.

На ту-же мысль наводитъ и сохранившееся въ лѣтописи извѣстіе о содержаніи послѣдней воли великаго князя Ярослава Владиміровича. Мы приводимъ его ниже (стр. 45).

Полная политическая особность волостей есть наша древность. Эта древность была нашимъ дѣйствующимъ правомъ въ теченіе многихъ вѣковъ, во все то время, пока продолжали существовать отдѣльныя княженія. А отдѣльныя княженія существуютъ у насъ еще въ XVI вѣкѣ. Удѣльный князь Юрій Ивановичъ, братъ великаго князя московскаго, Василія Ивановича, пользуется такою же самостоятельностью управленія и суда въ предѣлахъ своего княженія, какъ и удѣльные князья XV, XIV и болѣе отдаленныхъ вѣковъ (Рум. Соб. I, №№ 133, 144 и 160).

Московскіе великіе князья начинаютъ вводить нѣкоторыя ограниченія власти владѣтельныхъ князей, своихъ сосѣдей; но ограниченія эти касаются внѣшнихъ сношеній князей, а не внутренняго управленія ихъ княженіями. Изъ вопросовъ внутренняго управленія ограниченію подвергается только право дѣлать монету, но это ограниченіе возникаетъ лишь въ началѣ XVI вѣка и только въ примѣненіи къ удѣламъ сыновей великаго князя Ивана Васильевича.

Но князья Рюриковичи не только дѣлили волости, они и соединяли ихъ. Послѣдствія такихъ соединеній не были, однако, прочны и продолжительны, и до второй половины XIV вѣка у нашихъ князей вовсе не замѣчается стремленія къ образованію большаго нераздѣльнаго государства, которое выходило бы за предѣлы волостнаго устройства.

Рюрикъ съ братьями, занимавшій въ 862 году Новгородъ, Изборскъ и Бѣлоозеро, въ годъ смерти братьевъ владѣлъ, кромѣ того, Полоцкомъ, Ростовомъ и Муромомъ. Эти свои обширныя владѣнія онъ передалъ Олегу. Но Олегъ ушелъ на югъ изъ образованнаго тремя братьями государства. Послѣдствіемъ этого было образованіе новаго государства въ

новыхъ границахъ и съ новымъ центромъ. Созданіе первыхъ трехъ братьевъ замѣнилось новымъ уже при ближайшемъ ихъ преемникѣ.

На третій годъ по смерти Рюрика, Олегъ собралъ множество воиновъ изъ варягъ, чюди, славянъ, мери, веси и кривичей, все, конечно, охотниковъ до военной добычи, и предпринялъ съ ними походъ на югъ. Мѣстности къ югу отъ Новогородской и Полоцкой волостей имѣли уже города и, слѣдовательно, волостное устройство. Первый городъ, который встрѣтился этому сбродному ополченію, былъ Смоленскъ, затѣмъ слѣдовали Любечь и Кіевъ. Олегъ овладѣлъ всѣми тремя; въ первыхъ двухъ посадилъ онъ мужей своихъ, въ Кіевѣ сѣлъ самъ. Эти военные успѣхи, однако, не удовлетворили его. Изъ Кіева онъ сталъ предпринимать походы на окрестныя племена: древлянъ, сѣверянъ, радимичей, уличей и тиверцевъ. Первыя три согласились платить Олегу дань; уличи же и тиверцы оказали сопротивленіе, а потому враждебныя столкновенія съ ними продолжались. Во главѣ такого же сброднаго ополченія изъ людей разныхъ племенъ, въ числѣ которыхъ находимъ и новыхъ данниковъ и даже такія племена, о завоеваніи которыхъ лѣтописцу ничего не извѣстно, Олегъ предпринялъ свой первый походъ въ Грецію.

Изъ извѣстій о походахъ Олега въ Грецію можно вывести, что этотъ князь не былъ въ свое время единственнымъ княземъ въ Русской землѣ. Въ разсказѣ лѣтописца о первомъ походѣ его на грековъ упоминаются другіе князья «подъ Ольгомъ суще». Согласно съ этимъ договоръ 911 года заключенъ волею не одного только Олега, но и «похотѣньемъ нашихъ князь». Греки обязались хранить любовь «къ княземъ свѣтлымъ нашимъ русскимъ».

Какъ были велики собственныя владѣнія Олега, опредѣлить это не представляется возможнымъ. Есть, однако, основаніе думать, что и въ городахъ весьма близкихъ къ Кіеву сидѣли «князья подъ Ольгомъ суще», а не мужи его. Въ извѣстіи лѣтописца 907 года о договорѣ съ греками находимъ такое мѣсто:

«И заповѣда Олегъ... даяти уклады на русскіе городы: первое на Кіевъ, тоже и на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Полътескъ, и на Ростовъ, и на Любечь, и на прочая городы, по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще».

Эти князья «подъ Ольгомъ суще» могли сидѣть нетолько въ далекомъ Ростовѣ, но и въ близкихъ—Черниговѣ и Любечѣ.

Съ значительной степенью вѣроятности можно утверждать, что Новгородъ, въ приведенномъ перечисленіи не упомянутый, не только не входилъ въ составъ владѣній Олега, но даже и не находился въ зависимости отъ него. Участіе въ войскахъ Олега, громившихъ Грецію, славянъ, чюди и кривичей не доказываетъ зависимости отъ него Новгорода. Войска эти состояли изъ свободной вольницы, которую привлекала къ походамъ жажда добычи, а не обязанность нести военную службу по приказу своего государя.

Свѣдѣнія, имѣющіяся о преемникѣ Олега, не позволяютъ думать, чтобы его владѣнія были очень обширны.

Въ договорѣ, заключенномъ имъ съ греками, есть статья которою опредѣляется порядокъ торговли русскихъ гостей въ Константинополѣ и нѣкоторыя ихъ преимущества, какъ, напримѣръ, право получать «мѣсячное» отъ греческаго царя:

«И приходящимъ имъ (руси), да витаютъ у святого Мамы. Да послетъ царство наше (греческое), да испишетъ имена ваша, тогда возмуть мѣсячное свое, съли слебное а гостье мѣсячное, первое отъ города Кіева, паки изъ Чернигова и Переяславля».

И только, никакихъ другихъ городовъ не упоминается. Въ соотвѣтствующей статьѣ договора Олега прибавлено: «и прочіи городи». Хотя собственныя владѣнія Олега едвали простирались далѣе Кіева, Переяславля и Чернигова, но въ другихъ городахъ сидѣли князья, состоявшіе съ нимъ въ союзѣ, а потому и прибавлено: «и прочіи городи». При Игорѣ, надо думать, не удержалось никакой связи между его владѣніями и владѣніями другихъ князей. Договоръ, поэтому,

упоминаетъ только три города, на которые простиралась непосредственная власть этого князя: Кіевъ, Черниговъ и Переяславль.

Этотъ выводъ находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе и въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ объ отношеніяхъ Игоря къ древлянамъ и о положеніи его дружины.

Мы знаемъ уже, что Олегъ воевалъ древлянъ, побѣдилъ и обложилъ ихъ данью; той же участи подверглись сѣверяне и радимичи. Но обложить данью не значитъ присоединить къ составу своей волости. И греки давали Олегу дань. Дань есть только плата за прекращеніе враждебныхъ дѣйствій. Побѣжденныя племена-данники продолжали сохранять свою особность и управляться по старому собственными своими правителями. У древлянъ при Игорѣ былъ свой князь Малъ. Такимъ образомъ, даже эти ближайшіе сосѣди полянъ не входили въ сферу власти Игоря; они продолжали оставаться только данниками его, при томъ и не очень покорными. Узнавъ о смерти Олега, древляне не пустили къ себѣ Игоря за данью и онъ долженъ былъ вновь побѣждать ихъ. Въ 945 году, когда сборъ дани превысилъ всякую мѣру и перешелъ въ грабежъ, древляне убили Игоря.

Лѣтопись сохранила чрезвычайно характерное обращеніе къ Игорю его дружины:

«Въ се же лѣто рѣкоша дружина Игореви: отроцы Свѣнелъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты; а мы нази! Поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы». Лавр. 945.

Вотъ гдѣ побужденіе къ военнымъ трудамъ и доблестямъ.

Дружина великаго князя русскаго не имѣетъ даже чѣмъ прикрыть наготу свою! И это послѣ двухъ походовъ на Грецію. Не мощь государственная, руководимая широкими политически планами, вызвала эти походы. Они были нужны для удовлетворенія хищническихъ потребностей той вольницы, которую лѣтопись называетъ «воями» Олега и Игоря. Весьма трудно видѣть въ князѣ правителя обширнаго государства, если ближайшіе друзья его могли существовать только грабежомъ чужаго имущества.

Скромныя задачи волостнаго управленія и суда мало соотвѣтствовали вкусамъ первыхъ князей, въ характерѣ которыхъ, дѣйствительно, есть черты, напоминающія норманскихъ викинговъ. Ихъ увлекаютъ рискованныя предпріятія за предѣлами волости, тогда какъ волость нуждается во внутреннемъ строеніи и береженіи отъ враговъ. Это различіе вкусовъ князя и мирныхъ жителей волости не ушло отъ вниманія современниковъ и занесено на страницы начальной лѣтописи. Сынъ Игоря, Святославъ, былъ одержимъ не меньшей любовью къ военнымъ подвигамъ, чѣмъ его предшественники Онъ побѣдилъ вятичей, козаръ, ясы, косоговъ и предпринялъ походъ на дунайскихъ болгаръ. По разсказу лѣтописца, онъ взялъ 80 городовъ по Дунаю и сѣлъ княжить въ Переяславцѣ, «емля дань на грьцѣхъ». Когда князь находился на вершинѣ военной славы, стольный городъ его, Кіевъ, подвергся великой опасности. Безчисленное множество печенѣговъ обложило Кіевъ и люди изнемогали отъ голода и жажды. Вотъ въ этомъ-то крайнемъ положеніи кіевляне посылаютъ къ своему побѣдоносному князю посольство съ такими рѣчами:

«Ты, княже, чюжее земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ. Мало бо насъ не взяша печенѣзи, матерь твою и дѣти твои! Аще не поидеши, ни обраниши насъ, да паки ны возмуть. Аще ти не жаль отчины своея, ни матере, стары суща, и дѣтій своихъ?»

Этимъ и объясняется тотъ разладъ, который несомнѣнно существуетъ между жизнью волости и дѣятельностью первыхъ князей, и малая связь князей съ волостью. Олегъ уходитъ изъ Новгорода въ Кіевъ; сынъ Игоря, Святославъ, оставляетъ Кіевъ, чтобы водвориться въ Переяславцѣ на Дунаѣ.

Что же оставилъ предпріимчивый воитель, Святославъ, дѣтямъ своимъ въ Русской землѣ?

Очень немного. Уходя изъ Кіева въ Переяславль Дунайскій,

«Святославъ посади Ярополка въ Кіевѣ, а Ольга въ Де-

ревѣхъ. Въ се-же время придоши людье Ноугородстіи, просяще князя собѣ: «аще не пойдете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ». И рече къ нимъ Святославъ: «абы пошелъ кто къ вамъ». И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ. И рече Добрыня: «просите Володимера». Лавр. 970 годъ.

У преемниковъ Святослава осталось всего двѣ волости, Кіевская и Древлянская, существовавшія еще прежде прихода варяжскихъ князей на югъ. Если надо было въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Кіевской волостью, въ Деревѣхъ, посадить особаго князя, то трудно думать, чтобы власть котораго-либо изъ нихъ простиралась далѣе предѣловъ той волости, въ которую онъ былъ назначенъ.

Изъ словъ новогородцевъ ясно, что посадить въ Кіевѣ не значитъ еще посадить и въ Новгородѣ. Но такъ какъ князь есть потребность волости, то новогородцы и въ 970 г., какъ и сто лѣтъ тому назадъ, продолжаютъ искать себѣ правителя. Характеренъ отвѣтъ Святослава: «кабы кто пошелъ къ вамъ!» Очевидно, въ его понятіяхъ не существуетъ никакой необходимой связи между Кіевомъ и Новгородомъ. Это особыя государства, ему впрочемъ, одинаково не нужныя. Не князья ищутъ волостей, а волости князей!

Изъ извѣстія лѣтописи, сообщаемаго подъ 980 годомъ, узнаемъ, что въ Полоцкѣ сидитъ Рогволодъ, пришедшій изъ заморья, а въ Туровѣ—Туръ.

Въ концѣ X вѣка лѣтописецъ, слѣдовательно, знаетъ пять отдѣльныхъ князей, которымъ соотвѣтствуютъ и пять отдѣльныхъ государствъ, весьма скоро вступившихъ въ войну между собой. Но кто поручится, что лѣтописецъ исчерпалъ всѣхъ князей того времени и что не было особаго князя въ Смоленскѣ, Ростовѣ или Муромѣ?

Изъ пяти князей современниковъ счастье улыбнулось младшему сыну Святослава, Владиміру, котораго, по совѣту Добрыни, новогородцы взяли къ себѣ. Олега Древлянскаго побѣдилъ Ярополкъ Кіевскій и присоединилъ его волость къ своей; Ярополка-же и Рогволода Полоцкаго побѣдилъ, съ помощью неизбѣжныхъ въ началѣ нашей исторіи варяговъ,

Владиміръ Новогородскій. Владиміръ сдѣлался, такимъ образомъ, княземъ сѣверныхъ и южныхъ волостей. Онъ самъ сѣлъ въ Кіевѣ, а въ Новгородѣ посадилъ дядю своего со стороны матери, Добрыню. Владиміръ существенно отличается отъ своихъ предшественниковъ, ему дороги внутренніе интересы волостей, это первый князь градостроитель:

«И рече Володимеръ: се не добро, еже мало городовъ около Кіева. И нача ставити городы по Деснѣ и по Востри, и Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ. И поча нарубати мужѣ лучшiѣ: отъ словенъ, и отъ кривичь, и отъ чюди, и отъ вятичь, и отъ сихъ насели грады, бѣ бо рать отъ печенѣгъ и бѣ воюя съ ними и одоляя имъ». Лавр. 988.

Владѣнія князя Владиміра обширностью своей далеко превосходили владѣнія каждаго изъ его предшественниковъ. Заботы его посвящены были внутреннему устройству городовъ и земель. Но для оцѣнки взглядовъ этого князя на территорію необходимо выяснить, какъ смотрѣлъ онъ на свои города и земли, составляли они въ его понятіи одно нераздѣльное цѣлое, или это была совокупность самостоятельныхъ волостей, благодаря счастливой случайности соединившихся подъ его управленіемъ, а послѣ его смерти долженствующихъ снова разъединиться и вести самостоятельную жизнь? Лѣтопись не сохранила никакихъ извѣстій о послѣдней волѣ Владиміра: можетъ быть, онъ и не сдѣлалъ никакихъ распоряженій о дальнѣйшей судьбѣ своихъ владѣній. Мы лишены, такимъ образомъ, лучшаго источника для отвѣта на поставленный вопросъ. Въ нашемъ распоряженіи имѣется лишь нѣсколько указаній на отношеніе къ этому вопросу, обнаруженное Владиміромъ еще при его жизни.

Изъ предшествующаго мы знаемъ, что бояре совѣтовали князю Владиміру дать Рогнѣдѣ и сыну ея, Изяславу, Полоцкую волость, на томъ основаніи, что она принадлежала отцу Рогнѣды. Владиміръ исполнилъ этотъ совѣтъ бояръ.

Итакъ, онъ ничего не имѣлъ противъ новаго разъединенія соединившихся въ его рукахъ волостей и отдѣлилъ Полоцкую волость сыну Изяславу съ матерью еще при жизни своей.

Подъ 988 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что и другіе сыновья Владиміра, хотя и не всѣ, были посажены отцомъ по городамъ: Ярославъ въ Новгородѣ, Святополкъ въ Туровѣ, Борисъ въ Ростовѣ, Глѣбъ въ Муромѣ, Святославъ въ Деревѣхъ, Всеволодъ—Володимери, Мстиславъ — Тмутаракани

Кромѣ Володиміра (Волынскаго) и Тмутаракани, это все уже извѣстныя намъ области, которыя и прежде имѣли своихъ князей. Съ какою-же цѣлью Владиміръ разсадилъ въ нихъ своихъ сыновей? Назначилъ онъ ихъ туда временно, въ качествѣ мѣстныхъ правителей, или съ тѣмъ, чтобы они оставались тамъ и послѣ его смерти, подобно тому, какъ Изяславъ былъ назначенъ въ Полоцкъ?

Утвердительный отвѣтъ въ смыслѣ послѣдняго предположенія вовсе не представляется невѣроятнымъ. Позднѣйшіе князья надѣляли-же волостями дѣтей своихъ еще при жизни своей. Могъ подготовлять такую мѣру и Владиміръ.

Что-же касается сыновей его, то-есть указанія, что они именно такъ смотрѣли на назначеніе ихъ въ города. Мстиславъ, посаженный въ Тмутаракани, сдѣлался по смерти отца самостоятельнымъ тмутараканскимъ княземъ. Ярославъ-же еще при жизни отца сталъ смотрѣть на себя, какъ на самостоятельнаго князя Новгородской волости и потому отказался платить отцу 2,000 гривенъ. Эта дань была, кажется, единственной нитью, связывавшей Новгородъ съ Кіевомъ; и она оборвалась еще при жизни Владиміра. Владиміръ сталъ готовиться къ войнѣ съ сыномъ, а Ярославъ, боясь отца, послалъ за море за неизбѣжными варягами, т. е. поступилъ совершенно такъ, какъ 35 лѣтъ тому назадъ поступилъ отецъ его, готовясь къ войнѣ со старшимъ братомъ, Ярополкомъ. Смерть Владиміра положила конецъ приготовленіямъ къ войнѣ отца съ сыномъ.

Есть указаніе, что Святополкъ сталъ избивать братію, желая расширить свои владѣнія (стр. 31). Слѣдовательно, въ раздачѣ волостей братьямъ своимъ и онъ видѣлъ опытъ надѣленія ихъ отцомъ на случай смерти.

Приведенныя указанія заставляютъ думать, что Владиміръ

едва ли имѣлъ въ виду образованіе изъ своихъ владѣній единаго государства.

Ярославъ, сынъ Владиміра, есть послѣдній крупный князь древней Руси. Въ теченіи послѣднихъ 12 лѣтъ своей жизни (съ 1036 г., когда умеръ Мстиславъ Черниговскій) онъ владѣлъ всѣми волостями, которыя принадлежали отцу его, за исключеніемъ Полоцкой. Но и у него не было мысли о постоянномъ соединеніи волостей. Начальный лѣтописецъ записалъ содержаніе его послѣдней воли, устно высказанной дѣтямъ. Вотъ она:

«Се азъ отхожу свѣта сего, сынове мои. Имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братія единаго отца и матере. Да аще будете въ любви межю собою, Богъ будетъ въ васъ и покоритъ вы противные подъ вы и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуше въ распряхъ и которающеся, то погыбнете сами и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ. Но пребывайте мирно, послушающе братъ брата. Се же поручаю въ собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему, Изяславу, Кіевъ, сего послушайте, якоже послушасте мене, да то вы будетъ въ мене мѣсто. А Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимерь, а Вячеславу Смолинескъ». И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ, не преступати предѣла братня, ни сгонити. Рекъ Изяславу: «аще кто хощеть обидѣти брата своего, то ты помогай, его же обидять». И тако уряди сыны свои пребывати въ любви».

Оставляемъ въ сторонѣ поученіе о любви, мирѣ и послушаніи; мы возвратимся къ нему, когда будемъ говорить о взаимныхъ отношеніяхъ князей. Остановимся только на раздѣлѣ городовъ. Ярославъ дѣлитъ свои владѣнія между дѣтьми. Онъ даетъ «города», подразумѣвается, конечно, «съ пригородами», т. е. волости. Раздавая волости, онъ имѣетъ въ виду полную ихъ политическую самостоятельность, а потому запрещаетъ сыновьямъ «переступать предѣлъ братній». Подъ этимъ запрещеніемъ надо одинаково понимать, какъ запрещеніе завладѣвать чужими удѣлами, такъ и всылать въ нихъ своихъ чиновниковъ для взиманія даней и пр. Все это было

бы «переступленіе границъ». Старшему сыну, Изяславу, вмѣнено въ обязанность помогать тому изъ братьевъ, неприкосновенность владѣній котораго будетъ нарушена.

Въ завѣщаніи Ярослава ни слова не сказано о сѣверныхъ волостяхъ: Новгородѣ, Полоцкѣ, Ростовѣ и Муромѣ. О Полоцкѣ и не могло быть сказано, такъ какъ волость эта не входила въ кругъ владѣній его; но почему не упомянулъ онъ объ остальныхъ? Потому-ли, что само собой разумѣлось, что эти волости входятъ въ кругъ владѣній кіевскаго князя, или по какой другой причинѣ? Изъ предшествующаго мы знаемъ уже, что посадить въ Кіевѣ не значитъ посадить и въ Новгородѣ. Причина должна быть иная, о которой можно только догадываться. Сѣверныя волости были такъ удалены отъ южныхъ, что связь ихъ съ Кіевомъ, даже подъ управленіемъ одного князя, была весьма слабая. Это хорошо зналъ Ярославъ, считавшій себя самостоятельнымъ новгородскимъ княземъ еще при жизни отца, великаго князя Владиміра. Эта обособленность сѣвера и была, надо думать, причиной молчанія Ярослава. У него на югѣ, подъ руками, было много волостей, чтобы устроить всѣхъ сыновей; сѣверныя волости, могъ онъ думать, не останутся безъ князя, онѣ найдутъ его сами.

Кому-же достались сѣверныя волости? Наиболѣе дѣятельному и энергическому. Такимъ изъ сыновей Ярослава оказался второй, Святославъ Черниговскій, изгнавшій и старшаго брата своего, Изяслава, изъ Кіева. О распространеніи власти его на сѣверныя волости заключаемъ изъ того, что въ 1070 г. дань на Бѣлоозерѣ собираетъ мужъ Святослава, Янъ Вышатичъ; а въ 1071 г. сидитъ въ Новгородѣ сынъ его, Глѣбъ. Это было еще въ княженіе Изяслава въ Кіевѣ. Послѣ смерти Святослава (1076), Глѣбъ былъ убитъ въ Заволочьи; его мѣсто въ Новгородѣ занялъ Святополкъ Изяславичъ. При Святославѣ-же и Муромъ присоединенъ былъ къ Чернигову. Въ 1096 г. тамъ сидитъ сынъ Святослава, Олегъ. Въ переговорахъ съ Изяславомъ Владиміровичемъ, онъ называетъ Муромъ волостью отца своего. Лавр. 98 и 107.

Такимъ образомъ, первые наши князья, Владиміръ и Ярославъ, которыхъ можно назвать князьями правителями, а не предводителями только вольной дружины, не были основателями единаго Россійскаго государства. Представляется въ высшей степени вѣроятнымъ, что такая мысль была чужда князю Владиміру. Что-же касается сына его, Ярослава, то завѣщаніе его не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что онъ не смотрѣлъ на современную ему Россію, какъ на единое политическое тѣло.

Волостной порядокъ государственнаго устройства продолжается у насъ до возникновенія Московскаго государства.

Первая ясная мысль объ образованіи изъ нѣсколькихъ волостей недѣлимаго цѣлаго появляется только у московскихъ князей. Но и у нихъ не очень рано. Первый проблескъ этой мысли замѣчается лишь въ завѣщаніи Дмитрія Ивановича Донскаго, а оно не старѣе конца XIV вѣка (Дмитрій Ивановичъ умеръ 19 мая 1389 г.). Дѣло, начатое Донскимъ, нашло искусныхъ продолжателей въ его преемникахъ, которые и завершили образованіе Московскаго государства.

Наши лѣтописи впервые упоминаютъ о городѣ Москвѣ въ половинѣ XII-го вѣка. Въ 1147 году ростовскій князь, Юрій Долгорукій, пригласилъ «въ Московъ» на съѣздъ союзника своего новгородъ-сѣверскаго князя, Святослава Ольговича. Святославъ съ сыномъ и небольшой дружиной пріѣхалъ въ Москву на Похвалу св. Богородицы, въ пятницу. На слѣдующій день Юрій устроилъ въ честь своихъ гостей «обѣдъ силенъ» и одарилъ ихъ многими дарами.

Въ это время Москва была незначительнымъ городомъ Ростовской волости, въ который князья наѣзжаютъ изрѣдка и случайно.

Въ извѣстіяхъ лѣтописи о борьбѣ пригорода Владиміра съ городомъ Ростовомъ и Суздалемъ упоминается и имя Москвы, но она еще не играетъ сколько-нибудь замѣтной роли. Находясь у южной границы княжества, Москва есть мѣсто временной остановки пріѣзжающихъ въ Ростовскую волость князей и исходный пункъ при нападеніи ростовскихъ

князей на своихъ южныхъ сосѣдей. Когда Михалко, избранный въ князья владимірцами и переяславцами, отправился изъ Москвы къ Владиміру, «Москьвляне» собрались было сопровождать его, но узнавъ, что Ярополкъ съ войскомъ идетъ къ ихъ городу, «возвратишася вспять, блюдучи домовъ своихъ».

При назначеніи Всеволодомъ Большое Гнѣздо удѣловъ сыновьямъ, Москва вошла въ составъ Владимірскаго княженія, оставленнаго Юрію.

Образованіе особаго Московскаго удѣла относится ко времени сыновей Ярослава Всеволодовича. Первымъ московскимъ княземъ лѣтопись называетъ Михаила Ярославича, того самаго, который прогналъ дядю своего Святослава изъ Владиміра и такимъ образомъ пошелъ противъ воли своего отца *). Но Михаилъ († 1248) всего двумя годами пережилъ своего отца и дѣтей не оставилъ, а потому отдѣльное бытіе Московскаго княженія едва-ли могло продолжаться на этотъ разъ долѣе года. Послѣ смерти Михаила, мы не встрѣчаемъ указаній на особыхъ московскихъ князей до 1282 г., когда выступилъ Даніилъ Александровичъ, сынъ Невскаго, съ москвичами и въ союзѣ съ тверскимъ княземъ противъ старшаго своего брата, Дмитрія. Этотъ Даніилъ и есть основатель дома московскихъ князей. Съ какого именно года сдѣлался онъ княземъ особаго Московскаго удѣла—остается неизвѣстнымъ; но окончательное выдѣленіе Москвы изъ Владимірскаго княженія не могло произойдти ранѣе смерти Александра Невскаго (1263). Оно, по всему вѣроятію, произошло уже послѣ смерти Ярослава Ярославича, когда великое княженіе Влади-

*) Время сыновей Ярослава Всеволодовича есть время дальнѣйшаго дробленія древней Ростовской волости. При нихъ выдѣляется Суздальское княженіе, Тверское, Костромское, могло, конечно, выдѣлиться и Московское. Подъ 1280 г. Воскр. л. говоритъ о смерти Давыда, внука Ярослава, отъ сына его Константина, и называетъ его княземъ галицкимъ и дмитровскимъ. Это еще новое обособленіе, имѣвшее мѣсто также при сыновьяхъ Ярослава, изъ которыхъ, повидимому, каждый старается урвать отъ великаго княженія, что только было можно.

мірское сдѣлалось предметомъ спора двухъ старшихъ братьевъ Даніила. Въ этой борьбѣ Даніилъ выступилъ противникомъ Дмитрія и, весьма вѣроятно, по миру съ нимъ 1282 г. и выговорилъ себѣ особый удѣлъ, Москву. Подъ 1296 г. лѣтописецъ называетъ его уже московскимъ княземъ.

При Даніилѣ Александровичѣ Московскій удѣлъ значительно расширился. Даніилъ Александровичъ пріобрѣлъ, по завѣщанію племянника своего, Ивана Дмитріевича, Переяславль. Онъ-же, можно думать, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ и Коломну (1301) послѣ побѣды, одержанной надъ рязанскимъ княземъ, Константиномъ, котораго онъ взялъ въ плѣнъ и держалъ въ Москвѣ до своей смерти.

Даніилъ умеръ (1303), не заявляя притязаній на великое княженіе Владимірское. Ему нерѣдко приходилось садиться на коня для защиты своей Москвы и Переяславля. Онъ велъ войны и съ своими старшими братьями, Дмитріемъ и Андреемъ, послѣдовательно занимавшими владимірскій столъ. Даніилъ нѣсколько разъ вступалъ въ союзъ съ Иваномъ Дмитріевичемъ Переяславскимъ противъ великаго князя Андрея, который неоднократно пытался возвратить Переяславль къ великому княженію. Эти дружественныя услуги племяннику и были, конечно, причиной, почему тотъ отказалъ ему свой удѣлъ.

По смерти Даніила, осталось пять сыновей; старшій изъ нихъ, Юрій, сидѣлъ въ Переяславлѣ. Сдѣлалъ-ли какое-либо распоряженіе Даніилъ на случай своей смерти, или нѣтъ, этого мы не знаемъ. Но вотъ каковы факты.

Переяславцы полюбили Юрія и не желали имѣть другого князя. Они не пустили его даже на погребеніе отца, опасаясь, какъ-бы кто, въ его отсутствіе, не захватилъ города. Но мы знаемъ уже, что князья предпочитаютъ новые города старымъ. Предпочелъ и Юрій Переяславлю Москву, куда и перебрался въ томъ-же году. Есть основаніе думать, что Юрій захватилъ всю волость своего отца, не подѣлившись ею съ братьями. Это былъ князь предпріимчивый и не склонный къ уступкамъ. Въ самый годъ водворенія своего въ

Москвѣ, онъ напалъ съ братьями на сосѣднюю Смоленскую волость и взялъ Можайскъ. Въ слѣдующемъ году онъ вступилъ въ борьбу съ Михаиломъ Тверскимъ изъ-за великаго княженія и отправился въ орду. Въ его отсутствіе, братъ его, Иванъ, занялъ переяславскій столъ. Трудно думать, что это было сдѣлано съ согласія Юрія. Если-бы Иванъ былъ заодно со старшимъ братомъ, ему слѣдовало или ѣхать съ нимъ въ Орду, или защищать его интересы въ Москвѣ. Онъ не дѣлаетъ ни того, ни другого, а садится въ Переяславлѣ. Если Юрій примирился съ этимъ фактомъ и терпѣлъ его во все свое княженіе, это объясняется тѣмъ, что онъ былъ занятъ борьбой изъ-за великаго княженія сперва съ Михаиломъ Тверскимъ, а потомъ съ сыномъ его, Дмитріемъ. Начать войну съ братомъ значило—усилить своихъ противниковъ. Во все тревожное княженіе Юрія, лѣтопись ни разу не упоминаетъ имени Ивана Переяславскаго на сторонѣ Юрія. Это полное отчужденіе отъ старшаго брата было-бы непонятно, если-бы Иванъ былъ обязанъ ему своимъ Переяславскимъ княженіемъ *).

Остальные братья Юрія также едва-ли были надѣлены имъ. Двое изъ нихъ, Александръ и Борисъ, отъѣхали изъ

*) Соловьевъ (II, 288) дѣлаетъ догадку, что Калита управлялъ Москвою при Юріи, когда послѣдній находился въ Ордѣ или въ Новгородѣ, «иначе онъ не имѣлъ-бы времени сблизиться съ митрополитомъ Петромъ, ибо Юрій убитъ въ 1325, а Петръ умеръ въ 1326». Къ такой догадкѣ нѣтъ основанія: чтобы сблизиться съ митрополитомъ, конечно, не было необходимости управлять Москвой. Костомаровъ-же утверждаетъ (Рус. Исторія I, 182), что Москва оставлена была въ полное управленіе Ивана, когда Юрій получилъ великое княженіе, но источниковъ не приводитъ. Это тоже только догадка. Изъ братьевъ Юрія всѣхъ ближе къ нему былъ Аѳанасій (Воскр. 1312, 1315, умеръ въ 1322); онъ, конечно, и замѣщалъ Юрія, гдѣ было нужно. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ описываетъ лѣтописецъ дѣятельность Ивана по отъѣздѣ Юрія въ Орду: «А кн. Иванъ Даниловичъ, послѣ брата своего Юрія, сѣдяше на Москвѣ; тожъ съ Москвы иде въ Переяславь и сѣде въ немъ на великомъ княженіи». Это свидѣтельство не оставляетъ, кажется, сомнѣнія въ томъ, что Иванъ Калита захватилъ подъ братомъ Переяславль. Переяславцы, отъ которыхъ ушелъ Юрій, конечно, рады были имѣть у себя особаго отъ Москвы князя.

Москвы въ Тверь въ 1306 г.; въ томъ-же году Юрій приказалъ убить плѣненнаго отцомъ его рязанскаго князя, Константина. Бѣгство родныхъ братьевъ и послѣдовавшее за тѣмъ убійство Константина наводятъ на мысль, что противъ Юрія что-то замышлялось и что въ этихъ замыслахъ принимали участіе родные его братья и рязанскій плѣнникъ. Участіе братьевъ во враждебныхъ Юрію замыслахъ легко объясняется тѣмъ, что они не были надѣлены имъ изъ отцовскаго наслѣдія. Они были въ положеніи служилыхъ князей своего брата—не болѣе. Неизмѣнно при Юріи оставался только одинъ изъ братьевъ, Аѳанасій. Но нѣтъ повода думать, что между нимъ и Юріемъ было раздѣлено Московское княженіе. Юрій Даниловичъ одинъ былъ княземъ московскимъ, коломенскимъ и можайскимъ.

Въ 1319 году Юрію удалось добыть подъ Михаиломъ Тверскимъ и великое княженіе Владимірское, но онъ недолго княжилъ во Владимірѣ. Года черезъ четыре, Дмитрій, сынъ Михаила, убитаго въ Ордѣ по проискамъ Юрія, добылъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе; а въ 1325 г. Юрій палъ въ Ордѣ отъ руки соперника, который мстилъ ему за смерть своего отца.

Послѣ Юрія дѣтей не осталось; изъ братьевъ-же пережилъ его одинъ Иванъ Калита, который и поспѣшилъ перейти въ Москву, гдѣ въ 1326 г. онъ закладываетъ уже съ митрополитомъ Петромъ первую каменную церковь Успенія св. Богородицы.

Еще древніе наши грамотѣи отмѣтили Ивана Калиту прозваніемъ собирателя Русской земли. Такъ называетъ его составитель Слова о житіи и преставленіи вел. кн. Дмитрія Ивановича. Позднѣйшіе историки пошли далѣе: они прославили имя Калиты и государственныя его заслуги поставили внѣ сравненія съ заслугами его предшественниковъ. Онъ является у нихъ творцомъ новыхъ формъ государственнаго быта, дотолѣ невѣдомыхъ. По Карамзину, онъ указалъ наслѣдникамъ путь къ единовластію и величію, а имя собирателя земли Русской «москвитяне дали ему единогласно».

Соловьевъ, искусно соединивъ мысль Карамзина съ похвалой Слова о житіи, говоритъ, что Калита «далъ своимъ наслѣдникамъ предвкусить выгоды единовластія, почему и перешелъ въ потомство съ именемъ перваго собирателя Русской земли». У Д. И Иловайскаго Иванъ Калита оказывается уже одареннымъ всѣми тѣми качествами, которыми обыкновенно бываютъ одарены основатели могущественныхъ государствъ.

Что Иванъ Калита сдѣлалъ нѣкоторыя пріобрѣтенія къ Московскому удѣлу, это весьма возможно. Но то-же дѣлали и оба его предшественника, а потому нѣтъ повода называть его первымъ собирателемъ. Еще менѣе поводовъ считать его основателемъ единовластія и государственнаго могущества Москвы. Мы знаемъ уже, что выгоды единовластія сознавались чуть не за сто лѣтъ до Ивана ростовскими боярами и что оно настойчиво проводилось ими въ жизнь. Единымъ княземъ Московской волости былъ и ближайшій предшественникъ Ивана, родной его братъ, Юрій. Вновь открывать путь къ порядку извѣстному, а въ Москвѣ дѣйствовавшему до Ивана, не было надобности. Ни съ той, ни съ другой точки зрѣнія Калитѣ не пришлось быть новаторомъ.

Гораздо болѣе есть основаній думать, что всякая мысль о государственномъ могуществѣ Москвы была совершенно чужда этому князю. Если его можно считать новаторомъ, то въ смыслѣ самомъ невыгодномъ для Московскаго княженія. Онъ первый примѣнилъ къ наслѣдованію этого, вновь созданнаго княженія порядокъ частнаго наслѣдованія, раздѣливъ свой удѣлъ между всѣми своими наслѣдниками, въ числѣ которыхъ были и женщины. Въ этомъ дѣленіи—торжество чисто частной точки зрѣнія на княжество. Калита—самый рѣшительный проводникъ взгляда на княженіе, какъ на частную собственность князя, со всѣми его противогосударственными послѣдствіями, а не основатель государственнаго могущества Москвы.

Этому отсутствію государственной точки зрѣнія соотвѣтствуютъ и отношенія его къ Ордѣ: онъ раболѣпный слуга хановъ, по ихъ приказанію воюющій противъ русскихъ горо-

довъ: Твери, Пскова, Смоленска. Въ защиту Калиты говорятъ, что онъ жилъ въ такое время, когда и нельзя было оказывать сопротивленіе татарамъ съ надеждой на успѣхъ. Можетъ быть; но князь, до такой степени приспособившійся къ владычеству иноплеменниковъ, не могъ служить для своихъ потомковъ образцомъ въ предстоявшей имъ борьбѣ за независимость. Раздѣленіе-же Московскаго княженія на части, конечно, нельзя разсматривать, какъ обстоятельство, способствовавшее сверженію татарскаго ига.

Самыя земельныя пріобрѣтенія, приписываемыя Ивану Калитѣ, подлежатъ сомнѣнію. Несомнѣнны только сдѣланныя имъ покупки селъ въ Новгородѣ, Владимірѣ, Ростовѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, о чемъ онъ упоминаетъ въ своемъ второмъ завѣщаніи. Покупка-же Калитою Галича, Бѣлоозера и Углеча-Поля нуждается еще въ дальнѣйшихъ розысканіяхъ и разъясненіяхъ. Ни въ одномъ изъ завѣщаній Калиты объ этихъ купляхъ не говорится, между тѣмъ тамъ упоминаются купленные люди (рабы), купленные бортники и даже «придобытое золото» не забыто. Въ духовныхъ грамотахъ сыновей Калиты также не упоминаются ни Галичъ, ни Бѣлоозеро, ни Углече-Поле. Первое упоминаніе о нихъ встрѣчаемъ въ завѣщаніи Дмитрія Донскаго, написанномъ 49 лѣтъ послѣ смерти Ивана Калиты. Но и тамъ имя Калиты не упомянуто. Пріобрѣтенія эти Дмитрій Ивановичъ называетъ «куплями дѣда своего». Весьма естественно было увидать въ этомъ дѣдѣ родного дѣда Дмитрія, Ивана Калиту. Такъ и сдѣлалъ Карамзинъ. Но и онъ чувствовалъ, что тутъ не все ладно. Если Калита купилъ Галичъ и пр., то почему-же ни онъ, ни дѣти его не распоряжаются новыми пріобрѣтеніями? Чтобы вытти изъ этого затрудненія, Карамзинъ сдѣлалъ предположеніе, что новыя волости куплены не къ Москвѣ, а ко Владиміру и, какъ входящія въ составъ великаго княженія, не подлежали завѣщательнымъ распоряженіямъ московскихъ князей. На это еще Соловьевъ замѣтилъ, что трудно допустить, чтобы Калита на свои деньги увеличивалъ великое княженіе, а не свои наслѣд-

ственныя области. Соловьеву это дѣло представляется въ такомъ видѣ: «Калита купилъ эти города, но оставилъ за продавцами еще нѣкоторыя права владѣтельныхъ князей, подчиненныхъ, однако, московскому князю; а при Дмитріѣ Донскомъ они были лишены и этихъ правъ» (III, пр. 417). Вещь возможная, что Калита оставилъ свои купли за князьями продавцами, обязавъ ихъ службой себѣ и дѣтямъ, подобно тому, какъ онъ далъ свою куплю, село Богородское въ Ростовѣ, Борискѣ Воркову на условіи службы. Но все-таки то, что онъ купилъ, пріобрѣтено имъ, и въ завѣщаніи, въ которомъ не забытъ даже прикупленный кусокъ золота, надо было упомянуть о Галичѣ съ Бѣлоозеромъ и Угличемъ; упомянуто-же тамъ село Богородское, хотя оно и не находилось во владѣніи сыновей, а было отдано Борису Воркову. Итакъ, молчаніе завѣщаній Калиты и его дѣтей остается не объясненнымъ, а возбуждаемыя имъ сомнѣнія неустраненными *).

*) Обѣ духовныя Калиты безъ года. Нѣтъ основанія думать, что имъ написана третья, до насъ недошедшая, въ которой были бы упомянуты Галичъ, Бѣлоозеро и Угличъ: тогда эти волости были-бы упомянуты и въ духовныхъ его сыновей. Относительно Галича мы имѣемъ въ источникахъ свѣдѣнія, которыя представляютъ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ переходъ этого города къ Дмитрію Ивановичу. Въ XIII и первой половинѣ XIV в. Галичъ и Дмитровъ составляютъ наслѣдственную территорію въ родѣ кн. Константина, сына Ярослава Всеволодовича. Подъ 1280 лѣт. Ник. и Воскр. говорятъ о смерти галицкаго и дмитровскаго кн. Давыда Константиновича. Подъ 1362 г. Ник. лѣт. говоритъ, что Дмитрій Ивановичъ Московскій согналъ съ Галицкаго княженія Дмитрія Галицкаго. Это внукъ Давыда. Итакъ Дмитрій Ивановичъ силою пріобрѣлъ Галичъ. Но онъ не оставилъ его за собой, а далъ въ удѣлъ двоюродному брату, Владиміру Андреевичу. Документъ, изъ котораго это слѣдуетъ, очень испорченъ, тамъ многихъ словъ не достаетъ, но принадлежность Галича и Дмитрова Владиміру Андреевичу, при жизни Дмитрія Донскаго, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Мы разумѣемъ договорную грамоту этихъ князей, напечатанную въ Р. С. I подъ № 29 и отнесенную издателями къ 1371 г. Въ началѣ Владиміръ Андреевичъ обязывается за себя и дѣтей своихъ не искать подъ вел. княземъ его вотчины и вел. княженія; а далѣе читаемъ: «также и тобѣ, князю великому (подо мною не искати, что ты мнѣ), господине, далъ въ удѣлъ Галичъ, Дмитровъ съ волостями и съ селы (и со всѣми пошлинами) и твоимъ дѣтямъ подъ моими дѣтьми и до живота». Что на-

Несомнѣнно только слѣдующее: Галичъ, Бѣлоозеро и Угличъ въ составъ московской территоріи вошли только при Дмитріѣ Донскомъ. Тоже собственно говоритъ Карамзинъ и даже Соловьевъ, допускающій въ этихъ волостяхъ особыхъ владѣтельныхъ князей до времени внука Ивана Калиты.

Переходимъ къ завѣщанію Калиты.

Онъ назначаетъ своими наслѣдниками трехъ сыновей и жену совокупно съ младшими дѣтьми (дочерями).

Иванъ Даниловичъ распоряжается въ своемъ завѣщаніи не только частной своей собственностью, но и правами владѣтельнаго князя. Въ качествѣ частнаго собственника, онъ отказываетъ свои движимости (рабовъ, скотъ, драгоцѣнности

печатано въ скобкахъ, это наше чтеніе вмѣсто точекъ оригинала. Какъ затѣмъ Галичъ снова перешелъ къ Дмитрію Ивановичу, этого по памятникамъ невидно; но во всякомъ случаѣ не въ качествѣ купли Ивана Калиты. Калита могъ купить Галичъ у потомковъ Константина, но у нихъ Дмитрій Ивановичъ силою отнялъ этотъ удѣлъ; во второй-же разъ онъ долженъ былъ пріобрѣсти его отъ Владиміра Андреевича, за которымъ самъ призналъ наслѣдственныя права на этотъ удѣлъ. Здѣсь также, можетъ быть, не обошлось безъ нѣкотораго насилія и, пожалуй, клятвопреступленія. Несоотвѣтствіе языка оффиціальныхъ актовъ съ дѣйствительными способами пріобрѣтенія можетъ объясняться желаніемъ замаскировать такія дѣйствія, которыя князья и сами не могли считать вполнѣ правыми. Неточность языка оффиціальныхъ актовъ встрѣчается и въ другихъ документахъ Дмитрія Ивановича. Въ послѣднемъ своемъ договорѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ, онъ говоритъ, что отецъ благословилъ его двумя жеребьями въ городѣ Москвѣ. А въ дѣйствительности отецъ отказалъ свои два жеребья двумъ сыновьямъ пополамъ, и второй жеребій достался Дмитрію отъ брата, а не отъ отца. Въ томъ-же году, когда былъ прогнанъ галицкій князь, Дмитрій Ивановичъ «взялъ волю свою и надъ ростовскимъ княземъ Константиномъ» (Ник.). Къ этому времени, можетъ быть, и надо относить пріобрѣтеніе Бѣлоозера и Углича, входившихъ въ составъ Ростовской волости. Во второй половинѣ XIV в. почти совсѣмъ перестала существовать самостоятельная Ростовская волость. Изъ духовной Владиміра Андреевича узнаемъ, что ему принадлежитъ Ярославль, городъ Ростовской волости; но онъ ни слова не говоритъ о томъ, какъ онъ ему достался. Дмитрій Ивановичъ и Владиміръ Андреевичъ, можетъ быть, подѣлили между собой наслѣдіе потомковъ Константина Всеволодовича, низведя ихъ въ положеніе служилыхъ князей.

и пр.) и недвижимости (села); въ качествѣ владѣтельнаго князя—города и волости, въ которыхъ ему принадлежитъ право суда и управленія. Границы частной земельной собственности князя и удѣла его не совпадаютъ: съ одной стороны, не всѣ московскія села въ собственности князя, а съ другой, онъ владѣлъ селами не только въ Московскомъ княжествѣ, но и въ великомъ княжествѣ Володимірскомъ, Новѣгородѣ, Ростовѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Мы не знаемъ размѣровъ городскихъ и волостныхъ округовъ, названія которыхъ встрѣчаются въ духовной Калиты, а потому и не можемъ съ точностью выяснить взаимное по величинѣ отношеніе отдѣльныхъ участковъ, на которые онъ раздѣлилъ свое княженіе. Но по нѣкоторымъ грубымъ признакамъ можно думать, что эти участки были далеко неодинаковы. Старшій сынъ получилъ всего болѣе, а затѣмъ, въ нисходящемъ порядкѣ, каждый изъ слѣдующихъ меньше предъидущаго. Но удѣлъ жены съ дочерями былъ больше удѣла младшаго сына, Андрея. Дѣлаемъ это заключеніе на томъ основаніи, что Семенъ получилъ два города, Можайскъ и Коломну, со всѣми волостями, да еще поименно 16 волостей; Иванъ—13 волостей, на первомъ мѣстѣ Звенигородъ, затѣмъ Кремичну, Рузу и т. д. (въ томъ числѣ 3 слободы); Андрей—11 волостей, на первомъ мѣстѣ Лопастну, на четвертомъ Серпуховъ; жена-же съ дочерьми—14 волостей и въ томъ числѣ двѣ слободки *).

---

*) Иное начало примѣнено Калитой къ распредѣленію частной собственности. Въ распоряженіи его было 42 села въ Московскомъ удѣлѣ, да 12 купель въ другихъ княженіяхъ. Изъ этого числа Семену дано 11 селъ, Ивану—14, Андрею—12, женѣ съ дочерьми—16; одно село пожаловано Боркову. Здѣсь совсѣмъ незамѣтно предпочтенія въ пользу старшаго. Даже наоборотъ, младшіе получили большее число селъ. Но для предпочтенія младшихъ нѣтъ никакого основанія. Надо думать, что недвижимая собственность раздѣлена была поровну; большее-же число селъ, назначенныхъ младшимъ, можетъ объясняться ихъ неравенствомъ. Стремленіе надѣлить сыновей поровну особенно ясно видно въ распредѣленіи драгоцѣнныхъ движимостей. Каждый изъ сыновей получилъ по 4 золотыхъ цѣпи, по 3 золотыхъ пояса, по 2 золотыхъ чаши (чара), по 2 чума золотыхъ (Семенъ и

Всѣ-ли волости, которыми распоряжается Иванъ, уже принадлежали къ Москвѣ при братѣ его, или нѣкоторыя изъ нихъ вновь пріобрѣтены имъ самимъ, это, по недостатку источниковъ, остается неяснымъ.

Давая старшему сыну больше, Иванъ слѣдуетъ и до него существовавшей (хотя и не безъ крупныхъ отступленій) практикѣ, въ силу которой князья, дѣлившіе свой удѣлъ между нѣсколькими сыновьями, старшему давали лучшій городъ. Но Иванъ не вполнѣ усвоилъ себѣ эту практику, онъ существенно видоизмѣнилъ ее и не къ добру. Свой лучшій городъ, Москву, онъ не далъ старшему, а предоставилъ его въ общее владѣніе всѣмъ тремъ сыновьямъ, выдѣливъ еще въ пользу жены право собирать «осьмничее» въ городѣ Москвѣ. Въ городѣ Москвѣ съ уѣздомъ былъ установленъ такимъ образомъ правительственный тріумвиратъ, за исключеніемъ осьмничнаго, сборъ котораго предоставленъ женѣ; четыре-же удѣла, на которые распалось Московское княженіе, предоставлены отдѣльному управленію и суду трехъ сыновей и жены.

Въ небольшой территоріи Московскаго удѣла, со смертью Калиты, возникло, слѣдовательно, четыре отдѣльныхъ княженія, изъ которыхъ одно состояло подъ властью женщины, въ городѣ-же Москвѣ съ уѣздомъ—общее владѣніе сыновей-наслѣдниковъ.

Какъ представлялъ себѣ послѣдствія своего завѣщанія Иванъ Калита? Временная была эта мѣра, или постоянная? Конечно—постоянная. Онъ передалъ своимъ наслѣдникамъ тѣ права, которыя самъ имѣлъ. Онъ раздѣлилъ эти права между дѣтьми, подразумѣвая, что дѣти его сдѣлаютъ тоже

Андрей, а Иванъ 2 овкача золотыхъ) и наконецъ по 3 серебр. блюда; старшій сынъ Семенъ сверхъ братьевъ получилъ только одно блюдце золотое съ жемчугомъ и каменьемъ. Это наводитъ на мысль, что въ древней Россіи различали наслѣдованіе княжескихъ правъ отъ наслѣдованія въ частной собственности князя. Частная собственность дѣлилась, обыкновенно, поровну между наслѣдниками; въ наслѣдованіи-же княжескихъ правъ старшій сынъ имѣлъ преимущество.

и такъ далѣе въ безконечность. Такъ, дѣйствительно, и понимали свои права его дѣти. Въ самый годъ смерти Ивана, младшіе сыновья его заключили договоръ со старшимъ, по которому послѣдній обязался, въ случаѣ смерти одного изъ младшихъ, не обидѣть его вдовы и дѣтей и не отнимать ничего изъ того, чѣмъ благословилъ ихъ отецъ по раздѣлу. Итакъ, послѣ смерти одного изъ сыновей, часть его переходитъ не только къ его дѣтямъ, но и ко вдовѣ. Безконечное дробленіе первоначальныхъ удѣловъ и безконечное число общихъ собственниковъ въ Москвѣ—таковы послѣдствія завѣщанія Калиты для созданнаго его отцомъ и братомъ Московскаго удѣла.

Калита есть основатель противогосударственнаго порядка, а не могущества и славы Москвы. Единое Московское государство образовалось наперекоръ видамъ Калиты. Преемникамъ его надо было начинать работу съизнова и въ духѣ совершенно противоположномъ тому, въ какомъ дѣйствовалъ онъ. Надо было разрушить созданный имъ порядокъ *).

Рабская угодливость передъ Ордой доставила Калитѣ (1328 г.) обладаніе великимъ княжествомъ, которое онъ и занималъ до своей смерти. Въ завѣщаніи онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о судьбѣ великаго княженія по смерти своей. Это совершенно согласно съ его раболѣпнымъ отношеніемъ къ Ордѣ: великимъ княженіемъ распоряжаются ордынскіе цари; Иванъ Даниловичъ, ихъ покорный слуга, это знаетъ и въ права владыкъ своихъ не вмѣшивается **).

Думаемъ, что это послужило только ко благу Московскаго государства: если-бы Калита могъ распоряжаться великимъ княженіемъ, онъ и его раздѣлилъ-бы. Не говорится въ завѣщаніи и о Переяславлѣ. Это значитъ, что Переяславль, гдѣ послѣдовательно сидѣли три князя московскихъ, при Иванѣ перестал принадлежать къ Москвѣ, а перешелъ въ составъ

*) Д. И. Иловайскій, самый послѣдовательный сторонникъ Калиты, дѣленіе Москвы на три части называетъ умнымъ распоряженіемъ (II, 36).

**) Завѣщаніе Ивана Калиты написано съ согласія и утвержденія Орды. На это указываетъ татарская печать, къ нему привѣшенная.

великаго княженія, гдѣ позднѣе мы его, дѣйствительно, и находимъ. Какъ это случилось, не знаемъ; но это крупное увеличеніе великаго княженія Владимірскаго насчетъ Москвы произошло при Иванѣ, который, значитъ, не только пріобрѣталъ, но и очень много терялъ. Въ чьихъ было это интересахъ? У Ивана не было соперника, который могъ-бы отвоевать у него Переяславль ко Владиміру. Думаемъ, этого хотѣли татары. Ставили-же они, въ противность собственнымъ своимъ интересамъ, великаго князя владимірскаго надъ другими князьями. Можно допустить, что они и потребовали возсоединить Переяславль съ Владиміромъ: Иванъ Даниловичъ подчинился *).

Лишенный качествъ государя и политика, Иванъ обладалъ свойствами добраго семьянина. Онъ любилъ свою жену и дѣтей и думалъ не о величіи Московскаго государства, а о безбѣдномъ устройствѣ этихъ дорогихъ его сердцу существъ. Онъ надѣлилъ ихъ всѣхъ, никого не обижая, и принялъ мѣры, чтобы оградить ихъ и въ будущемъ отъ возможныхъ случайностей. Дѣйствительно, татары могли заявить притязаніе на ту или другую волость, данную сыну или женѣ, и отобрать ее (къ великому княженію или другому сосѣднему

*) Иначе у Соловьева: «Старшему-же (т. е., сыну Ивана, Семену), читаемъ на 305 стр. III т., должно было получить и великокняжескую область Владимірскую съ Переяславлемъ». Совершенно то-же, но еще опредѣленнѣе говоритъ и Д. И. Иловайскій: «Къ старшему должна была перейти вся область Переяславля-Залѣсскаго и всѣ дальнія пріобрѣтенія Поволожья; ему-же предоставлялось добыть себѣ отъ хана ярлыкъ на вел. кн. Владимірское» (Истор. II, 31). Подъ дальними пріобрѣтеніями Поволожья вѣроятно, разумѣется и Кострома (25). Соловьевъ не приводитъ источниковъ; Д. И. Иловайскій ссылается вообще на лѣтописи и на духовныя граматы Калиты. Мы не нашли въ этихъ памятникахъ подтвержденія его мнѣнію. То, что мы утверждаемъ въ текстѣ, было давно извѣстно, но позабыто. Карамзинъ совершенно правильно говоритъ, что Иванъ, располагая только своею отчиною, не могъ отказать сыновьямъ Владиміра, Переяславля и Костромы, ибо назначеніе преемника ему въ вел. княженіи зависѣло отъ хана (IV, 151).

княжеству). Если-бы такой случай встрѣтился, Иванъ приказываетъ наслѣдникамъ вознаградить того, чей удѣлъ будетъ умаленъ. На старшаго сына, который всѣхъ богаче, а потому и сильнѣй, онъ возложилъ обязанность печаловаться о младшихъ, т. е., заботиться о нихъ и покровительствовать имъ. Иванъ Калита—добрый и зажиточный семьянинъ, которому очень хорошо жилось подъ властію ордынскихъ царей. Ничего лучшаго онъ и для дѣтей своихъ не желалъ.

Освобожденіе московской территоріи отъ тѣхъ путъ, которыми она была связана завѣщаніемъ Калиты, есть процессъ медленный и тяжелый. Невыгодный съ государственной точки зрѣнія порядокъ, установленный этимъ княземъ, былъ выгоденъ для его младшихъ сыновей, которые, наравнѣ со старшимъ братомъ, возведены были въ достоинство владѣтельныхъ князей, а въ городѣ Москвѣ сдѣланы его соправителями. Въ нихъ этотъ порядокъ нашелъ самыхъ горячихъ защитниковъ, которые поддерживали его изъ своихъ личныхъ интересовъ. Да и для старшаго сына порядокъ, установленный отцомъ, долженъ былъ имѣть характеръ священнаго завѣта. При весьма натуральной духовной зависимости дѣтей отъ родителей, начала, которыми руководствуются отцы, переходятъ къ дѣтямъ и вызываютъ подражаніе въ потомствѣ. Чтобы освободиться отъ нихъ, нужна изъ ряда вонъ выходящая свобода мысли и способность отрѣшиться отъ семейныхъ преданій, обыкновенно дорогихъ человѣку и незамѣтно для него самого опредѣляющихъ его волю.

Сыновья Ивана не были одарены этими качествами, они не принадлежали къ людямъ борьбы съ существующимъ порядкомъ. Они считали его нормальнымъ. Ихъ первымъ дѣломъ было утвердить особымъ договоромъ произведенный Калитою раздѣлъ. Они признали наслѣдственность участковъ и поклялись у гроба отца не нарушать правъ другъ-друга. Распредѣленіе городовъ и волостей осталось прежнее. Младшіе предоставили только Семену «на старѣйшинство» преимущество въ нѣкоторыхъ доходныхъ статьяхъ.

Семенъ Ивановичъ отказалъ весь свой удѣлъ, полученный отъ отца, съ присоединеніемъ селъ, купленныхъ имъ въ Переяславлѣ, Юрьевѣ, Владимірѣ, Костромѣ и Дмитровѣ, женѣ своей, Маріи, урожденной княжнѣ тверской. У князя былъ сынъ, но онъ не его сдѣлалъ наслѣдникомъ, а жену. Онъ передалъ ей свои владѣнія безъ всякой оговорки. Онъ не говоритъ, что даетъ ей свой удѣлъ на время малолѣтства сына, или по ея животъ. Онъ переноситъ на нее безусловно всѣ тѣ права, которыя имѣлъ самъ, предполагая, думаемъ, что она, современемъ, передастъ эти права также по духовной граматѣ его сыну. А умретъ сынъ раньше матери? Завѣщаніе не предусматриваетъ этого случая. Надо думать, что княгиня сохраняла за собой въ этомъ случаѣ право пожизненнаго владѣнія. Такимъ образомъ Семенъ передалъ самый большой удѣлъ Московскаго княжества Маріи Александровнѣ тверской, княжнѣ дома изстари враждебнаго дому московскому. Далѣе этого едвали можетъ итти пренебреженіе интересами династіи Даниловичей и разложеніе московской территоріи. Завѣщаніе Семена Гордаго есть крайній пунктъ, котораго достигаетъ послѣдовательное развитіе началъ завѣщанія Калиты. Въ Московскомъ княженіи исчезла всякая государственная идея. Князь не есть представитель государственнаго цѣлаго. Онъ частный собственникъ и заботится только о благѣ семьи своей. Надъ русскими князьями стояли ордынскіе цари, но въ нихъ нельзя-же видѣть воплощеніе русской государственной идеи. Они эксплуатировали Русскую землю въ собственномъ своемъ интересѣ и—только. Русскіе князья были орудіями ихъ власти. Вел. князь владимірскій только исполнитель ханской воли.

Въ качествѣ ханскаго подручника и Семенъ Ивановичъ сидѣлъ на вел. княженіи. Но и онъ, какъ и отецъ его, не считалъ себя въ правѣ сдѣлать о немъ какое-либо распоряженіе. Его заботитъ жена, онъ отказываетъ ей все, что имѣетъ; выше этого не поднимаются его взгляды.

Завѣщаніе Семена Ивановича если и было приведено въ исполненіе (что весьма сомнительно), то очень ненадолго. Вто-

рой сынъ Калиты, Иванъ, захватилъ удѣлъ старшаго брата еще при жизни его жены *).

Московскому княженію предстояло или исчезнуть съ лица земли въ постоянномъ дробленіи, или снова соединиться, но съ нарушеніемъ существующихъ уже правъ его владѣльцевъ. Иванъ Ивановичъ открываетъ путь этихъ нарушеній.

Но соединеніе двухъ большихъ частей подъ властью этого князя не повело къ существенному измѣненію порядка, установленнаго Калитою. Его второй сынъ, Иванъ, недалеко ушелъ отъ воззрѣній отца. Этотъ князь имѣлъ двухъ сыновей, Дмитрія и Ивана, и возстановилъ для нихъ сдѣланное Калитою дѣленіе. Старшему сыну, Дмитрію, онъ отказалъ удѣлъ брата, Семена, отнятый имъ у его жены, а свой собственный—второму, Ивану. Удѣлъ третьяго брата, Андрея, перешелъ къ его сыну, Владиміру. Иванъ въ своемъ завѣщаніи подтверждаетъ за племянникомъ отцовское наслѣдіе. Это все старые порядки, установленные Калитой.

Иванъ Ивановичъ былъ также великимъ княземъ владимірскимъ; но, какъ и отецъ его и братъ, въ своемъ завѣщаніи великимъ княженіемъ онъ не распоряжается. Причины—тѣ-же.

Въ годъ смерти Ивана, положеніе Московскаго княженія было весьма стѣсненное. Москву окружали сильные сосѣди, вла-

*) У Соловьева (III, 327) читаемъ: «Симеонъ отказалъ удѣлъ свой и все движимое и недвижимое женѣ, по смерти которой все это переходило къ брату Семенову, в. кн. Ивану». Того же взгляда держится и Д. И. Иловайскій (Истор. II, 40): «Иванъ получилъ волость старшаго брата по кончинѣ его супруги», говоритъ онъ. Источники же говорятъ прямо противное. Въ завѣщаніи Ивана Ивановича читаемъ: «А се даю сыну своему князю Дмитрію: Можайскъ со всѣми волостьми..., Коломну со всѣми волостьми... (т. е. удѣлъ брата Семена, отказанный имъ женѣ, Маріи). А что исъ тыхъ волостий за княгинею за Марьею, тѣ волости до ее живота и села; а по ее животѣ тѣ волости и села сыну моему князю Дмитрію»... Вдова Семена, княгиня Марья, слѣдовательно, была жива еще; въ моментъ написанія духовной за ней состоятъ нѣкоторыя волости изъ удѣла мужа, весь же удѣлъ принадлежитъ Ивану, который, конечно, отнялъ его у вдовы брата, вопреки своему клятвенному обѣщанію. Карамзинъ тоже не считаетъ вдову Семена умершей во время написанія Иваномъ духовной.

дѣнія которыхъ далеко превосходили удѣлы московскихъ князей. Суздальское княженіе (въ составѣ Суздаля, Нижняго и Городца) находилось въ рукахъ Андрея Константиновича, который могъ направить всѣ свои силы для пріобрѣтенія своему дому великаго княженія. Въ Твери московскимъ князьямъ приходилось имѣть дѣло съ энергическимъ Михаиломъ Александровичемъ, который соединилъ уже въ своихъ рукахъ Микулинъ, Дорогобужъ, Тверь и Кашинъ и выступилъ соперникомъ Дмитрія Ивановича на великое княженіе. Въ своихъ войнахъ съ Москвой тверской князь не разъ пользовался содѣйствіемъ Ольгерда Литовскаго. Наибольшая часть Рязанскаго княженія была объединена подъ властью Олега Ивановича. Рядомъ съ этимъ большимъ и сильнымъ княженіемъ въ Рязани существовалъ только одинъ удѣлъ, Пронскій, который занималъ племянникъ Олега, Владиміръ Дмитріевичъ. Что могла противопоставить такимъ сильнымъ сосѣдямъ разъединенная Москва, гдѣ собственно и князей-то не было, такъ какъ старшему сыну Ивана, Дмитрію, было всего 9 лѣтъ, а двоюродному брату его, Владиміру Андреевичу, и того меньше (6 лѣтъ)? Но въ этомъ обстоятельствѣ и заключалось чрезвычайно благопріятное условіе для успѣшнаго развитія московской территоріи. Въ малолѣтство князей управленіе находилось въ рукахъ бояръ. Среди этихъ бояръ большинство должно было состоять изъ бояръ великаго княженія Владимірскаго. Они находились въ близкихъ отношеніяхъ къ московскимъ князьямъ, которые, въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ, непрерывно, хотя и въ качествѣ ханскихъ посажениковъ, занимали великокняжескій столъ. Эти бояре, конечно, не оставались безъ вліянія на ходъ дѣлъ, особенно когда рѣчь заходила о великомъ княжествѣ Владимірскомъ. Лѣтопись сохранила извѣстіе о томъ, что и заурядные жители города Владиміра не были равнодушны къ тому, кто занималъ владимірскій столъ. Когда, въ 1371 году, Михаилъ Тверской добылъ въ Ордѣ подъ Дмитріемъ Московскимъ ярлыкъ на великое княженіе и подступилъ къ Владиміру, чтобы «сѣсти тамо на великое княженіе», владимірцы не пустили его. Тѣмъ менѣе можно ду-

мать, что судьбы великаго княженія рѣшались безъ участія бояръ этого княженія.

Эти-то бояре и были наставниками Дмитрія Ивановича. Съ направленіемъ боярской политики съ давнихъ временъ мы уже знакомы. Она не могла измѣниться, ибо условія остались тѣ-же. Боярамъ нужны богатыя кормленія. Чѣмъ меньше князей, тѣмъ этихъ кормленій больше. Бояре—естественные сторонники объединительной политики. Эту политику внушили они и Дмитрію Ивановичу, котораго еще младенцемъ возвели на велико-княжескій столъ. Подъ 1362 годомъ лѣтописецъ повѣствуетъ о томъ, что великій князь Дмитрій Ивановичъ согналъ съ Галицкаго княженія князя Дмитрія и взялъ свою волю надъ князьями ростовскими и суздальскими. Кто это сдѣлалъ? Дмитрію Ивановичу было тогда всего 12 лѣтъ. Это сдѣлали его бояре. Очевидно, среди нихъ живетъ еще старая идея о цѣлости Ростовско-владимірской волости, и вотъ они начинаютъ возстановлять старыя границы этой волости, то прогоняя наслѣдственныхъ князей, то приводя ихъ въ зависимость великаго князя, а при его малолѣтствѣ—въ свою собственную.

При такихъ-то условіяхъ, Дмитрій Ивановичъ является основателемъ новаго порядка вещей. Онъ установляетъ въ великомъ княженіи единонаслѣдіе. Этого начала Дмитрій Ивановичъ не могъ заимствовать изъ практики княжеской. Всеволодъ Большое-гнѣздо раздѣлилъ Владимірское княженіе. Иванъ Калита и его сыновья дѣлятъ все, что только попадаетъ въ ихъ руки. Начало недѣлимости живетъ изстари среди бояръ и отъ нихъ перешло оно къ великому князю Дмитрію.

Новаторомъ Дмитрій Ивановичъ является, однако, только въ области великаго княженія. Въ старыхъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ и въ тѣхъ пріобрѣтеніяхъ къ нимъ, которыя онъ дѣлаетъ изъ сосѣднихъ наслѣдственныхъ территорій, онъ слѣдуетъ практикѣ отца и дѣда. Такимъ образомъ, онъ въ одно и то-же время продолжаетъ старое и кладетъ твердое основаніе новому.

Все великое княженіе Дмитрій Ивановичъ отказываетъ

безъ раздѣла одному старшему сыну Василію. Изъ Московскаго удѣла онъ даетъ ему Коломну и половину своей доли въ городѣ Москвѣ.

Другія свои владѣнія онъ распредѣляетъ между остальными сыновьями. Княгиня его также получаетъ надѣлъ.

Давая удѣлы младшимъ сыновьямъ своимъ, Дмитрій Ивановичъ, конечно, надѣлялъ ихъ съ имѣющимъ возникнуть отъ нихъ потомствомъ. Такой порядокъ, какъ мы видѣли, установился уже при его дѣдѣ и продолжался при дядѣ и отцѣ. Онъ составляетъ семейное преданіе. Но Дмитрій Ивановичъ умеръ въ молодыхъ еще лѣтахъ; авторъ «Слова» насчитываетъ ему всего 38 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ. Старшему сыну его было въ это время только 18 лѣтъ, и онъ не былъ еще женатъ; Андрею—8, Петру всего—5. Неудивительно, что отецъ допускалъ возможность бездѣтной ихъ смерти и сдѣлалъ на этотъ случай особое распоряженіе. «А по грѣхомъ,—читаемъ въ завѣщаніи,—котораго сына моего Богъ отъиметь, и княгиня моя подѣлитъ того удѣломъ сыновъ моихъ»... Это мѣсто надо читать, конечно, такъ: а котораго сына моего Богъ отыметъ, а не будетъ у него дѣтей, а княгиня моя подѣлитъ и т. д. Иначе оказалось бы, что внуки князя лишаются своихъ отчинъ.

На случай же бездѣтной смерти старшаго сына, Василія, Дмитрій Ивановичъ дѣлаетъ распоряженіе и о великомъ княженіи Владимірскомъ съ Коломной, но совершенно въ иномъ смыслѣ. Этотъ удѣлъ не дѣлится, онъ цѣликомъ переходитъ къ слѣдующему брату, удѣлъ котораго дѣлится между остальными. Изъ этого распоряженія должно заключить, что Дмитрію Ивановичу была присуща мысль о принципіальной недѣлимости великаго княженія. Это первый князь московскаго дома, одаренный государственнымъ умомъ, хотя дѣйствующій еще подъ сильнымъ вліяніемъ тѣхъ противо-государственныхъ началъ, которыми были проникнуты его отецъ, дядя и дѣдъ.

Василій Дмитріевичъ, по завѣщанію отца, великій князь владимірскій, обнаружилъ съ перваго года княженія боль-

шую энергію и не только укрѣпилъ за собой наслѣдованныя отъ отца владѣнія, но и значительно расширилъ ихъ.

Въ договорѣ съ дядею Владиміромъ Андреевичемъ, заключенномъ никакъ не позднѣе 1390 года, онъ высказываетъ уже намѣреніе добыть себѣ Торусу и Муромъ. Послѣдній городъ съ волостями онъ, дѣйствительно, пріобрѣлъ. Въ томъ же году овладѣлъ онъ всѣмъ Суздальскимъ княженіемъ подъ дѣтьми сперва соперника, а потомъ союзника отца своего, Дмитрія Константиновича, въ составѣ Суздаля, Нижняго, Городца и Вятки.

Какъ и при какихъ обстоятельствахъ произошло это крупное пріобрѣтеніе? Источники, по обыкновенію, очень скупы. Они выражаются до крайности кратко: «Князь великій, Василій Дмитріевичъ, взя Новгородъ Нижній, князей и съ княгинями сведе», говоритъ Воскр. лѣт., какъ будто дѣло идетъ о самомъ обыкновенномъ происшествіи. А происшествіе это далеко не обыкновенное. Князья, которыхъ Василій Дмитріевичъ такъ просто свелъ съ Нижняго, родные братья матери его; а самому Василію въ это время не было еще полныхъ 20-ти лѣтъ. Не болѣе какъ два года тому назадъ, Дмитрій Донской, умирая, приказалъ сыновьямъ своимъ во всемъ слушаться матери. Неужели это она возбудила сына прстивъ своихъ родныхъ братьевъ? Это такъ-же трудно думать, какъ и допустить, что юный Василій Дмитріевичъ самъ возсталъ противъ столь близкихъ ему родственниковъ, отецъ которыхъ долгое время былъ вѣрнымъ союзникомъ его отца. Кто же возбудилъ его къ нарушенію старинныхъ правъ его родныхъ дядьевъ, которые признавались и его отцомъ безспорными? Были, значитъ, около него совѣтники, которые интересы великаго княженія ставили выше частныхъ семейныхъ привязанностей. Это, конечно, бояре. Въ объединительной политикѣ они идутъ далѣе князей: юный Василій Дмитріевичъ дѣлаетъ то, чего не рѣшился сдѣлать отецъ его, побѣдитель татаръ. Дмитрій Ивановичъ терпѣлъ въ Нижнемъ сыновей своего союзника до самой смерти своей; сынъ его не могъ терпѣть ихъ сосѣдства и одного года.

Василія Дмитріевича пережилъ только одинъ сынъ: чувствамъ отца не приходилось въ немъ бороться съ обязанностями государя. Это совершенно случайное обстоятельство очень много способствовало къ упроченію вновь возникшей государственной территоріи. Это уже второй разъ, что случай является на помощь возникающему государству и поправляетъ ошибки его князей. Положеніе самого Дмитрія Ивановича и его потомства было бы, конечно, хуже, если бы не умеръ своевременно второй братъ его, Иванъ. Потомкамъ Донскаго пришлось бы сокрушить еще одну лишнюю династію. Все свое княженіе Василій Дмитріевичъ отказалъ сыну, Василію, надѣливъ жену по животъ, согласно съ выработавшеюся уже практикой московскаго дома.

Вредныя для спокойнаго развитія территоріи новаго государства послѣдствія установленнаго Калитой порядка съ особенною силою обнаружились при преемникѣ Василія. Галицкій князь, Юрій Дмитріевичъ, желая воспользоваться малолѣтствомъ племянника, вел. князя Василія Васильевича (ему было всего 10 лѣтъ), вступилъ съ нимъ въ борьбу изъ-за обладанія великимъ княженіемъ *). По смерти Юрія (†1434), при-

*) Намѣреніе Юрія Дмитріевича завладѣть великимъ княженіемъ обнаружилось еще при жизни его старшаго брата, въ завѣщаніи котораго онъ не принялъ участія въ качествѣ попечителя. По его смерти, оно немедленно перешло въ дѣло; но, надо думать, Юрій не нашелъ себя тогда достаточно сильнымъ, чтобы достигнуть цѣли вооруженною рукою, а потому въ 1428 г. онъ заключилъ съ племянникомъ миръ, по которому призналъ за нимъ всѣ отказанныя ему отцомъ владѣнія. Партія великаго князя (ему самому не было тогда еще полныхъ 14 лѣтъ) настолько считала себя сильной, что не нашла нужнымъ сдѣлать Юрію какія-либо территоріальныя уступки. Но въ 1431 году Юрій разорвалъ этотъ миръ. Въ томъ-же году племянникъ и дядя вознамѣрились отправиться въ Орду для рѣшеня спора о вел. княженіи. Это обращеніе въ Орду есть случай передачи спора на рѣшеніе третейскаго судьи, каковымъ, по соглашенію сторонъ, избранъ ордынскій ханъ. «Царь же, говоритъ лѣтописецъ, повелѣлъ своимъ княземъ судити князей русскихъ». И дѣйствительно, передъ этими судьями въ присутствія хана происходило судоговореніе по всей формѣ. Истецъ и отвѣтчикъ доказывали свои права съ документами въ рукахъ лѣтописями, грамотами), ссылаясь на прецеденты и на княжескія завѣща-

тязанія эти перешли къ его сыновьямъ, на сторонѣ которыхъ оказался и старшій сынъ второго дяди велик. князя, Андрея († 1432), Иванъ Можайскій, которому очень хотѣлось сдѣлаться княземъ всего Суздальскаго княженія.

Великое княженіе испытало тяжелыя потрясенія, но вышло изъ борьбы окрѣпшимъ и снова значительно увеличившимся.

Первый ударъ обрушился на голову Василія Ярославича Серпуховскаго, внука Владиміра Андреевича и единственнаго обладателя его обширнаго удѣла. Присоединеніе Серпуховскаго княженія къ Москвѣ—дѣло столь же несправедливое, какъ и присоединеніе Суздальскаго княженія. Но Московское государство и не могло образоваться безъ нарушенія существующихъ правъ.

Еще въ 1428 г. Василій Васильевичъ признавалъ права внуковъ Владиміра Андреевича на ихъ отчину. Въ договорѣ, заключенномъ въ этомъ году съ дядей, Юріемъ, онъ обязываетъ его блюсти отчину внучатъ князя Владиміра, не обидѣть, не вступаться. Но изъ договора его съ самимъ Васи-

нія. Юрій Дмитріевичъ оказался великимъ крючкотворцемъ, онъ ухватился за букву духовной своего отца и подкрѣплялъ ее ссылками на случаи болѣе древнихъ переходовъ вел. княженія отъ брата къ брату. Мы уже знаемъ, что духовная только по буквѣ, а не по духу и практикѣ московской, была въ его пользу. Не смотря на это, Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій, представитель правъ великаго князя, усомнился, кажется, въ успѣхѣ своего дѣла. Онъ бросилъ всякую аргументацію и обратился просто къ милости хана: «Государь вольный царь, сказалъ онъ, освободи молвить слово мнѣ, холопу великаго князя. Нашъ государь, вел. кн. Василій, ищетъ стола своего, вел. княженія, а твоего улусу, по твоему цареву жалованью, по твоимъ девтеремъ и ярлыкомъ, а твое жалованье предъ тобою. А господинъ нашъ кн. Юрій Дмитріевичъ хочетъ взять вел. княженіе по мертвой (!) грамотѣ отца своего, а не по твоему жалованью, вольнаго царя. А ты воленъ въ своемъ улусѣ, кого восхощешь жаловати, по твоей волѣ»... Судъ перешелъ, такимъ образомъ, въ выпрашиваніе великаго княженія. Царь рѣшилъ споръ въ пользу вел. кн. Василія и приказалъ даже Юрію вести подъ нимъ коня. Мы, конечно, не въ состояніи теперь сказать, почему выигралъ дѣло в. князь: потому ли, что онъ, дѣйствительно, былъ правъ, что призналъ и самъ Юрій три года тому назадъ, или потому, что царя обольстилъ рабскій языкъ Всеволожскаго. Наши государственные люди XV в., кажется, признавали уже правило: цѣль оправдываетъ средства.

ліемъ Ярославичемъ узнаемъ, что вел. князь не додалъ ему его дѣдины: Углича, Городца на Волгѣ, Козельска, Гоголя, Алексина, Пересвѣтова и Лисина. Что значитъ—не додалъ? Волости эти были отказаны Владиміромъ Андреевичемъ не отцу Василія, а дядьямъ его. Надо думать, что, по смерти этихъ дядьевъ, Василій Васильевичъ и захватилъ ихъ. Это и значитъ—не додалъ, т. е. взялъ себѣ чужое наслѣдіе. Послѣдній дядя Василія умеръ въ 1427 году; около этого времени (или годомъ позднѣе, послѣ договора съ Юріемъ) и произошла, значитъ, недодача. Василію Ярославичу было тогда около 17 лѣтъ, а самому Василію Васильевичу не болѣе 14-ти. И тутъ опять за именемъ малолѣтняго велик. князя скрывается боярская рука, созидающая камень за камнемъ Московское государство.

Василій Ярославичъ, не смотря на умаленіе своей вотчины, оставался вѣрнымъ союзникомъ великаго князя. Въ 1446 году, когда тотъ былъ измѣннически схваченъ Дмитріемъ Шемякой, лишенъ свободы и ослѣпленъ, Василій Ярославичъ бѣжалъ въ Литву, гдѣ сдѣлался центромъ, около котораго и собрались сторонники великаго князя. Эта услуга смягчила Василія Васильевича; онъ сознаъ, что находится въ долгу у серпуховскаго князя, и вмѣсто недоданныхъ волостей далъ ему Дмитровъ и Вышгородъ.

Но вѣрность князя не спасла Серпуховскій удѣлъ. Политика пріобрѣтеній шла своимъ чередомъ. Не смотря на нѣсколько новыхъ договоровъ, которыми подтверждались права Василія Ярославича, онъ былъ схваченъ въ 1456 году, закованъ въ желѣза и сосланъ въ заключеніе въ Угличъ. Сынъ его бѣжалъ въ Литву. Такимъ образомъ сходитъ со сцены линія третьяго сына Калиты. Праправнукъ этого чадолюбиваго князя скончался (1483 г.) въ неволѣ и тяжкихъ оковахъ. За двадцати-лѣтнее властвованіе, въ качествѣ удѣльнаго князя и третчика въ Москвѣ, онъ заплатилъ двадцатитрехъ-лѣтнимъ тяжкимъ тюремнымъ заключеніемъ. Такъ поплатился совершенно невинный потомокъ за политическую близорукость предка. Вся вина Василія Ярославича заключалась въ его наслѣдственныхъ правахъ.

Любовь къ дѣтямъ составляетъ семейную добродѣтель потомковъ Калиты; она постоянно вынуждаетъ ихъ нарушать требованія разумной политики. Всѣ они, если только въ минуту смерти у нихъ оказывалось нѣсколько сыновей, даютъ удѣлы и младшимъ. При жизни они сами испытываютъ неудобства этого порядка, борятся съ нимъ, всѣми правдами и неправдами отбираютъ удѣлы дядьевъ, братьевъ и племянниковъ; а въ минуту смерти создаютъ совершенно такія-же затрудненія для своихъ преемниковъ.

Надѣлилъ всѣхъ своихъ дѣтей и Василій Васильевичъ, такъ много терпѣвшій отъ дяди и двоюродныхъ братьевъ. На его завѣщаніи лежитъ еще замѣтный слѣдъ установленнаго Калитою порядка. Старшему сыну, Ивану, даетъ онъ великое княженіе и значительную часть пріобрѣтеній дѣда, отца и своихъ собственныхъ; въ Москвѣ-же съ уѣздомъ назначаетъ ему только свою наслѣдственную треть. Трети Калиты еще живы!

Въ противоположность отцу, дѣду и прадѣду, Иванъ Васильевичъ вступилъ на престолъ возмужалымъ, въ возрастѣ 22-хъ лѣтъ. Съ ранней юности онъ былъ свидѣтелемъ борьбы отца своего съ двоюродными братьями. Шестилѣтнимъ мальчикомъ онъ сопровождалъ великаго князя (1446 г.) въ Сергіевъ монастырь и былъ очевидцемъ измѣннической (на крестномъ цѣлованіи) его поимки и лишенія свободы. Только по крайней небрежности враговъ великаго князя, юный Иванъ Васильевичъ не раздѣлилъ участи отца. Послѣдовавшее за тѣмъ истребленіе удѣльныхъ князей должно было представляться ему дѣломъ разумной политики. Къ вѣковой практикѣ велико-княжескихъ бояръ и собственныхъ предковъ, которая должна была стать въ старшей линіи Дмитрія Донского семейнымъ преданіемъ, онъ присоединилъ и свой личный опытъ. Въ его лицѣ великое княженіе получило искуснаго продолжателя дѣла, начатого Донскимъ. Въ своихъ пріобрѣтеніяхъ онъ далеко вышелъ за старыя границы древней Ростовской волости. Дѣло его, конечно, было гораздо легче, чѣмъ дѣло первыхъ начинателей: онъ имѣлъ за со-

бою столѣтній опытъ и столѣтнія преданія; но онъ внесъ въ него новые пріемы. Безъ насилія не образовалось ни одно великое государство; не обходился безъ него и великій князь Иванъ. Но онъ не любилъ насилія. Онъ обращался къ нему лишь въ послѣдній часъ, когда всѣ мирныя средства были уже истощены. Иванъ Васильевичъ любилъ, чтобы сосѣдніе владѣльцы добровольно уступали ему свои владѣнія. И онъ умѣлъ достигать этого. Если-же сосѣди упорствовали, онъ ставилъ ихъ въ такое положеніе, что они оказывались виноватыми передъ нимъ. Только тогда брался онъ за оружіе и наказывалъ виновныхъ отнятіемъ ихъ владѣній. Иванъ Васильевичъ былъ всегда правъ, виноваты были его сосѣди.

Первый опытъ своего искусства онъ показалъ на верейскомъ князѣ, владѣльцѣ послѣдняго удѣла, оставшагося отъ дѣлежа произведеннаго Дмитріемъ Донскимъ. Великій князь такъ хорошо обставилъ свои отношенія къ Михаилу Андреевичу, что тотъ сталъ добровольно и безъ всякаго вознагражденія уступать ему одинъ за другимъ города и волости въ своей отчинѣ. По первой уступкѣ онъ передалъ въ руки великаго князя: Звенигородъ, Плѣснь, Сохну и нѣкоторыя другія волости. Это было нѣчто необычайное. Верейскій князь имѣлъ сына; переходъ удѣла отъ отца къ сыну не только разумѣлся съ давнихъ временъ самъ собой и всегда происходилъ, но въ данномъ случаѣ онъ былъ признанъ и самимъ Иваномъ Васильевичемъ. Нѣсколько позднѣе, Михаилъ Андреевичъ уступилъ великому князю, на случай смерти своей, Бѣлоозеро со всѣми волостями. Положеніе сына и законнаго наслѣдника верейскаго князя, Василія, становилось критическимъ. Наслѣдственныя права его, неоднократно подтвержденныя великимъ княземъ, таятъ какъ воскъ. Онъ небезосновательно можетъ опасаться, что изъ отчины и дѣдины ему ровно ничего не останется. Очень естественно, что онъ недоволенъ. Чтобы сохранить за нимъ хоть что-нибудь, отецъ при жизни даетъ ему Верею,—знакъ, что отецъ ничего не имѣлъ противъ сына. Можно-ли удивляться, что новый верейскій князь, кругомъ обобранный, но съ соблюденіемъ не

только всякихъ приличій, но и всякихъ правъ (добровольно отказываться отъ своихъ владѣній всякій, конечно, можетъ),— оказался виноватъ передъ великимъ княземъ? Мы не знаемъ, какую вину совершилъ онъ, но думаемъ, что въ его положеніи и нельзя было не провиниться. За эту вину великій князь отобралъ у него Верейскій удѣлъ и великодушно возвратилъ отцу его. Отецъ, тронутый этою милостью, отказалъ все, что у него еще оставалось, великому князю и обязался не только не принимать къ себѣ своего сына, но и не входить съ нимъ ни въ какія сношенія.

Верейское княженіе поступило въ составъ великаго, а сынъ и законный наслѣдникъ верейскаго князя прогнанъ отцомъ изъ родительскаго дома и не только лишенъ владѣтельныхъ правъ, но не получилъ въ своей отчинѣ и единаго двора, съ котораго могъ-бы кормиться.

Въ 1472 г. скончался второй сынъ Василія Темнаго, Юрій, обладатель наибольшаго удѣла послѣ великаго княженія. Юрій не оставилъ дѣтей. Мы уже знаемъ, что духовная Дмитрія Донского предписываетъ въ этихъ случаяхъ дѣлежъ удѣла между пережившими братьями; завѣщаніе-же Василія Васильевича этого вопроса не касается. Юрій могъ, поэтому, считать себя въ правѣ, если не распорядиться своимъ удѣломъ по усмотрѣнію, то назначить части всѣмъ братьямъ. Онъ не сдѣлалъ этого, но завѣщаніе написалъ и притомъ весьма знаменательное. Онъ распоряжается въ немъ только частной своей собственностью: селами и движимостями, о городахъ-же и волостяхъ не говоритъ ни слова. Села свои Юрій распредѣляетъ между всѣми братьями. Можно думать, что то-же хотѣлъ онъ сдѣлать и съ волостями, но не сдѣлалъ. Почему? Это было, конечно, неугодно великому князю. Но Юрій могъ назначить великаго князя единственнымъ своимъ наслѣдникомъ: такое распоряженіе не встрѣтило-бы сопротивленія со стороны Ивана Васильевича; но Юрій и этого не сдѣлалъ. Почему? Это было, конечно, неугодно ему самому. При такихъ-то обстоятельствахъ, надо думать, было написано это завѣщаніе владѣтельнаго князя, въ которомъ

ни слова не говорится о его владѣніяхъ. Чего не хотѣлъ сдѣлать Юрій, то сдѣлалъ самъ великій князь: онъ присоединилъ весь его удѣлъ къ своимъ владѣніямъ.

Младшій братъ Ивана Васильевича, Андрей, оказался сговорчивѣе Юрія. Онъ добровольно отказалъ ему свой удѣлъ, за исключеніемъ одной только волости подъ Москвой, Раменейце, назначенной Андрею Старшему. Столь-же сговорчивъ былъ и племянникъ великаго князя, Иванъ Борисовичъ, завѣщавшій ему всю свою вотчину, хотя у него былъ живъ ближайшій родственникъ, родной братъ и притомъ старшій, Ѳедоръ.

Такимъ-же мирнымъ способомъ Иванъ Васильевичъ распространилъ свои владѣнія до самаго сердца Рязанскаго княжества. Ѳедоръ Васильевичъ Рязанскій отказалъ ему свою отчину на Рязани, въ городѣ и на посадѣ, и старую Рязань и Перевитескъ съ волостями. А у Ѳедора Васильевича былъ живъ родной племянникъ, великій князь рязанскій, Иванъ. Эту уступку Ѳедоръ Васильевичъ сдѣлалъ не смотря на то, что въ договорѣ съ покойнымъ братомъ, отцомъ рязанскаго князя, Ивана, обязался, въ случаѣ бездѣтной смерти своей, никому не отказывать удѣла помимо этого старшаго брата. О сынѣ въ договорѣ не упомянуто, но что сынъ входитъ въ права отца—это разумѣлось само собой, такъ какъ договоръ имѣлъ въ виду сохраненіе отчины рязанскихъ князей въ ихъ домѣ.

Воевать приходилось только съ тѣми, кто сопротивлялся. Великій Новгородъ назвалъ Ивана Васильевича своимъ государемъ, а потомъ отказался. Вѣсть объ этой измѣнѣ до крайности разстроила великаго князя: онъ не могъ удержать слезъ и заплакалъ. И немудрено: дѣло, которое устроивалось такъ мирно и по собственной иниціативѣ новгородцевъ, ускользнуло изъ рукъ, по винѣ литовской партіи, и теперь надо было прибѣгать къ силѣ. «Я не хотѣлъ у нихъ государства,—говорилъ Иванъ Васильевичъ митрополиту Геронтію,—они сами мнѣ его предложили, а теперь запираются и возлагаютъ на меня ложь». За это преступленіе Новгород-

ская волость была разграблена, лишена вольностей и присоединена въ великому княженію.

При этомъ произошло одно обстоятельство, на которое должно обратить особенное вниманіе. Иванъ Васильевичъ вступилъ съ побѣжденными въ переговоры и потребовалъ чтобы они дали ему волости и села (въ собственность). Новгородцы ударили ему челомъ десятью волостями. Великій князь не взялъ, десяти волостей ему было мало. Онъ потребовалъ себѣ половину всѣхъ волостей, чьи-бы онѣ ни были. Новгородцы дали. Если надо было требовать уступки волостей, то, значитъ, побѣда не дѣлала еще великаго князя собственникомъ покоренной земли, и это—его собственная точка зрѣнія. Быть государемъ не значитъ еще быть собственникомъ всей государственной территоріи. Таковъ взглядъ московскаго государя второй половины XV вѣка. Но съ возрастаніемъ Московскаго государства, самовластіе дѣлаетъ чрезвычайно быстрые успѣхи. Въ 1478 году великій князь не рѣшается самъ взять у новгородцевъ столько селъ, сколько ему нужно; а въ 1484 году онъ уже не находитъ никакого затрудненія произвольно отбирать у большихъ новгородскихъ бояръ и боярынь села и казну ихъ, а ихъ самихъ переселять изъ Новгорода въ Москву.

Въ 1486 году дошла очередь и до Твери. Съ послѣдними расширеніями великаго княженія, а особенно съ пріобрѣтеніемъ Новгорода, самобытное существованіе Твери, съ трехъ сторонъ опоясанной владѣніями московскаго князя, сдѣлалось невозможнымъ. Князья московскій и тверской поддерживали, однако, дружественныя отношенія, установившіяся еще при ихъ отцахъ и скрѣпленныя бракомъ Ивана Московскаго съ дочерью тверского князя, Бориса. Новый тверской князь, Михаилъ Борисовичъ, близкій свойственникъ московскаго, не разъ оказывалъ ему, на свою бѣду, дѣятельную военную помощь и противъ Новгорода, и противъ татаръ. Но эти обоюдныя дружественныя отношенія не могли быть искренними и прочными. Натянутость положенія и грядущее торжество Москвы носились въ воздухѣ и чувствова-

лись всѣми. Спасаясь отъ крушенія, изъ Твери въ Москву стали отъѣзжать не только бояре, но и удѣльные князья. Великій князь принималъ ихъ радушно и надѣлялъ, чѣмъ могъ, а надѣлить ему было чѣмъ. Этимъ создалось для великаго князя тверского совершенно невыносимое положеніе. Отчины отъѣхавшихъ бояръ находятся въ предѣлахъ его владѣній, а бояре служатъ съ этихъ отчинъ не ему, а великому князю московскому. Московскій князь болѣе хозяинъ въ Тверскомъ княженіи, чѣмъ самъ тверской. Эту мертвую петлю, наброшенную на Тверское княженіе всѣмъ предшествовавшимъ ходомъ событій, Иванъ Васильевичъ понемногу еще затягиваетъ. Лѣтописецъ разсказываетъ: если въ порубежныхъ спорахъ москвичъ былъ виноватъ, въ Москвѣ его всегда оправдывали; если-же тверичи обвинялись, Иванъ Васильевичъ съ поношеніемъ и угрозами слалъ къ тверскому князю, отвѣтамъ-же его не вѣрилъ и суда не давалъ. Слѣдствіемъ такой беззащитности тверичей было то, что всѣ бояре тверскіе,—говоритъ лѣтописецъ,—поѣхали служить къ великому князю на Москву, не стерпя обидъ его.

Что было дѣлать въ этомъ положеніи великому князю тверскому? Перестать быть княземъ и все отдать своему счастливому сосѣду. Но Михаилъ Борисовичъ не умѣлъ понять своего положенія: прирожденному князю и не легко понять такое положеніе. Онъ захотѣлъ испытать крайнее средство, иноземную помощь, и сталъ ссылаться съ великимъ княземъ литовскимъ, подымая его на великаго князя Ивана. За эту вину Иванъ Васильевичъ обложилъ Тверь. О сопротивленіи, конечно, не могло быть и рѣчи. Тверской князь бѣжалъ въ Литву, а княженіе его соединилось съ Москвой.

Иванъ Васильевичъ хорошо понималъ неудобства удѣловъ. Онъ даже прямо и рѣшительно высказался противъ нихъ. Это было въ 1496 г. Узнавъ о намѣреніи великаго князя литовскаго, Александра, надѣлить брата своего, Сигизмунда, Кіевомъ, онъ убѣждалъ дочь свою, Елену, жену литовскаго князя, предостеречь мужа отъ этого поступка. По этому поводу онъ говорилъ ей: «нестроеніе было въ Литвѣ,

коли было государей много; тоже и въ нашей землѣ при моемъ отцѣ, да и мнѣ съ братіею были дѣла».

Но порядокъ этотъ такъ давно сложился въ Москвѣ, такъ неизмѣнно соблюдался всѣми предшественниками Ивана Васильевича, что и онъ не нашелъ возможнымъ отступить отъ него. Благословивъ старшаго сына Василія своею отчиною, великими княжествами, чѣмъ его самого благословилъ отецъ и что ему Богъ далъ, со множествомъ городовъ и волостей, онъ назначаетъ удѣлы и всѣмъ младшимъ: Юрію, Дмитрію, Семену и Андрею.

Соединивъ всю Москву съ уѣздомъ въ своихъ рукахъ, Иванъ Васильевичъ не возстановляетъ уже третей Калиты, но и не отдаетъ всей Москвы Василію. Такъ трудно было освободиться отъ существующаго порядка даже и Ивану Васильевичу! Онъ даетъ всѣмъ младшимъ сыновьямъ равное съ Василіемъ участіе въ тѣхъ двухъ «годахъ на Москвѣ», которые были даны братьямъ его, Юрію и Андрею Меньшому, да въ годѣ Михаила Андреевича.

Но въ завѣщаніи Ивана Васильевича находимъ и важное нововведеніе:

«А которого моего сына не станетъ, читаемъ въ его духовной грамотѣ, а не останется у него ни сына, ни внука, ино его удѣлъ весь въ Московской землѣ и въ Тверской землѣ, что есми ему ни далъ, то все сыну моему, Василью. А братья его у него въ тотъ удѣлъ не вступаются. А останутся у него дочери, и сынъ мой, Василей, тѣ его дочери надѣливъ, подаетъ замужъ. А что дастъ своей княжне волостей, и селъ, и казны, и въ то во все сынъ мой, Василей, у неѣ не вьступается ни во что до еѣ живота».

Этимъ распоряженіемъ установлена неотчуждаемость удѣловъ. Они могли перейти только къ сыновьямъ владѣльца; если-же сыновей у него не было, удѣлъ присоединялся къ великому княженію. Владѣлецъ удѣла могъ надѣлить свою жену, но только пожизненно; въ случаѣ ея смерти владѣнія ея также присоединялись къ великому княженію. Соотвѣтствующія распоряженія духовной Дмитрія Донского этимъ измѣняются, а объединеніе Московскаго государства дѣлаетъ новый существенный шагъ впередъ.

При погребеніи великаго князя Ивана Васильевича присутствовалъ только одинъ удѣльный князь, Ѳедоръ Борисовичъ Волоцкой. Другихъ не было, да и этотъ владѣлъ всего однимъ Волокомъ да половиной Ржевы. Новаго-же великаго князя, Василія Ивановича, привѣтствовали на великомъ княженіи пять удѣльныхъ князей: старый, Ѳедоръ Волоцкой, и четыре новыхъ, родные братья великаго князя. Подобную-же картину можно было наблюдать и при вступленіи на престолъ отца Василія, Ивана Васильевича. Удѣлы возрождаются съ каждымъ новымъ царствованіемъ. Но это возрожденіе потеряло съ Донского свой опасный характеръ Великое княженіе такъ неизмѣримо превосходитъ область удѣловъ, историческія основы его, восходя къ той сѣдой древности, когда и помину еще не было о московскихъ удѣлахъ, такъ прочны, что объ опасности удѣловъ для цѣлости Московскаго государства и рѣчи быть уже не можетъ. Духовная Ивана Васильевича обезвредила ихъ окончательно. Удѣльные князья не могутъ болѣе распоряжаться своими удѣлами ни при жизни, ни на случай смерти. Есть у нихъ сыновья,—удѣлъ дѣлится между сыновьями; нѣтъ сыновей,—удѣлъ идетъ къ великому князю. Въ силу этого удѣлы не могутъ соединиться. Судьба ихъ—постоянное дробленіе и ничтожество въ перспективѣ.

Удѣлы неопасны для цѣлости великаго княженія; но удѣльные князья опасны для царствующей династіи. Они всегда представляютъ нѣкоторый запасъ кандидатовъ, готовыхъ замѣнить царствующаго государя. Уничтоженіе ихъ есть все-таки необходимое требованіе политики. Кто-же ихъ уничтожилъ? Наша исторія не знаетъ государя, который-бы отмѣнилъ удѣльныхъ князей и высказалъ принципъ недѣлимости Русской земли.

Василій Ивановичъ, какъ и его предшественники, надѣлилъ обоихъ своихъ сыновей, Ивана и Юрія. Князь Юрій умеръ, не оставивъ наслѣдниковъ, и, только благодаря этому счастливому обстоятельству, удѣлъ его соединился съ великимъ княженіемъ. Иванъ Грозный обнаружилъ намѣреніе

выдѣлить еще болѣе крупный удѣлъ своему второму сыну, Ѳедору. Онъ назначалъ ему: Суздаль, Шую, Кострому, Любимъ, Судиславль, Нерехту, Ярославль, Козельскъ, Серпейскъ, Мценскъ и Волокъ-Ламскій. Относительно этого обширнаго удѣла онъ дѣлаетъ такую оговорку въ своемъ завѣщаніи: «А удѣлъ сына моего, Ѳедора, ему-жъ (старшему сыну моему, Ивану) къ великому государству». Эта оговорка по формѣ только новая, по существу-же старая, ибо принадлежность удѣловъ государству установлена еще въ духовной его дѣда.

По ходу развитія велико-княжеской, а потомъ царской власти, у насъ и ожидать было нельзя, чтобы кто-либо изъ московскихъ государей издалъ указъ о недѣлимости государства и воспретилъ назначеніе удѣловъ. Это значило-бы ограничить самого себя. Стремленія-же къ такому ограниченію незамѣтно въ московскихъ государяхъ.

Древность продолжаетъ жить и въ Москвѣ. Московскіе государи распространяютъ свои владѣнія самыми разнообразными способами. Но и въ этой новой творческой дѣятельности ихъ можно еще замѣтить слѣды стараго порядка вещей. Когда имъ приходилось пріобрѣтать не части только чужихъ владѣній, а цѣлыя княженія, то они не съ разу сливали ихъ съ своими старыми владѣніями, а назначали во вновь пріобрѣтенныя княжества сыновей своихъ съ титуломъ великаго князя, т. е. какъ-бы сохраняли политическую особность пріобрѣтаемыхъ княженій

Такъ поступилъ Василій Дмитріевичъ съ великимъ княженіемъ Суздальскимъ. Отнявъ Нижній-Новгородъ у родныхъ братьевъ своей матери, онъ назначилъ старшаго сына, Ивана Васильевича, великимъ княземъ Нижняго-Новгорода *).

*) Утверждаемъ это на томъ основаніи, что въ лѣтописи подъ 1417 г. написано:

«Преставися нареченный князь велики Нижнего-Новагорода, Иванъ Василевичъ, сынъ великого князя, Василіа Дмитреевича, на Москвѣ; положиша и въ церкви архангела Михаила, идѣже вси князи рустіи лежать». Воскр.

Издатели въ примѣчаніи къ этому мѣсту говорятъ, что всѣ списки

Такъ поступилъ великій князь Иванъ Васильевичъ, по завоеваніи великаго княженія Тверскаго. Онъ назначилъ въ Тверь особаго великаго князя также въ лицѣ старшаго сына своего, Ивана. Новый великій князь тверской былъ не намѣстникомъ отца своего, а какъ-бы дѣйствительнымъ великимъ княземъ тверскимъ. Въ его княженіе судъ и грамоты давались его именемъ, а не именемъ его отца. Но въ завѣщаніи Ивана Васильевича великое княженіе Тверское слито уже съ Московскимъ государствомъ

Живучесть старины видна и въ томъ, что новорожденное государство очень долго, безъ малаго въ теченіи 200 лѣтъ, не имѣло своего собственнаго имени, а обозначалось перечисленіемъ составныхъ частей своихъ. Какъ старые великіе князья, Владиміръ святой и сынъ его, Ярославъ, не имѣли никакого общаго наименованія для обозначенія всей совокупности своихъ владѣній, такъ не имѣетъ его Дмитрій Донской, его сынъ, внукъ и правнукъ. Ярославъ раздаетъ дѣтямъ города-волости; Дмитрій Ивановичъ назначаетъ старшему сыну: часть въ Москвѣ, Коломну и великое княженіе, остатокъ Володимірской волости, выдѣлившійся изъ старой Ростовской. Василій Дмитріевичъ благословляетъ старшаго сына своего тѣмъ, чѣмъ благословилъ его отецъ: третью Москвы, Коломной и пр. и своими примыслами, Нижнимъ Новгородомъ и Муромомъ. Въ завѣщаніи Василія Васильевича читаемъ:

«А сына своего старѣйшаго, Ивана, благословляю своею отчиною, великимъ княженіемъ, а даю ему треть въ Москвѣ

лѣтописи смѣшиваютъ смерть нижегородскаго князя Ивана Васильевича со смертью соименника его, сына великаго князя московскаго, Василія Дмитріевича. Въ такомъ примѣчаніи нѣтъ ни малѣйшей надобности. Мѣсто надо понимать, какъ оно написано. Великій князь московскій нарекъ сына своего на нижегородское княженіе. Ивана-же Васильевича линіи нижегородскихъ князей и нарекать-то было некому. Отецъ его умеръ въ 1403 г., родные дяди еще раньше. Въ живыхъ были двоюродные дяди, которые не прочь были завладѣть Нижнимъ на себя. Одному изъ нихъ, Данилу Борисовичу, даже удалось получить отъ царя Махмета ярлыкъ на свою отчину (А. Э. I. № 18).

и съ путьми, съ моими жеребьи, чѣмъ мя благословилъ отецъ мой... Володимеремъ, Переяславлемъ» и т. д. слѣдуетъ перечисленіе всѣхъ назначенныхъ городовъ.

Подъ «великимъ княженіемъ» Василій Васильевичъ, конечно, разумѣлъ Владимірское великое княженіе, а не то новое цѣлое, которое далъ старшему сыну.

Сынъ его, Иванъ Васильевичъ, благословляетъ старшаго своего сына, Василія, не однимъ великимъ княженіемъ, а «великими княжествами» и затѣмъ перечисляетъ отдѣльные города и княженія. Это, конечно, точнѣе. Съ этого времени памятники постоянно говорятъ не объ одномъ, а о многихъ великихъ государствахъ, соединенныхъ подъ властью великаго князя.

Иванъ Грозный первый даетъ новорожденному младенцу имя. Онъ отказываетъ своему старшему сыну:

«Царство Руское, чѣмъ его благословилъ отецъ его, князь великій Василей, и что ему далъ Богъ» (Доп. къ А. И., I, № 222, 1572—8).

Откуда пошло наименованіе вновь возникшаго государства русскимъ?

Вопросъ о томъ, «откуда есть пошла русская земля» былъ поставленъ еще нашимъ начальнымъ лѣтописцемъ. Надо думать, что и въ его время, т. е. болѣе 700 лѣтъ тому назадъ, онъ возбуждалъ уже споры.

Въ лѣтописи по Лаврентьевскому списку читаемъ:

«Бѣ единъ языкъ словѣнескъ: словѣни иже сѣдяху по Дунаеви, ихъ же пріяша угри, и морави, чеси, и ляхове, и поляне, иже нынѣ зовомая русь». 898.

Итакъ, русью нынѣ, т. е. въ самомъ началѣ XII вѣка, называютъ полянъ, которые говорятъ однимъ языкомъ съ славянами южными.

Но что значитъ это «нынѣ»? Поляне зовутся русью на глазахъ составителя лѣтописи, но, конечно, не со вчерашняго-же дня. Они, надо полагать, называются такъ цѣлыя столѣтія. Выраженіе «нынѣ» указываетъ, что въ началѣ XII

вѣка былъ поставленъ вопросъ о происхожденіи этого названія и возбуждалъ споры.

Оставимъ, что было спорно для людей начала XII вѣка. Возьмемъ одно то, въ чемъ они не сомнѣвались. Для начальнаго лѣтописца несомнѣнно, что въ его время поляне, а не другія племена, называются русью.

Но не ошибается-ли онъ, или мы, слишкомъ тѣсно толкуя его слова? Это легко провѣрить. Для этого надо только просмотрѣть лѣтописныя сказанія иныхъ составителей за тотъ же XII вѣкъ.

Вотъ какъ описано подъ 1149 годомъ посѣщеніе кіевскимъ княземъ, Изяславомъ Мстиславичемъ, брата своего, Ростислава, князя смоленскаго.

«И приде Изяславъ къ брату Ростиславу, и похвалиста Бога и святую Богородицю и силу животворящаго креста, видившеся братья въ здоровьи, и пребыста у велицѣ любви и весельи съ мужи своими и Смолняны; и ту дариста ся даръми многыми: Изяславъ да дары Ростиславу, что отъ Рускыи землѣ и отъ всихъ царьскихъ земль, а Ростиславъ да дары Изяславу, что отъ верьхнихъ земль и отъВарягъ, и тако угадаста о пути своемъ». Ипат.

Кіевскій князь, натурально, даритъ произведенія своей земли и тѣ иностранныя привозныя, которыя идутъ чрезъ Кіевъ (греческія). Первыя названы дарами Русской земли, вторыя—царской. То-же дѣлаетъ и Ростиславъ смоленскій; но идущіе чрезъ Смоленскъ иностранные товары будутъ варяжскіе; мѣстные-же произведенія названы верховыми.

Здѣсь поляне-русь отличены отъ кривичей смоленскихъ.

Только что описанная встрѣча князей состоялась передъ совокупнымъ ихъ походомъ въ помощь Новугороду Великому, который терпѣлъ обиды отъ ростовскаго князя, Юрія. Изяславъ прибылъ въ Смоленскъ съ малымъ числомъ дружины, также налегкѣ поспѣшилъ онъ и въ Новгородъ, наказавъ брату привести полки его къ Волгѣ.

«И приде Изяславъ на Волгу съ Новъгородци, на усть Медвѣдицѣ, и ту жда брата своего, Ростислава, четыре дни. И приде ему Ростиславъ и съ всими рускыми полкы и

съ смоленьскими, и ту съвкупишася и пойдоста внизъ по Волгѣ».

Новое противоположеніе русскихъ полковъ Изяслава смоленскимъ Ростислава.

Когда пришло время нападенія, князья

«Пустиста новогородци и русь воевать къ Ярославлю».

Новгородцы, слѣдовательно, не русь. Такое-же противоположеніе Новагорода Руси находимъ и подъ 1165 годомъ

Новгородцы, отправившіеся въ Кіевъ, такъ выражаются объ этомъ:

«Ходи игуменъ Діонисій съ любовью въ Русь». П. С. Л. III. 13.

Ростовско-Суздальская волость тоже не Русь.

Ростиславъ, сынъ Юрія, ростовскаго князя, съ позоромъ изгнанный Изяславомъ изъ Кіева, пришелъ къ отцу въ Суздаль, ударилъ ему челомъ и сказалъ:

«Слышалъ есмь, оже хощеть тебе вся Руская земля и Черныи Клобукы, и тако молвятъ: «и насъ есть обезчествовалъ (Изяславъ), а пойди на нь». Гюрги же, въ соромѣ сына своего сжаливъ собѣ, рече: «тако ли мнѣ части нѣту въ Руской землѣ и моимъ дѣтемъ». Ипат. 1149.

Ростовская волость, гдѣ сидѣлъ Юрій, не находится, значитъ, въ Русской землѣ.

Подъ 1154 годомъ читаемъ:

«Томъ же лѣте пойде Дюрги съ ростовцы и съ суздалцы и съ всѣми дѣтьми въ Русь. Ипат.

И подъ 1180:

«Вышедше же ему (Святославу Черниговскому) изъ Суздальской землѣ, и пусти брата своего, Всеволода, и Олга, сына своего, и Ярополка въ Русь, а самъ сыномъ съ Володимеромъ пойде Новгороду Великому». Ипат.

Владиміръ на Клязьмѣ тоже не Русь:

«Володимирцы же, нетръпяще голода, рѣша Михалку (своему князю): «мирися (съ осаждавшими городъ ростовцами), любо промышляй о собѣ». Онъ же отвѣщавъ рече: «прави есте, ци хощете мене дѣля погиноути». И поеха въ Русь». Лѣт. Пер. Сузд.

Даже самая близкая къ Полянамъ Черниговская волость и та не входитъ въ составъ Руси. Въ 1151 году послы кіевскихъ князей, Вячеслава и Изяслава, находившихся въ войнѣ съ ростовскимъ княземъ, Юріемъ, и черниговскими, Давыдовичами и Ольговичами, такъ говорили венгерскому королю:

«Ты нама еси тако учинилъ, яко же можетъ такъ братъ роженый брату своему, или сынъ отцю, яко же ты нама помоглъ. Вѣ же, паки, брате, себѣ молвивѣ: нама дай Богъ нераздѣлно съ тобою быти ни чимъ же, но аче твоя обида кдѣ, а нама, дай Богъ, ту самѣмъ быти за твою обиду, или пакы братьею своею, или съ сынъми своими и полкы своими. А нама ся тобѣ не чимъ откупити сему, толико главою своею, ако же ты нама еси створилъ. Нынѣ такоже свое дѣло сверши добро. Самого тебе не зовемъ, занеже царь ти ратенъ; но пусти намъ помочь, любо таку же, паки а силнѣйшю того, пусти намъ съ братомъ своимъ, Мстиславомъ, а съ наю сыномъ (онъ и правилъ посольство), за не же Гюргій есть силенъ, а Давыдовичи и Ольговичи (черниговскіе) съ нимъ суть, а чи и половцы дикѣи съ нимъ, а и тыи золотомъ узводить. Нынѣ же, брате, сеѣ весны, помози намъ. Дажь будевѣ сеѣ весны вѣ порозни, а вѣ будевѣ съ своими полкы тобѣ въ помочь; пакы ли ся ты отъ царя управиши, а ты буди намъ помощникъ. А все ти скажутъ твои мужи и братъ твой, Мстиславъ, како ны Богъ помоглъ, и пакы како ся по насъ яла Руская земля вся и Черніи Клобуци». Ипат.

Итакъ, въ войнѣ съ черниговскими князьями вся Русская земля стоитъ за Вячеслава съ Изяславомъ. Ясно, что Черниговская волость не составляетъ части Русской земли.

Что же такое Русская земля? Гдѣ ея центръ и границы?

Центръ Русской земли есть Кіевъ. Занять Русскую землю значитъ сѣсть въ Кіевѣ; въѣхать въ Русскую землю значитъ въѣхать въ Кіевъ. Вячеславъ говоритъ Ростиславу:

«Се, брате, Богъ скупилъ насъ по мѣсту съ твоимъ братомъ, а съ моимъ сыномъ, Изяславомъ. А се, пакы добывъ Руской земли, и на мнѣ честь положилъ и посади мя въ Кіевѣ». Ипат. 1151.

Въ той же лѣтописи подъ 1152 годомъ читаемъ:

«Изяславъ же пришедъ къ Кіеву, и посла къ брату своему, Ростиславу Смоленскому, и повѣда ему, како ся съ коро-

лемъ видилъ въ здоровьи и како Богъ пособилъ имъ побѣдити Володимира Галичского и въ здоровьи Богъ привелъ опять въ Рускую землю».

Русская земля есть земля полянъ; она совпадаетъ съ Кіевской волостью. Но границы Кіевской волости не оставались неизмѣнными. Кіевскіе князья завладѣвали и другими волостями. Это вело къ переносу названія Русская земля и на территорію другихъ племенъ, присоединяемую къ Кіеву. Такъ кіевскій князь, Изяславъ, владѣлъ еще Владимірской волостью на Волыни. Города этой волости Бужскъ, Шумскъ и другіе онъ тоже называетъ русскими (Ипат. 1152, стр. 69 и 71). Такимъ образомъ, названіе Руси въ XII уже вѣкѣ оказываетъ стремленіе перейдти изъ племеннаго въ территоріально-государственное.

Приведенныя мѣста источниковъ даютъ, кажется, право сказать, что начальный лѣтописецъ не сдѣлалъ ошибки Въ XII вѣкѣ полянъ дѣйствительно зовутъ русью и имъ противополагаютъ владимірцевъ на Клязьмѣ, суздальцевъ, ростовцевъ, новгородцевъ, смолянъ, даже черниговцевъ.

Это твердо установившаяся терминологія, идущая, надо полагать, изъ весьма глубокой древности.

Съ ея точки зрѣнія и надо объяснять всѣ случаи, въ которыхъ начальный лѣтописецъ говоритъ о руси или Русской землѣ. Онъ дѣлаетъ такой заголовокъ своему труду:

«Се повѣсти времянныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду Руская земля стала есть».

Это значитъ, что онъ хочетъ написать исторію Кіевской волости, т. е. исторію полянъ. Что онъ занятъ дѣйствительно исторіею полянъ и только по связи съ ними приводитъ извѣстія, касающіяся другихъ племенъ, въ этомъ легко убѣдиться изъ первыхъ страницъ его лѣтописи. Ограничимся указаніемъ на дѣлаемое имъ подъ 852 годомъ перечисленіе «русскихъ князей». Онъ начинаетъ это перечисленіе съ Олега, а о Рюрикѣ не упоминаетъ. Очень понятно почему: Рюрикъ княжилъ въ Новгородѣ, а не въ Русской землѣ.

Выше мы замѣтили, что въ XII вѣкѣ былъ уже поднятъ вопросъ о происхожденіи этого названія Руси. Начальный лѣтописецъ даетъ на него подъ 862 годомъ такой отвѣтъ. Разсказавъ объ изгнаніи новогородцами варяговъ и о новомъ призваніи ихъ въ лицѣ Рюрика съ братьями, которые привели съ собою всю русь, онъ говоритъ:

«Отъ тѣхъ прозвася Руская земля».

Итакъ, названіе руси, по мнѣнію начальнаго лѣтописца, пошло отъ варяговъ-руси. Этимъ объясняется выше приведенное выраженіе «нынѣ». До призванія варяговъ, поляне назывались славянами, а «нынѣ», послѣ призванія, они зовутся русью.

Приведенный отвѣтъ есть только догадка нашего перваго лѣтописца-историка, которая нуждается въ доказательствахъ. Никакихъ доказательствъ онъ, конечно, не приводитъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи есть еще мѣсто, относящееся къ этому темному вопросу. Къ сожалѣнію, оно не сохранилось въ Лаврентьевской рукописи и приводится издателями по Радзивиловской. Вотъ оно:

«А словѣнескъ языкъ и рускый одинъ, отъ варягъ бо прозвашася русью, а первѣе быша словѣне; аще и поляне звахуся, но словѣньская рѣчь бѣ; поляне же пронзвашася занеже въ полѣ сѣдяху; языкъ словенскій бѣ имъ единъ».

Здѣсь слышится тотъ же мотивъ, что и въ словахъ, приведенныхъ по тексту Лаврентьевскаго списка. Названіе русью не исконное; первоначально поляне звались славянами, а съ призванія варяговъ-руси стали зваться русью.

Разсказъ лѣтописца о призваніи новогородцами варяговъ не представляетъ ничего невѣроятнаго. Изъ этого разсказа видно, что новогородцы давно уже находились въ близкой связи съ варягами. Еще до Рюрика, варяги сидѣли въ Новгородѣ, управляли и судили въ Новгородской землѣ и за это получали дань. Въ 862 году новогородцы прогнали этихъ варяговъ и «почаша сами въ собѣ володѣти». Но попытка эта не удалась; начались усобицы, которыя привели къ новому

призванію варяговъ. Въ годъ новаго призванія не произошло никакой существенной перемѣны въ бытѣ Новгорода: одни варяги правители были замѣнены другими—и только. Нѣтъ ни малѣйшаго повода связывать съ этимъ фактомъ основаніе Россійскаго государства.

Этихъ варяговъ лѣтописецъ называетъ русью. Провѣрить его въ этомъ пунктѣ до сихъ поръ не удалось еще нашимъ ученымъ. Что были варяги за моремъ, это несомнѣнно; но варяги-русь могли явиться плодомъ догадки, къ которой прибѣгли для объясненія названія полянъ русью.

Поляне вовсе не были въ такихъ близкихъ и непосредственныхъ отношеніяхъ съ варягами, какъ новогородцы и полочане. Новогородцы сносились съ варягами и до и послѣ призванія; черезъ Новгородъ шли и варяжскіе товары, и варяжскія дружины; въ Новгородѣ была улица Варяжская (Бѣляевъ, II, 6); о новогородцахъ начальный лѣтописецъ говоритъ:

«Новугородьци ти суть людье, ноугородьци, отъ рода варяжьска, преже бо бѣша словѣни». 862.

Въ Полоцкѣ варяги-русь водворились ранѣе, чѣмъ въ Кіевѣ. Они упоминаются тамъ на третій годъ по призваніи Рюрика. Лѣтъ сто спустя, а можетъ быть и ранѣе, въ Полоцкъ былъ новый приливъ варяговъ съ княземъ Рогволодомъ, отъ дочери котораго пошла линія полоцкихъ князей. Въ Кіевъ же варяги пришли изъ Новгорода и не въ чистомъ видѣ, а въ смѣшеніи съ чюдью, славянами, мерею, весью, кривичами. И при всемъ томъ варяги-русь сообщили свое имя не Новгороду или Полоцку, а только Кіевской Руси, фактъ, къ которому трудно относиться съ полнымъ довѣріемъ.

О варягахъ-руси рѣчь идетъ подъ 862 годомъ, гдѣ лѣтописецъ объясняетъ происхожденіе наименованія руси. Но призваніе варяговъ въ 862 году не было послѣднимъ. Новогородскіе князья призывали ихъ нѣсколько разъ и послѣ того. Это сдѣлалъ Владиміръ Святославичъ. Въ 977 году, узнавъ объ убіеніи Олега Древлянскаго Ярополкомъ Кіевскимъ, Вла-

димiръ, княжившiй тогда въ Новгородѣ, бѣжалъ за море; а въ 980 году вернулся изъ-за моря съ варягами. Владимiръ прожилъ за моремъ цѣлыхъ три года. Въ 1015 году сынъ его, Ярославъ, готовясь къ войнѣ съ отцомъ, снова призываетъ варяговъ изъ-за моря.

Эти варяги, съ которыми новогородскiе князья находились въ такихъ тѣсныхъ связяхъ, что гостили у нихъ цѣлые годы, были тожественны, надо полагать, съ тѣми, которыхъ новгородцы знали до 862 года и къ которымъ они ѣздили въ 862 году. Нельзя же думать, что въ этомъ году они призвали какихъ-то новыхъ, до того имъ совершенно неизвѣстныхъ варяговъ. Не смотря на необходимо предполагаемое тожество варяговъ 862 года съ варягами, упоминаемыми до и послѣ этого года, эти послѣднiе, однако, не называются русью. Можно подумать, что варяги-русь понадобились лѣтописцу только въ томъ разсказѣ о призванiи, въ которомъ объясняется происхожденiе наименованiя руси.

Радзивиловскiй списокъ начальной лѣтописи говоритъ, что славянскiй языкъ и русскiй—одинъ. На какомъ же языкѣ говорили варяги-русь, давшiе свое имя и русской землѣ, и русскому языку? Не беремъ на себя рѣшать эту этнографическую загадку, поставленную нашимъ лѣтописцемъ. Вопросъ о варягахъ-руси вызвалъ весьма обширную литературу, представляющую много поучительнаго. Но для юридическихъ древностей онъ имѣетъ слишкомъ отдаленное значенiе.

Изъ приведенныхъ мѣстъ лѣтописца, въ которыхъ встрѣчается слово русь, можно сдѣлать два слѣдующихъ вывода. 1) Въ XII вѣкѣ Русью называется Кiевская волость, но такъ какъ для образованiя и всеобщаго распространенiя мѣстныхъ наименованiй требуется значительный промежутокъ времени, то можно допустить, что поляне именовались русью не только въ XI, но и въ X вѣкѣ и даже ранѣе. 2) Происхожденiе этого наименованiя отъ имени варяговъ-руси есть догадка грамотеевъ XII вѣка, справедливость которой и до нашихъ дней ничѣмъ не подтвердилась. Возникновенiе такой догадки очень понятно. Кiевская волость называется Русской, князья

(по волости) тоже русскіе. Но они варяжскаго происхожденія: память объ этомъ жила, конечно, и въ XII вѣкѣ. Отсюда легко возникаетъ представленіе о варягахъ-руси.

Изъ Кіева наименованіе русью стало распространяться и на другія славянскія племена. Договоръ Новгорода съ нѣмцами, заключенный въ самомъ концѣ XII вѣка, говоритъ о «новогородцѣ» и «русинѣ» и подъ русиномъ разумѣетъ, кажется, не только пріѣзжавшую съ юга русь, но и жителей Новгорода. (Рус. лив. акты, № 1). Въ XIII вѣкѣ русской землей начинаетъ называться Галичъ и Черниговъ (см. стр. 8), Смоленскъ (см. договоръ Мстислава съ нѣмцами) и Новгородъ (см. Лавр. 1206).

Причина этого распространенія заключается въ единствѣ языка и вѣры.

Поляне прежде другихъ племенъ назвали себя русскими и языкъ свой русскимъ. У нихъ у первыхъ зародилось книжное просвѣщеніе и возникла литература. Въ сочиненіяхъ своихъ они утверждаютъ единство своего русскаго языка со славянскимъ, на которомъ говорятъ всѣ остальныя племена *). Эти остальныя племена, знакомясь съ содержаніемъ кіевской литературы, не могли не усмотрѣть своего племеннаго единства съ кіевскою русью и тоже стали причислять себя къ руси. Распространеніе имени руси на всѣ славянскія племена, поселившіяся по Днѣпру, Западной Двинѣ, Волхову, Окѣ и Волгѣ, должно было идти вслѣдъ за распространеніемъ книжнаго просвѣщенія.

Но такимъ образомъ имя руси распространяется только какъ народное наименованіе, значенія термина государствен-

---

*) Начальный лѣтописецъ, перечисливъ разныя племена, населявшія широкую равнину, простиравшуюся отъ Днѣпра черезъ Оку до Волги, говоритъ:

«Се бо токмо словѣнескъ языкъ въ Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, сѣверъ, бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣ же велыняне».

Это уже случай объединенія нѣсколькихъ славянскихъ племенъ въ одномъ наименованіи руси, на которое лѣтописецъ наведенъ единствомъ языка этихъ племенъ.

наго оно еще не имѣетъ. Къ наименованію царства Русскаго примѣнено оно лишь московскими великими князьями и, думается намъ, не безъ вліянія церковнаго единства Русской земли, которое на много вѣковъ опередило наше государственное единство.

Во главѣ русской церкви съ первыхъ дней принятія христіанской вѣры стоялъ митрополитъ кіевскій. Какъ кіевскій онъ назывался русскимъ митрополитомъ.

Это мѣстное наименованіе, въ силу единства церковнаго управленія, получаетъ общее значеніе. Русскій митрополитъ не кіевскій только владыка, но владыка всѣхъ княженій, ибо русская церковь, русская вѣра одна во всей землѣ, какъ и русскій языкъ. Переселившись на сѣверъ, кіевскіе митрополиты и тамъ продолжаютъ называться русскими. Одни изъ нихъ именуютъ себя митрополитами всея Руси, другіе—кіевскими и всея Руси (Рум. Собр. I. договоры князей). Въ этомъ титулѣ слышится такая необъятная ширь, передъ которой блѣднѣетъ титулъ великаго князя владимірскаго.

Чтобы не казаться ниже митрополитовъ, великіе князья московскіе начинаютъ тоже усвоять себѣ титулъ великаго князя всея Руси. Такъ называетъ себя Иванъ Даниловичъ Калита, сынъ его, Семенъ, въ единственномъ договорѣ, сохранившемся отъ этого князя, и Дмитрій Донской въ одномъ договорѣ съ Новгородомъ *). Въ остальныхъ договорахъ Дмитрія Ивановича и во всѣхъ договорахъ его сына и внука этотъ титулъ не встрѣчается **). Только со второй половины царствованія великаго князя Ивана Васильевича, онъ дѣлается постояннымъ титуломъ московскихъ государей. Но они не ограничиваются титуломъ «государя всея Руси», а прибав-

*) А. Э. I. № 3 и 4, 1328—40; Рум. Собр. I. № 23, 1341; А. Э. I. № 8, 1372. У Дмитрія Ивановича и печать была вырѣзана съ титуломъ «князя великаго всея руси», но онъ не всегда употреблялъ ее. Рум. собр. I. № 34 и 30.

**) Но въ сношеніяхъ съ константинопольскимъ патріархомъ Василій Васильевичъ именуетъ себя «великимъ княземъ московскимъ и всея Руси». Рус. ист. Библіот. VI. № 62.

ляютъ къ нему старый титулъ «великаго князя Володимирскаго, Московскаго, Новгородскаго и проч.» Это понятно. Для московскихъ митрополитовъ титулъ «всея Руси» совершенно соотвѣтствовалъ дѣйствительности. До раздѣленія митрополіи они были на самомъ дѣлѣ церковной главой всѣхъ русскихъ людей. Въ другомъ положеніи находились великіе князья московскіе. Они ничѣмъ не владѣли въ Руси Приднѣпровской и далеко не были князьями всѣхъ русскихъ людей. Между титуломъ и областью распространенія власти ихъ не было не малѣйшаго соотвѣтствія. Это не территоріальный титулъ, а народный. Но такъ какъ не весь русскій народъ былъ тогда подъ властью московскихъ князей, то для нихъ это будетъ только идейный титулъ. Даже въ устахъ Ивана Васильевича титулъ «всея Руси» указываетъ лишь на стремленіе князей московскаго дома расширять свои владѣнія до тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ исповѣдуется русская вѣра и слышится русская рѣчь, а не на дѣйствительное обладаніе всею Русью. Поэтому то въ его завѣщаніи мы вовсе не находимъ этой несуществующей въ дѣйствительности, а только идейной Руси. Онъ дѣлаетъ распоряженіе не о Руси, которая ему не принадлежитъ, а о своей отчинѣ, великихъ княжествахъ, о городѣ Москвѣ, Коломнѣ, Серпуховѣ и т. д. Сынъ его, Василій Ивановичъ, называетъ себя:

«Божіею милостью государемъ всея Руси и великимъ княземъ Владимірскимъ, Московскимъ, Ноугородцкимъ, Псковскимъ, Смоленскимъ, Тферскимъ, Югорскимъ, Пермьскимъ, Болгарскимъ и иныхъ»... Сбор. Им. рус. истор. общ. XXXV. 678; А. Э. I. № 160.

Слово, раздававшееся въ теченіи двухъ вѣковъ, не могло, однако, не оказать своего дѣйствія. Стали, наконецъ, думать, что Москва, Коломна, Серпуховъ и т. д. въ самомъ дѣлѣ составляютъ Русь. Царь Иванъ Васильевичъ, отказывая своему сыну городъ Москву съ волостми и станы, городъ Володимеръ, городъ Коломну и т. д., говоритъ, что онъ благословляетъ сына своего «царствомъ Русскимъ».

Въ той же духовной встрѣчаемъ и терминъ государство. Старшему сыну, Ивану, царь отказываетъ «государство», младшему-же Өедору—удѣлъ.

Въ царствованіе дѣда Грознаго терминъ государство былъ уже въ употребленіи. Въ его переговорахъ съ Новымъ городомъ читаемъ:

«И князь велики выслалъ къ нимъ (къ новогородцамъ) тѣхъ же своихъ бояръ съ отвѣтомъ, а велѣлъ имъ сице отвѣчати: «били есте челомъ, мнѣ, великому князю, ты нашъ богомолецъ и наша отчина, Великій Новъгородъ, зовучи насъ себѣ государи, да чтобы есмы пожаловали указали своей отчинѣ, какову нашему государьству быти въ нашей отчинѣ; и язъ, князь великій, то вамъ сказалъ, что хотимъ государьства на своей отчинѣ, Великомъ Новѣгородѣ, такова, какъ наше государьство въ Низовской земли на Москвѣ. И вы нынѣча сами указываете мнѣ, а чините урокъ нашему государьству быти; ино то которое мое государьство?» Воскр. 1478.

Но здѣсь слово государство служитъ не столько для обозначенія территоріи владѣній московскаго великаго князя, сколько характера его власти. Это порядокъ государствованія великаго князя Ивана Васильевича.

Въ памятникахъ XVI и XVII вѣка встрѣчаемъ и терминъ «московское государство» въ смыслѣ всего россійскаго царствія.

Въ соборной грамотѣ объ избраніи Михаила Өедоровича на царство читаемъ:

«И совокупившеся всего Російскаго царствія всякіе люди вмѣстѣ межъ себя богосоюзный совѣтъ учинили и крестнымъ цѣлованіемъ укрѣпилися въ томъ, что всѣмъ православнымъ крестьяномъ всего Російскаго царствія, отъ мала и до велика, за королевскую многую ко всему Московскому государству не правду, и за нашу истинную православную вѣру греческаго закона, и за святыя Божіи церкви, и за разореніе Московскаго государства стояти всѣмъ единомышленно и сына его, Владислава королевича, на Московское государство государемъ никакъ не хотѣти»...

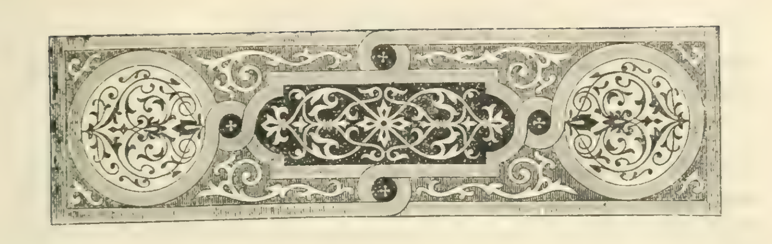
Но и царство Русское и государство Московское все еще

продолжаетъ состоять изъ разныхъ государствъ. Въ томъ-же документѣ написано:

«И всѣ православные крестьяне всего Московскаго государства, отъ мала и до велика и до сущихъ младенцевъ, яко едиными усты, вопіяху и взываху, глаголюще: что быти на Володимірскомъ, и на Московскомъ, и на Ноугородскомъ государствахъ, и на царствахъ Казанскомъ, и на Астраханскомъ, и на Сибирскомъ и на всѣхъ великихъ и преславныхъ государствахъ Россійскаго царствія государемъ царемъ и велик. княземъ, всея Русіи самодержцемъ, Михаилу Ѳеодоровичу Романову-Юрьеву».

Волостная старина потеряла уже всякій живой смыслъ въ Московскомъ государствѣ, а въ языкѣ продолжаетъ еще жить.

КНИГА ВТОРАЯ.

Население.

Древняя исторія каждаго народа начинается съ неизвѣстнаго нашему времени дѣленія людей на свободныхъ и рабовъ. Это дѣленіе составляетъ принадлежность и нашего древняго права. Все населеніе искони распадалось у насъ на свободныхъ и холоповъ.

Въ академическомъ спискѣ Русской Правды читаемъ:

«Или холопъ ударить свободна мужа»... 16.

Въ Смоленскомъ договорѣ съ нѣмцами начала XIII вѣка:

«Аже боудѣть свободѣный челвкъ убитъ, 10 гривенъ серебра за голъвоу».

«Аже боудѣте хольпъ оубитъ, 1 гривна серьбра заплатити» (Рус.-лив. ак. стр. 422).

Въ московскихъ памятникахъ слово «свободный» замѣняется словомъ «вольный».

Въ Царскомъ Судебникѣ читаемъ:

«А которые люди вольные учнутъ бити челомъ княземъ, и бояромъ, и дѣтемъ боярскимъ, и всякимъ людемъ

(въ холопы); а станутъ на себя давати кабалы за ростъ служити»... 78.

Въ докладной грамотѣ на холопство 1553 г. сказано:

«Мы, господине, люди вольные, ... взяли есмя у Александра, у Степанова сына, Зубатаго три рубли денегъ, а даемся въ тѣхъ деньгахъ.... ему въ холопи» (А. Э. I. № 237).

Въ духовныхъ завѣщаніяхъ употребительны оба выраженія. Освобождая рабовъ, одни завѣщатели говорятъ:

«Далъ есмь волю», другіе: «далъ есмь свободу».

Начнемъ съ несвободныхъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Несвободные.

Несвободные встрѣчаются въ нашихъ древнихъ памятникахъ подъ разными именами. Ихъ называютъ: челядью, холопами, слугами, позднѣе просто «людьми», но всегда съ указаніемъ на принадлежность ихъ кому-либо, боярскіе люди и пр.; наконецъ, «дѣловыми людьми», страдниками и пр. Съ XVI в. появляются «кабальные холопы».

Челядь одного корня съ чадью и чадомъ и означаетъ домочадцевъ.

Словомъ «холопъ» древніе памятники называютъ только несвободныхъ мужчинъ: холопъ, хлопъ, хлопецъ и теперь употребляется русскимъ народомъ въ смыслѣ слуги, мальчика, парня. Тотъ же смыслъ слово это имѣетъ и у сербовъ.

Слова «роба» въ древности употреблялось только для обозначенія несвободныхъ женщинъ (Рус. Пр.). Оно одного корня съ теперь употребляемымъ «робить» (ро̀бить по сѣвер. произношенію, робі̀ть по южному, Даль) въ значеніи рабо-

тать. Русская Правда знаетъ слова: «робить» и «роботить» въ смыслѣ обращать въ рабство (Троиц. 52, 105).

Оба термина обозначаютъ, такимъ образомъ, людей, кому-либо служащихъ, или, что то-же, на кого-либо работающихъ.

Въ этомъ смыслѣ московскіе памятники называютъ несвободныхъ просто «слугами», «служилыми» и «дѣловыми людьми», а по роду работы — «страдными». Но послѣднее наименованіе можетъ и, дѣйствительно, усвояется и свободнымъ работникамъ, крестьянамъ.

Что «дѣловые люди» суть несвободные, это слѣдуетъ изъ духовныхъ завѣщаній, въ которыхъ «дѣловымъ людямъ» дается свобода. Тамъ-же освобождаются иногда и страдники *).

Но Русская Правда не просто говоритъ о холопахъ, она различаетъ еще «обельное холопство» (Тр. 102); а иногда вмѣсто того, чтобы сказать холопъ, она говоритъ: обель (Тр. 52, 55). Слово обель, обельный, облый, и теперь еще употребляется въ смыслѣ круглый, толстый, полный (Даль). Обельный холопъ будетъ, слѣдовательно, «круглый холопъ» или «полный», т. е. совершенный. Въ московскихъ памятникахъ «обельный», дѣйствительно, замѣняется терминомъ «полный».

Въ духовной грамотѣ Ивана Ивановича читаемъ:

«Такъ же хто будетъ моихъ людей полныхъ, купленыхъ, грамотныхъ, далъ есмь имъ свободу».

Завѣщатель даже не находитъ нужнымъ употребить слово «холопъ». «Полные люди» это «суть совершенные холопы». Точно также и Русская Правда довольствуется однимъ словомъ «обель».

«Аже закупъ бѣжить отъ господы, то обель». Тр. 52.

---

*) Рум. Собр. I. № 24, 83, 121. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ II, 497, говоритъ, что дѣловые люди суть вольнонаемные рабочіе. Доказательствъ не приводитъ.

Были, значитъ, холопы совершенные и несовершенные. Чтоже такое несовершенный холопъ?

Холопъ и роба, какъ мы видѣли, означаютъ слугу и работницу. Но слугой и работницей могутъ быть и вольные люди. Вольная работница, слѣдовательно, можетъ быть то-же названа робой, а вольный слуга — холопомъ. Именно съ такимъ словоупотребленіемъ встрѣчаемся въ указѣ 1597 г.:

«А кто скажетъ, послужилъ у кого доброволно съ полгода и болши, а кабалы на себя дати не похочетъ, а сыщутъ, что тотъ доброволной холопъ у того человѣка служилъ съ полгода, и на тѣхъ волныхъ холопей служилые кабалы давати и челобитья ихъ въ томъ не слушати, потому что тотъ человѣкъ того доброволнаго холопа кормилъ и одѣвалъ и обувалъ»... А. И. I, № 221, стр. 420.

Знаетъ такихъ добровольныхъ холоповъ и Уложеніе:

«А будетъ такіе вольные люди, у кого живучи въ холопствѣ добровольно безъ крѣпости, пойдутъ отъ нихъ прочь съ отказомъ, или безъ отказу; и тѣ люди, отъ которыхъ они пойдутъ, учнутъ на нихъ искати сносовъ, хотя ихъ тѣмъ у себя удержати, и имъ на тѣхъ людей, которые отъ нихъ отойдутъ, въ сносѣ суда не давати для того, на что онъ холопу (т. е. слугѣ) вѣрилъ и у себя держалъ безъ крѣпости» (XX, 17).

Итакъ, вольный холопъ служитъ кому-либо добровольно, не выдавая на себя акта укрѣпленія. Въ этомъ же смыслѣ и въ Русской Правдѣ «обелю» противополагается «закупъ», тоже слуга, но вольный, служащій по найму, а не въ силу утраты имъ свободы.

Только «обельные холопы» или «полные» суть несвободные люди или рабы въ настоящемъ смыслѣ этого слова; о нихъ только и будетъ идти рѣчь.

Изъ того, что термины холопъ и роба пріурочились къ несвободнымъ слугамъ, надо, кажется, заключить, что служба и работа домашняя, обыкновенно, отправлялись несвободными людьми. Слуги свободные составляли въ древности исключеніе.

Различіе несвободныхъ и свободныхъ совпадаетъ, слѣдо-

вательно, съ различіемъ людей, работающихъ на другихъ, и людей, работающихъ на себя, или и вовсе не работающихъ.

I. Полные холопы.

Какія права принадлежатъ господину по отношенію къ его обельному или полному холопу? Памятники, съ Русской Правды начиная, нерѣдко говорятъ о холопахъ, но ни одинъ изъ нихъ не беретъ на себя задачи опредѣлить права господина. Эти права несомнѣнно существуютъ и постоянно предполагаются, но нигдѣ не опредѣляются. Ясный знакъ, что права эти родились не изъ указовъ княжескихъ. Проистекая изъ обычаевъ, они древнѣе всякихъ указовъ. Древнѣйшіе княжескіе указы не права господина опредѣляютъ, а отправляясь отъ существующихъ уже правъ, опредѣляютъ что дѣлать князю и его органамъ на судѣ, въ случаѣ столкновенія интересовъ тяжущихся.

Нѣкоторый и притомъ довольно значительный рядъ такихъ опредѣленій о рабахъ мы имѣемъ уже въ древнѣйшемъ нашемъ памятникѣ, Русской Правдѣ.

Всѣ эти опредѣленія проникнуты одной общей мыслью о томъ, что рабъ—человѣкъ не свободный, что онъ принадлежитъ не себѣ, а господину, что онъ не субъектъ, а объектъ правъ. Но исходя изъ мысли, что рабъ есть собственность, предки наши не могли же не замѣчать, что есть разница между собственностью-человѣкомъ и всякой другой собственностью. Такое различіе могло быть доступно и славянамъ язычникамъ. Не даромъ же современники говорятъ объ ихъ кротости по отношенію къ рабамъ. Съ принятіемъ же христіанства идея общности между рабомъ и господиномъ должна была сдѣлать дальнѣйшіе успѣхи. Вотъ почему взглядъ на раба, какъ на собственность, не проводится въ нашихъ древнихъ памятникахъ со всѣми его послѣдствіями. Рабъ есть собственность, но съ нѣкоторыми отступленіями отъ этого начала въ частностяхъ. А вслѣдъ за распространеніемъ хри-

стіанскихъ идей начинаемъ замѣчать и положительныя ограниченія господской власти.

Русская Правда (Тр. 26), исходя изъ мысли о правѣ собственности господина на раба, предоставляетъ господину право искать пропавшаго раба:

«А челядинъ скрыеться, а закличють і̂ на торгу, а за 3 дни не выведуть его, а познаеть і̂і третии день, то свой челядинъ пояти, а оному платити 3 гривны продажи».

Изъ этой статьи слѣдуетъ: 1) господинъ бѣжавшаго раба, сдѣлавшій заявку о его бѣгствѣ, можетъ взять своего раба у кого бы онъ ни оказался, если держатель раба самъ не предъявитъ его въ теченіи 3-хъ дней по заявкѣ; 2) непредъявленіе раба въ теченіи 3-хъ дней по заявкѣ разсматривается, какъ укрывательство его, и ведетъ къ штрафу.

Право иска украденнаго раба предоставляется противъ всякаго владѣльца раба, хотя-бы онъ пріобрѣлъ его совершенно правильно:

«Аще познаеть кто челядинъ свой оукраденъ, а поиметь і̂і; то оному (у кого найденъ челядинъ) вести і̂і по кунамъ до 3-го свода. Пояти же челядина (у третьяго владѣльца) въ челядинъ мѣсто, а оному (третьему) дати лице (украденнаго челядина), ать ідеть до конечняго свода, а то есть не скоть, нѣ лзѣ рчи: не вѣдаю, оу кого есмь купилъ; но по языку ити до конця. А кдѣ будеть конечний тать, то опять воротять челядина (взятого у третьяго владѣльца), а свой (челядинъ) поіметь (господинъ), и проторъ тому же (конечному татю) платити». Тр. 33 *).

Описанный въ этой статьѣ порядокъ возстановленія нарушенныхъ правъ собственности на раба составляетъ особое процессуальное дѣйствіе, которое носитъ наименованіе «свода». Въ цѣпь лицъ, которыя составляютъ сводъ, могутъ иногда

*) То-же выражено и въ Академическомъ спискѣ:

«Аще кто челядинъ пояти хощеть, познавъ свой, то къ оному весть, оу кого то боудеть коупилъ, а той ся ведеть ко дроугомоу, даже доидеть до третьего. То рци третьемоу: вдаи ты мнѣ свой челядинъ, а ты своего скота (заплоченныхъ денегъ) ищи при видоцѣ». 15.

Мы не останавливаемся на уголовныхъ и процессуальныхъ особенностяхъ приводимыхъ статей. Объ нихъ рѣчь будетъ идти въ другомъ мѣстѣ.

войдти находящіяся въ иныхъ княженіяхъ, а потому и не подсудныя той власти, къ которой обратился истецъ. На этотъ случай въ Правдѣ (Тр. 35) находимъ такое опредѣленіе:

«А изъ своего города въ чюжю землю (въ иное княженіе) свода нѣтуть; но такоже вывести ему (отвѣтчику) послухи, любо мытника, передъ кимь же купивше; то истьцю лице (найденнаго холопа) взяти, а прока (унесеннаго имущества) ему желѣти, что съ нимь погибло; а оному (отвѣтчику) своихъ кунъ (заплоченныхъ за холопа денегъ) желѣти».

Сводъ, слѣдовательно, не идетъ въ чужое княженіе. Лице, у котораго найденъ украденный челядинъ, должно, въ такомъ случаѣ, очистить себя отъ подозрѣнія въ кражѣ чрезъ свидѣтелей или мытника, присутствовавшаго при покупкѣ холопа. Отвѣтчикъ, представившій доказательства законнаго пріобрѣтенія холопа, не подлежалъ платежу штрафа за кражу, но раба все-таки долженъ былъ возвратить его господину.

Кто облегчитъ бѣгство холопа, укроетъ его или дастъ хлѣба, тотъ платитъ господину полную его цѣну:

«Аже холопъ бѣжить, а заповѣсть господинъ, аже слышавъ кто, или зная и вѣдая, оже есть холопъ, а дасть ему хлѣба, іли оукажеть ему путь, то платити ему за холопъ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ». Тр. 106.

Иски о возвращеніи рабовъ не погашаются никакой давностью: они вѣчны. Въ договорахъ литовскихъ князей съ тверскими, читаемъ:

«А холопу, робѣ, данову, положеному, заемному, поручному, земли и водѣ—отъ вѣка судъ» *).

*) Рум. Собр. I. № 76. Само собой разумѣется, что лицо, противъ котораго предъявленъ искъ о его холопствѣ, можетъ доказывать, что оно свободно. Но если у отвѣтчика не было никакихъ другихъ доказательствъ, кромѣ присяги, то онъ допускался къ предъявленію такого доказательства только въ томъ случаѣ, если могъ представить за себя поручителя. Въ договорахъ московскихъ князей съ тверскими читаемъ:

«А кто холопъ или роба имется тягати съ осподаремъ, и пошлется на правду, а не будетъ по нихъ поруки, ино ихъ обвинити». А. Э. I. № 14, 1398, и № 88.

Подъ «правдой» здѣсь, кажется, надо разумѣть присягу. Кромѣ при-

Мы указали на то, что сводъ не переходитъ границъ волости. Это надо понимать въ томъ смыслѣ, что судебная власть одного княжества не можетъ дѣйствовать въ предѣлахъ другого. Но для огражденія правъ частныхъ лицъ въ между-княжескіе договоры включаются статьи о выдачѣ бѣглыхъ рабовъ, должниковъ и преступниковъ «по исправѣ», т. е. по удостовѣреніи въ справедливости иска. Въ договорѣ московскихъ князей съ рязанскими читаемъ:

«Холопа, робу, должника, поручьника, татя, разбойника и пр. выдати по исправѣ отъ вѣка». Рум. Соб. I. № 36.

Господинъ бѣжавшаго раба на основаніи такой статьи можетъ предъявить искъ властямъ княжества, гдѣ окажется бѣжавшій. Они должны выдать его «по исправѣ» и «отъ вѣка».

Хотя Русская Правда ничего не говоритъ ни о выдачѣ рабовъ, бѣжавшихъ изъ одного княженія въ другое, ни о вѣчности иска о бѣглыхъ, но нѣтъ основаній думать, что приведенныя постановленія договоровъ составляютъ новость. Это, конечно, исконный порядокъ вещей.

Такъ какъ рабъ не лицо, а собственность другого человѣка, то Русская Правда не смотритъ на убійство раба, какъ на преступленіе равное убійству свободнаго человѣка.

«А въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть; но оже будеть безъ вины оубиенъ, то за холопъ оурокъ платити, или за робу, а князю 12 гривенъ продажѣ». Тр. 84.

За убійство свободнаго человѣка виновный платитъ виру; за убійство раба это наказаніе не полагается. Но рабъ составляетъ собственность частнаго человѣка, а убійство его причиняетъ господину несомнѣнный убытокъ. Поэтому, если

сяги это слово означаетъ и свидѣтелей, конечно, потому только, что они показываютъ подъ присягой.

Соотвѣтственное мѣсто договора 1368 года:

«А иметъ съ к н и м ъ холопъ его тягатися, а не будетъ по немъ поруки, ино холопа обвинити, а выдати осподарю» (Рум. Собр. I. № 28), очевидно напечатано неправильно. Вмѣсто «съ книмъ», надо читать «съ нимъ», т. е. съ господиномъ.

рабъ былъ убитъ безъ всякой вины съ его стороны, виновный въ убійствѣ долженъ вознаградить господина за имущественный ущербъ и, кромѣ того, наказывается еще денежнымъ штрафомъ въ пользу князя, продажей, которая обыкновенно взыскивается за имущественныя правонарушенія.

Русская Правда приводитъ и оцѣнку рабовъ. Съ точки зрѣнія хозяйственной пользы не всѣ рабы равны. Головы людей, пользующихся особымъ довѣріемъ своихъ господъ, оцѣниваются наравнѣ съ головами свободныхъ мужей. За убійство тіуновъ взимается 40 гривенъ, ровно столько-же, сколько и за убійство свободнаго человѣка. Троиц. 1. За тіунами идутъ сельскіе старосты, ремесленники, дядьки и кормилицы. Ихъ головы оцѣнены въ 12 гривенъ. Послѣднее мѣсто занимаютъ простые рабы, рядовые, за нихъ взимается за холопа пять гривенъ, за рабу шесть *).

---

*) Тр. сп. ст. 11—14. Близокъ къ этому и Мстиславовъ договоръ съ нѣмцами: за убійство холопа онъ опредѣляетъ 1 гр. серебромъ, что составитъ около 4 грив. кунами.

Иное мнѣніе о «рядовичѣ» высказываетъ проф. Мрочекъ-Дроздовскій. Изслѣд. о Рус. Правдѣ, Чтенія, 1886, кн. I. Рядовичъ, думаетъ онъ, есть «низшій служитель князя или иного господина, а именно: приставникъ, прикащикъ» (199). Къ этому выводу авторъ приходитъ слѣдующимъ образомъ. Онъ разсматриваетъ, въ какомъ смыслѣ лѣтописи и Рус. Правда употребляютъ слово рядъ, и находитъ, что они употребляютъ его въ смыслѣ «приказа» и въ смыслѣ «договора», но съ преобладаніемъ перваго, и въ этомъ «Правда сходится съ Лаврентьевской лѣтописью» (196), а за тѣмъ продолжаетъ: «Если-же это такъ, то слову рядъ (и словамъ производнымъ отъ него) въ Правдѣ долженъ быть придаваемъ смыслъ «приказный» по преимуществу: въ этомъ смыслѣ и должно толковать разсматриваемыя слова во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ Правды, которыя требуютъ толкованія». 197.

На этомъ основаніи «рядовичь» не человѣкъ, заключившій договоръ (рядъ) съ своимъ господиномъ, а человѣкъ, получившій отъ него приказъ, прикащикъ (199).

Мы привели подробно мнѣніе проф. Мрочекъ-Дроздовскаго съ тѣмъ, чтобъ остановиться на любопытныхъ пріемахъ автора. Онъ сосчитываетъ сколько разъ и въ какомъ смыслѣ древніе памятники употребляютъ слово рядъ. Затѣмъ «отъ большинства случаевъ» заключаетъ «къ преимущественному» смыслу и къ тому, какъ надо объяснять слова, производныя

Но такое вознагражденіе присуждается господину только въ томъ случаѣ, если рабъ будетъ убитъ безъ всякой вины съ его стороны. Если-же онъ провинился передъ третьимъ лицомъ, напримѣръ, ударилъ его, то убійство раба-обидчика не ведетъ къ возмѣщенію убытковъ точно также, какъ убійство собаки, укусившей прохожаго.

Если рабъ не есть лицо, то, конечно, онъ не можетъ подвергаться и уголовной отвѣтственности за свои дѣйствія. Онъ можетъ, какъ и всякое животное, причинить убытки своими дѣйствіями, но не совершить проступка.

Правда Рус. не высказываетъ такого общаго положенія, но въ ней есть статьи, обязанныя своимъ происхожденіемъ именно такому взгляду на раба.

«Аже будуть холопи татие.., іхъ же князь продажею не казнить, зане суть не свободни: то двоиче платить ко истьцю за обидоу». Тр. 42.

отъ рядъ, но требующія толкованія. Эти слова должны быть объясняемы въ смыслѣ «преимущественномъ». Г. Мрочекъ къ рѣшенію историческихъ вопросовъ примѣняетъ ариѳметическій пріемъ. Мы сомнѣваемся въ вѣрности такого примѣненія. Число разъ, въ которомъ Русская Правда употребляетъ то или другое выраженіе, совершенно случайное, а потому отъ такого числа, кажется, нельзя дѣлать никакихъ заключеній. За тѣмъ г. Мрочекъ едва-ли совершенно точно сосчиталъ. Онъ находитъ (196) только одинъ случай употребленія слова рядъ въ смыслѣ договора, это женитьба безъ ряду, ст. 103 Тр. сп. Мы приведемъ еще два: 104-я «тивуньство безъ ряду» и 46-я договоръ займа. Въ смыслѣ-же приказа слово «рядъ» употребляется всего одинъ разъ въ ст. 87; въ смыслѣ правила—тоже разъ въ ст. 94. Ариѳметика, слѣдовательно, не совершенно на сторонѣ г. Дроздовскаго. Но мы этому не придаемъ никакого значенія. Въ Рус. Правдѣ есть статья, которая еще разъ говоритъ о рядѣ, хотя этого слова и не употребляетъ. На ся-то основаніи мы и видимъ въ рядовичѣ Рус. Правды просто раба. Это 102 ст. Тр. сп. Она говоритъ, что холопство возникаетъ изъ купли-продажи. Купля-продажа есть, конечно, рядъ, договоръ. Продавшіе себя въ рабство, но неотличающіеся никакими особыми качествами, и будутъ просто рядовичи, которыхъ Правда противополагаетъ старостамъ, ремесленникамъ, тивунамъ. Но рядовичъ не непремѣнно рабъ. Рядовичъ—всякій по ряду (договору) у кого-либо живущій. Статьи-же 22 Акад. и 11 Тр. разумѣютъ подъ рядовичемъ раба потому, что цѣнятъ его въ 5 гривенъ, а это цѣна обыкновеннаго раба, см. ст. 13, 106 и 107.

Рабы не несутъ наказанія за кражу, потому что они не свободны. Кража, совершенная рабомъ, ведетъ лишь къ уплатѣ убытковъ, но вдвое противъ того, что платятъ свободные.

Относительно послѣдняго условія о двойномъ платежѣ, наша старая практика колебалась. Есть статья, которая говоритъ только объ уплатѣ простой цѣны украденнаго (Тр. 56).

Убытки, причиненные дѣйствіями раба, само собой разумѣется, платитъ его господинъ. На эту тему въ Правдѣ имѣется нѣсколько статей:

«Аже кто бѣжа, а поиметь сусѣдне что или товаръ, то господину платити зань оурокъ, что будеть взялъ» (Тр. 114).

«Оже холопъ, бѣгая, добоудеть товару, то господину холопъ и долги, господину-же и товаръ» (Кар. 130).

Это естественное послѣдствіе принадлежности раба господину сохраняетъ свою силу и въ московскихъ памятникахъ. Въ наказѣ бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ читаемъ:

«А которые люди сами на себя въ разбоѣ говорили, и тѣхъ казнити смертною казнію, а животы ихъ истцомъ въ выть въ полы истцовыхъ исковъ; а будетъ боярскіе люди, и старостамъ за тѣхъ людей имати выти въ полы истцовыхъ исковъ на государѣхъ ихъ, чьи тѣ люди» (А. Э. I, № 281, 1571).

То-же и въ Уложеніи:

«А которые языки говорятъ на чьихъ нибудь людей, и доведется на нихъ взяти выти, и за тѣхъ людей класти выти на тѣхъ людей, кому кто служитъ» (XXI, 66).

Но можетъ случиться, что рабъ украдетъ или какимъ другимъ способомъ добудетъ и растратитъ такую сумму, какой и самъ не стоитъ. Въ виду такихъ, конечно, случаевъ Русская Правда предоставляетъ господину на выборъ—уплатить цѣну украденнаго, или выдать раба пострадавшему:

«Аже холопъ крадеть кого-либо, то господину выкупати и, любо выдати и съ кимь будеть кралъ» (Тр. 115).

«Аче же холопъ кдѣ куны выльжетъ (такъ по сп. Карамз., т. е. добудетъ обманомъ, вмѣсто «вложить» Троицкаго сп.), а онъ (кредиторъ) будеть не вѣдая (холопства)

вдалъ, то господину выкупати, али лишитися его. Вѣдая-ли будеть далъ (что имѣетъ дѣло съ холопомъ), а кунъ ему (кредитору) лишитися» (Тр. 110).

Отвѣтственность господина за дѣйствія раба, совершенныя имъ не по приказу господина, а на собственный страхъ, не безусловна. Она не превышаетъ размѣровъ цѣны раба. За предѣлами этой цѣны начинается личная отвѣтственность раба. Онъ отдается пострадавшему *).

Но Правда говоритъ только о кражѣ и обманѣ (вылжетъ), а рабъ могъ совершить и всякое другое преступленіе. Оно, конечно, обсуждалось на основаніи тѣхъ же руководящихъ началъ. Всякія преступленія раба противъ имущества разсматривались, какъ убытокъ, и вели къ тѣмъ-же послѣдствіямъ, какъ и кражи.

Что-же могъ сдѣлать пострадавшій съ рабомъ, причинившимъ ему убытокъ выше собственной стоимости? Можно думать, что онъ могъ его даже убить и, конечно, еще до выдачи его господиномъ. Именно въ этомъ смыслѣ и надо понимать вышеприведенную статью о ненаказуемомъ убійствѣ виновнаго раба.

Преступленія раба противъ половой нравственности, нанесеніе имъ ранъ, побоевъ, оскорбленій дѣйствіемъ и т. д., все это, конечно, разсматривалось, какъ вина раба передъ свободнымъ мужемъ, и могло вести къ безнаказанному его убійству. Въ дѣйствительности, надо думать, не всегда находились охотники проливать кровь раба за всякую его вину. Обиженные, которые не хотѣли убивать раба, входили въ соглашеніе съ его господиномъ и довольствовались денежнымъ вознагражденіемъ за обиду.

Такъ продолжалось до временъ князя Ярослава Владимі-

*) Въ Тр. сп. Правды ст. 113, соотвѣтствующая 130-й Кар., оканчивается прибавкой «а не лишитися его»; такой-же варіантъ есть и къ ст. 110. Вмѣсто: «али лишитися его» иногда читаемъ: «а не лишитися его». Надо считать такіе варіанты опиской. Рабъ дѣйствовалъ на свой собственный страхъ, а потому и нѣтъ основанія заставлять господина отвѣчать выше стоимости его.

ровича, которому Русская Правда приписываетъ особое постановленіе относительно раба, нанесшаго оскорбленіе дѣйствіемъ свободному человѣку.

Вотъ эта статья:

«А се аже холопъ оударить свободна мужа, а оубѣжить въ хоромъ, а господинъ его не выдасть, то платити зань господину 12 гривенъ. А за тѣмь, аче и кдѣ налѣзеть оудареный тъ своего истьця, кто его оударилъ, то Ярославъ былъ оуставилъ оубити и...». Тр. 58. *).

Толкованіе ея представляетъ чрезвычайныя трудности и неудивительно, что она до сихъ поръ не нашла себѣ удовлетворительнаго объясненія.

Б. Н. Чичеринъ видитъ въ этой статьѣ указаніе на единственное «преступленіе, которое имѣло послѣдствіе и для самого холопа». Послѣдствіе это состояло въ томъ, что «обиженный могъ убить холопа, гдѣ-бы его ни встрѣтилъ» (Опыты, 150).

Что ударъ свободнаго мужа есть единственное преступленіе, имѣвшее послѣдствіе для самого раба, въ этомъ можно очень сомнѣваться. Надо думать, что рабъ могъ быть безнаказанно убитъ за всякую вину. Всякая вина его, слѣдовательно, имѣла лично для него послѣдствія.

Выраженіе «Ярославъ былъ оуставилъ оубити и» и другіе изслѣдователи понимаютъ въ томъ смыслѣ, что онъ пре-

*) Въ спискахъ Правды эта 58 статья предшествуетъ выше разобранной 84-й: «А въ холопѣ и робѣ виры нѣтуть...» и пр. Но отсюда не слѣдуетъ, что правило, въ ней выраженное, древнѣе того, которое содержится въ 84. Сколько-нибудь точную хронологію имѣютъ только тѣ статьи Правды, которыя прямо приписываются извѣстному князю. Многія статьи, не пріурочиваемыя ни къ какому имени, составляютъ исконные обычаи; поэтому они и не связываются съ именемъ князя. Но въ списокъ Правды они могли быть занесены позднѣе тѣхъ, которыя приписываются извѣстному князю и, слѣдовательно, моложе ихъ. Хронологія возникновенія нормъ права и хронологія занесенія статей въ списки Правды, конечно, не совпадаютъ. Есть, однако, изслѣдователи, которые въ послѣдовательности расположенія статей въ спискахъ Правды видятъ хронологію самаго возникновенія содержащихся въ нихъ нормъ. Отсюда возникаетъ много чрезвычайно существенныхъ разногласій въ объясненіи содержанія Правды.

доставилъ обиженному убить раба. Такъ, проф. Владимірскій-Будановъ, въ примѣчаніи къ этой статьѣ, говоритъ: «во времена Ярослава обиженный могъ убить холопа». Христ. I. 61.

Трудно думать, чтобы именно такой уставъ сдѣлалъ христіанскій князь Ярославъ, покровитель книжнаго просвѣщенія, строитель монастырей, «до излиха» любившій мирную жизнь монаховъ, число которыхъ при немъ очень увеличилось.

Тѣмъ не менѣе онъ «уставилъ убить раба». Этого свидѣтельства нельзя отвергнуть; что же оно значитъ?

Ярославъ, не имѣлъ надобности повторять въ своемъ уставѣ нѣчто изъ того, что всегда допускали обычаи. Онъ, надо думать, установилъ новое: смертную казнь рабамъ за ударъ свободному мужу. Съ этой точки зрѣнія формула: уставилъ убити й получаетъ полный смыслъ. По опредѣленію суда можно предписать казнить раба; но какъ предписать это обиженному, который можетъ не желать пролитія крови?

На оспариваемое нами пониманіе наводятъ изслѣдователей, конечно, слѣдующія слова статьи:

«А за тѣмь, аче й кдѣ налѣзеть оудареный тъ своего истьця, кто его оударилъ, то Ярославъ былъ оуставилъ оубити и».

Рабъ-оскорбитель скрылся въ домѣ своего господина; господинъ оказываетъ ему покровительство и не выдаетъ мстителю. Но вотъ позднѣе обиженный находитъ (налѣзеть) раба внѣ дома господина. Отсюда заключаютъ: кто нашелъ, тому и вмѣнено въ обязанность убить. Этого статья, однако, не говоритъ.

Домъ господина есть мѣсто убѣжища для раба. Тамъ нельзя его взять даже для представленія къ суду. Это единственное, замѣтимъ кстати, а потому и драгоцѣнное указаніе на неприкосновенность жилищъ въ нашей глубокой древности. То-же начало извѣстно и германскому праву. Но тамъ оно сохранилось гораздо долѣе. Еще отъ начала XVII вѣка

есть свидѣтельства, что преступникъ, скрывшійся въ своемъ домѣ, не могъ быть схваченъ и приведенъ въ судъ. Судъ самъ приходилъ къ его дому и онъ отвѣчалъ на вопросы суда изъ окна, и то, если хотѣлъ (Frauenstädt, Blutrache und Todtschlagsühne im deutschen Mittelalter, 1881, стр. 63).

Возвращаемся къ нашей статьѣ. Обиженный ударомъ раба, если не приходилъ къ соглашенію съ господиномъ его о способѣ удовлетворенія за ударъ, могъ потомъ, схвативъ раба внѣ дома его господина, представить его въ судъ и требовать казни.

Таковъ смыслъ, кажется намъ, новаго устава Ярослава.

Мы уже имѣли случай (Лекціи и Изслѣдов. 447) высказаться о необходимости допустить, что при Ярославѣ у насъ была сдѣлана вторая попытка ввести смертную казнь за убійство. Теперь мы дополняемъ высказанное тогда мнѣніе: Ярославъ ввелъ смертную казнь и для рабовъ. Но почему за ударъ только? Относительно этого мы находимся въ полномъ невѣдѣніи. Составитель статьи, можетъ быть, не имѣлъ полныхъ свѣдѣній объ уставѣ Ярослава и сдѣлалъ очень неточное о немъ сообщеніе. Это весьма возможно. Статья представляетъ и другія трудности, на которыя мы еще не успѣли указать.

По буквѣ статьи, какъ она, обыкновенно, печатается, убійство раба имѣетъ мѣсто по уплатѣ господиномъ 12 гривенъ. Господинъ теряетъ раба и еще 12 гривенъ, т. е. двойную его цѣну. За что-же это?

Проф. Владимірскій-Будановъ говоритъ, что господинъ наказывается за укрывательство. Но если укрывательство есть преступленіе, то почему-же домъ господина считается неприкосновеннымъ и схватить (налѣзть) раба можно только внѣ дома?

Мы думаемъ, что въ ст. 58-й соединены нормы совершенно различныхъ порядковъ.

Безспорно, что рабъ можетъ быть безнаказанно убитъ за вину, это допускаетъ статья 84-я. Также считаемъ безспорнымъ, что обиженный не всегда убивалъ раба и между про-

чимъ потому, что рабъ иногда успѣвалъ скрыться въ домѣ господина, а врываться силою въ чужое жилище нельзя было. Что приходилось въ этомъ случаѣ дѣлать обиженному? Караулить раба, пока онъ попадетъ къ нему въ руки. Господинъ, если не желалъ потерять раба, входилъ съ обиженнымъ въ соглашеніе и платилъ ему вознагражденіе. Тѣмъ дѣло и кончалось, конечно. Этотъ порядокъ вещей и выраженъ въ началѣ статьи, которую надо заключать словами: «12 гривенъ». Эти 12 гривенъ составляютъ плату за раба, это выкупъ раба. Въ статьѣ сказано «платити зань», т. е. за раба, а не за укрывательство господиномъ раба.

А затѣмъ идетъ новое правило, уставъ Ярослава, предоставляющій обиженному право требовать смертной казни раба въ томъ случаѣ, конечно, когда между нимъ и господиномъ не послѣдовало мировой сдѣлки. Эта часть 58-й ст. должна составить особую статью. Новое правило Ярослава преслѣдуетъ тоже раба, а не господина. Поэтому домъ господина сохраняетъ свою неприкосновенность и при Ярославѣ.

Мы совсѣмъ не знаемъ исторіи составленія Правды. Въ одинъ разъ былъ написанъ первоначальный списокъ, который потомъ переписывался, или послѣдующіе переписчики что-нибудь вставляли и отъ себя? Надо допустить послѣднее. Въ Карамзинскомъ спискѣ несомнѣнно есть такая вставка, въ глаза бьющая. Мы разумѣемъ статьи съ 49-й по 65-ю. Могли быть и другія вставки, и ст. 58-я можетъ принадлежать перу двухъ лицъ: одно могло записать стародавній обычай о выкупѣ господиномъ своего раба; другое прибавило къ этому позднѣйшіе уставы Ярослава и его сыновей.

Слѣдъ устава Ярославова сохранился и въ краткой редакціи Правды, но еще въ менѣе совершенномъ видѣ и безъ ссылки на Ярослава. Въ Акад. сп. читаемъ:

«Или холопъ оударить свободна моужа, а бѣжить въ хоромъ, а господинъ начнеть не дати его; то холопа пояти да платить господинъ зань 12 гривнѣ; а за тымъ, где его налѣзоуть оударенный той моужь, да бьють его». 16.

По смыслу этой редакціи, холопа берутъ, а господинъ

платитъ за него 12 гривенъ; а за тѣмъ холопъ оказывается на свободѣ и ударенный вновь хватаетъ его и убиваетъ (бить—убить). Очевидно, переписчикъ совершенно не понималъ того, что писалъ. У составителей пространной Правды былъ, надо думать, другой источникъ статьи 58-й, а не академическій текстъ.

Нововведеніе Ярослава удержалось въ нашей практикѣ не долго, оно было отмѣнено его сыновьями. Въ концѣ статьи 58-й читаемъ:

«Но сынове его, по отци, оуставиша на куны; любо бити и розвязавше, любо ли взяти гривна кунъ за соромъ».

Опять редакція очень неточная. Впереди идетъ общее положеніе: сыновья Ярослава замѣнили смертную казнь денежнымъ штрафомъ. А изъ послѣдующаго видно, что виновный рабъ наказывался альтернативно: штрафомъ или тѣлесно.

Но что значитъ «бити и розвязавше»? «Розвязавше» указываетъ на нѣкоторый опредѣленный порядокъ наказанія. Одно мѣсто въ словѣ Даніила Заточеника даетъ, кажется, возможность, выяснить этотъ порядокъ. О наказаніи безумнаго тамъ сказано:

«А безумнаго аще и кнутомъ бьеши, развязавъ на санехъ, не отъимеши безумія его» (Рус. Бес. 1856. II. 13).

Подлежащаго тѣлесному наказанію привязывали, слѣдовательно, къ санямъ.

Изъ того, что былъ уже опредѣленный порядокъ тѣлеснаго наказанія, надо заключить, что сыновья Ярослава установили примѣнять къ рабамъ публичное тѣлесное наказаніе, а не частное, не месть. А если такъ, то рабы наказываются по суду. Смертная казнь при Ярославѣ тоже примѣнялась по суду.

Рабы вызываются къ суду, какъ обвиняемые, еще въ XII вѣкѣ! Объясненія ихъ выслушиваются и судъ можетъ признать раба не виновнымъ въ ударѣ, онъ можетъ найти, что рабъ былъ вызванъ нанести ударъ, защищаясь. Въ слу-

чаѣ виновности раба, судъ могъ приговорить его или къ тѣлесному наказанію, или къ платежу штрафа.

Но всякое обвиненіе раба поражаетъ и его господина. Господа не могутъ оставаться равнодушными къ дѣйствіямъ суда по отношенію къ ихъ рабамъ. Въ договорахъ Новгорода съ князьями встрѣчаемъ, поэтому, такую статью:

«Ни холопа, ни робы безъ господаря твоимъ судьямъ не судити».

Господа имѣютъ право присутствовать на судѣ для огражденія своихъ интересовъ. Въ Новгородѣ эта право за господами формально признано. Въ другихъ мѣстахъ оно, можетъ быть, только практиковалось.

Такимъ образомъ, уже съ Ярослава, т. е. съ первой половины XI вѣка, рабы, при столкновеніи ихъ съ третьими лицами, не были предоставлены полному ихъ произволу. Вопросъ о винѣ ихъ рѣшался судомъ. Ярославъ Владиміровичъ, установивъ смертную казнь по опредѣленію суда, не ухудшилъ положеніе раба, а улучшилъ его, давъ рабу судебную защиту.

Но и ранѣе этого князя, убійство раба за вину не было актомъ полнаго произвола обиженнаго. Статья 84-я Тр. сп. говоритъ, что если рабъ былъ убитъ безъ вины, то убійца платилъ урокъ господину и продажу князю. Отсюда слѣдуетъ, что послѣ убійства раба господинъ его могъ начать дѣло предъ судомъ и доказывать, что рабъ не былъ виноватъ предъ убійцей и убитъ имъ невинно. Этотъ порядокъ, надо думать, современенъ первому возникновенію судовъ.

Новогородская судная грамота прямо предписываетъ привести раба, обвиняемаго въ преступленіи, въ судъ:

«А кому будетъ дѣло до владычня человѣка, или до боярского, или до житейского, или до купетцкого, или до монастырского, или до кончанского, или до улитцкого — въ волости о татьбѣ, и о разбоѣ, и о грабежи, и о пожозѣ, и о головщинѣ, и о холопствѣ, а кто будетъ крестъ цѣловалъ на сей грамотѣ, ино ему речи правое слово, а рука дать по крестному цѣлованію, что той человѣкъ тать и разбойникъ, или гробетщикъ, или пожещикъ, или душегубецъ, или хо-

лопъ (т. е. бѣглый). Ино въ коей волости будетъ отъ владыки волостель, или посельникъ, ино имъ поставить того человѣка у суда; а боярину, и житьему, и купцу, и монастырскому заказщику, и посельнику, и кончанскому, и улитцьскому также своихъ людей ставитъ у суда. А срокъ взять на сто верстъ три недѣли, а больше и далѣ по числу. А до суда надъ нимъ силы не дѣять. А кто силу доспѣетъ, ино тымъ его и обвинить» (36).

Этотъ порядокъ вещей переходитъ и въ Уложеніе, о чемъ ниже.

Рабы, какъ зависимые люди, не допускаются къ свидѣтельству на судѣ, за исключеніемъ, однако, самыхъ довѣренныхъ слугъ, тіуновъ; но и свидѣтельство тіуновъ принимается только при отсутствіи свободныхъ свидѣтелей.

«А послушьства на холопа не складають. Но оже не будеть свободнаго, но по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инѣхъ не складывати» (Тр. 59, ср. 81).

Большинство разобранныхъ нами статей имѣетъ въ виду случаи столкновенія рабовъ съ третьими лицами, а не съ ихъ господами. Къ послѣднему случаю относятся лишь статьи, говорящія о правѣ господъ отыскивать бѣглыхъ рабовъ. За исключеніемъ этихъ статей, въ Русской Правдѣ нѣтъ никакихъ постановленій, опредѣляющихъ существо господскихъ правъ.

Въ чемъ же состояли эти права? Могъ-ли господинъ распоряжаться своимъ холопомъ, наказывать его? Подлежали-ли права господина на холопа какимъ-либо ограниченіямъ, или онъ могъ безнаказанно причинять ему всякаго рода обиды, насилія и даже смерть?

Русская Правда ни однимъ словомъ не отвѣчаетъ на эти вопросы. Надо думать, что первоначально права господина не подлежали никакимъ ограниченіямъ.

Ограниченія появляются, надо думать очень рано. Они существуютъ уже въ XII вѣкѣ, слѣдовательно, въ эпоху Русской Правды, которая о нихъ, однако, ничего не знаетъ. Но наши свѣдѣнія объ этомъ предметѣ чрезвычайно отрывочны и скудны.

Не подлежитъ сомнѣнію, что улучшеніе быта рабовъ происходитъ подъ вліяніемъ церкви. Такъ это было и въ западной Европѣ. Смотря на бракъ, какъ на таинство, западная церковь начинаетъ примѣнять этотъ взглядъ и къ половымъ отношеніямъ рабовъ и добивается, наконецъ, признанія ихъ браковъ. Это уже ограниченіе господской власти. Церковь заботится и о смягченіи властныхъ отношеній господъ по отношенію къ ихъ рабамъ и достигаетъ запрещенія произвольнаго убіенія рабовъ господами. Христіанскія правительства должны были присоединиться къ этимъ усиліямъ церкви. Благодаря соединенному дѣйствію этихъ двухъ факторовъ, за рабами начинаютъ признавать право на пріобрѣтенное ими имущество и право наслѣдованія дѣтей послѣ родителей.

Такая-же работа церкви и христіанскихъ князей происходила и у насъ.

Въ древнѣйшихъ поученіяхъ духовенства находимъ уже слѣды заботливости его о рабахъ. Кириллъ Туровскій, знаменитый проповѣдникъ XII в., внушаетъ господамъ не угнетать рабовъ своихъ. Описывая мытарства, которыя должна испытывать душа умершаго, онъ относитъ къ нимъ и «ярость съ гнѣвомъ или на чада, или на рабы, или на всякаго человѣка» (Пам. рос. слов. XII в., изд. Калайдовичемъ, XII слово).

Въ древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ кормчихъ конца XIII вѣка находится поученіе епископа новопоставляемому священнику. Въ немъ воспрещается принимать какія бы то ни было приношенія въ церковь отъ жестокихъ господъ:

«Въ церкви не дай повѣстити, и не принеси приноса въ божій жертвьникъ отъ невѣрныхъ, ни отъ еретикъ, ни отъ блоудникъ, ни прелюбодѣй, ни отъ татий и разбойникъ и грабитель, и властель немилосердъ, ни отъ корчемника и рѣзоимьца, ротника и клеветника, поклепника и лжи послуха, вълхва и потворника, игрьца и злобника, или томя челядь свою гладъмь и ранами: кто боудетъ отъ таковыхъ, а не покаються, не емли у нихъ приноса» (Рус. истор. библ. VI. 107).

Жестокіе господа поставлены здѣсь рядомъ съ невѣрными, еретиками и разбойниками.

Въ тѣхъ же кормчихъ находимъ поученіе духовника исповѣдующимся, которое, по мнѣнію проф. Павлова, «принадлежитъ къ глубокой древности и носитъ на себѣ явные слѣды русскаго происхожденія». Въ этомъ поученіи читаемъ:

«Челядь же свою также милоуй, дажь имъ потребная; показай же я на добро не яростию, но яко дѣти своя». Тамъ же, 124.

Слова кротости и милосердія, раздававшіяся и съ церковной каѳедры, и въ поученіяхъ священникомъ, и на исповѣди, не могли не оказывать вліянія на отношенія господъ къ рабамъ и не могли не оставить слѣдовъ своихъ въ юридическихъ памятникахъ.

Древнѣйшее постановленіе, ограждающее рабынь отъ насилія со стороны господъ, находимъ въ договорѣ Новгорода съ нѣмцами конца XII вѣка, гдѣ читаемъ:

«Оже кто робу повержеть насильемъ, а не соромить, то за обиду гривна; пакы ли соромить, собѣ свободна».

Буквальный смыслъ статьи не возбуждаетъ недоразумѣній: «собѣ свободна» значитъ, конечно, становится свободной. Но какъ объяснить правило, по которому раба, потерпѣвшая насиліе, пріобрѣтала свободу? Если это раба третьяго лица, а не того, кто виновенъ въ насиліи, то статья невозможная. При ея дѣйствіи не могло-бы удержаться рабство на женщинъ. Надо думать, что статья имѣетъ въ виду насиліе собственной рабѣ.

Но почему о такомъ насиліи можетъ идти рѣчь въ договорѣ новогородцевъ съ нѣмцами? Договоръ имѣетъ въ виду не отношенія русскихъ къ русскимъ и нѣмцевъ къ нѣмцамъ, а только русскихъ къ нѣмцамъ. Надо думать, что нѣмцы имѣли рабынь русскихъ, а русскіе—нѣмокъ. Для огражденія ихъ и постановлено приведенное правило.

По чьей иниціативѣ введено это правило въ договоръ.

по русской или нѣмецкой, этого мы не знаемъ. Также не знаемъ, примѣнялось ли оно къ насиліямъ, совершаемымъ русскими господами по отношенію къ ихъ русскимъ рабынямъ. Но допустить это возможно. Статья Уложенія (XX. 80), о которой рѣчь будетъ ниже (стр. 126), можетъ имѣть очень древніе корни.

Отъ конца XV вѣка до насъ дошли посланія Іосифа Санина, основателя Волоколамскаго монастыря. Въ одномъ изъ нихъ онъ поучаетъ нѣкоего господина:

«Отъ божественныхъ писаній, како повелѣваютъ не яко раби имѣти, но яко братію миловати, и питати, и одѣвати доволно, и душами ихъ пещися, еже о спасеніи, и наказывати ихъ всегда на благая дѣлеса..., яко вси есми созданіе господне, вси плоть едина, и вси миромъ единѣмъ помазани, и вси въ руцѣ Господни, его же хощеть обнищеваеть, и всѣмъ стати предъ единѣмъ Царемъ страшнымъ...».

Въ заключеніе Іосифъ говоритъ:

«И се, господине, Богъ на тебѣ свою милость показалъ, и государь тебя князь великій пожаловалъ: ино и тебѣ, господине, подобаетъ своя клевреты пожаловати, и милость къ нимъ показати, и пищею и одеждою удоволить, и инѣми всякими нужными потребами упокоити...». (Д. къ А. И. I. № 213).

Въ другомъ онъ совѣтуетъ:

«Когда отроку 15 лѣтъ, а отроковицѣ 12, ино ихъ пытати государю, и аще восхотятъ пострищися, ино ихъ отпустити; аще же не захотятъ, ино отрока женити, а отроковицю замужъ дати».

Что христіанская идея равенства людей передъ Богомъ приносила свои плоды въ практической жизни, видно изъ примѣра извѣстнаго Башкина. Онъ говорилъ на духу:

«Написано...: возлюби искренняго твоего, какъ самъ себя..., Христосъ называетъ всѣхъ братіею, а у насъ на иныхъ кабалы нарядныя, на иныхъ полныя... Благодарю Бога моего: у меня были кабалы полныя, всѣ изодралъ, держу людей добровольно».

Это человѣкъ XVI вѣка. Его современникъ, попъ Сильвестръ, также пользовался услугами только свободныхъ людей.

Отъ самаго начала XVII вѣка имѣемъ и два указа, изданные въ интересахъ рабовъ. Первый принадлежитъ царю Борису. Онъ вмѣняетъ господамъ въ обязанность кормить рабовъ даже въ голодные годы, а не ссылать ихъ со двора для прокормленія именемъ Божіимъ. Всѣ холопы, которымъ господинъ откажетъ въ прокормленіи, могутъ получить вольную. Въ указѣ читаемъ:

«Будетъ которые холопи отъ нихъ (господъ своихъ) не бѣгаютъ, а они тѣхъ холопей съ двора сослали, а отпускныхъ имъ не дали и крѣпостей имъ не выдали, и они бы имъ давали отпускные и крѣпости имъ выдавали. А которымъ холопемъ отпускныхъ не дадутъ и крѣпостей не выдадутъ, а велятъ имъ кормиться собою, а хотятъ за нихъ впредъ въ холопьствѣ иматься, и Государь Царь и Великій Князь, Борисъ Ѳедоровичъ, всея Русіи, и его Царскаго Величества сынъ, Государь Царевичь, Князь Ѳедоръ Борисовичъ, всея Русіи, велѣли: тѣмъ холопемъ давати отпускные въ Приказѣ Холопья суда Ивану Ласкиреву да дьяку Михайлу Унковскому». А. И. I. № 44. 1603.

Второй изданъ царемъ Шуйскимъ. Онъ написанъ какъ-бы подъ диктовку Іосифа Санина.

«А которые люди, читаемъ въ указѣ, держатъ рабу до 18 лѣтъ дѣвку, а вдову послѣ мужа болѣе 2 лѣтъ, а парня холостаго за 20 лѣтъ, а не женятъ и воли имъ не даютъ,—и той вдовѣ или дѣвкѣ, или парню идти къ казначею, а казначею опытавъ о томъ... тѣмъ дати отпускныя...». Суд. Татищева.

Господамъ предоставлено на выборъ: или женить холопа, или дать ему волю! Если господинъ не дѣлалъ ни того, ни другого, у раба право жалобы и искъ о вольности.

Но указъ этимъ не ограничивается. Онъ предусматриваетъ возможность сопротивленія господъ и принимаетъ соотвѣтствующія мѣры.

Для противодѣйствія искамъ о вольности неженатыхъ рабовъ, господа, съ своей стороны, могли подать встрѣчный искъ о кражѣ. Шуйскій приказываетъ отказывать въ такихъ искахъ:

«Не держи неженатыхъ подъ законъ Божій и правила

святыхъ отецъ, да не умножится блудъ и скверное дѣяніе въ людяхъ».

Указъ Шуйскаго уже предполагаетъ, что рабы живутъ въ христіанскомъ бракѣ. Онъ идетъ дальше, онъ обязываетъ господъ дать женъ холопамъ и мужей рабынямъ. Уложеніе не повторяетъ этого правила. Но и въ немъ есть статья, свидѣтельствующая о признаніи браковъ рабовъ. Уложеніе предусматриваетъ такой случай. Нѣкто далъ въ приданое, за дочерью, или сестрой, своего холопа или рабу. Дочь или сестра умерла, не оставивъ дѣтей. Холопъ и раба, въ этомъ случаѣ, возвращаются къ прежнему господину съ женою и мужемъ, если они тѣмъ временемъ вступили въ бракъ, на томъ основаніи, что

«По правилу святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ жены съ мужемъ разводити не велѣно: гдѣ мужъ, тутъ и жена; кому жена, тому и мужъ». (XX, 62).

Это, значитъ, что мужа нельзя продавать отдѣльно отъ жены.

Когда же были примѣнены къ рабамъ каноническія правила о бракѣ? Источники ничего объ этомъ не знаютъ. Но, конечно, они начали примѣняться къ нимъ съ принятія христіанства, которое не знаетъ рабовъ.

Какъ это на нашъ взглядъ ни странно, но есть въ памятникѣ первой половины XIII вѣка статья, которая предполагаетъ у рабовъ собственное имущество и наслѣдниковъ этого имущества. Это 7-я статья смоленскаго договора съ нѣмцами:

«Аже латинининъ дасть княжю хълопоу въ заемъ, или инъмоу доброу члвку (вар.: или боярьскоу), а оумрете не заплативъ, а кто емльть его остатькъ, томоу платити немчиноу».

Исторія составленія этого договора намъ также мало извѣстна, какъ и исторія составленія вышеуказаннаго новогородскаго договора конца XII вѣка, а потому мы и не можемъ сказать, какіе порядки вліяли на приведенныя изъ нихъ статьи: русскіе, или нѣмецкіе. Можемъ утверждать только, что свидѣтельство смоленскаго договора на собственность у

рабовъ не есть единственное. Мы приведемъ ниже нѣсколько такихъ указаній изъ памятниковъ, которые стоятъ внѣ всякой возможности нѣмецкаго вліянія.

Но приведенная статья предполагаетъ у рабовъ собственность, а не узаконяетъ собственности рабовъ. Это большая разница. Статья собственно ничего не вводитъ новаго, а отправляется лишь отъ существующаго: есть рабы, которые имѣютъ собственность, а потому они и вступаютъ въ сдѣлки отъ своего имени и передаютъ имѣніе свое наслѣдникамъ. Статья предполагаетъ эту практику и говоритъ: по обязательствамъ, заключеннымъ умершими рабами, отвѣчаютъ ихъ наслѣдники.

Съ какого времени существуетъ такая практика? Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что смоленскій договоръ постановляетъ нѣчто новое, и что это новое находится въ противорѣчіи съ правомъ, дѣйствовавшимъ во время Русской Правды *).

Въ подтвержденіе этого вывода ссылаются на статьи Русской Правды (110 по Тр. и 130 по Кар. сп.). Но статьи эти говорятъ не о сдѣлкахъ холоповъ вообще, а (110) объ обманной сдѣлкѣ (вылжетъ) холопа, другая (130) о сдѣлкахъ бѣглаго холопа.

Обѣ статьи имѣютъ въ виду огражденіе интересовъ господина и только. Статья 130 (см. стр. 103) опредѣляетъ послѣдствія возвращенія бѣглаго раба къ господину. Во время бѣгства рабъ могъ вступить въ сдѣлку, пріобрѣсти что-нибудь или войти въ долги. Съ возвращенія его къ господину, на послѣдняго переходятъ и всѣ сдѣлки, совершенныя рабомъ во время бѣгства. Это совершенно натурально. Предполагается, конечно, что господинъ не отказывается отъ раба, а беретъ его себѣ. Если-бы господинъ отказался отъ бѣглаго раба, слишкомъ обременившаго себя долгами, что онъ въ правѣ сдѣлать (115 Тр.), для раба

*) См. Чичеринъ, Опыты, 149; Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія I. 98.

возникла-бы личная отвѣтственность. Статья 110 (см. стр. 103). говоритъ о послѣдствіяхъ для господина обманной сдѣлки, совершенной холопомъ. Если холопъ получилъ обманомъ отъ 3-го лица деньги, и это 3-е лицо не знало, что имѣло дѣло съ холопомъ, въ этомъ случаѣ отвѣтственность падала и на господина: онъ или платилъ убытки, или выдавалъ холопа. Если-же 3-е лицо знало, что вступило въ сдѣлку съ холопомъ, то господинъ не отвѣчалъ. «Вѣдая ли будеть вдалъ, а кунъ ему лишитися», говоритъ статья. Это значитъ, что у кредитора, который завѣдомо вступилъ въ сдѣлку съ рабомъ, нѣтъ иска противъ господина; но отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что за рабомъ признается право не платить долги. Если онъ имѣлъ свое имущество, то, конечно, долженъ былъ платить свои долги. Этой возможностью получить долгъ съ раба и обусловливается случай, предусматриваемый статьею: нѣкто завѣдомо вступилъ въ сдѣлку съ рабомъ. Въ Русской Правдѣ нѣтъ никакихъ запрещеній для раба имѣть собственность и вступать въ сдѣлки, не нарушая правъ господина *). Что не запрещалось никакими указами, то могло происходить по простому допущенію со стороны господъ. Думаемъ, что порядокъ вещей, предполагаемый смоленскимъ договоромъ, исконный; это наша старина.

Для выясненія этой старины обратимся къ роли, какую играли рабы въ домахъ своихъ господъ.

Положеніе рабовъ въ домахъ господъ было очень различное. Различіе это обусловливалось различной годностью рабовъ. Мы уже выше имѣли случай замѣтить, что внизу лѣстницы несвободныхъ людей стоятъ обыкновенные рабы (рядовичи), выше ихъ помѣщались ремесленники, еще выше лица, пользовавшіяся особымъ довѣріемъ своихъ господъ, которымъ повѣрялись ключи дома, и которые поэтому носили наименованіе тіуновъ или ключниковъ; послѣдній терминъ съ теченіемъ времени вытѣсняетъ первый. Все домашнее хо-

*) Сторонники оспариваемаго мнѣнія указываютъ еще на 111 ст. Тр. сп.; мы разберемъ ее ниже.

зяйство было дѣломъ рабовъ. Ключники, повара, конюхи— это все рабы. Рабамъ-же поручаютъ господа и совершеніе отъ своего имени всякихъ сдѣлокъ, договоровъ купли-продажи и пр. Въ Русской Правдѣ читаемъ:

«Аже пустить (господинъ) холопъ въ торгъ, а одолжаеть, то выкупити его господину и не лишитесь его». Тр. 111.

Въ данномъ случаѣ холопъ дѣйствуетъ не на свой страхъ, а по порученію господина, онъ его повѣренный. Поэтому, господинъ отвѣчаетъ по обязательствамъ своего холопа-повѣреннаго не въ размѣрахъ только цѣны его, какъ раба, а на всю сумму. Въ спискѣ графа Мусина-Пушкина вмѣсто «и не лишитись его» есть такой варіантъ: «лишитись его нельзя». Эта статья также ничего не говоритъ противъ допущенной нами возможности собственности у рабовъ.

Для опредѣленія состоянія тивуновъ мы имѣемъ выше приведенный текстъ ст. 59. Она говоритъ: рабъ не можетъ быть свидѣтелемъ; но если не будетъ свободнаго человѣка, то по нуждѣ можно выслушать боярскаго тіуна. Отсюда слѣдуетъ, что тіунъ, обыкновенно, холопъ. Къ тому-же приводитъ и ст. 104 Тр. сп.:

«А се третьее холопьство: тивуньство безъ ряду или привяжеть ключь къ собѣ безъ ряду. Съ рядомъ ли, то како ся будеть рядилъ, на томъ же стоить».

Изъ этой статьи слѣдуетъ: 1) что тивунъ и ключникъ одно и то-же; 2) что взять на себя тивунство, не оговоривъ своей свободы, равносильно поступленію въ рабство.

Тивунъ —свободный человѣкъ, конечно, дѣло возможное, но это исключеніе; обыкновенно-же тивунъ есть рабъ.

Какая-же дѣятельность тіуна-ключника? Это первый человѣкъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Владиміръ Мономахъ, поучая дѣтей своихъ за всѣмъ присматривать самимъ, на первомъ мѣстѣ ставитъ тіуна:

«Не зрите, говоритъ онъ, на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящіи къ вамъ ни дому вашему, ни обѣду вашему».

Управленіе и судъ составляли въ древнее время доходную статью правителей. Это было право князей, которымъ они дѣлились съ своими вольными слугами. Но князья и ихъ вольные слуги судили и управляли не всегда лично сами, а дѣйствовали при помощи особо назначаемыхъ ими къ тому лицъ. Въ качествѣ такихъ второстепенныхъ правителей и судей опять встрѣчаемъ тивуновъ.

Вотъ жалоба кіевлянъ на своихъ правителей князьямъ Всеволоду и Игорю:

«И начаша кіяне складывати вину на тіуна на Всеволожа, на Ратьшу, и на другаго тивуна на Вышегородьскаго, на Тудора, рекуче: Ратша ны погуби Кіевъ, Тудоръ—Вышегородъ; а нынѣ, княже Святославе (черезъ него велись переговоры), цѣлуй намъ крестъ и съ братомъ своимъ (Игоремъ): аще кому насъ будетъ обида, то ты прави».

Святославъ на это отвѣчалъ:

«Язъ цѣлую крестъ за братомъ своимъ (Игоремъ), яко не будетъ вы насилья ни котораго же, а се вамъ и тивунъ, а по вашей волѣ». Ипат. 1146.

Итакъ, тивуны Всеволода были судьи въ Кіевѣ и Вышгородѣ и творили неправду; народъ требуетъ, чтобы впередъ князь самъ судилъ. Эти судьи, государственные чиновники, не имѣютъ, однако, названія, соотвѣтствующаго ихъ публичной должности. Они называются по ихъ частной должности у князя, по тивунству.

Что-же удивительнаго, что эти довѣренныя и властныя лица имѣли собственность?

У Ратши былъ свой дворъ въ Кіевѣ. Кіевляне, послѣ выдачи имъ Ратши, бросились грабить этотъ дворъ и князь Святославъ «едва утиши ихъ».

Тѣ-же порядки встрѣчаемъ и въ Москвѣ.

«По тіуньству и по ключу, по сельскому, читаемъ въ Судебникѣ 1497 г., холопъ съ докладомъ и безъ докладу и съ женою и съ дѣтьми», ст. 66.

Тивунъ и ключникъ и въ концѣ XV вѣка одно и то-же. Дѣлается онъ холопомъ тоже въ силу одного факта при-

нятія сельскаго ключа. Московскіе памятники сохранили нѣкоторыя ближайшія указанія на дѣятельность этихъ сельскихъ тивуновъ-ключниковъ. Подъ ихъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ состоятъ всѣ остальные холопы. Ключники цѣлуютъ за нихъ крестъ *). Ключники же собираютъ господскіе доходы и заботятся о ихъ приращеніи; съ этою цѣлью они раздаютъ господское серебро въ ростъ крестьянамъ и получаютъ съ нихъ проценты, а по наступленіи сроковъ взыскиваютъ капиталъ. Они вступаютъ въ сдѣлки именемъ своего господина и пріобрѣтаютъ для него недвижимости и рабовъ. Эти покупки тивуны дѣлаютъ «за ключемъ ихъ господина» или «на его ключъ».

«А что будутъ мои ключники..., читаемъ въ духовной Владиміра Андреевича Серпуховскаго, а покупили деревни за моимъ ключемъ..., а деревни дѣтемъ моимъ, въ чьемъ будутъ удѣлѣ».

«Ключъ» здѣсь символъ власти. Покупаемые люди «даются на ключъ». Господинъ, если покупаетъ рабовъ самъ, соблюдаетъ тѣ-же формальности. Онъ беретъ людей «на ключъ», а «по ключу» они становятся его холопами.

Московскіе князья отпускаютъ на волю: тивуновъ своихъ, ключниковъ, казначеевъ, дьяковъ и приказныхъ людей, вѣдавшихъ княжескіе приказы (Рум. Собр I. № 24, 25, 30, 39, 96, 121 и др.).

Это все рабы. А вѣдаютъ они не только управленіе частными дѣлами князя, но и дѣлами его, какъ государя. Казначеи, конечно, вѣдали всякую казну, а дьяки вели всякую переписку, безъ различія частной княжеской отъ государственной. Эти казначеи, дьяки, тивуны суть «приказные» люди, такъ какъ они, по приказу князя, вѣдаютъ «его при-

*) **Въ договорахъ читаемъ:**

«На холопахъ дани не имати, на которыхъ ключники цѣлуютъ». Рум. Собр. I. № 28, 76; 1368—1451. Что это за цѣлованіе? Можетъ быть, цѣлованіе на вѣрность князю?

Въ селахъ Прилуцкаго монастыря встрѣчаемъ дѣленіе деревень на ключи, напр.: «се язъ, Евстигней, прозвище Менщикъ, Савельевъ сынъ, Оларевскаго ключа, деревни Токарева». А. Ю. № 300, ср. № 250.

бытки». Древнѣйшіе приказы состояли, такимъ образомъ, изъ рабовъ *).

Намѣстники и волостели, разсылаемые московскими государями во всѣ города и волости, отправляютъ свои должности чрезъ посредство своихъ тіуновъ (А. Э. I № 18, 21, 23, 37 и др.). Въ Судебникѣ 1497 г. читаемъ:

«А тіунъ дастъ грамоту правую, и онъ емлетъ отъ печати съ рубля по полутретья алтына на государя своего (т. е. на своего господина) и на себя, а дьякъ его емлетъ съ рубля по 3 деньги». 40.

У тіуновъ-рабовъ свой доходъ съ государственнной службы. Они имѣютъ своихъ дьяковъ, которые тоже получаютъ доходъ со службы.

Рабы, выступавшіе въ роляхъ дьяковъ и судей, были, конечно, знатоками древняго судебнаго порядка. Изъ ихъ среды, поэтому, вырабатываются наши первые присяжные повѣренные. Ходатайство по дѣламъ господа поручаютъ рабамъ своимъ. Тѣ-же рабы-адвокаты занимаются и вольной практикой по найму. Въ мотивахъ къ указу 1582 года читаемъ:

«Многіе холопи боярскіе ходятъ въ доводахъ за своихъ государей и наймуются въ судѣхъ у иныхъ, а ябедами и кромолами люди проторятъ, въ жалобницахъ пишутъ иски велики и, что не довелося въ судѣхъ, лгутъ и говорятъ не по дѣлу, оттягая судъ, что-бъ на долго не вершити, или составляютъ кромолы, поминая иные прежніе дѣла и лаю. А тѣ, которые наймуются у ищеи или отвѣтчика стояти въ судѣ за него, и ставъ, а стакався съ противникомъ, продаютъ своего наимщика». А. И. I. № 134, XX.

*) Рум. Соб. I. № 25, 130, 40; 1356—1408. Арх. истор. юрид. свѣд., 1855, кн. II, полов. 1-я, стр. 31. Ключники серпуховскаго князя названы «некуплеными». Это еще не значитъ, что они были свободные люди, хотя встрѣчаются и такіе. «Купленымъ» противополагаются «старинные холопы», а не свободные слуги. Объ этихъ некупленыхъ ключникахъ князь говоритъ, что они «дѣтямъ его ненужны», т. е., что они къ нимъ не переходятъ, а получаютъ свободу. Еслибы «некупленые» значило здѣсь вольные, не было-бы надобности отпускать ихъ на свободу.

За эти безчестныя дѣйствія указъ угрожаетъ нашимъ повѣреннымъ XVI вѣка великими карами, но не запрещаетъ рабамъ заниматься адвокатурой.

Итакъ, старые холопы не совсѣмъ то, что мы привыкли понимать подъ безгласной собственностью, подъ вещью. Но, конечно, не всѣ холопы пользовались одинакимъ положеніемъ. Среди нихъ различаются большіе и меньшіе люди. Въ духовной великой княгини Софіи Витовтовны читаемъ:

«А что у меня людей моихъ ни есть, и болшихъ и меншихъ, и язъ ихъ всѣхъ пожаловала, ослободила есмь ихъ всѣхъ, по моемъ животѣ вси слободни».

Въ виду указаннаго значенія лучшихъ рабовъ, нельзя удивляться, что Русская Правда говоритъ о 40-гривенной платѣ за убійство боярскаго тіуна, который могъ быть судьей и правителемъ. Также ничего нѣтъ удивительнаго, что за княжескаго тивуна полагается высшая мѣра наказанія — 80 гривенъ, а за отрока, конюха и повара—40 гривенъ. За убійство нужныхъ имъ людей князья могли карать, какъ хотѣли. Встрѣчаемъ даже указаніе на то, что за убійство стараго пастуха, находившагося при стадѣ, конечно раба и изъ послѣднихъ, кіевскій князь Изяславъ взыскалъ 80 гривенъ.

«А конюхъ старый оу стада 80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убилѣ Дорогобоудьци». Акад. 21.

Эта высокая плата за лучшихъ холоповъ перешла и въ Московское государство и отразилась на платѣ за безчестіе.

У рабовъ признается честь и притомъ высшая, чѣмъ у крестьянъ. По Судебнику 1550 г. честь лучшихъ боярскихъ холоповъ (добрыхъ) оцѣнивалась въ пять разъ выше чести свободнаго крестьянина. Если же это были холопы, занимавшіе, по порученію своихъ господъ, публичныя должности тіуновъ, доводчиковъ и праветчиковъ,—честь ихъ оцѣнивалась размѣромъ получаемаго съ должности дохода, какъ и честь царскихъ служилыхъ людей. Только честь «молодшихъ» рабовъ равнялась чести свободнаго крестьянина (26).

Не всякій рабъ имѣлъ свое имущество, но у тѣхъ, у

которыхъ оно было, оно принадлежало имъ попущенiемъ ихъ господъ. Въ силу того-же попущенiя, рабы распоряжались этимъ имуществомъ: деньги давали въ займы, недвижимости дарили и пр.

Мы уже знаемъ, что у тивуна князя Всеволода былъ свой домъ.

У жены великаго князя московскаго, Василiя Васильевича, были холопы, владѣвшiе куплями и вотчинами. Нѣкоторыхъ изъ нихъ великiй князь самъ надѣлилъ своими селами. Въ его духовной читаемъ:

«А которые дѣти боярскiе служатъ моей княгинѣ и слуги ее, и вси ее люди, холопи еѣ, и кому буду язъ, князь великiй, тѣмъ давалъ свои села, или за кѣмъ будетъ ихъ отчина, или купля, а въ тѣхъ своихъ людехъ во всѣхъ вольна моя княгиня и въ тѣхъ селѣхъ; а дѣти мои въ то не вступаются».

Отъ того же времени къ намъ дошла слѣдующая дарственная запись Хари Лагиря, холопа князя Юрiя:

«Се язъ, Харя Лагирь, далъ есмь въ долгъ пречистой да и своему господину Iонѣ, митрополиту кiевскому и всея Руси, свою пустошь Бортневскую, что есмь себѣ купилъ у Микулы у Мишня да у Жеребила у Иванова человѣка Владимiровича, и съ лѣсомъ, и съ пожнями, и съ всѣмъ тѣмъ, что къ ней потянуло. А на то послуси: Серапiонъ старецъ, да попъ Данило Николской. А грамоту писалъ Григорей Карловъ (не Карповъ ли?), а подписалъ Иванъ Котовъ». (А. до Ю. Б. I. № 103, I; 1462—4).

Одинъ изъ продавцовъ земли Лагирю былъ тоже рабъ, человѣкъ Ивана Владимiровича.

Въ духовной верейскаго князя, Михаила Андреевича, читаемъ:

«А что мои люди, кого буду чѣмъ пожаловалъ, жалованьемъ и деревнями, и государь бы мой, князь великiй, послѣ моего живота моего жалованья не порушилъ, что бы мои люди послѣ моего живота не заплакали. .».

Отъ того же XV вѣка дошла до насъ духовная грамота князя Ивана Юрьевича Патрикеева. Онъ отпускаетъ на волю

людей своихъ и съ землей, которая имъ принадлежала въ рабствѣ:

«А людей своихъ отпущаю на слободу: Зеленю съ женою и съ дѣтьми и съ землею, да Алексѣйка Рахманова съ женою и съ дѣтьми и съ землею, да Осташа Некраса Андрѣйкова сына Моланьина и съ дѣтьмі и съ землею...».

Княгиня Александра Васильевна Беззубцева заняла у холопа князя Дмитрія Ивановича, Исупа,—денегъ полъ четверти рубля. Она вспомнила объ этомъ долгѣ въ духовной (1546 г.) и приказала заплатить его вмѣстѣ съ разными другими долгами (А. Ю. № 419).

Весьма любопытна грамота Ивана Григорьевича Нагова его человѣку, Богдану Сидорову, на пожалованную ему Нагимъ старинную вотчину. Нагой, въ царствованіе Ѳедора Ивановича, подвергся опалѣ и былъ заключенъ въ тюрьму. Въ это тяжелое для него время Богданъ Сидоровъ явился единственнымъ за него ходатаемъ. Онъ билъ челомъ Ѳедору Ивановичу объ освобожденіи своего господина, и за усердіе свое самъ попалъ за пристава. Просидѣвъ полгода въ неволѣ, онъ былъ освобожденъ при царѣ Борисѣ, и снова принялся хлопотать. Труды его увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ: Нагой былъ освобожденъ. За эту-то «великую работу и терпѣніе», онъ и награжденъ старой вотчиной съ правомъ: продать ее, заложить и по душѣ отдать. Но воли ему Нагой не далъ. Наоборотъ, онъ разсматриваетъ Богдана, какъ долженствующаго служить за этотъ даръ и по смерти его — женѣ его и дѣтямъ. «А послѣ моей смерти,—читаемъ въ грамотѣ,— ему, Богдану, за то мое жалованье жену мою и дѣтей не покинуть и ихъ устроить по моей духовной грамотѣ, чѣмъ я ихъ благословлю. И дѣтей моихъ, Никифора и Гаврилу, ему, Богдану, грамотѣ научить и беречь и покоить всѣмъ, пока Богъ ихъ на ноги подниметъ». Солов. VIII. 23.

Въ духовной Дмитрія Ивановича Плещеева читаемъ:

«А что моего платья и доспѣховъ и лошадей... то все сыну моему, Ивану. Да изъ тѣхъ же лошадей прикащикомъ моимъ дати людемъ моимъ по лошади, у которыхъ со-

бинныхъ лошадей не было. А которыхъ моихъ людей на имяна лошади, тѣ тѣмъ и есть........ А у которыхъ моихъ (людей), и у конюховъ, и у дѣловыхъ людей коровы и всякая животина, и въ то у нихъ не вступатца ни во что жъ». (Ѳед. Чех. № 94, стр. 276, 1562 г.).

Въ одной закладной грамотѣ 1529 года встрѣчаемъ любопытный фактъ общаго займа господина съ его рабами.

«Се язъ Власъ, Никитинъ сынъ, Фрязиновъ да съ своими людми, съ Ивашкомъ, съ Ивановымъ сыномъ, да съ Онцифоромъ съ Щигою, съ Ивановымъ сыномъ, заняли есмя у Дементія, у Иванова сына, у Кириловского слуги, четыре рубли... А въ тѣхъ есми денгахъ заложилъ на озерѣ свой закосъ... А въ денгахъ есми съ своими людми единъ человѣкъ, кой насъ въ лицѣхъ, на томъ денги». А. Ю. № 237.

Этою грамотою господинъ признаетъ за своими рабами и право отвѣчать на судѣ.

Возможность появленія собственности у рабовъ обусловливается, конечно, доброю волею ихъ господъ. Они допускаютъ рабовъ своихъ имѣть собственное (собинное) имущество; но они же могутъ и отобрать это имущество. Поэтому-то Василій Васильевичъ и говоритъ въ своей духовной, что жена его вольна въ своихъ людяхъ и въ ихъ селахъ.

Право собственности рабовъ не было ограждено отъ захвата со стороны ихъ господъ. За рабами не признавалось право иска противъ господъ.

Въ новогородскихъ договорахъ съ князьями читаемъ:

«А холопъ или роба почнетъ вадити на господу, тому ти вѣры неяти» (Рум. Собр. I. № 3, 1270 г.).

Это правило встрѣчаемъ и въ Уложеніи, но съ ограниченіемъ. Рабы могутъ подавать извѣты на господъ своихъ въ случаѣ злоумышленія ихъ на государское здоровье или какое иное измѣнное дѣло (II, 13).

Уложеніе допускаетъ и еще одинъ родъ жалобъ, но только рабынь на господъ.

«А кто учнетъ у себя въ дому дѣлать беззаконіе съ рабою, съ женою или съ дѣвкою, и приживетъ съ нею дѣтей,

и въ томъ на него та раба учнетъ Государю бити челомъ, и такихъ женокъ и дѣвокъ и на кого учнутъ Государю бити челомъ отсылати на Москвѣ на Патріаршъ дворъ...» (XX, 80).

Это собственно единственная жалоба, возникающая изъ частныхъ отношеній господъ и рабовъ, а не государевыхъ дѣлъ, которая принимается къ разсмотрѣнію.

Холопъ не имѣетъ иска противъ господина, но это не значитъ, чтобы нашей древности была чужда всякая идея о нѣкоторыхъ предѣлахъ господской власти. Господинъ можетъ распоряжаться своимъ холопомъ, т. е. отчуждать его всѣми возможными способами; но можетъ-ли онъ его убивать? Русская Правда предусматриваетъ только случаи убійства холопа третьимъ лицомъ, а не его господиномъ. Въ убійствѣ раба третьимъ лицомъ Правда видитъ только имущественный ущербъ господина, а не убійство человѣка. Отсюда можно заключить, что самъ господинъ воленъ былъ умалять цѣнность своего имущества, никому за-то не отвѣчая.

Но такъ было только въ самой глубокой древности. Съ учрежденіемъ постоянныхъ судовъ и съ принятіемъ христіанства, точка зрѣнія начинаетъ измѣняться. Судьи получаютъ доходъ съ убійствъ, въ ихъ выгодахъ расширять понятіе убійства и примѣнять его даже къ убійствамъ рабовъ ихъ господами. Статья Двинской грамоты (1397 г.) наводитъ на мысль, что они дѣйствительно это дѣлали, а потому и потребовалось ограничить ихъ вторженіе въ сферу частныхъ отношеній господъ къ рабамъ. Въ грамотѣ читаемъ:

«А кто осподарь огрѣшится, ударитъ своего холопа или робу, и случится смерть, въ томъ намѣстницы не судятъ, ни вины не емлють» (11).

Эта статья ограничиваетъ намѣстниковъ. Она запрещаетъ имъ брать «вину» за случаи ненамѣреннаго убійства рабовъ господами. Господинъ не увѣчилъ раба, не билъ его съ тѣмъ, чтобы убить, а только ударилъ и послѣдствіемъ была смерть. Намѣстники прежде, надо думать, и за это брали вину. Двинская грамота рѣшаетъ вопросъ въ пользу господской власти. Господа могутъ бить своихъ рабовъ и не отвѣчаютъ за неосторожное ихъ убійство.

Это различеніе неосторожнаго и умышленнаго убійства рабовъ произошло, надо думать, не безъ вліянія памятниковъ византійскаго права, а слѣдовательно и духовенства, которое вездѣ имѣло ихъ подъ руками.

Въ Градскихъ законахъ читаемъ:

«Аще кто своего раба ременемъ, или палицами біетъ, и отъ сего приключится емоу оумрети, не осудится господинъ его, яко убійца. Аще же безмѣры моучилъ его боудетъ, или отравленіемъ оубилъ, или прежеглъ, яко разбой сотворивый моучится». XXXIX, 85.

Двинская грамота передаетъ мысль, выраженную въ первой половинѣ этой статьи. Она объявляетъ ненаказуемымъ неосторожное убійство раба. А если рабъ убитъ намѣренно? Двинская грамота останавливается какъ-бы въ нерѣшительности передъ этимъ случаемъ и не договариваетъ мысли своего византійскаго источника. Но такъ какъ она освобождаетъ отъ наказанія только неосторожныхъ убійцъ, то нѣтъ основанія думать, что убійцы намѣренные не наказывались. Скорѣе надо заключать къ обратному.

Уложеніе царя Алексѣя идетъ далѣе. Мы находимъ въ немъ спеціальное ограниченіе власти господъ по отношенію къ возвращеннымъ изъ бѣговъ холопамъ. Бѣглый холопъ прямо и рѣшительно отвергаетъ власть своего господина. По возвращеніи бѣглеца, послѣдній имѣетъ достаточныя основанія преслѣдовать его. Уложеніе кладетъ границу этому мстительному преслѣдованію:

«А кому бѣглый человѣкъ изъ приказу отданъ будетъ въ холопство по прежнему, и тому... приказати на крѣпко, чтобы онъ того своего бѣглаго человѣка до смерти не убилъ, и не изувѣчилъ, и голодомъ не уморилъ» (XX, 92).

Если бѣглаго холопа запрещено было морить голодомъ, увѣчить и бить до смерти, то неужели тотъ рабъ, который покорно исполнялъ свои обязанности, находился въ худшемъ положеніи? Это трудно думать. Если Уложеніе говоритъ только о бѣглыхъ, то, конечно, потому, что они, какъ бѣглые, могли вызывать господъ своихъ къ исключительнымъ строгостямъ.

Приведенная статья Уложенія не назначаетъ, однако, наказанія господину за ослушаніе. Это несовершенный законъ, свидѣтельствующій о томъ, что и въ XVII вѣкѣ у насъ многое не договаривалось, когда рѣчь заходила о господскихъ правахъ. Во всякомъ случаѣ, она доказываетъ, что нашей древности не была совершенно чужда мысль о нѣкоторыхъ границахъ господской власти.

Только противъ господина своего холопъ не имѣлъ ни жалобы, ни иска; противъ же третьихъ лицъ онъ вовсе не былъ беззащитнымъ.

Выше мы указали уже, что и въ эпоху Русской Правды и новогородской Судной грамоты, преступленія, совершаемыя рабами, разсматривались судомъ. Эта старина дѣйствуетъ, само собой разумѣется, и въ XVII вѣкѣ. Въ Уложеніи читаемъ:

«А будетъ учнетъ языкъ говорити въ разбоѣ или въ татьбѣ на чьихъ нибуди людей..., а тѣ люди, на чьихъ людей... языкъ говоритъ, такихъ людей... у себя скажутъ, а ихъ не поставятъ, и на нихъ за тѣхъ людей... имати выти и давати ихъ на крѣпкія поруки..., что имъ тѣхъ своихъ людей... поставити къ языкомъ на очную ставку...» (XXI, 45).

Уложеніе идетъ и далѣе; оно не оставляетъ безнаказаннымъ укрывательства виновныхъ рабовъ господами. Господа, которые не выдадутъ виновныхъ холоповъ къ суду, хотя бы и наказали ихъ домашнимъ порядкомъ, подвергались отвѣтственности:

«А будетъ который помѣщикъ, сыскавъ у себя разбойниковъ своихъ людей... побьетъ, не хотя ихъ къ сыску отдати въ губу, укрывая за собою воровъ, а сыщется про то допряма; и у такого помѣщика за такое воровство отняти помѣстье...» (XXI, 79).

Владѣя имуществомъ и совершая всякаго рода сдѣлки на свое имя, рабы сами отвѣчаютъ за себя на судѣ, допускаются ко всякимъ суднымъ дѣйствіямъ: крестному цѣлованію, полю и пр., и приговариваются къ уплатѣ штрафовъ и убытковъ. Въ 1521 г. митрополичьи крестьяне искали на Павлинѣ, на Чулиновѣ, сынѣ Окинфова, да на его человѣкѣ, на Су-

хомъ. Павлинъ Чудиновъ отвѣчалъ за себя «и въ человѣка своего мѣсто». Митрополичьи крестьяне просили поля. «Павлинъ Чудиновъ и въ товарищевъ своихъ мѣсто за поле поималъ же ся». Судъ истцовъ оправилъ, а отвѣтчиковъ, Павлиновыхъ людей Чудинова, Сухова да Якуша, обвинилъ и велѣлъ на нихъ истцамъ доправить за ихъ грабежъ 15 рублей. Недѣльщикъ на нихъ тѣ деньги доправилъ и отдалъ истцамъ. Въ 1525 г. тѣ-же крестьяне искали на тѣхъ же людяхъ Чудинова. На этотъ разъ отвѣтъ держали сами рабы. Изъ того же процесса видно, что холопу Окинфа Чудинова, Якушу, бояре приговорили поле съ дѣтьми боярскими, съ Игнатомъ Авдеевымъ и съ Иваномъ Внуковымъ (А. Ю. № 17).

Приговоромъ суда бояръ холопъ поставленъ рядомъ съ свободнымъ человѣкомъ и не простымъ, а сыномъ боярскимъ.

Эта практика признана и царскими указами. Въ приговорѣ государя, царя и великаго князя Іоанна Васильевича со всѣми бояры отъ 12 марта 1582 года читаемъ:

«Холопей боярскихъ и иныхъ чиновъ людей, которые будутъ въ судѣ за себя, или за своего государя, или за кого иного стояти...». А. И. I. № 134, XX.

Ѳ. М. Дмитріевъ, на основаніи этой статьи, высказалъ уже въ своемъ изслѣдованіи «О судебныхъ инстанціяхъ» предположеніе, что рабы допускались судами искать за себя *).

Приведенная практика и указъ объясняютъ статью Уложенія, которою рабы допускаются ко свидѣтельству безъ всякаго исключенія:

«А будетъ гдѣ доведется въ обыску, или въ допросѣ спрашивати боярскихъ людей..., и ихъ во всякихъ дѣлѣхъ допрашивати по государеву крестному цѣлованію...» (X, 173).

*) Съ этимъ предположеніемъ затрудняется согласиться проф. Будановъ. Онъ находитъ, что «слова закона не ясны: холопей боярскихъ и иныхъ чиновъ людей...». Христом., III, 30. Здѣсь рѣчь идетъ о холопахъ бояръ и людей иныхъ чиновъ, а не о холопахъ и людяхъ иныхъ чиновъ.

Постановленія Русской Правды о свидѣтеляхъ, составленныя подъ вліяніемъ византійскаго права, уступили русской дѣйствительности. Это измѣненіе, надо полагать, произошло задолго до Уложенія. Ни псковская Судная грамота, ни московскіе Судебники не повторяютъ ограниченій Русской Правды. Говоря о свидѣтеляхъ, они опредѣляютъ ихъ признакомъ «добрые люди». Но что такое добрые люди? Это понятіе весьма широкое. Царскій судебникъ знаетъ «боярскихъ добрыхъ людей», т. е. холоповъ.

Мы привели выше (стр. 116) статью смоленскаго договора по готландской редакціи. Въ рижскихъ спискахъ вмѣсто «инаго добраго человѣка» поставленъ «боярской холопъ». Эти понятія, значитъ, и въ XIII вѣкѣ могли замѣнять одно другое.

Переходимъ къ вопросу о способахъ установленія обельнаго или полнаго холопства. Древность знаетъ очень много такихъ способовъ. Холопство установляется плѣномъ, покупкой свободнаго человѣка, его тивунствомъ, бракомъ съ несвободнымъ, рожденіемъ отъ несвободныхъ родителей и, наконецъ, несостоятельностью.

Плѣнъ есть, конечно, одинъ изъ древнѣйшихъ способовъ установленія рабства. О плѣнникахъ (полоняникъ) говорятъ еще договоры съ греками. Изъ этихъ памятниковъ видно, что плѣнники составляютъ предметъ гражданскаго оборота и продаются изъ рукъ въ руки (дог. 911 г., ст. 9 и 11, дог. 945 г., ст. 7).

Начальная лѣтопись, разсказывая о войнѣ великой княгини Ольги съ древлянами и о взятіи города ихъ, Искоростѣня, говоритъ, что она городъ

«Сожгла, старѣйшины изъимла и прочая люди овыхъ изби, а другія работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань».

Войны обыкновенно сопровождались уводомъ плѣнниковъ.

Въ описаніи похода Андрея Боголюбскаго на Новгородъ, читаемъ:

«И пришедше только въ землю ихъ (Новогородскую),

много зла створиша (воины Андрея): села взяша и пожгоша и люди посѣкоша, а жены и дѣти и имѣнія взяша и скоты поимаша». Ипат. 1173.

Война великаго князя Ивана Васильевича съ Новымгородомъ описана такъ:

«Братія же великаго князя всѣ съ многими людьми, кіиждо изъ своея отчины, поидоша разными дорогами къ Новугороду, плѣнующе и жгуще и люди въ плѣнъ ведуще. Также и князя великаго воеводы тожетворяху, кійждо на свое мѣсто посланъ». 1471.

А едва-ли проходилъ годъ, чтобы въ томъ и въ другомъ концѣ Россіи не было войны. Понятно, какое громадное перемѣщеніе изъ свободнаго состоянія въ несвободное происходило въ нашей древности. Это великое бѣдствіе. Оно должно было живо чувствоваться и народомъ и князьями. Этимъ и надо объяснять тѣ статьи княжескихъ мирныхъ договоровъ, которыми обѣ стороны обязываются отпустить плѣнныхъ (нятцевъ). Но и княжескими договорами предполагается за взявшимъ плѣнника — право продать его. А потому въ нѣкоторыхъ договорахъ есть статьи, возлагающія на князей обязанность выкупить проданныхъ.

Въ договорѣ Юрія Шемяки съ можайскими князьями читаемъ:

«А что еси въ наше розмирье воевалъ мою отчину, Галичь и Галичьскые волости, также и Звенигородъскые волости, и что будетъ у тебе того моего полону, или у твоихъ бояръ и у дѣтей боярскихъ, и тебѣ тотъ мой полонъ весь отдати по сему целованью. А кто будетъ того полону запроданъ за рубежъ, или индѣ гдѣ, и тебѣ тотъ полонъ выкупити весь безхитростно, да отдати мнѣ великому князю». Рум. Собр. I. № 47; 43, 48, 54, 65; 1428—1447.

Если такихъ условій не было заключено, плѣнникъ оставался законно пріобрѣтенной добычей.

Въ половинѣ XVI вѣка въ установленіи холопства плѣномъ произошло существенное измѣненіе. 21-го августа 1556 года государь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи приговорилъ со всѣми бояры:

«А кто ищетъ полоняника въ холопи, котораго полону ни буди, и утяжетъ его многими свидѣтели, и тотъ полоняникъ ему холопъ до его живота, а дѣтемъ его не холопъ». А. И. І. № 154.

Въ силу этого приговора плѣнъ пересталъ быть источникомъ полнаго холопства. Изъ него возникаетъ только временная зависимость, пока живъ плѣнитель. Но этому нововведенію не суждено было удержаться въ нашемъ законодательствѣ и развить всѣ свои послѣдствія. Въ Уложеніи отъ этого указа не осталось ни малѣйшаго слѣда. Оно возвращается къ старинѣ и признаетъ за господами право отказывать плѣнниковъ по духовнымъ завѣщаніямъ, дарить ихъ и давать въ приданое.

«И кому такіе люди, говоритъ Уложеніе о плѣнникахъ, будутъ въ приданые или въ надѣлъ даны, и тѣмъ людемъ такіе люди крѣпки, и женамъ ихъ, и дѣтемъ, и внучатомъ, и правнучатомъ». XX. 61.

Древнему времени была чужда всякая забота объ огражденіи свободнаго состоянія человѣка. Всякій свободный могъ невозбранно распоряжаться своей личностью и, если находилъ это для себя выгоднымъ, могъ продать себя въ рабство. Эту, конечно, куплю-продажу разумѣетъ Русская Правда въ ст. 102 (Тр.).

Древность заботилась только о томъ, чтобы фактъ добровольной продажи себя былъ точно удостовѣренъ. Русская Правда требуетъ для этого, чтобы продажа происходила въ присутствіи свидѣтелей и княжескаго чиновника, которому должна быть внесена пошлина съ продажи. Пошлина эта должна быть уплочена въ присутствіи самого продающагося въ рабство.

«Холопьство обельное трое: оже кто хотя купить до полугривны, а послухи поставить, а ногату дасть передъ самѣмъ холопомъ». 102, Тр.

Статья не говоритъ о чиновникѣ, но онъ необходимо предполагается уплатой ногаты. Это мытникъ.

Позднѣе, вмѣстѣ съ распространеніемъ грамотности, стало

входить въ обычай писать грамоты на память о совершившейся продажѣ. Вслѣдствіе этого въ памятникахъ московскаго времени купленные рабы называются «грамотными» (Рум. Собр. I. № 25).

Грамоты содержатъ въ себѣ точное указаніе на совершившуюся сдѣлку и служатъ постояннымъ актомъ укрѣпленія раба. Онѣ называются поэтому «крѣпостями», а рабы—«крѣпостными людьми». А. И. I. № 221, II.

При совершеніи акта продажи въ письменной формѣ, требуется, какъ и встарину, присутствіе свидѣтелей, чиновника и взносъ пошлины.

На основаніи такой крѣпости установлялось полное холопство, а потому въ грамотѣ говорилось, что такой-то продалъ себя «въ полницу», а самая грамота называлась полною. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ ни одного оригинала полной грамоты. До насъ дошло только извлеченіе изъ полной, записанное въ новогородскую кабальную книгу. Вотъ оно:

«Купилъ Сенка, Васильевъ сынъ, Всеславинъ Ѳетка, Ѳоносова сына, новогородца въ полницу себѣ и своимъ дѣтямъ, а далъ на немъ два рубля денегъ новогородскихъ. Отъ Юрія Захарьевича, отъ намѣстника, приходилъ приставъ, Васюкъ Бородатъ. Отъ великого князя, Ивана Васильевича, всея Русіи тамгу и осмничее таможницы взяли. Полную писалъ чернецъ Гавриловъ, сынъ Паюсова. Лѣта 7097. У полной печать писана въ кругу тамга Великого Новагорода». Арх. Ист. юрид. свѣд. 1855. Кн. II, полов. I, отд. II, стр. 32 сл.

Въ XV в. этотъ старый порядокъ получилъ нѣкоторое дальнѣйшее развитіе, заключавшееся въ установленіи строгаго правительственнаго надзора за сдѣлками объ отчужденіи личной свободы. Актъ продажи себя въ рабство долженъ былъ совершаться предъ лицомъ правительственнаго агента, который подвергалъ продающагося допросу о томъ, дѣйствительно-ли онъ продаетъ себя въ рабство такому-то лицу и за такую-то цѣну. Этотъ актъ носитъ наименованіе доклада, а грамота—докладной. На докладѣ, по старинѣ, присутствуютъ свидѣтели. Къ докладной грамотѣ чиновникъ прикла-

дываетъ свою печать, а отъ печати получаетъ пошлину. По Судебнику 1550 г. она опредѣлена съ головы по полъ третья алтына, да дьяку отъ письма три деньги (65).

Одна такая докладная дошла до насъ цѣликомъ.

«Се язъ Александръ, Степановъ сынъ, Зубатаго, поставя (передъ намѣстникомъ, Григоріемъ Ѳедоровичемъ Голохвастовымъ) Никона, Поздѣева сына, Новикова, да его сына Ѳедка, тако рекъ: то, господине, люди вольные царя и вел. князя емлютъ, господине, у меня три рубли денегъ и въ тѣхъ, господине, денгахъ даются мнѣ на ключь въ мое село Демидово, а по ключу, господине, даются мнѣ и въ холопи. И Григорій Ѳедоровичъ Голохвастовъ вопросилъ Никона, Поздѣева сына, Новикова да сына его Ѳедка: емлете ли вы у Александра, у Степанова сына, Зубатаго три рубли денегъ и дастесь ли въ тѣхъ денгахъ Александру на ключь въ его село Демидово, а по ключу даете ли ся ему въ холопи? И Никонъ, Поздѣевъ сынъ, Новикова да его сынъ Ѳедко тако рекли: мы, господине, люди волные государя царя и вел. князя, взяли есмя, господине, у Александра, у Степанова сына, Зубатого три рубли денегъ, а даемся, господине, въ тѣхъ денгахъ Александру на ключь въ его село въ Демидово, а по ключу, господине, даемся и въ холопи.—А на докладѣ были Павелъ, Истоминъ сынъ, Дементьевъ да Иванъ, Олександровъ сынъ, Истоминъ Ратышинского, тотъ на нихъ и знахорь, что продался отецъ съ сыномъ. А у Никона отца и матери нѣтъ, а иному онъ и съ сыномъ не холопили никому. А докладную писалъ Ямской Петеля, Некрасовъ сынъ. А намѣстникъ трети Московской Григорей Ѳедоровичъ къ сей докладной грамотѣ печать свою приложилъ. Лѣта 7062 (1553) декабря въ 8 день. Ямской Дмитрій, Опаньинъ сынъ, Шугина руку приложилъ *).

---

*) А. Э. I. № 237. Иначе смотритъ на докладного холопа проф. Ключевскій. Онъ полагаетъ, что докладной холопъ есть сельскій ключникъ, купленный съ доклада намѣстнику **именно на эту должность**. Рус. Мысль, 1885, № 8, стр. 19 сл. Надо думать, что авторъ наведенъ на такое заключеніе выраженіемъ докладныхъ грамотъ «даются мнѣ на ключь, а по ключу и въ холопи». Выше мы имѣли уже случай объяснить значеніе термина «купить на ключь» (стр. 121). «На ключъ» покупаются цѣлыя деревни; въ приведенной въ текстѣ докладной, Зубатый купилъ Никона Поздѣева съ сыномъ его, Ѳедькой. Кто же изъ нихъ ключникъ? Оба? А если Ѳедька малолѣтенъ? Независимо отъ этихъ частныхъ вопро-

Московское правительство съ теченіемъ времени вводитъ все большую и большую опредѣленность въ порядокъ совершенія актовъ на поступленіе въ рабство. Побужденіемъ къ этому служатъ нерѣдкіе случаи бѣгства рабовъ, вторичная продажа себя бѣглыми въ рабство и возникавшіе изъ того споры о правѣ собственности на холоповъ.

Въ эпоху Русской Правды актъ продажи въ рабство совершался, кажется, передъ таможеннымъ чиновникомъ, передъ «мытникомъ». На это наводятъ статьи 32 и 35 Тр. сп., изъ которыхъ видно, что «мытникъ» присутствовалъ при совершеніи всякихъ продажъ. Въ XVI вѣкѣ право выдавать полныя и докладныя грамоты предоставляется только высшимъ чиновникамъ. Оно принадлежитъ даже не всѣмъ намѣстникамъ и волостелямъ, а только тѣмъ изъ нихъ, которымъ кормленія давались съ правомъ боярскаго суда. Въ царскомъ Судебникѣ читаемъ:

«А судъ боярскій то: которому намѣстнику дано съ судомъ боярскимъ, и ему давати полныя и докладныя» (63).

«А намѣстникамъ и волостелемъ, которые держатъ кормленія безъ боярскаго суда, полныхъ и докладныхъ не давати» (66).

Вмѣстѣ съ этимъ учреждаются записныя книги, куда должны быть вносимы всякія крѣпости на людей. Годъ учреж-

---

совъ, возникающихъ изъ предлагаемаго г. Ключевскимъ объясненія, необходимо поставить и общій. Что значитъ купить кого-либо «именно на должность ключника?» Допустимъ, что «купленный именно на должность ключника» оказался къ этой должности неспособенъ, или обокралъ своего господина, или просто ему не понравился въ должности ключника. Обязательно-ли для покупщика держать его ключникомъ? Конечно, нѣтъ. Такимъ образомъ, купленный сегодня на должность ключника завтра же можетъ сдѣлаться пастухомъ. Выраженіе «купленъ именно на должность ключника» не имѣетъ никакого юридическаго смысла, ибо для господина не существуетъ обязанности держать купленнаго холопа непремѣнно на должности ключника, какъ не существуетъ обязанности купленную верховую лошадь употреблять только подъ верхъ. Опредѣленный юридическій смыслъ имѣетъ только выраженіе: «даюсь въ холопи». Все остальное — символъ.

денія такихъ книгъ съ точностью неизвѣстенъ. Древнѣйшее указаніе на нихъ относится къ 1558 году.

Въ указѣ этого года о новокрещенахъ читаемъ:

«А похотятъ кому въ службу бити челомъ, и полную, или докладную, или кабалу, или какую крѣпость они буди похотятъ на себя дати, и кто новокрещена учнетъ къ себѣ въ службу пріимати,—и того новокрещена къ себѣ приняти и крѣпость на него взяти съ казначеева вѣдома, да того новокрещена и крѣпость своя въ книги у казначеевъ написати». А. И. I. № 154. XIII.

Но нѣтъ повода думать, что эта мѣра была тогда-же распространена на всякія крѣпости. Общею сдѣлалась она, кажется, не ранѣе конца XVI вѣка. Въ указѣ 1597 года встрѣчаемъ такое предписаніе:

«Московскаго государства всякимъ людямъ холопьи имена и на нихъ крѣпости всякія записывати съ нынѣшняго уложенія безсрочно въ книги Холопья приказа». А. И. I. № 221. II.

По имени акта укрѣпленія (докладная) и самые рабы получили наименованіе докладныхъ. «Докладные» не составляютъ какого-либо особаго вида рабовъ. Это тѣ-же полные, или обельные Въ старыхъ памятникахъ мы постоянно встрѣчаемся съ разнообразными наименованіями рабовъ, по различію актовъ укрѣпленія ихъ. Иногда они обозначаются только актомъ укрѣпленія:

«И которые люди служатъ въ холопствѣ... по полнымъ, и по купчимъ, и по ряднымъ...» (А. И. I № 221. II).

Это все полные холопы, но одни сами продались (полная) другіе куплены у старыхъ господъ (купчая), третьи—даны въ приданое (рядная).

Что по отношенію къ «докладнымъ» господину принадлежало такое же право распоряженія, какъ и по отношенію къ «полнымъ», это видно изъ Уложенія:

«А въ приданые давати, и женамъ, и дѣтямъ, и внучатамъ, и правнучатамъ въ надѣлъ, въ духовныхъ, и въ данныхъ, и въ рядныхъ писати полныхъ, и докладныхъ, и купленыхъ, и полонениковъ иныхъ земель. И

кому такіе люди будутъ въ приданые или въ надѣлъ даны, и тѣмъ людемъ такіе люди крѣпки, и женамъ ихъ, и дѣтямъ, и внучатамъ, и правнучатамъ» *).

Древняя юридическая мысль имѣла дѣло не съ общими понятіями, а съ конкретными явленіями, отсюда эти безконечныя перечисленія, которыми древніе юристы думали исчерпать свой предметъ **).

---

*) XX. 61. Въ XVII в. встрѣчаемъ одно исключеніе изъ этого правила. Уложеніе запрещаетъ продавать татаръ новокрещеновъ потому, что «по государеву указу крещеныхъ людей никому продавать не велѣно» (XX, 97). Государевъ указъ на русскихъ крещеныхъ людей не распространялся, однако. Подарить новокрещенъ татаръ было можно (XX, 98).

**) Языкъ Уложенія не отличается большою опредѣленностью. Конкретные случаи, отъ которыхъ отправляются иногда составители статей Уложенія, весьма затрудняютъ пониманіе основныхъ началъ этого памятника. Въ XX гл. 101 ст. читаемъ:

«А которые люди учнутъ на комъ искати холопства по полной дѣда своего, а въ полной дѣда его будетъ написано, что дѣдъ его того холопа купилъ себѣ и дѣтямъ своимъ, а про внучатъ и про правнучатъ въ той полной ничего будетъ не написано; а отвѣтчикъ на того же холопа положитъ въ судѣ кабалу новую, и по той кабалѣ тому холопу и впредь велѣти быти въ холопствѣ у отвѣтчика, а истцу въ томъ холопѣ отказати по тому, что онъ о томъ холопѣ бьетъ челомъ по полной дѣда своего, а въ полной дѣда его того холопа ему не написано».

Истцу должно отказать потому, что «въ полной дѣда его того холопа ему не написано». Но слѣдуетъ ли отсюда, что внукъ выигралъ бы искъ, если бы въ полной дѣда было написано, что холопъ купленъ и внуку? Конечно, нѣтъ, ибо дѣдъ, купивъ холопа въ полницу, могъ его потомъ перепродать, подарить, отпустить на волю и пр. Другой вопросъ. Внукъ проигралъ искъ потому, что въ полной дѣда холопъ ему не написанъ. Значитъ ли это, что внукъ не имѣетъ правъ на холоповъ дѣда, если въ полной про внука не упомянуто? Тоже нѣтъ. Если внукъ есть единственный законный наслѣдникъ дѣда, то всѣ наличные, въ моментъ смерти дѣда, холопы его переходятъ къ внуку, хотя бы въ полныхъ о внукѣ и не было упомянуто. Это совершенно ясно изъ свойствъ полнаго холопства, а кромѣ того подтверждается выраженіями непосредственно предшествующей сотой статьи, въ которой читаемъ:

«...А тѣ купленые люди учнутъ бити челомъ государю о нихъ о свободѣ (т. е. будутъ искать свободы отъ наслѣдниковъ покупщика) потому, что они имъ въ духовныхъ и въ купчихъ не написаны; и тѣмъ купленымъ людемъ по смерти тѣхъ людей, кто ихъ купитъ, быть у женъ ихъ и у дѣтей потому, что многіе люди такихъ людей покупаютъ до женитьбы своей, а которые люди такихъ людей покупаютъ и женятся,

Къ обельному же холопству Русская Правда относитъ холопство по женѣ и холопство по ключу.

«А второе холопьство: поіметь робу безъ ряду; поиметь ли съ рядомъ, то како ся будеть рядилъ, на томъ же стоить» (Тр. 103).

«А се третьее холопьство: тивуньство безъ ряду или привяжеть ключь къ собѣ безъ ряду; съ рядомь ли, то како ся будеть рядилъ, на томъ же стоить» (Тр. 104).

Правило статьи 103-й дѣйствуетъ и въ XVII вѣкѣ. Но въ московскихъ памятникахъ оно выражается полнѣе. Въ судебникахъ читаемъ:

«По робѣ холопъ, по холопе роба». Суд. 1497 ст. 66, Суд. 1550 ст. 76.

Также и въ Уложеніи, XX, 31. Упоминанія о р я д ѣ въ московскихъ памятникахъ не встрѣчаемъ; но само собой разумѣется, что и въ Москвѣ соглашеніе господина и лица,

и они тѣхъ своихъ купленыхъ людей въ купчихъ пишутъ себѣ, а т о г о н е п о в е л о с я, ч т о т а к и х ъ к у п л е н ы х ъ л ю д е й в ъ к у п ч и х ъ п и с а т и с е б ѣ и ж е н ѣ с в о е й и д ѣ т я м ъ».

Что же значитъ приведенная статья? Это — казусъ. Нѣкто подалъ искъ о холопѣ и въ доказательство предъявилъ п о л н у ю дѣда. Вызвали отвѣтчика. Онъ предъявилъ к а б а л у н о в у ю, написанную съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ. По разсмотрѣніи предъявленныхъ доказательствъ, судъ находитъ, что полная, на которую ссылается истецъ, не подтверждаетъ его ссылки и отказываетъ по недоказанности иска и только. Это ближайшій поводъ отказать истцу, дѣлающій совершенно ненужнымъ дальнѣйшее разсмотрѣніе дѣла. Иначе поступилъ бы судъ, если бы истецъ заявилъ, что холопъ дѣда бѣжалъ и выдалъ на себя незаконную кабалу. Онъ приступилъ бы къ повѣркѣ этихъ фактовъ. Но такихъ заявленій не сдѣлано, а потому для суда нѣтъ надобности входить въ разсмотрѣніе того, какимъ образомъ холопъ дѣда выдалъ на себя новую кабалу. На казуистическій характеръ статей Уложенія давно было уже указано, мы приводимъ только отдѣльный случай.

Нѣкоторые изслѣдователи понимаютъ разобранную статью Уложенія буквально и думаютъ, если въ полной грамотѣ не было сказано, что холопъ покупается и внукамъ, то внуки, послѣ смерти своего отца, не имѣли уже права на такого холопа (Рус. Мысль 1885, № 8, стр. 18). Этотъ взглядъ трудно согласить съ идеей полнаго холопства и съ приведенной 100 ст. Уложенія.

желавшаго вступить въ бракъ съ его холопомъ, или рабою, могло устранить невыгодныя для свободной стороны послѣдствія брака съ несвободнымъ лицомъ.

Холопство по ключу существуетъ у насъ еще въ XV в., но съ нѣкоторыми измѣненіями. Судебникъ великаго князя Ивана Васильевича различаетъ ключъ сельскій и ключъ городской. Только принятіе сельскаго ключа дѣлаетъ рабомъ; городской-же ключъ не ведетъ къ рабству (66). Второй судебникъ идетъ еще далѣе. Никакой ключъ не ведетъ къ рабству. Это измѣненіе совпадаетъ по времени съ обозначеннымъ уже выше стремленіемъ московскаго правительства ввести болѣе опредѣленности въ способы установленія рабства. Этимъ стремленіемъ и надо объяснять измѣненіе старины, которая, дѣйствительно, не отличалась достаточною опредѣленностью въ этомъ пунктѣ. Ключъ велъ къ рабству, но если не было соглашенія о противномъ. Состоялось или нѣтъ такое соглашеніе, это могло быть предметомъ спора, тѣмъ болѣе, что самая форма соглашенія не была опредѣлена. Для прекращенія этой неопредѣленности московское правительство и признало удобнымъ объявить, что ключъ самъ по себѣ не ведетъ къ рабству; но кто хочетъ, чтобы лицо, принимаемое имъ въ ключники, было рабомъ, тотъ долженъ представить на него полную или докладную (76).

Составитель послѣдняго отдѣла Русской Правды, въ которомъ рѣчь идетъ «о холопствѣ», есть нашъ первый юристъ систематикъ. Онъ различилъ два вида холопства, обельное и полное, и въ статьяхъ 102 — 104 дѣлаетъ попытку перечислить виды обельнаго холопства по способамъ его установленія. Онъ замѣтилъ три такихъ вида: 1) кто себя продастъ, 2) кто женится на рабѣ безъ ряду и 3) кто привяжетъ ключъ безъ ряду. Это уже значительная побѣда обобщающей мысли надъ юридическимъ матеріаломъ. Но нашъ первый юристъ-систематикъ просмотрѣлъ, что есть и другіе виды обельнаго холопства: плѣнъ и еще три, на которые можно найти указанія даже въ текстѣ Правды: 1) бѣгство закупа; 2) рожденіе отъ несвободныхъ родителей и 3) несостоятельность.

О закупѣ рѣчь будетъ ниже, а о двухъ другихъ способахъ необходимо сказать теперь.

Что дѣти, рожденные отъ рабовъ, суть рабы,—это есть естественное послѣдствіе несвободы родителей. Несвободное состояніе дѣтей, прижитыхъ рабами, само собой разумѣется, какъ и то, что приплодъ отъ скота составляетъ собственность хозяина скота. Поэтому, ни одинъ древній памятникъ не узаконяетъ принадлежности дѣтей холоповъ ихъ господамъ. Но есть статьи въ Русской Правдѣ и позднѣйшихъ памятникахъ, которыя, отправляясь отъ того положенія, что дѣти рабовъ принадлежатъ ихъ господамъ, разъясняютъ примѣненіе этого правила въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ.

Русская Правда, въ статьѣ о вознагражденіи опекуна, говоритъ, что опекунъ, въ вознагражденіе за свой трудъ и издержки по прокормленію малолѣтняго, получаетъ все то, что «пригоститъ» или добудетъ въ видѣ процентовъ на его капиталъ; самый-же капиталъ долженъ возвратить, а также долженъ возвратить и «плодъ отъ челяди и отъ скота» (Тр. 93).

Отъ такого-же предположенія о принадлежности дѣтей раба его господину отправляется и Уложеніе:

«А который старинный холопъ, отъ кого збѣжавъ, женится въ бѣгахъ на вольной дѣвкѣ или на женкѣ и приживетъ съ тою женою своею дѣти и того холопа прежнему его боярину отдати въ холопство съ женою и съ дѣтьми» (XX, 87).

Иное дѣло несостоятельность должника. Ея послѣдствія сами собой не мыслятся, а потому и нуждаются въ опредѣленіи на случай спора. Уже Русская Правда различаетъ, во-первыхъ, несчастную несостоятельность, возникшую вслѣдствіе пожара, наводненія и другихъ независящихъ отъ воли человѣка причинъ, и во-вторыхъ, неосторожную и злостную. Въ первомъ случаѣ должнику дается разсрочка; во-второмъ, онъ выдается въ распоряженіе кредитора, которому предоставляется право или продать должника, или оказать ему снисхожденіе и дать отсрочку.

«Аже который купець, кдѣ любо шедъ съ чюжими кунами, истопиться, любо рать возметь, ли огнь, то не насилити ему,* ни продати его; но како начнеть отъ лѣта платити, такоже платить, занеже пагуба отъ Бога есть, а не виноватъ есть. Аже ли пропиеться или пробиеться, а въ безумьи чюжь товаръ испортить, то како любо тѣмъ, чии то товаръ, ждуть ли ему, а своя імъ воля, продадять ли, а своя имъ воля» (Тр. 50).

Подъ «продадять ли» разумѣемъ право кредитора продать несостоятельнаго должника въ рабство. Продажа эта происходила «на торгу» (Тр. 51).

Но Русская Правда, очевидно, не договариваетъ. Неоплатнымъ должникомъ можетъ оказаться не только купецъ, занявшій деньги или товаръ, но и всякое лицо, на которое подаетъ взысканіе въ силу причиненныхъ его дѣйствіями (обидами) убытковъ. Надо думать, что лица, виновныя въ убыткахъ, не пользовались льготами, предоставленными несчастнымъ несостоятельнымъ. Они подлежали во всякомъ случаѣ продажѣ въ рабство.

Этотъ порядокъ остается у насъ въ силѣ еще въ XV вѣкѣ. Статья Русской Правды, съ нѣкоторыми редакціонными измѣненіями, повторяется въ Судебникѣ 1497 г. Несчастная несостоятельность названа тамъ «безхитростной». Такому несостоятельному выдается «полѣтная грамота». Онъ платитъ по ней капиталъ безъ процентовъ. Пропившійся же, или или инымъ безуміемъ погубившій товаръ свой «безъ напрасньства» (обстоятельства отъ воли не зависящія), выдается истцу головою на продажу, по старинѣ (55).

Судебникъ 1497 года дополняетъ Правду и въ томъ отношеніи, что распространяетъ тотъ же порядокъ и на несостоятельныхъ преступниковъ.

«О татехъ. А котораго татя поимаютъ съ какою татбою ни буди..., а не будетъ оу того татя статка, чѣмъ исцево заплатіть, ино его бивъ кнутьемъ, да исцу его выдать въ его гибели головою на продажю...» (10).

Подъ выдачей головою на продажу надо разумѣть предоставленіе должника въ волю кредитора. Кредиторъ могъ или взять его къ себѣ во дворъ въ качествѣ раба, или про-

дать его. Въ случаѣ наличности многихъ кредиторовъ, если ни одинъ изъ нихъ не бралъ себѣ неоплатнаго должника на условіи удовлетворенія остальныхъ, должникъ обязательно продавался на торгу, а кредиторы удовлетворялись изъ вырученной суммы. Уже Русская Правда опредѣляетъ порядокъ такого удовлетворенія. Процентная разверстка вырученной изъ продажи суммы неизвѣстна нашей древности. Она знала привилегированныхъ кредиторовъ, которые удовлетворялись первыми и въ полной суммѣ. На первомъ мѣстѣ стоялъ князь, за нимъ шли гости-чужеземцы, остатокъ распредѣлялся между мѣстными кредиторами (Кар. 69)

Московскій великій князь Семенъ Ивановичъ отпускаетъ, между прочимъ, на волю «людей, кто ми ся будеть въ винѣ досталъ». Подъ этими, доставшимися за вину, надо разумѣть неоплатныхъ должниковъ, заемщиковъ, татей и пр.

Въ XVI вѣкѣ эта старина начинаетъ измѣняться. Еще до изданія втораго Судебника судьи приговариваютъ неоплатныхъ должниковъ къ выдачѣ головою не на продажу, а только «до искупа», т. е. до покрытія долга (А. Ю. № 10. 1503 г. и № 22, 1547 г.).

Въ царскомъ Судебникѣ это уже общее правило для всякихъ должниковъ, татей и несостоятельныхъ кредиторовъ (ст. 55, 90).

Правила о выдачѣ должниковъ до искупа переходятъ и въ Уложеніе (X, 204, 266 и XX, 39), которое точно опредѣляетъ, во сколько времени можно отработать извѣстный долгъ. Мущина за 5 рублей долженъ работать годъ, женщина въ годъ покрываетъ только 2 р. съ половиною. Съ кредиторовъ берется порука съ записью въ томъ, что они должниковъ своихъ не убьютъ и не изувѣчатъ (X, 266).

Но возможность для должника сдѣлаться рабомъ существуетъ и въ XVII вѣкѣ. Выдачѣ головою до искупа предшествовалъ правежъ. Людей, стоявшихъ на правежѣ, можно было желающимъ выкупить, т. е. заплатить за нихъ долгъ, а ихъ себѣ взять. На какомъ правѣ поступали такіе должники во дворъ лица, уплатившаго ихъ долгъ? Ни одинъ памят-

никъ не опредѣляетъ этого права. Условія перехода должника къ третьему лицу предоставляется опредѣлять по взаимному соглашенію. Это соглашеніе заносится въ «запись», которая и служитъ основаніемъ для рѣшенія споровъ, могущихъ возникнуть между неоплатнымъ должникомъ и тѣмъ, кто выкупилъ его съ правежа. Если въ записи ничего не говорилось о срокѣ, въ теченіи котораго выкупленный долженъ былъ служить во дворѣ лица, заплатившаго за него долгъ, въ такомъ случаѣ судьи, если возникалъ споръ, должны были присуждать должника вѣчно оставаться въ работѣ.

«А которые люди учнутъ искати на комъ по записямъ, а въ тѣхъ записяхъ написано, что они тѣхъ людей скупили въ долгѣхъ съ правежу, и тѣмъ людемъ жити у нихъ и у дѣтей ихъ во дворѣ, служити и женитися, и женясь потому же служити во дворѣ, а сколько лѣтъ служити, того будетъ въ записи не написано, и тѣхъ людей по такимъ записямъ отдавати во дворъ тѣмъ людемъ, кому они на себя такіе жилые записи дали, потому что онъ тое запись далъ на себя изъ воли» (XX, 46).

Такимъ образомъ, еще въ XVII вѣкѣ неоплатный долгъ велъ къ рабству, но не должника, а третьяго лица, уплатившаго долгъ и взявшаго безсрочную запись на службу должника. Но это будетъ рабство не за долгъ, а по новому основанію, по безсрочной жилой записи. И по существу рабство это будетъ отличаться отъ полнаго. Выкупившій должника едвали могъ отчуждать его.

Наконецъ, смоленскій договоръ съ нѣмцами указываетъ и еще на одинъ способъ установленія рабства, это приговоръ князя за вину. Въ готландской редакціи читаемъ:

«Аже розгнѣваеться князѣ на своего члвка, и боудѣте винъватъ немъчицю роусинъ, а отимьть князѣ все, женоу и дѣти оу холъпство, пѣрвое платити емоу латининоу, а потомь князю какъ любо съ своимь члвкмь».

Въ рижской находимъ такой варіантъ:

«Аще князь възвержеть гнѣвъ на роусина, повелить его разграбити съ жоною, съ дѣтми, а роусинъ должонъ боудеть, немчичю напередѣ взяти, а потомь како Бви любо и князю». Рус. лив. акты. Стр. 424

Текстъ смоленскаго договора даетъ возможность пополнить наши представленія о практикѣ временъ Русской Правды. Преступники не всегда изгонялись, а иногда обращались въ холопей князя. Это спеціальный способъ установленія княжескаго холопства *).

Способы прекращенія рабства сводятся къ очень немногимъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ отпущеніе на волю. Относительно самаго порядка освобожденія рабовъ мы знаемъ очень немного. Рабы освобождались при жизни господъ и на случай ихъ смерти. Въ московское время желающій отпустить на волю раба, еще при жизни своей, долженъ былъ дать ему отпускную грамоту; при выдачѣ отпускной, было въ обычаѣ выдавать освобождаемому и старыя на него крѣпости **). Согласно съ обозначеннымъ выше стремленіемъ московскаго правительства установить строгій контроль за актами поступленія въ рабство, и порядокъ выдачи освободительныхъ грамотъ все болѣе и болѣе получаетъ официальный характеръ. Въ XV вѣкѣ освободительная грамота имѣла силу, если была вся написана рукою господина (1-й Суд. 18). Въ

---

*) Кромѣ приведенныхъ способовъ установленія рабства, проф. Владимірскій-Будановъ допускаетъ еще одинъ: духовное завѣщаніе. Онъ думаетъ, что въ силу 76 ст. цар. Судеб. и 66-й перваго изъ духовной могло возникнуть рабское состояніе для лица свободнаго (Христ. II, 163). Это очевидное недоразумѣніе. Въ статьѣ 76-й написано:

«По робѣ холопъ, по холопѣ роба, по духовной холопъ, по приданой робѣ холопъ, а по холопѣ роба».

Читать, конечно, надо такъ: «по рабѣ холопъ, по холопѣ раба; по духовной рабѣ холопъ, по приданой рабѣ холопъ, а по холопѣ раба». Перваго положенія «по рабѣ холопъ, по холопѣ раба» уже совершенно достаточно для выраженія мысли, которую Судебникъ желаетъ высказать. Но наши старые юристы не умѣли довольствоваться общими понятіями. Высказавъ общую мысль, составители судебника не замѣтили, что она разрѣшаетъ всѣ частные вопросы, а потому стали перечислять отдѣльные случаи: рабу, отказанную въ духовной грамотѣ, и рабу, полученную въ силу рядной записи.

**) А. И. II. № 44, 1603. Господинъ, конечно, могъ отпустить на волю и отдѣльныхъ членовъ семьи: дѣтей, оставивъ въ холопствѣ родителей, даже жену, удержавъ мужа. А. Ю. № 410.

противномъ случаѣ требовалось, чтобы она прошла чрезъ руки офиціальныхъ лицъ, которыя всѣ получали и особыя пошлины за свой трудъ. Писалась она подъячимъ, или дьякомъ, подписывалась дьякомъ и, наконецъ, скрѣплялась приложеніемъ печати намѣстника или волостеля, которые имѣли кормленіе съ судомъ боярскимъ (Суд. 1497 г., ст. 17, 20 42). Такъ въ XV-мъ и первой половинѣ XVI вѣка. Съ половины-же XVI всякая отпускная должна быть непремѣнно скрѣплена рукою дьяка и печатью намѣстника. Право-же скрѣплять отпускныя было предоставлено только намѣстникамъ и дьякамъ московскимъ, новогородскимъ и псковскимъ (Суд. цар. 77). Эта крайняя централизація не могла не оказать вреднаго вліянія на московскую практику.

Кромѣ освобожденія чрезъ посредство отпускныхъ грамотъ, встрѣчаемся еще съ освобожденіемъ въ духовныхъ завѣщаніяхъ. Освобожденія въ духовныхъ грамотахъ дѣлаются массами. Умирающіе отпускаютъ или всѣхъ своихъ рабовъ, или только должностныхъ: тіуновъ, ключниковъ, дьяковъ и пр. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ рабы не перечисляются отдѣльно, по именамъ. Такъ въ духовныхъ грамотахъ князей и частныхъ лицъ. Освобожденіе рабовъ актомъ послѣдней воли возникло у насъ, конечно, подъ вліяніемъ духовенства и дѣлалось съ цѣлью имѣть молельщиковъ о душѣ. Какъ приводились такія распоряженія въ исполненіе, на это мы не встрѣтили прямыхъ указаній. Можно думать, что въ этихъ случаяхъ душеприкащики и наслѣдники завѣщателя давали рабамъ отпускныя грамоты отъ своего имени. На это наводятъ выраженія указа 1597 г. апрѣля 25-го. (А. И. I. № 221, II) и 10 и 65 статьи Уложенія главы XX.

Въ памятникахъ, съ XV вѣка начиная, рабы, бѣжавшіе изъ плѣна, признаются свободными.

«А холопа полонитъ рать т а т а р с к а а, а выбежитъ исъ полону, и онъ слободенъ, а старому гсдрю не холопъ»(Суд. 1497, 56).

Царскій судебникъ говоритъ уже не о татарской рати, а о полонѣ вообще (80). Эти постановленія перешли и въ Уло-

женіе, въ которомъ находимъ и разрѣшеніе нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ, ст. XX, 34, 66.

Выше было указано уже (стр. 115) на обязательное освобожденіе правительствомъ рабовъ, которыхъ господа или не кормили въ голодные годы, или не женили, по достиженіи ими опредѣленнаго возраста. Освобожденіе въ этихъ случаяхъ имѣло мѣсто по особому заявленію раба казначею.

Къ этимъ способамъ Уложеніе прибавляетъ два новыхъ: 1) Рабамъ измѣнника, отъѣхавшаго изъ московскаго государства, можетъ быть дана воля; но для этого необходимъ особый государевъ указъ и боярскій приговоръ (XX, 33). 2) Принятіе православной вѣры рабами не крещеныхъ иноземцевъ. Господамъ давался за нихъ выкупъ въ размѣрѣ 15 рублей за человѣка (XX, 71).

II. Кабальные холопы.

Въ московскихъ памятникахъ XVI вѣка встрѣчаемся съ новымъ видомъ холопства. Этому новому виду усвояется имя «кабальныхъ холоповъ». Сравнительно съ старинными холопами кабальные представляютъ новость. Но для насъ и эта новость есть старина, отъ которой не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ въ современной жизни.

Кабальные холопы, какъ и старинные, не созданы княжескими указами. Они возникли въ силу житейской практики. Московскіе государи нашли ихъ уже существующими. Когда они впервые возникли, этого мы не знаемъ. Но XVI вѣкъ есть время регулированія способовъ установленія рабства. Въ этомъ вѣкѣ было регулировано и кабальное холопство.

Кабала слово арабское. Означаетъ оно договоръ купли-продажи (Баронъ В. Р. Розенъ). У насъ слово это сдѣлалось извѣстно чрезъ посредство татаръ. Въ татарскихъ оффиціальныхъ документахъ оно употребляется въ смыслѣ заемной росписки (Професс. В. Д. Смирновъ). Въ нашихъ

памятникахъ слово это также имѣетъ значеніе заемной росписки. Изъ договора займа (кабала) и возникло кабальное холопство. Появленіе въ нашей практикѣ заемныхъ росписокъ кабалъ никакъ не можетъ быть старѣе конца XIII вѣка.

Проценты въ старыхъ договорахъ займа опредѣлялись деньгами и натурой. Въ качествѣ процентовъ натурою являлась весьма обыкновенно служба должника. Онъ обязывался за ростъ служить во дворѣ кредитора. Кабала этого рода носила наименованіе «служилой кабалы». Это былъ заемъ на условіяхъ очень тяжкихъ.

Служилой кабалой достигалось почти полное закрѣпленіе должника вѣрителю. Обязываясь служить за ростъ, должникъ отдавалъ въ распоряженіе кредитора всѣ свои производительныя силы. Эта обязательная работа могла быть прекращена только уплатой капитала; но гдѣ взять капиталъ, если проценты платились личной работой? Для уплаты капитала было одно средство—новый заемъ. Но онъ едва-ли могъ быть заключенъ на лучшихъ условіяхъ. Новый-же заемъ на тѣхъ-же условіяхъ есть только перемѣна господина.

Юридически такая кабала легко уничтожается. Для этого надо только уплатить долгъ. Но фактически она ведетъ къ полной утратѣ свободы, такъ какъ нѣтъ средствъ къ уплатѣ долга.

До половины XVI вѣка кредиторы выговаривали иногда въ свою пользу оба вида вознагражденія по одному и тому же долгу. Они обязывали должниковъ своихъ служить имъ и, кромѣ того, платить ростъ деньгами (Цар. суд. 82). Положеніе такихъ должниковъ было еще болѣе тяжкое.

Судебникъ 1497 г. еще ничего не знаетъ о кабальныхъ, но они уже существуютъ. Первое упоминаніе о нихъ относится къ 1509 г. Внукъ великаго князя Ивана Васильевича, Дмитрій Ивановичъ, отпустилъ въ этомъ году на волю «приказныхъ своихъ людей, полныхъ холоповъ и кабальныхъ». Въ 1523 г. то-же дѣлаетъ волоцкій князь, Өедоръ Борисовичъ.

Кабальные въ это время не холопы. Они люди свобод-

ные. Только фактически они не свободны. Что значитъ отпускъ на волю кабальныхъ въ двухъ приведенныхъ случаяхъ? Если кабальные не уплачивали долга кредитору, то, по его смерти, они на томъ-же основаніи переходили къ его наслѣдникамъ и должны были служить имъ. Два вышеприведенные князя простили долги своимъ кабальнымъ должникамъ и, такимъ образомъ, освободили ихъ отъ дальнѣйшей службы наслѣдникамъ за ростъ. «Дать волю кабальнымъ» не точное выраженіе, краснорѣчиво, впрочемъ, свидѣтельствующее о томъ, что безвыходное положеніе кабальныхъ хорошо сознавалось ихъ кредиторами.

Первыя опредѣленія о кабальныхъ встрѣчаемъ въ Судебникѣ 1550 года. Онъ признаетъ то, что практика уже выработала, но регулируетъ порядокъ составленія служилыхъ кабалъ и принимаетъ нѣкоторыя мѣры къ огражденію кабальныхъ отъ алчности кредиторовъ.

Судебникъ дозволяетъ давать на себя служилыя кабалы, но установляетъ максимумъ (15 руб.), выше котораго не долженъ идти долгъ по такой кабалѣ. Это, конечно, сдѣлано съ цѣлью облегчить возможность будущаго погашенія долга. Затѣмъ опредѣленъ порядокъ писанія кабалъ.

«А которые люди вольные почнутъ бити челомъ княземъ, и бояромъ, и дѣтемъ боярскымъ, и всякимъ людемъ, а станутъ на себя давати кабалы за ростъ служити, и болѣ пятинатцати рублевъ на серебряника кабалы не имати. А старые кабалы, которые иманы на волныхъ людей болши пятинатцати рублевъ, до сего Уложенья, а за ростъ въ тѣхъ денгахъ у нихъ служити, и тѣмъ людемъ тѣ кабалы приносити бояромъ, и бояромъ къ тѣмъ кабаламъ печати свои прикладывати, а дьякомъ подписывати...» (78).

Наконецъ, Судебникъ принимаетъ мѣры и противъ соединенія двоякаго вознагражденія за кредитъ, службой и процентами.

«А хто займетъ сколко денегъ въ ростъ, и тѣмъ людемъ у нихъ не служити ни у кого, жити имъ о себѣ, а на денги имъ въ ростъ давати. А хто дастъ денегъ въ заемъ въ ростъ да того человѣка станетъ держати у себя, и збѣ-

житъ отъ него тотъ человѣкъ покрадши, і что снесетъ, то у него пропало, а по кабалѣ денегъ лишенъ» (82).

Судебникъ проводитъ этой статьей впервые опредѣленную границу между служилыми кабалами и ростовыми.

Занявшій деньги по ростовой кабалѣ платитъ проценты деньгами и не стоитъ ни въ какой личной зависимости отъ своего кредитора. Занявшій деньги по служилой кабалѣ живетъ во дворѣ вѣрителя *) и обязанъ служить ему до погашенія долга. Но и по судебнику кабальный слуга еще не холопъ, а свободный человѣкъ, временно обязанный служить. За нимъ остается право уплатою долга прекратить свое зависимое положеніе.

Въ 1559 г. опредѣленъ возрастъ, по достиженіи котораго можно было давать на себя служилую кабалу. Для этого требовалось имѣть исполнившіяся 15 лѣтъ (А. И. I. N 154, XII). Это правило перешло и въ Уложеніе (XX, 20).

Слѣдующій по времени указъ о кабальныхъ людяхъ былъ изданъ 1-го іюня 1586 г. Онъ не дошолъ до насъ. Нѣкоторое указаніе на его содержаніе находимъ въ указѣ 25-го апрѣля 1597 г. Сколько можно судить по этому позднѣйшему указу, въ 1586 были установлены новыя правила для писанія служилыхъ кабалъ. Въ Москвѣ они должны писаться съ д о к л а д а Приказу Холопьяго суда, а по городамъ съ в ѣ д о м а (т. е. тоже съ доклада) приказныхъ людей: кромѣ того, всѣ кабалы должны были записываться въ кабальныя книги. Съ 1586 г. возникъ, такимъ образомъ, но-

*) Это видно изъ текста служилыхъ кабалъ, по которымъ кабальный обязывается служить во дворѣ вѣрителя, А. Ю. № 252. Въ этомъ-же смыслѣ составлена и приведенная въ текстѣ 82 ст. Суд. Вмѣсто того, чтобы сказать: а кто, давъ деньги въ ростъ, потребуетъ еще службы, она говоритъ: «а кто дастъ денегъ въ ростъ до того человѣка станетъ держать у себя», т. е. у себя в о д в о р ѣ для услуги. Такому взгляду на обязанность должника жить во дворѣ кредитора соотвѣтствуетъ и упоминаніе о кражѣ должника, о чемъ и упоминать не было-бы надобности, если-бы не предполагалось, что обязанный службою живетъ во дворѣ и на хлѣбахъ кредитора.

вый видъ служилыхъ кабалъ, которыя стали называться «докладными», потому что писались съ доклада Холопью суду. Есть основаніе думать, что тогда-же произведено было и важное измѣненіе въ юридическомъ положеніи «докладныхъ» кабальныхъ людей: они были объявлены крѣпкими своимъ кредиторамъ до ихъ (кредиторовъ) смерти и лишены, такимъ образомъ, права прекращать свое зависимое состояніе уплатой долга, на что кабальные по старымъ кабаламъ имѣли еще право.

Переходя къ оцѣнкѣ нововведеній указа 1586 г. іюня 1-го числа, надо сказать, что они только на первый взглядъ представляются содержащими въ себѣ стѣсненіе правъ кабальныхъ. Докладной кабальный лишонъ права освободиться отъ службы уплатой долга. Но если кабальные до указа 1586 г. уплачивали свой долгъ, то въ очень рѣдкихъ случаяхъ; большинство-же ихъ переходило въ кабальную зависимость къ наслѣдникамъ кредитора и по свою смерть оставались въ кабалѣ. Указъ 1586 г., ограничивая кабальную зависимость временемъ жизни кредитора, приходитъ на помощь большинству докладныхъ кабальныхъ.

Тѣмъ не менѣе, указъ этотъ дѣлаетъ по закону несвободными должниковъ, которые до того были не свободны только фактически. Только съ этого указа кабальные люди становятся холопами, хотя и не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употреблялось это слово по отношенію къ старымъ холопамъ. Этимъ приравненіемъ, до нѣкоторой степени, кабальныхъ къ старымъ холопамъ и объясняется то обстоятельство, что новыя служилыя кабалы, по которымъ уплата долга не допускалась, выдавались съ доклада.

Въ 1597 г., когда былъ изданъ слѣдующій указъ о кабальныхъ, были на лицо старыя кабалы, написанныя до 1586 года и безъ доклада, и новыя, докладныя. Царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ нашолъ нужнымъ распространить въ этомъ году правила, изданныя раньше для докладныхъ кабальныхъ, на всѣхъ кабальныхъ, и на тѣхъ, которые дали на себя служилыя кабалы еще до 1586 г.

Вотъ относяшееся до кабальныхъ мѣсто указа 1597 г. апрѣля 25-го:

а) «А которые люди до государева, царева и великого князя Ѳедора Ивановича всея Русіи уложенія, въ прошлѣхъ годѣхъ, до лѣта 7094 (1586) году іюня до 1-го числа били челомъ въ службу бояромъ, и дворяномъ, и приказнымъ людемъ, и дѣтемъ боярскимъ и всякимъ служилымъ людемъ, и гостемъ, и всякимъ торговымъ людемъ и кабалы служилыя на себя давали, а въ книги тогда въ Приказѣ Холопья суда тѣ служилыя кабалы не писаны;

б) и которые люди съ государя царя и великого князя Ѳедора Ивановича вся Русіи уложенія лѣта 7094 іюня съ 1-го числа били челомъ въ службу бояромъ (и т. д.)... и кабалы служилыя на себя давали на Москвѣ съ докладу холопья суда (значитъ, въ уложеніи 1586 года установленъ уже докладъ, на что мы выше и указали) и во всѣхъ городѣхъ съ вѣдома приказныхъ людей, и въ записныхъ въ московскихъ въ кабальныхъ книгахъ и въ городѣхъ тѣ служилыя кабалы записаны до нынѣшняго государева новаго уложенья 105 (1597) году февраля по 1-ое число;

е) и которые люди впредь, съ лѣта 7105 (1597) февраля 1-го числа, били челомъ въ службу и впредь учнуть бити челомъ въ службу бояромъ (и т. д.)... съ докладу Холопья суда и во всѣхъ городѣхъ съ вѣдома приказныхъ людей, и въ московскихъ въ записныхъ въ кабальныхъ книгахъ и въ городѣхъ у приказныхъ людей тѣ служилыя кабалы будутъ записаны,

д) и тѣмъ всѣмъ людемъ, и женамъ и дѣтямъ, которыя жены и дѣти въ тѣхъ служилыхъ кабалахъ писаны въ службу государемъ своимъ, по тѣмъ служилымъ кабаламъ, по старымъ и по новымъ быти въ холопствѣ, какъ и по докладнымъ, а отъ государей своихъ имъ не отходити, и денегъ по тѣмъ служилымъ кабаламъ у тѣхъ холопей не имати и челобитья ихъ въ томъ не слушати по старымъ кабаламъ, а выдавать ихъ тѣмъ государемъ, по тѣмъ кабаламъ, въ службу до смерти» (А. И. I. № 221. II).

Итакъ, на кабальныхъ людей по старымъ кабаламъ, писаннымъ до 1586 года, и по новымъ, писаннымъ съ 1597 года февраля съ 1-го числа, распространены тѣ правила, которыя были установлены въ 1586 году для кабальныхъ до-

кладныхъ. Съ 1597 года всѣ кабальные, и новые и старые, обращаются во временныхъ холоповъ и лишаются права прекращать свое зависимое состояніе уплатою долга, но за то въ моментъ смерти кредитора всѣ они получаютъ свободу, не платя по кабалѣ

Вотъ образчикъ служилой кабалы.

«Се язъ Осипъ Юрьевъ сынъ Васильева съ своими дѣтми, съ сыномъ Леонтьемъ да съ Васильемъ да съ Юрьемъ да съ дочерью, съ Полагеею, заняли есмя у Васильева человѣка Васильевича Ржевскаго, у Григорья у Шаблыкина, государя его серебро восмъ рублевъ денегъ, московскихъ ходячихъ, октября ото втораго числа да по тогожъ дни на годъ. А за ростъ намъ у государя его, у Василья у Васильевича, служити во дворѣ по вся дни. А полягутъ денги по сроцѣ, и намъ у государя его, у Василья Васильевича, за ростъ служити по тому жъ, по вся дни, во дворѣ. А кой насъ заемщикъ въ лицѣхъ, на томъ денги и служба. А на то послуси, Безсонъ, Ивановъ сынъ, Козинъ. А кабалу писалъ Гришка, Өедоровъ сынъ, Алабышевъ, лѣта 7105».

На оборотѣ сдѣлана помѣта о докладѣ и о запискѣ въ книгу:

«105 октября во 2-й день передъ діакомъ, передъ Пятымъ Кокошкинымъ заимщики сказали: денги взяли и такову служилую кабалу на себя дали.—И въ книги записана. Діакъ Пятой Кокошкинъ» (А. Ю. № 252; нѣсколько служилыхъ кабалъ напечатано въ А. до Ю. Б. № 127).

При докладѣ присутствовалъ тотъ же послухъ, Безсонъ, который и на оборотѣ руку приложилъ.

Изъ приведенной подписи на оборотѣ видно, что докладъ о кабальныхъ происходилъ въ той же формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, какъ и докладъ о полныхъ холопахъ *).

*) Къ служилымъ кабаламъ въ концѣ XVI вѣка такъ же была примѣнена и извѣстная уже намъ записка актовъ въ книги. Вотъ образчикъ такой записки.

«И въ приказѣ холопья суда въ кашинской записной кабальной книгѣ прошлого 164 году іюня въ 17 день написано: сталъ передъ губнымъ старостою, передъ Өедоромъ Сосновскимъ, заимщикъ, Полуехтъ, Ермолаевъ сынъ, Дороөеева, ростомъ высоковатъ, лицомъ плосколикъ, на бороду немного сколковатъ, носъ на лѣвую сторону маленько кри-

Форма доклада одна и та-же, но существо устанавливаемыхъ на докладѣ отношеній совершенно различное: въ первомъ случаѣ получается кабальное холопство, во второмъ — полное. Но то и другое одинаково называется докладнымъ отъ формы доклада *).

Установленное указами 1586 и 1597 года кабальное холопство существенно отличается отъ выше разсмотрѣннаго обельнаго или полнаго.

Кабальное холопство есть временное, оно прекращается смертью кредитора-господина. Отсюда, господинъ не можетъ распоряжаться своимъ кабальнымъ холопомъ, не можетъ продавать его, дарить, завѣщать и пр.

Это само собой разумѣется; но въ нѣкоторыхъ указахъ встрѣчаемъ и прямыя постановленія въ этомъ смыслѣ Въ вышеприведенномъ указѣ 1597 года читаемъ:

«А женамъ послѣ мужей своихъ и дѣтямъ послѣ отцовъ

вcovатъ (и т. д. примѣты). А сказался, бывалъ старинной послужникъ Ивана, Парѳеньева сына, Суворова Меншева, и какъ де Ивана не стало, и послѣ себя женѣ своей, Дарьѣ, приказалъ отпустить на волю и своей кабалы отпускную положилъ за рукою отца его духовнаго, села Белеутова Акиманского попа, Кондратья Евсегнѣева. А нынѣ сказалъ, билъ челомъ въ службу сыну его, Андреяну, Иванову сыну, Суворову Меншево, и далъ на себя и на жену свою, Василису, Иванову дочь, служилую кабалу въ пяти рубляхъ іюня отъ седмаго на десять числа да по іюнь же по седмое на десять число, на годъ; а за ростъ имъ на тѣ денги у государя своего, у Андреяна Ивановича, служить во дворѣ по вся дни и всякое дѣло дѣлать. А полягутъ денги по сроцѣ, и имъ у государя своего, у Андреяна, служить во дворѣ по тому жъ по вся дни. А послуси въ кабалѣ Трофимъ, Ивановъ сынъ, Вешняковъ. А кабалу писалъ Ѳомка, Баженовъ сынъ, Вшивковъ лѣта 7164. Пошлины шесть алтынъ взяты». А. до Ю. Б. № 9. Другія подобныя записи см. подъ № 131.

*) Нѣкоторые наши изслѣдователи соединяютъ эти два вида докладныхъ въ одинъ и свойства кабальныхъ докладныхъ приписываютъ холопамъ полнымъ, продавшимъ себя по докладной. Такое соединеніе встрѣчается у проф. Ключевскаго въ статьѣ «Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи», Рус. Мысль, 1885, августъ, стр. 20. Авторомъ едва ли обращено вниманіе на то, что о «докладныхъ» говоритъ первый Судебникъ, ничего незнающій не только о кабальныхъ холопахъ, но и о кабальныхъ людяхъ, и говоритъ въ статьѣ, въ которой рѣчь идетъ о полномъ холопствѣ; докладъ же служилыхъ кабалъ не можетъ быть старѣе указа 1586 года.

своихъ до тѣхъ кабальныхъ записныхъ людей и до ихъ дѣтей, которыя дѣти въ кабалахъ будутъ писаны и которыя дѣти въ томъ кабальномъ холопствѣ родятся, дѣла нѣтъ и денегъ по тѣмъ отцовскимъ кабаламъ на тѣхъ кабальныхъ холопѣхъ женамъ и дѣтемъ не указывати».

То-же выражено и въ Уложеніи, глава XX, ст. 9, 52, 61, 63.

И такъ, кабальный холопъ остается въ зависимости отъ своего кредитора до его смерти. Онъ не можетъ прекратить эту зависимость уплатой долга. Въ моментъ смерти кредитора онъ дѣлается свободенъ, и наслѣдники умершаго не могутъ искать съ него по служилой кабалѣ. А самъ кредиторъ могъ искать съ него займа? Могъ. Относительно этого вопроса въ XVII вѣкѣ сохранялъ свою силу приказъ казначеямъ царя и великаго князя Ивана Васильевича, данный 15-го октября 1560 года:

«Кто на комъ ищетъ по кабаламъ заемныхъ денегъ, или (по записямъ) за ростъ служити, да сносовъ; и которые заемщики учнутъ въ исцовыхъ искѣхъ по кабаламъ и въ сносѣхъ винитися, или которыхъ заимщиковъ въ исковыхъ искѣхъ судомъ обвинятъ, и доправити на нихъ будетъ исцовыхъ исковъ не мочно, и поруки и переводу на нихъ въ исцовыхъ искѣхъ не будетъ; и тѣхъ отвѣтчиковъ велѣлъ Государь истцомъ выдавати въ искѣхъ до искупа» (А. И. I. № 154, XVI).

Этотъ указъ буквально перешелъ въ Уложеніе XX, 39. Но едва-ли онъ могъ имѣть какое либо практическое значеніе, такъ какъ предъявленіе служилой кабалы ко взысканію превращало службу съ неопредѣленнымъ срокомъ (по смерть господина) въ срочную, по разсчету года службы за 5 руб. долга.

Кабальное холопство установляется добровольной выдачей на себя служилой кабалы.

Въ 1597 году къ этому способу присоединился новый—добровольное холопство, т. е. добровольная служба кому-либо, безъ выдачи на себя кабалы. Если такіе добровольные холопы служили не менѣе полугода, на нихъ приказано вы-

давать служилыя кабалы и противъ ихъ воли (изъ неволи). Въ 1607 году этотъ указъ былъ отмѣненъ, но вскорѣ за тѣмъ опять возстановленъ (А. И. II. № 85). Уложеніе сократило срокъ добровольнаго холопства почти на половину. Оно предписываетъ давать служилыя кабалы изъ неволи на тѣхъ людей, которые у кого жили болѣе трехъ мѣсяцевъ (XX, 16, 17).

Кабальное холопство сообщается по мужу женѣ и обратно, и по отцу дѣтямъ, родившимся въ кабалѣ (Улож. XX, 83, 85, 86). Если дѣти, родившіеся въ кабалѣ, не дадутъ на себя добровольно служилыхъ кабалъ, кабалы выдаются на нихъ тоже изъ неволи (Улож. XX, 30).

Для прекращенія кабальнаго холопства отпускная выдается въ случаѣ освобожденія холопа при жизни господина (Улож. XX, 9). Но смерть его прекращаетъ не свободное состояніе кабальнаго безъ всякой отпускной (Улож. XX, 12, 15, 52).

Въ первые годы возникновенія кабальнаго холопства рядомъ съ нимъ не только продолжаетъ существовать старинное обельное, но и возникаетъ вновь для желающихъ. Въ 1597 году можно было давать на себя не только служилыя кабалы, но грамоты полныя и докладныя (А. И. I. № 221, стр. 419 и сл.).

По Уложенію же можно вновь сдѣлаться только кабальнымъ холопомъ, а не полнымъ.

«А будетъ къ кому придутъ какіе люди и учнутъ бити челомъ въ холопство, а скажутся, что они вольные люди, и тѣмъ людемъ (по распросѣ)... велѣти на нихъ давать служилыя кабалы...» (XX, 7)

То-же самое, если придутъ бить челомъ въ холопство вольноотпущенные рабы (XX, 8).

Такимъ образомъ, съ половины XVII вѣка (а можетъ быть и ранѣе) у насъ болѣе не возникаетъ вновь полныхъ холоповъ, а только кабальные. Полное холопство поддерживается только рожденіемъ отъ старыхъ холоповъ. Это движеніе Уложенія къ свободѣ не могло, впрочемъ, имѣть

сколько нибудь замѣтныхъ практическихъ послѣдствій, такъ какъ въ это самое время все свободное сельское населеніе, сидѣвшее на владѣльческихъ земляхъ, утрачивало свою волю и переходило въ состояніе людей не свободныхъ.

Уложеніе предписываетъ на челобитья въ холопство выдавать служилыя кабалы. Но челобитье въ холопство ничего, конечно, не говоритъ о займѣ. Поэтому и выдаваемая на такое челобитье служилая кабала тоже не можетъ говорить о займѣ. Этимъ и объясняется появленіе въ нашей практикѣ служилыхъ кабалъ безъ займа *). Отсюда видно, на сколько кабальное холопство XVII вѣка удалилось отъ своего первообраза—кабальнаго займа. Даже въ самомъ актѣ установленія кабальной зависимости не осталось ничего общаго съ заемной кабалой **).

---

*) Вотъ образчикъ такой служилой кабалы безъ займа:

«Се азъ, Аѳонасей Васильевъ, билъ челомъ въ холопство князю Борису Андреевичу Козловскому, и служилую кабалу на себя даю волею своею, и служить мнѣ, Аѳонасью, у государя своего, князя Бориса Андреевича, во дворѣ по его животъ. А на то послухъ, Иванъ Пушкаревъ. А служилую кабалу писалъ Ивановскіе площеди подъячей, Сенка Козминъ, лѣта 7192 году декабря въ 17 день».

Далѣе прописаны примѣты «Аѳонки»; а на оборотѣ записанъ докладъ кабалы:

«192 декабря въ 17 день въ приказѣ Холопья суда передъ столникомъ, княземъ Васильемъ Ѳедоровичемъ Засѣкинымъ, съ товарыщи Аѳонка сказалъ: въ холопство билъ челомъ, и кабалу на себя такову далъ, и пошлины по указу взяты и въ книгу записана. — Дьякъ Гервасей Столѣтовъ. Справилъ Панфилко Ларіоновъ». А. до Ю. Б. № 127, XII — XIV, XVI—XVIII.

Но и послѣ Уложенія служилыя кабалы писались и по старинѣ, въ формѣ займа, тамъ-же, X, XI, XIX.

**) Это измѣненіе есть только необходимое слѣдствіе вышеприведенныхъ указовъ 1586 и 1597 года. Съ изданія этихъ указовъ писаніе служилыхъ кабалъ въ прежней формѣ перестало соотвѣтствовать дѣйствительному положенію кабальнаго холопа. Поэтому еще въ самомъ началѣ XVII вѣка разные люди стали приносить въ Холопій Приказъ для записки «записи на вольныхъ людей», которыми эти вольные люди обязывались служить у нихъ до ихъ живота. Наша практика не замедлила, слѣдовательно, выработать новую форму установленія кабальнаго холопства, которая совершенно соотвѣтствовала существу дѣла. Но царь и великій князь Василій Ивановичъ нашелъ, что эта форма не предусмотрѣна Судебникомъ, а потому и не дозволилъ принимать такія записи къ запискѣ А. И. II. № 85. III. 1608.

Въ заключеніе нѣчто изъ Уложенія 1649 года. Мы и выше не разъ приводили статьи Уложенія, но, главнымъ образомъ, такія, изъ которыхъ видно, что въ Уложеніи жива еще древность. Теперь укажемъ на статьи, въ которыхъ эта древность прямо отрицается Уложеніемъ.

Эти отрицающія древность статьи важны для насъ не по новости своей, а потому, что отрицая древность, они тѣмъ самымъ подтверждаютъ сдѣланные нами о ней выше выводы.

Уложеніе запрещаетъ холопамъ: 1) покупать и держать за собою въ закладѣ вотчины (XVII, 41), 2) покупать по городамъ тяглые дворы, лавки, погреба, анбары и соляныя варницы (XIX, 15).

Все это до Уложенія рабы дѣлали, они покупали и держали за собой и вотчины и городскія недвижимости. Только Уложеніе запрещаетъ имъ владѣть недвижимостями. Если они впредь купятъ отчину, лавку и пр., недвижимости эти отбираются у нихъ на государя безденежно. За пріобрѣтеніе же городскихъ недвижимостей Уложеніе угрожаетъ рабамъ еще великой опалой и торговой казнью.

Но что рабы владѣютъ движимостями и совершаютъ сдѣлки на свое имя, это признаетъ и Уложеніе и оставляетъ попрежнему въ силѣ:

«А будетъ кто торговые и посадскіе люди тяглые свои дворы, или лавки, и анбары, и погребы, и варницы напишутъ чьимъ нибудь людямъ... въ долгу въ закладѣ до сроку и тѣ свои тяглые дворы . . . . . просрочатъ, и тѣмъ людемъ, кому тяглые дворы . . . . . будутъ просрочены, послѣ сроку продати государевымъ тяглымъ же людемъ; а самимъ имъ въ тѣхъ тяглыхъ дворѣхъ не жити...» (XIX, 16).

Эта статья относится къ будущему. Рабы и послѣ Уложенія могутъ совершать сдѣлки, давать въ займы, принимать залоги и т. д.

Но допускаемое Уложеніемъ движимое имущество рабовъ, также остается не огражденнымъ отъ притязаній ихъ господъ, какъ было и въ старину. Можно даже думать, что Уложеніе дѣлаетъ по этому вопросу шагъ назадъ. Оно прямо предписываетъ то, что прежде только предполагалось.

По Уложенію за господъ, если они сами не въ состояніи уплатить падающихъ на нихъ взысканій, казенныхъ и частныхъ, отвѣчаютъ ихъ люди (122, 182). Имущество рабовъ, слѣдовательно, идетъ на уплату долговъ ихъ владѣльцевъ.

Уложеніе же запрещаетъ вольноотпущеннымъ по духовнымъ искать невыданнаго имъ движимаго имущества съ наслѣдниковъ ихъ умершаго господина:

«А которые холопы, послѣ умершихъ своихъ бояръ, будутъ отпущены на волю и съ воли учнутъ приставливати умершихъ своихъ бояръ къ женамъ и къ дѣтемъ въ животахъ, въ грабежахъ для того, что они отпущены безъ животовъ, и тѣмъ холопемъ въ томъ суда не давати» (XX, 65).

Наслѣдники умершаго рабовладѣльца могутъ, слѣдовательно, отпуская на свободу холоповъ умершаго, удержать ихъ имущество. У рабовъ нѣтъ противъ нихъ иска.

Уложеніе проводитъ болѣе рѣзкую границу между свободой и неволей, чѣмъ та, которую выработала наша древняя практика.

Мы выше указали уже на то, что составители его забыли указъ Шуйскаго отъ 1607 года. Слѣдъ другаго благопріятнаго рабамъ указа отъ 1603 года встрѣчается въ Уложеніи, но въ такой формѣ, которая парализуетъ все его значеніе. Вольныя грамоты холопамъ, отпущеннымъ со двора для прокормленія, выдаются въ томъ только случаѣ, если господа сами признаютъ справедливость челобитья своихъ рабовъ. Но стоитъ господамъ заявить, что они лгутъ, и холопы присуждаются оставаться подъ ихъ властью попрежнему. Въ Уложеніи, въ главѣ XX ст. 41 и 42, читаемъ:

«А которые всякихъ чиновъ люди въ голодное или въ иное въ какое время, не хотя холопей своихъ кормити, сошлютъ ихъ съ двора, а отпускныхъ имъ не дадутъ и крѣпостей не выдадутъ, а велятъ имъ кормитися собою, проча ихъ впредь себѣ......, и въ томъ на нихъ отъ тѣхъ ихъ холопей челобитье будетъ, и по тому холопью челобитью изъ Приказу холопья суда судьямъ посылати по тѣхъ ихъ бояръ, которые ихъ съ двора сошлютъ, и тѣхъ ихъ бояръ роспрашивати, прямо ли они ихъ съ дворовъ отъ себя сослали.

«А не распрашивая про такихъ холопей тѣхъ людей, на кого тѣ холопи учнутъ бити челомъ, воли имъ не давати.

«А будетъ про тѣхъ холопей бояре ихъ, на которыхъ учнутъ бити челомъ, скажутъ, что на нихъ тѣ холопи бьютъ челомъ ложно, а они ихъ со двора отъ себя не ссылали, и тѣхъ холопей отсылати тѣмъ ихъ бояромъ».

Уложеніе несомнѣнно возвышаетъ господскую власть.

По Уложенію рабы за нѣкоторыя преступленія наказываются строже, чѣмъ свободные люди. За первое уже корчемство они подвергаются торговой казни, а свободные люди только за второе (XXV, 1, 6).

Въ древности бѣглый рабъ отыскивался, какъ и всякая другая пропавшая вещь; виновный въ его укрывательствѣ платилъ хозяину убытки; но бѣгство раба не составляло преступленія, за которое его можно было бы приговорить къ публичному наказанію. Въ XVII вѣкѣ бѣгство раба есть уже преступленіе. Уложеніе предписываетъ бѣглаго холопа, бившаго челомъ въ холопство иному господину, бить передъ Холопьимъ приказомъ кнутомъ на козлѣ нещадно (XX, 22).

Распространеніе несвободнаго состоянія и на свободныхъ прежде крестьянъ значительно понизило къ половинѣ XVII вѣка цѣну кабальнаго холопства. По Судебнику максимумъ займа по служилой кабалѣ былъ назначенъ въ 15 руб. Уложеніе понижаетъ его до 3-хъ и предписываетъ писать кабалы не ниже и не выше этой суммы (XX, 19).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Свободное населеніе.

Древняя Россія не знала сословій. Они народились только въ московскую эпоху; во времена предшествовавшія можно наблюдать лишь слабые ихъ зародыши. До образованія единаго Московскаго государства все населеніе русскихъ княженій, съ точки зрѣнія права, представляло единообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другого достоинствомъ, а не правами и обязанностями. Сословныхъ различій, привязывающихъ извѣстные классы общества къ извѣстнымъ занятіямъ, еще не было: отъ князя до послѣдняго свободнаго всякій могъ быть воиномъ, чиновникомъ, имѣть поземельную собственность, заниматься торговлей, промыслами и т. д. Каждый имѣлъ право на все, но одному удавалось больше, чѣмъ другому, а потому онъ и выдѣлялся какъ человѣкъ «лучшій»; кто оставался позади всѣхъ, тотъ характеризовался эпитетомъ «меньшаго» человѣка. Такимъ образомъ возникла цѣлая лѣстница качественныхъ различій одного и того-же рода свободныхъ людей. Ступени этой лѣстницы не были замкнуты: по мѣрѣ улучшенія фактической обстановки, человѣкъ самъ собою поднимался на слѣдующую ступень и наоборотъ. Но возвышеніе «меньшихъ» не было дѣломъ легкимъ. Экономическія условія большинства «меньшихъ людей» были такъ тяжелы, что ему не только никогда не удавалось подняться въ средній или высшій слой, а наоборотъ, многіе изъ этого большинства, чрезъ посредствующую ступень наймитовъ, спускались въ разрядъ рабовъ.

Наши древніе памятники обозначаютъ однимъ словомъ все свободное населеніе со всѣми его подраздѣленіями. Такихъ всеобъемлющихъ словъ у насъ два: людіе и мужи.

Въ самомъ широкомъ смыслѣ первое слово употреблено въ договорѣ Игоря съ греками. Во введеніи къ договору читаемъ:

«Мы отъ рода русскаго съли и гостье (слѣдуетъ перечисленіе пословъ), посланіи отъ Игоря, великого князя рускаго, и отъ всякоя княжья, и отъ всѣхъ людій Рускія земли».

Здѣсь людьми названо все населеніе Русской земли за единственнымъ исключеніемъ лицъ княжескаго рода.

Въ столь же широкомъ смыслѣ употребляетъ это слово и Русская Правда. Она обозначаетъ просто людьми все населеніе судного округа.

«Аще оубьють огнищанина въ обидоу, то платити зань 80 гривенъ оубійци, а людемъ не надобѣ...». Ак. 18.

«Будеть ли сталъ на разбои безъ всякоя свады, то за разбойника люди не платять...». Тр. 5.

Этотъ всеобъемлющій терминъ служитъ составителямъ Русской Правды и для обозначенія свидѣтеля вообще, къ какому-бы классу населенія онъ ни принадлежалъ:

«...Оже ли оубьють (татя), а люди боудоуть видѣли связанъ, то платити въ немъ». Акад. 38. Тр. 36.

Съ такимъ-же словоупотребленіемъ встрѣчаемся и въ лѣтописяхъ.

Начальный лѣтописецъ, описывая подъ 968 г. обложеніе Кіева печенѣгами, такъ выражается о кіевлянахъ:

«Изнемогаху же людіе гладомъ и водою».

Въ 1154 году умеръ кіевскій князь, Вячеславъ. Соправитель его, Ростиславъ, находился въ это время внѣ города; онъ шолъ съ войскомъ противъ черниговскихъ князей.

«Мужи же бороняхуть ему поити Чернигову, рекучи ему: се Богъ поялъ строя твоего Вячеслава, а ты ся еси еще съ людми Кіевѣ не утвердилъ; а поѣди лѣпле въ Кіевъ, съ людми утвердися». Ипат.

Черниговцы, обратившіеся въ 1138 г. къ князю Всеволоду съ требованіемъ о заключеніи мира, названы просто: «людіе черниговцы». Лавр. Подобно этому и вся совокуп-

ность жителей другихъ волостей, Суздальской, Володимірской, Псковской, Новогородской и пр., разумѣется подъ словомъ «людіе» *).

Изъ этого первоначальнаго безразличія свободныхъ людей прежде всего начинаютъ выдѣляться люди, поступавшіе на службу князя. Подъ именемъ «дружины» или «княжихъ мужей» они начинаютъ противополагаться «людямъ» вообще. Благодаря этому, въ однихъ и тѣхъ-же памятникахъ встрѣчаемся и съ широкимъ и съ болѣе тѣснымъ употребленіемъ слова людіе. Образчикъ послѣдняго даетъ 3-я ст. пространной Русской Правды:

«Аже кто оубиеть княжа мужа въ разбои,.... то виревную платити въ чьей же верви голова лежить, то 80 гривенъ; пакиль людинъ, то 40 гривенъ». Тр.

Княжіе мужи противополагаются здѣсь простолюдинамъ, неслужилымъ людямъ.

Къ концу XIII вѣка, когда сложилась редакція списковъ пространной Русской Правды, это различіе служилыхъ и неслужилыхъ людей на столько рѣзко обозначилось, что повліяло на установленіе высшаго штрафа за убійство первыхъ. Княжіе мужи начинаютъ, такимъ образомъ, усвоивать нѣкоторыя черты превилегированнаго положенія по отношенію къ людямъ вообще.

Въ московское время все населеніе распалось на отдѣльные чины съ особыми правами и обязанностями, и каждый чинъ получилъ свое особое наименованіе. Несмотря на это, терминъ «людіе» продолжаетъ употребляться для обозначенія всего населенія.

«Лѣта 7090 (1582) марта въ 12 день Государь Царь и Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ всея Русіи приговорилъ со всѣми бояры: ябедниковъ, кромолниковъ и составщиковъ по прежнимъ уложеніямъ не щадити; холопей боярскихъ и иныхъ чиновъ людей, которые будутъ въ судѣ за себя или за своего государя или за кого иного стояти...». А. И. I. № 154, XX.

---

*) Ипат. 1154, 1178, 1183; Сузд. 1164; Новгор. I. 1259, 1273.

Уложеніе запрещаетъ патріарху, митрополитамъ, епископамъ, боярамъ, окольничимъ, думнымъ, ближнимъ и всякихъ чиновъ людямъ держать закладниковъ и говоритъ:

«Да и тѣмъ людемъ (т. е. патріарху, митрополитамъ и т. д.), которые ихъ (тяглыхъ людей) учнутъ впредь за себя пріимати въ закладчики, по тому же быти отъ государя въ великой опалѣ...». (XIX, 13).

Столь-же широкое значеніе, какъ слово «людіе», имѣло въ древности и слово «мужъ», сохранившееся и по наши дни для обозначенія всего крестьянскаго населенія въ уменьшонной формѣ «мужикъ». Съ эпитетомъ «свободный» оно обозначаетъ, по Русской Правдѣ, все свободное населеніе со включеніемъ даже княжихъ мужей:

«А се аже холопъ оударить свободна мужа..., то платити зань господину 12 гривенъ...». Тр. 58, Ак. 16.

Свободному мужу противополагаются по этой статьѣ только рабы. Суздальская лѣтопись называетъ всѣхъ жителей Торжка «мужами» (1178). Подобно этому договорная грамота между Полоцкомъ и Ригою начинается такъ:

«Мы, мужи полочане...» (А. Э. I. № 16).

Эти-же слова, употреблявшіяся для обозначенія всего населенія въ его совокупности, служили и для обозначенія разныхъ его слоевъ. Для этой цѣли къ нимъ присоединялось указаніе на большую или меньшую степень достоинства, присущую тому или другому человѣку. Для обозначенія людей высшаго слоя служили прилагательныя: лучшій, вячшій, большій, старшій, нарочитый; низшаго: мелкій, меньшій, простой, черный *).

Весьма характерное въ этомъ отношеніи мѣсто находимъ въ I Новгородской лѣтописи. Въ 1259 г., когда татары пріѣхали въ Новгородъ съ требованіемъ дани, чернь не хотѣла исполнить волю татарскую

«И раздвоишася людіе, говоритъ лѣтописецъ: боль-

*) Для примѣра см.: Лавр. 1093, 1230; Ипат. 1146, 1161, 1178· 1185; Воскр. 987, 1186; Нов. I. 1135, 1228, 1230.

шіи веляху **меньшимъ** ятися по число, а они не хотяху».

Итакъ, изъ «людей», населенія Новагорода вообще, выдѣлились два слоя: большіе люди и меньшіе, или чернь, иначе черные люди.

Отличительный признакъ меньшихъ людей составляетъ ихъ меньшая сравнительно съ лучшими людьми экономическая обезпеченность. Они или вовсе ничего не имѣютъ, кромѣ носильнаго платья, и въ такомъ случаѣ поступаютъ въ чужіе дворы въ качествѣ наймитовъ; или имѣютъ свой хозяйственный сельскій инвентарь и въ такомъ случаѣ ведутъ свое самостоятельное хозяйство, поселяясь на никѣмъ незанятыхъ земляхъ, или на земляхъ владѣльческихъ.

Отдѣльные разряды меньшихъ людей носятъ разныя наименованія, смотря по мѣстностямъ и времени.

Въ древнѣйшихъ памятникахъ встрѣчаемъ: смердовъ, закуповъ, изгоевъ; въ псковской Судной грамотѣ: изорниковъ, огородниковъ, кочетниковъ; въ московскихъ грамотахъ: сиротъ, серебрениковъ, крестьянъ. Послѣднее слово претерпѣло измѣненіе, подобное тому, которое произошло со словомъ «мужъ». Изъ общаго наименованія всѣхъ крещеныхъ людей въ московскую эпоху оно спеціально пріурочивается мелкому сельскому населенію.

Выше смердовъ и крестьянъ стоятъ купцы, а еще выше— вольные слуги и бояре.

Переходимъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ слоевъ свободнаго населенія. Мы будемъ отправляться отъ тѣхъ наименованій, которыя встрѣчаются въ источникахъ.

I. Смерды.

Наша древняя терминологія не отличается большой точностью; одно и то-же слово нерѣдко употреблялось у насъ въ разныхъ смыслахъ. Это случилось и со словомъ смердъ. Оно употребляется то въ очень тѣсномъ, то въ весьма широкомъ смыслѣ.

Въ тѣсномъ смыслѣ оно означаетъ пахаря, сельскаго работника.

«И рече Володимеръ (Мономахъ): дивно ми, дружино, оже лошадей жалуете, ею же оретъ, а сего не промыслите, оже то начнеть орати смердъ, и пріѣхавъ половчинъ ударитъ й стрѣлою».... Лавр. 1103.

Означая мелкаго человѣка, слово смердъ можетъ быть, однако, примѣнено и ко всему населенію, если его сопоставить съ самымъ крупнымъ человѣкомъ волости, съ княземъ. Каждый свободный сравнительно съ владѣтельнымъ княземъ представляется небольшимъ человѣкомъ, а потому и можетъ быть названъ смердомъ. Въ такомъ смыслѣ употребляется это слово даже въ Русской Правдѣ:

«А за княжь конь 3 гривны; а за смердѣй 2 гривны» Ак. 25, ср. Тр. 41.

Статья установляетъ штрафъ за кражу коня, но упоминаетъ только коней, принадлежащихъ князю да смерду, умалчивая обо всѣхъ другихъ. Это молчаніе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что подъ смердами, въ противоположность князю, разумѣется все населеніе.

Такое толкованіе подтверждается и текстомъ позднѣйшихъ списковъ Правды, въ которыхъ слово «смердъ» замѣнено словомъ «иной», т. е. всякой другой человѣкъ кромѣ князя.

«..А будеть былъ (украденъ) княжь конь, то платити зань 3 гривны; а за инѣхъ по 2 гривны» Тр. 40.

Въ такомъ же широкомъ смыслѣ употребилъ это слово Олегъ, черниговскій князь. Въ 1096 г. Святополкъ Кіевскій и Владиміръ Переяславскій послали къ Олегу такое предложеніе:

«Поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отецъ нашихъ и предъ людми градскими, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ. Олегъ же въспріимъ смыслъ буй и словеса величава, рече сице: нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменомъ, ли смердомъ». Лавр.

Здѣсь князь называетъ смердами не только кіевскихъ горожанъ, но и служилыхъ людей прежнихъ князей.

Не беремъ на себя рѣшеніе вопроса о томъ, какой изъ этихъ смысловъ былъ первоначальный. Самые древніе наши памятники знаютъ уже и тотъ и другой. Позволяемъ себѣ лишь догадку. Слово мужъ, первоначально имѣвшее общее значеніе, съ теченіемъ времени, въ уменьшительной формѣ стало обозначать одинъ извѣстный классъ населенія. То-же случилось съ словомъ христіанинъ, которое спеціализовалось въ крестьянина. Подобно этому и слово смердъ первоначально могло употребляться въ широкомъ смыслѣ, а позднѣе, съ выдѣленіемъ изъ общей массы населенія отдѣльныхъ классовъ, стало пріурочиваться къ одному сельскому населенію, занимавшемуся воздѣлываніемъ земли.

Тѣсное значеніе слова смердъ живетъ еще въ нашихъ памятникахъ конца XV вѣка.

Псковскія лѣтописи подъ 1485 годомъ упоминаютъ о столкновеніи между великимъ княземъ московскимъ, Иваномъ Васильевичемъ, и псковичами. Извѣстіе лѣтописи отличается нѣкоторой излишней краткостью. Но изъ него можно вывести, что столкновеніе возникло изъ-за смердовъ, что великій князь былъ на сторонѣ какихъ-то нововведеній въ ихъ пользу, а псковичи отстаивали старину. Это столкновеніе, можетъ быть, было вызвано уклоненіемъ смердовъ отъ исполненія лежавшихъ на нихъ обязанностей, а, можетъ быть, повело къ нему. Съ достовѣрностью мы знаемъ только то, что псковичи не хотѣли допустить такого уклоненія; одного смерда они казнили, а трехъ заключили въ тюрьму, имущество же ихъ опечатали (Псков. I. 266; II. 43 и слѣд.).

Великій князь «вспопѣлся» на псковичей и велѣлъ смердовъ отпустить. Это требованіе произвело раздвоеніе въ самомъ Псковѣ:

«И отголѣ начатъ быти брань и мятежь великъ межю посадники, и бояры и житьими людми: понеже сіи вси въсхотѣша правити слово князя великого, с м е р д о в ъ о т п у с т и т и...; а ч е р н і и л ю д и, молодіи, всего того не восхо-

тѣша, рекуще: мы о всемъ томъ прави и не погубитъ насъ о томъ князь великій...».

Изъ приведеннаго мѣста видно, что смерды не суть низшій слой городскаго населенія. Это послѣднее, подъ именемъ черныхъ людей, принимаетъ участіе въ обсужденіи вопроса о смердахъ и высказывается въ пользу наказанія виновныхъ.

На этотъ разъ столкновеніе разрѣшилось согласно волѣ великаго князя. Въ Москву было отправлено посольство съ повинной.

Но въ чемъ-же была вина смердовъ? На это проливаетъ нѣкоторый свѣтъ извѣстіе лѣтописца подъ слѣдующимъ 1486 годомъ.

«И потомъ, по малѣ времени, прилучися нѣкоему попу у норовскихъ смердовъ чести грамоти, и найде тую грамоту, како смердомъ изъ вѣковъ вѣчныхъ князю дань даяти и Пскову и всякіи работы урочныи по той грамотѣ имъ знати. А о той грамотѣ смердьи всей земли смятенье бысть, что они, потаивше грамоти, не потягнуша на свои работы, а псковичемъ не свѣдущемъ о нихъ, како отъ начала бысть, а они обольстиша князю великому и о томъ все по криву сказаша. И таковую грамоту смердъ исторже у попа изъ рукъ и скры. Псковичи же посадиша того смерда на крѣпости. И оттолѣ начаша, изъ пригородовъ пріѣздя и изо всѣхъ волостей, обидніи люди бити челомъ посадникомъ псковскимъ и всему Пскову... Посадники же и весь Псковъ събраша многыя обиды, ихъ же невозможно исчесть за множество, и написавше грамоты многы обидныи и отрядиша послы: посадника Микиту Ларіоновича, и посадника Андрея Ивановича, и боярина Андрея Семеновича Рублева, и иныхъ бояръ, и съ пригородовъ по два человѣка, обидніи люди. И ѣхавше, биша челомъ великому князю, и повѣдаша о смердѣ, что грамоту потаилъ, «и имѣемъ его и теперь на крѣпости, и како намъ, государь, укажеши о томъ?» И князь великій, ярымъ окомъ възрѣвъ, рече: давно ли азъ вамъ о смердахъ вины отдахъ? а нынѣ на то же наступаете?»

Приведенное мѣсто разъясняетъ, кого въ Псковѣ звали смердами и въ чемъ заключалась ихъ вина. Смерды не городское, а сельское населеніе: они живутъ по Наровѣ рѣкѣ.

и во всѣхъ псковскихъ волостяхъ. Это уѣздные, волостные люди. Помимо дани князю и Пскову, они обязаны урочными работами. Работы эти были опредѣлены изстари. Въ описываемое время, однако, смерды не исправляли этихъ работъ. Отсюда столкновеніе, возникшее еще въ 1485 г., а можетъ быть и раньше. Осенью 1485 года псковичи подчинились во всемъ волѣ великаго князя. Но вскорѣ затѣмъ «нѣкій попъ» сдѣлалъ открытіе, нашолъ грамоту, на которой написаны были обязанности смердовъ. Едва потухшее пламя внутренней усобицы снова разгорѣлось. Въ Псковъ стали съѣзжаться со всѣхъ концовъ Псковской волости «обидные люди», т. е. люди, которые потерпѣли вслѣдствіе отказа смердовъ исполнять урочныя работы, и было рѣшено новое посольство къ великому князю. «Обидные люди» это, конечно, землевладѣльцы, на земляхъ которыхъ сидѣли смерды.

Приведенное извѣстіе составляетъ краткій слѣдъ цѣлой аграрной революціи, происшедшей въ Псковѣ въ концѣ XV вѣка. Сторону сельскаго населенія принялъ великій князь московскій. Не помогла псковичамъ и грамота, найденная «нѣкіимъ попомъ», въ которой было написано то, чего псковичи будто-бы не знали: «а псковичемъ не свѣдущемъ о нихъ, како отъ начала бысть». Эти послѣднія слова нельзя, конечно, понимать буквально. Псковичи не могли не знать исконныхъ порядковъ. Найденная попомъ грамота едва-ли могла открыть имъ что-нибудь новое. Псковичамъ нуженъ былъ поводъ, чтобы вновь возбудить дѣло о повинностяхъ смердовъ, прекращенное подчиненіемъ ихъ волѣ великаго князя. Находка «нѣкіимъ попомъ» грамоты, которая легко могла быть подстроена, прекрасно удовлетворяла этой потребности.

Въ чемъ состояла аграрная реформа конца XV в., это, по краткости лѣтописнаго извѣстія, остается неяснымъ. Пробѣлъ этотъ не можетъ быть пополненъ и Псковской судной грамотой, такъ какъ она не опредѣляетъ повинностей сельскаго населенія.

Переходимъ къ вопросу о юридическомъ положеніи смердовъ.

Смерды составляютъ свободное населеніе. Это совершенно ясно изъ Русской Правды. Перечисливъ цѣны разнаго вида домашняго скота, которыя должны уплачиваться похитителемъ скота въ тѣхъ случаяхъ, когда похищенное животное не могло быть возвращено натурою, Правда говоритъ:

«То ти оуроци смердомъ, оже платять князю продажю». Тр. 41.

Смердъ наказывается продажею, а это признакъ свободнаго человѣка, такъ какъ рабовъ князь продажею не казнитъ.

Такъ какъ смерды суть свободные люди, то отсюда, само собой, слѣдуетъ, что они пользуются и всѣми правами свободныхъ людей. Не останавливаясь на перечисленіи этихъ правъ, приведемъ только тѣ изъ нихъ, о которыхъ прямо упоминается въ древнихъ памятникахъ.

Смерда, какъ свободнаго человѣка, никто не можетъ наказывать безъ приказа подлежащей власти:

«Или смердъ оумоучать*), а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны». Акад. 31. Ср. Тр. 71.

У смердовъ можетъ быть и собственность. Русская Правда говоритъ о конѣ смерда, лѣтописи—о его пашнѣ. Дружина Святополка потому возражала противъ войны съ половцами весною 1103 года, что боялась «погубить смердовъ и ролью ихъ» (Лавр.). Пашнею смердовъ можетъ быть, конечно, названа и та пашня, которую они имѣли на владѣльческихъ земляхъ, снимаемыхъ въ аренду. Но еслибы дѣло шло только о такихъ земляхъ, то, надо думать, дружина жалѣла бы не объ однихъ только нанимателяхъ, смердахъ, но и о собственникахъ, ибо и они несли убытки. Вотъ почему подъ пашнею смердовъ въ данномъ случаѣ надо разумѣть преимущественно пашню на ихъ собственныхъ, а не владѣльческихъ земляхъ.

Какъ свободныя лица, смерды несутъ повинности въ пользу государства и съ этой цѣлью образуютъ своеобразныя

*) Мука—наказаніе, казнь.

податныя единицы. Въ Новгородѣ эти податныя единицы носятъ наименованіе погостовъ. Въ новгородскихъ договорахъ съ князьями читаемъ:

«Кто купець, поидеть въ свое сто, а кто смердъ, тотъ потягнеть въ свой погостъ».

Смерды платятъ князю дань:

«Приде Михаилъ въ Новгородъ по Велицѣ дни, Ѳомины недѣли исходяче..., и цѣлова крестъ на всей воли новгородстѣй и на всѣхъ грамотахъ ярославлихъ и вда свободу смердомъ на 5 лѣтъ даній не платити». 1229. Карамзинъ, III, примѣч. 327.

Они носятъ оружіе и вхôдятъ въ составъ войска:

«И нача Ярославъ вои дѣлити: старостамъ своимъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а ноугородцемъ по 10 гривенъ, и отпусти я вся домовь». Воскр. 1019.

Здѣсь смерды различены отъ новогородцевъ. Надо думать, что и въ Новгородѣ, какъ и во Псковѣ, смерды означали сельскихъ, а не городскихъ жителей, названныхъ новогородцами.

При описаніи ночнаго нападенія Даніила Романовича на Бѣльзъ, читаемъ:

«Бояринъ боярина бралъ въ плѣнъ, смердъ смерда, градъ града». Ипат. 1221.

Смерды составляютъ низшій слой свободнаго населенія, они живутъ трудами рукъ своихъ и, по общему правилу, занимаются земледѣліемъ. Это сравнительно приниженное положеніе ихъ въ обществѣ отразилось и въ древнѣйшемъ правѣ въ разной цифрѣ вознагражденія, полагаемаго за муку, причиненную смерду и человѣку высшаго положенія, каковы были тивуны, мечники, огнищане и др. За муку смерда взыскивалось 3 гривны, за муку человѣка высшаго состоянія — 12. Ак. 31—32, Тр. 71—72.

Что касается штрафа за убійство смерда, то на этотъ вопросъ можно отвѣтить только предположительно.

Первая статья древнѣйшей Русской Правды, перечисляя разные разряды лицъ, за убійство которыхъ взыскивалось 40

гривенъ, не упоминаетъ о смердахъ. Она говоритъ, однако, объ изгояхъ, смерть которыхъ оплачивалась 40 гривнами. Изгои же, какъ увидимъ ниже, занимали въ древнемъ обществѣ положеніе еще болѣе низкое, чѣмъ смерды. Это даетъ основаніе заключить, что и убійство смердовъ оплачивалось тѣми-же 40 гривнами.

Такому заключенію, повидимому противорѣчатъ тѣ статьи Правды, въ которыхъ опредѣляется вознагражденіе за убытки. Убытки собственнику могутъ быть причинены кражей коня, вола и всякой движимости, а также убійствомъ его рабовъ. За убійство раба полагается разное вознагражденіе, смотря по его пригодности. Староста, кормилица, дядьки оплачиваются 12 гривнами, простой рабъ—5-ю.

Въ относящихся къ этому вопросу статьяхъ краткаго списка Правды читаемъ:

22. «А въ сельскомъ старостѣ княжи и въ ратайнѣмъ 12 гривнѣ; и въ рядовници княжѣ 5 гривенъ.
23. А въ смердѣ и въ хопѣ 5 гривенъ.
24. Аще роба кормилица, любо кормиличицъ—12.
25. А за княжь конь, иже той съ пятномъ, 3 гривнѣ; а за смердѣй 2 гривнѣ» и т. д.

Здѣсь, при опредѣленіи вознагражденія за убійство разныхъ видовъ холоповъ, упомянутъ и смердъ. За него назначенъ такой же размѣръ платы, какъ и за простого холопа.

Изъ предшествующаго мы уже знаемъ, что по московскимъ памятникамъ XVI в. честь лучшихъ боярскихъ холоповъ оцѣнивалась въ пять разъ больше чести свободныхъ крестьянъ. Поэтому не можетъ представлять ничего удивительнаго, что по памятникамъ XI вѣка за смерть княжескаго холопа взыскивали не менѣе того, что полагалось за смерть смерда.

При всемъ томъ чтеніе: «А въ смердѣ и въ хопѣ 5 гривенъ» возбуждаетъ недоумѣніе. Въ предшествующей (22-й) статьѣ совершенно ясно сказано, какое и за кого берется вознагражденіе. Тамъ рѣчь идетъ о княжескихъ рабахъ, старостахъ и о княжескихъ рядовыхъ рабахъ (рядовници).

О какомъ же холопѣ идетъ рѣчь въ ст. 23? Это неясно. Также неясно, зачѣмъ было въ ряду холоповъ упоминать о смердѣ, свободномъ человѣкѣ, а не холопѣ.

Недоумѣнія эти могутъ быть, однако, разъяснены, если мы сопоставимъ 22-ю и 23-ю статьи съ 25-й. Въ 25-й рѣчь идетъ о вознагражденіи за княжескаго коня и коня некняжескаго, который тамъ названъ смердьимъ. Надо думать, что и въ статьяхъ 22 и 23 рѣчь должна идти о холопахъ княжихъ и некняжихъ, которые также должны быть названы смердьими. Статью 23-ю, поэтому, надо читать: «А въ смерды хопѣ 5 гривенъ». Такое предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ соотвѣтствующей статьѣ Троицкаго сп., которая читается:

«А за смердии холопъ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ». 13.

Судъ принадлежитъ князю, онъ опредѣляетъ и штрафы за убытки. Очень натурально, что составителя Правды интересовалъ вопросъ, одною ли мѣрою мѣрилъ князь свои убытки и чужіе. Вотъ почему княжаго коня и холопа противополагаетъ онъ смердьему.

Смерды составляютъ низшій слой свободнаго населенія, но это различіе только фактическое; при искусствѣ и удачѣ они могутъ подняться въ самые высшіе его слои. Лѣтописецъ говоритъ, что галицкіе бояре князя «Даніила княземъ собѣ называху, а сами всю землю держаху». Онъ перечисляетъ этихъ бояръ, державшихъ землю. Среди нихъ находимъ: Судича, попова внука, и Лазаря Домажирича и Ивора Молибожича отъ племени смердья». Ипат. 1240.

Еще Рейцомъ былъ высказанъ весьма близкій къ правдѣ взглядъ на смердовъ. Онъ называетъ ихъ «простолюдинами», но не входитъ въ разборъ памятниковъ (36).

Позднѣйшіе изслѣдователи не оцѣнили по достоинству этого вѣрнаго намека и очень затемнили понятіе смерда.

Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ покойнымъ проф. московскаго университета, В. Н. Лешковымъ, въ его сочиненіи: «Русскій народъ и государство». Онъ утверждаетъ,

что смерды были люди князя, что они принадлежали только ему, подобно тому, какъ холопы и закупы принадлежали другимъ владѣльцамъ. 157.

Это мнѣніе не отличается опредѣленностью. На языкѣ московскихъ памятниковъ выраженіе «чьи-либо люди» означаетъ чьихъ-либо рабовъ. Въ какомъ смыслѣ употребилъ это выраженіе авторъ, остается неяснымъ. Уподобляя смердовъ князя рабамъ другихъ владѣльцевъ, онъ, кажется, хочетъ сказать, что смерды суть рабы князя. Но у него же на слѣдующей стр читаемъ: «въ глазахъ общества и предъ закономъ смерды имѣли почти всѣ права свободныхъ». Если у нихъ почти (?) всѣ права свободныхъ, то они, надо думать, не рабы. Отсюда, въ дальнѣйшемъ выводѣ, получается слѣдующій несогласный съ источниками результатъ: князья не имѣютъ рабовъ, такъ какъ смерды, замѣняющіе для нихъ рабовъ частныхъ владѣльцевъ, не суть рабы.

Это несовсѣмъ ясное мнѣніе доказывается ссылкой на противоположеніе княжого коня коню смерда и на статью, опредѣляющую одинаковое вознагражденіе за убійство холопа и смерда, и словами Яна Вышатича, воеводы Святослава. Два первыя доказательства мы разобрали уже выше, а на словахъ Яна остановимся теперь.

Во время голода въ Ростовской волости, два волхва, пришедшіе изъ Ярославля на Бѣлоозеро, обманули легковѣрный народъ относительно причинъ голода, послѣдствіемъ чего было убійство ни въ чемъ невиновныхъ людей. Въ разгаръ этой замятни прибылъ на Бѣлоозеро Янъ Вышатичъ; обманъ волхвовъ для него не подлежалъ сомнѣнію.

«Янъ же испытавъ, чья еста смерда (волхвы) и увидѣвъ, яко своего князя, пославъ къ нимъ, иже около ею суть, рече имъ: выдайте волхвы та сѣмю, яко смерда еста моего князя». Лавр. 1071.

Вотъ эти-то слова Яна «смерды моего князя» и легли въ основаніе неяснаго положенія «смерды суть люди князя». Выраженіе «смерды моего князя» значитъ «подданные моего князя». Дѣло, въ данномъ случаѣ, шло о преступленіи, со-

вершенномъ волхвами, и о судѣ надъ ними. Подсудность же опредѣлялась подданствомъ. Вотъ почему Яну и надо было выяснить, чьи подданные волхвы.

Этому объясненію совершенно соотвѣтствуетъ и отвѣтъ волхвовъ. Они говорятъ Яну: «нама стати предъ Святославомъ, а ты не можеши сотворити ничтоже», т. е. мы должны стать на судъ самого князя; о возвращеніи же къ князю рабовъ его или вообще зависимыхъ отъ него людей здѣсь рѣчи нѣтъ.

Мнѣнію, высказанному Лешковымъ, весьма посчастливилось въ нашей литературѣ. Къ мысли о томъ, что смердъ не низшій слой свободныхъ людей, а особый классъ, состоящій въ нѣкоторомъ ближайшемъ отношеніи къ князю, примыкаетъ цѣлый рядъ нашихъ изслѣдователей.

Проф. Никольскій въ своемъ изслѣдованіи о началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ даетъ этой мысли дальнѣйшее развитіе и новую аргументацію. На стр. 357 своего труда онъ говоритъ, что источники не даютъ прямого отвѣта на вопросъ о томъ, кто были смерды. Но это не мѣшаетъ ему на слѣдующихъ страницахъ нарисовать весьма полную картину положенія смердовъ.

Исходя изъ статьи Правды «о смердьей задници», которую онъ беретъ только по одному Карамзинскому списку, а слова «безъ дѣтей» переводитъ словами «безъ сыновей» (356), Никольскій заключаетъ, что смерды были люди, обязанные князю, и непосредственно отъ него зависимые.

На слѣдующихъ страницахъ онъ рисуетъ цѣлую картину этой зависимости. Смерды его составляютъ рабочій безземельный классъ. Они поселяются на княжескихъ земляхъ и, будучи лично свободными, обязаны обработывать землю на князя. Они состоятъ на барщинѣ у князя и работаютъ изъ-за хлѣба. Собственности у нихъ никакой нѣтъ, даже движимости имъ не принадлежатъ, такъ какъ въ то отдаленное время, по увѣренію автора, домъ, дворъ, домашній скотъ, и орудія обработки земли считались принадлежностью земли и составляли собственность князя. Авторъ совершенно не хочетъ знать статей Русской Правды, которыя говорятъ о конѣ

смерда и опредѣляютъ за него иное взысканіе, чѣмъ за коня князя.

Проф. Цитовичу принадлежитъ заслуга правильнаго объясненія начала статьи «о смердьей задници», невѣрное чтеніе которой послужило исходнымъ пунктомъ всей аргументаціи Никольскаго. Но и онъ не могъ освободиться отъ вліянія идей проф. Лешкова. Противоположеніе княжого коня коню смерда и для него составляетъ несомнѣнное доказательство особой зависимости смерда отъ князя. Состояніе смерда есть, поэтому, состояніе зависимости отъ князя и личной ему подчиненности; это отношеніе наймита къ хозяину (Исход. мом. въ ист. р. пр. наслѣдов., 35 и сл.). Но въ Русской Правдѣ княжой тивунъ противополагается тивуну боярскому; авторы, мнѣнія которыхъ мы разсматриваемъ, кажется, не замѣтили этого противоположенія, иначе они должны были бы говорить о такой же зависимости бояръ отъ князя. въ какой находились отъ него смерды. Отъ одинакой зависимости имъ бы слѣдовало заключить и къ одинаковости соціальнаго положенія смердовъ и бояръ.

Тѣсно къ Никольскому примыкаетъ проф. Никитскій. У него смердъ собственности не имѣетъ и живетъ на княжеской землѣ (Очерки внутренней исторіи Пскова, 279).

Проф. Ключевскій эти княжескія земли превратилъ уже въ государственныя. Онъ считаетъ смерда государственнымъ крестьяниномъ, жившимъ на землѣ княжеской, въ смыслѣ государственной (Рус. Мысль, 1880, № 1, стр. 63).

Слабый отголосокъ идей Лешкова можно найдти даже у проф. Владимірскаго-Буданова. «Земли общинныя, говоритъ онъ, считались государственными и смерды, ихъ населявшіе, были смердами князя». За этимъ, какъ доказательство, приводятся слова Яна (Обзоръ I, 13).

II. Закупы.

Пространные списки Русской Правды служатъ почти единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о закупахъ.

Недожившее до нашихъ дней и не совсѣмъ понятное намъ слово «закупъ» объяснено въ Русской Правдѣ совершенно понятнымъ выраженіемъ «наймитъ»:

«Продасть ли господинъ закупа обель, то наймиту свобода во всѣхъ кунахъ, а господину за обиду платити 12 гривенъ продажѣ». Тр. 55.

Закупъ, слѣдовательно, есть наемный человѣкъ, наемный работникъ.

Но почему онъ называется закупомъ и что значитъ это слово?

Въ старину слово купить означало и наемъ. А потому, кто хотѣлъ сказать, что онъ не нанялъ, а пріобрѣлъ вещь въ собственность, тотъ не ограничивался выраженіемъ «я купилъ», а прибавлялъ «купилъ въ прокъ», «въ дернь», «въ вѣкъ» и пр. Крестьяне Лужскаго уѣзда и теперь нанятые луга называютъ куплеными, а глаголъ «покупать, куплять» употребляютъ въ значеніи найма.

Закупъ и закупной человѣкъ (именно такое выраженіе встрѣчаемъ въ Кар. сп. 70) обозначаетъ, слѣдовательно, наемнаго человѣка въ противоположность собственному, обельному холопу *).

Закупъ получаетъ отъ господина за свой трудъ плату:

«Но еже далъ ему (закупу) господинъ плугъ и борону,

---

*) Неволинъ (III, 339, пр. 124 и V, 147) утверждаетъ, что слово закупъ означаетъ залогъ или закладъ; въ доказательство онъ ссылается на Доп. къ А. И. II. стр. 136. Тамъ читаемъ: «и та нынѣ вотчина очищена вся отъ Василья Шорина и отъ Якима Патокина и ни у кого не въ закупѣ и въ закладѣ нѣтъ»... Здѣсь слово «закупъ» противопоставлено «закладу» и, конечно, должно означать что либо другое, а не тотъ же закладъ. Въ томъ же документѣ, въ мѣстахъ, соотвѣтствующихъ приведенному, встрѣчаемъ такое противоположеніе: «не продавати и не закладывати», или «что кому продадимъ или заложимъ». Изъ сопоставленія приведенныхъ мѣстъ слѣдуетъ, что слову «закупъ» соотвѣтствуетъ понятіе продажи, а не заклада. Памятникъ, на который ссылается Неволинъ, составленъ во 2-й четверти XVII вѣка. Въ это время слово «закупенъ» въ московскихъ памятникахъ употреблялось въ значеніи купца, торговаго человѣка. А. Э. IV, стр. 16, 1646.

отъ него же (отъ господина) купу (вар. копоу, денежная плата, груда, куча, копить, купить, купецъ) емлеть, то то погубивше платити». Тр. 53.

Наемные рабочіе и теперь нерѣдко получаютъ заработную плату впередъ; тоже дѣлалось и въ старину. Въ этомъ смыслѣ и надо понимать выписанное выше мѣсто изъ ст. 55. Если господинъ продаетъ наймита въ рабство (выдавъ его обманомъ за своего холопа), то проданный получаетъ «свободу во всѣхъ кунахъ», т. е. освобождается отъ обязанности уплатить или отработать взятую впередъ плату.

Закупа Русской Правды нѣтъ основанія приравнивать къ кабальному холопу. Кабальный холопъ служилъ за проценты съ занятаго капитала; закупъ же служитъ за наемную плату и погашаетъ свой долгъ, если беретъ плату впередъ, работой.

Статья 105 Троиц. сп. не упоминаетъ о закупѣ, но, конечно, говоритъ о послѣдствіяхъ нарушенія договора найма услугъ со стороны работника:

«Вда цѣну (изъ сп. Мус.-Пуш. вмѣсто: «а въ дачь» Тр.) не холопъ, ни по хлѣбѣ роботять, ни по придатъцѣ; но оже не доходять года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноватъ есть».

Передъ приведенной статьей въ Правдѣ помѣщены три статьи, въ которыхъ указаны способы установленія рабства. Въ этой, слѣдующей за ними, наоборотъ, указаны случаи, которые не должны вести къ рабству. Эти случаи имѣютъ въ виду рабочихъ, нанимаемыхъ на опредѣленный, годовой, срокъ и получающихъ впередъ годовую плату. Плата эта дается или натурой (хлѣбомъ, придаткомъ къ денежной наемной платѣ, надо думать), или деньгами (вда цѣну). Кто получилъ плату (цѣну) впередъ, тотъ не дѣлается рабомъ, а долженъ или отходить свое время, или возвратить милость *).

*) Но и редакція Троицкаго списка «а въ дачь не холопъ» допускаетъ совершенно удовлетворительное объясненіе. Слово «дача» и теперь употребляется въ великорускомъ языкѣ въ смыслѣ жалованья, содержанія, пайка. Даль. Выраженіе же Троиц. сп. «а въ дачь» имѣетъ варіанты: «а въ дачѣ» (Калачовъ VII), т. е. за паекъ не рабъ.

Условіе, въ силу котораго выданная цѣна погашается годовой работой, показываетъ, что здѣсь рѣчь идетъ не о займѣ вообще, такъ какъ не всякій же заемъ можетъ погашаться годичной работой, а о впередъ данной платѣ наймиту, которая натурально соотвѣтствуетъ цѣнности годовой работы, а потому и погашается ею.

Закупъ имѣетъ свою собственность и самъ отвѣчаетъ за убытки, причиненные его дѣйствіями нанимателю:

«Аже оу господина ролейный закупъ, а погубить войскии (вар. воинскій, свойскій) конь, то не платити ему. Но еже далъ ему господинъ плугъ и борону, отъ него же купу (вар. копоу) емлеть, то то погубивше платити; аже ли господинъ его отслеть на свое орудье, а погибнеть безъ него, то того ему не платити». Тр. 53.

Общій смыслъ статьи совершенно понятенъ. Она говоритъ объ отвѣтственности закупа за нерадѣніе, причинившее убытки хозяину его. Поэтому, если убытокъ случился въ отсутствіе закупа, происшедшее не по его винѣ, онъ не отвѣчалъ.

Понятная въ общемъ, статья представляетъ непреодолимыя трудности въ своемъ первомъ предложеніи.

Ролейный (рало—соха, ролья—пашня) закупъ есть наемный земледѣлецъ. Но что значитъ войскій конь?

Допустимъ, хотя это и трудно, что «воискій» значитъ «воинскій» (трудность же такого допущенія состоитъ въ малой вѣроятности того, чтобы въ XIII вѣкѣ у насъ обособились уже кавалерійскія лошади отъ упряжныхъ); остается непонятнымъ, почему закупъ, погубивъ своимъ небреженіемъ такого коня, не платилъ убытковъ. Объясненіе г. Ланге (онъ не платилъ потому, что сельскому работнику не слѣдовало поручать наблюденія за кавалерійской лошадью, 189) представляется слишкомъ искусственнымъ.

Остается второе предположеніе, по которому вмѣсто «войскій» надо читать «свойскій», т. е. свой конь, принадлежащій закупу. Хотя та-же статья говоритъ, что закупы получали даже бороны отъ нанимателей, но допустимъ, что между ними могли быть и такіе, которые подряжались на сельскія

работы на своихъ лошадяхъ. Что будетъ значить, что закупъ не платилъ, погубивъ лошадь своимъ небреженіемъ? Что онъ не платилъ нанимателю за пагубу своей лошади, это само собой разумѣется, потому что лошадь не хозяйская, а его, и объ этомъ нечего было и упоминать въ статьѣ, имѣющей предметомъ убытки нанимателя. Но отъ пагубы лошади, на которой наймитъ подрядился работать, могъ возникнуть убытокъ для нанимателя: потерявъ или (что то-же) тайно продавъ свою лошадь, наймитъ не вспахалъ поля во время и тѣмъ причинилъ нанимателю убытокъ. Освобождался ли онъ отъ вознагражденія за такой убытокъ? Это очень трудно допустить. Такимъ образомъ, и при этомъ второмъ предположеніи разсматриваемое правило остается непонятнымъ.

Слѣдующая статья говоритъ объ утратѣ хозяйскаго скота небреженіемъ закупа и не представляетъ никакихъ трудностей.

«Аже изъ хлѣва выведуть (домашній скотъ), то закупу того не платити. Но же погубить на поли и въ дворъ не вженеть і не затворить, кдѣ ему господинъ велить, или орудья своя дѣя, а того погубить: то то ему платити». Тр. 54.

Двѣ приведенныя статьи даютъ весьма полную картину экономическаго положенія закупа. Это бѣдные люди, которые ни плуга, ни бороны не имѣютъ. Весь рабочій припасъ получаютъ они отъ нанимателя, живутъ въ его дворѣ, пасутъ его скотъ, и исполняютъ всякія его порученія («аже ли господинъ его отслеть на свое орудье»). Такіе наемники, если берутся для пашенныхъ работъ, носятъ наименованіе ролейныхъ закуповъ.

Статья 54 упоминаетъ о «дѣлѣ закупа»: если закупъ погубитъ господскій скотъ, дѣлая свое дѣло («орудья своя дѣя»), то платитъ убытки. Подъ дѣломъ закупа можно понимать все то, къ чему онъ былъ обязанъ, какъ работникъ. Онъ портилъ, напримѣръ, хозяйскую скотину во время господской на ней работы, и, конечно, платилъ убытки, если, былъ виноватъ въ небрежности. Проф. Бѣляевъ слишкомъ уже много прибавляетъ своего къ источникамъ, когда утверждаетъ, на осно-

ваніи выраженія «орудья своя дѣя», что закупы жили своими семьями, работали на себя господскимъ скотомъ и платили убытки, если повреждали скотъ на этой своей работѣ (Крестьяне на Руси, 15). Если принять это толкованіе, то окажется, что закупъ отвѣчалъ за поврежденіе скота на своей только, а не на господской работѣ, что невозможно.

Какъ свободный человѣкъ, закупъ заключаетъ договоры и имѣетъ право иска даже противъ нанимателя:

«Идеть ли (закупъ) искать кунъ (занять денегъ), а явлено ходить (т. е. не убѣжалъ тайкомъ, а явно пошелъ; это выраженіе опять показываетъ, что закупъ живетъ во дворѣ нанимателя), іли ко князю, или къ судиямъ бѣжить обиды дѣля своего господина (здѣсь употреблено выраженіе бѣжитъ, такъ какъ отъ обидъ господина, напр. побоевъ, дѣйствительно надо было бѣжать къ судьямъ): то про то не робять его, но дати ему правдоу». Тр. 52.

Явный уходъ со двора господина для займа денегъ и даже побѣгъ для принесенія на него жалобы, не ведутъ къ рабству. Знаменательная статья! Изъ нея надо заключить, что наниматели пользовались всякимъ случаемъ, чтобы обратить наймита въ обельнаго холопа. Потребовалось оказать закупамъ защиту. Княжескій судъ даемъ имъ эту защиту.

Предоставивъ закупу право иска противъ нанимателя, Правда опредѣляетъ и размѣръ отвѣтственности этого послѣдняго за нѣкоторыя незаконныя его дѣйствія.

«Аже господинъ переобидить (вар. приобидить) закоупа, а оувидить купу его (вар. оувередить цѣноу) іли отарицю, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кунъ. Паки ми приимеіь на немь кунъ, то опять ему воротити куны, что будеть принялъ, а за обиду платити ему 3 гривны продажи. Продасть ли господинъ закупа обель, то наимиту свобода во всѣхъ кунахъ, а господину за обиду платити 12 гривенъ продажѣ». Тр. 55.

Общій смыслъ статьи совершенно понятенъ. Она перечисляетъ нѣкоторыя недозволенныя дѣйствія (обиды) нанимателя по отношенію къ закупу и опредѣляетъ наказанія за ихъ совершеніе. Но нѣкоторыя частности не ясны и даютъ поводъ толкователямъ далеко расходиться въ мнѣніяхъ.

Въ нашихъ толкованіяхъ мы будемъ держаться выясненнаго уже выше взгляда на положеніе закупа и съ его точки зрѣнія объяснять неясныя выраженія испорченной переписчиками 55-й статьи.

Закупъ, какъ мы знаемъ, получаетъ наемную плату. Она называется то «купой, копой» (53), то «цѣной» (105). Господинъ можетъ не доплатить этой купы или цѣны. Это, кажется намъ, и разумѣетъ статья, говоря: «оувидить (т. е. уверeдитъ) купу его». Совершенно понятенъ, поэтому, варіантъ: «оуверeдить цѣноу».

Но закупъ, самъ отвѣчающій за причиненные имъ нанимателю убытки, можетъ, конечно, имѣть и нѣкоторое свое имущество. Господинъ можетъ отобрать у закупа это его имущество. Въ одномъ памятникѣ peculium переведено словомъ «отарица» *). Уверeдить «отарицю», думаемъ, значитъ, отобрать у закупа собственное его имущество.

«Принятъ на закупѣ кунъ» можетъ значить занять денегъ и въ обезпеченіе долга отдать закупа кредитору.

Закупъ есть тотъ-же смердъ, но бѣдный, не имѣющій возможности жить своимъ хозяйствомъ, а потому и поступающій въ качествѣ наемника въ чужой дворъ. Онъ не самостоятельный хозяинъ, а слуга другого человѣка. Это уже переходное состояніе къ обельному холопству. Такихъ свободныхъ слугъ въ старину звали добровольными холопами.

Этимъ надо объяснять, что закупы хотя несомнѣнно были свободными людьми, но подлежали нѣкоторому ограниченію своихъ правъ.

Такъ къ свидѣтельству на судѣ они допускались только въ малыхъ дѣлахъ:

«А въ малѣ тяжѣ, по нужи, възложити (послушество) на закупа». Тр. 59.

Наниматель имѣлъ право наказывать ихъ за дурное исполненіе своихъ обязанностей по собственному усмотрѣнію, безъ суда:

*) Рус. ис. Библ. VI, столб. 208, примѣч. 8.

«Аже господинъ бьетъ закупа про дѣло, то безъ вины есть. Биетъ ли не смысля пьянъ, а безъ вины, то якоже въ свободнѣмь платежь, такоже и въ закупѣ» Тр. 55.

Вопросъ объ отношенiи работниковъ къ нанимателямъ весьма занималъ нашихъ предковъ эпохи Русской Правды. И въ то время, какъ и въ наше, наниматели не всегда были довольны работниками, а работники нанимателями и иногда уходили отъ нихъ до срока. Древняя практика принимала чрезвычайно рѣшительныя мѣры для огражденiя нанимателей отъ такого произвольнаго нарушенiя работниками договора найма. Работникъ, уходившiй до срока, терялъ свою свободу:

«Аже закупъ бѣжитъ отъ господы, то обель». Тр. 52.

При этихъ условiяхъ, конечно, и сложилась извѣстная и намъ поговорка: «нанялся—продался».

Можно, однако, думать, что эта практика или не была повсемѣстной, или въ XIII вѣкѣ стала уже выходить изъ употребленiя. Приведенная выше (стр. 178) 105 ст. допускаетъ досрочный уходъ годоваго работника, даже взявшаго впередъ плату, на условiи возвращенiя забранныхъ денегъ.

Въ Правдѣ замѣтны два теченiя. Наниматели стараются на сколько можно, стѣснить свободу наемника; они домогаются обратить добровольнаго холопа въ обельнаго за отлучку со двора ихъ для займа денегъ, или для принесенiя жалобы на обиду господина. Князья-же берутъ наймитовъ подъ свою защиту. На ихъ судѣ, конечно, и возникли вышеприведенныя огражденiя свободы закупа (стр. 181).

Начало 52-й статьи, опредѣляющей рабство за бѣгство закупа, и статья 105-я, допускающая досрочный уходъ годоваго работника, на условiи возвращенiя забранныхъ впередъ денегъ, могутъ быть, однако, и совершенно примирены. Статья 52-я караетъ холопствомъ *тайное* бѣгство закупа съ намѣренiемъ скрыться отъ нанимателя; статья 105-я — говоритъ о *явномъ* его уходѣ, причемъ онъ обязывается уплатить неотработанныя деньги.

Огражденіе правъ нанимателей имѣетъ въ виду и 57 ст. Тр. сп. Если закупъ дѣлался должникомъ третьяго лица, то онъ не отвѣчалъ лично, ибо это могло повести къ нарушенію интересовъ нанимателя, а предоставлялся въ полную его власть. Это общее начало выражено въ первой строкѣ 57 ст., но въ казуистической формѣ:

«Аже закупъ выведеть что (если закупъ что украдетъ, ближайшимъ образомъ, если онъ уведетъ «выведеть» домашнюю скотину), то господинъ въ немъ».

Т. е., господинъ можетъ поступить съ нимъ, какъ заблагоразсудитъ: можетъ, уплативъ причиненный убытокъ, сдѣлать его холопомъ своимъ и можетъ продать его обель для возмѣщенія убытка. Послѣдующія слова стати и содержатъ только пространное толкованіе этой мысли. Въ своемъ толкованіи авторъ отправляется отъ того-же конкретнаго случая: закупъ укралъ коня, или вола, или иной товаръ и бѣжалъ.

«Но аже кдѣ и (закупа что-либо укравшаго и бѣжавшаго) налѣзуть (поймаютъ), то преди заплатить господинъ его конь (за украденнаго коня), или что будеть ино взялъ; ему (господину) холопъ обелный. И паки ли господинъ не хотѣти начнеть платити зань, а продасть и. Отдасть же (изъ полученной цѣны за закупа) переди или за конь, или за волъ, или за товаръ, что будетъ чюжего взялъ, а прокъ ему самому—взяти собѣ».

Закупъ могъ быть долженъ господину за порчу его вещей, за впередъ полученную плату и пр. Если-бы онъ отвѣчалъ самъ за убытки третьимъ лицамъ, интересы господина его могли-бы быть этимъ нарушены. Въ огражденіе ихъ онъ и предоставляется въ полную его власть.

Литература вопроса о закупахъ отличается, сравнительно, большимъ разнообразіемъ мнѣній. Но и здѣсь едва-ли не ближе всѣхъ къ истинѣ Рейцъ. Онъ считаетъ закупа нанятымъ работникомъ. Но такъ какъ работа по условію была въ древности въ родѣ неволи, то онъ и относитъ закуповъ къ несвободному населенію (§ 54).

Иначе взглянули на вопросъ историки цивилисты, Мейеръ

и Неволинъ. По ихъ мнѣнію закупничество не есть договоръ личнаго найма, а заемъ, обезпеченный залогомъ личности должника; это древнѣйшая форма залога. Закупъ, обезпечивающій своимъ лицомъ исправность будущей уплаты, находится въ состояніи временнаго рабства; до уплаты онъ въ работѣ (Мейеръ, О правѣ залога, 225; Неволинъ, Истор. гражд. зак. V, 147)

Сторонники приведеннаго мнѣнія недостаточно оцѣнили встрѣчающуюся въ Русской Правдѣ замѣну слова «закупъ» словомъ «наймитъ», и указаніе этого памятника на плату, получаемую закупомъ отъ господина, и на погашеніе этой платы, если она выдавалась впередъ, годовой работой. Долгъ закупа погашается работой, а не обезпечивается ею до уплаты; притомъ онъ погашается непремѣнно годовой работой, не болѣе и не менѣе. Это, конечно, не заемъ, а плата впередъ; поэтому, долгъ этотъ и названъ «милостью».

Вполнѣ примыкаетъ ко взгляду цивилистовъ и проф. Чичеринъ (Опыты, 154). Но отъ его вниманія не ускользнуло наименованіе закупа наймитомъ. «Дѣйствительно, говоритъ онъ, это былъ родъ личнаго найма, но съ присоединеніемъ къ этому заемнаго обязательства (купы)».

«Въ послѣдствіи, продолжаетъ авторъ, самое это слово (закупъ) исчезаетъ, а вмѣсто его является названіе: закладня, которое, въ свою очередь, превращается, наконецъ, въ названіе кабальнаго холопа». Эта историческая смѣна понятій закупа кабальнымъ холопамъ совершенно послѣдовательна съ точки зрѣнія автора; но въ дѣйствительности такой смѣны не могло произойти по той причинѣ, что закупничество и кабальное холопство--два весьма различныхъ института. Слово «закупъ» дѣйствительно выходитъ изъ употребленія, но личный наемъ остается и доживаетъ до нашихъ дней.

О наймитахъ говоритъ псковская Судная грамота и въ выраженіяхъ, которыя даютъ возможность нѣсколько сблизить ихъ съ наймитами Русской Правды. Грамота называетъ ихъ «дворными» и во времена Русской Правды они живутъ во дворѣ нанимателя; срокъ найма также годовой (40). О

другихъ вопросахъ, затрогиваемыхъ Правдой, грамота умалчиваетъ.

Договоръ личнаго найма извѣстенъ и московскимъ памятникамъ XVII вѣка. Объ немъ говоритъ Уложеніе. Въ его статьяхъ просвѣчиваетъ древность.

Сословность Московскаго государства отразилась и на наймѣ личныхъ услугъ. Высшія сословія держатъ слугъ по служилымъ кабаламъ. Попамъ-же, дьяконамъ, причетникамъ, монастырскимъ служкамъ, тяглымъ людямъ и холопамъ Уложеніе запрещаетъ держать слугъ по кабаламъ; они держатъ ихъ по «жилымъ записямъ» (XX, 104, 105, 116). Жилая запись—это и есть договоръ личнаго найма. По московскимъ обычьямъ такія записи пишутся на многіе годы. Этотъ порядокъ оставляетъ въ силѣ и Уложеніе, но только для вольныхъ людей; для тяглыхъ-же оно ограничиваетъ сроки найма: тяглые люди могутъ выдавать на себя житейскія или жилыя записи только на 5-ть лѣтъ *). По этимъ записямъ наймитъ живетъ во дворѣ своего нанимателя (XX, 44). Если онъ уходитъ до срока, наниматель имѣетъ право искать бѣжавшаго; а по сыскѣ бѣжавшій хотя и не обращается въ рабство, какъ въ эпоху Русской Правды, но обязывается дожить свое время (XX, 45). Въ самую запись вносилось условіе о неуходѣ до срока; но оно, конечно, и само-собой разумѣлось въ срочности записи. Наемная плата могла выдаваться тоже впередъ, какъ въ старину; но отъ соглашенія сторонъ зависѣло опредѣлить и другой срокъ платежа. Для обезпеченія нанимателя въ запись вносилось условіе неустойки («зарядъ», XX, 44). Для обезпеченія-же неустойки было въ обычаѣ поручительство. Случалось, что наниматели, отыскавъ бѣжавшаго наймита и взявъ его къ себѣ снова во дворъ, предъявляли искъ къ поручителямъ, требуя уплаты неустойки. Уложеніе запрещаетъ такіе иски, предоставляя нанимателямъ довольствоваться возвращеніемъ наймита (XX, 45).

*) XX, 116. Уложеніе говоритъ о записяхъ тяглыхъ людей не тяглымъ. Нѣтъ-ли здѣсь описки, или опечатки?

Уложеніе ничего не говоритъ о правѣ нанимателя наказывать работника. Есть, однако, основаніе думать, что это право въ XVII вѣкѣ также мало подлежало сомнѣнію, какъ и въ XIII.

Въ II-мъ томѣ Ак., до юр. б. относ., подъ № 127, XV, напечатанъ любопытный документъ отъ 1686 г. Государевъ вольный человѣкъ, Ѳедоръ Щепеткинъ, взялъ у посадскаго человѣка, Ѳедора Сырейщикова, 25 руб. и женился у него на его крѣпостной. За это онъ обязался служить Сырейщикову съ женою 10-ть лѣтъ. По прошествіи-же 10-ти лѣтъ, они договорились взять Щепеткину съ хозяина своего надѣлку 4-ре рубля и жить ему на своей волѣ.

Это не служилая кабала, а своеобразная жилая запись (форма жилой записи не была установлена). 25-ть руб., полученные при заключеніи сдѣлки, не заемъ, ибо они не возвращаются, а погашаются работой. Это плата за службу, данная впередъ. Къ этому задатку надо прибавить: цѣну крѣпостной (около 50-ти руб., Уложеніе XX, 27) и четыре руб. наградныхъ. За эти 70—80-ть руб., большая часть которыхъ взята впередъ, Щепеткинъ долженъ былъ служить 10-ть лѣтъ. Въ записи находимъ еще условіе. Щепеткинъ предоставляетъ Сырейщикову «смирять себя по его хозяйскому разсмотрѣнію». Надо полагать, что это право «смирять» было весьма обыкновеннымъ правомъ нанимателя по отношенію къ наймиту и стоитъ въ преемственной связи съ допускаемымъ Русской Правдой наказаніемъ закупа «за дѣло».

Къ приведеннымъ взглядамъ на закупа проф. Бѣляевъ прибавилъ новую черту. Въ его сочиненіи «Крестьяне на Руси» находимъ иногда удивительную смѣсь совершенно вѣрныхъ взглядовъ съ мнѣніями нѣсколько фантастическими. На стр. 14 читаемъ: «По Русской Правдѣ закупы ролейные... не ясно отличены отъ закуповъ неролейныхъ... И, кажется, въ самой жизни русскаго общества въ XII вѣкѣ еще не было строгаго различія между сими двумя разрядами».

Это совершенная истина. Итотъ и другой закупъ есть

наемный работникъ, который жилъ во дворѣ нанимателя. Можно даже сомнѣваться, чтобы ролейные закупы и неролейные были строго обособлены по занятіямъ. Пашенный работникъ могъ, конечно, въ свободное отъ сельскихъ занятій время, быть возницей и исполнять разныя работы по дому.

Но проф. Бѣляевъ приступилъ къ своему труду уже съ готовой мыслью. Эта мысль состояла въ томъ, что ролейные закупы то-же, что позднѣе крестьяне, снимавшіе владѣльческія земли; а не ролейные то-же, что позднѣе кабальные холопы (14). И вотъ на 17 стр. мы находимъ у него такой выводъ: «Такимъ образомъ, мы имѣемъ прямыя и офиціальныя свидѣтельства, что въ XII столѣтіи уже были въ Руси ролейные закупы или крестьяне, живущіе на чужихъ земляхъ съ обязанностью платить за земли работою. Это фактъ, не подлежащій сомнѣнію, фактъ историческій».

Что въ XII вѣкѣ были крестьяне, снимавшіе чужія земли, въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться. Но мы отрицаемъ, чтобы такіе крестьяне, съемщики земли, и ролейные закупы Русской Правды были одно и то-же.

Какія-же это «прямыя и офиціальныя свидѣтельства»?

Это — толкованіе Болтинымъ слова «отарица», вкладная грамота Варлаама Хутынскаго Спасскому монастырю и извѣстіе Новогородской лѣтописи подъ 1229 годомъ.

Болтинъ думаетъ, что «отарица», значитъ участокъ земли, который давался землевладѣльцемъ закупу во временное владѣніе. Мнѣніе Болтина, конечно, не есть «прямое», а еще менѣе «офиціальное свидѣтельство». Мы напрасно искали ему какого-либо подтвержденія. Слова: «отарица», «отара» сохранились въ народномъ языкѣ и до нашихъ дней, но не въ томъ смыслѣ, какой необходимъ Болтину. Отара, значитъ, овечье стадо, отарщикъ—пастухъ, отарица—получаемая имъ мѣсячина (Даль). Теперешній говоръ, слѣдовательно, скорѣе въ пользу принимаемаго нами смысла этого слова. Но онъ невездѣ одинаковъ. Въ Минской губерніи слово отарица означаетъ оброкъ, получаемый господиномъ (Карамзинъ, II,

прим. 92). Но это значеніе совсѣмъ не подходитъ къ смыслу статьи (Тр. 55), а потому Карамзинъ и подъ отарицой разумѣетъ плату, получаемую закупомъ отъ господина. Грамота же вкладная и мѣсто Новогородской лѣтописи подъ 1229 годомъ не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ закупамъ. Грамота упоминаетъ о «челяди», т. е. рабахъ, а лѣтопись говоритъ о смердахъ. Остается, такимъ образомъ, въ полной силѣ первое утвержденіе проф. Бѣляева, что между ролейными и неролейными закупами не было различія.

Несмотря на малую доказательность мнѣнія, что ролейные закупы были не наемные только сельскіе рабочіе, а сами нанимали чужія земли, оно пустило прочные корни въ нашей ученой литературѣ. Въ 99 примѣчаніи къ 71 ст. Кар. сп. Правды, отпечатанной въ Христоматіи проф. Владимірскаго-Буданова, о земледѣльческомъ закупѣ говорится, какъ о человѣкѣ, нанявшемъ участокъ земли. Въ Обзорѣ же исторіи русскаго права того-же автора ролейное закупничество опредѣлено, какъ временное прикрѣпленіе (къ землѣ), которое образуется изъ долговаго обязательства смерда землевладѣльцу (I, 14). Почтенный авторъ, такимъ образомъ, дѣлаетъ попытку сліянія обоихъ разобранныхъ нами мнѣній.

Кромѣ пространныхъ списковъ Русской Правды слово закупъ въ другихъ памятникахъ не встрѣчается. Въ одной статьѣ Псковской грамоты упомянутъ «закупенъ». Это слово наводитъ нѣкоторыхъ изслѣдователей на мысль, что «закупенъ» есть закупъ Русской Правды (Христ. Вл.-Буд., примѣч. къ 18 ст. Псков. гр.). Это очень сомнительно. Вотъ мѣсто грамоты:

«А кто по волости ходитъ закупенъ, или скотникъ, а иметъ искати таколе сблюденіа, или верши, ино господѣ обыскатъ правда...». 18.

Кромѣ созвучія въ словѣ «закупенъ» эта статья ничѣмъ не напоминаетъ закупа Русской Правды. Закупенъ «ходитъ по волости», т. е. онъ не живетъ на опредѣленномъ мѣстѣ, въ чьемъ-либо дворѣ, а переходитъ съ мѣста на мѣсто. При такихъ переходахъ ему случается отдавать свои вещи на сбе-

реженіе, а затѣмъ искать возвращенія ихъ судомъ. На случай предъявленія такихъ исковъ статья и даетъ процессуальныя опредѣленія.

Проф. Энгельманъ, въ своихъ толкованіяхъ къ Псковской грамотѣ, уже высказалъ предположеніе, что закупенъ можетъ означать здѣсь торговца, въ каковомъ смыслѣ слово это и употребляется въ московскихъ памятникахъ XVII вѣка (закупни, торговые люди, А. Э. IV, № 13). Это объясненіе кажется намъ наиболѣе вѣроятнымъ. Закупенъ ходитъ по волости для торговли, а не въ качествѣ предлагающаго свой трудъ для сельскихъ работъ; какъ нанимающійся, онъ и не могъ-бы быть названъ закупомъ. Такъ какъ предметомъ торговли можетъ быть скотъ, то онъ и названъ «скотникомъ» *). Но онъ можетъ торговать и другими предметами, напримѣръ, рыбой. Какъ торгующій рыбой, онъ можетъ имѣть свои рыболовныя снасти, которыя, натурально, и отдаетъ кому-либо на сбереженіе, когда нѣтъ лова. Поэтому статья говоритъ о верши.

Со времени выхода въ свѣтъ толкованій проф. Энгельмана, слово «верша» принято переводить словами: жито, хлѣбъ. Академическій словарь, на который ссылается проф. Энгельманъ, знаетъ два слова: вершь и верша. Верша означаетъ рыболовную снасть, а вершь — жито, хлѣбъ, но не зерно, а растеніе, именно, молодой всходъ, побѣгъ, верхъ, вершье (Даль). Въ этомъ смыслѣ вершь не можетъ быть отдана на сбереженіе; на сбереженіе могла быть отдана только снасть рыболовная. Итакъ, статья несомнѣнно имѣетъ въ виду человѣка, занимающагося ловлей и торговлей рыбы, у котораго есть своя рыболовная снасть; а не работника, отыскивающаго мѣсто закупа.

III. Крестьяне.

Слово крестьяне, въ смыслѣ нѣкотораго опредѣленнаго класса населенія, начинаетъ встрѣчаться въ нашихъ памятни-

*) Въ Псковской губерніи и теперь скотопромышленникъ называется скотникомъ (Даль).

кахъ съ конца XIV вѣка (А. Э. I. № 11, 1391). Съ того времени и по настоящій день въ положеніи крестьянъ произошло много коренныхъ измѣненій; несмотря на это, въ дожившемъ до нашихъ дней наименованіи сохранился несомнѣнный слѣдъ древнѣйшаго значенія крестьянина.

Какое-же это значеніе? Въ широкомъ смыслѣ слова крестьянинъ (христіанинъ) обозначаетъ все населеніе, принявшее христіанскую вѣру; въ тѣсномъ—онъ обозначаетъ земледѣльца, занимающаго опредѣленный участокъ земли и живущаго своимъ домомъ, своимъ хозяйствомъ.

Съ какого именно времени со словомъ крестьянинъ стало соединяться такое понятіе, этого, за недостаткомъ источниковъ, мы опредѣлить не можемъ; но во всѣхъ дошедшихъ до насъ памятникахъ старины слово это употребляется именно въ такомъ смыслѣ.

«Се язъ, читаемъ въ одной порядной, Андрей, Лутьяновъ сынъ, да и съ своими дѣтьми, съ Семеномъ да съ Микифоромъ, порядилися есмя у Вежицкаго монастыря слуги, у Исака, во крестьяни за Николу Чюдотворца Вежицкого монастыря, въ деревнѣ Липки, на четверть выти...». А. Ю. 180. 1578.

Быть крестьяниномъ значитъ занимать на себя опредѣленный участокъ пахатной земли.

Въ этомъ смыслѣ говорятъ о крестьянахъ и Судебники. Въ статьяхъ «о христіанскомъ отказѣ» они предполагаютъ, что крестьянинъ живетъ въ своемъ дворѣ, слѣдовательно, своимъ хозяйствомъ. Второй-же Судебникъ, дополняя первый, упоминаетъ и о собственной пашнѣ крестьянина (88).

Къ XVII вѣку права крестьянъ существенно измѣнились, но и въ это время они остались сидѣльцами земли. Такова точка зрѣнія Уложенія. Оно предписываетъ бѣглыхъ крестьянъ, изъ дворцовыхъ селъ и чорныхъ волостей, свозить на старые ихъ жеребьи, по писцовымъ книгамъ, съ женами и дѣтьми (XI, 1). Крестьяне помѣщиковъ и вотчинниковъ точно также «въ записяхъ написаны на помѣстныхъ и на вотчинныхъ земляхъ» (XI, 30).

«Быть во крестьянствѣ» и въ XVII вѣкѣ значитъ сидѣть на землѣ своимъ хозяйствомъ.

»Се. язъ, читаемъ въ одной поручной, Яковъ Никитинъ сынъ, хрестьянинъ Прилуцкаго Богороцкаго ключа, изъ деревни Стонѣгова, поручился есми Спаскаго Прилуцкаго монастыря игумену Тихону да келарю, старцу Исаіѣ, и казначею, старцу Трифону, и всей братьи по Богданѣ, Ивановѣ сынѣ, въ томъ, что онъ порядился Спаса Прилуцкаго монастыря въ вотчину, во хрестьяне въ Богородской ключъ, въ деревню Стонѣгово, на четверть плуга земли, въ Игнатьевской жеребей. . . . . и владѣти ему всѣми угодьи, куда ходилъ плугъ, и соха, и коса, и топоръ».... А. Ю. № 290. II. 1608.

Уложеніе заботится, чтобы господа не переводили крестьянъ въ свои городовые дворы въ дворники. Оно дозволяетъ это только тѣмъ, у кого нѣтъ своихъ людей, и то съ ограниченіемъ: можно взять только по одному крестьянину во дворъ (XIX, 14).

Это значеніе слова «крестьянинъ» живетъ въ XVIII и XIX вѣкѣ, въ періодъ самаго строгаго развитія крѣпостнаго права и послѣ освобожденія крѣпостныхъ.

Въ терминѣ крестьянинъ ясно отпечаталась безсословность населенія въ нашей начальной исторіи. Рабовъ, какъ мы видѣли, было не такъ много, чтобы всѣ сельскія работы могли быть исправляемы ими; понадобилось содѣйствіе свободныхъ силъ. И вотъ для обозначенія ихъ не нашлось въ русскомъ языкѣ другого слова, какъ самое общее— христіанинъ Крестьяне называются въ древнихъ памятникахъ и просто «люди». Таково словоупотребленіе жалованныхъ монастырямъ грамотъ XIV вѣка и позднѣйшихъ (А. Э. I № 5, 17, 18, 20, 21 и др.). Духовенство называетъ ихъ и христіанами монастырскими, и людьми, и сиротами (А. Э. I. № 11). Князья также называютъ иногда крестьянъ сиротами (Рум. Собр. I. № 34. 1389). Это наименованіе приличествуетъ имъ, какъ меньшимъ людямъ. Съ точки же зрѣнія повинностей, которыя они несутъ въ пользу землевладѣльцевъ, ихъ называютъ еще половниками. Такое словоупо-

требленіе встрѣчаемъ въ новогородскихъ и московскихъ памятникахъ (А. Э. I. № 48. 1450. А Ю. № 110. VI. 1452)

Нѣкоторыми особенностями отличается терминологія псковской Судной грамоты. Крестьянъ называетъ она изорниками (отъ орати); на ряду съ ними она говоритъ еще объ огородникахъ и кочетникахъ. Эти изорники, огородники и кочетники могутъ быть, какъ увидимъ ниже, совершенно приравнены къ крестьянамъ московскихъ памятниковъ.

Крестьяне сидятъ или на чужихъ, владѣльческихъ земляхъ, къ которымъ мы относимъ и княжескія, или на своихъ собственныхъ, къ которымъ мы относимъ и волостныя тяглыя земли.

Скажемъ прежде о положеніи крестьянъ, сидящихъ на владѣльческихъ земляхъ.

Крестьяне занимали владѣльческія земли на основаніи договора. Они суть наниматели земли. Дѣйствіе найма на древнемъ языкѣ обозначалось выраженіемъ «порядитися на деревню, на четверть плуга земли, на полъ выти» и т. д. Этотъ рядъ, который велъ за собой поселеніе крестьянина на снятой имъ землѣ, предполагаетъ право свободнаго перехода крестьянъ съ мѣста на мѣсто.

Дошедшіе до насъ памятники, въ которыхъ есть указаніе на свободный переходъ, принадлежатъ ко времени сравнительно позднему. Они не старѣе XIV вѣка. Но нѣтъ никакого основанія думать, что это новый порядокъ вещей. Свободный переходъ крестьянъ есть исконное явленіе.

Всѣ дошедшія до насъ жалованныя грамоты на льготы, какъ духовнымъ учрежденіямъ, такъ и частнымъ лицамъ, единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что крестьяне свободно переходятъ изъ княженія въ княженіе. Такой переходъ не только предполагается этими грамотами, но и поощряется ими. Крестьянъ, перезванныхъ изъ иныхъ княженій, предоставляется селить на владѣльческихъ земляхъ съ освобожденіемъ ихъ отъ всякихъ повинностей и податей въ пользу князя. Эта льгота дается имъ на опредѣленный только срокъ: 10, 15, 20 лѣтъ (А. Э. I. № 20, 23, 36, 1421—1438

и др.), или и совсѣмъ безсрочно (А. Э. I. № 4, 1338; № 53, 1453 и др.). Обѣщаніемъ такихъ льготъ князья привлекаютъ къ себѣ крестьянъ изъ чужихъ владѣній.

Не совсѣмъ понятымъ представляется молчаніе большинства договорныхъ княжескихъ грамотъ о вольномъ переходѣ крестьянъ, составлявшемъ общее правило. Мы встрѣтили указаніе на него въ немногихъ грамотахъ. Въ договорѣ Василія Дмитріевича Московскаго съ тверскимъ княземъ читаемъ:

«А межъ насъ людемъ и гостемъ путь чистъ, безъ рубежа». А. Э. I. № 14, 1398.

Такъ какъ въ этомъ договорѣ есть особая статья о свободномъ переходѣ бояръ и слугъ, то приведенное мѣсто мы и полагаемъ возможнымъ отнести къ людямъ вообще, а слѣдовательно и къ крестьянамъ.

Гораздо яснѣе начало свободы крестьянъ выражено въ договорѣ великаго князя рязанскаго съ его роднымъ братомъ:

«А... хрестіаномъ межъ насъ вольнымъ воля». Р. С. I. № 127. 1496.

Умалчивая о вольномъ переходѣ крестьянъ, нѣкоторые княжескіе договоры содержатъ статьи, которыя дали поводъ думать, что «во время удѣловъ» существовало запрещеніе перехода крестьянъ изъ одного княжества въ другое. Это статьи, запрещающія выводъ:

«А вывода не замышлять» или: «а кто учинитъ выводъ, по исправѣ выдать.» Рум. Собр. I. № 28, 32, 48, 65.

Статьи договоровъ излагаются то кратко, то подробно. Для правильнаго толкованія краткихъ редакцій необходимо сличеніе ихъ съ болѣе подробными, а въ этихъ послѣднихъ читаемъ:

«А кто имѣтъ холопа или должника, а поставитъ передъ волостелемъ, въ томъ ему вины нѣтъ; а выведетъ изъ волости, и передъ волостелемъ не поставитъ, въ томъ ему вина». Рум. Собр. I. № 76, 88.

Приведенная статья запрещаетъ не переходъ крестьянъ,

а самовольный выводъ должника или бѣжавшаго холопа съ нарушеніемъ права мѣстнаго суда. Въ договорахъ, слѣдовательно, запрещается самоуправство.

Древнѣйшую попытку ограниченія свободнаго перехода изъ княженія въ княженіе встрѣчаемъ въ Великомъ Новгородѣ. Въ договорахъ его съ князьями, кромѣ статьи, запрещающей выводъ-самоуправство, находимъ еще и такую:

«А изъ Бѣжицъ вамъ, князи (Василію Васильевичу Московскому и сыну его, Ивану) не выводити людей въ свою волость, ни изъ иныхъ волостей Новогородскихъ..., ни вашимъ княгинямъ, ни вашимъ боярамъ, ни купчины» (А. Э. I, № 57. 1456, и гораздо ранѣе, въ договорахъ XIII в. Р. С. I, № 3).

Это не есть запрещеніе крестьянамъ переходить изъ новгорода въ Москву, а только обязательство, возложенное на московскихъ князей и ихъ служилыхъ людей самимъ не перезывать новогородскихъ крестьянъ. Но можно думать, что новогородцы шли далѣе и были не прочь и вообще запретить переходъ своихъ крестьянъ въ чужія княженія. На эту мысль наводитъ условіе новогородскаго договора съ тверскимъ княземъ, Михаиломъ Ярославичемъ, о выдачѣ половниковъ:

«А холопъ или половникъ забѣжитъ въ Тверскую волость, и тѣхъ, княже, выдавати». Р. С. I. № 10, 1307.

Новогородская республика оказывается, такимъ образомъ, смѣлѣе и рѣшительнѣе княжескаго правительства. Еще въ XIII вѣкѣ накладываетъ она руку на свободу крестьянскаго перехода. Московскіе князья достигаютъ этой же цѣли гораздо позднѣе. Можно, однако, сомнѣваться, что, при существовании свободы перехода во всѣхъ другихъ княженіяхъ, новогородцамъ дѣйствительно удавалось осуществлять на дѣлѣ свои запрещенія. На малое практическое значеніе этихъ запрещеній указываетъ и то обстоятельство, что статья о выдачѣ половниковъ встрѣчается въ одномъ только выше приведенномъ договорѣ съ тверскимъ княземъ Михаиломъ.

Свобода перехода изъ княженія въ княженіе предпола-

гаетъ, какъ свое необходимое условіе, свободу перехода въ предѣлахъ отдѣльныхъ княженій. Отъ этой свободы отправляются всѣ жалованныя грамоты на льготы.

Исторія государственныхъ повинностей служилаго и тяглаго населенія очень мало у насъ разработана. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что повинности эти распредѣлялись среди населенія чрезвычайно неравномѣрно. Благодаря льготнымъ княжескимъ грамотамъ, во всѣхъ княженіяхъ было множество привилегированныхъ владѣній, населеніе которыхъ освобождалось отъ всѣхъ даней и повинностей въ пользу князя и нерѣдко безсрочно. Эти привилегированныя владѣнія, натурально, должны были притягивать къ себѣ сельское населеніе. Но переходъ крестьянъ съ тяглыхъ участковъ на льготные наносилъ прямой ущербъ интересамъ княжеской казны. Тѣмъ не менѣе и такой переходъ, по общему правилу, не былъ запрещенъ.

Князья только обязывали льготныхъ владѣльцевъ не принимать къ себѣ ихъ т я г л ы х ъ людей, или т я г л ы х ъ, д а н ь с к и х ъ, п и с м е н н ы х ъ, или просто т у т о ш н ы х ъ в о л о с т н ы х ъ и становыхъ людей (А. Э. I № 17, 20, 60, 102, 1410—1476.) Такого рода обязательства, возлагаемыя на льготныхъ владѣльцевъ, не заключаютъ въ себѣ, однако, запрещенія перехода тяглымъ людямъ. Они только ограничиваютъ для нихъ область переходовъ.

Но и такія ограниченія встрѣчаются весьма рѣдко и очень понятно почему. Они могли ставить льготныхъ владѣльцевъ въ условія менѣе благопріятныя чѣмъ тѣ, въ которыхъ находились нельготные. При удаленности льготныхъ земель отъ границы княженія, крестьяне «иныхъ княженій» могли къ нимъ совсѣмъ не попадать; а ближайшихъ сосѣдей, которые могли быть всѣ тяглые, они не имѣли права принимать и вслѣдствіе этого лишены были возможности развивать свое хозяйство.

Вотъ почему до насъ дошло немало жалованныхъ грамотъ, въ которыхъ нѣтъ воспрещенія принимать тяглыхъ

людей; но льготы даются только для тѣхъ крестьянъ, которые будутъ призваны изъ иныхъ княженій.

Въ грамотѣ московскаго великаго князя Василія Дмитріевича Спасскому монастырю читаемъ:

«И кого архимандритъ въ той деревнѣ посадитъ своихъ людей, купленыхъ, или кого перезовутъ людей въ ту деревню изъ иныхъ княженій, а не изъ моей вотчины, изъ великого княженія, и тѣмъ людямъ, купленнымъ и перезваннымъ, не надобѣ имъ на 10 лѣтъ ни которая моя дань».... А. И. I. № 28, 88; А. Э. I. № 31, 36, 41, 95; 1425—1479.

Но князья въ своей заботливости о привилегированныхъ лицахъ и учрежденіяхъ шли и далѣе. Они предоставляли имъ право перезывать на льготѣ даже тутошныхъ людей, но на меньшей чѣмъ та, на которой перезывались люди изъ иныхъ княженій. «Тутошнимъ старожильцамъ» давалась, напримѣръ, льгота на 3 года, а пришельцамъ изъ иныхъ княженій на 10, или своимъ на 5 лѣтъ, а чужимъ на 15 и т. д. А. И. I. № 25, 36; А. Э I № 21, 23, 39, 44, 51; 1418—1453.

Наконецъ есть грамоты, въ которыхъ право призывать предоставляется безъ всякаго различія между своими и чужими. Въ нихъ одинакія льготы даются всѣмъ «кто имѣтъ сѣдѣти», или «учнетъ жити», или «кого перезовутъ». Такихъ грамотъ дошло до насъ даже болѣе, чѣмъ грамотъ другихъ видовъ. А. Э. I. № 5, 15, 34, 46, 47, 75, 88, 111, 120, 122, 136, 149, 152, 154, 158, 164, 166, 171; А. И. I. № 13, 15, 83, 87, 108; 1361—1560.

Этотъ долгой практикой сложившійся порядокъ вещей нашелъ свое выраженіе и въ Судебникѣ 1497 года. Судебникъ предоставляетъ право отказа всякимъ крестьянамъ, безъ различія тяглыхъ и нетяглыхъ.

Такъ было и въ дѣйствительной жизни. До насъ дошла отъ 1556 года жалоба тяглыхъ государевыхъ крестьянъ, Оштинскія волости, на то, что ихъ волостные крестьяне уходятъ на помѣщичьи земли и отъ того волостныя деревни пустѣютъ (Доп. къ А. И. I. № 51, XV). Дѣйствительно,

отъ такого перехода волостныя деревни пустѣли и государевой казнѣ причинялся убытокъ, но переходъ самъ по себѣ былъ совершенно законенъ. Это ясно изъ другой челобитной (1555 г.) тяглыхъ крестьянъ, которые жалуются на то, что дѣти боярскія

«Вывозятъ за собя во хрестьяне жити ихъ крестьянъ, изъ Ржевскихъ изъ черныхъ деревень, не по сроку, по вся дни, безпошлинно» (Доп. къ А. И. I. № 56).

Не вывозъ здѣсь не законенъ, а то, что онъ дѣлается не въ срокъ и безпошлинно.

Послѣднее по времени общее признаніе исконной свободы крестьянъ находимъ въ Судебникѣ 1550 года (ст. 88).

Но имѣла-ли эта исконная свобода крестьянъ мѣсто и въ Новогородскихъ владѣніяхъ? Выше мы видѣли, что новогородцы стремились къ запрещенію вывода новогородскихъ крестьянъ въ иныя княженія. Еслибы крестьяне въ Новгородѣ были уже несвободны, тогда запрещать выводъ ихъ также не было бы надобности, какъ и запрещать выводъ рабовъ. Достаточно было бы упомянуть о выдачѣ незаконно ушедшихъ, какъ упоминается о выдачѣ рабовъ. Итакъ, условіе о невыводѣ предполагаетъ уже свободу перехода и въ предѣлахъ Новогородской территоріи. Это заключеніе подтверждается и текстомъ дарственной грамоты посадника Великаго Новгорода, Василія Степановича, монастырю святаго Іоанна Богослова. Одаряя монастырь своими страдными землями и пожнями, посадникъ въ концѣ грамоты говоритъ:

«А игумену половниковъ посадницихъ, Васильевыхъ, ни отхожихъ людей не принимати». А. Ю. №. 110. IV. 1452.

Въ чемъ разница между половниками и отхожими людьми, этого мы не знаемъ. Но посадникъ одинаково обязываетъ игумена не принимать ни тѣхъ, ни другихъ. И тѣ и другіе, слѣдовательно, могутъ уйдти.

Остается несовсѣмъ ясное мѣсто Новогородской лѣтописи подъ 1229 годомъ:

«И вда (князь Михаилъ Всеволодовичъ) свободу смер-

домъ на 5 лѣтъ даній не платити, кто сбѣжалъ на чужую землю. А симъ повелѣ, кто здѣ живетъ, како уставили переднiи князи, тако платити дань».

Здѣсь употреблено выраженіе «сбѣжалъ»; но эти сбѣжавшіе смерды не возвращаются на прежнія земли, а оставляются на новыхъ, да еще освобождаются отъ даней. Слово «сбѣжалъ» употреблено, слѣдовательно, не въ точномъ смыслѣ; оно значитъ здѣсь то-же, что и слово «перешелъ».

Затѣмъ, что значитъ выраженіе: «чужая земля»? Чужой, конечно, надо притивополагать свою. Это смерды, перешедшіе съ своей земли на чужую, т. е. владѣльческую. Они то получили 5-ти лѣтнюю льготу отъ княжескихъ даней. Второе предложеніе («А симъ повелѣ» и т. д.), думаемъ, имѣетъ въ виду смердовъ, оставшихся на своихъ земляхъ. Они должны платить дани, согласно установленію прежнихъ князей. Льгота сдѣлана смердамъ, сидящимъ на владѣльческихъ земляхъ; это пожалованіе владѣльцамъ этихъ земель.

Переходимъ къ разсмотрѣніи условій, на какихъ крестьяне занимали владѣльческія земли.

Княжескіе уставы и указы не опредѣляли этихъ условій. Здѣсь все предоставлялось обоюдному соглашенію сторонъ. Если каждый былъ свободенъ продать себя въ холопство, то тѣмъ болѣе каждый могъ самъ опредѣлить условія найма, или сдачи земли въ аренду. Надо полагать, однако, что, при свободѣ перехода, въ мѣстностяхъ, не очень удаленныхъ одна отъ другой, не могло быть существенныхъ различій въ условіяхъ найма и аренды.

Памятники, на основаніи которыхъ представляется возможность выяснить эти условія, всѣ принадлежатъ ко времени сравнительно позднему. Главнѣйшіе изъ нихъ, крестьянскія порядныя, не старѣе XVI вѣка. Но порядокъ, въ нихъ обозначенный, конечно сложился гораздо ранѣе. Мы тѣмъ болѣе въ правѣ сдѣлать такое предположеніе, что эти сравнительно новыя порядныя сами ссылаются на существующіе уже обычаи и на старину.

Самый простой видъ порядныхъ представляютъ тѣ случаи, когда крестьянинъ садился на разработанный уже участокъ съ готовыми постройками. Содержаніе такихъ порядныхъ исчерпывается опредѣленіемъ размѣра снимаемаго участка и принимаемыхъ на себя крестьяниномъ обязанностей за пользованіе имъ.

Такова древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ порядныхъ:

«По милости Божіи, Святого Николы Чудотворца Вежитцкого монастыря, а се порядись у игумена Θеодосія, яже о Христѣ, и съ братьею, крестьянинъ Θедоръ, Конановъ сынъ, съ братьею на старую свою деревню, на обжу земли съ четвертью. А давати ему съ той деревни оброку въ домъ Святого Николы Чюдотворца: хлѣба, ржи, и овса 5 коробей, въ новую мѣру, изъ году въ годъ; и изъ лѣса пятой снопъ, а изъ Заозерья шестой снопъ; а денежная дань по книгамъ давати; а тіуньски и ключничи пошлины и посельничи давати по старинѣ, какъ иные крестьяне даютъ; и иные всякіе розрубы давати по грамотѣ по волостной; а на дѣло крестьянское ходити, какъ и прочіи крестьяне ходятъ. Дана порядная лѣта 7064 году». А. Ю. № 177, 1556.

Здѣсь землю нанимаетъ старый крестьянинъ, который жилъ на томъ-же мѣстѣ и прежде. Надо предполагать, что дворъ и постройки были въ исправности, а потому объ нихъ ничего и не говорится. Нанимая землю, крестьянинъ принимаетъ на себя обязанность нести государственныя повинности и платить монастырю за землю. О государственныхъ повинностяхъ рѣчь идетъ въ словахъ: «и иные розрубы всякіе давати по грамотѣ по волостной». Волостная грамота это и есть грамота, опредѣляющая повинности волостныхъ или тяглыхъ людей. Владѣльческіе же люди тянутъ, въ этихъ случаяхъ, съ волостными. Въ другихъ порядныхъ вмѣсто этого выраженія читаемъ:

«А государскіе подати давати въ волость и посошныя службы, по волостной ровности». А. Ю. № 184. 1586.

Остальныя повинности идутъ въ пользу монастыря. Они состоятъ изъ разныхъ взносовъ, натурою и деньгами, и изъ барщинныхъ работъ. Только взносы натурой опредѣлены; всѣ

остальныя повинности крестьянинъ принимаетъ на себя въ томъ видѣ, какъ они установились уже въ деревняхъ Вяжицкаго монастыря.

Принятыя постройки должны быть содержимы въ исправности и возстановляемы по мѣрѣ надобности. Въ грамотѣ отъ 1585 года читаемъ:

«А во дворѣ хоромъ: изба нова, да два сѣнника, да полбани, да полъовина; а живучи мнѣ, Иванку, тѣ хоромы не огноити и вновь ставити». А. Ю. 290. I.

Гораздо сложнѣе содержаніе порядныхъ тѣхъ крестьянъ, которые снимали новыя земли или давно запущенныя старыя, постройки которыхъ развалились и нуждались въ ремонтѣ. Въ этихъ случаяхъ надо было расчистить пахатную землю отъ лѣсныхъ зарослей, огородить ее, поправить постройки, а иногда и сдѣлать ихъ вновь. Это все дѣло съемщика; землевладѣльцы ничего не строили на крестьянскихъ участкахъ и не приводили ихъ въ порядокъ. Въ этихъ случаяхъ наниматель принималъ на себя обязательство поля огородить, землю вново чистить, на дворѣ поставить избу новую, старую починить и пр. За эти особыя работы ему предоставлялась или полная льгота отъ повинностей въ пользу монастыря на извѣстное число лѣтъ, или дѣлалось нѣкоторое уменьшеніе этихъ повинностей. Иногда крестьяне получали еще и подмогу деньгами, хлѣбомъ, скотомъ. Подмога деньгами давалась по полтинѣ, и въ 2 рубля и больше; великій князь Иванъ Васильевичъ давалъ по 5 р. Съемщикъ земли принималъ на себя обязанность привести участокъ въ порядокъ въ теченіи льготнаго времени, которое опредѣлялось тоже различно: и въ 2, и въ 3, и въ 4 года; князья въ своихъ земляхъ давали льготы крестьянамъ и до 5 лѣтъ. А. Ю. № 178, 180, 182, 183, 187; 1556—1590.

Такъ какъ подмога давалась на условіи привести участокъ въ порядокъ, то исполненіемъ этого условія она и погашалась. Еслиже крестьянинъ уходилъ съ участка, не исполнивъ принятыхъ на себя обязанностей, въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ возвратить подмогу. А. Ю. № 178. 1556.

Крестьяне, снимающіе новые участки или давно заброшенные, являются распространителями сельскохозяйственной культуры. Для землевладѣльцевъ—интересъ первой важности найти такихъ нанимателей. За подмогу въ нѣсколько рублей и за льготу, которая ничего владѣльцу не стоитъ, онъ получаетъ устроенный крестьянскій участокъ, который будетъ приносить ему постоянный доходъ.

Надо думать, что найдти нанимателя новыхъ, или заброшенныхъ земель на этихъ выгодныхъ для землевладѣльца условіяхъ было не всегда легко. Случалось, что крестьяне, соглашавшіеся взяться за обработку новаго участка, или за приведеніе въ порядокъ стараго, потомъ отказывались и въ назначенный срокъ не пріѣзжали.

Для предупрежденія такихъ отказовъ, въ порядныя вносилось условіе неустойки.

«А не придемъ мы на тое деревню на тотъ срокъ, и не поставимъ хоромъ въ девятдесятъ третьемъ году, и не станемъ пашни пахати и навозити, и на насъ взяти игумену, Іоны, и съ братіею за убытки и за волокиту десять рублевъ московскую и подможныя деньги». А. Ю. 183. 1585.

Цифра неустойки опредѣлялась иногда вдвое противъ цифры подмоги, а иногда и больше.

Подмога выдается впередъ. Это есть способъ привлеченія крестьянъ.

Но были случаи, когда крестьяне сами домогались сѣсть на извѣстный участокъ. Заключаемъ это изъ тѣхъ порядныхъ, которыми не выговаривается въ пользу крестьянина ни льготы, ни подмоги, а крестьянинъ, тѣмъ не менѣе, скрѣпляетъ ее неустойкой и даже поручительствомъ третьихъ лицъ. А. Ю. 290. I. 1585.

Такимъ образомъ, спросъ и предложеніе шли то отъ землевладѣльцевъ, то отъ крестьянъ.

Отъ подмоги надо отличать крестьянскіе займы. Заемъ (по другимъ памятникамъ ссуда) есть процентный долгъ, который погашается уплатой полученнаго въ займы капитала. Договоры о займѣ не входятъ въ составъ порядныхъ. Для

этой цѣли пишется особый актъ, заемная кабала. Вотъ образецъ такой кабалы.

«Се язъ Өедоръ, да язъ Олешко, да язъ Иванко, Омельяновы дѣти, Мироѣдова, заняли есмя у Елпацкаго казначея, у старца у Корнилья, полтину денегъ монастырского серебра казенного, великого князя описного, отъ Юрьева дни осеннего до Юрьева дни на годъ. А на то намъ серебро давати ростъ, на пять шестой, а по сроцѣ потому же на пять шестой. А въ серебрѣ есмя и въ росту всѣ насъ одинъ человѣкъ; который насъ въ лицѣхъ, на томъ денги и ростъ на любомъ. А на то послуси: Колышка, Дементіевъ сынъ, да Өедоръ Рѣпа, Семеновъ сынъ А кабалу писалъ Лучка, Өедоровъ сынъ. Лѣта 7032». А. Ю. № 235. 1524.

Крестьяне занимали по такимъ кабаламъ не только деньги, но и хлѣбъ. Проценты выговаривались иногда только съ просрочки *).

Тѣ, которые занимали деньги (серебро), носили наименованіе серебряниковъ. Въ древнихъ памятникахъ не мало сохранилось указаній на то, что землевладѣльцы раздаютъ своимъ крестьянамъ деньги въ ростъ. Въ духовной верейскаго князя, Михаила Андреевича, читаемъ: «что мои денги въ моихъ селѣхъ въ ростѣхъ». Въ духовной кн. Андрея Васильевича такія деньги названы «ростовымъ серебромъ».

Кромѣ серебра ростоваго, памятники упоминаютъ еще о серебрѣ издѣльномъ, но не даютъ достаточно данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы составить точное понятіе объ этомъ серебрѣ. Изъ памятниковъ ясно только, что это серебро есть долгъ крестьянина господину; но какъ онъ возникъ, это весьма неясно.

Предлагаемъ попытку объясненія издѣльнаго серебра. За право пользованія владѣльческой землей крестьяне обязывались, на основаніи порядныхъ, нести въ пользу землевладѣльца извѣстныя повинности. Они должны были работать на него (дѣло дѣлать) и платить ему денежный и хлѣбный оброкъ. Верейскій князь Михаилъ Андреевичъ, въ своей ду-

*) А. Ю. № 239, 246, 250, 253, 255; 1549 — 1643. Въ порядной 1582 года ссудой названа подмога. А. Ю. № 182.

ховной грамотѣ, серебру въ ростѣ противополагаетъ «серебро въ пашнѣ». И то и другое крестьяне ему должны, но онъ прощаетъ имъ долги ихъ. Думаемъ, что серебро въ пашнѣ и есть крестьянскій денежный оброкъ, который обратился въ долгъ, потому что не былъ уплаченъ въ срокъ. Въ другихъ духовныхъ «ростовому серебру» противополагается не пашенное, а «издѣльное» (Р. С. І. № 112. 1481). Думаемъ, что это тотъ же денежный оброкъ. Онъ одинаково можетъ быть названъ и пашеннымъ серебромъ и издѣльнымъ. Владѣльцы сдаютъ свои земли изъ дохода. Доходъ этотъ получается съ пашень, снимаемыхъ крестьянами, отсюда—пашенное серебро; онъ извлекается чрезъ посредство крестьянскаго труда, издѣлья, отсюда — издѣльное серебро. Въ одной духовной (Р. С. І. № 83. 1453) плательщики издѣльнаго серебра названы издѣльниками. Это совершенно понятно, такъ какъ крестьяне-оброчники суть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и издѣльники, въ силу порядной.

Съ изложенной точки зрѣнія можно объяснить и встрѣчающееся въ памятникахъ выраженіе «лѣтнее серебро», необходимо предполагающее свое противоположное — «зимнее». Лѣтнее серебро — это денежный оброкъ, добываемый лѣтнимъ трудомъ, земледѣліемъ; зимнее — зимнимъ, напр., рыболовствомъ. Крестьяне снимаютъ не только пахатныя земли но и угодья, напр., рыбныя ловли, обязываясь платить за нихъ натурой или деньгами (А. И. І. № 54. 1453. А. Ю. № 176. 1547).

Если предлагаемое объясненіе вѣрно, то только ростовое серебро есть ссуда, а не издѣльное. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ и то, и другое серебро прощается иногда крестьянамъ или въ полной цифрѣ, или въ размѣрѣ половины. Отказъ отъ взысканія издѣльнаго серебра есть собственно сложеніе недоимокъ, которыхъ, конечно, всегда было много. Это такое же доброе дѣло, какъ прощеніе ссудъ бѣднымъ крестьянамъ и отпускъ рабовъ на волю, дѣлаемый съ цѣлью пріобрѣсти молельщика по душѣ.

Псковская Судная грамота не употребляетъ ни слова «под-

мога», ни слова «заемъ» въ примѣненіи къ крестьянамъ. Она имѣетъ свое слово покрута. Слово это означаетъ всякое снаряженіе. Въ новогородскихъ лѣтописяхъ сборы на войну обозначаются выраженіемъ «крутитися на войну», IV. 1137 годъ. Поэтому, покрута можетъ означать, какъ подмогу, такъ и заемъ, ибо крестьянскіе займы дѣлаются въ сельско-хозяйственныхъ цѣляхъ и могутъ быть разсматриваемы, какъ средство снаряженія крестьянина. Покрута дѣлается и серебромъ, и зерномъ, и рыболовной снастью. Ст. 44.

Съ землями крестьяне снимаютъ и рыбныя ловли. Въ порядной опредѣляется въ такихъ случаяхъ поставка владѣльцу рыбы:

«Се язъ Иванъ да язъ Семенъ, Петровы дѣти, изъ Каргопольскаго уѣзда, съ Водлозера, порядилися есмя у старца Меркурья, у келаря Кирилова монастыря, половничати, Курголовы деревни на треть обжи да на Согиловы горы на шестой жеребей обжи, и всего на полобжи. И жити намъ за Кириловымъ монастыремъ. А государевъ царьской оброкъ денежной давати постарому, по книгамъ; а въ Кириловъ монастырь давати намъ съ году на годъ и ставити въ Кирилове монастырѣ на срокъ, на Рождество Христово, съ обжи по три бочки рыбы живопросольныя, бочка щучины живопросольныя, большія звенья осеннія ловли, а пласти не воблые, да бочка лещевины, да бочка судочины. А не захотимъ мы тое рыбы на тотъ срокъ везти въ Кириловъ монастырь, коя въ сей порядной писана, и намъ дати за бочку щучины по 20 алтынъ, да за бочку лещевины по 20 жъ алтынъ денегъ, а за бочку судочины 20 алтынъ денегъ; а буде Богъ пошлетъ сиговины, ино намъ привезти за бочку судочины съ обжи полбочки сиговины, а не захотимъ мы тое рыбы свезти въ Кириловъ монастырь, коя въ сей порядной писана, и намъ дати за полбочки сиговины двадцать же алтынъ денегъ». А. Ю. № 176, 1547.

Крестьяне, снимающіе рыбныя ловли, по псковской Судной грамотѣ носятъ наименованіе кочетниковъ. Кочетникъ и теперь означаетъ рыбака. Даль.

Въ порядныхъ опредѣляется иногда срокъ, когда крестьянинъ долженъ занять нанятой имъ участокъ; время же продолжительности найма ни въ одной порядной не опре-

дѣлено. Надо, однако, думать, что и по свойству крестьянскаго дѣла и по существовавшимъ въ старину воззрѣніямъ — это были наймы долгосрочные, но безъ точнаго опредѣленія срока.

Крестьянину не такъ легко было подняться съ своего участка, какъ уйдти съ чужого двора наймиту. И къ чужому двору люди привыкаютъ, тѣмъ легче было привыкнуть крестьянину къ своему двору, который онъ нерѣдко самъ огородилъ и обстроилъ, а землю къ нему расчистилъ и распахалъ.

Но формально крестьянинъ не былъ связанъ никакимъ срокомъ. Изъ дошедшихъ до насъ порядныхъ видно, что онъ могъ уйдти, даже не отсидѣвши льготныхъ лѣтъ и не исполнивъ принятыхъ на себя изъ-за подмоги обязательствъ. Онъ долженъ былъ въ этихъ случаяхъ уплатить подмогу и неустойку, и только.

Есть даже указанія, что первоначально не было никакого общаго срока для отказа крестьянъ отъ найма. Они отказывались и переходили на новыя земли, когда хотѣли. И такой порядокъ вещей формально утверждался княжескими указами. Въ грамотѣ бѣлозерскаго князя, Михаила Андреевича, путному его человѣку, Ѳедору Константиновичу, читаемъ:

«Присылалъ ко мнѣ игуменъ, Екимъ, и старецъ, Мартемьянъ, Ѳерапонтовы пустыни, и вся братья старца Еустратья, а билъ ми челомъ, а сказываетъ, что являлъ имъ староста волоцкой мою грамоту такову, что имъ пріимати къ себѣ въ волость, въ твой путь, на Волочекъ, изъ Мартемьяновскихъ деревень монастырскіе половники въ серебрѣ межень (среди) лѣта и всегды». А. Э. I. № 48. 1450.

Изъ другихъ грамотъ узнаемъ, что крестьяне отходятъ въ Рождество Христово, въ Сборное воскресенье, въ Петровъ день, въ Оспожинъ день (Рождество Богородицы) и др. сроки. А. Э. I. № 48, 1450, № 83, 1466; А. Ю. № 10, 1503; Доп. къ А. И. I. № 198, 1462.

Переходу крестьянина на другой участокъ предшествовалъ отказъ его прежнему хозяину. Въ какой формѣ дѣлался

этотъ отказъ и за сколько времени до перехода, этого мы не знаемъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что ни полученная подмога, ни заемъ не составляли препятствія для отказа. Крестьянинъ могъ отказаться, несмотря на то, что былъ долженъ господину. Долгъ имѣлъ слѣдствіемъ искъ объ уплатѣ подмоги или ссуды, а не искъ о возвращеніи ушедшаго крестьянина. Такъ по псковской Судной грамотѣ, такъ и по московскимъ памятникамъ.

Въ первой читаемъ:

«А государю на изорники, или на огородники, или на кочетники волно и въ закличь своей покрутыи сочить (искать): серебра и всякой верши по имени, или пшеница ярой, или озимой и по отроку государеву, или самъ отречется». 44.

Государь можетъ искать долговъ своихъ на ушедшемъ крестьянинѣ и только.

Послѣдствія неисполненія обязательствъ, связанныхъ съ полученіемъ подмоги, опредѣляются въ порядныхъ и нами уже указаны. Послѣдствія неуплаты кабальныхъ долговъ опредѣляются въ самихъ кабалахъ и, кромѣ того, порядками взысканія кабальныхъ долговъ.

Въ кабалахъ, на случай неуплаты въ срокъ, писалось:

«Который насъ (должниковъ, а ихъ было нѣсколько) въ лицахъ, на томъ денги и ростъ на любомъ». А. Ю. № 235, 1524.

Или, подробнѣе, крестьяне Прилуцкаго монастыря, занявъ у казначея того-же монастыря монастырскихъ денегъ, пишутъ:

«А гдѣ насъ заимщиковъ по сей кабалѣ застанетъ, на коимъ городѣ или въ коей волости, подъ коимъ судомъ ни буди, тутъ по сей кабалѣ судъ и правежъ; а кой насъ, заимщиковъ, въ лицѣхъ, на томъ денги съ росты и съ убытки всѣ сполна». А. Ю. № 253. 1608.

И такъ, какъ изъ условія о подмогѣ, такъ и изъ ростовой кабалы возникаетъ только искъ о возвращеніи денегъ и уплатѣ роста и убытковъ.

Московскіе князья смягчали иногда даже и эти совер-

шенно натуральныя послѣдствія неплатежа по обязательству. Въ вышеприведенной (стр. 206) грамотѣ бѣлозерскаго князя, Михаила Андреевича, читаемъ:

«Являлъ имъ (игумену съ братіею) староста волоцкой мою грамоту такову, что имъ (старостѣ и волостнымъ крестьянамъ) пріимати къ себѣ въ волость.... монастырскіе половники въ серебрѣ, межень лѣта и всегды; да кто деи выйдетъ половникъ серебряникъ, ино деи ему платитися въ истое на два года безъ росту». А. Э. № 48. I. 1450.

Князь не только дозволяетъ уходить серебряникамъ въ серебрѣ, т. е. не заплативши долга; но даетъ имъ еще разсрочку на два года и дозволяетъ платить одинъ капиталъ (истое) безъ процентовъ.

Крайнія послѣдствія иска изъ кабалы заключались въ томъ, что должникъ, если съ правежа не платилъ по обязательству, отдавался кредитору заживать свой долгъ.

Уложеніе опредѣляетъ, во сколько времени заживается извѣстное количество долга и какъ кредиторъ долженъ обращаться съ должникомъ.

«А работати имъ (которымъ съ правежу окупитися будетъ нечѣмъ) мужескому полу за пять рублевъ годъ, а женскому полу за полтретья рубли по году. А кому они выданы будутъ, и по тѣхъ взяти порука съ записью, что ихъ не убити, ни изувѣчити». X. 266.

Такова участь несостоятельныхъ должниковъ: они должны принудительно работать и могутъ быть, вслѣдствіе этого, биты кредиторомъ. Уложеніе запрещаетъ только убивать ихъ и увѣчить.

Но таковы послѣдствія несостоятельности въ сравнительно позднѣйшее время. Въ болѣе глубокой древности несостоятельнаго должника постигала худшая участь. Его продавали въ рабство. Относящіяся къ этому вопросу статьи Русской Правды и Судебниковъ приведены выше (стр. 142 и сл.).

Указанныя послѣдствія иска по кабалѣ даютъ право заключить, что крестьянинъ должникъ, хотя и имѣлъ право уйдти съ занятой имъ земли, но въ дѣйствительности уходилъ только въ томъ случаѣ, если могъ уплатить долгъ. Въ

противномъ случаѣ ему угрожалъ искъ съ его весьма тяжелыми результатами: въ древнѣйшее время рабствомъ, а позднѣе—правежомъ, принудительной работой и пр.

Это сравнительно стѣсненное положеніе крестьянъ должниковъ объясняетъ ту весьма, конечно, старинную практику помѣщиковъ, дожившую, однако, и до эпохи Уложенія, въ которомъ читаемъ:

«А которые всякихъ чиновъ люди, хотя бѣглыхъ чюжихъ крестьянъ и бобылей за собою укрѣпить, возмутъ на нихъ кабалы или записи во многой ссудѣ...» XI, 23.

Изъ этой статьи видно, что въ половинѣ XVII вѣка господа, по соглашенію съ бѣглыми крестьянами, берутъ съ нихъ дутыя кабалы, для закрѣпленія ихъ за собой; до указовъ-же о прикрѣпленіи господамъ дѣйствительно приходилось давать крестьянамъ деньги по кабаламъ, чтобы затруднить свободный отказъ. Это было очень выгодное помѣщеніе капиталовъ. Крестьянинъ платилъ 20% (нормальный размѣръ %, существовавшій уже въ XIII вѣкѣ), да сверхъ того былъ затрудненъ въ уходѣ.

Къ отказу прибѣгали какъ крестьяне, такъ и землевладѣльцы, недовольные крестьянами. Это было обоюдное право. Если крестьянинъ по отказу землевладѣльца не уходилъ, послѣдній обращался въ судъ и просилъ о выселеніи. До насъ дошелъ одинъ такой приговоръ суда о выселеніи:

«Отъ великаго князя Василія Ивановича всея Русіи, на Резань, Ѳедору Иванову, сыну Ромоданова. Здѣсе передъ нашимъ дворетцкимъ, передъ княземъ Иваномъ Ивановичемъ Кубенскимъ, искалъ Богословской игуменъ, Аѳонасей, съ братіею на Иванкѣ на Гридинѣ, сынѣ Ботуринѣ, а сказываетъ, что деи тотъ Ивашко жилъ за Богословскимъ игуменомъ на Богословскомъ селищѣ, на Иванчинѣ, на лготѣ, да лготу отсидѣлъ, а пошлинъ Богословскому игумену съ того селища ни которыхъ не платилъ, ни подъ судъ ся имъ не даетъ, а живетъ у нихъ въ томъ селищѣ силно. И дворетцкой нашъ, князь Иванъ Ивановичъ, въ томъ Богословскаго игумена съ Ивашкомъ съ Ботуринымъ судилъ, да Богословского игумена оправилъ, а Ивашка Ботурина обвинилъ. И

ты бъ къ тому Ивашку къ Ботурину ѣхалъ, да того бъ еси Ивашка Ботурина изъ того селища выслалъ вонъ; а срокъ бы еси тому Ивашку далъ возитись вонъ на мѣсяцъ. А не вывозится тотъ Ивашко на тотъ срокъ, и ты бъ его одноличпо выметалъ вонъ часа того. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7041 февраля въ 5 день». А. И. І. 134, 1533.

Судъ назначилъ для вывоза мѣсячный срокъ. Надо думать, что и господа при отказѣ тоже давали срокъ.

«Отказы» весьма нерѣдко подавали поводъ къ судебному разбирательству. Составители псковской Судной грамоты нашли даже нужнымъ включить въ грамоту особую статью, опредѣляющую порядокъ рѣшенія такихъ споровъ:

«А запрется изорникъ, или огородникъ, или кочетникъ отрока (отказа) государева, ино ему (изорнику и пр.) правда дать (крестное цѣлованіе); а государь не доискался четверти, или огородной части, или съ ысады рыбной части» (42).

Приведенная статья предусматриваетъ споръ по поводу отказа. Изорникъ, получившій, по утвержденію господина, отказъ, не съѣхалъ въ свое время. Изъ этого возникъ искъ господина къ изорнику о выѣздѣ и, вѣроятно, уплатѣ убытковъ. На судѣ изорникъ сказалъ, что господинъ ему отказа не заявлялъ. Въ этихъ случаяхъ, говоритъ статья, предоставляется изорнику право подтвердить свое отрицаніе присягой. Надо думать, согласуясь съ общей системой судебныхъ доказательствъ по Псковской грамотѣ, что статья имѣетъ въ виду случай, когда господинъ не привелъ въ свою пользу свидѣтелей. Если изорникъ присягнетъ, государь не доискался и т. д.

Чего не доискался, это не совсѣмъ ясно. Господинъ искалъ выѣзда и, надо думать, убытковъ. Онъ «не доискался», слѣдовательно, крестьянинъ до новаго отказа остается на землѣ и не платитъ убытковъ. Выраженіе: «не доискался огородной или рыбной части» легко можетъ быть понято въ смыслѣ предлагаемаго толкованія, если допустить, что рыбникъ и огородникъ платили убытки продуктами своего труда. А что значитъ «четверть»? Она можетъ означать мѣру сы-

пучихъ тѣлъ, т. е. тоже часть продуктовъ изорника, которую господинъ получилъ-бы, въ случаѣ обвиненія изорника (см. иное объясненіе статьи у Энгельмана, Гражд. законы Псковск. судн. грам., 55, и у Буданова, Христоматія, прим. къ 42 ст.).

Выше мы указали, что не отъ крестьянъ только шолъ спросъ на землю: отъ землевладѣльцевъ бывалъ спросъ на нанимателей земли. Въ источникахъ находимъ указанія на то, что землевладѣльцы посылали своихъ людей (отказчиковъ) въ чужія деревни съ тѣмъ, чтобы отказывать живущихъ тамъ крестьянъ и вывозить ихъ на свои земли (Доп. къ А. И. I. № 51 и 56, 1555). Такой «отказъ» и «вывозъ» дѣлался, конечно, по предварительному соглашенію съ крестьяниномъ. Если къ вывозу прибѣгалъ богатый землевладѣлецъ, онъ не затруднялся перевозить къ себѣ и крестьянъ-должниковъ, погашая ихъ кабалы и замѣняя новыми на свое имя.

Переходимъ къ крестьянамъ, сидѣвшимъ на черныхъ, тяглыхъ, волостныхъ земляхъ. Эпитетъ «черный» значитъ тоже, что и «тяглый»; эти слова употребляются въ памятникахъ одно вмѣсто другого: однѣ жалованныя грамоты даютъ льготу владѣльческимъ крестьянамъ «не тянуть ни къ сотскому, ни къ дворскому съ тяглыми людьми» (А. И. I. № 15, 1404; А. Э. I. № 131, 1496), другія предоставляютъ льготу «не тянуть съ черными людьми» (А. Э. I. № 88, 122, 1471, 1488). Подъ тяглыми людьми наши памятники разумѣютъ людей, на которыхъ лежатъ общія государевы дани, пошлины и всякія повинности. Владѣльческіе крестьяне тоже не совершенно свободны отъ государевыхъ даней и повинностей, но, по невозможности въ одно и то же время нести въ полной мѣрѣ государево тягло и повинности въ пользу частныхъ владѣльцевъ, государевымъ тягломъ облагались они въ меньшемъ размѣрѣ, а иногда и совсѣмъ отъ него освобождались. Поэтому тяглыми, черными людьми называются не владѣльческіе крестьяне, а по преимуществу во-

лостные, сидящіе на черныхъ, тяглыхъ земляхъ. «Чернымъ деревнямъ» противополагаются «не черныя», къ которымъ относятся не только всѣ владѣльческія, но даже ямскія, на томъ основаніи, что на нихъ лежитъ не общее, а спеціальное ямское тягло (Доп. къ А. И. I. № 57, 1555). Такъ какъ черные люди вѣдаются непосредственно государемъ, то они называютъ себя государевыми:

«Се язъ Ѳедоръ, Игнатьевъ сынъ, съ своимъ сыномъ съ Мокіемъ, да язъ Алексѣй Микифоровъ съ своимъ сыномъ съ Игнатьемъ, государевы царевы великого князя крестьяне, Королева села, съ деревни изъ Тютичъ, порядилися есмя въ Николскую вотчину Вежицкаго монастыря... на обжу..., а взяли на подмогу денегъ 5 рублевъ...» А. Ю. № 183, 1585.

Эти государевы крестьяне составляютъ особыя административныя единицы, волости, состоящія подъ управленіемъ и судомъ частью своихъ выборныхъ, а частью назначаемыхъ княземъ лицъ. Владѣльческіе крестьяне тянутъ податями и повинностями, на сколько они падаютъ на нихъ, къ волостямъ, но волостными не называются.

Къ чернымъ людямъ относится не одно только сельское населеніе, посадскіе тоже черные, тяглые люди.

Чернымъ, тяглымъ людямъ соотвѣтствуютъ черныя, тяглыя земли. Названіе, надо думать, пошло отъ земли, а не отъ людей. Люди остаются тяглыми, пока сидятъ на тяглой землѣ. Переходя на владѣльческую, они перестаютъ быть тяглыми. Земля-же должна оставаться тяглой и при переходѣ къ высшимъ сословіямъ, хотя въ дѣйствительности это и не всегда соблюдалось.

Чьи-же это земли? Вопросъ очень спорный. И немудрено: старинныя поземельныя отношенія волости такъ своеобразны, такъ мало походятъ на современныя, что подвести ихъ подъ обычныя для насъ понятія представляется дѣломъ совершенно невозможнымъ. Мы не найдемъ тамъ ни индивидуальной, ни общинной собственности въ томъ смыслѣ, какой привыкли теперь соединять съ этими понятіями.

Прежде всего не можетъ подлежать никакому сомнѣнію тотъ фактъ, что волости считаютъ тяглыя земли своими.

Староста Залѣской, Андрейко, въ спорѣ съ Троицкимъ монастыремъ говоритъ:

«А тѣ, господине, наволоки тянутъ къ нашей землѣ, къ Овсяниковской, къ тяглой, къ черной, изъ старины. А какъ, господине, у насъ отняли тѣ наволоки старцы Троецькіе, тому есть лѣтъ съ двадцать». А. Ю. № 4. 1490.

Въ грамотѣ великаго князя Ивана Васильевича къ Третьякову Гнѣвашу читаемъ:

«Билъ намъ челомъ Ѳерапонтова монастыря игуменъ Гурей съ братіею на Словенского Волочка крестьянъ..., да на Ципинскія волости крестіанъ..., да на Иткольскыя волости крестіанъ, что деи тѣ крестіане Словенского Волочка вступаются у нихъ въ ихъ монастырскіе починки, въ починокъ Даниловъ и т. д.; а Ципинскія волости крестіане вступаются у нихъ въ монастырскіе деревни, въ деревню Борбошино и т. д., а Иткольскые волости крестіане вступаются у нихъ въ монастырскіе починки, въ починокъ Якушево и т. д., перелѣзши деи за межу, землю пашутъ, и лѣсъ сѣкутъ, и пожни косятъ; а называютъ деи они тѣ земли, и лѣсъ, и пожни, и починки, и деревни своею землею къ своимъ волостнымъ деревнямъ». А. Э. I. № 209. 1546.

Любопытный варіантъ къ этому находимъ въ правой грамотѣ 1534 года. Крестьяне говорятъ:

«То, господине, земля Божія да государя, великаго князя, Есюнинскія волости; а роспаши и ржи наши; а пашемъ, господине, тѣ лѣсы мы». А. Ю. № 20.

Искъ въ данномъ случаѣ былъ предъявленъ монастыремъ не къ цѣлой волости, а къ нѣкоторымъ только крестьянамъ, которые, по мнѣнію истца, перешли за межу. Крестьяне на вопросъ судьи говорятъ во-1-хъ, что то земля Божія да волостная, великаго князя Есюнинской волости, и во-2-хъ, что спорную землю распахали и засѣяли именно они, отвѣтчики.

Выше мы указали уже, что черные крестьяне считаютъ себя государевыми въ томъ смыслѣ, что они непосредственно отъ него зависятъ по суду и управленію. Въ этомъ-же смыслѣ

и вся волость, въ приведенномъ мѣстѣ, называется государевой. Земля-же названа здѣсь волостной, т. е. крестьянской.

Тотъ-же смыслъ имѣютъ и выраженія:

«Тѣ, господине, деревни и починки изъ старины земли великаго князя Ликуржскія волости тяглыя, наши». А. Ю. № 8. 1498.

Или:

«Ступилися еси земли великаго князя (т. е. волостной), а своего владѣнія». А. Ю. № 23. 1571.

Или безъ упоминанія о великомъ князѣ:

«А бывалъ деи тотъ лѣсъ искони вѣкъ Кускіе волости». А. Ю. № 172. 1587.

Не одни только крестьяне считаютъ волостные земли своими. Это признаетъ и судъ. Всѣ споры о волостной землѣ предъявляются къ крестьянамъ. Они отвѣтчики, они и истцы. Если они плохо защитили свое дѣло, волостная земля отбирается у нихъ и передается монастырю и пр. и, такимъ образомъ, перестаетъ быть волостной. Несмотря на явный ущербъ для правительства при переходѣ черной земли въ разрядъ не черныхъ, или бѣлыхъ, представители его никогда не привлекаются къ участію въ судѣ (А. Ю. № 4, 8, 9, 1490—1503).

Также смотрѣли на дѣло и частныя лица. Они дарили въ волость свои земли. До насъ дошла такая дарственная:

«Память Никиты, Григорьева сына, Строганова. Что были за мною, на Цывозерѣ, надъ Ергусомъ, въ Давыдовѣ слободкѣ, деревня Ярыгинская Меншая, что купливалъ отецъ мой... И язъ, Никита, отдалъ и отказалъ въ волость, въ слободку въ Давыдову, старостамъ и цѣловалникамъ и всѣмъ крестьянамъ. И мнѣ, Никитѣ, до тое деревни, Ярыгинскіе Меншіе, и дѣла нѣтъ, по сей день. Къ сей отданой и отказной Никита печать свою приложилъ. А отданую и отказную писалъ Никиты, Григорьева сына, Строганова человѣкъ его, Марко Хлепетинъ. Лѣта 7091 іюля 26 день». А. Ю. № 137. 1583.

Изъ приведенныхъ фактовъ можно заключить, что собственникомъ черныхъ земель была волость.

Но что-же такое сама волость? Это нѣчто очень неопре-

дѣленное. Волость составляетъ наличное число крестьянъ, занимающихъ опредѣленное (по тогдашнему) пространство земли. Это наличное число постоянно мѣняется, то увеличиваясь, то уменьшаясь. Увеличивается оно путемъ обыкновеннаго прироста и приселенія новыхъ членовъ, а уменьшается свободнымъ выходомъ и смертью. Въ одномъ судномъ дѣлѣ крестьяне-истцы говорятъ:

«Волость, господине, Ликуржская запустѣла отъ великаго повѣтрія. А тѣ, господине, деревни и пустоши волостные розоймали бояре и митрополиты, не вѣдаемъ которые, за себя тому лѣтъ сорокъ. А волостныхъ, господине, деревень Ликуржскихъ тогды осталось одна шесть деревень съ людми; и намъ, господине, тогда было не до земель: людей было мало, искати не кому». А. Ю. № 8. 1498.

Это-то наличное количество крестьянъ владѣетъ, пользуется и распоряжается волостными землями. Если земель болѣе, чѣмъ сколько имъ нужно, они сдаютъ ихъ въ наемъ (Доп. къ А. И. I. № 84. 1555), или принимаютъ въ свой составъ новыхъ крестьянъ.

Поселеніе новыхъ крестьянъ на волостныхъ земляхъ совершалось, какъ и на владѣльческихъ, посредствомъ договоровъ. Но эти договоры нѣсколько отличаются отъ выше разсмотрѣнныхъ. Въ нихъ такъ же обозначается размѣръ снимаемаго участка и если онъ заброшенный, или совсѣмъ новый, то дается льгота. Но платежей въ пользу волости-собственника не выговаривается. Крестьянинъ, слѣдовательно, садится на волостную землю не какъ наниматель, а какъ членъ волости. Онъ обязывается только къ платежу государевыхъ даней «со крестьяны вмѣстѣ». Выгода волости при такой сдѣлкѣ заключалась единственно въ облегченіи ея податной тягости. Возложенныя на нее дани, натуральныя повинности и разныя службы распредѣлялись въ такомъ случаѣ на большее число тяглецовъ.

Въ единственной дошедшей до насъ порядной этого рода встрѣчаемъ обязательство крестьянина, уходя съ волостной земли, посадить на свой участокъ «иного жильца». Но не-

исполненіе этого условія не лишаетъ крестьянина права перехода, онъ обязывается только уплатить неустойку «старостѣ въ миръ рубль денегъ». А. Ю. № 187. 1596.

Трудно допустить, что волость давала подмогу или ссуду новымъ крестьянамъ. Нѣтъ указаній на то, чтобы въ волостяхъ существовали какіе-либо волостные капиталы для такихъ цѣлей.

Теперь возникаетъ вопросъ объ отношеніяхъ къ волостной землѣ отдѣльныхъ членовъ волости. Какія ихъ права, временные ли они только владѣльцы, и притомъ владѣльцы личные или общинники, или они владѣльцы-собственники? Проф. Чичеринъ въ своихъ статьяхъ: «Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи» и «Еще о сельской общинѣ» (отвѣтъ г. Бѣляеву), думается намъ, окончательно рѣшилъ вопросъ о томъ, что эти древнѣйшія отношенія крестьянъ къ волостной землѣ не имѣютъ ничего общаго съ порядками современной намъ общины. Онъ же высказалъ тамъ слѣдующую мысль: «отданный разъ жребій земли оставался въ вѣчномъ и потомственномъ владѣніи крестьянина» (Опыты, 20).

Мысль совершенно вѣрная. Но мы идемъ далѣе. Проф. Чичеринъ не признаетъ ни за волостью, ни за отдѣльными ея членами правъ собственности на волостную землю. Собственникъ у него — одинъ князь, у крестьянъ же вѣчное и потомственное владѣніе, да еще съ правомъ распоряженія. Мы не находимъ различія между такимъ владѣніемъ и собственностью и думаемъ, что отдѣльные крестьяне пріобрѣтали волостныя земли въ собственность. Сдѣлавшись членами волости, они освояли тѣ участки, къ которымъ примѣняли свой трудъ въ видахъ приспособленія ихъ къ постоянному хозяйственному пользованію. Въ собственности же волости оставалось только то, что не было освоено отдѣльными ея членами и чѣмъ они пользовались безъ раздѣла, напримѣръ: выгонъ, строевой и дровяной лѣсъ, луга и пр.

И это еще не все. Рядомъ съ индивидуальной и волостной собственностью была еще собственность товариществъ.

Товарищество есть соединеніе нѣсколькихъ крестьянъ для общихъ хозяйственныхъ цѣлей: расчистки подъ пашню лѣсныхъ порослей, устройства приспособленій для рыбной ловли и пр. У товариществъ общая собственность.

Отдѣльные крестьяне владѣютъ своими участками потомственно, имѣютъ по отношенію къ нимъ право распоряженія и ищутъ и отвѣчаютъ въ спорахъ объ этихъ участкахъ на судѣ.

Вотъ актъ продажи крестьянина-собственника на волостную пожню:

«Се язъ Тимоѳей, Ивановъ сынъ, Дороѳеева отступился есми царевы великого князя земли, а своего владѣнія, поженъ своихъ Мартемьяну, Еремѣеву сыну, Вешнякову, а ти мои пожни съ Киромъ, съ братомъ, по половинамъ. А ти мои пожни на Верьхной рѣки... (указаны границы). А взялъ есми на тихъ на своихъ пожняхъ четыре рубля денегъ московскимъ числомъ. А отступился есми ему тихъ своихъ поженъ въ дернь, безъ выкупа. А въ очищеніи ти своимъ пожнямъ язъ, Тимоѳей, Мартемьяну отъ купчихъ и закладныхъ, и во всемъ въ снимки въ тихъ своихъ пожняхъ. А не измоглъ есми съ тихъ своихъ пожнь потуговъ платити, ни дани. А на то послуси: Кирило Орелъ, Ивановъ сынъ, Дороѳеева да Иванъ, Дмитреевъ сынъ, Коряка. А отступную писалъ дьякъ Климяской Будаецъ, Михайловъ сынъ, Поповъ. Лѣта 7065. Ноявріе 25 день». А. Ю. № 136. 1556.

Волостныя земли дѣлятся между сонаслѣдниками. Въ судномъ спискѣ 1571 года напечатанъ раздѣльный актъ 1531 года:

«Се язъ, Назарья, Ѳонасьевъ сынъ, да язъ, Есипъ, да язъ, Григорей, да язъ, Валфромей, Филиповы дѣти, да язъ, Елизаръ, Ѳедоровъ сынъ, да язъ, Василей, да язъ, Павелъ, да язъ, Иванъ, Онкундиновы дѣти, да язъ, Омосъ, да язъ, Онтонъ, да язъ, Иванъ, Стефановы дѣти, да язъ, Ларіонъ, Стефановъ сынъ, роздѣлили есмя животы отцовъ своихъ: кони, и коровы, и овцы, хлѣбъ и деньги, котлы и сковороды, и суды и сѣдла, и весь животъ безъ вывѣта, и земля въ Карзинѣ курьи, свое владѣніе, и серебряное. Вси земли есмя раздѣлили въ Карзинѣ курьи по третямъ, дворы и дворища. Дворъ Назарьи да Есипу съ братьею съ нижняго

конца и т. д. Не въ дѣлу у насъ вобчего живота осталось: на Луды дворъ да лодья съ якоремъ, да въ Ислохомъ концѣ деревня, Омосова купля и т. д. До кабалы вобчіа не дѣлены. На то послуси..... А писалъ сію дѣлную Харлампейко, Семеновъ сынъ. Лѣта 7039». А. Ю. № 23.

Въ 1537—8 году эти наслѣдники, не въ силахъ будучи «съ тое земли дани давати великаго князя, ни службы служити, ни волостныхъ розрубувъ» тянуть, продали свои участки двумъ братьямъ, Тимоѳею да Гаврилѣ Барсану Селиверстовымъ. Въ двухъ актахъ отчужденія сказано, что продавцы будутъ всякіе дани давать и службы тянуть только до слѣдующаго года. По истеченіи же года уплата тягла, слѣдовательно, переходитъ на покупателей. Въ 1558 г. Селиверстовы подарили свои участки, три купленныя ими доли, въ домъ къ Пречистой Матери Божьи и къ Николы Чудотворцу въ Корельской монастырь. Въ дарственной ничего уже не говорится о государевомъ тяглѣ.

Тяглая земля перешла, такимъ образомъ, въ руки привилегированнаго собственника. Государева казна могла понести убытокъ, но никто не протестовалъ, такъ какъ дарители были въ своемъ правѣ, они собственники и могли отчуждать.

Черезъ 10 лѣтъ, въ 1568 г., Корельскій монастырь предъявилъ искъ къ Першѣ Трубину, доказывая, что онъ сидитъ на подаренной монастырю Селиверстовыми землѣ и пашетъ эту землю два лѣта сильно.

Въ качествѣ отвѣтчика судъ вызываетъ Першу Трубина, а не представителей волости. Перша говоритъ, что онъ отвѣчаетъ за собь въ своей доли, что онъ живетъ въ своемъ дворѣ и на своей землѣ, а не на монастырской. Но Перша не доказалъ своего права и судъ присудилъ спорную землю монастырю. Потерялъ отъ этого не одинъ Перша, но и вся волость, но объ ея интересахъ на судѣ и рѣчи не было. Судьи и не задумались надъ правомъ Селиверстовыхъ подарить монастырю тяглую землю.

А судьи были не приказные люди, мѣстныхъ порядковъ не знающіе, а двинскіе выборные.

Но совершенно также поступаютъ и приказные судьи. Въ 1534 году Ѳерапонтовъ монастырь предъявилъ искъ къ нѣсколькимъ крестьянамъ Есюнинской волости. Онъ доказывалъ, что Гридя Черепъ съ товарищами (всего въ дѣлѣ перечислено 12 человѣкъ, считая въ этомъ числѣ и сыновей при отцахъ, 5 человѣкъ), перелѣзли за волостную межу, сѣкутъ монастырскій лѣсъ и пашни пашутъ и сѣна косятъ сильно уже третій годъ. Хотя искъ былъ предъявленъ не къ волости а къ товариществу, но дѣло шло о волостной землѣ. Отвѣтчики говорили: «то, господине, земля, на которой стоишь, Божія, да государя, великаго князя, Есюнинскія волости; а роспаши и ржи наши, а пашемъ, господине, тѣ лѣса мы», и ссылались на старожильцевъ, которые знаютъ межи Есюнинской земли съ монастырскими. Несмотря на то, что дѣло касалось интересовъ волости, государевы судьи не вызвали представителей волости, а ограничились вызовомъ къ отвѣту членовъ частнаго товарищества, указанныхъ истцами.

Въ рѣшеніи же читаемъ:

«И по великаго князя слову, Ивана Васильевича всея Руси, и по великаго князя дворетцкого докладу, князя Ивана Ивановича Кубенского, и по судному списку, судія, Ѳедоръ Гнѣвашовъ, присудилъ: ищейнымъ старожильцомъ Ѳерапонтова монастыря, Ѳоиму Окулову и пр.. ., итти съ иконою по межамъ и спорную землю отвести отъ Есюнинскые волости къ Ѳерапонтову монастырю».

Границы волости при этомъ отводѣ могутъ пострадать но до этого нѣтъ никому дѣла, а всего, кажется, менѣе самому великому князю и его дворецкому. Частная собственность отдѣльныхъ лицъ и общая товариществъ совсѣмъ заслоняютъ права волости. Въ спорномъ мѣстѣ волостной землей владѣетъ Гридя Черепъ съ товарищами, они одни и отвѣтчики, какъ въ предшествовавшемъ случаѣ отвѣчалъ одинъ Перша Трубинъ и на томъ же основаніи.

Древность вовсе не была занята логическимъ построеніемъ юридическихъ понятій, а потому тогда и было возможно не-

возможное для насъ. Но логика не можетъ быть нарушаема безнаказанно.

Крайнее развитіе правъ отдѣльныхъ членовъ волости на счетъ цѣлой волости должно было неминуемо вести къ ослабленію и разложенію волости. Отдѣльные члены разрывали ее на части.

Не смотря на логическое противорѣчіе указаннаго порядка, онъ былъ очень распространенъ въ древности.

Весьма близки къ описанному порядку землевладѣнія поземельныя отношенія германской общины.

Въ составъ древней германской марки входили земли двоякаго рода: 1) дворы, виноградники и поля принадлежали отдѣльнымъ членамъ общины на правѣ частной собственности; 2) лѣса и луга составляли собственность общины и находились въ нераздѣльномъ пользованіи отдѣльныхъ ея членовъ.

Эта нераздѣльность не была, однако, постояннымъ свойствомъ общей марки. Нераздѣленныя земли служили запаснымъ капиталомъ для членовъ общины, и какъ скоро кто нибудь изъ нихъ чувствовалъ необходимость увеличить свои поля, онъ могъ это сдѣлать на счетъ нераздѣленной марки. Для этого довольно было вспахать и засѣять еще никѣмъ не воздѣланную землю, или даже и того меньше — обойдти ее при соблюденіи нѣкоторыхъ обычныхъ формальностей, и она переставала быть общей и обращалась въ частную собственность. Въ непосредственной связи съ этимъ правомъ занимать общія земли стоитъ другое, очень къ нему близкое, выселяться на общія земли. По мѣрѣ возрастанія народонаселенія, участки, состоявшіе въ частной собственности и переходившіе по наслѣдству отъ родителей къ дѣтямъ, должны были все болѣе и болѣе дробиться. Пока деревни не были еще очень велики, можно было избѣгнуть излишняго дробленія посредствомъ занятія для новыхъ членовъ семейства пустопорожнихъ земель. Но когда деревни очень увеличились и обложились большимъ пространствомъ распаханныхъ полей, новыя заимки не представляли тѣхъ-же выгодъ

въ хозяйственномъ отношенiи, потому что лежали очень далеко отъ дворовъ. Тогда оставалось одно только средство— совершенное выселенiе новыхъ членовъ на новыя мѣста. Такимъ образомъ въ каждой маркѣ возлѣ первоначальной деревни мало-по-малу возникли новыя (Filialdörfer), которыя въ свою очередь часть земли, сколько было нужно, обращали въ частную собственность, а остальною маркой пользовались безъ раздѣла на ряду съ главной деревней *)

Для пользованiя нераздѣльной маркой не было установлено никакой формы общиннаго хозяйства, опредѣляющей мѣру участiя отдѣльныхъ членовъ въ общей маркѣ. Въ нераздѣльныхъ лѣсахъ господствовала совершенно частная система хозяйства. Всякiй членъ общины пользовался ими какъ своею собственностью: рубилъ, гдѣ и сколько хотѣлъ, безъ всякихъ ограниченiй. Обилiе земель и лѣсовъ устраняло необходимость какой-либо опредѣленной формы общиннаго пользованiя.

Нельзя, однако, сказать, чтобы на ряду съ этими широкими правами каждаго отдѣльнаго члена сама община, какъ самостоятельное цѣлое, не имѣла никакихъ правъ на марку. Ея право проявляется въ томъ, что никто, не принадлежащiй къ общинѣ, не могъ ни селиться **) на ея земляхъ, ни покупать ихъ безъ ея согласiя. Такимъ образомъ, общинѣ присуще было сознанiе о томъ, что земля марки принадле-

*) Встрѣчаются выселки, которые пользуются меньшими правами, чѣмъ первоначальныя деревни; но ихъ возникновенiе относится къ позднѣйшему времени, когда уже начиналъ чувствоваться недостатокъ въ земляхъ.

**) Въ этомъ случаѣ проявилось очень характеристическое для древнѣйшей исторiи едва-ли не всякаго права преобладанiе частнаго элемента надъ общимъ. Законъ Салическiй (XLVII 1, изд. Pardessus, пятый текстъ), въ которомъ встрѣчается древнѣйшее постановленiе, относящееся къ этому предмету, требуетъ для принятiя новаго члена единогласнаго приговора общины: одинъ членъ, не желающiй дозволить иностранцу поселиться въ нераздѣльной маркѣ, можетъ требовать его удаленiя, если-бы всѣ другiе и были противнаго мнѣнiя; а, конечно, воля общины болѣе выражается въ мнѣнiи всѣхъ ея членовъ за исключенiемъ одного, чѣмъ въ мнѣнiи этого одного.

житъ ей, что она собственница. Но это нисколько не мѣшало отдѣльнымъ членамъ общины осваивать земли марки въ свою частную собственность. Явленія, на нашъ взглядъ взаимно исключающія другъ друга, въ древности уживались дружно вмѣстѣ. Здѣсь мы встрѣчаемся, какъ и у насъ, единовременно съ правами цѣлой общины на земли марки и съ правомъ отдѣльныхъ членовъ общины обращать эти земли въ свою частную собственность.

Въ 1884 году профессоръ Лучицкій издалъ сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украйнѣ XVIII вѣка. Эти матеріалы чрезвычайно важны для исторіи землевладѣнія. Хотя они относятся къ XVIII вѣку, но въ нихъ можно, кажется, найти черты весьма первобытныхъ формъ. Данныя этихъ новыхъ матеріаловъ во многомъ напоминаютъ поземельныя отношенія германской марки.

У казаковъ и посполитыхъ лѣваго берега Днѣпра были пахатныя земли и сѣнокосы, принадлежавшіе имъ на правѣ частной собственности. Они называются «отчизными и дѣдозными грунтами, предковскими нивами, своими власными землями и водами» (ставками, стр. 26, 127, 128 и др.).

Этимъ освоеннымъ землямъ и водамъ противополагаются «вольныя, свободныя степи» принадлежащія цѣлому обществу казаковъ и посполитыхъ. Отдѣльные члены общества пользуются степями, по ихъ обилію, безраздѣльно.

Можно думать, что такое безраздѣльное пользованіе свободной степью предшествовало освоенію земель въ частную собственность; освоеніе явилось, какъ результатъ наслѣдственнаго пользованія землей въ однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ.

Еще во 2-й половинѣ XVIII вѣка были села, жители которыхъ еще не имѣли частной собственности, а пользовались общественными землями безъ раздѣла.

Горошинское сотенное правленіе (Хорольскаго уѣзда) на вопросъ Комисссіи для сочиненія генеральной описи Лубенскаго полка, сколько за каждымъ казакомъ и посполитымъ

состоитъ собственной его пахатной и сѣнокосной земли, отвѣчало:

«Въ сотнѣ же Горошинской, при селѣ Буромцѣ поле пахатное, тамъ же вмѣстѣ зъ онимъ и сѣнокосное, по древнему тамо установленію, обще всѣми жителями, козаками и посполитыми ранговыми господина полковника Лубенскаго, Ивана Петровича Кулябко, употребляется, сколько кому якого лѣта къ паханію и сѣнокосу надобность укажетъ, и гдѣ кто себѣ застигнетъ, тамо оретъ либо коситъ, а собственнаго нѣ якого не имѣется» (стр. 166, годъ 1766).

Слова: «гдѣ кто себѣ застигнетъ, тамо оретъ либо коситъ, а собственнаго нѣ якого не имѣется» такъ и напрашиваются на сравненіе съ свидѣтельствомъ Цезаря о суэвахъ: sed privati ac separati agri apud eos nihil est.

Также безраздѣльно пользуются свободной степью и посполитые мѣстечка Песчанаго:

«По природѣ нашей, говорятъ они, будучи мы посполитые, и живучи въ мѣстечку Пѣшанномъ подъ ратушею, равно какъ въ давнину и предки наши, обще съ казаками, жителями пѣщанскими, въ свободномъ къ мѣстечку Пѣшанному принадлежащемъ степку сѣнокосомъ и паханіемъ хлѣба довольствовались вообщѣ, безпрепятственно и безобидно, одинъ передъ другимъ, на перемѣнныхъ мѣстахъ, гдѣ кто пожелалъ...» (стр. 202, годъ 1767).

Это пользованіе вольной степью называется въ актахъ пользованіемъ «вообще». Но изъ приведенныхъ мѣстъ надо заключить, что это не есть какой-либо видъ общиннаго пользованія; это индивидуальное пользованіе. Земли такъ еще много, что каждый можетъ косить и пахать, гдѣ и сколько ему нужно. Право-же собственности на вольную степь принадлежитъ цѣлой общинѣ, которая можетъ ее и отчуждать въ частную собственность. Въ матеріалахъ есть указанія на передачу вольныхъ земель отдѣльнымъ лицамъ «въ вѣчность съ дѣтьми и потомками» (стр. 130, 133), есть и акты отчужденія такихъ «власныхъ земель» (кѣмъ-либо уже освоенныхъ) отдѣльными лицами.

Освоеніе въ частную собственность вольной, не обороной

земли происходитъ и помимо воли общины. Отдѣльныя лица, занимая постоянно одни и тѣ-же участки, этимъ самымъ выводятъ ихъ изъ безраздѣльнаго пользованія членовъ общины; а въ слѣдующихъ поколѣніяхъ они становятся уже частною собственностью дѣтей заимщиковъ. Въ знакъ освоенія такіе участки окапываются рвомъ. Въ силу такой заимки отцомъ казаковъ Панфиленковъ Андреевской балки, сыновья Панфиленки считаютъ уже себя собственниками балки, предъявляютъ искъ къ сотнику Гулаку, который порубилъ въ ихъ дубровѣ лѣсъ, и выигрываютъ дѣло.

Вотъ нѣсколько характерныхъ показаній свидѣтелей по этому дѣлу:

«Прокопъ Гелевера, Петро Вакуленко, Никита Болѣлой показали: зазнаютъ де они зъ давнихъ годовъ, что противъ села Выползокъ, на горѣ, и около балки Андрейченковой поле дико и неоранное било, на которомъ полѣ житель виполскій, Кирило Афѣцеренко, чрезъ 12 лѣтъ пасъ мирское стадо. Когда-же тое поле обивателы облогомъ (цѣлиною) на проса началы подниматъ, то на полковника переяславского, Стефана Томару, тамо по горѣ десятина собираласъ; а послѣ того, когда десятина собиратисъ на его, полковника, не стала, то отецъ Панфыленковъ въ той балки становилъ пчолы, и около той балки подъ горе поля болше двохъ недель сталъ своить и боронить, а почему боронилъ, они того не вѣдаютъ. И въ томъ бороненіи отцемъ Панфиленковъ поля нѣ отъ кого ему зъ обивателей виполскихъ препятствія не чинено». «Павло Згонниченко по зсилки истцовъ показалъ: будетъ де тому годовъ зъ 20, какъ онъ, Згонниченко, въ отца Панфиленковъ ходилъ въ плуга и обороувалъ дубнякъ на полѣ Помокелскомъ по узъ (вдоль) дорогу, идучую на Сосновъ, якой дубнякъ билъ давнего времени окопанъ ровомъ...; а покамистъ тотъ дубнякъ оборанъ не билъ, то въ ономъ дубняку волно было кому хотя рубатъ. Когда же отцемъ Панфиленковъ тотъ дубнякъ оборанъ и сталъ тамо пасѣкою сидѣть, то отъ тѣхъ поръ отецъ ихъ, Панфиленковъ, заборонилъ и рубатъ въ ономъ никого не лопустилъ. И того же времени онъ, Згонниченко, по узъ тотъ же дубнякъ отцу Панфиленкову облогомъ на просо оралъ дней за 3 или болше, того, за давностью, не упомнитъ».

А вотъ и начало резолюціи Переяславской полковой канцеляріи:

«А понеже, какъ зъ дѣла видимо, что отвѣтчикъ, сотникъ Гулакъ, въ противность указовъ и правъ малороссійскихъ, по единой страсти и лакомству своему, истцамъ во владѣніи грунтовъ, отцемъ и дѣдомъ ихъ, истцовъ, и ими наслѣдственно владѣемыхъ, самоизволно обиду въ виораніи истцового поля и порубѣ гая, присовокупляя то себѣ, ко владѣнію приключивъ напрасно, и виняя себя тимъ, якоби онъ поле пооралъ и гай порубалъ не истцовъ, Панфиленковъ, но волное, гдѣ всякому обивателю поля пахать и лѣсъ рубать невозбранно...» (№ XX, годъ 1745).

Такимъ образомъ, судъ призналъ, что заимка, сдѣланная отцомъ Панфиленкомъ, обратила вольное поле, гдѣ всякому обывателю было не возбранно пахать и лѣсъ рубить, въ частную собственность его и его сыновей.

Одни и тѣ же явленія наблюдаются на такомъ громадномъ пространствѣ, какъ сѣверная Россія, лѣвый берегъ Днѣпра и Германія. Ясно, что они составляютъ необходимое слѣдствіе какихъ либо общихъ причинъ, вліявшихъ въ этомъ именно направленіи на народное мышленіе. Въ древнемъ народномъ мышленіи не обособилось еще владѣніе и собственность. Собственность представлялась ему въ матеріальной оболочкѣ владѣнія. Кто дѣйствительно владѣлъ и пользовался, тотъ и былъ собственникъ. Владѣли члены общины безраздѣльно, распахивая то тамъ, то здѣсь (переложная система) въ предѣлахъ нѣкоторой, приблизительно сохой, косой и топоромъ опредѣленной мѣстности, они и признавались ея собственниками. Но если кто-нибудь изъ нихъ усаживался на опредѣленномъ участкѣ «за особь», онъ тѣмъ самымъ исключалъ этотъ участокъ изъ пользованія другихъ и освоялъ его себѣ.

Крестьяне, поэтому, первые по времени землевладѣльцы и собственники. Землевладѣльцы не земледѣльцы всегда и вездѣ явленіе позднѣйшее.

Въ древнѣйшихъ изъ дошедшихъ до насъ княжескихъ договорахъ можно найдти офиціальное признаніе крестьян-

ской собственности. Московскіе князья договариваются между собой:

«Черныхъ земель не купить» (Рум. Собр. I. № 33. 1388).

Черные люди, значитъ, признаются князьями собственниками, они продаютъ свои земли. Князьямъ это не нравится, но они не могутъ еще запретить такихъ продажъ, какъ не могутъ запретить и крестьянскаго выхода. Они обязываютъ только другъ друга не покупать этихъ земель.

Первый Судебникъ формально различаетъ черныя земли отъ земель великаго князя и установляетъ для нихъ разные сроки давности. Для исковъ о черной землѣ полагается трехъгодичная давность, для исковъ о землѣ великаго князя— шестилѣтняя (63).

Особность крестьянскихъ земель отъ княжескихъ и царскихъ замѣтна и въ царскихъ приговорахъ XVI вѣка. Царь и великій князь, Иванъ Васильевичъ, приговорилъ писцовъ послати во всю свою землю

«Писать и смѣтити и м о и, царя и великаго князя, и митропольчи, и владычни, и монастырскіе, и церковные земли, и княжескіе, и боярскіе, и помѣстные, и вотчиные, и ч е р н ы е, и оброчные» (Ж. М. Н. Пр. ч. 186, статья Жданова, 64).

Земли великаго князя противополагаются здѣсь чернымъ. Только ихъ называетъ онъ своими, а эти — земли черныхъ людей. Отъ различія земель идетъ и различіе людей. Волостные крестьяне противополагаются сельчанамъ великаго князя, сидящимъ на его земляхъ:

«Отъ великаго князя, Ивана Васильевича, всея Русіи въ Переявлавль и въ иные городы намѣстникомъ, и въ Переяславскій и въ иные уѣзды волостелемъ и ихъ тіуномъ, и по мытомъ мытчикомъ, и по ямомъ ямщикомъ, и м о и м ъ, великаго князя, с е л ь ч а н о м ъ, и митрополичимъ, и княжимъ, и боярскимъ, и вотчиникомъ, и монастырскимъ, и псаремъ... и оброчнымъ и в о л о с т н ы м ъ к р е с т ь я н а м ъ». А. Э. I. № 190. 1540.

Отдаленный слѣдъ различія тяглыхъ людей и государевыхъ дворцовыхъ можно найдти еще въ Уложеніи:

«А изо псарей, тяглыхъ людей, самихъ и ихъ дѣтей въ тягло имати». XIX, 25, ср. 24.

Псарь—дворцовый человѣкъ, положеніе его привилегированное; тяглые люди охотно идутъ во псари, но тягло отъ этого страдаетъ; отсюда приведенное распоряженіе. Оно, впрочемъ, не новое. Еще въ XIV вѣкѣ московскіе князя договаривались:

«Черныхъ людей въ службу не принимать». Рум. Собр. I. № 33. 1388.

Но тогда надо было договариваться объ этомъ, въ XVII же вѣкѣ поступленіе на службу можно уже прямо запретить.

Противоположеніе правительственными актами черныхъ людей сельчанамъ великаго князя и другимъ не чернымъ людямъ условливается не однимъ тѣмъ, что они сидятъ на своихъ черныхъ земляхъ, а главнымъ образомъ тѣмъ, что они тянутъ государево тягло. Они платятъ государевы дани, кормятъ государевыхъ коней, косятъ государево сѣно, содержатъ волостелей и намѣстниковъ кормами, продажами и вирами, дѣлаютъ городовое дѣло и тянутъ во всѣ волостные розрубы.

Любопытно, что крестьяне вольныхъ городовъ, сидѣвшіе на своихъ земляхъ, также несли повинности въ пользу своихъ выборныхъ властей. Въ Новгородѣ существовало съ этой цѣлью особое «поралье посаднице и тысяцкого». Въ началѣ XV вѣкѣ это поралье съ крестьянъ Терпилова погоста бралось «не по старинѣ». Крестьяне жаловались. И вотъ господинъ Великій Новгородъ установилъ тогда:

«Давать имъ поралье посаднице и тысяцкого по старымъ грамотамъ: по сороку бѣлъ да по четыре сѣва муки, по десяти хлѣбовъ». А. И. I. № 17.

При существованіи вольнаго перехода эти повинности, по необходимости, пріурочены къ землѣ, а не къ лицу. Поэтому переходъ тяглыхъ земель къ привилегированнымъ собственникамъ долженъ былъ давно обратить на себя внима-

ніе князей. Въ XV вѣкѣ они не чувствуютъ еще себя на столько сильными, чтобы отмѣнить исконное право крестьянъ-собственниковъ продавать свои тяглыя земли. Они ограничиваются соглашеніемъ не покупать ихъ. Что же касается тяглыхъ земель, уже пріобрѣтенныхъ привилегированными лицами, они предоставляютъ пріобрѣтателямъ такую альтернативу: или тянуть вмѣстѣ съ черными, или взять свои деньги назадъ.

«А кто будетъ покупилъ земли данныѣ, служни, или черныхъ людей, по отца моего животѣ, по князя великого по Ивановѣ, а тѣ хто взможетъ выкупити, инѣ выкупятъ; а не взмогутъ выкупити, инѣ потянутъ къ чернымъ людемъ. А кто не въсхочетъ тянути, инѣ ся земель съступятъ, а земли чернымъ людемъ даромъ» (Р. С. I, № 33. 1388).

Но княжескимъ указамъ не сразу удается отстоять интересы княжеской казны. Распоряженія въ духѣ приведеннаго повторяются изъ вѣка въ вѣкъ и доживаютъ до XVII столѣтія. Грамота Михаила Өедоровича въ Устюжну Желѣзопольскую отъ 1614 года содержитъ постановленіе очень близкое къ только что приведенному:

«А кто учнетъ жити на черной землѣ, сынъ боярской или приказной человѣкъ, или митрополичь, или владычнь, или монастырьской, или чей кто ни буди: и тѣ люди волостелю устюженскому и его тіуну судимы и тягло имъ съ тѣхъ дворовъ, оброки и всякіе разметы тянути по вытно, что на нихъ цѣловалники положатъ». А. Э. III. № 37. 1614.

Но бѣломѣстцы, привыкшіе къ своимъ привилегіямъ, не тянутъ тягла съ черными людьми. Посадкіе Устюжны Желѣзопольской въ 1623 году доносятъ Михаилу Өедоровичу:

«Въ прошлыхъ де годѣхъ дворяне и дѣти боярскіе и всякіе съѣзжіе уѣздные люди покупали на Устюжнѣ въ острогѣ, для осаднаго времени, у посадскихъ людей дворы и посадскую землю, пашни и пожни, и въ рядахъ лавки тяглыя, ... а нашихъ де податей съ нами, съ посадскими людми, съ тѣхъ своихъ дворовъ и съ лавокъ и съ земли не тянутъ». А. Э. III. № 138.

Этимъ нежеланіемъ служилыхъ людей тянуть черное тягло, надо объяснять то, что московское правительство съ начала XVII вѣка начинаетъ принимать другія мѣры къ огражденію своихъ фискальныхъ интересовъ. Оно начинаетъ запрещать чернымъ людямъ продавать свои недвижимости бѣломѣстцамъ безъ именнаго государева указа (П. С. З. № 1157, гдѣ приведенъ такой запретительный указъ отъ 1626 года). Но эти запрещенія, изъ году въ годъ повторявшіяся, совершенно противорѣчили исконному русскому обычаю, въ силу котораго черные люди всегда распоряжались своими недвижимостями, а потому продажи тяглыхъ земель бѣломѣстцамъ продолжаются и послѣ запрещеній. Это вынудило правительство назначить ослушникамъ новыхъ указовъ тяжолыя наказанія; въ Уложеніи читаемъ:

«А кто продастъ или заложитъ бѣлымъ людемъ тяглый дворъ, и тѣ дворы имати и отдавати безденежно въ сотни, а по закладнымъ, у кого тѣ дворы были заложены, въ деньгахъ отказывати. А кто черные люди тѣ свои дворы продадутъ, или заложатъ, и тѣхъ черныхъ людей за воровство бити кнутомъ». XIX, 39.

Но и наказанія не достигали цѣли. Даже правительственныя учрежденія считали акты отчужденія черными людьми своихъ недвижимостей бѣломѣстцамъ дѣйствительными и принимали ихъ къ запискѣ въ книги. Такъ поступалъ, напримѣръ, Земскій приказъ еще въ 1672 и 1680 годахъ. А въ 1681 государь, царь и великій князь Ѳедоръ Алексѣевичъ дозволилъ бѣломѣстцамъ, въ противность прежнимъ указамъ, владѣть черными землями, до 1681 года пріобрѣтенными и въ Земскомъ приказѣ за пріобрѣтателями записанными, на условіи платежа однихъ мостовыхъ денегъ. П. С. З. № 887. Это, впрочемъ, спеціальный указъ; онъ имѣетъ въ виду только городовыхъ тяглыхъ людей.

Такую упорную борьбу приходилось вести московскому правительству съ русской стариной. Немудрено, что эта старина стала для насъ почти не узнаваемой.

Указанная трехъ-вѣковая борьба представляетъ лишь

новое подтвержденіе мысли, что тяглыя земли составляли собственность тяглыхъ людей, а не князей.

Участки или доли земли отдѣльныхъ членовъ волости были далеко не одинаковы. Если крестьяне вновь садились на волостную землю, то, какъ и при наймѣ владѣльческой земли, каждый бралъ себѣ столько, сколько находилъ нужнымъ. Впослѣдствіи этотъ участокъ могъ увеличиться путемъ распашки нови и разработки лѣсныхъ зарослей, или путемъ покупки культивированныхъ уже участковъ, и на оборотъ, могъ уменьшиться дѣлежомъ между сонаслѣдниками, продажей, дареніемъ и пр. Такимъ образомъ, въ волости могли быть крестьяне, которые владѣли столь значительными участками, что должны были обработывать ихъ наймомъ. До насъ дошла одна такая порядная. Мы указали уже выше на крестьянъ, Тимоѳея и Гаврилу Барсана Селиверстовыхъ, скупившихъ въ 1537—8 годахъ три доли земли въ Карзинѣ Курьи. Одинъ изъ продавцевъ въ 1544 г. нанялся у покупателей пахать на нихъ часть купленной ими у него же и его родственниковъ его земли и засѣвать ее.

Вотъ эта порядная:

«Се язъ, Елизарей, Ѳедоровъ сынъ, Трубинъ, Лисестровецъ, порядился есми Тимофею и Барсану, Селиверстовымъ дѣтямъ, въ Карзину Курью великого князя, а своего же владѣнія (бывшаго), отъ Елизара (отъ него же, продавца) шло пять веревокъ, а другая пять вервей шла отъ Онтона и отъ Ивана, отъ ихъ же сродичевъ («ихъ» не описка, а поставлено потому, что Елизарій продалъ свою долю, пять веревокъ, не одинъ, а вмѣстѣ съ совладѣльцемъ и родственникомъ своимъ, Павломъ Онкиндиновымъ; Антонъ и Иванъ сродичи Елизаръ и Павла), и язъ Елизаръ порядился на всю десять вервей, а сѣяти мнѣ на нихъ шесть пудовъ жита уркомъ. А пріѣдутъ писци великого князя и мнѣ, Елизару, и моимъ дѣтемъ на той земли не описыватися. А на то послуси . . . А порядную писалъ . . . Лѣта 7052 генваря въ 28 день» А. Ю. № 23. 1544.

Въ 1571 году сынъ этого Елизара, Перша, показывалъ на судѣ, что у отца его была еще и своя земля.

Приведенная порядная, по всей вѣроятности, была напи-

сана главнымъ образомъ съ цѣлью оградить право Селиверстовыхъ. Поручая обработку купленой ими земли одному изъ бывшихъ собственниковъ, они опасались, какъ бы онъ, при описи, не показалъ ее своей. Этой исключительной цѣлью и можетъ объясняться неполнота порядной, въ которой ничего не говорится о платѣ за трудъ.

Въ одной грамотѣ половины XV вѣка находимъ даже указаніе на то, что отдѣльные волостные крестьяне-собственники сажали на своихъ земляхъ другихъ крестьянъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это дѣлали монастыри и иные частные владѣльцы. Въ грамотѣ на Бѣлоозеро сотнику городскому и всѣмъ христіанамъ и старостамъ, великій князь, Иванъ Васильевичъ, предоставляетъ возить за себя монастырскихъ серебрениковъ, заплативъ за нихъ серебро (А. Э. I. № 73). Кто же будетъ платить долги серебрениковъ? Мы не находимъ возможности допустить, что на условіи платежа долговъ будетъ возить волость въ цѣломъ. Наши волости не выработали необходимой для такихъ общихъ дѣлъ организаціи. Здѣсь, конечно, разумѣются отдѣльные крестьяне, которые на свои участки вывозятъ монастырскихъ крестьянъ.

Обладаніе тяглой землей не составляло какого-либо преимущества тяглыхъ крестьянъ. Тяглыя земли нерѣдко были въ такой степени обременены казенными повинностями, что черные люди находили для себя болѣе выгоднымъ бросить ихъ и перейти на владѣльческія. Трудъ, употребляемый на постройку зданій, поддержку ихъ въ исправномъ видѣ и на приспособленіе къ хозяйству пустошей и лѣсныхъ зарослей на владѣльческихъ земляхъ не непремѣнно терялся для земледѣльца въ случаѣ его ухода съ владѣльческой земли. Изъ монастырскихъ уставныхъ грамотъ узнаемъ, что крестьянамъ предоставлялось право продавать и мѣнять между собой крестьянскіе дворы и земли (А. Э. I. № 258. 1561). Крестьянинъ могъ, поэтому, безбоязненно тратить и трудъ и даже деньги на улучшеніе своего хозяйства. Можно думать, что такой порядокъ былъ гораздо болѣе распространенъ, чѣмъ это видно изъ памятниковъ.

Кромѣ относительной легкости повинностей, богатые землевладѣльцы привлекали къ себѣ крестьянъ и тѣмъ, что въ крайнихъ случаяхъ сами платили за нихъ государево тягло. Игуменья и сестры Михалецкаго монастыря Рождества Пречистыя Богородицы въ челобитной великому князю говорятъ, что онѣ «и тягли многіе во много лѣтъ, измогаясь, за тѣхъ своихъ крестьянъ платили сами собою» (Доп. къ А. И. I. № 113, 1560).

Можно думать, что жизнь на владѣльческой или тяглой землѣ не есть единственный способъ существованія крестьянъ. Нѣкоторыя выраженія памятниковъ даютъ право предположить, что крестьяне могли пріобрѣтать и не тяглые участки. Въ судномъ дѣлѣ конца XV вѣка приведена такая купчая:

«Се язъ, Данило Васильевичъ Блинъ, купилъ есми у Ивана, у Микулиничя, у Москотиньева у Болшего деревню Сарьскую, на Юзѣ, съ хлѣбомъ и съ сѣмяны, опрочь половничьи половины да ихъ собины».... А. Ю. № 3.

Половники, снявшіе часть деревни у Ивана Москотиньева, имѣли еще тамъ же свою собину, которая не названа тяглой волостной землей.

Крестьяне могли имѣть въ посадахъ лавки и производить въ нихъ торговлю.

Въ платежной книгѣ города Переяславля Рязанскаго читаемъ:

«Въ городѣхъ Переяславлѣ у Рязанскихъ воротъ лавки и прилавки и анбары съ разными товары, а въ нихъ торгуютъ: пушкари, и затинщики, и стрѣлцы, и воротники, и казенные сторожи, и ямщики, и дворники, и изъ селъ крестьяне, и казаки, и бѣлодворцы».

«Отъ Рязанскихъ воротъ, въ городъ ѣдучи, на правѣ: лавка вдовы Марьи, Пушкаревы Ивановой жены,.. лавка Андрѣева крестьянина Петровича Клешнина Максимка, оброку 4 алтына 5 денегъ». А. до Юр. Б. № 141. 1596.

Въ дозорной книгѣ Чаронской округи читаемъ:

«Да на Чарондѣ же гостинъ дворъ... А ставилъ тотъ гостинъ дворъ Дмитреевъ человѣкъ, Годунова, Второй Хому-

товъ, и лавки велѣлъ ставити посадцкимъ и волостнымъ крестьяномъ. А нынѣ стоятъ въ пустѣ, что торгу нѣтъ, не торгуютъ ни чѣмъ, что на посадѣ и въ волостяхъ многіе люди, кои лавки ставили, высичены и животы пограблены».

«Да на Чарондѣ же дворы возлѣ озеро были ставлены, а ставили волостные крестьяне для торгу»... А. до Юр. Б. № 128. II. 1615.

Таково древнѣйшее положеніе крестьянъ. Въ большинствѣ случаевъ это мелкіе люди, живущіе землепашествомъ; но и между ними были собственники и даже не тяглыхъ земель и торговцы. Крестьяне незамѣтно сливаются съ высшими разрядами.

Право крестьянскаго перехода, при обиліи земель и сравнительномъ недостаткѣ рукъ, при возможности, для богатыхъ собственниковъ, предлагать крестьянамъ болѣе выгодныя условія, чѣмъ это могли сдѣлать небогатые, — не могло одинаково всѣмъ нравиться. Были недовольные. Князья получали жалобы на переходъ. Жалуются и привилегированные владѣльцы и волостные крестьяне.

Результатомъ такихъ жалобъ являются частныя ограниченія крестьянскаго перехода, устанавливаемыя въ извѣстной мѣстности и для крестьянъ извѣстнаго владѣльца.

Древнѣйшія, изъ дошедшихъ до насъ ограниченій этого рода, относятся къ половинѣ XV вѣка.

Мы уже знаемъ, что бѣлозерскій князь, Михаилъ Андреевичъ, дозволилъ волоцкимъ тяглымъ крестьянамъ принимать къ себѣ монастырскихъ серебряниковъ Ѳерапонтова монастыря въ теченіи всего года и съ чрезвычайными льготами по уплатѣ долговъ (стр. 208). Это не нравилось монастырю. Онъ жаловался князю на неудобства такого порядка и просилъ объ отмѣнѣ. Князь соизволилъ. Онъ подерниль полѣтную грамоту и предписалъ монастырскихъ серебрениковъ принимать только на одинъ срокъ въ году, о Юрьевѣ днѣ осеннемъ, и неиначе, какъ по уплатѣ ими серебра.

«И язъ пожаловалъ игумена, Екима, и старца Мартемьяна

и всю братью, и ты бы (путный бояринъ Өедоръ Константиновъ) монастырскихъ людей, серебрениковъ, отъ Юрьева дни до Юрьева не принималъ, а принималъ бы еси серебреники о Юрьевѣ дни о осеннемъ, и которой пойдетъ о Юрьевѣ дни монастырьскихъ людей въ твой путь, и онъ тогды и денги заплатитъ. А ту есми полѣтную подернилъ. А игумену есми и всей братьи отъ Юрьева дни до Юрьева дни изъ своихъ деревень серебрениковъ пускать не велѣлъ, а велѣлъ есми имъ серебрениковъ отпускать за двѣ недѣли до Юрьева дни и недѣлю по Юрьевѣ дни. А которые будутъ вышли въ монастырьскомъ серебрѣ въ твой путь, и они бы дѣло додѣлывали въ то серебро, а въ серебрѣ бы ввели поруку (поручителей въ вѣрной уплатѣ), а осень придетъ, и они бы и серебро заплатили. А прочетъ сію грамоту да отдай назадъ игумену, Екиму, и старцу Мартемьяну и всей братьи». (А. Э. I. № 48, I).

Нуждается въ разъясненіи выраженіе: «додѣлывать дѣло въ то серебро». Изъ начала грамоты, приведеннаго на стр. 208, видно, что это серебро было ростовое. На крестьянахъ, слѣдовательно, лежала обязанность платить %, а не дѣло дѣлать за серебро. Но теперь князь запрещаетъ выходъ серебрениковъ до уплаты долга. Такимъ образомъ, возникло большое неравенство въ положеніи серебрениковъ, воспользовавшихся уже льготнымъ выходомъ, предоставленнымъ первою грамотою князя, и тѣми, которые остались на монастырской землѣ. И тѣ и другіе должны монастырю, но первые не работаютъ въ пользу монастыря и % не платятъ, а должны уплатить только капиталъ и то въ двухъ-годичный срокъ; вторые могутъ уйдти только по уплатѣ долга, а потому должны и работать и % платить, пока не будутъ въ состояніи уплатить долгъ. Для уравненія этого крайняго неравенства, порожденнаго новымъ распоряженіемъ, новая грамота и превлекаетъ вышедшихъ уже съ монастырскихъ земель серебрениковъ къ работамъ въ пользу монастыря. Эти-то работы князь и называетъ «дѣломъ въ то серебро», которое серебреники должны монастырю.

Тому-же князю принадлежитъ и другая грамота, въ которой Юрьевъ день признанъ общимъ срокомъ для перехода

не только серебрениковъ, но и такихъ крестьянъ, которые землевладѣльцу ничего не были должны. Серебреники-же, какъ и въ первой грамотѣ, не уплативъ серебра, не отходятъ. Грамота дана по жалобѣ Кириллова монастыря.

«Билъ ми челомъ отецъ мой, игуменъ Касьянъ, а сказываетъ, что у него отказываете людей монастырьскихъ, серебрениковъ, и половниковъ, и рядовыхъ людей, и юрьевскихъ, а отказываете не о Юрьевѣ дни, иныхъ о Рожествѣ Христовѣ, а иныхъ о Петровѣ дни. И вы бы такъ серебрениковъ, и половниковъ, и слободныхъ людей (жителей льготныхъ поселковъ, слободъ) не отказывали, а отказывали серебреники и половники о Юрьевѣ дни, да и серебро заплатитъ; а послѣ Юрьева дни отказа отъ серебреника нѣтъ, а коли серебро заплатитъ (на Юрьевъ день), тогда ему и отказъ. А игумену есми серебреника послѣ Юрьева дни пускати не велѣлъ. А кто сей моей грамоты ослущаетъ, быти отъ меня въ казни» (А. Э. I. № 48, II. 1450).

Тому-же Кириллову монастырю дана такая-же привилегія великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, подтвержденная потомъ и его сыномъ (тамъ-же, III).

Великій князь Василій Васильевичъ пошелъ и дальше. Отъ него сохранились двѣ грамоты, которыми онъ даетъ право Троице-Сергіеву монастырю вовсе не выпускать крестьянъ изъ села Присѣкъ, Бѣлозерскаго уѣзда, и изъ всѣхъ монастырскихъ селъ въ Углицкомъ уѣздѣ (А. И. I. № 59, 1455; А. Э. I. № 64, 1460, перепечатана въ А. до Юр. Б. I. № 37). Такимъ образомъ, въ половинѣ XV вѣка уже сдѣланъ первый опытъ прикрѣпленія крестьянъ, по челобитью монастыря, конечно. Хотя это и исключительные случаи, но они обнаруживаютъ тенденцію землевладѣльцевъ и волю князей оказать ей поддержку.

Послѣдняя ограничительная грамота изъ древнѣйшихъ, до насъ дошедшихъ, принадлежитъ великому князю Ивану Васильевичу. Она дана Кириллову монастырю. Въ ней идетъ рѣчь только о серебреникахъ, она запрещаетъ вывозъ ихъ безъ уплаты долга (А. Э. I. № 73).

Такихъ ограничительныхъ грамотъ могло быть и много

Но сколько-бы ихъ ни было, онѣ, установляя исключеніе изъ общаго порядка, только подтверждаютъ обычное право крестьянскаго перехода во всякіе сроки и безъ уплаты долговъ.

Этотъ порядокъ вещей въ московской Руси продолжается до изданія перваго судебника, въ которомъ находимъ первое общее для всѣхъ крестьянъ ограниченіе перехода.

«О христіанскомъ отказе. А христіаномъ отказыватися изъ волости (въ волость) и съ села въ село одінъ срокъ въ году, за недѣлю до Юрьева дни осеннего (26 ноября) и недѣлю после Юрьева дни осеннего. Дворы пожилые платятъ въ полѣхъ за дворъ рубль, а въ лесѣхъ полтина. А которой христіанинъ поживетъ за кимъ годъ, да поидетъ прочь, и онъ платитъ четверть двора; а два года поживетъ да пойдеть прочь, и онъ полъ двора платитъ; а три года поживетъ а пойдетъ прочь, и онъ платитъ три четверти двора; а четыре года поживетъ, и онъ весь дворъ платитъ».

Таково первое общее опредѣленіе крестьянскаго перехода. Крестьянамъ для выхода данъ двухъ-недѣльный срокъ, но и на этотъ срокъ переходъ не былъ свободенъ. Крестьянинъ долженъ былъ уплатить «пожилое» за пользованіе дворомъ. Что это, новость, или только оформленная старина? Прежде крестьянинъ обязывался сдать дворъ въ исправности, но не платилъ за пользованіе дворомъ. Возвращеніе двора въ исправности могло, конечно, подавать поводъ къ спорамъ и искамъ, справедливое рѣшеніе которыхъ было крайне затруднительно по невозможности точно выяснить первоначальное состояніе двора. Думаемъ, что для устраненія этихъ споровъ и установлено пожилое. Составители Судебника отправлялись отъ той мысли, что не твердый на своемъ участкѣ крестьянинъ постоянно разрушаетъ свой дворъ. Предполагается, что къ исходу четвертаго года такой крестьянинъ долженъ сдѣлать его негоднымъ къ употребленію, а потому за четыре года съ него и берутъ всю цѣну двора.

Случаи примѣненія закона, однако, не вполнѣ ясны. Какъ поступали съ тѣми крестьянами, которые не получали готоваго двора, а сами его вновь строили, а черезъ два—три года находили выгоднымъ уйдти?

Второй Судебникъ увеличиваетъ размѣръ пожилаго:

«Въ полѣ за дворъ рубль да два лтына, а в лѣсе, гдѣ десять верстъ до хоромного лѣсу, за дворъ полтина да два алтына». 88.

Въ добавокъ къ пожилому онъ установляетъ еще сборъ въ пользу землевладѣльца въ размѣрѣ двухъ алтынъ съ каждаго воза, на которомъ крестьянинъ увозилъ свою рухлядь. Это уже чистая новость: налогъ на крестьянскую зажиточность.

Кромѣ этого, въ царскомъ Судебникѣ, въ разрѣшеніе возникавшихъ, по всей вѣроятности, пререканій, сдѣланы еще слѣдующія добавленія:

«А пожилое імати с воротъ (а не съ каждыхъ хоромъ, какъ нѣкоторые, вѣроятно, требовали). А за повозъ (возъ) імати з двора по два алтына, а опричь того на немъ пошлинъ нѣтъ. А останется у которого крестьянина хлѣбъ в земли, і какъ тотъ хлѣбъ пожнетъ, і онъ с того хлѣба, іли стоячего, дастъ боранъ два алтына (въ пользу землевладѣльца). А по кои мѣста была рожь в земли, і онъ подать цареву і великого князя платитъ со ржи. А боярского дѣла ему, за кѣмъ жилъ, не дѣлати». 88.

Но ни первый, ни второй Судебникъ ничего не говорятъ о крестьянахъ-должникахъ и не повторяютъ прежде появлявшихся отъ времени до времени запрещеній ухода должникамъ до уплаты долга. Надо полагать, что такія запрещенія такъ и остались частными мѣрами, не перешедшими въ общій уставъ. Серебреники могли уходить и послѣ Судебниковъ, не платя долга.

Мы уже не разъ имѣли случай указывать на то, что указамъ московскихъ государей не легко достается борьба съ старыми народными обычаями. Народная старина продолжаетъ жить наперекоръ указамъ. Такъ случилось и съ правилами Судебниковъ. Отъ второй половины XVI вѣка до насъ дошли жалобы волостныхъ людей на то, что крестьянъ изъ ихъ «черныхъ деревень вывозятъ не по сроку, по вся дни, безпошлинно» (Доп. къ А. И. I. № 56). Любопытно здѣсь

указаніе на то, что установленныя Судебниками пошлины брались и волостями.

Псковская Судная грамота, установляя общія правила для перехода крестьянъ, значительно опередила московское законодательство. Псковскіе законодатели шли впереди московскихъ если не на цѣлое столѣтіе, то по крайней мѣрѣ на 30 лѣтъ (1397—1467).

Общій срокъ перехода въ Псковской грамотѣ опредѣленъ весьма близко къ сроку Судебниковъ:

«А которой государь захочеть отрокъ дати своему изорнику или огороднику или кочетнику, ино отрокъ быти о Ѳилипове заговейне (14 ноября). Такожъ захочетъ изорникъ отречися съ села, или огородникъ или четникъ, ино томужъ отроку быти, а иному отроку не быти, ни отъ государя, ни отъ изорника, ни отъ кочетника, ни отъ огородника».

Со стороны редакціи статья эта составлена гораздо лучше соотвѣтствующей статьи Судебниковъ. Она прямо и даже съ особымъ удареніемъ говоритъ, какъ объ отказѣ крестьянъ, такъ и объ отказѣ господъ крестьянамъ, и установляетъ для того и другого случая одинъ срокъ. Московскіе Судебники говорятъ только о срокѣ крестьянскаго отказа. Можно, поэтому, думать, что московскій землевладѣлецъ могъ отказать своему крестьянину, когда хотѣлъ. И формально это, дѣйствительно, такъ. Но мы сомнѣваемся, чтобы московское правительство именно преслѣдовало такую цѣль. Оно принимало мѣры противъ вспіющихъ неудобствъ, а такимъ неудобствомъ, съ точки зрѣнія правящаго класса, былъ безсрочный выходъ крестьянъ. При рѣдкости населенія, при обиліи пустыхъ земель и неравномѣрномъ распредѣленіи повинностей, крестьяне имѣли гораздо менѣе побужденій дорожить землевладѣльцемъ, чѣмъ землевладѣльцы дорожить крестьянами. Въ памятникахъ есть не мало указаній на то, что крестьяне уходятъ безсрочно, что землевладѣльцы не выпускаютъ крестьянъ даже въ сроки; но чтобы они ихъ разгоняли въ сроки или безъ сроковъ, этого не видно.

Постановленій о «пожиломъ» и «повозѣ» въ Псковской

грамотѣ нѣтъ. Но въ ней есть статья, регулирующая разсчеты землевладѣльца и крестьянина въ моментъ прекращенія послѣднимъ найма земли:

«А который изорникъ отречется у государя села, или государь его отрьчеть, и государю взять у него все половину своего изорника, а изорникъ половину».

По буквальному смыслу статьи все имущество изорника, при уходѣ его, дѣлится между нимъ и господиномъ по ровну. Дѣлежъ всего имущества пополамъ кажется нашимъ изслѣдователямъ совершенно невѣроятнымъ и потому они принимаютъ здѣсь дѣлежъ по ровну только послѣдняго урожая. Въ доказательство правильности такого толкованія, одни (проф. Будановъ) ссылаются на разсмотрѣнную уже нами на стр. 210 статью 42-ю, другіе (проф. Энгельманъ) на статью 87-ю, предоставляющую изорнику право искать съ господина своихъ движимостей.

Конецъ 42-й статьи, которымъ въ данномъ случаѣ желаютъ воспользоваться, самъ неясенъ и нуждается въ толкованіи, а потому на немъ и основать ничего нельзя. Изъ права-же изорника искать съ господина своихъ движимостей, неправильно имъ задержанныхъ, конечно, не слѣдуетъ, что дѣлится только послѣдній урожай, а не все имущество.

По неимѣнію какихъ-либо точныхъ основаній для толкованія приведенной статьи, ограничиваемся лишь указаніемъ ея буквальнаго смысла.

Если изорникъ отдавалъ господину половину всего имущества, то положеніе его, въ моментъ выхода, было гораздо хуже положенія московскаго крестьянина, платившаго только пожилое, повозъ и 2 алтына съ озимаго. Если изорникъ платилъ только половину урожая, то для сравненія его участи съ участью московскаго крестьянина мы не имѣемъ сколько нибудь опредѣленныхъ основаній.

То, что не договорено судебниками о крестьянахъ должникахъ, ясно высказано псковской Грамотой: долгъ крестьянина не мѣшаетъ его выходу; у землевладѣльца только искъ объ уплатѣ долга (см. стр. 207).

Какія были послѣдствія установленія опредѣленныхъ сроковъ для перехода? имѣлъ господинъ искъ о возвращеніи ушедшаго не въ срокъ крестьянина, или только искъ объ убыткахъ?

Съ нѣкоторою опредѣленностью на этотъ вопросъ отвѣчаетъ только псковская Грамота. Она предоставляетъ хозяину земли искать съ бѣжавщаго изорника покруты своей и только. Заключаемъ отъ сюда, что иска о возвращеніи бѣжавшаго обратно на его участокъ не было:

«А которой изорникъ съ села збежитъ за рубежъ, или индѣ гдѣ, а изорничъ животъ на сели останется, государю покрута имать на изорники. Ино государю у князя и у посадника взять приставъ, да и старость губьскихъ позвати и сторонниxъ людей, да тотъ животъ изорничъ, предъ приставы и сторонними людми, государю попродати, да поимати за свою покруту. А чего недостанетъ, а потомъ времени явится изорникъ (т. е. обнаружится мѣсто его пребыванія), ино государю доброволно искать остатка своего покруты» (76).

Распродажа движимостей изорника даже исключаетъ, кажется намъ, самую возможность возвращенія его къ прежнему занятію.

Судебники ничего не говорятъ о послѣдствіяхъ ухода крестьянъ до срока. Въ прежнее время возвращеніе крестьянъ на покинутые участки имѣло мѣсто только въ исключительныхъ случаяхъ и на основаніи особыхъ жалованныхъ грамотъ; для того, чтобы возвести эти частныя распоряженія въ общее правило, нужно было особое узаконеніе. А такъ какъ въ судебникахъ его нѣтъ, то надо полагать, что и московское правительство, какъ и псковское, хотя и установило общій срокъ отказа, но не ввело еще исковъ о водвореніи безсрочно ушедшихъ на оставленные ими участки.

Этотъ выводъ подтверждается и однимъ дошедшимъ до насъ суднымъ дѣломъ. Въ 1502 году крестьянинъ Суздальскаго Евфиміева монастыря, проживя два года на монастырской землѣ, ушелъ съ нея въ день Рождества Богородицы. Монастырскія власти удовольствовались полученіемъ съ него пожилаго за дворъ, полполтины, и засѣяли брошенную имъ

паренину рожью на монастырь. Крестьянинъ озлобился за взысканіе съ него пожилаго и сжегъ деревню, въ которой жилъ. И послѣ этого монастырь предъявилъ къ нему только искъ объ убыткахъ въ 9 рублей съ полтиной. А. Ю. № 10.

Въ пользу сдѣланнаго предположенія говорятъ и выше приведенныя жалобы волостныхъ крестьянъ на то, что деревни ихъ пустѣютъ отъ безсрочнаго вывода. Иногда такимъ жалобщикамъ предоставляется право старыхъ своихъ тяглецовъ выводить назадъ и сажать по старымъ деревнямъ, гдѣ кто прежде жилъ. Но это исключеніе изъ общаго правила, объясняемое особыми условіями мѣстной жизни. Такое исключеніе сдѣлано въ пользу волостныхъ крестьянъ Важскаго уѣзда. Они жаловались царю, что у нихъ многія деревни запустѣли отъ намѣстниковъ и ихъ тіуновъ и доводчиковъ, что крестьяне отъ продажъ и тяжебъ разошлись въ монастыри безсрочно и безъ отказу и просили отмѣнить намѣстниковъ и предоставить имъ управляться своими выборными. Государь соизволилъ, челобитье удовлетворилъ и предоставилъ вывозить ушедшихъ обратно. Предполагалось, конечно, что они и сами должны возвратиться, такъ какъ причина ухода ихъ уничтожена (А. Э. I. № 234, 1552).

Уголовной кары за безсрочный выходъ и выводъ также не было установлено.

Неизвѣстность нашему законодательству исковъ о возвращеніи на прежнія мѣста крестьянъ, ушедшихъ не въ срокъ, не должна удивлять. Такіе иски опущены составителями Судебниковъ не по недосмотру, а по совершенной ихъ непрактичности.

Разсмотримъ дѣло на примѣрахъ. Крестьянинъ ушелъ въ самую нужную рабочую пору. Допустимъ, что хозяинъ знаетъ мѣсто его новаго водворенія и немедля предъявляетъ искъ о возвращеніи. Дѣло легко можетъ протянуться мѣсяцъ, два и даже три. Какую пользу можетъ имѣть для землевладѣльца рѣшеніе суда, хотя и благопріятное для него, но состоявшееся по прошествіи уже горячей рабочей поры?

Очевидно, для него выгоднѣе было предъявить искъ объ убыткахъ.

Но господинъ могъ и не знать, куда съѣхалъ крестьянинъ. Если же онъ узнавалъ объ этомъ по прошествіи ближайшаго Юрьева дня, то предъявленіе иска о возвращеніи и принципіально не могло быть соглашено съ правомъ перехода въ Юрьевъ день. Въ этомъ случаѣ могъ быть предъявленъ только искъ объ убыткахъ.

Допустимъ, что крестьянинъ ушелъ въ декабрѣ, искъ о возвращеніи предъявленъ тогда же и судебное рѣшеніе состоялось въ февралѣ или мартѣ, еще до начала работъ. Но кто же мѣшаетъ крестьянину опять уйдти въ самую горячую рабочую пору? Вѣдь наказанія за такой уходъ не положено, и за уходъ въ декабрѣ онъ наказанъ не былъ.

При такихъ условіяхъ представляется весьма натуральнымъ, что составители Судебниковъ не установили исковъ о возвращеніи крестьянъ, имѣвшихъ право ежегоднаго перехода. Иски объ убыткахъ, съ указанными выше послѣдствіями для несостоятельныхъ, составляли единственное и, нельзя отрицать, весьма сильное средство для удержанія крестьянъ отъ незаконнаго выхода.

Таково положеніе крестьянъ во второй половинѣ XVI вѣка.

Этотъ порядокъ продолжается до конца вѣка. Только памятники послѣдняго десятилѣтія начинаютъ говорить о б ѣ г л ы х ъ крестьянахъ и объ искахъ о возвращеніи ихъ на прежнія мѣста.

Вотъ древнѣйшее объ этомъ распоряженіе:

«Лѣта, 7106, ноября въ 24 день, царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всея Русіи указалъ и бояре приговорили: которые крестьяне изъ за бояръ, и изъ за дворянъ, и изъ за приказныхъ людей, и изъ за дѣтей боярскихъ, и изъ за всякихъ людей, изъ помѣстей и изъ вотчинъ, и изъ патріарховыхъ, и изъ митрополичьихъ, и изъ владычнихъ, и изъ монастырскихъ вотчинъ в ы б ѣ ж а л и до нынѣшняго 106 году за 5 лѣтъ, и на тѣхъ б ѣ г л ы х ъ к р е с т я н ъ в ъ и х ъ п о б ѣ г ѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, за кѣмъ

они выбѣжавъ живутъ, тѣмъ помѣщикомъ, изъ за кого они выбѣжали, и патріаршьимъ и митрополичьимъ и владычнымъ дѣтемъ боярскимъ и монастырскихъ селъ прикащикомъ и служкомъ давати судъ и сыскивати на крѣпко всякими сыски, и по суду и по сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и съ дѣтьми и со всѣми животы возити назадъ, гдѣ кто жилъ». А. И. I. № 22, III; 1597.

При чтеніи указовъ о бѣглыхъ крестьянахъ необходимо прежде всего рѣшить вопросъ о томъ, кого они называютъ бѣглыми?

Весьма многіе наши изслѣдователи думаютъ, что бѣглыми крестьянами называются тѣ, которые вышли не въ срокъ и безъ уплаты пошлинъ, установленныхъ судебниками. Но они не приводятъ никакихъ доказательствъ въ пользу этого мнѣнія и не останавливаются на вопросѣ о томъ, какъ же согласить правила объ искѣ бѣглыхъ въ теченіи 5-ти лѣтъ съ правилами о Юрьевѣ днѣ?

Отвѣтъ на поставленный вопросъ даетъ писцовый наказъ 1646 года. Въ немъ бѣглыми названы всѣ крестьяне, которые изъ за кого либо вышли, независимо отъ срока выхода и платежа пошлинъ. Въ 1645 году дворяне и дѣти боярскія всѣхъ городовъ били челомъ государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу о бѣглыхъ крестьянахъ; въ этомъ челобитьи читаемъ:

«Которые де люди ихъ и крестьяне выходятъ изъ за нихъ за силныхъ людей: за бояръ, и за околничихъ, и за ближнихъ; и государевъ де указъ къ отдачѣ тѣхъ ихъ бѣглыхъ крестьянъ — урочные годы десять лѣтъ; а они де по вся годы бываютъ на государевыхъ службахъ, и въ тѣ урочные годы про тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ провѣдати не могутъ». А. Э. IV. № 14.

Кто вышелъ, тотъ и бѣглый. Понятіе бѣглаго крестьянина совершенно новое, оно имѣетъ свой источникъ не въ правилахъ Судебниковъ о Юрьевѣ днѣ, а въ отмѣнѣ Юрьева дня.

Что Юрьевъ день былъ отмѣненъ въ концѣ XVI вѣка, это подтверждается и указами царя Бориса отъ 1601 и 1602

года, которыми онъ возстановляетъ временно старое право перехода, но въ извѣстныхъ только случаяхъ.

Въ указѣ 1601 г. читаемъ:

«Въ нынѣшнемъ во 110 году великій государь, царь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ всеи Русіи, и сынъ его, великій государь царевичъ, князь Ѳедоръ Борисовичъ, всеа Русіи, пожаловали во всемъ своемъ государствѣ отъ налога и продажъ велѣли крестьяномъ давати выходъ. А отказывати и возити крестіянъ дворяномъ..., и жилцомъ...., и дѣтямъ боярскимъ.... (и т. д., идетъ перечисленіе лицъ, которымъ дозволено возить за себя крестьянъ). А срокъ крестьянамъ отказывати и возити Юрьевъ день осеннего, да послѣ Юрьева дни двѣ недѣли»..... А. Э. II. № 20.

Ясно, Юрьева дня уже нѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ и выхода крестьянъ. Вотъ почему вышедшіе съ конца XVI в. и называются бѣглыми. Въ 1601 году царь Борисъ возстановилъ на одинъ годъ выходъ. Но не для всѣхъ, а только для крестьянъ мелкихъ чиновъ, не выше дворянъ. Для крестьянъ высшихъ чиновъ, для духовенства, для дворцовыхъ и черныхъ волостей и въ 1601 году выхода нѣтъ. Для чего сдѣлано такое различіе между мелкими чинами, съ одной стороны, и высшими чинами и вольными крестьянами— съ другой, совершенно понятно. Выходъ данъ «отъ налога и продажъ». Отмѣною Юрьева дня, какъ и естественно, мелкіе владѣльцы немедленно воспользовались для увеличенія крестьянскихъ повинностей. Чтобы помочь крестьянамъ этихъ мелкихъ владѣльцевъ, имъ и дано право выхода. Но чтобы они не ушли всѣ къ богатымъ владѣльцамъ, за которыми жить было легче, указъ дозволяетъ вывозить крестьянъ только мелкимъ чинамъ между собою. На крупныхъ владѣльцевъ право отказывать и вывозить крестьянъ не было распространено. Въ 1602 году этотъ указъ былъ повторенъ (тамъ-же № 23).

Итакъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что въ концѣ XVI вѣка послѣдовало общее распоряженіе, отмѣнившее крестьянскій выходъ. Естественнымъ послѣдствіемъ та-

кого распоряженія явились иски о бѣглыхъ и указы, опредѣляющіе сроки вчинанія такихъ исковъ.

Согласно вышеприведенному указу отъ 1597 г. для предъявленія такихъ исковъ давался пятилѣтній срокъ. Если въ теченіи этого срока искъ о возвращеніи предъявленъ не былъ, крестьянинъ тѣмъ самымъ освобождался отъ обязанности возвратиться на землю, которую самовольно оставилъ.

Но уголовной кары и при отмѣнѣ Юрьева дня не было установлено и незаконный выходъ крестьянъ все еще не наказывался.

Самый указъ, которымъ крестьяне были лишены своей исконной свободы, до насъ не дошелъ.

Нѣкоторые изслѣдователи (Татищевъ, Костомаровъ, Чичеринъ, Бѣляевъ) думаютъ, что прикрѣпленіе послѣдовало въ 1592 или 1593 г. Они основываютъ свое мнѣніе на словахъ вышеприведеннаго указа отъ 1597 г. Этимъ указомъ предоставляется право искать крестьянъ, бѣжавшихъ 5 лѣтъ тому назадъ. Изъ этого и заключаютъ, что прикрѣпленіе послѣдовало 5 лѣтъ ранѣе указа 1597 года, т. е. въ 1592 году.

Но при этомъ не обращаютъ должнаго вниманія на слова указа, которыя непосредственно слѣдуютъ за вышеприведенными:

«А которые крестьяне выбѣжали до нынѣшняго 106 году (1597) *лѣтъ за шесть, и за семь, и за десять, и болши*, а тѣ помѣщики и вотчинники, изъ за кого они выбѣжали, и патріаршьи и митрополичьи и владычни дѣти боярскіе и монастырскихъ вотчинъ приказщики и служки на тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и на вотчинниковъ, за кѣмъ они, изъ за нихъ выбѣжавъ, живутъ, *до нынѣшняго 106 году, лѣтъ за шесть, и за семь, и за десять, и больши* государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу всея Русіи *не бивали челомъ*, и государь царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всея Русіи указалъ и по государеву цареву и великаго князя Ѳедора Ивановича всея Русіи указу бояре приговорили на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и на вотчинниковъ, за кѣмъ

они выбѣжавъ живутъ, суда не давати, и назадъ ихъ, гдѣ кто жилъ, не вывозити».

Отъ сюда слѣдуетъ, что можно было бить челомъ и о возвращеніи бѣжавшихъ за 6, за 7, за 10 и болѣе лѣтъ до 1597 года, но только своевременно.

Указъ о прикрѣпленіи, значитъ, послѣдовалъ ранѣе 1592 года. О бѣжавшихъ до 1597 года за 6, за 7, за 10 и болѣе лѣтъ слѣдовало бить челомъ тоже въ пятилѣтній срокъ и судъ былъ бы данъ. Мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если подъ «болѣе» будемъ разумѣть еще два года, итого получится 12 лѣтъ. Слѣдовательно, можно было бить челомъ о возвращеніи бѣжавшихъ крестьянъ уже въ 1585 — 6 году Въ какой срокъ, надо было подавать тогда челобитья, въ указѣ не сказано. Но это молчаніе наводитъ на мысль, что срокъ былъ тотъ же, т. е. пяти-лѣтній. Такимъ образомъ, общее прикрѣпленіе крестьянъ надо отнести къ первому или второму году царствованія Ѳедора Ивановича (1584—5).

Прикрѣпленіе конца XVI вѣка не было, однако, полнымъ и безусловнымъ. Бѣглыхъ рабовъ можно было изстари отыскивать безъ срока, бѣглыхъ же крестьянъ—только въ теченіи извѣстнаго срока, который получилъ въ нашихъ памятникахъ наименованіе «урочныхъ или указныхъ лѣтъ». Если крестьянинъ умѣлъ укрыться отъ господина въ теченіи урочныхъ лѣтъ, то не подлежалъ уже болѣе возвращенію.

Эти урочные годы, натурально, не нравились землевладѣльцамъ; они должны были стремиться сперва къ увеличенію ихъ числа, а потомъ и къ предоставленію имъ права искать крестьянъ безсрочно.

Древнѣйшее изъ дошедшихъ до насъ указаній о расширеніи пятилѣтняго срока находимъ въ жалованной грамотѣ Троице-Сергіевому монастырю. Въ 1614—15 годахъ ему было предоставлено право искать своихъ крестьянъ, ушедшихъ за 9 и даже за 11 лѣтъ тому назадъ (А. Э. III. № 66).

Въ 1642 г. десятилѣтній срокъ объявленъ общимъ срокомъ давности для исковъ о вышедшихъ крестьянахъ; для исковъ же крестьянъ, вывезенныхъ насильно, былъ данъ

еще болѣе долгій срокъ, 15-ти-лѣтній (А. И. III. стр. 111). Указъ 1642 года говоритъ, что 10-ти-лѣтній срокъ назначается согласно «прежнему государеву указу». Этотъ прежній указъ такъ же не дошелъ до насъ, какъ и первый указъ о прикрѣпленіи.

Разъ московскіе государи стали на сторонѣ землевладѣльцевъ, дѣло не могло остановиться на десятилѣтней давности. Они продолжаютъ получать жалобы на уходъ крестьянъ. Мы привели выше такія жалобы изъ писцоваго наказа 1646 года. Дворяне и дѣти боярскіе заключаютъ свои претензіи такимъ челобитьемъ:

«И государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ къ отдачѣ бѣглыхъ крестьянъ урочныя лѣта отставить; и пожаловалъ бы государь, велѣлъ тѣхъ ихъ бѣглыхъ крестьянъ отдавать имъ по писцовымъ книгамъ и по выписямъ, какъ они тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ провѣдаютъ, а не въ урочные лѣта».

Результатомъ такого челобитья является полная отмѣна урочныхъ лѣтъ. Съ этою цѣлью и былъ составленъ писцовый наказъ 1646 года, въ которомъ изложены правила новой переписи крестьянъ, имѣвшей произойти въ томъ-же году. Въ этомъ наказѣ читаемъ:

«А какъ крестьянъ и бобылей и дворы ихъ перепишутъ, и по тѣмъ переписнымъ книгамъ крестьяне, и бобыли, и ихъ дѣти, и братья, и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ».

Что-же мѣшало до сихъ поръ крестьянской крѣпости? Не вольный переходъ и не Юрьевъ день, которыхъ уже давнымъ давно нѣтъ, а урочные годы. Они и отмѣняются.

Писцовый наказъ 1646 года распространяетъ прикрѣпленіе на дѣтей, братьевъ и племянниковъ записанныхъ за кѣмъ либо крестьянъ, то есть на всѣхъ родственниковъ, которые живутъ въ одномъ дворѣ съ домохозяиномъ.

Есть основаніе думать, что это новость, свидѣтельствующая о томъ, что московское правительство съ теченіемъ времени идетъ все далѣе и далѣе по пути закрѣпощенія. Изъ

памятниковъ начала XVII вѣка узнаемъ, что не свободны были только домохозяева. Сынъ же отъ отца, братъ отъ брата и племянникъ отъ дяди могли уходить и снимать земли въ новыхъ мѣстахъ (А. Э. II, № 133, 1609).

Такимъ образомъ и послѣ первыхъ указовъ о прикрѣпленіи конца XVI вѣка оставались еще вольные люди, которые по старинѣ были свободны селиться, гдѣ хотѣли. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что долго еще послѣ прикрѣпленія царскія грамоты продолжаютъ предоставлять право перезывать во крестьяне вольныхъ людей и даютъ имъ льготы (Доп. къ А. И. I, № 141, 1597 г.; А. Э. II, № 133, 1609 г.; III, № 217, 265, 1632—37; А. И. III, № 211, 1640).

Эти поселенія вольныхъ крестьянъ на владѣльческихъ и тяглыхъ земляхъ послѣ указовъ о прикрѣпленіи дѣлались на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и до прикрѣпленія. Крестьяне садились по поряднымъ, которыя писались по старымъ образцамъ (А. Ю. 189, 191, 193, 194, 1599—1626). Но новый порядокъ долженъ былъ отразиться и на порядныхъ. Отъ XVII вѣка къ намъ дошли двѣ порядныя, въ которыхъ отрицается уже переходъ.

Петръ Никитинъ, государевъ бобылекъ, пришлый человѣкъ, порядился въ 1634 году жить въ монастырской вотчинѣ во крестьянахъ и въ концѣ порядной, послѣ обыкновенныхъ условій о размѣрѣ участка, льготахъ, подмогѣ и пр., говоритъ:

«А будетъ язъ, Петръ, Пречистые Богородицы Тихвина монастыря у игумена, Герасима, съ братьею не учну жити во крестьянѣхъ и въ послушаніи во всемъ, государева тягла по волостному розрубу тянути и монастырскіе страды и сдѣлья всякого съ протчими крестьяны не учну дѣлати, или учну у собя какое воровство и питье хмелное на продажу держати, и хоромъ старыхъ не учну пострaивати и новыхъ ставити, или учну на сторону въ иную монастырщину и боярщину, или куды нибуди рядитца, и Пречистые Богородицы Тихвина монастыря игумену, Герасиму, съ братьею волно меня, Петра, отовсюду къ себѣ взяти, и что учинитца убытка и волокиды игумену Герасиму съ

братьею взяти на мнѣ, на Петри, по сей рядной записи, всѣ сполна...» А. Ю. № 196, III.

Другой крестьянинъ, Галахтіонъ Кондратьевъ Роспута, тоже безтяглый, гулящій человѣкъ, въ концѣ порядной, заключенной въ 1647 году, пишетъ:

«И мнѣ изъ за государей своихъ...... не выходить...... во крестьяне и въ бобыли ни за кого не рядитца и не задаватца. А не учну я, Галахтіонъ, за государи своими жити во крестьянѣхъ на своемъ крестьянскомъ участкѣ, и государемъ моимъ за свою подмогу взять 5 рублевъ, а впредь таки я, Галахтіонко, на томъ своемъ участкѣ во крестьянствѣ и имъ...... крестьянинъ». Арх. ист. и практ. св. 1859. II, стр. 94.

Понятно, однако, что порядныя XVII в.—остатокъ старины, фактъ переживанія, не болѣе. Онѣ не соотвѣтствуютъ новому строю жизни, а потому Уложеніе и вводитъ иной способъ поступленія въ крестьянство: записку во крестьяне въ Помѣстномъ приказѣ. Помѣстный приказъ, получивъ заявленіе о желаніи кого либо поступить въ крестьянство, производитъ изслѣдованіе о томъ, что̀ за̀ люди, желающіе поступить во крестьянство, дѣйствительно-ли они вольные, и если они таковыми окажутся, дѣлаетъ опредѣленіе объ отдачѣ ихъ во крестьяне. Порядныя съ этого времени болѣе не нужны. Записка во крестьяне дѣлаетъ вѣчнымъ крестьяниномъ и безъ особаго на то условія порядной.

«А будетъ къ кому въ вотчину и въ помѣстье придутъ какіе люди и скажутся, что они вольные и похотятъ тѣ люди за ними жити во крестьянѣхъ,...... приводити ихъ того же году къ запискѣ: въ Москвѣ въ Помѣстный приказъ, а казанцомъ...... въ Казань...... А въ Помѣстномъ приказѣ и въ городѣхъ воеводамъ такихъ вольныхъ людей по тому же роспрашивати и рѣчи ихъ записывати подлинно. Да будетъ тѣ люди, которыхъ приведутъ къ запискѣ, доведутся по ихъ роспроснымъ рѣчамъ отдати во крестьянство тѣмъ людемъ, кто ихъ къ запискѣ приведетъ, и тѣмъ людемъ, кому они отданы будутъ во крестьянство, велѣти тѣхъ людей къ роспроснымъ рѣчамъ, во взятьѣ, руки прикладывати». XI, 20; ср. 21.

Помѣстный приказъ и другія, приравненныя къ нему, въ этомъ отношеніи, учрежденія, удостовѣрившись, что желающій поступить во крестьяне дѣйствительно вольный человѣкъ, дѣлаютъ опредѣленіе объ отдачѣ его землевладѣльцу, который въ полученіи крестьянина расписывается.

Здѣсь оканчивается изложеніе юридическихъ древностей, относящихся до крестьянскаго быта. Съ великаго дня 19 февраля 1862 года порядки Уложенія царя Алексѣя Михайловича тоже начинаютъ переходить въ древность, но это будетъ древность втораго наслоенія. Мы приведемъ изъ нея нѣкоторыя черты только для того, чтобы рельефнѣе оттѣнить древность исконную, свободную.

Мы видѣли уже, что крестьянинъ могъ имѣть поземельную собственность, владѣть дворами и лавками въ городахъ, торговать, занимать деньги и другимъ давать взаймы, и никакіе указы ему этого не воспрещали.

Съ прикрѣпленіемъ крестьянъ многое должно было измѣниться. Этого требовала логика вещей, отъ которой нельзя уйдти.

Прикрѣпленіе провело рѣзкую границу между тяглыми государевыми крестьянами и владѣльческими. Была разница и прежде, но свобода ее сглаживала. Теперь-же образовались два различныхъ состоянія.

Владѣльческіе крестьяне вѣчно и потомственно принадлежатъ землевладѣльцамъ. Они обязаны работать на нихъ. Съ прекращеніемъ выхода, работы и повинности назначаются по усмотрѣнію господина. Онъ-же и единственный судья крестьянской исполнительности и усердія.

Это новое положеніе должно было отразиться и въ законахъ

Крестьяне крѣпкіе землѣ, натурально, продаются съ землей. Это само-собой разумѣется. Уложеніе косвенно упоминаетъ о совершающейся продажѣ крестьянъ (XI, 7).

Владѣльческимъ крестьянамъ не могло быть оставлено право обязываться ростовыми и служилыми кабалами и жилыми записями, такъ какъ, въ случаѣ несостоятельности

крестьянина, такія обязательства могли-бы повести къ столкновенію двухъ правъ: права на крестьянина по кабаламъ и жилымъ записямъ и права на него по писцовымъ книгамъ:

«А будетъ чьи крестьяне и бобыли учнутъ у кого наймоватися въ работу...... А тѣмъ людемъ, у кого они въ работу наймутся, жилыхъ и ссудныхъ записей и служилыхъ кабалъ на нихъ не имати и ни чимъ ихъ себѣ не крѣпити; и какъ отъ нихъ тѣ наймиты отработаются, и имъ отпущати ихъ отъ себя безо всякого задержанія». XI, 32.

Статья, согласно духу Уложенія, имѣетъ казуистическій характеръ; но цѣль ея—противодѣйствовать закрѣпленію за кѣмъ-либо владѣльческихъ крестьянъ, а потому крестьяне вообще не могли обязываться кабалами, а не при наймѣ только въ услуги, о чемъ идетъ рѣчь въ статьѣ.

Но сами крестьяне могли давать деньги въ займы и даже подъ залоги недвижимостей. XIX, 16.

Владѣніе городскими дворами и лавками также должно быть имъ запрещено, ибо жизнь въ городахъ для торговли не соединима съ обязанностями къ господину и ведетъ къ невыгодной для государевыхъ тяглыхъ людей конкурренціи:

«А которые боярскіе и иныхъ чиновъ люди и крестьяне на Москвѣ и по городамъ покупили себѣ и въ заклады поимали тяглые дворы, и лавки, и анбары, и погребы каменные, и соляные варницы, и торгуютъ всякими товары; и тѣмъ боярскимъ, и иныхъ чиновъ людемъ и крестьяномъ тѣ тяглые дворы, и лавки, и погребы, и анбары, и варницы продати тяглымъ торговымъ и посадскимъ людемъ, а имъ тѣми дворами, и лавками, и погребами, и амбары, и варницами впредь не владѣти, и впредь ни чьимъ людемъ и крестьяномъ, опричь государевыхъ торговыхъ посадскихъ людей, тяглыхъ дворовъ, и лавокъ, и погребовъ, и анбаровъ, и варницъ ни у кого не покупати». XIX, 15, ср. 9 и 16.

Владѣльческіе крестьяне могутъ, однако, торговать всякими товарами, но только съ возовъ и струговъ (XIX, 17).

Закрѣпощеніе, начавшееся съ конца XVI вѣка, дѣлаетъ у насъ чрезвычайно быстрые успѣхи. Уложеніе совсѣмъ

забыло, что крестьянинъ имѣетъ свою собственность, и приказываетъ истцовы иски править на крестьянахъ должниковъ-господъ:

«А которые люди учнутъ на правежѣ отстаиватися, а окупитися имъ будетъ чѣмъ, и у нихъ велѣти, послѣ указнаго мѣсяца, цѣнити дворы и животы, и отдавати въ истцовъ искъ, или истцовъ искъ велѣти за нихъ правити въ помѣстьяхъ ихъ и въ вотчинахъ на людехъ ихъ и на крестьянѣхъ». X, 262; ср. 122.

Уложеніе подмѣчаетъ любопытный фактъ, что за крестьянъ своихъ ищутъ и отвѣчаютъ землевладѣльцы. Этотъ порядокъ могъ возникнуть задолго до прикрѣпленія. При свободѣ поселенія крестьянъ, онъ, конечно, имѣлъ значеніе покровительства имъ и защиты со стороны землевладѣльца. Уложеніе, установляя тѣ-же сроки для предъявленія исковъ къ крестьянамъ, какіе существуетъ для исковъ къ дворянамъ, обращаетъ эту старую практику, имѣвшую въ своемъ основаніи всякій разъ согласіе крестьянина, въ общее правило и незамѣтно устраняетъ крестьянъ отъ личнаго участія въ судѣ:

«А на пашенныхъ на всякихъ людей въ управныхъ дѣлѣхъ судъ давати на тѣ же сроки, на которые сроки указано будетъ судъ давати на дворянъ и на дѣтей боярскихъ по тому, что за крестьянъ своихъ ищутъ и отвѣчаютъ они же дворяне и дѣти боярскіе во всякихъ дѣлѣхъ, кромѣ татьбы, и разбою, и поличного, и смертныхъ убійствъ». XIII, 7.

Наконецъ, Уложеніе запрещаетъ всякія жалобы крестьянъ на господъ. Оно допускаетъ только доносы въ государственныхъ преступленіяхъ.

«А будетъ учнутъ извѣщати про государское здоровье или какое измѣнное дѣло чьи люди на тѣхъ, у кого они служатъ, или крестьяне, за кѣмъ они живутъ во крестьянехъ, а въ томъ дѣлѣ ни чѣмъ ихъ не уличатъ, и тому ихъ извѣту не вѣрити, и учиня имъ жестокое наказаніе, бивъ кнутомъ нещадно, отдати тѣмъ, чьи они люди и крестьяне. А опричь тѣхъ великихъ дѣлъ, ни въ какихъ дѣлѣхъ такимъ извѣтчикамъ не вѣрить». II, 13.

Хотя Уложеніе и отличаетъ еще владѣльческихъ крестьянъ отъ холоповъ, но оно содержитъ уже въ себѣ всѣ необходимые элементы, изъ которыхъ должно было развиться самое строгое крѣпостное право.

Отмѣтимъ важнѣйшія разногласія въ литературѣ вопроса о крестьянахъ. Всего болѣе сомнѣній возбуждаетъ вопросъ о томъ, на какихъ земляхъ сидѣли волостные крестьяне, на своихъ или на княжескихъ?

Съ величайшею осторожностью отнесся къ этому вопросу проф. Рейцъ. «Могли-ли крестьяне пріобрѣтать земли?» спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ: «этого нельзя ни утверждать, ни отрицать рѣшительно».

«Но вѣроятно, продолжаетъ онъ далѣе, различное происхожденіе крестьянъ породило различныя права» (§ 38). Въ примѣчаніи-же къ этому мѣсту говоритъ: «Если принять въ разсужденіе право жителей въ вольныхъ городахъ, то еще вѣроятнѣе становится владѣніе поселянъ землею. Самое запрещеніе покупать земли черныхъ людей (это уже въ московскихъ удѣлахъ) едва-ли не показываетъ, что земли сіи принадлежатъ имъ въ собственность».

Переходя къ XVI вѣку, Рейцъ говоритъ: «По одной статьѣ Судебника (84) можно подумать, что крестьяне упоминаются тамъ, какъ владѣльцы земли. По крайней мѣрѣ законъ гласитъ, что они независимо могли отыскивать права свои и взаимно защищать другъ-друга противъ дворянъ. Можно-ли было человѣку, который только пользовался казенной землей, поручить защищеніе ея отъ притязаній и исковъ частныхъ лицъ? Но что здѣсь дѣло идетъ о собственности, это видно еще и изъ того, что обращалось особенное вниманіе на перестановку межей, ст. 87» (§ 100).

При всей осторожности своихъ выводовъ, Рейцъ не могъ не склониться въ пользу мнѣнія, что крестьяне были собственники земли.

Мысль его не умерла. Она нашла сторонниковъ (Бѣляевъ). Тѣмъ не менѣе въ позднѣйшей литературѣ получило

перевѣсъ прямо противоположное мнѣніе: крестьяне не собственники, они только владѣльцы; собственникъ-же всѣхъ волостныхъ земель князь. Въ пользу этого мнѣнія высказались: Лакіеръ, Неволинъ, Соловьевъ, Чичеринъ, Будановъ.

У Лакіера не только черныя волости, но и все государство есть предметъ княжеской собственности (О пом. и вотч., 67 сл.). Неволинъ хотя и признаетъ, что черные люди владѣютъ вѣчно и потомственно черными землями, но право собственности, по его мнѣнію, не у нихъ, а у князя. По Соловьеву въ XVI в. въ Московскомъ государствѣ не было земледѣльцевъ-землевладѣльцевъ; владѣли землей только государство, церковь и служилые люди. Весьма близко къ своимъ предшественникамъ примыкаетъ и проф. Чичеринъ. «Князю, говоритъ онъ, принадлежатъ земли по праву завоеванія. Онъ считаетъ ихъ своей собственностью (Опыты 67). Общинной земли въ княжескихъ владѣніяхъ не осталось (9). Черныя земли принадлежали князю. Но они оставались въ полномъ обладаніи свободныхъ поселенцевъ, которые только обязаны платить съ нихъ князю извѣстное тягло» (11).

Итакъ, полные обладатели черныхъ земель суть свободные поселенцы, т. е. крестьяне. Права князя состоятъ только въ томъ, что онъ получаетъ съ нихъ повинности (тягло). Далѣе авторъ признаетъ, что отданный волостью крестьянину жеребій земли оставался въ вѣчномъ и потомственномъ его владѣніи (21); что эти потомственные владѣльцы отчуждаютъ свои участки (103); что то-же дѣлаютъ съ порожними землями волости; что отдѣльные тяглецы и волости ищутъ своихъ земель на судѣ и отвѣчаютъ передъ посторонними истцами (106 и сл.)

Что же значитъ, въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, рѣшительное утвержденіе автора, что собственникъ черныхъ земель есть князь?

Авторъ самъ чувствуетъ, что это утвержденіе можетъ вызвать въ читателѣ возраженіе и знаетъ какое. «Критикъ, говоритъ онъ, можетъ сказать, что земля принадлежала князю не какъ собственнику, а какъ государю» (68).

Намъ кажется, это и есть единственно правильное рѣшеніе вопроса. Но проф. Чичеринъ, по особенностямъ своихъ воззрѣній, не могъ принять его. О государствѣ, по его мнѣнію, можно у насъ говорить только съ XV вѣка; въ удѣльный же періодъ у насъ было не государство, а «гражданское общество» (71). Мы не будемъ ставить вопроса о томъ, когда возникло на Руси государство; мы думаемъ, что исторія имѣетъ дѣло съ постоянно смѣняющимися формами государства и что развитіе формъ русской государственной жизни началось еще до Рюрика и далеко не закончилось и въ настоящее время.

Оставляемъ въ сторонѣ и философскую подкладку мнѣнія автора, которая въ наше время едвали можетъ имѣть какое-либо значеніе. Остановимся только на одномъ изъ признаковъ приводимаго имъ понятія государства. Такимъ признакомъ, онъ, между прочимъ, считаетъ «нераздѣльность общества, территоріи и верховной власти» (68).

До XV вѣка, по его мнѣнію, было гражданское общество, а не государство, потому что все распадалось и дѣлилось. А въ XV вѣкѣ уже можно говорить о государствѣ. Почему? И въ XV вѣкѣ многое дѣлится, а могло быть раздѣлено рѣшительно все, была бы только у князей охота дѣлить. То-же надо сказать и о XVI вѣкѣ. Въ XVII вѣкѣ дѣлится даже сама верховная власть: государь-царь раздѣляетъ ее съ государемъ-патріархомъ. Что же касается принципа недѣлимости государственной территоріи, то онъ и по настоящее время не высказанъ въ нашихъ законахъ. Еще въ началѣ текущаго столѣтія императоръ Александръ I отдѣлилъ отъ имперіи Выборгскую губернію и присоединилъ ее къ В. К. Финляндскому. Если теоретическіе взгляды автора вѣрны, то мы и теперь живемъ въ гражданскомъ обществѣ.

Единственно возможный исходъ изъ всѣхъ этихъ логическихъ и теоретическихъ затрудненій можно найдти только въ признаніи за черными людьми правъ собственности на черныя земли, а за князьями правъ высшей государственной власти на тѣ-же земли. Такая конструкція даетъ удовлетво-

рительное объясненіе всѣмъ свидѣтельствамъ древнихъ памятниковъ. Черные люди владѣютъ, пользуются и распоряжаются черными землями. Князья же, въ качествѣ представителей государственной власти, получаютъ съ нихъ дани и всякаго рода повинности и имѣютъ право суда. Таковы же отношенія князей и къ владѣльческимъ землямъ.

Этимъ же правомъ государственной власти надо объяснять и случаи раздачи князьями черныхъ земель монастырямъ и служилымъ людямъ и перечисленіе ихъ въ разрядъ дворцовыхъ. По мѣрѣ усиленія своей власти, князья все менѣе и менѣе стѣсняются существующими частными правами и не затрудняются нарушать ихъ для достиженія преслѣдуемыхъ ими цѣлей государственной жизни.

Но черныя земли не представляютъ въ этомъ отношеніи исключенія. Князья налагаютъ свою руку на всякую собственность, если только находятъ это необходимымъ.

Въ грамотѣ сына великаго князя Ивана Васильевича, великаго князя Ивана, Василію Аксакову читаемъ:

«Что ти есми велѣлъ отъѣхати отъ перевѣсовъ монастырскіе земли и пожень, какъ въ примѣту стрѣлить; и нынѣ здѣсе билъ ми челомъ архимандритъ Еуѳимій съ братьею, и язъ ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ тѣ земли пахать и пожни косити по старинѣ». А. И. I. № 92, около 1484.

Или въ одномъ судномъ дѣлѣ сотскій, Ивашко Обуховъ, и его товарищи, городскіе люди, тако рекли:

«Писали, господине, Бѣлоозеро писцы великаго князя, князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Алабышъ да Василей Далматовъ, а у всѣхъ, господине, монастырей дворы отнимали въ городѣ, а давали имъ, господине, мѣста подъ дворы въ мѣру по 30 саженъ и съ огородомъ; а что, господине, за тою мѣрою осталось дворовъ, и князь Ѳедоръ, господине, да Василей приписали тѣ дворы къ городу». А. Ю. № 5, около 1490.

Здѣсь монастырскія земли перечислены въ тяглыя; а вотъ случай передачи ямщикамъ всякихъ земель, чьи-бы ни были.

Въ 1512 году потребовалось обезпечить землею Ергольскихъ

ямщиковъ, и великій князь Василій Ивановичъ даетъ такой указъ:

«Да и земли бы еси отмѣрилъ къ яму ямщикомъ на пашню и поженъ на сѣно и ямскимъ конемъ на выпускъ, чья земля ни буди, которая пришла въ кругъ яму, во всѣхъ трехъ полѣхъ по 10 десятинъ въ полѣ да на 60 копенъ сѣна..... И ты бы той землѣ межи учинилъ, ямы покопалъ и грани поклалъ». А. Э. I. № 156.

Өедоръ Ивановичъ, для укрѣпленія Смоленска, велѣлъ взять на государя всѣ частные кирпичные сараи и печи. Соловьевъ, VII, 383.

Въ самыхъ широкихъ размѣрахъ такую экспропріацію частной собственности, въ видахъ государственной пользы, производитъ Уложеніе.

«Которые слободы на Москвѣ патріаршп, и митрополичьи, и владычни, и монастырскіе, и бояръ, и окольничихъ, и думныхъ, и ближнихъ, и всякихъ чиновъ людей, а въ тѣхъ слободахъ живутъ торговые и ремесленные люди и всякими торговыми промыслы промышляютъ и лавками владѣютъ, а государевыхъ податей не платятъ и службъ не служатъ, и тѣ всѣ слободы со всѣми людьми, которые въ тѣхъ слободахъ живутъ, всѣхъ взять за государя въ тягло и въ службы безлѣтно и безповоротно, опричь кабальныхъ людей». XIX, 1.

Такая-же мѣра принята и относительно всѣхъ частныхъ слободъ около Москвы. XIX, 5.

Чѣмъ сильнѣе центральная власть, тѣмъ менѣе стѣсняется она частными правами. Такая перетасовка частной собственности развивается по мѣрѣ усиленія княжеской власти и, главнымъ образомъ, съ конца XV вѣка.

На той-же точкѣ зрѣнія, что крестьяне суть постоянные владѣльцы, а не собственники, стоитъ и проф. Владимірскій-Будановъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ «Обзоръ ист. рус. пр.» I, 108.

Другое не менѣе крупное разногласіе существуетъ по вопросу о порядкѣ возникновенія крестьянской неволи.

Еще со временъ Татищева установилось мнѣніе, что кресть-

яне лишены свободы перехода особымъ указомъ, послѣдовавшимъ въ концѣ XVI вѣка. До половины текущаго столѣтія въ этомъ никто и не сомнѣвался. Въ 1858 г. Погодинъ напечаталъ въ Русской Бесѣдѣ (IV) статью подъ заглавіемъ: Должно-ли считать Бориса основателемъ крѣпостного права? Въ этой статьѣ авторъ проводитъ такую мысль: никакого общаго правительственнаго распоряженія объ отмѣнѣ Юрьева дня издано не было; въ установленіи крѣпостнаго права виновны обстоятельства, а не Борисъ; это дѣло практики, обычаевъ и частныхъ правительственныхъ распоряженій. Статья была написана въ то время, когда по лицу русской земли понеслись «новыя вѣянія». Коснулись они и старожила московскаго, знатока и любителя старины. Подъ ихъ неотразимымъ вліяніемъ, закрѣпощеніе крестьянъ представилось ему чернымъ пятномъ на свѣтломъ фонѣ московской жизни, и онъ рѣшилъ смыть это пятно. Въ результатѣ его изслѣдованія оказалось, что въ лишеніи крестьянъ свободы рѣшительно никто не виноватъ. Аргументы почтеннаго историка вызвали серьезныя возраженія со стороны Костомарова (Арх. ист. и прак. свѣд. 1859 г. кн. 2) и никого, кажется, не убѣдили.

Но мысль Погодина не прошла безслѣдно. Недавно она возродилась вновь, благодаря проф. Ключевскому, который обставилъ ее и новыми доказательствами (Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи, Русская Мысль, 1885, августъ и октябрь). Авторъ, какъ и его маститый предшественникъ, нисколько не сомнѣвается, что крѣпостное право не было создано правительствомъ, не было навязано народу законодательствомъ (окт. 28). Источникъ его иной. «Оно явилось, говоритъ онъ, юридическимъ отверждeніемъ мысли, послѣдовательно развившейся изъ кабальнаго права посредствомъ приложенія условій служилой кабалы къ издѣльному крестьянству» (тамъ-же). И въ другомъ мѣстѣ: «Крѣпостное право на крестьянскій трудъ развивалось изъ принципа долговаго холопства..... Ссуда поставила издѣльное крестьянство подъ дѣйствіе началъ долгового холопства» (окт. 34). Наконецъ:

«Вопросъ о происхожденіи крѣпостного права естьв опросъ о томъ, что такое было крѣпостное холопство въ древней Россіи и какъ это право привилось къ крестьянству» (авг. 10).

Мысль автора, кажется намъ, состоитъ въ слѣдующемъ: правительство не прикрѣпляло крестьянъ къ землѣ. Крѣпостное право явилось вслѣдствіе примѣненія къ крестьянамъ должникамъ правилъ о долговомъ холопствѣ. «Съ половины же XVI вѣка, говоритъ авторъ, ссуда почти общее условіе крестьянскихъ договоровъ» (окт. 45). Такимъ образомъ, всѣ крестьяне должники; господа примѣняютъ къ нимъ условія служилой кабалы и крестьяне становятся, вслѣдствіе этого, крѣпостными. Кажется, именно такова мысль проф. Ключевскаго.

Вмѣстѣ съ этимъ и весь вопросъ о крѣпостномъ правѣ получаетъ у него новую постановку. До сихъ поръ всѣ думали, что крестьяне были прикрѣплены къ землѣ. Проф. Ключевскій утверждаетъ, что крестьяне прикрѣплены къ своему званію и лицу владѣльца, но не къ землѣ (окт. 21). Если къ крестьянамъ были примѣнены правила служилой кабалы, то, конечно, они прикрѣплены къ лицу господина, какъ и кабальные. Но весь вопросъ въ томъ и состоитъ, были-ли примѣнены къ крестьянамъ правила служилой кабалы?

Утвержденіе почтеннаго автора, что къ крестьянамъ были примѣнены правила служилой кабалы, представляется намъ нѣсколько рискованнымъ. Что такое служилая кабала? Служилая кабала есть договоръ, заключенный между двумя лицами (см. стр. 147 и сл.). Теперь спрашивается, состоитъ крестьянинъ въ такомъ договорѣ съ господиномъ, или нѣтъ? Если состоитъ, то онъ уже не свободный крестьянинъ, а кабальный холопъ; если не состоитъ, то къ нему условій кабальнаго холопства и примѣнить нельзя. Это ясно, какъ день. По служилой кабалѣ можно судомъ возвратить бѣжавшаго холопа, ибо онъ обязался за ростъ служить во дворѣ кредитора; крестьянина по порядной возвратить нельзя, ибо онъ не обязывался служить; съ него можно искать только убытковъ.

Почтенный авторъ, конечно, знаетъ это коренное различіе служилыхъ кабалъ и крестьянскихъ порядныхъ. Но можетъ быть существуютъ особые указы, которые распространили на крестьянъ послѣдствія, вытекающія изъ служилыхъ кабалъ. Великіе князья московскіе все могутъ, они могутъ и крестьянъ, занявшихъ деньги въ ростъ, приравнять къ кабальнымъ холопамъ, хотя бы эти крестьяне и не дали на себя служилыхъ кабалъ.

Но такихъ указовъ нѣтъ. Совершенно наоборотъ, княжескіе указы проводятъ рѣзкую границу между кабальными холопами и крестьянами, хотя бы эти послѣдніе и заняли деньги въ ростъ.

Первое различіе между служилыми и ростовыми кабалами установлено Судебникомъ 1550 года. По служилымъ кабаламъ должникъ обязывается за ростъ служить; отсюда кабальное холопство (78). По ростовымъ онъ платитъ проценты, но не состоитъ ни въ какой личной зависимости отъ кредитора. Наоборотъ, всякая личная зависимость воспрещается подъ страхомъ весьма тяжелыхъ послѣдствій (см. статью 82, приведенную на стр. 149).

Царскій Судебникъ отнимаетъ, такимъ образомъ, всякую возможность распространить на ростовыхъ должниковъ личную зависимость, въ которой находились кабальные холопы.

Землевладѣльцы не могли же не знать этой разницы. Да и забыть ее нельзя было, такъ какъ она напоминалась имъ ежедневной практикой. Если чьи либо люди (т. е. холопы, а въ томъ числѣ и кабальные) участвовали въ татьбахъ, грабежахъ и разбояхъ, — то убытки за нихъ платили господа; если же участвовали крестьяне, господа за нихъ не платили, взысканіе падало на собственные животы крестьянина. А. Э. I. № 330. 1586.

Отъ 1606 года мы имѣемъ боярскій приговоръ о бѣглыхъ крестьянахъ. Крестьяне въ этомъ приговорѣ постоянно противополагаются холопамъ. Приведемъ одну выдержку:

«А которые крестьяне, въ голодные лѣта, во 110 и во 111 и въ 112 году, пришли въ холопи къ своимъ или къ сто-

роннимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, и кабалы служилыя на себя подавали, а старые ихъ помѣщики или вотчинники учнутъ ихъ вытягивать изъ холопства по крестьянству, и того сыскивати на крѣпко. Будетъ спелъ отъ бѣдности и животовъ у него не было ничего, и тѣмъ исцамъ отказывати: въ голодные лѣта тотъ помѣщикъ или вотчинникъ прокормить его не умѣлъ, а собою онъ прокормитись не въ мочь, и отъ бѣдности, не хотя голодною смертiю умереть, билъ челомъ въ холопи, а тотъ его принялъ, въ голодные годы прокормилъ и себя истощилъ, проча себѣ; и нынѣ того крестьянина изъ холопства во крестьяне не отдавати, а быти ему у того, кто его голодные лѣта прокормилъ, а не отъ самые бы нужи въ холопи онъ не пошелъ». А. Э. II. № 40.

Авторъ утверждаетъ, что во второй половинѣ XVI вѣка крестьянское право выхода замираетъ уже само собой безъ законодательной отмѣны (окт. 11). Во второй половинѣ XVI вѣка совершилось, слѣдовательно, «приложенiе условiй служилой кабалы къ издѣльному крестьянству». Фактъ такой всеобщей важности не могъ-же пройти незамѣченнымъ московскими правителями и не оставить слѣда въ ихъ указахъ. Надо ожидать, что Уложенiе забываетъ, наконецъ, разницу между кабальными холопами и крестьянами и тоже начинаетъ ихъ смѣшивать, какъ это дѣлаетъ нашъ почтенный авторъ.

И тутъ наши ожиданiя не оправдываются. Уложенiе рѣшительно различаетъ кабальныхъ холоповъ и крестьянъ.

Оно воспрещаетъ брать на своихъ крестьянъ служилыя кабалы и даже угрожаетъ за это наказанiемъ, что государь укажетъ (XX, 113). Не ясно ли, что это два совершенно разныхъ состоянiя?

Согласно съ этимъ, способы установленiя крестьянства и кабальнаго холопства и по Уложенiю разные. Кабальные холопы, по старому, даютъ на себя служилыя кабалы, а крестьяне записываются Помѣстнымъ приказомъ во крестьянство. Послѣдствiя тоже разныя. Крестьянинъ, записанный за господиномъ, по его смерти крѣпокъ сыну его; кабальный же по смерти господина получаетъ свободу, а къ сыну его не переходитъ.

Уложеніе еще не называетъ крестьянъ крѣпостными:

«А отъ кого збѣжатъ кабальные, и иные крѣпостные дѣвки и вдовы, и крестьянскіе дочери, и выдутъ замужъ украйныхъ городовъ за служилыхъ людей; и за тѣхъ дворовыхъ бѣглыхъ вдовъ и дѣвокъ...... имати выводу за вдову и за дѣвку по 50 рублей за человѣка: а за крестьянскую дочь дѣвку или вдову по 10 рублевъ». XX, 27.

Крѣпостные это холопы кабальные, полные, докладные, старинные; они же дворовые; имъ противополагаются— крестьяне. И цѣна вознагражденія разная: за крѣпостныхъ въ пять разъ болѣе, чѣмъ за крестьянъ.

Никакого, слѣдовательно, выражаясь красивымъ языкомъ г. Ключевскаго, «юридическаго отвержденія мысли, послѣдовательно развившейся изъ кабальнаго права посредствомъ приложенія условій служилой кабалы къ издѣльному крестьянству» не произошло. А потому, вопросъ о происхожденіи крѣпостнаго права, несмотря на сильную поддержку, оказанную проф. Ключевскимъ своему отдаленному предшественнику по каѳедрѣ, остается въ томъ-же положеніи, въ какомъ находился и до появленія въ свѣтъ статьи Погодина.

Мысль о связи крестьянъ-должниковъ съ кабальными холопами—не новая въ нашей литературѣ. Она высказана еще Бѣляевымъ, но лишь въ видѣ предположенія, изъ котораго онъ не дѣлаетъ никакихъ дальнѣйшихъ выводовъ. «Таковые крестьяне, говоритъ онъ, о крестьянахъ-должникахъ, по грамотамъ назывались серебрянниками и жили, кажется, на томъ-же положеніи, какъ и кабальные люди, и, не выплативъ ссуды, не могли оставить господина ни въ какой срокъ....» (38).

Въ опытахъ проф. Чичерина тоже идетъ рѣчь о крестьянахъ-должникахъ и крестьянскихъ работахъ вмѣсто процентовъ за долгъ. Онъ заключаетъ о такихъ работахъ на основаніи разобранныхъ нами выше (стр. 233) бѣлозерскихъ грамотъ. «Крестьянинъ, взявшій ссуду, обязывался, говоритъ онъ, «за ростъ пахати», по древнему выраженію» (201). Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ, откуда выписано при-

водимое имъ древнее выраженіе. Мы не видали ни одной заемной, кабалы въ которой должникъ обязывался-бы пахать вмѣсто уплаты процентовъ. Выраженіе «за ростъ косить» встрѣчается въ заемныхъ, обезпеченныхъ закладомъ недвижимостей. Право косить сѣно должника предоставляется въ нихъ кредитору. Но это не идетъ къ разсматриваемому вопросу. Вотъ почему и бѣлозерскія грамоты мы объясняемъ иначе, чѣмъ проф. Чичеринъ. Но допустимъ, что крестьяне обязывались «пахать за ростъ», а издѣльное серебро есть ссуда, которая давалась въ виду будущей работы, какъ это думаетъ проф. Чичеринъ (201); все-же сдѣлки этого рода могли имѣть мѣсто только до Судебника 1550 года, который предписываетъ писать либо служилыя, либо ростовыя кабалы, а другихъ не знаетъ. Обязательства работать за ссуду, если и допустить ихъ въ первой половинѣ XVI вѣка и раньше, все-же не могли повести къ установленію крѣпостнаго права, чего, впрочемъ, и не утверждаетъ проф. Чичеринъ, рѣшительно ничего незнающій «о юридическомъ отвержденіи послѣдствій» какого-либо юридическаго положенія.

IV. Изгои.

Слово изгой встрѣчается въ 1-й ст. древнѣйшихъ краткихъ и пространныхъ списковъ Русской Правды. Установляя размѣръ вознагражденія за убійство, Правда назначаетъ 40 гривенъ за голову русина, гридина, купчины, ябетника, мечника, изъгоя и словенина. Отсюда такой выводъ: изгоями обозначается нѣкоторый классъ людей, который съ точки зрѣнія уголовнаго права ничѣмъ не отличается отъ остальнаго населенія и приравненъ даже къ служилымъ людямъ, каковы: гриди и мечники.

Другое извѣстіе объ изгояхъ находимъ въ церковномъ уставѣ новогородскаго князя Всеволода (1125 — 1136), гдѣ читаемъ:

«А се церковныя люди: игуменъ, игуменья, попъ, діаконъ и дѣти ихъ; а кто въ крылосѣ: попадья, чернецъ, черница,

проскурница, паломникъ, свѣщегасъ, сторожникъ, слѣпецъ, хромецъ, вдовица, пущеникъ, задушный человѣкъ; изгои трои: поповъ сынъ, грамотѣ не умѣетъ, холопъ, исъ холопьства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се и четвертое изгойство и къ себѣ приложимъ: аще князь осиротѣеть; монастыреве болници, гостинници, страннопріимници. То люди церковныа, богадѣлные. Или митрополитъ, или епископъ, тыи вѣдають между ими судъ или обиду, или кому прикажуть».

Изъ этого мѣста слѣдуетъ, что нѣкоторые виды изгоевъ поставлены подъ особое покровительство церкви. Уставъ перечисляетъ четыре вида такихъ изгоевъ. Это перечисленіе даетъ возможность выяснить, кто именно разумѣлся въ древнее время подъ изгоями.

Всѣ четыре вида изгоевъ, отнесенныхъ къ церковнымъ людямъ, имѣютъ общій признакъ, соединяющій ихъ въ одну группу. Это бѣдные, жалкіе люди, лишившіеся обыкновенныхъ въ ихъ положеніи способовъ существованія, а потому и нуждающіеся въ особомъ покровительствѣ, которое предоставляется церкви. Что таковъ несостоятельный купецъ и неграмотный поповъ сынъ, неимѣющій возможности продолжать дѣятельность своего отца, это совершенно ясно. Въ такомъ-же положеніи и сирота-князь; чтобы убѣдиться въ этомъ, надо только припомнить господствовавшую въ княжескихъ отношеніяхъ безпощадную политику захватовъ, которая всего менѣе стѣснялась правами князей-сиротъ. Но почему отнесенъ сюда и человѣкъ, выкупившійся изъ холопства? Повидимому, его положеніе не ухудшилось, а только улучшилось. Съ точки зрѣнія права оно дѣйствительно улучшилось, холопъ сталъ свободнымъ. Но если взять положеніе вольноотпущеннаго съ матеріальной стороны, оно, если и не всегда, то весьма обыкновенно ухудшалось при этомъ. Если господа брали большой выкупъ за свободу, а это нерѣдко случалось, то выкупившійся холопъ оказывался безъ всякихъ средствъ существованія.

Итакъ, изгой есть спеціальное наименованіе для людей находящихся въ бѣдственномъ положеніи. Отдѣльныхъ ви-

довъ такихъ людей можетъ быть очень много. Всеволодовъ уставъ, перечисливъ три вида, прибавляетъ къ нимъ еще четвертый, новый.

Но слово изгой можетъ быть примѣнено и вообще для обозначенія низшаго разряда людей, смердовъ, крестьянъ. Именно въ такомъ смыслѣ, кажется намъ, употребляется оно иногда въ княжескихъ жалованныхъ грамотахъ. Князья, даря монастырямъ деревни и села, говорятъ, что они дарятъ ихъ «со изгои» (Доп. къ А. И. I, № 4, 1150). Это значитъ, что князь, одаряя монастырь своей землей, передаетъ ему и тѣ участки, которые сданы были крестьянамъ. Съ момента пожалованія, крестьяне сидятъ уже не на княжеской землѣ, а на монастырской, и становятся, такимъ образомъ, въ обязательныя отношенія къ монастырю. Въ московскихъ грамотахъ XIV вѣка крестьяне называются не изгоями, а сиротами (А. Э. I. № 5, 7; Доп. къ А. И. I, № 9). Этотъ новый терминъ очень близко передаетъ смыслъ болѣе стариннаго термина изгои.

Что касается этимологіи слова, то предлагаемое г. Микутскимъ (Арх. истор. юрид. свѣд. т. II, половина 2-я, 1854) сближеніе съ латышскимъ глаголомъ izi—иду, izgois—вышедшій представляется намъ весьма вѣроятнымъ. Первоначально слово изгой могло обозначать выкупившихся холоповъ, какъ вышедшихъ изъ холопства, а затѣмъ, по аналогіи жалкаго положенія, могло быть перенесено на несостоятельнаго купца и неграмотнаго попова сына. Всеволодовъ-же уставъ еще болѣе распространяетъ область примѣненія этого слова, прилагая его къ сиротамъ-князьямъ.

Изгойствомъ еще въ XV вѣкѣ назывался выкупъ (или выходъ), платимый холопомъ господину при выходѣ на свободу. Духовенство проводило такую мысль: выкупъ, получаемый господиномъ за свободу раба, не долженъ превышать той суммы, за которую господинъ самъ пріобрѣлъ раба. Въ наставленіи духовнику о принятіи кающихся читаемъ:

«Иже кто выкупается на свободу, то толикоже дасть на собѣ, коликоже дано на немъ». Рус. истор. Библ. VI, 843.

Брать большій выкупъ великій грѣхъ, за который виновнаго ожидаютъ вѣчныя муки. Въ помянутомъ наставленіи указывается такой путь къ вѣчному спасенію.

«Да аще хощеши, чадо, быти въ жизни вѣчней, то первое, укажю ти: отверзися пьяньства, а не питья; отверзися объяденья, а не яствы; отверзися блуда, а не законъныя женитвы... А еже еси ималъ прежде сего наклады, или иное кое неправдою добывалъ, ли клеветою, ли мьздою неправедною, ли грабленьемъ...... тоже все неправедное имѣнье възврати тѣмь, чье то было; аще ли не тѣмъ, къ убогимъ то сторицею отдавати, краденое — десятерицею..... И се пакы горѣе всего емлющимъ изгойство на искупающихся отъ работы: не имуть бо видѣти милости, не помиловавше равно себѣ създаннаго рукою Божіею человѣка..... Аще ли кто въ невѣдѣніи ималъ будеть, ти хощеть избыти вѣчноѣ мукы, да воротитъ опять тѣмъ, на нихже ималъ, и избудетъ вѣчныя мукы и жизни вѣчнѣй причастникъ будеть съ всѣми святыми». 842.

Сторонники родового быта и сторонники общины одинаково пользуются словомъ изгой для доказательства своихъ любимыхъ теорій. И тѣ и другіе согласны, что изгой означаетъ существо, исключенное изъ союза, къ которому онъ прежде принадлежалъ, а потому и умаленное въ своихъ правахъ. Но у первыхъ такимъ союзомъ является родъ; изгой-же—существо отреченное отъ рода. Причина — преступленіе, или безразсудность, отвага. Такой выкинутый изъ рода долженъ сдѣлаться преступникомъ, разбойникомъ, грѣшникомъ. Таково мнѣніе Калачова (Арх. ист. практ. свѣд. I. 1850). Согласно съ этимъ взглядомъ, вышеприведенное мѣсто: «всего-же есть горѣй изгойство взимати» онъ переводитъ такъ: «кто беретъ на себя изгойство, тотъ не тѣмъ поплатится»; тогда какъ оно значитъ: всего хуже брать выкупъ....

У вторыхъ изгой исключонъ изъ общины. Такъ у К. Аксакова. «Это былъ человѣкъ, говоритъ онъ, исключенный, или самъ исключившій себя изъ общины, или сословія» (Пол. собр. соч. I, стр. 38).

Все это только догадки. По историческимъ-же памятникамъ изгой не имѣетъ никакого отношенія ни къ роду, ни къ общинѣ; онъ не преступникъ и въ правахъ не умаленъ; наоборотъ, онъ поставленъ подъ особое покровительство церкви, какъ человѣкъ бѣдный, жалкій.

V. Числяки, ордынцы и делюи

Упоминанія источниковъ о числякахъ, ордынцахъ и делюяхъ такъ кратки и отрывочны, что не представляется возможности составить себѣ о нихъ отчетливое понятіе.

Есть основаніе думать, что эти разряды людей составляютъ послѣдствіе татарскаго завоеванія; исчезли-же они съ прекращеніемъ зависимости Московскаго государства отъ орды.

Упоминанія объ нихъ находимъ въ духовныхъ граматахъ и договорахъ князей московскаго дома съ XIV и по начало XVI вѣка.

Названіе числяковъ или численныхъ людей, по всей вѣроятности, пошло отъ обложенія татарской данью и произведенной съ этою цѣлью переписи населенія. Но мы не знаемъ, какъ производилась эта перепись, а потому остается неизвѣстнымъ, кто попалъ въ «число» и сталъ называться числякомъ.

Памятники XIV вѣка отличаютъ числяковъ отъ черныхъ людей:

«А которые слуги потягли къ дворьскому, а черныи люди къ сотникомъ, тыхъ ны въ службу не принимати, но блюсти ны ихъ съ одиного; тако же и численныхъ людей...» Рум. Собр. I. № 27, 1362.

Числяки сидятъ на собственныхъ земляхъ. Князья обязываются земель ихъ не купить, какъ и земель черныхъ людей (Рум. Собр. I. № 33, 1388).

Какое-же ихъ отношеніе къ чернымъ людямъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ можемъ только повторить предположеніе

Рейца. Онъ думаетъ, что съ теченіемъ времени московскіе великіе князья перестали допускать татаръ къ возобновленію переписи и наименованіе «численные люды» стало относиться съ того времени къ людямъ стараго татарскаго счисленія. Это тѣ люди, которые попали въ послѣднюю татарскую перепись, были обложены татарской данью и освобождены, можетъ быть, отъ другихъ повинностей (§ 37, пр. 3). Это часть тяглаго, чернаго населенія, которая въ XVI вѣкѣ утрачиваетъ, наконецъ, свое отличительное наименованіе.

Ордынцы, судя по наименованію, также стоятъ въ прямомъ отношеніи къ татарскому господству. То-же думаемъ, и о делюяхъ (вар. дѣлюи) потому, что въ памятникахъ они нерѣдко упоминаются вмѣстѣ:

«А что наши ордынцы и дѣлюи, а тѣмъ знати своя служба, какъ было при нашихъ отцѣхъ, а земль ихъ не купити». Рум Собр. I. № 27, 35.

На ордынцахъ и делюяхъ лежитъ, слѣдовательно, особая служба. Думаемъ, что это служба по содержанію ордынскихъ пословъ, доставленію имъ подводъ, проводниковъ и пр. Въ Рязанскомъ княжествѣ былъ особый разрядъ людей, обложенный повинностями въ пользу татарскихъ пословъ. Они носятъ наименованіе то «кладежныхъ людей» (вѣроятно потому, что были положены въ число), то просто «тяглыхъ, кои пословъ кормятъ» (Рум. собр. I. № 127, 1496).

Позднѣйшее указаніе на существованіе числяковъ и ордынцевъ находимъ въ извѣстіи Александро-Невской лѣтописи объ учрежденіи опричнины. Перечисляя города, волости и станы, которые государь повелѣлъ взять на свой обиходъ, лѣтописецъ упоминаетъ «числяковъ и ордынскія деревни».

Карамзинъ считаетъ ордынцевъ татарами, поселившимися въ Россіи; Соловьевъ — русскими плѣнниками, выкупленными въ ордѣ и поселенными на княжескихъ земляхъ; делюевъ

Соловьевъ считаетъ ремесленными людьми, поселенными тоже на княжескихъ земляхъ (IV, 145, 245).

VI. Заклади.

Терминъ закладень, закладникъ, закладчикъ встрѣчается въ новгородскихъ и московскихъ памятникахъ.

Разъясненіе точнаго смысла этого термина можно сдѣлать на основаніи приговорной грамоты всего духовнаго чина о непріобрѣтеніи вновь покупкою земель, состоявшейся въ 1580 году, гдѣ читаемъ:

«А кто послѣ сего уложенія купитъ землю или закладня учнетъ за собою держати, и тѣ земли имати на государя безденежно. А которые нынѣ заклади за митрополитомъ и за владыками и за монастыри, и тѣ земли поимати на государя-же; а въ деньгахъ вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ». Рум. Собр. I, № 200.

Закладень означаетъ въ приведенномъ мѣстѣ (если только оно вѣрно передаетъ рукопись) землю, заложенную въ обезпеченіе долга. Изъ другихъ памятниковъ видно, что въ обезпеченіе долга закладывались не только земли, но и люди:

«А иные посадскіе и уѣздные люди заложились въ закладчики за бояръ и за всякихъ людей...» Рум. Соб. III. № 47, 1619.

Итакъ, закладень одинаково обозначаетъ, какъ землю, такъ и человѣка, служащаго обезпеченіемъ долга.

На людей въ этихъ случаяхъ распространялись тѣ-же правила, которыя имѣли силу и по отношенію къ заложеннымъ недвижимостямъ. Въ случаѣ неуплаты долга въ срокъ, закладная обращалась въ купчую, а закладень-человѣкъ въ холопа.

Положеніе закладня отличалось нѣкоторыми оригинальными особенностями, модифицировавшими его отношеніе къ мѣстной государственной власти. Закладень выходилъ изъ

подъ вѣдомства мѣстной власти, не тянулъ въ ея пользу тягла, не судился ею, а вѣдался своимъ кредиторомъ. Это видно изъ новогородскихъ и московскихъ памятниковъ.

Въ договорахъ Новгорода съ тверскими князьями читаемъ:

«А что закладниковъ въ Тържьку, или индѣ, или за тобою, или за княгынею, или за мужи твоими, кто купьць, поидеть въ свое сто, а смьрдъ поидеть въ свой погостъ; тако пошло въ Новгородѣ, отпусти ихъ прочь». Рум. Соб. I. № 3, 1270; № 7, 1305.

Закладни, слѣдовательно, не тянутъ вмѣстѣ съ своей сотней и погостомъ.

Въ грамотѣ Михаила Ѳедоровича въ Новгородъ, о закладникахъ, заложившихся за бояръ и за всякихъ людей, говорится:

«А податей никакихъ съ своею братіею не платятъ, а живутъ себѣ въ покоѣ». Рум. соб. III. № 47, 1619.

Въ жалованной грамотѣ великаго князя Василія Васильевича Смоленску читаемъ:

«А хто человѣка держитъ въ денгахъ, и онъ того своего человѣка судитъ самъ, а окольничіе въ то у него не вступаются». Рум. соб. I. № 148, 1514.

Но эта зависимость вовсе не требуетъ, чтобы закладень жилъ во дворѣ кредитора. Онъ можетъ жить даже въ разныхъ княжествахъ съ своимъ кредиторомъ и все таки будетъ подчиняться не мѣстной власти, а своему кредитору.

Великій князь тверской, Михаилъ, въ договорѣ съ Новгородомъ говоритъ:

«А кто будеть закладень позоровалъ ко мнѣ, а жива въ Новгорольской волости, тѣхъ всѣхъ отступилъся есмь Новугороду». Рум. соб. I. № 4, 1295.

Русская Правда ничего не знаетъ о закладняхъ; но старѣйшія свидѣтельства о нихъ содержатся въ памятникахъ весьма почтенной древности, въ новогородскихъ договорахъ конца XIII вѣка. Это обстоятельство и то, что закладничество въ такой сильной степени отражаетъ на себѣ слабость

вновь возникающихъ началъ государственной жизни и мощь частной зависимости, легко порывающей зависимость отъ государства, даютъ полное основаніе считать этотъ оригинальный институтъ однимъ изъ древнѣйшихъ явленій нашего права.

Но какъ только государство стало приходить къ сознанію своихъ правъ и интересовъ, оно должно было усмотрѣть, что закладничество не всегда совмѣстимо съ государственнымъ порядкомъ и должно было начать съ нимъ борьбу.

Эта борьба, дѣйствительно, у насъ ведется. Пошла она, какъ и многіе другіе признаки благоустроенной государственной жизни, изъ Новгорода. Но это борьба не съ закладничествомъ вообще, а съ закладничествомъ новогородцевъ у тверскихъ князей и ихъ мужей, т. е. у иноземцовъ. Въ Новгородѣ всегда была сильная аристократическая партія. Она вовсе не была расположена къ самоограниченію. Въ предѣлахъ Новогородской волости закладничество существуетъ еще въ XVII вѣкѣ. Но иноземцы не могли держать въ Новгородѣ закладниковъ уже въ концѣ XIII вѣка. Въ договорахъ новогородцевъ съ князьями весьма не рѣдко встрѣчаемъ условіе:

«А закладниковъ ти, княже, не приимати, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ». Рум. собр. I. № 2, 1265 и др.

Съ великаго князя Дмитрія Ивановича это условіе начинаетъ входить и въ договоры великихъ князей московскихъ съ удѣльными и тверскими.

«А тобѣ, брату моему молодшему, читаемъ въ договорѣ Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ, въ моемъ удѣлѣ селъ не купити, ни твоимъ бояромъ, ни закладневъ ти, ни оброчниковъ не держати; также и мнѣ въ твоемъ удѣлѣ селъ не купити, ни моимъ бояромъ, ни закладневъ ми, ни оброчниковъ не держати». Рум. соб. I. № 27, 1362, № 28, 35, 64, 76, 88 и др.

Московскіе князья не идутъ далѣе новогородцевъ. Они заботятся только о томъ, чтобы чужіе князья и ихъ бояре не обращали ихъ подданныхъ въ своихъ закладниковъ. Ихъ

же собственные подданные, надо думать, могли держать закладниковъ.

Приведенныя запретительныя условія договоровъ — суть единственныя распоряженія власти, которыя мы имѣемъ, и не только для древнѣйшаго времени, но до самой эпохи Уложенія. Они предполагаютъ институтъ закладничества уже готовымъ. Онъ созданъ не указами, а народной практикой, имѣвшей свое выраженіе въ долговыхъ обязательствахъ съ закладомъ лица. Княжескіе указы и грамоты только стороной касаются этого института.

Первый Судебникъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о закладняхъ. Второй Судебникъ и дополнительные къ нему указы также не говорятъ объ этомъ институтѣ. Но установляя различіе между служилыми кабалами и ростовыми, царскій Судебникъ, повидимому, не оставляетъ мѣста закладничеству. Служилая кабала существенно отличается отъ закладничества, но преслѣдуетъ общую съ нимъ цѣль: обезпеченіе кредитора. Въ служилой кабалѣ эта цѣль достигается службой должника кредитору, пока онъ не погаситъ долга.

Но такое неопредѣленное отношеніе Судебника къ закладничеству имѣло натуральнымъ своимъ послѣдствіемъ, что закладничество продолжаетъ существовать и послѣ судебниковъ.

Только Уложеніе запрещаетъ закладничество и то условно:

«А которые московскіе и городовые посадскіе тяглые люди, сами или отцы ихъ, въ прошлыхъ годѣхъ живали на Москвѣ, и въ городѣхъ на посадѣхъ, и въ слободахъ въ тяглѣ, и тягло платили, а иные жили на посадѣхъ же и въ слободахъ у тяглыхъ людей въ сидѣльцахъ и въ наймитахъ, а нынѣ они живутъ въ закладчикахъ . . . за всякихъ чиновъ людьми . . . и тѣхъ всѣхъ сыскивати и свозити на старые ихъ посадскіе мѣста, гдѣ кто живалъ на предь сего, безлѣтно же и безповоротно. И впредь тѣмъ всѣмъ людемъ, которые взяты будутъ за государя, ни за кого въ закладчики не записыватися и ничьими крестьяны и людьми не называтися». XIX, 13, ср. 18.

Кто заложится за кого-либо, не смотря на запрещеніе, тому Уложеніе угрожаетъ торговой казнью и ссылкой въ Сибирь; господамъ же, которые ихъ примутъ, конфискацiей земель.

Запрещеніе касается только тяглыхъ людей и тѣхъ, которые у нихъ жили въ качествѣ сидѣльцевъ и наймитовъ. Всѣ остальные вольные гулящіе люди могли и послѣ Уложенія закладываться, какъ и поступать въ кабалу и въ крестьянство *).

Отъ времени послѣ Уложенія къ намъ дошло двѣ такихъ закладныхъ. Приводимъ одну.

«Се азъ Иванъ, Семеновъ сынъ, Черній, промышленой человѣкъ, Вилеженинъ, занялъ есми на Ковымѣ, на нижней ярмангѣ, у служилого человѣка, у Дмитрея, Овдеева сына, Шабанова сто рублевъ денегъ московскихъ ходячихъ, прямыхъ, до сроку до Прокопьева дни, Устюжского чудотворца, нынѣшняго 171 году. А въ тѣхъ (денгахъ) я, заимщикъ, заложилъ и подписалъ ему, Дмитрею, ясыря своего дѣвку, Юкагирскую не крещеную, именемъ Маку, на срокъ, которой въ сей кабалѣ писанъ. А буде я, Иванъ, не выкуплю до сроку у него, Дмитрея, и послѣ сроку волно ему Дмитрею по сей закладной кабалѣ владѣть и у себя держать, и на сторону продать, заложить. Тотъ мой ясырь (плѣнница) прежъ сей закладной нигдѣ не заложена, ни продана. А будетъ на тотъ мой ясырь станутъ со стороны вылагать, и мнѣ, Ивану, отъ тѣхъ письмяныхъ крѣпостей очищать, и очистя отдать ему Дмитрею съ чиста пути. Гдѣ ся закладная кабала выляжетъ, тутъ по ней судъ и правежъ; кто съ сею кабалою станетъ, тотъ по ней истецъ. На то послухъ служилой человѣкъ, Иванъ Дороѳеевъ. Закладную кабалу писалъ промыш-

---

*) Въ указѣ 1642 года марта 11-го имѣется такое свѣдѣніе о роли, какую играли иногда закладчики:

«Въ челобитьи дворянъ и дѣтей боярскихъ написано: которые посадскіе тяглые люди живутъ за сильными людми и за монастыри въ закладчикѣхъ, и отъ тѣхъ закладчиковъ имъ и людямъ ихъ и крестьяномъ обиды и насилство многое; въ городѣхъ, и по торжкомъ, и по слободамъ, и на посадѣхъ людей ихъ и крестьянъ грабятъ и побиваютъ, на мытахъ и не своѣхъ перевозы и мостовщину емлютъ, мимо государева указу и сверхъ государевыхъ уставныхъ грамотъ. А въ городѣхъ воеводы и приказные люди на тѣхъ людей въ ихъ насилствахъ суда не даютъ, отказываютъ имъ, что имъ ихъ въ городѣхъ судити не указано». А. И. III. № 92.

леной человѣкъ Сидорко Кондратьевъ Курочкинъ Лалетинъ лѣта 7171 году іюля 9 въ день». А. до Ю. Б. II. № 126. VIII. 1663.

Такія-же закладныя писались и въ случаѣ заклада недвижимостей. Какъ тѣ, въ случаѣ просрочки, обращались въ купчія, такъ и эта. Это видно изъ тѣхъ выраженій приведенной закладной, которыми кредитору, въ случаѣ просрочки, предоставлено находящійся въ его рукахъ закладъ продавать и закладывать.

Въ другой закладной (тамъ-же XIII, 1679), которая даже названа купчею, заемщикъ закладываетъ свою жену.

Закладнямъ въ нашей литературѣ очень не посчастливилось. Объ нихъ говорятъ только мимоходомъ. Закупъ-наймитъ предвосхитилъ все вниманіе нашихъ изслѣдователей, подобающее закладню. Закупничество, по весьма распространенному мнѣнію, есть договоръ личнаго заклада. Закладень-же есть только переходная ступень отъ закупа къ кабальному холопу (Чичеринъ, Опыты, 154). Но мы видѣли, что закладничество не моложе закупничества. Объ немъ говорятъ памятники XIII в. А съ другой стороны, кабальное холопство вовсе не вытѣснило закладничества, которое существуетъ и въ XVII вѣкѣ. Соловьевъ-же говоритъ, что и въ началѣ XVIII вѣка жить за кѣмъ-нибудь за долги значило жить въ защитѣ (XVI, 216). Это поздній отголосокъ той власти, которая съ древнѣйшихъ временъ принадлежала кредитору по отношенію къ закладню; она перешла въ покровительство.

VII. Купцы, гости, посадскіе люди.

Слово купецъ произошло отъ занятія торговлей; такъ называются люди, покупающіе для перепродажи (копа, купа — денежная плата, купля, купить, купецъ). Гость тоже занимается торговлей, но не въ мѣстѣ только своего жительства, а разъѣзжая по землѣ. Отсюда въ древнихъ памятникахъ:

гостинницы, какъ мѣста пріюта для людей странствующихъ, и «гостинныя дани», какъ пошлины съ торговли.

О гостяхъ и купцахъ говоритъ договоръ Игоря съ греками 945 года:

Первая статья его начинается такъ: «мы отъ рода рускаго сълы и гостье». А затѣмъ, послѣ перечисленія пословъ, слѣдуетъ перечисленіе «купець», т. е. гостей, пріѣхавшихъ въ Грецію.

Греки дорожили торговыми сношеніями съ Русью и еще въ первомъ договорѣ съ Олегомъ обязались давать гостямъ «мѣсячину на 6 мѣсяцъ, и хлѣбъ, и вино, и мясо, и рыбы, и овощемъ».

Въ Никоновской лѣтописи читаемъ:

«Того же лѣта приходи Свѣйскій король съ пискупомъ своимь, въ шестидесять шнекахъ, на гости новогородцкіа, иже изъ за моріа шли съ великимъ богатствомъ въ пяти лодіяхъ; и бишася много, и неуспѣша ничтоже новогородцемъ, и отлучиша (новогородцы) у нихъ (у шведовъ) три шнеки, а избиша ихъ сто и пятдесять». 1142.

Въ Воскресенской:

«Ярославъ также прибѣже единъ въ Переяславль (послѣ пораженія у Липицъ) и затворися въ немь. И недоволѣ ему о первомъ злѣ, елико изби въ Новѣгородѣ и въ Торжку и на Волоцѣ, но и ту, вбѣгъ, изнима новогородци и смолняны, иже бяху зашли гостьбою въ землю его, и повелѣ Новгородци въ погребы метати, а иныхъ въ тѣснѣй избѣ затворити, и здуши ихъ полтораста»... 1216.

То-же значеніе имѣетъ гость и въ московскихъ памятникахъ XVI вѣка. Въ духовной грамотѣ великаго князя Ивана Васильевича читаемъ:

«А что есми подавалъ дѣтемъ своимъ селци у Москвы зъ дворы зъ городцкими на посадехъ, и дѣти мои въ тѣхъ дворехъ торговъ не дръжатъ, ни жытомъ не велятъ торговати, ни лавокъ неставятъ, ни гостей съ товаромъ иноземцевъ и изъ Московскіе земли и изъ своихъ удѣловъ въ своихъ дворехъ не велятъ ставити. А ставятся гости съ товаромъ, иноземци и изъ Московскіе земли и изъ ихъ удѣловъ,

на гостиныхъ дворехъ, какъ было при мнѣ». Рум. соб. I. № 144, 1504.

Гости и купцы не составляли, однако, въ древности особаго сословія. Въ старину всѣ могли торговать, и князья, и духовенство и служилые люди, и крестьяне, и дѣйствительно торговали. Это слѣдуетъ изъ таможенныхъ грамотъ, которыя предписываютъ сборъ таможенныхъ пошлинъ съ людей всякаго званія:

«А съ пригородскихъ людей Новогородскіе земли и съ сельскихъ людей имати тамги съ московскаго рубля по четыре московки. . . . А кто поѣдетъ москвитинъ изо всѣхъ пригородовъ и изъ волостей Московскіе земли, и Смольянинъ, и изо всѣхъ городовъ и изъ волостей Тверскіе земли. . . . съ товаромъ, съ бѣлкою, и съ воскомъ, и со всякимъ товаромъ. . . . А который человѣкъ служивой пріѣдетъ въ Новгородъ съ товаромъ, ино съ его товару тамги и иные пошлины потомуже, какъ съ торговаго человѣка. . . . А имати имъ (таможенникамъ) тамга и пудъ и всѣ пошлины: съ царева и великаго князя товару, и съ митрополича, и со владычня и съ намѣстнича, и съ боярского, и съ царевыхъ великаго князя сельчанъ, и съ митрополичихъ, и съ владычнихъ, и съ монастырьскихъ, и съ боярскихъ, и съ грамотчиковъ и со всѣхъ безомѣны, чей кто нибуди» (А. Э. I. № 282. 1571).

Всѣ эти торговцы, безъ всякаго различія, пріѣзжая въ городъ должны были ставиться на «гостиныхъ дворахъ», въ устроенныхъ тамъ для нихъ помѣщеніяхъ, и производить изъ нихъ свою торговлю (тамъ-же).

Съ другой стороны лица, спеціально занимавшіяся торговлею, не были исключены отъ пользованія какими-либо другими правами.

Древнѣйшій списокъ Правды въ статьѣ, назначающей вознагражденіе за убійство, уравниваетъ купцовъ съ княжескими чиновниками: за тѣхъ и за другихъ берется 40 гривенъ.

Изъ лѣтописей узнаемъ, что купцы вмѣстѣ съ боярами принимаютъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ.

Въ 1177 году во Владимірѣ на Клязьмѣ собираются бояре и купцы и требуютъ отъ князя своего Всеволода, чтобы

онъ принялъ рѣшительныя мѣры противъ только что побѣжденныхъ имъ рязанскихъ князей.

«И на третiй день бысть мятежь въ Володимири: въсташа боляре и купци, рекоуче: княже, мы тобѣ добра хочемъ, за тя голови своя съкладываемъ; нынѣ дръжиши ворогы своя просты, а се ворози твои оу бока, соуждалци и ростовци, любо казни ихъ, любо слѣпи, или дай намъ». Сузд.

Они участвуютъ въ посольствахъ. Въ 1215 году новогородцы, много думавши, посылаютъ за княземъ Ярославомъ посадника, тысяцкаго и десять человѣкъ купцевъ, старѣйшихъ мужей.

Купцы выступаютъ, наконецъ, и въ качествѣ воиновъ. Отъ X вѣка имѣетъ извѣстiе, что гости, обыкновенно, носили оружiе. Въ договорѣ съ греками 945 года встрѣчаемъ статью, которая требуетъ чтобы купцы, прiѣзжающiе изъ Руси, входили въ Константинополь безъ оружiя. Это знакомство торговыхъ людей съ оружiемъ дѣло весьма понятное. При отсутствiи безопасности на дорогахъ, они сами должны были охранять свои караваны.

Въ Новогородской I лѣт. подъ 1195 годомъ читаемъ:

«Томь же лѣтѣ, на зиму, позва Всѣволодъ Новогородьце по Чьрниговъ, на Ярослава и на всѣ Ольгово племя. И новогородьци не отпьрешася ему: идоша съ княземъ Ярославъмь огнищане, и грiдьба и купци».

Въ Москвѣ въ XVI и XVII вѣкѣ произошло уже значительное обособленiе служилаго класса, тѣмъ не менѣе и тамъ торговые люди призываются къ военной службѣ. Въ походѣ на Казань участвуютъ «сурожане, суконники, купецкiе люди и прочiе москвичи, коимъ пристойно по ихъ силѣ» (Рейцъ, 136). Въ 1616 году Михаилъ Ѳедоровичъ указалъ:

«По Бѣлому городу быть по воротамъ головамъ, и дьякомъ и гостямъ для обереженiя»... Дворц. разр. I. 232.

Недвижимостями купцы могли обладать наравнѣ съ лицами другихъ спецiальностей.

Новогородская Судная грамота не дѣлаетъ никакого раз-

личія между бояриномъ и купцомъ по отношеніи къ землевладѣнію. И тотъ и другой могутъ обладать недвижимостями:

«А цѣловать боярину, и житьему, и купцю какъ за свою землю, такъ и за женню» (17).

«А позовутъ боярина, и житьего, и купца въ его землѣ, или въ женнѣ, ино ему отвѣчать. . . въ свое мѣсто и въ женне»... (18).

Древніе города нерѣдко состояли только изъ укрѣпленія, которое, кромѣ служилыхъ людей, постояннаго населенія и не имѣло. Поэтому, торговля не была у насъ пріурочена къ городамъ, она развивалась и внѣ городовъ, въ поселеніяхъ, которыя и впослѣдствіи городами не дѣлались. Въ церковномъ уставѣ смоленскаго князя, Ростислава Мстиславича, гостинная и торговая дань упоминаются въ такихъ мѣстностяхъ, которыя ни тогда, ни послѣ городами не были. Таковы: Поцинъ и Оболвъ (1150 годъ). Такимъ образомъ, торговля и купцы не замыкались въ нашей древности въ предѣлахъ городовъ.

То же явленіе наблюдается и въ московское время. Торговые люди живутъ въ деревняхъ и даже на владѣльческихъ земляхъ еще въ XVII столѣтіи. Въ грамотѣ о денежномъ сборѣ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому съ товарищами отъ 1632 года читаемъ:

«И съ тѣхъ гостей и съ торговыхъ и всякихъ людей, съ митрополичьихъ, и архіепископовыхъ, и епископовыхъ, и съ монастырскихъ, и съ боярскихъ, имати пятая денга ихъ животовъ на вспоможенье ратнымъ людемъ». Книги разрядныя, II, 486.

Даже въ Уложеніи не находимъ безусловнаго запрещенія торговымъ людямъ жить на владѣльческихъ земляхъ. Оно отбираетъ на государя только такія торговыя владѣльческія слободы, села и деревни, которыя находятся на посадахъ и около (XIX, 1, 5, 7, 8, 9). О тѣхъ-же, которыя «не близко посадовъ», въ Уложеніи сказано:

«А которые патріаршіи, и митрополичьи, и властелинскіе, и монастырскіе вотчинные слободы, и села, и деревни боярскіе, и окольничихъ, и думныхъ, и ближнихъ, и всякихъ чиновъ людей вотчинные и помѣстные слободы, села и деревни отъ посадовъ не близко, а въ нихъ живутъ торговые люди, а изстари они бывали посадскіе жильцы, и въ городѣхъ у нихъ лавки и всякіе торговые промыслы, и по сыску тѣхъ торговыхъ и промышленныхъ людей указалъ государь взять въ тѣ же городы въ посадъ на старые ихъ тяглые мѣста, и устроити съ тяглыми съ посадскими людьми» (XIX, 9).

Изъ Уложенія слѣдуетъ, что тѣ торговые люди, которые не были посадскими жильцами, могутъ попрежнему жить на владѣльческихъ земляхъ и торговать тамъ; только въ городахъ не могутъ они имѣть лавокъ.

Этимъ и надо объяснять существованіе лавокъ и цѣлыхъ посадовъ на владѣльческихъ земляхъ и послѣ Уложенія. Весь Тихвинскій посадъ принадлежалъ Тихвину монастырю Успенія Пречистыя Богородицы. На посадѣ были цѣлые ряды лавокъ, оброкъ съ которыхъ шолъ въ домъ Пречистыя Богородицы въ монастырскую казну. Въ апрѣлѣ 1661 года въ монастырской вотчинѣ случилось «убивственное дѣло, Мишка Печонкинъ да Ѳедька Жарухинъ да пришлой человѣкъ, поповъ сынъ, Прошка Ѳедоровъ, убили Тихвина монастыря крестьянина». Для разсмотрѣнія этого дѣла собрались архимандритъ, старцы и посадскіе люди и рѣшили отослать виновныхъ въ Великій Новгородъ къ боярину и воеводѣ князю Григорью Семеновичу Куракину съ товарищи «и впредь онѣ, Мишка Печонкинъ съ товарищи, къ намъ въ монастырскую вотчину во крестьянство и въ посадцкое тягло ненадобны» А. Ю. № 64 и 69, 1661—69.

Занятіе торговлей несовмѣстимо съ постоянной службой князю. Надо думать, что если торговые люди и поступали на службу князя, то въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Но, конечно, они такъ-же могли это дѣлать, какъ и люди другихъ спеціальностей. Указаніе на это находимъ въ договорахъ московскихъ великихъ князей съ удѣльными.

Въ договорѣ Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ читаемъ:

«А гости, и суконьниковъ, и городьскихъ людей блюсти ны съ одиного, а въ службу ихъ не примати» (Рум. Собр. I, № 33, 1388).

Этимъ договоромъ установляется исключеніе изъ общаго правила. Гости, суконники и городскіе люди (т. е. московскіе городскіе люди) тоже поступаютъ на службу; это старинное начало. Но Дмитрій Ивановичъ и Владиміръ Андреевичъ обязываются отступить отъ этого начала и впредь не принимать ихъ на службу. Надо думать, что это ограниченіе касается только торговыхъ людей города Москвы, гдѣ Владиміръ Андреевичъ былъ третчикомъ. Этимъ объясняется и выраженіе блюсти съ одиного, т. е. вѣдать вмѣстѣ. Торговые же люди мѣстностей, составлявшихъ раздѣльное владѣніе каждаго князя, вѣдались, конечно, каждымъ изъ нихъ отдѣльно, а не за одинъ. Это ограниченіе встрѣчается еще только въ одномъ договорѣ Василія Дмитріевича съ тѣмъ же Владиміромъ Андреевичемъ.

Но были нѣкоторыя общественныя функціи, которыя близко соприкасались съ торговымъ дѣломъ, а потому съ древнѣйшаго времени и поручались людямъ торговымъ. Сюда относятся сборы пошлинъ съ торговли.

Древнѣйшее указаніе на это находимъ въ дарственной грамотѣ новогородскаго князя, Всеволода Мстиславича, воздвигнутой имъ на Петрятинѣ дворищѣ церкви во имя св. Іоанна. На строеніе церкви, отъ своего великаго имѣнія, князь далъ вѣсъ вощаной. Для вѣдомства возникшихъ изъ этого дара «Ивановскихъ дѣлъ», состоявшихъ въ разборѣ споровъ, возникавшихъ при сборѣ вѣсовой пошлины, въ храненіи денегъ и ихъ расходованіи, князь учредилъ особый совѣтъ изъ трехъ старостъ отъ житьихъ людей, тысяцкаго отъ черныхъ и двухъ старостъ отъ купцовъ. Этимъ двумъ старостамъ отъ купцовъ порученъ былъ и самый вѣсъ воска, который они должны были производить въ притворѣ св. Іоанна. Двое купеческихъ старостъ избирались, но не

всѣмъ купечествомъ, а только пошлымъ. Пошлыми же купцы дѣлались «вкладомъ и отчиною». То есть, пошлымъ купцомъ былъ: 1) тотъ, кто вложился въ Ивановское купечество, а для этого надо было внести «купьцамъ пошлымъ вкладу 50 гривенъ серебра», изъ которыхъ только половина шла св. Ивану; употребленіе другой половины не указано; 2) пріобрѣтенное вкладомъ право Ивановскаго купечества переходило по смерти пріобрѣтателя къ его дѣтямъ.

Возникаетъ вопросъ, за что платили Ивановскіе купцы 50 гривенъ, сумму, по тогдашнему времени, очень значительную? Она многимъ превышала цѣну человѣческой жизни. Въ старину исполненіе всякой публичной должности вознаграждалось не жалованьемъ, а доходомъ съ должности. Получали такой доходъ и сборщики податей. Чтобы имѣть право на этотъ доходъ, Ивановскіе купцы, надо думать, и вносили 50 гривенъ.

Они названы «пошлыми». Пошлина есть то, что пошло изъ старины. Это заставляетъ думать, что «Ивановское купечество» есть только отдѣльный случай примѣненія къ потребностямъ церкви св. Іоанна порядковъ, давно уже сложившихся, а потому пошлыхъ. О доходахъ князя съ торговли говоритъ уже Владиміровъ церковный уставъ; пошлины съ вѣса воскового Всеволодовъ уставъ называетъ стариной. Можно думать, что купцы въ Новгородѣ въ глубокой уже древности приставлялись къ сбору торговыхъ пошлинъ и дѣлали за это нѣкоторый вкладъ въ княжескую казну. Они-то, надо думать и назывались «пошлыми купцами». Кн. Всеволодъ беретъ изъ ихъ вѣдомства часть торговаго сбора въ пользу церкви св. Іоанна, предоставляетъ взиманіе его спеціально Ивановскому купечеству и требуетъ, чтобы и это купечество тоже было «пошлое», т. е. дѣлало нѣкоторый вкладъ за право сбора. Пошлому купечеству въ грамотѣ противопогается не пошлое; оно не участвуетъ въ сборѣ пошлинъ:

«А не пошлымъ купцемъ старощенія не держати, ни вѣсу имъ не вѣсити иваньского» (Доп. къ А. И. I. № 3, около 1134—5).

Въ московскомъ государствѣ купцы и гости такъ-же привлекаются къ таможенному дѣлу.

Можно думать, что учрежденное Всеволодомъ Ивановское купечество существовало въ Новгородѣ еще въ XVI вѣкѣ, хотя, можетъ быть, и съ нѣкоторыми измѣненіями.

Утверждаемъ это на основаніи таможенной новогородской грамоты отъ 1571 года. Въ началѣ грамоты говорится, что въ Великомъ Новѣгородѣ, въ государевѣ опришнинѣ, на торговой сторонѣ, тамга и всѣ таможенные пошлины собираются гостями и купцами московскими и новогородскими. А при исчисленіи отдѣльныхъ пошлинъ сдѣлано такое исключеніе:

«А воскъ, и медъ, и олово, и свинецъ, и квасцы, и ладонъ, и темьянъ вѣсить по старинѣ, на крюкъ, у Ивана Святого подъ церковью, на Петрятинѣ дворищѣ; а таможникамъ въ то не вступатися ни во что». А. Э. I. № 282.

Извѣстіе это чрезвычайно кратко и было-бы совершенно не понятно, если-бы мы не имѣли вышеприведенной Всеволодовой грамоты. Исключеніе, надо полагать, сдѣлано въ пользу Ивановскихъ купцовъ, которые и въ концѣ XVI вѣка продолжаютъ еще вѣсить въ притворѣ св. Іоанна, но уже не одинъ воскъ, а и нѣкоторые другіе товары. Кто и когда сдѣлалъ это новое приношеніе св. Іоанну, мы не знаемъ. Наша до-московская старина во многомъ была весьма устойчива.

Въ московскихъ памятникахъ для обозначенія торговыхъ людей входитъ въ употребленіе новое слово посадскіе. Думаемъ, что терминъ этотъ возникъ отъ сидѣнія въ лавкѣ торговыхъ людей, а затѣмъ сообщился и самому мѣсту, гдѣ лавки были устроены, которое поэтому и называлось посадомъ. Въ описи города Мурома читаемъ:

«Въ Муромѣ жъ на посадѣ лавки, а сидятъ въ нихъ муромцы, посадцкіе люди, со всякимъ товаромъ..... и всего въ Болшомъ ряду отъ площеди къ гостину ряду по обѣ стороны 38 лавокъ жилыхъ». (А. Ю. № 229, 1574).

Такіе посады возникали, обыкновенно, около городовъ, непосредственно прилегая къ городскимъ стѣнамъ:

«Въ Муромѣ на посадѣ, за городомъ, государя царя и великаго князя дворъ, противъ Николы Мокрого»... (тамъ же).

Возникновеніе посадовъ возлѣ городовъ очень понятно. Многіе города возникли по правительственнымъ соображеніямъ, какъ пункты защиты; первоначальное ихъ населеніе состояло единственно изъ служилыхъ людей. Торговые люди являлись съ своимъ предложеніемъ въ пункты, гдѣ сосредоточивались служилые люди.

Но посадскіе люди и посады могли быть и въ селахъ. Въ торговомъ монастырскомъ селѣ, Веси Егонской, были свои посадскіе люди, ѣздившіе съ товарами въ разные города (А. Э. І. № 263, 1563). Въ селѣ Дмитрія Годунова, Чарандѣ, былъ тоже посадъ, а въ немъ жили торговые посадскіе люди (А. Э. І. № 356, 1592). Въ началѣ XVII вѣка Ивану Черкаскому пожаловано село «Павловъ острогъ съ посадскими людьми» (А. Э. III. № 159, 1624).

Да и у стѣнъ городскихъ могли селиться не одни только торговые люди, но и крестьяне; можетъ быть, они и были первые посадскіе торговцы. Существованіе такихъ двухъ элементовъ въ посадахъ объясняетъ тотъ фактъ, что къ городамъ приписывались пахатныя земли. Въ той же описи Мурома читаемъ:

«Въ Муромѣ жъ на посадѣ дворы черные тяглые. . . . И всего въ Муромѣ на посадѣ . . . . въ живѣ черныхъ тяглыхъ дворовъ 111 дворовъ. . . . Пашниу всего посаду съ московскіе дороги, и перелогу и животиннаго выпуску, во всѣхъ трехъ поляхъ худые земли. . . . 608 четьи; а сошнаго писма во всемъ посадѣ. . . . 12 сохъ безъ чети безъ малой трети и пол-пол-полчети сохи».

Къ посадамъ бывали приписаны цѣлыя деревни:

«Отъ царя и великого князя, Ивана Васильевича, всея Руси, на Устюжню Желѣзополскую, на посадъ: старостамъ и сотцкимъ и пятидесятцкимъ и десятцкимъ и всѣмъ крестьяномъ, посадцкимъ людемъ. Пожаловалъ есми

княжъ Юрьеву Васильевича княгиню, старицу Александру, Устюжною Желѣзополскою, посадомъ и деревнями, что къ посаду, со всѣми доходы». . . . (А. Э. I. № 279, 1570).

Посадъ и деревни составляютъ здѣсь одно административное цѣлое, а крестьяне названы посадскими людьми.

Какъ далеко заходила деревня въ посадъ, это ясно видно изъ дозорной книги посада Чаронды, въ которой читаемъ:

«Да къ погосту же на Чарондѣ на посадѣ тяглыхъ дворовъ: дворъ Иванко Петровъ. . . . Да дворъ пашенного человѣка, Мишки Иванова; да дворъ пустъ пашенного же человѣка, Гришки Краснова, а пашни его полъ чети выти впустѣ. . . . Да пашенныхъ же людей пожженыхъ дворовъ мѣста (слѣдуетъ перечисленіе 14 дворовыхъ мѣстъ)».

«Да на Чарондѣ же на посадѣ непашенныхъ людей дворы, а живутъ въ нихъ непашенные люди, а кормятся рыбною ловлею, а платятъ государевы доходы съ пашенными крестьяны вмѣстѣ съ рыбные ловли (слѣдуетъ перечисленіе 19 дворовъ и въ томъ числѣ одинъ «дворъ, торговой человѣкъ, Торопко Веяковъ, да у его жъ двора лавченко»). А. до Юр. Б. № 128, II. 1615.

Въ приходной книгѣ Туринскаго острога всякимъ государевымъ доходамъ 1622 года читаемъ:

«Посадскіе люди:

«Ѳомка Ортемьевъ. И на нынѣшній на 131 годъ, по окладу, съ двора и съ пашни и съ сѣнныхъ покосовъ годоваго оброку взято шестнацеть алтынъ четыре денги» (за этимъ слѣдуютъ еще шесть посадскихъ, обложенныхъ оброкомъ съ пашень и сѣнныхъ покосовъ).

«Годовой оброкъ съ лавокъ:

«У государева пашеннаго крестьянина, у Куземки у Никонова, съ онбара на нынѣшней на 131 годъ, по окладу, оброку взято шесть алтынъ четыре денги». А. до Ю. Б. № 142. II.

Посадскіе люди пашутъ, крестьяне торгуютъ.

Первыя формальныя различія между посадскими людьми

и крестьянами находимъ въ постановленіяхъ Судебниковъ о безчестьи. Но они не отличаются большою точностью и опредѣленностью.

Въ царскомъ Судебникѣ находимъ по этому предмету такія опредѣленія:

«А гостемъ болшимъ безчестья 50 рублевъ; а женамъ ихъ вдвое противъ ихъ безчестья. А торговымъ людямъ и посадцкимъ людемъ (двухъ послѣднихъ словъ въ Татищ. сп. нѣтъ), всѣмъ (и всякимъ, Толст. I) середнимъ, безчестья 5 рублевъ; а женамъ ихъ безчестья противъ ихъ безчестья вдвое........ А крестьянину пашенному и непашенному (въ 4-хъ сп. нѣтъ) безчестья рубль; а женѣ его безчестья два рубля. А боярскому человѣку молотчему, іли черному городцкому (вар. посадцкому) человѣку молотчему безчестья рубль-же; а женамъ ихъ безчестья вдвое» (26).

Такія опредѣленія, какъ большіе, средніе и молодшіе люди, указываютъ, конечно, на значительную неопредѣленность формальныхъ различій. Гдѣ оканчиваются большіе гости и начинаются средніе? Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ это должно было рѣшаться усмотрѣніемъ судьи. Молодшій городской приравненъ крестьянину. А если крестьянинъ имѣетъ лавки и ведетъ значительный торгъ? Его, конечно, можно было отнести къ торговымъ людямъ, подъ которыми Судебникъ разумѣетъ всѣхъ среднихъ купцовъ, и взять за его безчестье 5 рублей.

Подтвержденіе такому толкованію находимъ въ близкой по времени къ Судебнику Судной грамотѣ удѣльнаго князя, Владиміра Андреевича:

«А безчестья посадскимъ людемъ и волостнымъ добрымъ пять рублевъ» (А. Э. I. № 257, 1561), въ которой добрые волостные крестьяне уравнены съ средними посадскими людьми Судебника.

Эта близость посада къ селу и деревнѣ объясняетъ общія челобитныя посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ XVI вѣка. Царю Ивану бьютъ челомъ:

«Шенкурны и Вельского стану посадскіе люди и всего Важского уѣзда становые и волостные крестьяне, кото-

рые станы приписаны судомъ къ Шенкурьѣ, къ посаду, и къ Вельскому стану». (А. Э. I. № 234, 1552).

Здѣсь посадскіе люди живутъ и въ Вельскомъ стану, а не въ городскомъ только посадѣ.

Только съ конца XVI вѣка московское правительство начинаетъ принимать мѣры къ большему обособленію торговаго класса, но только лучшихъ его людей.

За службу въ таможенныхъ и кружечныхъ дворахъ и у соболиной казны оно начинаетъ жаловать торговыхъ людей гостиннымъ именемъ (Котошихинъ, X, 1) и даетъ на это званіе грамоту съ красной печатью (Улож. XVIII, 8). Званіе гостя изъ бытоваго явленія переходитъ въ отличіе, жалуемое московскими государями за вѣрную службу. Если Уложеніе назначаетъ гостю по 50 р. безчестья, то это надо понимать о купцѣ, пожалованномъ гостиннымъ именемъ, слѣдовательно о совершенно опредѣленномъ разрядѣ лицъ. Мы даже знаемъ число ихъ. Котошихинъ говоритъ: «а будетъ ихъ близко 30 человѣкъ».

Гостямъ, въ силу жалованныхъ грамотъ, предоставлялись, обыкновенно, нѣкоторыя привилегіи. Вотъ одна изъ такихъ грамотъ:

«Божіею милостію мы, великій государь, царь и великій князь, Борисъ Өедоровичъ, всея Русіи самодержецъ, и сынъ нашъ, царевичъ, князь Өедоръ, пожаловали есмя нашіе отчины Великаго Новагорода торговаго человѣка Ивана, Онаньина сына, Соскова г о с т и н н ы м ъ и м я н е м ъ. Велѣли ему быти въ гостѣхъ и на дворѣ его стоялщикомъ никакимъ не ставитися, опричь нашихъ походовъ; и всякое питье велѣли ему держати безъявочно и безвымочно, про себя, а не на продажу. А въ которые городы Иванъ поѣдетъ, или его дѣти, или племянники съ его товары, и въ тѣхъ городѣхъ наши намѣстники и воеводы и всякіе приказные люди ихъ не судятъ ни въ чемъ, а судимъ мы, великій государь, царь и великій князь Борисъ Өедоровичъ, всея Русіи самодержецъ, и сынъ нашъ, царевичъ, князь Өедоръ, или кому повелимъ судити. Дана грамота на Москвѣ, лѣта 7107, сентября въ 15 день. А припись у тое государевы жаловалные грамоты дьяка Посника Дмитріева» (Доп. къ А. И. I, № 147, 1598)

Такія привилегіи не составляютъ, однако, изобрѣтенія XVI вѣка. Онѣ получили свое начало гораздо ранѣе. Древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ льготныхъ грамотъ купцамъ принадлежитъ великому князю Дмитрію Ивановичу. Онъ освободилъ новоторжца, Микулу, съ дѣтьми и сиротами, отъ всякихъ даней и суда своихъ намѣстниковъ. «Микулу съ его городищанами» судитъ самъ великій князь. «Что (Микула) купитъ или продастъ, или его дѣти не надобѣ имъ ни тамга, ни восминичее... ни костки, ни которая пошлина, ни побережное, ни вѣсчее...» (Доп. къ А. И. I, № 9; грамота очень плохо сохранилась, а потому мы и не приводимъ ее цѣликомъ). Въ началѣ грамоты Дмитрій Ивановичъ говоритъ, что онъ пожаловалъ Микулу «по дѣда своего князя великого грамотѣ». Такимъ образомъ, Иванъ Даниловичъ давалъ уже привилегіи купцамъ. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, что онъ былъ въ этомъ дѣлѣ новаторомъ. Такой порядокъ вещей, конечно, идетъ изъ самой глубокой старины.

Жалованныя грамоты установляютъ привилегіи въ пользу отдѣльныхъ лицъ, а не цѣлаго класса торговыхъ людей.

Нѣкоторое исключеніе изъ этого порядка вещей представляетъ Новгородъ. Въ новогородскихъ договорахъ съ князьями встрѣчается общая привилегія для всѣхъ торгующихъ. Она выражается въ такой формулѣ:

«А дворянамъ твоимъ по *селомъ* у купцевъ повозовъ не имати, разве ратной вести».

Новогородскіе купцы даютъ подводы княжескимъ слугамъ только въ случаѣ отправки гонца съ извѣстіемъ о войнѣ.

Эта привилегія встрѣчается уже въ договорѣ Новгорода съ тверскимъ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ, заключеннымъ въ 1265 году, повторяется во многихъ договорахъ съ тверскими князьями XIV вѣка и въ послѣдній разъ упоминается въ договорѣ съ Москвой 1471 года, хотя въ этихъ послѣднихъ договорахъ и безъ прибавки «по селомъ». Думаемъ, однако, что «по селомъ» предполагается и позднѣйшими договорами.

Что же значитъ это «по селомъ»? Нельзя допустить, что привилегія дана только сельскимъ купцамъ. Здѣсь разумѣются торговые люди, находящіеся въ дорогѣ съ товаромъ и застигнутые княжескими дворянами во время остановки въ селѣ. Эта привилегія дана всѣмъ торгующимъ, чтобы не останавливать, безъ важной причины, ихъ торговаго движенія; а не купцамъ въ смыслѣ особаго класса. Такая же привилегія, какъ увидимъ изъ приводимой ниже грамоты, давалась и въ Москвѣ, но отдѣльнымъ лицамъ. Новгородъ же Великій ограждалъ не лица, а торговлю.

Въ Москвѣ хотя и начинается нѣкоторая организація торговыхъ людей, но она не была разсчитана на развитіе торговли и промысловъ. Надо сказать даже болѣе, эта организація была прямо противоположна интересамъ торговли и промысловъ.

Съ конца XVI вѣка московское правительство начинаетъ брать по городамъ лучшихъ людей изъ черныхъ сотенъ и слободъ и устраивать изъ нихъ въ Москвѣ особыя сотни: гостинную и суконную (А. Э. II. № 49). Цѣль этихъ новыхъ сотенъ такъ опредѣлена Котошихинымъ:

«Гостиная, суконая сотни устроены для того: на Москвѣ и въ городѣхъ бываютъ у зборовъ царскіе казны, въ цѣловальникахъ, и торги своими торгуютъ же и всякими промыслами промышляютъ» (X, 2).

Людямъ гостинной сотни давались также привилегіи, какъ и гостямъ. Вотъ жалованая грамота царя Шуйскаго торговому человѣку гостиной сотни:

«И язъ царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Русіи пожаловалъ Ондрѣя Окулова и его дѣтей: гдѣ онъ на комъ учнетъ искати или отвѣчати, въ которомъ приказѣ ни буди, а дойдутъ по суду до крестного цѣлованья, и ему самому и его дѣтямъ креста не цѣловати, а цѣловати крестъ въ ихъ мѣсто людемъ ихъ. И питье ему держати про себя безъявочно. Также есми Ондрѣя Окулова и его дѣтей пожаловалъ: гдѣ ему случится въ отъѣздѣ быти самому, или его братьѣ, или его дѣтемъ, или его племянникомъ, которые съ нимъ не въ раздѣлѣ, или ихъ людемъ, нашего государьства по всѣмъ городомъ, и наши бояре, и воеводы, и дьяки,

и всякіе наши приказные люди ни въ чемъ ихъ не судятъ; а кому до нихъ дѣло, ино ихъ сужу язь царь и великій князь Василей Ивановичъ всея Русіи на Москвѣ, или мой казначей. И съ черными сотнями никакихъ ему дѣлъ не дѣлати и не тянути ни въ чемъ, опричь своей гостиныя сотни. И подводъ у него въ отъѣздѣ во всѣхъ городѣхъ нашего государства и по ямамъ не имати; и стоялщиковъ у нихъ во дворѣ и всякихъ иноземцовъ не ставити. А кто ихъ чрезъ сію мою жалованную грамоту чѣмъ изобидитъ, тому отъ меня царя и веикаго князя Василья Ивановича всея Руссіи быти въ опалѣ. Дана ся наша царьская жаловалная грамота на Москвѣ, лѣта 7114 іюня въ день». А. Э. II. № 49, 1606.

За усердную службу въ таможенныхъ и кружечныхъ дворахъ люди гостиной сотни жалуются «гостинымъ имянемъ». Подъ усердной-же службой разумѣлась такая, которая въ результатѣ своемъ имѣла прибыль государевой казны (Улож. XVIII, 8).

Нельзя не замѣтить нѣкотораго родства между новгородскими пошлыми купцами и московскими гостями и людьми гостинной и суконной сотни. И тѣ и другіе состоятъ при сборѣ пошлинъ. Но это очень отдаленные родственники. Они различаются всѣмъ громаднымъ различіемъ строя новгородской и московской жизни. Въ Новгородѣ стать пошлымъ купцомъ есть дѣло свободы, досуга и призванія; въ Москвѣ это тяжелая обязанность, которая отрываетъ отъ торговли и промысловъ всѣхъ лучшихъ торговыхъ людей. Жалуемыя имъ привилегіи далеко не окупаютъ тѣхъ потерь, которыя они должны нести, передавая веденіе своихъ предпріятій въ чужія руки. Московская организація торговыхъ людей находится въ прямомъ противорѣчіи съ интересами торговли, для которой нужна свобода, а не обязательная служба. Хорошо извѣстно невыносимое положеніе этихъ невольныхъ государевыхъ слугъ во время отчетности ихъ предъ московскими приказами, которая нерѣдко, благодаря знаменитой московской волокитѣ, тянулась годъ, а иногда и болѣе и совершенно разстраивала торговыя дѣла купцовъ. Петру Великому

суждено было усмотрѣть недостатки московской организаціи и положить начало новому порядку вещей. Но обратимся къ старинѣ.

Гостинная и суконная сотни были расписаны на статьи: большую, среднюю и меньшую. Каждой статьѣ Уложеніе опредѣляетъ особое безчестье. Самое большое, 20 руб., полагается человѣку гостинной сотни большой статьи; самое меньшее, 5 руб., человѣку суконной сотни меньшей статьи (X, 94).

Эти различія представляютъ нѣчто совершенно опредѣленное. Но здѣсь опредѣленность и оканчивается.

За безчестье крестьянъ Уложеніе, какъ и Судебникъ, назначаетъ 1 рубль. Между-же крестьянами и меньшей статьей суконной сотни поставленъ слѣдующій неопредѣленный разрядъ: люди черныхъ сотенъ и слободъ и посадскіе тяглые. Лучшимъ изъ нихъ Уложеніе назначаетъ 7 рублей безчестья, среднимъ—6, меньшимъ—5.

Это не посадскіе только, но еще какіе-то люди черныхъ слободъ и сотенъ. Можно думать, что здѣсь торговые люди по старому смѣшиваются съ крестьянами, которые то-же торгуютъ, но для которыхъ сидѣніе въ лавкѣ не составляло спеціальности. Лучшіе и средніе люди этого-то смѣшаннаго класса, среди котораго могутъ быть и земледѣльцы, такъ какъ и въ XVII вѣкѣ при посадахъ есть пахатныя земли, поставлены выше меньшей статьи людей суконной сотни.

Уложеніе и посадскихъ людей прикрѣпляетъ къ мѣсту, гдѣ они записаны въ государево тягло (XIX, 1, 2, 22). Но этимъ не достигается никакого принципіальнаго различія между городомъ и деревнею, такъ какъ посады существуютъ не при городахъ только, а и при селахъ, а съ другой стороны и городскіе посадскіе люди владѣютъ пахатными землями.

Мысль Екатерины II, что въ городахъ обитаютъ мѣщане, которые упражняются въ ремеслахъ, художествахъ, въ торговлѣ и наукахъ, а въ селахъ и деревняхъ, сельскіе жители, обрабатывающіе землю, произведеніями которой питаются всѣ

сословія и «сіе есть ихъ жребій», совершенно чужда нашему законодательству XVI и XVII вѣка.

Въ литературѣ вопросъ о торговыхъ людяхъ, до послѣдняго времени, не возбуждалъ особенно крупныхъ разногласій. Можно было считать общепринятымъ положеніе о томъ, что наша древность не знала никакихъ формальныхъ ограниченій права торговли, и что купцы не составляли особаго класса съ сословной организаціей. Противъ такого взгляда высказался, нынѣ уже умершій проф. Варшавскаго университета, Никитскій, хотя и нельзя сказать, чтобы онъ развилъ свои положенія съ достаточной опредѣленностью. На основаніи разсмотрѣннаго нами выше устава Всеволода Новгородскаго церкви св. Іоанна на Опокахъ, онъ утверждаетъ, что этимъ уставомъ была основана въ первой половинѣ XII вѣка новгородская купеческая гильдія (Св. вел. Иванъ на Опокахъ въ Ж. М. Нар. Пр. 1870, т. 150, стр. 207 слѣд.). Авторъ утверждаетъ, что 6 членовъ, назначенныхъ для вѣдомства ивановскихъ дѣлъ, «сосредоточивали въ своихъ рукахъ всю торговую администрацію». По числу членовъ «комисія» эта напоминаетъ ему екатерининскую шестигласную думу; а тысяцкій, предсѣдатель комисіи, «игралъ по его мнѣнію, въ своемъ родѣ роль городского головы». Думаемъ, что такого рода сближенія не нуждаются въ опроверженіи. Усмотрѣвъ сходство съ шестигласной думой, авторъ не обратилъ должнаго вниманія на то, что комисія изъ 6 членовъ учреждена для вѣдомства не торговыхъ дѣлъ вообще, а только ивановскихъ; что тотъ-же памятникъ рядомъ съ «пошлыми купцами» знаетъ и «купцовъ не пошлыхъ»; и что, наконецъ, изъ 6 членовъ ивановской комисіи только два купца, а остальные житьи люди и тысяцкій, какъ представитель черныхъ людей вообще. Несмотря на значительные успѣхи новогородской жизни, купцы не обособились, однако, въ Новгородѣ отъ другихъ классовъ населенія и не получили тамъ спеціально купеческой организаціи.

Изысканія о торговыхъ людяхъ весьма нерѣдко приво-

дятъ къ изслѣдованію вопроса объ отдѣленіи городовъ отъ селъ. Къ этому вопросу пришолъ покойный Пригары въ своемъ сочиненіи: «Описаніе историческаго состоянія городскихъ обывателей въ восточной Россіи», 1865. Онъ думаетъ, что уже въ концѣ XV вѣка города начинаютъ обособляться отъ селъ и что причина этому лежитъ въ заботахъ правительства объ исправномъ поступленіи тамги, съ каковой цѣлью торговлю и начинаютъ ограничивать городами (5).

Организація сбора (таможеннаго) съ торговли, конечно, должна была повести къ ограниченію мѣстъ торговли. Таможенные сборы устраивались въ такихъ пунктахъ, гдѣ существовала сколько-нибудь развитая торговля. Учрежденіе въ такихъ мѣстахъ таможенниковъ вызывало иногда перенос торговли въ новое мѣсто, гдѣ таможенниковъ не было. Это причиняло подрывъ государевой казнѣ, и вотъ вслѣдствіе этого-то мы и находимъ въ таможенныхъ грамотахъ дозволеніе торговли въ однихъ мѣстахъ и запрещеніе ея въ другихъ. Но при этомъ и рѣчи нѣтъ объ исключительномъ пріуроченіи торговли къ городамъ. И въ концѣ XV-го и въ теченіи всего XVI-го вѣка торговля разрѣшается какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ. Приведемъ нѣсколько данныхъ.

Въ древнѣйшей бѣлозерской таможенной грамотѣ читаемъ:

«А кто пріѣдетъ изъ Московскіе земли, и изъ Тверскіе земли, и изъ Новогородскіе земли, и изо всѣхъ монастырей Московскіе земли, и изъ Тверскіе, и Новогородскіе, и изъ Бѣлозерьскихъ монастырей, всѣмъ имъ всякимъ товаромъ и житомъ торговати въ г о р о д ѣ на Бѣлѣозерѣ; а за озеро всѣмъ имъ торговати не ѣздити; а по волостемъ имъ и монастыремъ не торговати ни житомъ, ни всякимъ товаромъ, о п р о ч е о д н ы е Б ѣ л о з е р с к і е в о л о с т и У г л ы. А на Углѣ быти торгу п о с т а р и н ѣ, а тамга имати у нихъ по томужъ, какъ емлютъ на Бѣлѣозерѣ, въ городѣ..... А г о р о д с к и м ъ л ю д е м ъ б ѣ л о з е р ц е м ъ и п о с а ж а н о м ъ (вмѣсто посадскихъ) з а о з е р о ѣ з д и т и п о с т а р и н ѣ т о р г о в а т и» (А. Э. I. № 134, 1497).

Здѣсь различены пріѣзжіе торговцы изъ другихъ земель

и мѣстные. Пріѣзжіе торгуютъ только въ городѣ Бѣлоозерѣ да въ волости Углѣ. Мѣстные купцы могутъ ѣздить торговать и за Бѣлоозеро по волости. Это особая ихъ привилегія.

Изъ жалованной грамоты дмитровскаго князя, Юрія Ивановича, 1521 года, узнаемъ, что есть мытчики (сборщики торговыхъ пошлинъ) Задубровской слободы, Устенскіе и Дубенскіе (А. Э. I. № 170). Все это не города.

Въ пятидесятыхъ годахъ XVI вѣка возникло любопытное таможенное столкновеніе у архимандрита Симонова монастыря съ княземъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ Прозоровскимъ. Архимандритъ билъ челомъ государю о томъ:

«Что де въ Бѣжецкомъ Верху, въ Городецкомъ уѣздѣ, въ ихъ монастырскомъ селѣ, въ Веси Егонской, торгъ еженедѣль по вся дни, и на тотъ де торгъ съѣзжаются торговые люди со всякими товары; и въ томъ де торгу тамгу и всѣ таможные пошлины откупають бѣжачане, городецкіе посадскіе люди, и сельскіе крестьяне; и отъ тѣхъ де отъ откупныхъ таможниковъ ихъ монастырскимъ людемъ и крестьяномъ... чинятся обиды и продажа великіе и откупу де таможеннаго на ту тамгу даютъ наддачу великую».

Вслѣдствіе этого архимандритъ просилъ, чтобы государь пожаловалъ отдалъ имъ тамгу безъ наддачи въ оброкъ за 35 р. Государь пожалованъ, отдалъ.

Черезъ два года послѣ этого приказщики кн. Прозоровскаго устроили въ его вотчинѣ, селѣ Старой Холопей, лавки, кабаки и завели торгъ. По челобитью князя въ его вотчинѣ тоже была устроена таможня и торгъ отданъ на откупъ за 3 рубля. Но оба села находились на одной и той-же рѣкѣ Мологѣ. Вслѣдствіе этого торговцы, плывшіе въ Весь-Егонскую, останавливались въ вотчинѣ Прозоровскаго и торговали. Монастырь усмотрѣлъ въ этомъ ущербъ своимъ интересамъ. Пошли жалобы на недоборъ пошлинъ. Дѣло тянулось болѣе трехъ лѣтъ и рѣшено въ пользу монастыря. Торгъ въ Старомъ Холопьи былъ уничтоженъ, а три рубля тамги присоединены къ монастырскому оброку (А. Э. I, № 263).

Изъ 17 таможенныхъ грамотъ, отпечатанныхъ въ I-мъ т.

А. Э., въ 9-ти рѣчь идетъ о торговыхъ мѣстахъ въ селахъ и волостяхъ (кромѣ трехъ приведенныхъ см. еще № 342, 352, 356, 362, 363, 366). Такимъ образомъ, и въ XVI вѣкѣ, такъ-же какъ и въ XII, торговля не ограничивается городами. А такъ какъ города ставились въ цѣляхъ обороны, то можно допустить, что были города, въ которыхъ не было никакой торговли.

Проф. Владимірскій-Будановъ также думаетъ, что торговля концентрируется правительственными мѣрами въ однихъ городахъ ради удобства взиманія пошлинъ. Ссылаясь на бѣлозерскую уставную грамоту 1488 года, начало этой концентракціи онъ относитъ къ концу XV вѣка (Обзоръ, I, 103).

Иначе взглянулъ на вопросъ проф. Чичеринъ. Онъ не ищетъ обособленія городовъ ни въ XV, ни даже въ XVI вѣкѣ. Онъ относитъ его къ половинѣ XVII-го. «Стремленіе къ устройству и обособленію городовъ, говоритъ онъ, выразилось въ первый разъ въ указѣ 1648 года, подтвержденномъ въ Уложеніи» (Опыты, 36).

Вотъ относящія сюда двѣ статьи Уложенія:

«А которые въ городѣхъ на посадѣхъ и около посадовъ патріарши, и властелинскіе, и монастырскіе вотчины, и боярскіе, и окольничихъ, и думныхъ, и всякихъ чиновъ людей вотчины-же и помѣстья,..... а сошлися тѣ вотчины и помѣстья съ посады, дворы съ дворами, или близко посадовъ; и тѣ вотчины и помѣстья взяти за государя и устроити къ посадомъ податьми и службами» (XIX, 8).

«А которые въ городѣхъ патріарши и пр. села и деревни.... (повторено опредѣленіе предшествующей статьи). А въ которыхъ ихъ въ тѣхъ селахъ и въ деревняхъ объявятся пашенные крестьяне, и тѣхъ крестьянъ указалъ государь описати себѣ статьею» (XIX, 9).

Государь указываетъ взять за него къ посадамъ частныя вотчины и помѣстья, которыя сошлись съ городскими посадами; пашенныхъ-же крестьянъ, которые могутъ оказаться въ этихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ, описать особой статьей. Изъ предыдущаго мы уже знаемъ, что въ посадахъ были крестьяне

и пахатныя земли. Новая мѣра этого порядка вещей не только не измѣняетъ, а пожалуй еще усиливаетъ крестьянскій элементъ въ нѣкоторыхъ посадахъ. Обособленія города отъ деревни этою мѣрою, слѣдовательно, не достигается. Но здѣсь, дѣйствительно, производится разграниченіе, только не между городомъ и деревней, а между людьми, непосредственно зависящими отъ государя, и тѣми, которые въ силу прикрѣпленія были поставлены въ зависимость отъ частныхъ владѣльцевъ. Это размежеваніе государя съ патріархомъ, митрополитами, боярами и всякихъ чиновъ владѣльцами. Эти владѣльцы, земли которыхъ прилегаютъ къ землямъ государевыхъ посадскихъ людей, устраивали въ сосѣдствѣ съ ними лавки, анбары и всякія промышленныя заведенія; ихъ люди дѣлали конкурренцію государевымъ посадскимъ людямъ въ торговлѣ и промыслахъ, а тягла посадскаго не несли. Въ видахъ огражденія государева интереса и принята эта крутая мѣра.

Населеніе посадовъ по прежнему остается смѣшанное изъ торговыхъ людей и пашенныхъ крестьянъ. Пашенные крестьяне могутъ тамъ имѣть лавки и торговать на условіи посадскаго тягла.

Выше (стр. 232) были уже приведены свидѣтельства, доказывающія, что еще въ XVI и началѣ XVII вѣка крестьяне не только занимаются торговлею въ городахъ, но и имѣютъ тамъ лавки.

Уложеніе произвело размежеваніе между вольными государевыми крестьянами и владѣльческими. Послѣдніе лишены имъ права имѣть лавки въ городахъ. Они могутъ только производить торгъ съ возовъ. Но это нововведеніе проникаетъ въ жизнь очень туго, оно постоянно нарушается, и само правительство по временамъ отступаетъ отъ него, дѣлая распоряженія въ отмѣну статей Уложенія.

Въ 1669 году Костромичи посадскіе люди подали царю и великому князю, Алексѣю Михайловичу, челобитную, въ которой пишутъ:

«Изъ приходныхъ де слободъ, и изъ селъ, и изъ деревень монастырскіе и помѣщиковы и вотчинниковы крестьяне и дворники на Костромѣ въ рядѣхъ и на площади походя торгуютъ и промышляютъ хлѣбомъ, и солодомъ, и солью, и хмѣлемъ, и холстами, и рыбою свѣжею и соленою, и въ лавки кладутся, и всякими торговыми и ремесленными промыслы промышляютъ, и у пріѣзжихъ де иныхъ городовъ у торговыхъ людей, которые на Кострому пріѣзжаютъ со всякими товары, цѣну на тѣ товары накладываютъ большую, и въ торгахъ де и въ промыслахъ имъ, посадскимъ людямъ, чинятъ обиду болшую, а тягла де съ ними не тянутъ».

На эту жалобу послѣдовало такое распоряженіе на имя костромскаго воеводы, Василія Степановича Корсакова, и подъячаго, Семена Прокофьева:

«И вы бъ на Костромѣ монастырьскимъ и помѣщиковымъ и вотчинниковымъ крестьяномъ и дворникомъ и всякихъ чиновъ людемъ, которые въ Костромѣ похотятъ торговыми всякими промыслы промышлять и ремесленные люди рукодѣльемъ своимъ кормиться, на площади и въ рядѣхъ въ лавки товары свои класть, велѣли съ тѣхъ торговыхъ и ремесленныхъ людей, съ промысловъ ихъ, земскимъ старостамъ въ Земскую Избу имать съ нихъ оброкъ, по промысламъ ихъ смотря, а съ товаровъ, съ покупки и съ продажи, таможеннымъ головамъ наши великого государя пошлины, что бъ тѣ торговые и ремесленные люди безоброчно не торговали». А. Э. IV, № 169.

Этимъ уничтожалась и та межа, которая проведена Уложеніемъ между вольными и владѣльческими крестьянами.

Торговые и ремесленные крестьяне занимались торговлей и ремеслами и имѣли лавки, конечно, не въ городахъ только, но и въ селахъ и деревняхъ. Съ точки зрѣнія суда и управленія, села и деревни тоже не были обособлены отъ городовъ. Такимъ образомъ, отношеніе между торговыми людьми и крестьянами, между городомъ и селомъ и въ концѣ XVII вѣка остается почти то-же, какое было въ самой глубокой древности.

Между двумя разсмотрѣнными мнѣніями проф. Градовскій занимаетъ среднее положеніе. Онъ думаетъ, что «указы

царя Михаила Өедоровича и Уложеніе царя Алексѣя Михайловича тщательно выдѣляютъ города изъ состава прочаго населенія» (Сист. мѣст. управл., въ Сб. госуд. зн. VI, стр. 99).

VIII. Бояре, вольные слуги, дѣти боярскія, путные бояре.

Этимологія слова бояринъ разъяснена Срезневскимъ въ извѣстномъ его сочиненіи «Мысли объ исторіи русскаго языка». Онъ находитъ одинаково возможнымъ производить это слово какъ отъ существительнаго бой (вой), такъ и отъ прилагательнаго боль, болій. Отъ того и другого слова съ прибавкой образовательнаго слога—аръ или арь (какъ пис-арь, лѣк-арь, звон-арь) произойдетъ старинная форма бояръ, болярѣ и позднѣйшая бояринъ, болярииъ (какъ рус-инъ, властел-инъ, господинъ). Въ первомъ случаѣ бояринъ будетъ означать воителя и придется съ родни рыцарю, во второмъ большаго или лучшаго человѣка и придется съ родни гранду (133).

Съ бытовой точки зрѣнія эти оба словопроизводства дополняютъ одно другое. Древняя война всегда сопровождалась грабежомъ и, въ случаѣ успѣха, имѣла своимъ послѣдствіемъ обогащеніе. Воитель становился, такимъ образомъ, большимъ (богатымъ) или лучшимъ человѣкомъ. Большіе-же люди, какъ-бы они ни пріобрѣли свое богатство, обыкновенно составляютъ центръ, около котораго группируются мелкіе люди, живущіе на ихъ счетъ. Запасъ этой свободной силы легко превращаетъ большаго человѣка въ воителя.

Званіе боярина въ древнѣйшее время является, такимъ образомъ, не чиномъ, раздаваемымъ княземъ, а наименованіемъ цѣлаго класса людей, выдающагося среди другихъ своимъ матеріальнымъ превосходствомъ.

Начальный лѣтописецъ, разсказывая о поддержкѣ, оказанной новогородцами князю своему Ярославу въ его борьбѣ съ братомъ, Святополкомъ Окаяннымъ, говоритъ, что на покрытіе издержекъ войны они взяли съ мужей по 4 куны, со

старостъ по 10 гривенъ, съ бояръ по 18 гривенъ. Бояре, слѣдовательно, самые богатые люди волости. Лавр., 1018.

Русская Правда о боярахъ не говоритъ, но она знаетъ боярскихъ холоповъ (Тр. 42), боярскихъ тивуновъ (Тр. 1 и 59) и боярскую дружину (сп. Мусина-Пушкина, ст. 86). Бояринъ Русской Правды, слѣдовательно, есть человѣкъ состоятельный, имѣющій холоповъ, ключниковъ, даже дружину.

Слово бояринъ въ памятникахъ, иногда, прямо замѣняется выраженіемъ «лучшіе люди» и «большіе люди».

Во главѣ посольствъ, обыкновенно, ставились бояре. Суздальскій лѣтописецъ, разсказывая о посольствѣ древлянъ къ Ольгѣ, говоритъ, что они отправили къ ней «бояръ». Начальный лѣтописецъ называетъ тѣхъ-же пословъ «лучшими людьми» (945 годъ).

Весьма понятно, что та экономическая подкладка, которая выдѣляла бояръ изъ среды остальнаго населенія, не у всѣхъ бояръ была одинакова. Одни были богаче, другіе бѣднѣе. Отсюда является такое-же качественное различіе въ средѣ лучшихъ людей, какое мы наблюдали въ средѣ людей вообще. Лучшіе изъ нихъ, въ свою очередь, называются большими боярами, старѣйшими, нарочитыми, великими; средніе—просто боярами; меньшіе—молодшими боярами.

Въ Софійской лѣтописи читаемъ:

«Новогородци же послаша за княземъ владыку съ б о л ь ш и м и б о я р ы съ челобитьемъ и воротиша князя Ярослава съ Броннича» (I, стр. 195. 1269).

Въ Воскресенской лѣтописи послѣ поименнаго перечисленія князей и лучшихъ бояръ, погибшихъ въ битвѣ съ Мамаемъ, читаемъ:

«Здѣ же не всѣхъ писахъ избіеныхъ имена, токмо князи и б о я р и н а р о ч и т ы и и воеводы, а прочихъ б о я р ъ и с л у г ъ оставивъ имена, не писахъ множества ради именъ: мнози бо на той брани побіени быша» 1380.

Въ договорѣ великаго князя московскаго Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ находимъ такое условіе:

«А коли ми взяти дань на своихъ боярѣхъ на большихъ и на путныхъ, тогды ти взяти на своихъ также» (Рум. Собр. I, № 33, 1388).

Въ духовной грамотѣ митрополита Кипріана читаемъ:

«Боярамъ великимъ же и меншимъ и зъ женами и зъ дѣтьми ихъ и всему христіанскому народу оставляю миръ и благословеніе» (Воскр. лѣт. 1406).

Во II-й Псковской лѣтописи:

«Новогородци прислаша своего посла, молодшого боярина, подвойского, къ своему брату Пскову не съ поклономъ, ни съ челобитьемъ, ни съ моленьемъ, но съ гордынею, глаголя: врекаетеся ли пособити намъ противъ великого князя?» 1471.

Бояре въ низшихъ своихъ слояхъ незамѣтно сливаются съ мужами и людьми вообще. Это можно прослѣдить и въ языкѣ. Одни и тѣ-же люди называются то просто мужами, то боярами.

Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1178 годомъ читаемъ:

«Прислаша новогородци мужѣ свои ко Мстиславу къ Ростиславичю, зовуче и Новугороду Великому. Онъ же не хотяше ити изъ Руской земли ..... Но понудиша и братья своя и мужи свои, рекуче ему: брате, аже зовуть тя съ честью, иди; а тамо ци не наша отчина? Онъ же, послушавъ братьи своей и мужей своихъ, пойде съ бояры Новогородьчкими».

И въ московскихъ памятникахъ слово бояринъ и производныя отъ него «боярскій», «боярщина» и проч. продолжаютъ употребляться для обозначенія всего чрезвычайно широкаго класса имущихъ людей и того, что имъ принадлежитъ; этотъ классъ, въ низшихъ своихъ слояхъ, имѣетъ крайне неопредѣленную границу.

Въ жалованной грамотѣ великаго князя, Василія Васильевича, Сергіеву монастырю, читаемъ:

«Се язъ, князь великій Василій Васильевичъ, пожаловалъ есми Троицкого игумена, Васьяна, Сергіева монастыря съ братіею. Что ихъ села на Углецкомъ уѣздѣ, и которые люди отъ нихъ вышли въ мои села великого князя, или въ

села въ мои великія княгини, и въ боярскія села, сего лѣта, не хотя ѣхати на мою службу великого князя къ берегу, и язъ, князь великій, пожаловалъ игумена Васьяна съ братіею, велѣлъ есми тѣ люди вывести назадъ...» (А. Э. I, № 64, около 1460).

Кто эти бояре, въ села которыхъ ушли монастырскіе крестьяне? Мы знаемъ, что въ XV вѣкѣ, а можетъ быть и ранѣе появляется званіе введенаго боярина, которое жалуется московскими князьями. Мы даже знаемъ число этихъ бояръ. Въ годъ смерти Василія Васильевича († 1462) ихъ было всего пять человѣкъ. Подъ боярскими селами приведенной грамоты надо, конечно, разумѣть не села этихъ пяти введенныхъ бояръ, а села всѣхъ землевладѣльцевъ, на земли которыхъ ушли монастырскіе крестьяне. Среди этихъ землевладѣльцевъ могли быть и очень мелкіе люди, но и они здѣсь разумѣются.

Въ бѣлозерской губной грамотѣ 1571 года читаемъ:

«А которые люди сами на себя въ разбоѣ говорили, и тѣхъ казнити смертною казнію, а животы ихъ истьцомъ въ выть въ полы истцовыхъ исковъ. А будетъ боярскіе люди, и старостамъ за тѣхъ людей имати выти въ полы истцовыхъ исковъ на государѣхъ ихъ, чьи люди» (А. Э. I, № 281).

Приведенная статья опредѣляетъ наказаніе за разбой и вознагражденіе убытковъ пострадавшему. Заявленные убытки вознаграждаются только въ половинной мѣрѣ противъ заявки. Такъ какъ разбой могъ быть совершонъ свободными людьми и рабами; то въ первомъ случаѣ, натурально, убытокъ взыскивался съ имущества свободнаго, во второмъ онъ падалъ на господина раба. И вотъ эти-то рабы, за которыхъ отвѣчаютъ ихъ господа, въ грамотѣ названы «боярскими людьми». Рабовъ, какъ мы знаемъ, могли имѣть всѣ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что подъ боярскими людьми грамота разумѣетъ людей всѣхъ рабовладѣльцевъ, т. е. всѣхъ имущихъ людей.

До-московская старина чрезвычайно живуча. Несмотря на всѣ измѣненія, совершенныя московскими государями въ

правахъ населенія, указанное словоупотребленіе встрѣчается во всей его неприкосновенности и въ памятникахъ XVII в.

Въ Уложеніи читаемъ:

«А отъ кого побѣжитъ крѣпостной холопъ, и въ бѣгахъ кому дастъ на себя служилую кабалу, и давъ ту кабалу изъ бѣговъ воротится къ прежнему своему боярину и учнетъ у прежняго своего боярина служити по его смерть...» (XX, 114).

«Боярскія боярыни», какъ назывались довѣренныя лица изъ женской прислуги, были въ домахъ не только введеныхъ бояръ, но и стольниковъ (Двор. разр. III. 1452).

Въ самомъ концѣ XVII вѣка, въ розыскѣ по дѣлу о стольникѣ Петрѣ Неплюевѣ, кабальный человѣкъ этого стольника названъ боярскимъ человѣкомъ (Розыск. дѣла о Ѳедорѣ Шакловитомъ, II, 771).

Въ этомъ смыслѣ бояринъ, въ сокращенной формѣ—барина, дожилъ и до нашихъ дней.

По боярину всякое землевладѣніе называется «боярщиной» (А. Ю. № 196, I. 1630).

«Боярской пашней» называлась, всякая хозяйская пашня, кому-бы она ни принадлежала, въ отличіе отъ пашни, сданной крестьянамъ. Въ описаніи вотчины подъячаго Улана Айгустова читаемъ:

«А вотчины Улановы, по княжъ Ѳедоровѣ описи, селцо Михайловское, деревня Гребенева, деревня Текунино, деревня Рогово, деревня Пашигорево—пуста; пашни боярскіе и крестьянскіе 118 четьи въ одномъ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 295 копенъ, лѣсу рощи 15 десятинъ...» (А. Э. I, № 280. 1571).

Пашня подъячаго—тоже боярская, а онъ господинъ, бояринъ, баринъ, только небольшой.

Бояре, какъ богатые люди, содержатъ при себѣ дружины. Это явленіе весьма понятно; въ то отдаленное время, когда государственная власть только возникала и полиціи еще не было, каждый долженъ былъ самъ заботиться о своей безопасности. Отчасти съ цѣлью безопасности, а отчасти и въ видахъ войны богатые люди держали дружины.

На существованіе такихъ боярскихъ дружинъ находимъ указаніе и въ Русской Правдѣ. Въ ст. 86 по списку Мусина-Пушкина читаемъ:

«Аще въ боярстѣй дружинѣ, то за князя задница не ийдеть».

Предшествующая этой статья говоритъ о правѣ наслѣдованія князя въ выморочныхъ имуществахъ:

«Аже смердъ оумреть безажю, то задницю князю».

Приведенная-же 86 статья дѣлаетъ изъ этого правила для боярскихъ дружинъ исключеніе: выморочное имущество боярскихъ дружинниковъ не идетъ князю. Подобно тому, какъ выморочное имущество церковныхъ людей (беззадщина) шло не князю, а епископу (цер. уст. Ярослава, 33), такъ и выморочное имущество боярскихъ дружинниковъ шло содержавшимъ ихъ боярамъ.

Лѣтописныя извѣстія о дружинахъ бояръ восходятъ къ X вѣку. Въ начальной лѣтописи подъ 945 годомъ читаемъ:

«Въ се же лѣто рекоша дружина Игореви: отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази; поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы».

«Отроки» Свѣнальда это то-же, что «дружина» Игорева. Въ данный моментъ дружина великаго князя кіевскаго находилась даже въ худшемъ положеніи, чѣмъ дружина его слуги, Свѣнальда.

Подъ 1095 годомъ та-же лѣтопись говоритъ о дружинѣ Ратибора, слуги переяславскаго князя, Владиміра Мономаха:

«И начаша думати дружина Ратиборя (вар. ратиборова чадь) со княземъ Володимеромъ о погубленьи Итларевы (половецкій предводитель) чади».

Подъ 1128 годомъ Ипатьевская лѣтопись упоминаетъ объ отрокахъ-воинахъ, двухъ тысяцкихъ: Воротислава Володимірскаго и Иванки Туровскаго.

Особенно важно извѣстіе той-же лѣтописи подъ 1211 годомъ. Лѣтописецъ заявляетъ, что у князя Даніила было больше воиновъ, чѣмъ у другихъ князей, и что воины его

были сильнѣе, и это обстоятельство объясняетъ такъ: «бяху бояре велицiи отца его всѣ у него». Большiе бояре привели на службу князя и свои большiя дружины. Отсюда сила князя.

Къ московскому князю, Ивану Даниловичу Калитѣ, прiѣхалъ на службу кiевскiй выходецъ, Родiонъ Несторовичъ, и привелъ съ собою до 1700 человѣкъ своихъ послужильцевъ, т. е. отроковъ, дружинниковъ.

Карамзинъ приводитъ чрезвычайно важную для занимающаго насъ вопроса выписку изъ Разрядной книги Бекетова (XV вѣка):

«Какъ Богъ поручилъ великому князю Ивану Васильевичу подъ его державу Великiй Новгородъ, и по его государеву изволенiю распущены изъ княжескихъ дворовъ и изъ боярскихъ—служилые люди. И тутъ имъ имена, кто чей бывалъ, какъ ихъ помѣстилъ государевъ писецъ, Дмитрiй Китаевъ» (VI, прим. 201).

Крѣпнущее изо-дня въ день Московское государство начинаетъ находить для себя неудобными старые порядки. Его уже безпокоятъ дружины бояръ, и вотъ оно распускаетъ ихъ изъ боярскихъ дворовъ, но для того, чтобы помѣстить ихъ на собственныхъ своихъ земляхъ. Изъ служилыхъ людей бояръ они становятся непосредственно служилыми людьми московскаго государя.

Эти боярскiе дворы дожили и до XVII вѣка, когда они употреблялись для торжественной обстановки при прiемѣ и отпускѣ иностранныхъ пословъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Въ разрядной книгѣ 1674 года читаемъ:

«Того-жъ числа указалъ великiй государь быть на выѣздѣ на встрѣчѣ противъ кизылбашскихъ постовъ боярскимъ дворамъ. И тому роспись: 1) дворъ боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго» и т. д.

А далѣе за перечисленiемъ боярскихъ дворовъ, идутъ дворы: крайчаго, окольничихъ, думныхъ дворянъ, думныхъ дьяковъ, постельничаго и ясельничаго. И здѣсь, слѣдова-

тельно, «боярскій дворъ» означаетъ, по старому, дворъ лица высшаго состоянія вообще.

Бояре суть поземельные собственники. Сбереженія свои они охотно употребляютъ на пріобрѣтеніе недвижимостей. Но такія пріобрѣтенія, при раздробленности древней Россіи на множество отдѣльныхъ княженій, не всегда могли нравиться мѣстной власти. Не нравились они ей въ тѣхъ случаяхъ, когда земли покупались боярами, состоявшими на службѣ въ другихъ княженіяхъ. Въ этихъ случаяхъ доходы съ земель могли быть употребляемы на пользу посторонней власти. Этимъ и надо объяснять встрѣчающіяся въ княжескихъ договорахъ запрещенія покупать недвижимости въ предѣлахъ чужаго княженія. Древнѣйшія запрещенія этого рода находимъ въ договорахъ Новгорода съ тверскими князьями (Рум. собр. I, № 3, 1270, и друг. Подлинныя выраженія см. стр. 35).

Такія-же условія находимъ и въ договорахъ московскихъ великихъ князей съ удѣльными. Въ договорѣ Дмитрія Донского съ Владиміромъ Серпуховскимъ читаемъ:

«А тебѣ, брату моему молодшему, въ моемъ удѣлѣ селъ ти не купити, ни твоимъ бояромъ.....; также и мнѣ въ твоемъ удѣлѣ селъ не купити, ни моимъ бояромъ (Рум. Собр. № 27, 1362 и друг.).

Землевладѣльцы-бояре по необходимости связаны съ мѣстностью, гдѣ находятся ихъ имѣнія; въ этихъ имѣніяхъ они, обыкновенно, и живутъ. Такимъ мѣстнымъ характеромъ бояръ объясняется то, что лѣтописцы и княжескія грамоты обозначаютъ ихъ по имени города или области, гдѣ лежатъ ихъ земли. Въ этомъ смыслѣ они говорятъ о боярахъ древлянскихъ, кіевскихъ, черниговскихъ, ростовскихъ, новогородскихъ, псковскихъ, двинскихъ, вятскихъ и иныхъ (А. Э. I, № 13; А. И. I, № 261; Лѣт. Переясл. Суздал. стр. 86, 88, 89 и др.; Воскр. стр. 26, 52, 75, 301).

Лучшіе люди, бояре, весьма натурально, тяготѣютъ къ князьямъ, отъ которыхъ зависитъ раздача доходныхъ должностей. Они поступаютъ къ нимъ на службу и составляютъ

высшій слой княжескихъ дружинъ. Эта древняя служба была вольной. Бояре, какъ люди состоятельные, представляли силу, которая могла быть полезна самимъ князьямъ. Они могли выбирать между владѣтельными князьями и поступали на службу къ тому изъ нихъ, кто былъ ласковъ къ нимъ, внимателенъ къ ихъ желаніямъ, щедро награждалъ за услуги.

Лѣтопись сохранила любопытный образчикъ отношеній князя къ его вольной дружинѣ. Случай этотъ относится ко времени князя Владиміра Мономаха. Предоставимъ слово лѣтописцу:

«Вложи Богъ Володимеру въ сердцѣ, и нача глаголати брату своему Сватополку, понужая его на поганыя, на весну. Святополкъ же повѣда дружинѣ своей рѣчь Володимирю; они-же рекоша: не веремя нынѣ погубити смерьды отъ рольи. И посла Святополкъ къ Володимерю, глаголя: да быхомъ ся сняли и о томъ подумали быхомъ съ дружиною. Посланіи же пріидоша къ Володимеру и повѣдоша всю рѣчь Святополчю. И пріиде Володимеръ и срѣтостася на Долобьскѣ: и сѣдоша въ единомъ шатрѣ Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею. И бывшу молчанью. И рече Володимеръ: брате! ты еси старѣй, почни глаголати, како быхомъ промыслили о Русьской земли. И рече Святополкъ: брате! ты почни. И рече Володимеръ: како я хочю молвити, а на мя хотятъ молвити твоя дружина и моя, рекуще: хощеть погубити смерды и ролью смердомъ! Но се диво ми, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коній, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть смердъ тотъ орати лошадью тою, и пріѣхавъ половчинъ ударить смерда стрѣлою и поиметь лошадь ту и жону его и дѣти его и гумно его зажжеть, то о семъ чему не мыслите? И рекоша вся дружина: право, во истину тако есть. И рече Святополкъ: се язъ, брате, готовъ есмь съ тобою». Ипат. 1111.

Дружинѣ нельзя приказывать, ее надо убѣждать. Если князь былъ не внимателенъ къ своимъ боярамъ, не совѣщался съ ними и требовалъ отъ нихъ участія въ такихъ предпріятіяхъ, которыя имъ не нравились, они оставляли его. Такъ поступили съ Владиміромъ Мстиславичемъ бояре его въ 1169 году, когда узнали, что онъ безъ совѣта съ ними

рѣшилъ напасть на племянника своего Мстислава Изяславича Кіевскаго:

«О собѣ еси, княже, замыслилъ, говорили они ему, а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали». Ипат.

Эти старинныя свободныя отношенія бояръ къ князьямъ получили свое точное выраженіе въ слѣдующей формулѣ княжескихъ договоровъ:

«А бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ—воля».

Эпитетъ «вольные» относится къ боярамъ и слугамъ. Этимъ вольнымъ боярамъ и слугамъ выговаривается «воля», то есть, свобода служить кому хотятъ изъ заключившихъ миръ князей. Эта свобода предоставляется не однимъ боярамъ, но еще и слугамъ. Изъ предшествующаго мы уже знаемъ, что слово бояринъ обнимаетъ очень широкій классъ людей: и большихъ, и среднихъ, и даже молодшихъ. Эти различія отразились и въ языкѣ договоровъ: боярами они, надо думать, называютъ только лучшихъ бояръ; бояръ-же поменьше они разумѣютъ подъ име-немъ вольныхъ слугъ.

Предоставляя свободу службы боярамъ и слугамъ, князья предоставляютъ имъ тѣмъ самымъ и право свободнаго перехода со службы одного князя на службу другого. Это право обозначается въ памятникахъ словомъ «отъѣздъ».

Хотя отъѣздъ составляетъ право вольныхъ слугъ; но понятно, что пользованіе этимъ правомъ не можетъ быть пріятно тому князю, котораго служилые люди оставляютъ. Случалось, что князья вымещали свое неудовольствіе на имуществѣ отъѣхавшихъ: грабили села ихъ и домы, которые находились въ предѣлахъ ихъ владѣній. Для предупрежденія такихъ нарушеній права отъѣзда, въ княжескіе договоры включались статьи, которыми признавалась неприкосновенность имуществъ отъѣзжавшихъ слугъ. Въ древнѣйшихъ договорахъ Семена Ивановича и племянника его, Дмитрія Ивановича, это начало выражается въ такой формѣ: «а кто поѣдетъ отъ насъ къ тебѣ... нелюбья не держати»; въ позднѣйшихъ: «а кто имѣтъ жити моихъ бояръ въ твоемъ удѣлѣ, блюсти ихъ, какъ и

своихъ». Въ посланіи чернаго и бѣлаго духовенства къ Дмитрію Юрьевичу отъ 1447 года находимъ превосходный коментарій этого выраженія «блюсти, какъ и своихъ». Упрекая Дмитрія Шемяку въ нарушеніи принятыхъ имъ на себя обязательствъ по отношенію къ великому князю, духовенство говоритъ:

«А боярамъ вашимъ и дѣтямъ боярскимъ и слугамъ межи васъ вольнымъ—воля А кто служитъ брату твоему старѣйшему великому князю, а живетъ въ твоей отчинѣ, и тѣхъ ти блюсти, какъ и своихъ. И послѣ того вашего докончанія и крестнаго цѣлованія, которые бояре и дѣти боярскія отъ тобе били челомъ брату твоему старѣйшему великому князю служити, а села и домы ихъ въ твоей отчинѣ; и ты, чрезъ то докончаніе и чрезъ крестное цѣлованіе, тѣхъ еси бояръ и дѣтей боярскихъ пограбилъ, села ихъ и домы ихъ еси у нихъ поотымалъ и животы и състатки вcѣ и животину еси у нихъ поималъ» (А. И. I, № 40).

Въ договорахъ съ Тверью то же начало выражено болѣе опредѣлено:

«Намъ (князьямъ) въ села ихъ (отъѣхавшихъ) не вступатися», или: «а домы имъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ не вступати».

Но обезпечить неприкосновенность имуществъ отъѣзжающимъ боярамъ и слугамъ, не значило еще вполнѣ обезопасить ихъ отъ корыстныхъ притязаній мстительной мѣстной власти. У нея оставалась возможность обирать отъѣхавшихъ, не нарушая правъ ихъ собственности. Они могли дѣлать это посредствомъ разорительныхъ налоговъ. Договоры принимаютъ и противъ этого мѣры. Князья, обыкновенно, обязываются не только блюсти отъѣхавшихъ, какъ и своихъ, но и дань брать съ нихъ не больше той, какую берутъ со своихъ бояръ. Въ договорѣ Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ читаемъ:

«А кто иметъ жити моихъ бояръ и моего сына, княжихъ Васильевыхъ, и моихъ дѣтей въ твоемъ удѣлѣ, блюсти ти ихъ, какъ и своихъ, и д а н ь в з я т и, к а к ъ и н а с в о и х ъ; а кто иметъ жити твоихъ бояръ въ моемъ удѣлѣ и въ вели-

комъ княженьи, а тѣхъ намъ блюсти, какъ и своихъ, и дань взяти, какъ и на своихъ». Рум. собр. I, № 33, 1388 и друг.

Для поступленія на службу князя, конечно, было необходимо его согласіе. Первый актъ, который долженъ былъ совершить вольный слуга, чтобы поступить на службу, состоялъ въ челобитьи о принятіи его. Лѣтописецъ, описавъ плѣненіе, ослѣпленіе и ссылку великаго князя Василія Васильевича, продолжаетъ:

«Слышавше же то князь Василій Ярославичъ (удѣльный серпуховской князь, союзникъ Василія Васильевича), побѣже въ Литву да князь (служилый) Семенъ Ивановичъ Оболенскій съ нимъ. А прочіе дѣти боярскія и всѣ людіе биша челомъ служити князю Дмитрію.... (П. С. Л. VIII, 117).

Но такъ какъ всякій новый вольный слуга прямо увеличивалъ силу князя, не принося ему ни малѣйшаго ущерба, то въ согласіи князя и не могло быть сомнѣнія. Такимъ образомъ, опредѣляющій моментъ при поступленіи бояръ и слугъ вольныхъ на службу заключался не столько въ волѣ князя, сколько въ волѣ служилаго человѣка, избиравшаго себѣ князя. Въ договорныхъ грамотахъ употребительно, поэтому, такое выраженіе:

«А кто иметъ которому князю служити» ... (Рум. собр. I № 66, 1447).

На древнемъ языкѣ такое вольное поступленіе къ кому-либо на службу обозначалось терминомъ «приказатися». Въ уставной грамотѣ вел. князя Василія Дмитріевича и митрополита Кипріяна читаемъ:

«А кто будетъ бояръ или слугъ не служивалъ Алексѣю митрополиту, а приказался ново митрополиту, а тѣ поидутъ подъ моимъ воеводою великого князя, гдѣ который живетъ, инъ подъ тѣмъ воеводою и есть» (А. Э. I, № 9, 1389 или 1404).

Приказаться на службу къ князю или къ кому иному значитъ принять на себя обязанность защищать своего господина съ оружіемъ въ рукахъ. Это—поступленіе въ дружину, а не

принятіе на себя какой-либо опредѣленной должности при князѣ. Всѣ должности князь раздаетъ самъ; въ должность нельзя приказаться. Приказываются къ услугамъ князя, или иного господина въ качествѣ свободной военной силы.

Приказываясь на службу, бояре и слуги вольные давали клятвенное обѣщаніе вѣрности. Это видно изъ разсказа лѣтописи о переговорахъ, происходившихъ въ 1391 году между нижегородскимъ княземъ, Борисомъ Константиновичемъ, и его боярами. Узнавъ, что московскій великій князь, Василій Дмитріевичъ, выхлопоталъ себѣ въ Ордѣ ярлыкъ на Нижегородское княженіе и приближается къ Нижнему съ ратною силою, князь Борисъ собралъ бояръ своихъ и сказалъ имъ:

«Господіе моя и братіе, бояре и други! попомните господне крестное цѣлованіе, какъ есте цѣловали ко мнѣ и любовь нашу и усвоеніе къ вамъ» (Никонов. лѣт. IV. 240).

Дмитрій Шемяка, услыхавъ о челобитьи служилыхъ людей Василія Васильевича къ нему на службу, приказываетъ привести ихъ всѣхъ къ крестному цѣлованію (П. С. Л. VIII, 117).

Бояре, цѣлуя крестъ, обѣщали, конечно, князю вѣрную службу и обязывались защищать его. Это видно и изъ отвѣта нижегородскихъ бояръ Борису:

«Всѣ мы, говорилъ старѣйшій изъ нихъ, Василій Румянецъ, единомысленны къ тебѣ и готовы за тебя головы сложить».

Изъ переговоровъ великаго князя Дмитрія Ивановича съ своими служилыми людьми также видно, что они приняли на себя обязанность защищать его, не щадя жизни. На увѣщаніе князя стоять твердо въ борьбѣ съ врагами, бояре отвѣчали:

«Господине Русскій царю! рекли есмя тебѣ животъ свой положити, служа тебѣ! А нынѣ тебѣ ради кровь свою проліемь и своею кровію второе крещеніе пріимемь». Воскр. 1389.

Надо думать, что и князь принималъ на себя нѣкоторыя обязательства по отношенію къ своимъ боярамъ и слугамъ вольнымъ. Не даромъ-же они давали обѣщаніе проливать за

него свою кровь. Князь, надо полагать, обѣщалъ имъ жаловать ихъ всякими милостями и льготами. Борисъ Нижегородскій упоминаетъ о своей любви къ боярамъ. Эта любовь, должна была, конечно, сопровождаться и соотвѣтственными дѣйствіями. Такъ оно въ дѣйствительности и было, какъ увидимъ ниже.

Поступленіе на службу не обязывало, однако, бояръ постоянно находиться при особѣ князя. Они должны были защищать его въ случаѣ надобности, но жили въ своихъ имѣніяхъ. Въ увѣщательной грамотѣ духовенства Дмитрію Шемякѣ читаемъ:

«А бояромъ вашимъ (т. е. Василія Васильевича и Шемяки) и дѣтямъ боярскимъ и слугамъ межи васъ вольнымъ воля. А кто служитъ брату твоему старѣйшему великому князю, а живетъ въ твоей отчинѣ, и тѣхъ ти блюсти, какъ и своихъ» (А. И. I, № 40, 1447).

Что вольные слуги суть воины и, по общему правилу, живутъ не при дворѣ князя, а въ своихъ имѣніяхъ, это слѣдуетъ и изъ договоровъ московскихъ князей, въ которыхъ, обыкновенно, разъясняется вопросъ о томъ, съ какимъ воеводой выступаютъ въ походъ бояре и слуги вольные (съ воеводой-ли своего князя, или его союзника) и гдѣ они должны находиться въ случаѣ осады города непріятелемъ. Въ договорѣ великаго князя Василія Васильевича съ Серпуховскимъ княземъ читаемъ:

«А которые, господине, бояре и дѣти боярскіе служатъ тебѣ, великому князю, или твоей братьѣ, а живутъ въ моемъ удѣлѣ, а тѣ, господине, ходятъ съ тобою, съ великимъ княземъ, и съ вашими воеводами...... А городная осада, гдѣ кто живетъ, тому туто сѣсти» (Рум. соб. I, № 45, 1433).

Приведенныя статьи предполагаютъ, что бояре и слуги вольные живутъ въ своихъ отчинахъ. Если-бы они состояли при дворѣ князя, въ такихъ статьяхъ не было-бы надобности. Придворная жизнь не успѣла еще наложить своей печати даже на лучшихъ слугъ, бояръ, ни въ XIV, ни въ XV вѣкѣ. Вольные слуги не придворные люди.

Не смотря на клятвенное обѣщаніе вѣрности, вольные бояре и слуги могли прекратить свою службу и отъѣхать къ другому князю. Отъѣзду, обыкновенно, предшествовалъ отказъ отъ службы, то-есть, предварительное извѣщеніе о намѣреніи отъѣхать. Послѣ описанія мира Юрія Дмитріевича Галицкаго съ Василіемъ Васильевичемъ Московскимъ, по которому послѣдній вмѣсто Москвы получилъ Коломну, лѣтописецъ продолжаетъ:

«Многіе люди начаша отказыватися отъ князя Юрія за великаго князя (Василія Васильевича) и поидоша къ Коломни безъ перестани, а ему то видящу» (П. С. Л. VIII, 1433 годъ).

Условія, при которыхъ былъ возможенъ отказъ отъ принятыхъ на себя и скрѣпленныхъ присягою обязательствъ, понимались у насъ, кажется, различно князьями и служилыми людьми.

Князья допускали отказъ въ такомъ только случаѣ, когда отъѣзжавшій переходилъ къ князю, съ которымъ они находились въ союзѣ единенія и любви. Всегда неприглядный фактъ отказа отъ даннаго обѣщанія смягчался здѣсь политическимъ единствомъ князей, среди которыхъ происходилъ отъѣздъ. Единство князей переходило и на ихъ служилыхъ людей. Вышеуказанныя гарантіи имуществъ отъѣхавшихъ слугъ встрѣчаются только въ мирныхъ договорахъ князей. Изъ этого надо заключить, что если князья не состоятъ въ мирѣ, то и гарантіи эти не имѣютъ мѣста. Отъѣздъ, конечно, возможенъ и въ этомъ случаѣ, но имущество отъѣхавшаго не пользовалось уже неприкосновенностью.

Затѣмъ, отъѣздъ допускался по отношенію къ такимъ только служилымъ людямъ, которые не совершили преступленія. Всѣ виновные подлежали суду и не могли, конечно, отъѣздомъ избѣжать невыгодныхъ для себя послѣдствій осужденія. Еще въ договоры князей XII вѣка включалась статья объ отвѣтственности виновныхъ служилыхъ людей.

Князь Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій, обра-

шаясь къ союзнику своему, Роману Ростиславичу Кіевскому, говоритъ:

«Брате! я не ищу подъ тобою ничего же, но рядъ нашъ такъ есть: оже ся князь извинить, то въ волость, а мужь, у голову». Ипат. 1177.

Такимъ образомъ, еще въ XII вѣкѣ дружинники, виновные въ измѣнѣ, подвергались смертной казни. Измѣна карается и московскими государями.

Великій князь московскій, Семенъ Ивановичъ, въ договорѣ, заключенномъ съ братьями, обязалъ ихъ не принимать къ себѣ «Алексѣя Петровича», виновнаго передъ нимъ въ коромолѣ (измѣнѣ):

«А что Олексѣ Петровичь вшелъ въ коромолу къ великому князю, намъ, князю Ивану и князю Андрею къ собѣ его не приимати, ни его дѣтий, и не надѣятись ны его къ собѣ до Олексѣева живота; воленъ въ немъ князь великій и въ его женѣ и въ его дѣтехъ». Рум. Собр. I, № 23, 1341.

Въ 1375 году Иванъ Васильевичъ Вельяминовъ, сынъ послѣдняго московскаго тысяцкаго, убѣжалъ изъ Москвы въ Тверь; вмѣстѣ съ нимъ убѣжалъ и сурожанинъ, Некоматъ. Это не отъѣздъ, а бѣгство. Надо думать, что у Вельяминова были враждебныя столкновенія съ московскими властями. Убѣжавшій Некоматъ былъ посланъ тверскимъ княземъ въ Орду, гдѣ и выхлопоталъ ему ярлыкъ на великое княженіе. Можно думать, что въ этихъ враждебныхъ великому князю московскому дѣйствіяхъ принималъ участіе и Вельяминовъ, такъ какъ въ 1379 году онъ тоже ѣздилъ въ Орду. На обратномъ пути въ Тверь онъ былъ схваченъ по повелѣнію московскаго князя и казненъ; въ 1383 году попалъ въ руки московскаго правительства и сообщникъ его, Некоматъ, который то же былъ казненъ «за крамолу бывшую и измѣну».

У Ивана Дмитріевича Всеволожскаго, бѣжавшаго изъ Москвы въ Тверь, великій князь, Василій Васильевичъ, отнялъ принадлежавшія ему села «въ своей винѣ». Всеволожскій оказалъ большія услуги московскому князю. Онъ выхлопоталъ ему въ Ордѣ ярлыкъ на великое княженіе

Но потомъ возникла рознь между княземъ и вѣрнымъ ему прежде слугою. Непріязненныя чувства Всеволожскаго къ князю дошли до того, что онъ сталъ подговаривать къ войнѣ съ нимъ дядю его, Юрія. Бѣгство Всеволожскаго изъ Москвы свидѣтельствуетъ о томъ, что нормальныя отношенія вольнаго слуги къ своему господину уже прекратились. Кто дѣйствительно былъ виноватъ, этого мы не знаемъ.

Отъѣздъ не спасаетъ виновнаго отъ наказанія.

Но и на невиннаго человѣка отъѣздъ кладетъ пятно въ глазахъ князя, котораго онъ оставилъ. Не заслуживаетъ вѣры тотъ, кто нарушаетъ свое слово. 15-го февраля 1446 г. когда великій князь московскій, Василій Васильевичъ, находился въ Троицкомъ монастырѣ и былъ у обѣдни, къ нему подошелъ одинъ изъ вольныхъ его слугъ, Бунко, и сообщилъ, что къ монастырю приближается Можайскій князь съ враждебными замыслами. Бунко служилъ прежде Василію, потомъ отъѣхалъ къ Шемякѣ, а не задолго до описываемыхъ событій снова вернулся къ Василію. Великій князь не повѣрилъ Бункѣ; князь говорилъ: «смущаютъ насъ эти» перебѣжчики, и велѣлъ даже силою выбить Бунку изъ монастыря.

Право отъѣзда не могло нравиться князьямъ и они не всегда въ силахъ были сдержать гнѣвъ свой противъ отъѣхавшихъ. Чрезвычайно любопытный случай такого гнѣва описанъ въ житіи преподобнаго Мартиніана Бѣлозерскаго. Приводимъ его цѣликомъ:

«Бояринъ нѣкій отъ великаго князя Василія Темнаго отъѣха къ Тверскому великому князю. Онъ же зѣло зжаливъ о болляринѣ томъ и не вѣде, что сотворити, или како возвратити его назадъ, понеже отъ ближнихъ его совѣтникъ, посылаетъ моленіе ко преподобному Мартиніану въ Сергіевъ монастырь, дабы его возвратилъ, и обѣщаваетъ много паче перваго честна и богата сотворить его. Святый-же, послуша его, надѣяся на духовное сыновство, возврати болярина того и во всемъ нятся ему преподобный. И яко пріиде болляринъ той къ великому князю, онъ же не удержа ярости гнѣва на болярина того, повелѣ и оковати. Сродницы же

его вдаша нарѣчіе къ преподобному Мартиніану въ Сергіевъ монастырь. Слыша же сія, святый Мартиніанъ оскорбися зѣло, яко измѣну сотвори надъ бояриномъ; сѣдъ на коня, иде скоро къ великому князю съ великою печалью. И пришедъ, первіе помолився святымъ церквамъ и внезапу пріиде въ великаго князя храмины, никому же вѣдящу его. Пришедъ, толкну во двери; дверницы же сказаша великому князю пришествіе святаго; онъ же повелѣ его скоро пустити къ себѣ. Блаженный же, вшедъ, помолился Богу, и молитву сотвори, тоже близъ его напрасно пришедъ и рече: «тако ли, самодержавный князь великій, ты праведно судити научился еси? Господи! почто еси душу мою грѣшную продалъ и послалъ еси во адъ? почто еси болярина того, иже мною призваннаго душею моею, оковати повелѣ и слово еси свое преступилъ? Не буди мое грѣшное благословеніе на тебѣ и на твоемъ великомъ княженіи». И обратися отъ гнѣва, скоро изъ храмины изыде, всѣдъ паки на коня, возвратися къ Троице въ Сергіевъ монастырь, ни мало побывъ на Москвѣ». Лѣт. занят. Арх. ком. I, Матер. 6—7.

Василій Васильевичъ не единственный князь, опалявшійся на отъѣхавшаго. Опалялись и другіе. Выше мы приводили уже упреки духовенства Дмитрію Шемякѣ, за разграбленіе селъ и деревень отъѣхавшихъ отъ него бояръ. Этимъ объясняется то обстоятельство приведеннаго разсказа, что отъѣхавшій отъ Василія Темнаго въ Тверь бояринъ не иначе согласился возвратиться въ Москву, какъ за поручительствомъ Мартиніана. Но его отъѣздъ самъ по себѣ несоставлялъ вины и наказывать за него князь не имѣлъ права. Такова точка зрѣнія людей того времени и самъ великій князь московскій долженъ былъ, наконецъ, ей подчиниться. Онъ созналъ свою неправоту, немедленно сложилъ съ невиннаго боярина опалу и отправился къ Троицѣ для испрошенія прощенія у преп. Мартиніана.

Князьямъ не нравился отъѣздъ, но пріѣздъ былъ имъ очень пріятенъ, и они стояли за него даже и послѣ того, когда формально вооружились противъ отъѣзда. Великій князь Иванъ Васильевичъ охотно принимаетъ тверскихъ и литовскихъ выѣзжихъ людей и на протесты литовскаго князя

отвѣчаетъ, что литовскіе выходцы пріѣзжаютъ къ нему «добровольно» и что и прежде того при немъ и при его предкахъ, а также и при предкахъ литовскаго князя служилые люди отъѣзжали изъ Москвы въ Литву и изъ Литвы въ Москву свободно (Сбор. И. М. рус. ист. общ. XXXV 470 и 106).

Такова точка зрѣнія князей. Иначе смотрятъ на дѣло служилые люди. Отъѣздъ представляется имъ ничѣмъ неограниченнымъ правомъ. Они считаютъ себя въ правѣ покинуть князя, которому цѣловали крестъ, и отъѣхать къ злѣйшему его врагу даже въ такое время, когда ихъ услуги наиболѣе для него необходимы.

Мы привели выше (стр. 309) переговоры, происходившіе между нижегородскимъ княземъ и его боярами. Пока происходили эти переговоры великій князь московскій приблизился къ Нижнему Новгороду. Для бояръ князя Бориса насталъ моментъ сложить за него свои вѣрныя головы. Но они предпочли болѣе спокойный для нихъ выходъ изъ труднаго положенія: они всѣ гурьбой перешли на службу московскаго князя. Судя по рѣчи, которую произнесъ по этому случаю старѣйшина ихъ, Румянецъ, у нихъ и подозрѣнія не было о томъ, что они измѣняютъ своимъ обязанностямъ. Наоборотъ, рѣчь Румянца проникнута сознаніемъ права ихъ сдѣлать то, что они сдѣлали.

«Господине княже! говоритъ онъ, не надѣйся на насъ, уже бо есмы отъ нынѣ не твои и нѣсть съ тобою есмы, но на тя есмы».

Нижегородскіе бояре не украдкой перебѣгаютъ къ противнику своего господина; они дѣлаютъ это на глазахъ у всѣхъ и сами торжественно заявляютъ о своемъ переходѣ.

Въ этомъ единственномъ въ своемъ родѣ свидѣтельствѣ сохранилась и самая форма о т к а з а.

Такъ же поступаютъ московскіе вольные слуги послѣ плѣненія и ослѣпленія великаго князя московскаго Василія Васильевича. Василій Темный, по ослѣпленіи, былъ сосланъ въ заточеніе на Углече-Поле; отъ правъ своихъ онъ не отказы-

вался и мира съ похитителемъ своей власти не заключалъ. Дмитрій Шемяка былъ открытый врагъ его. Тѣмъ не менѣе всѣ служилые люди Василія, за ничтожными исключеніями, отъѣхали отъ него и били челомъ Дмитрію о пріемѣ ихъ на службу.

Право вольной службы, возникшее въ эпоху первоначальной слабости княжеской власти, не могло, конечно, пережить условій, его вызвавшихъ. Московскіе государи, по мѣрѣ усиленія своей власти, вступаютъ съ нимъ въ борьбу и достигаютъ, наконецъ, полнаго его упраздненія.

Но борьба съ исконными обычаями есть всегда дѣло трудное. Московскіе государи понимали это. Въ ихъ противодѣйствіи праву отъѣзда замѣчается великая осторожность и даже нѣкоторая робость.

Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ не ими, а правительствомъ Новогородской республики. Бояре и слуги вольные, какъ было уже сказано, отъѣзжали съ вотчинами. Это было невыгодно тому князю, котораго бояре оставляли, такъ какъ доходы съ недвижимостей, лежавшихъ въ предѣлахъ его территоріи, шли на содержаніе чужихъ служилыхъ людей. Новогородцы первые обратили вниманіе на эти невыгоды и приняли противъ нихъ мѣры. Они запретили боярамъ, отъѣзжавшимъ изъ Новгорода, удерживать за собой собственность въ предѣлахъ новогородскихъ владѣній. Въ договорѣ Дмитрія Ивановича, великаго князя московскаго и Великаго Новагорода, съ Михаиломъ Тверскимъ читаемъ:

«А кто иметъ бояръ или слугъ Новагорода Великого и Торжку и исъ пригородей служити тобѣ (тверскому князю), а что ихъ села или земли и воды, то вѣдаетъ Великій Новгородъ, а тымъ бояромъ и слугамъ не надобѣ. Или потомъ кто пріѣдетъ къ тобѣ служити изъ Новагорода Великаго и исъ Торжку и исъ пригородей, а тымъ такоже не надобѣ села ихъ и земли и воды, то вѣдаетъ Новгородъ Великій». Рум. Собр. I. № 28. 1368.

Первый шагъ къ стѣсненію вольной службы былъ сдѣланъ, такимъ образомъ, еще въ XIV вѣкѣ. Москвѣ надо было учиться у Новгорода.

Не смотря на тѣ жестокія испытанія, которыя причиняло великому князю Василію Васильевичу право отъѣзда, въ его договорахъ съ русскими князьями мы не находимъ еще стѣсненій этого права. Впервые появляются они въ его договорахъ съ Литвой, которыми предоставляется свобода отъѣзда русскимъ служилымъ людямъ въ Литву, а литовскимъ — въ Москву, но безъ сохраненія права на вотчины.

Польскіе послы, именемъ короля Казиміра, такъ говорили великому князю Ивану Васильевичу:

«Самъ же того и посмотри, гораздо ли то ся дѣетъ: слугъ нашихъ приимаешъ зъ ихъ отчинами и зъ нашими городы и зъ волостми? Бо мы отъ тебе слугъ твоихъ не принимаемъ зъ ихъ отчинами, какъ жо и въ докончаньи то стоитъ, которое жъ есмо докончили съ твоимъ отцомъ, зъ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, и на васъ». Сбор. Имп. рус. ист. общ. XXXV. 48.

Кому принадлежитъ иниціатива этого ограниченія, Литвѣ или Москвѣ, трудно сказать.

Нѣтъ ограниченій и въ договорахъ сына его Ивана Васильевича съ русскими князьями. Но этотъ великій князь находитъ уже возможнымъ начать борьбу съ правомъ отъѣзда. Иванъ Васильевичъ не установляетъ общихъ правилъ, но проводитъ свою волю въ отдѣльныхъ случаяхъ. Не отмѣняя права отъѣзда, онъ ставитъ лицъ, желающихъ отъѣхать, въ такія условія, что они сами отказываются отъ своего права отъѣзда и обязываются служить ему и его дѣтямъ до своей смерти; въ случаѣ же невѣрности данному слову, они предоставляютъ ему право наказывать ихъ по усмотрѣнію. Это достигается такимъ образомъ. Служилый человѣкъ, подозрѣваемый въ желаніи отъѣхать, берется подъ стражу. Лишенный свободы, онъ даетъ всякія обѣщанія, лишь бы возстановить прежнія хорошія отношенія къ князю. Таково происхожденіе записей о не-отъѣздѣ. Въ 1474 г. такую запись далъ на себя кн. Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій.

Вотъ эта древнѣйшая запись:

«Се язъ, князь Данило Дмитріевичъ Холмскій, что есмь билъ

челомъ своему господину и осподарю, великому князю Ивану Васильевичю, за свою вину своимъ осподиномъ Геронтьемъ митрополитомъ всея Руси и его дѣтми и сослужебники, епископы... (имена). И осподарь мой, князь велики, меня, своего слугу, пожаловалъ, нелюбье свое мнѣ отдалъ. А мнѣ, князю Данилу, своему осподарю, великому князю, Ивану Васильевичю, и его дѣтемъ служити до своего живота, а не отъѣхати ми отъ своего осподаря, отъ великого князя, Ивана Васильевича, ни отъ его дѣтей къ иному ни хъ кому. А добра ми ему и его дѣтемъ хотѣти вездѣ во всемъ; а лиха ми своему государю, великому князю, и его дѣтемъ мнѣ, князю Данилѣ, не мыслити, ни хотѣти никакова. А гдѣ отъ кого услышу о добрѣ или о лихѣ государя своего, великаго князя, и о его дѣтехъ о добрѣ или о лихѣ, и мнѣ то сказати государю своему, великому князю, и его дѣтемъ въ правду, по сей моей укрѣпленой грамоте, безхитрости. А въ томъ во всемъ по сей моей грамоте ялся по мнѣ осподарю моему, великому князю Ивану Васильевичу, и его дѣтемъ и до моего живота господинъ мой, Геронтей, митрополитъ всея Руси, и съ тѣми своими дѣтми и со служебники, со владыками и со архимандриты, которые въ сей моей грамоте писаны. А чрезъ сию мою грамоту язъ, князь Данило Дмитрієвичъ, что иму думати и починати, или явится что которое мое лихо передъ моимъ осподаремъ, передъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, и передъ его дѣтми, то не буди на мнѣ милости Божьее и пречистые его Матери и святыхъ чюдотворцевъ Петра митрополита и т. д.; а осподарь мой князь велики и его дѣти надо мною по моей винѣ въ казни воленъ. А крѣпости дѣля, язъ князь Данило Дмитрієвичъ Холмски осподарю своему, великому князю Ивану Васильевичю, цѣловалъ еси честный и животворящій крестъ и далъ есми на себя сию свою грамоту за подписью и за печатью осподина своего Геронтія, митрополита всея Руси. А дана грамота на Москвѣ, мѣсяца марта 8 день лѣта 82. Смиренный Геронтей, митрополитъ всея Руси». Рум. Собр. I. № 103.

Но личными обѣщаніями строптиваго слуги Иванъ Васильевичъ не довольствовался; онъ требовалъ, чтобы за него поручились другіе и обезпечили свою поруку обязательствомъ уплатить извѣстную сумму денегъ въ случаѣ его отъѣзда. Заподозрѣннаго въ намѣреніи отъѣхать выпускали на сво-

боду только, если за него ручались люди, заслуживающіе вѣры. Такъ было поступлено и съ княземъ Холмскимъ. За него поручились восемь служилыхъ людей всего на сумму въ 2,000 рублей. Вотъ одна изъ такихъ поручныхъ:

«Се язъ, Иванъ Микитиничь Воронцовъ, выручилъ есми у пристава великаго князя, Ивана Васильевича, у Замятни князя Данила Дмитріевича Холмского въ винѣ великаго князя, въ полу третье сотъ рублѣхъ. А служити князю Данилу осподарю, великому князю Ивану Васильевичю, и его дѣтемъ и до своего живота, а не отъѣхали ему, ни збежати и до живота никуда ни хъ кому. А куда князь Данило отъѣдетъ, или збежитъ за тою моею порукою, ино осподарю, великому князю, на мнѣ, на Иванѣ на Микитиниче, полъ третья ста рублевъ; а князя Данила въ своей винѣ искати великому князю собѣ, а животы и села и съ статки княжи Даниловы всѣ, а то великому князю. А на то послуси... А запечаталъ сю грамоту поручную язъ, Иванъ Микитиничъ, своею печатью». Рум. Собр. I, № 104.

Такимъ образомъ, путемъ вынужденныхъ записей и поручныхъ, проводится въ среду служилыхъ людей мысль объ обязанности ихъ служить великому князю до живота и о правѣ великаго князя конфисковать имущество отъѣхавшихъ и наказывать ихъ всякими иными казнями.

Дѣло, начатое Иваномъ Васильевичемъ, продолжается сыномъ его Василіемъ и внукомъ Иваномъ. При малѣйшемъ подозрѣніи объ отъѣздѣ, служилый человѣкъ берется подъ стражу, а затѣмъ даетъ запись и представляетъ за себя поручителей. Отъ времени этихъ князей сохранились указанія на то, что поручители, въ свою очередь, должны были представить за себя поручителей. Эти вторые поручители носятъ наименованіе «подручниковъ». Въ не-отъѣздѣ того или другого служилаго человѣка оказываются, такимъ образомъ, заинтересованными сотни служилыхъ людей.

Въ 1562 г. за князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго поручилось 29 бояръ. Шесть изъ нихъ представили за себя 105 подручниковъ. Подручныя грамоты другихъ поручителей до насъ не дошли; предполагая, что они представили подруч-

никовъ въ томъ-же размѣрѣ, какъ эти шесть, получимъ болѣе 500 подручниковъ на 29 поручителей за одного Бѣльскаго.

Замыслившіе отъѣздъ берутся подъ стражу; но это не значитъ, что отъѣздъ отмѣненъ. Лишеніе свободы по подозрѣнію въ отъѣздѣ есть нарушеніе права служилыхъ людей, которое позволяютъ себѣ сильные московскіе князья. Но самое право существуетъ и признается княжескими договорами еще въ тридцатыхъ годахъ XVI вѣка.

Великому князю Ивану Васильевичу принадлежитъ починъ и другаго ограниченія. Въ его духовной грамотѣ читаемъ:

«А бояромъ и дѣтямъ боярскимъ ярославскимъ съ своими вотчинами и съ куплями отъ моего сына Василія не отъѣхати ни кому, ни куда; а кто отъѣдетъ, земли ихъ сыну моему».

Это то же ограниченіе, которое еще въ XIV вѣкѣ существовало въ Новгородѣ, а въ XV появляется въ договорахъ съ Литвой: служилые люди могутъ отъѣхать, но безъ вотчинъ. Почему въ данномъ случаѣ примѣнено оно къ ярославскимъ служилымъ людямъ, этого мы не знаемъ.

Боярскому правленію въ малолѣтство Грознаго принадлежитъ новый шагъ въ дѣлѣ ограниченія отъѣздовъ. Въ 1537 году бояре (введенные) взяли клятвенную запись съ удѣльнаго князя Андрея Ивановича, въ которой онъ обязался не принимать къ себѣ служилыхъ людей великаго князя, князей, бояръ и дьяковъ, и извѣщать правительство о такихъ охотникахъ до переѣздовъ «на лихо великаго князя». Этому примѣру слѣдуетъ и Иванъ Грозный (Рум. Собр. I, № 163 и 167).

У правительства установился уже взглядъ, что отъѣздъ есть дѣло противогосударственное; тѣмъ не менѣе, можно сомнѣваться, что былъ изданъ когда-либо указъ, формально отмѣнившій право отъѣзда. Въ договорѣ великаго князя Василія Ивановича и сына его Ивана съ удѣльнымъ княземъ Юріемъ Ивановичемъ это право признается еще въ 1531 году. Князь Курбскій въ своей полемикѣ съ Грознымъ не гово-

ритъ, что былъ указъ, отмѣнившій право отъѣзда, а жалуется только на крестоцѣловальныя записи, которыя берутся силою. Это совершенно правильная точка зрѣнія: не указъ (ибо московскіе государи хорошо чувствовали, что указомъ нельзя ни создать, ни отмѣнить права), а сила сломила свободу отъѣзда. Но для этой реформы потребовалось безъ малаго сто лѣтъ.

Въ половинѣ XVI вѣка, въ правительственныхъ сферахъ отъѣздъ разсматривается уже, какъ поступокъ несогласный съ обязанностями служилаго человѣка. Это нисколько не мѣшаетъ, однако, служилымъ людямъ по прежнему смотрѣть на него, какъ на свое право.

Да и правительство далеко еще не смотритъ на отъѣздчиковъ, какъ на измѣнниковъ. Оно всегда радо ихъ возвращенію и безъ всякого затрудненія принимаетъ ихъ снова на службу. Отъѣздчики подвергались лишь нѣкоторому умаленію своей служебной чести съ точки зрѣнія мѣстническихъ счетовъ. Дѣйствительно, нельзя-же было равнять людей, постоянно вѣрно служившихъ московскимъ государямъ, съ такими, которые отъѣзжали отъ нихъ и потомъ снова возвращались. Возвратившіеся принимались на службу, но не могли претендовать на то-же служебное положеніе, которое по разрядамъ принадлежало имъ до отъѣзда. Отъѣздъ имѣлъ послѣдствіемъ потерю стараго мѣста на служебной лѣстницѣ. Въ этомъ смыслѣ Василій Зюзинъ, въ 1501 году, въ мѣстническомъ спорѣ съ окольничимъ, Ѳедоромъ Нагимъ, за родственника своего Бахтеяра не отвѣчалъ, а сказалъ:

«Что ему до Бахтеяра и дѣла нѣтъ, потому что Бахтеяръ отъѣзжалъ въ Литву и мѣсто свое проѣздилъ». Рус. истор. сбор. V, 35).

Поэтому, отъѣздчики не могли претендовать на равныя мѣста съ своими родственниками, которымъ они по родству были въ версту (т. е. равны). Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій въ мѣстническомъ спорѣ съ княземъ Борисомъ Михайловичемъ Лыковымъ дѣлаетъ такую ссылку на государевы разряды:

«Да дѣдъ же, государь, князь Борисовъ, князь Юрьи Васильевичъ Лыковъ, съ братомъ своимъ, со князь Андреемъ, отъѣзжалъ отъ васъ, государей, въ удѣлъ ко князю Ондрею Ивановичу Старицкому. И по вашему государеву царскому уложенію, кто отъ васъ, государей, отъѣзжалъ въ удѣлъ, ино, государь, имъ и въ своемъ роду счету вы, государи, не давывали, кому они въ версту. Въ томъ, государь, шлюсь на твои государевы разряды» (Русс. истор. сбор. II, 286).

Такое умаленіе служебной чести должно, конечно, разсматривать, какъ наказаніе, но очень легкое, сравнительно съ тѣмъ, которое постигало измѣнниковъ. Приведенное заявленіе Пожарскаго сдѣлано имъ въ дѣлѣ, производившемся въ 1609 году, стало-быть и въ началѣ XVII вѣка отъѣздъ не былъ еще приравненъ къ измѣнѣ.

Живучестью этого права въ памяти бояръ, объясняется и рядъ сценъ у постели умирающаго царя Ивана, 11-го марта 1553 года.

Царь хотѣлъ, чтобы бояре присягнули его новорожденному сыну Дмитрію, которому едва исполнилось 5 мѣсяцевъ. Въ государствѣ, съ опредѣленнымъ порядкомъ преемства престола отъ отца къ сыну, такое требованіе не могло-бы возбудить ни малѣйшаго возраженія. Но у постели Ивана оно вызвало сопротивленіе. Нашлись бояре, которые не хотѣли цѣловать креста сыну царя. Нѣкоторые высказались въ пользу его двоюроднаго брата, Владиміра Андреевича. Они вспомнили свое старое право «приказываться на службу» и, понятно, предпочитали приказаться совершеннолѣтнему, а не младенцу, именемъ котораго управляли-бы другіе и, конечно, въ интересѣ своихъ близкихъ. Это и высказалъ больному царю Ѳедоръ Адашевъ: «мы готовы повиноваться тебѣ, государь, и сыну твоему, но не Захарьинымъ-Юрьевымъ». Знаменательны слова, сказанныя по тому-же поводу старѣйшимъ бояриномъ Иваномъ Михайловичемъ Шуйскимъ: онъ не цѣловалъ креста сыну Ивана, потому что не видалъ государя передъ собою. Въ старину, когда государю приказывались, то видѣли его передъ собой, говорили съ нимъ, обѣщали

ему вѣрность и получали отъ него милости. Въ свободномъ признанiи того или другого князя своимъ государемъ исчезалъ вопросъ о наслѣдственности княжеской власти. Слова Шуйскаго звучатъ ѣдкой ироніей. Онъ требуетъ, чтобы передъ нимъ поставили государя, а государь въ пеленкахъ!

Напрасно думаютъ, что у постели умирающаго царя Ивана непокорные бояре хотѣли захватить въ свои руки власть. Вопросъ шелъ не о перемѣщенiи центра власти. Непокорные волѣ царя бояре хотѣли имѣть совершеннолѣтняго государя, а не младенца. Вопросъ шелъ только о лицѣ государя, а не о принципѣ власти. Царская форма правленія не подвергалась колебанію ни въ малолѣтство Ивана, ни теперь. Но для царя Ивана—въ личномъ вопросѣ было все. Это чисто личное столкновеніе не осталось безъ вліянія на его позднѣйшія отношенія къ боярству, также исключительно личныя.

Переѣзды служилыхъ людей въ смутное время изъ Москвы въ Тушино и обратно—не новое явленіе, порожденное смутой, а ожившая память стараго права.

Офиціальные памятники и лѣтописцы того времени, которымъ слѣдуютъ и нѣкоторые новые историки, смотрятъ на измѣну служилыхъ людей Шуйскому и на постоянныя колебанія ихъ между Москвой и Тушинымъ, какъ на малодушіе, которымъ запятнали себя русскіе люди начала XVII в. Бѣдствія Россiи временъ смуты являются въ ихъ глазахъ заслуженной карой людямъ «измалодушившимся». Малодушіе людей XVII вѣка нисколько не больше малодушія ихъ въ XIV и послѣдующихъ вѣкахъ. Не оно новость Никакого «измалодушничанья» русскихъ людей въ началѣ XVII вѣка не произошло. Новость — громкое осужденіе этого малодушія.

Служилые люди Бориса Константиновича Нижегородскаго и Василія Темнаго — двоедушничали не меньше служилыхъ людей Василія Шуйскаго и самозванцевъ. Но въ XIV и XV вѣкѣ въ этомъ не видали еще порока. Тогда митрополиты благословляли на клятвопреступленіе. По мѣрѣ-же того, какъ стали прекращаться междоусобныя войны владѣтель-

ныхъ князей, вѣрность слову сдѣлалась добродѣтелью, а двоедушіе начали клеймить позоромъ. Къ началу XVII вѣка получается, такимъ образомъ, нѣкоторый успѣхъ политической нравственности.

Отмѣна права отъѣзда произвела глубокую перемѣну въ положеніи высшаго класса населенія. Изъ вольныхъ слугъ они стали невольными. Прежде они могли приказываться на службу къ кому хотѣли. Теперь нѣтъ болѣе приказа; служилые люди заносятся въ списки по распоряженію правительства. Обязанность службы лежитъ и на дѣтяхъ служилыхъ людей. Располагать собою могутъ только тѣ, кто отъ службы отставленъ. Все это слѣдуетъ уже изъ статьи царскаго Судебника:

«А дѣтей боярскихъ служилыхъ и ихъ дѣтей, которые не служивали, въ холопи не пріимати ни кому, опричь тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставитъ» (81).

Переходъ вольной службы въ обязательную измѣнилъ и самый характеръ службы. Размѣръ вольной службы зависѣлъ отъ усмотрѣнія слуги. Какъ скоро служба стала обязательной, такъ почувствовалась необходимость указомъ опредѣлить ея размѣръ. Это дѣлаетъ Иванъ Грозный въ 1556 году:

«. ...Съ вотчинъ и съ помѣстій уложенную службу учиниша, со ста четвертей добрые угожіе земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣсе въ полномъ, а въ дальней походъ о дву конь; и хто послужитъ по земли, и государь ихъ жалуетъ своимъ жалованьемъ, кормленьемъ, и на уложеные люди даетъ денежное жалованье» (Никон. лѣтоп.).

Но это уже новости права; обратимся къ древностямъ.

«Бояре и слуги вольные» не единственный терминъ древнихъ памятниковъ. Рядомъ съ нимъ встрѣчаемъ и другой «бояре и дѣти боярскія». Здѣсь «дѣти боярскія» занимаютъ то-же мѣсто, которое въ разобранномъ уже нами выраженіи принадлежитъ «вольнымъ слугамъ». И дѣйствительно, это только иное обозначеніе вольныхъ слугъ.

Изъ мѣстъ памятниковъ, въ которыхъ находимъ это выраженіе, видно, что дѣти боярскія по ремеслу тоже воины,

какъ бояре и вольные слуги. Въ описаніи Суздальскаго боя великаго князя Василія Васильевича съ татарами читаемъ:

«Князя же великаго самого руками яша, такоже и князя Михаила Андреевича и прочихъ князей многихъ, и бояръ, и дѣтей боярскихъ и прочихъ вой». Лѣт. VIII. 113. 1445.

Въ 1451 году великій князь Василій Васильевичъ, приготовляя Москву къ татарской осадѣ, оставляетъ тамъ «множество бояръ и дѣтей боярскихъ» (Лѣт. VIII. 123).

Въ княжескихъ грамотахъ дѣти боярскія причисляются вообще къ разряду слугъ. Грамота отъ 1509 года о томъ, чтобы служилые люди въ селахъ и деревняхъ Сергіева монастыря насильно не ставились и кормовъ не брали, начинается такъ:

«Отъ великаго князя Василія Ивановича княземъ, и боярамъ, и дѣтемъ боярскимъ и всѣмъ служилымъ людемъ». А. Э. I. № 151.

Дѣти боярскія, какъ и вольные слуги вообще, суть землевладѣльцы. Поэтому грамоты, воспрещающія разнымъ землевладѣльцамъ принимать монастырскихъ крестьянъ не въ срокъ, послѣ князей и бояръ упоминаютъ и дѣтей боярскихъ. Доп. къ А. И. I. № 198. 1462.

Какъ землевладѣльцы, дѣти боярскія живутъ въ своихъ имѣніяхъ. Въ разъѣздной грамотѣ, которою были опредѣлены границы спорныхъ земель великаго князя Василія Васильевича и княгини Евфросиньи, читаемъ:

«А на разъѣздѣ были и съ тѣми жъ сотникы и съ мужями и съ старожилцы дѣти боярскіе, тутошніе жилцы: Микула Чирковъ, Ѳедоръ Кировъ» и т. д. Ѳед. Чеховскій, № 8.

Только въ случаѣ войны они оставляютъ свои деревни и ѣдутъ въ полки къ воеводамъ. Въ описаніи размирья правительницы Елены съ княземъ Андреемъ, дядею малолѣтняго великаго князя Ивана Васильевича, читаемъ:

«А князю Ивану Овчинѣ писали, а велѣли съ людми збиратися за княземъ (Андреемъ) итти. А въ тѣ поры дѣти боярскіе новогородскіе пошли на службу, а велѣно имъ быти

на Москву. И князь великій и его мати, великая княгиня, послали встрѣчю по дорогамъ да и въ пятины къ дѣтямъ боярскимъ, а велѣли имъ спѣшити за княземъ Иваномъ за Овчиною». Лѣт. VIII, 294

Наконецъ, къ дѣтямъ боярскимъ примѣнимы и всѣ правила объ отъѣздѣ. Верейскій князь Андрей, какъ только замыслилъ овладѣть великимъ княженіемъ подъ малолѣтнымъ племянникомъ своимъ, Иваномъ Васильевичемъ, такъ немедленно разослалъ по погостамъ призывныя грамоты къ дѣтямъ боярскимъ, приглашая ихъ къ себѣ на службу; онъ говорилъ имъ:

«Князь велики малъ, а держать государьство бояре, и вамъ у кого служити? И вы ѣдте ко мнѣ служити, а язъ васъ радъ жаловати. И иные дѣти боярскіе, прибавляетъ лѣтописецъ, къ нему и пріѣхали служити». Лѣт. VIII. 294. 1537.

Но что значитъ этотъ терминъ «дѣти боярскія»? Терминъ дѣти боярскія есть весьма обыкновенный въ древней Россіи способъ наименованія дѣтей по званію ихъ родителей. Дѣти посадниковъ звались «посадничьими дѣтьми», дѣти поповъ—«поповыми», дѣти князей—«княжими», «княжатами», а дѣти бояръ «боярскими дѣтьми». По первоначальному словоупотребленію законныя дѣти бояръ и суть дѣти боярскія. Еще Уложеніе знаетъ «природныхъ дѣтей боярскихъ» и противополагаетъ имъ «неслужилыхъ отцовъ дѣтей». XVII, 37.

Боярскія дѣти при жизни родителей, естественно, занимаютъ мѣсто не рядомъ съ ними, а за ними. Но это второстепенное мѣсто можетъ иногда удерживаться за дѣтьми боярскими и послѣ смерти ихъ родителей. Наше древнее право не знаетъ майоратнаго наслѣдованія. Имущество родителей всегда дѣлилось у насъ между всѣми сыновьями. Поэтому, чѣмъ болѣе у отца сыновей, тѣмъ труднѣе имъ играть роль отца по его смерти, особенно если онъ былъ большой человѣкъ, крупный бояринъ. Дѣти бояръ образуютъ, поэтому, особый слой, которымъ заполняются низшія ступени вольной служебной лѣстницы. Памятники и говорятъ: бояре и дѣти

боярскія, т. е. бояре и другіе менѣе важные вольные слуги. Дѣти боярскія составляютъ низшій, сравнительно съ боярами, разрядъ вольныхъ служилыхъ людей.

Между боярами съ одной стороны и вольными слугами и дѣтьми боярскими съ другой есть разница, но никакъ не большая той, какая существовала среди самихъ бояръ: старѣйшихъ, напримѣръ, и меньшихъ. Различія продолжаются и къ низу, среди вольныхъ слугъ и дѣтей боярскихъ. Источники упоминаютъ, напримѣръ, о младшихъ дѣтяхъ боярскихъ (лѣт. VIII, 51). Были, значитъ, старшія дѣти боярскія. Подъ 1480 г. упоминаются лучшія дѣти боярскія (лѣт. VIII, 204); были, слѣдовательно, среднія и худшія.

Итакъ, вольные слуги, подъ какими-бы названіями они ни встрѣчались—бояръ, дѣтей боярскихъ или просто слугъ—представляютъ всю совокупность вольныхъ служилыхъ людей, отдѣльныя особи которыхъ до безконечности различаются по экономическому своему положенію. Но экономическое положеніе по существу своему не постоянно, а потому на лѣстницѣ вольныхъ слугъ должны происходить постоянныя перемѣщенія сверху внизъ и снизу вверхъ. Вслѣдствіе этого термины: бояринъ, слуга вольный, сынъ боярскій не представляютъ ничего строго опредѣленнаго и могутъ употребляться одинъ вмѣсто другого.

Въ источникахъ дѣйствительно встрѣчаются лица, которыя называются то боярами, то дѣтьми боярскими. Древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ между-княжескихъ договоровъ рядомъ съ выраженіемъ: «а боярамъ и слугамъ вольнымъ—воля», употребляетъ такое: «а вольнымъ слугамъ—воля». «Вольные слуги» втораго выраженія суть тѣ же «бояре и слуги вольные», о которыхъ рѣчь идетъ и въ первомъ. Такая замѣна одного выраженія другимъ совершенно возможна, потому-что права всѣхъ вольныхъ служилыхъ людей по владѣнію отчинами, отъѣзду и пр. были одинаковы; также безразлично жаловали ихъ князья разными льготами и преимуществами.

Мы уже видѣли, что и купцы получали привилегіи. Тѣмъ

болѣе правъ на привилегіи имѣли бояре и слуги вольные.

Князья предоставляютъ имъ право суда и освобождаютъ отъ налоговъ поземельную ихъ собственность. Право суда жалуется какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, но, обыкновенно, за исключеніемъ убійства, разбоя и татьбы съ поличнымъ. Это право предоставляется вольнымъ слугамъ лишь по отношенію къ населенію ихъ собственныхъ земель. Если-же дѣло возникало между крестьяниномъ вольнаго слуги и постороннимъ лицомъ, въ такомъ случаѣ имѣлъ мѣсто смѣстный или общій судъ, и доходъ съ суда дѣлился между обоими судьями поровну. Размѣръ льготъ отъ налоговъ бывалъ очень различенъ и всякій разъ особо опредѣлялся жалованной грамотой.

Лично вольные слуги пользовались привилегированной подсудностью. Они судились самимъ княземъ или приближеннымъ къ нему бояриномъ (введенымъ), а не мѣстными судьями.

Возникновеніе указанныхъ преимуществъ и льготъ относится, конечно, къ самой отдаленной древности. Но, по памятникамъ, существованіе этихъ привилегій можно прослѣдить лишь до первой половины XIV вѣка.

Первый, намъ извѣстный, вотчинникъ-судья былъ Иванъ Петелинъ, предки котораго получили указанныя привилегіи еще въ княженіе Ивана Даниловича Калиты. Пожалованіе Калиты возобновлено было сыномъ его, Семеномъ, и, затѣмъ, цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ князей отъ Дмитрія Ивановича до Василія Васильевича включительно. До насъ дошла только грамота послѣдняго князя, отъ 27 сентября 1450 г.:

«По прадѣда своего грамотѣ великаго князя, Ивана Даниловича, и по стрыя своего грамотѣ великаго князя, Семена Ивановича, и по дѣда своего грамотѣ великаго князя, Дмитрея Ивановича, и по отца своего грамотѣ великаго князя, Василея Дмитріевича, се язъ, князь великій Василей Васильевичъ, пожаловалъ еси Ивана Петелина. Что его село въ Кинелѣ, Скнятково, съ деревнями, и кто у него въ томъ селѣ и въ деревняхъ иметъ жити людей, ино имъ не надобѣ ямъ, ни

подвода, ни тамга, ни восминичье, ни мытъ, ни костка, ни сѣнъ моихъ косити, ни коня моего не кормить, ни портное, ни къ сотскому, ни къ дворскому не тянутъ ни въ какіе протори, ни въ разметы, ни иные ни которые пошлины не надобѣ, ни закосныхъ пошлинъ не даютъ. А волостели мои Кинелскіе и ихъ тіуны доводчиковъ своихъ не всылаютъ къ Ивану и ко всемъ его людемъ ни по что, ни кормовъ не емлютъ, ни судятъ ихъ ни въ чемъ, опричь душегубства и татьбы съ поличнымъ; а проветчики поборовъ не берутъ у нихъ, ни въѣзжаютъ ни по что. А вѣдаетъ свои люди самъ Иванъ, или кому прикажетъ. А случится судъ смѣсной: и волостели мои судятъ и ихъ тіуни, а Иванъ съ ними-же судитъ, или кому прикажетъ; а присудомъ ся дѣлятъ на полы. А кому будетъ чего искать на Иванѣ, или на его приказщикѣ, ино ихъ сужу язъ самъ, князь великій, или мой бояринъ введеной. А чрезъ сю мою грамоту кто ихъ чѣмъ изобидитъ, или что на нихъ возметъ, быти отъ меня въ казни. Дана грамота на Москвѣ, лѣта 6959 сентября въ 27 день». Подпись на грамотѣ: князь Иванъ Ивановичь. Печать на черномъ воску (А. Э. I, № 46).

До возобновленія грамоты Василіемъ Ваеильевичемъ, право вотчиннаго суда принадлежало роду Петелиныхъ не менѣе 110 лѣтъ. По возобновленіи-же оно, по всей вѣроятности, оставалось за нимъ недолго. Изъ того, что грамота найдена въ архивѣ Троицко-Сергіевой лавры, можно заключить, что послѣдній владѣлецъ передалъ свою вотчину монастырю еше при жизни великаго князя Василія Васильевича.

Отъ XV вѣка намъ извѣстно десять такихъ пожалованій, отъ XVI—семь, отъ XVII—одно *).

*) Вотъ имена этихъ привилегированныхъ владѣльцевъ:

Марія Копнина, жена Василія Борисовича Копнина, и сынъ ея Өедоръ, 1449 годъ, Андрей Аөанасьевичъ, 1450, Внуковъ Аөанасій, 1455, Бобръ Дмитрій Васильевъ, 1462—72, Львовъ Злоба Васильевъ, 1484, подтверждено въ 1509, Степановъ Гридя, 1484, Глядящій Ивашка, 1487, бояринъ Аөанасій Ивановичъ Шетневъ, 1486, Варыпаевы Злоба да Өедька, Андреевы дѣти, при вел. кн. Иванѣ Васильевичѣ, Баламутова Ирина да сынъ ея Васюкъ, 1495, Игнатій Александровъ Кожуховъ, 1505, Головинъ Костя Микулинъ (его жалованная грамота приведена въ правой грамотѣ 1541 г., но дана Василіемъ Ивановичемъ, а, можетъ быть, и отцомъ его), Григорій Семеновъ сынъ Нелидовъ, 1509, бояринъ князь Михаилъ Ивановичъ

Надо думать, что такія пожалованія составляли общее правило, а не исключеніе. Думаемъ такъ потому, что въ числѣ пожалованныхъ встрѣчаются Ивашки и Ѳедьки. Можно-ли допустить, что большіе люди, имена которыхъ писались съ «вичемъ», имѣли менѣе правъ и привилегій, чѣмъ эти Ивашки, жалованныя грамоты которыхъ случайно сохранились до нашихъ дней?

Вотчинный судъ существуетъ еще въ полной силѣ въ срединѣ XVI вѣка; онъ оставилъ ясный слѣдъ свой въ Судебникѣ царя Ивана Васильевича. Въ ст. 64 читаемъ:

«А дѣтей боярскихъ судити намѣстникомъ, по всѣмъ городомъ, по нашимъ царевымъ государевымъ жаловальнымъ по ихъ вопчимъ грамотамъ».

Что значитъ, что намѣстники судятъ согласно съ жалованными дѣтямъ боярскимъ общими грамотами? Въ виду приведенныхъ выше жалованныхъ грамотъ, въ которыхъ рѣчь идетъ объ общемъ (или смѣстномъ) судѣ, отвѣтъ на поставленный вопросъ едва-ли представляетъ какое-либо затрудненіе. Подъ «вопчими грамотами» Судебникъ разумѣетъ вышеприведенныя жалованныя грамоты, въ силу которыхъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, намѣстникъ производилъ судъ сово-

---

Кубенскій, 1547, Строгановъ Григорій Аникѣевъ, 1564, дьякъ Василій Щелкаловъ, 1571; Строгановъ Петръ Семеновъ, 1610 (А. Э. I, № 44, 45, 111, 120, 132, 149, 215, 374, 379; А. И. I, № 115, 180; Д. къ А. И. I, № 117; А. Ю. № 9; А. до Ю. Б. I, № 31, XX; Рус. Ист. Сборн. V, стр. 11; Рум. Соб. II, № 196). Жалованная грамота Злобѣ Львову сохранилась въ оригиналѣ и въ судномъ спискѣ 1503 г. Замѣтимъ, что въ судные списки грамоты переписывались не слово въ слово, а съ опущеніемъ подробностей, которыя были несущественны для дѣла.

Приведемъ еще нѣсколько свидѣтельствъ о вотчинномъ судѣ въ XVI вѣкѣ. Князь Аѳанасій Кемскій купилъ въ 1508 г. у своего брата его вотчину съ судомъ и данью (А. Юр. № 3); въ 1555 г. княгиня Любецкая даетъ своихъ судей въ спорѣ монастыря противъ ея подданныхъ; въ 1566 г. у князей Семена и Тимоѳея Ивановичей Вяземскихъ упоминается свой доводчикъ (Ѳедог. Чехов. № 78 и 88). Но эта княжеская юрисдикція, можетъ быть, вытекаетъ не изъ пожалованія, а представляетъ остатокъ старинныхъ владѣтельныхъ княжескихъ правъ.

купно съ частными владѣльцами. Итакъ, если дѣло касалось крестьянъ, сидѣвшихъ на земляхъ дѣтей боярскихъ, то эти крестьяне судились согласно съ жалованными дѣтямъ боярскимъ вопчими грамотами, т.-е. или одними господами, или, если въ дѣлѣ заинтересовано лицо, сидѣвшее не на вотчинной землѣ, господами и намѣстниками.

Такимъ образомъ, сельское населеніе, еще задолго до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, находилось уже подъ вотчиннымъ судомъ владѣльцевъ. А такъ какъ государевы намѣстники не въѣзжаютъ въ привилегированныя вотчины ни по какимъ дѣламъ, кромѣ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ, то владѣльцамъ принадлежалъ не одинъ судъ, а и управленіе вообще.

Когда это право вотчиннаго суда и управленія было уничтожено? Можно думать, что, съ прикрѣпленіемъ крестьянъ, оно вошло въ составъ крѣпостнаго права, нѣкоторыя черты котораго имѣютъ, такимъ образомъ, болѣе глубокіе корни, чѣмъ указы, сперва ограничивающіе, а потомъ и вовсе отмѣняющіе вольный переходъ крестьянъ. Статья Уложенія (II, 13), запрещающая принимать какіе-либо извѣты крестьянъ на ихъ господъ, кромѣ великихъ государевыхъ дѣлъ, можетъ быть разсматриваема, какъ естественное слѣдствіе безапеляціоннаго вотчиннаго суда и управленія. Но правила о вопчемъ судѣ, надо думать, вышли изъ употребленія. Это измѣненіе, по всей вѣроятности, произошло не въ силу какого-либо общаго указа, а было естественнымъ слѣдствіемъ сосредоточенія судныхъ пошлинъ въ государевой казнѣ. Какъ скоро судьи перестали дѣлиться прибыткомъ, а весь доходъ съ суда должны были записывать въ книги и сдавать государевымъ казначеямъ, то, вмѣстѣ съ этимъ, отпало и одно изъ важнѣйшихъ побужденій для вотчинныхъ судей судить вмѣстѣ съ намѣстникомъ.

Только-что разсмотрѣнныя привилегіи вольныхъ слугъ возникаютъ каждый разъ въ силу особой жалованной грамоты на имя служилаго человѣка или его жены, вдовы и дѣтей. Заключая въ себѣ отказъ князя отъ принадлежащихъ ему

правъ, привилегіи эти могутъ быть раздаваемы только въ предѣлахъ территоріи, на которую распространяется власть князя. Въ княжескихъ договорахъ, поэтому, встрѣчаемъ такое условіе: «а грамотъ тебѣ въ моемъ удѣлѣ не давать», т.-е. не давать жалованныхъ грамотъ на льготы. Это право мѣстнаго князя, а не его друга и союзника.

Пожалованіе правъ вотчиннаго суда и управленія устанавляетъ и нѣкоторую связь вольнаго слуги съ мѣстнымъ княземъ; слуга могъ отъѣхать, вотчина оставалась за нимъ, но льготы отпадали. Привилегія связываетъ свободу.

Могло-ли лицо, пожалованное судомъ и льготами, передавать свои привилегіи другимъ лицамъ? Надо думать, что могло. Владѣлецъ не былъ обязанъ производить судъ лично. Онъ могъ передать это право, кому желалъ, объ этомъ прямо говорится въ жалованныхъ грамотахъ; могъ онъ, конечно, подарить назначенному имъ судьѣ и пошлины съ суда и другія льготы. Въ 1512 г. бывшій казанскій царь, Абдылъ-Летифъ, пожалованный Каширой, освобождаетъ отъ своего суда и отъ всякихъ доходовъ въ свою пользу каширскія деревни Троицко-Песоцкаго монастыря (А. Э. I, № 154). Такая передача могла произойти и путемъ отчужденія привилегированной земли. Въ 1450 г. митрополитъ Іона предоставилъ Андрею Аѳанасьеву право суда въ пріобрѣтенной имъ монастырской пустоши:

«Се язъ, Іона митрополитъ всея Руси, пожаловалъ есмь Андрея Аѳанасьева, что сѣлъ на своей куплѣ, на Голямовской пустоши, въ волости Пречистыя Богородицы и въ моей, въ Романовскомъ. И кого Андрей на ту пустошь къ себѣ перезоветъ людей изъ иныхъ княженій, а не изъ волости, ни изъ селъ Пречистыя Богородицы, и тѣмъ людемъ пришлымъ не надобѣ имъ съ моими христіаны съ волостными тянути ни въ какое дѣло, ни въ какіе розметы; ни волостели мои романовскіе и ихъ доводщики не въѣзжаютъ къ тѣмъ людемъ пришлымъ на ту пустошь ни по что, ни кормовъ, ни поборовъ у нихъ не емлютъ, ни судятъ ихъ. А вѣдаетъ и судитъ тѣхъ христіанъ Андрей самъ. А кому будетъ до самого Андрея каково слово, и язъ, Іона митрополитъ, самъ его сужу; а коли куды отъѣду въ свою митрополью далѣ,

ино его судитъ мой намѣстникъ, тотъ, кому прикажу въ свое мѣсто вѣдати. А которой христіанинъ волостной романовецъ, или изъ села изъ церковнаго выйдетъ за рубежъ, а хотя идти къ Андрею на ту пустошъ, и Андрею тѣхъ христіанъ волостныхъ, ни селчанъ церковныхъ не пріимати. А дана грамота на Москвѣ, мѣсяца маіа 25 день, въ лѣто 6958, индикта 13. Смиренный Іона, архіепископъ всея Руси (А. Э. I. № 45).

Заслуженнѣйшіе изъ бояръ и дѣтей боярскихъ награждались кормленіями. Кормленіе есть государственная должность по общему или специальному управленію, но нѣсколько въ иномъ смыслѣ, чѣмъ мы понимаемъ теперь слово д о л ж н о с т ь. Характерная особенность старыхъ должностей состояла въ томъ, что кормленщикъ не только судилъ и управлялъ, но и за свой счетъ получалъ пошлины отъ суда и другіе княжескіе доходы. Чтобы привлечь къ себѣ вольныхъ слугъ, князья поступались въ ихъ пользу своими владѣтельными правами.

Къ кормленіямъ по общему управленію относятся должности намѣстниковъ и волостелей, по спеціальному—пути (о которыхъ скажемъ ниже) и сборы торговыхъ пошлинъ и разныхъ другихъ доходовъ.

Пріѣзжая на должность, кормленщикъ получалъ доходный списокъ съ книгъ, какъ ему кормъ и всякія пошлины собирать:

«Отъ царя и великаго князя, Ивана Васильевича всея Русіи, въ нашу отчину, въ Великій Новгородъ, діакомъ нашимъ, Ѳедору Сыркову да Казарину Дубровскому. Пожаловалъ есми яселничимъ Ѳедора, Василева сына, Крюкова подо княземъ Алексѣемъ Гагаринымъ въ кормленье. А наѣхать ему на свое жалованье на Благовѣщеньевъ день лѣта 7064. И вы-бы Ѳедору дали д о х о д н ы й с п и с о к ъ съ книгъ, почему ему кормъ и всякія пошлины сбирати, потомужъ какъ естя давали прежнимъ яселничимъ. Писана на Москвѣ, лѣта 7063, августа въ 4 день». А подпись на грамотѣ дьяка Ивана Михайлова (Д. къ А. И. I. № 53, 1555).

Эти доходы опредѣлялись въ грамотахъ, которыя давались управляемымъ, и въ наказныхъ спискахъ, которые давались самимъ правителямъ. Но кормленщикамъ не непремѣнно

жаловались всѣ княжескіе доходы. Бывали случаи предоставленія имъ только части доходовъ, напримѣръ, половины, другая половина шла въ пользу князя. Такое распредѣленіе доходовъ принято было для всего удѣла великаго князя московскаго, Семена Ивановича, отказаннаго имъ женѣ (Рум. Соб. I. № 24).

Эта система кормленій столь-же стара, какъ стары бояре и вольные слуги. О Рюрикѣ начальный лѣтописецъ говоритъ уже, что онъ роздалъ мужамъ города. Это древнѣйшее указаніе на назначеніе кормленій. Посадники, по всей вѣроятности, были тоже кормленщики.

Владимірцы (на Клязьмѣ) въ своемъ столкновеніи съ ростовцами и суздальцами въ концѣ XII вѣка жалуются на то, что приглашенные старшими городами князья Ростиславичи слушаются бояръ, а бояре учатъ ихъ на многое иманіе, вслѣдствіе чего они разоряютъ ихъ необычайно высокими вирами и продажами Если бояре учили князей на многое иманіе, то, конечно, потому, чтобы и самимъ собирать много по кормленіямъ.

Княжескіе договоры и духовныя завѣщанія XIV вѣка говорятъ о кормленіяхъ, какъ объ общераспространенномъ учрежденіи. Не можетъ, поэтому, возбуждать какого-либо сомнѣнія обращеніе къ боярамъ, приписываемое лѣтописцемъ умирающему Дмитрію Донскому:

«Съ вами царствовалъ, говоритъ онъ имъ, и землю Русскую держалъ и мужествовалъ съ вами на многія страны, враги покорилъ, княженіе укрѣпилъ, отчину свою съ вами соблюлъ, подъ вами грады держалъ и великія волости, вы же не назывались у меня бояре, но князи земли моей» (V, 352).

До насъ дошли и самыя грамоты, которыми жаловались кормленія. Они отъ позднѣйшаго времени. Древнѣйшая написана 28 августа 1425 года. Она дана великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Ивану Григорьевичу Раслу, прозвищемъ Иватѣ Протасьеву, и сыну его Конону Ивановичу.

Эти лица за ихъ выѣздъ къ великому князю пожалованы волостью Лузою въ кормленіе.

Вотъ эта древнѣйшая грамота:

«Се язъ, князь великій Василій Васильевичъ всея Русіи, пожаловалъ есми Ивана Григорьевича Расла, прозвище Ивамя Протасьева, и сына его, Конона Ивановича, волостью Лузою, за ихъ къ намъ выѣздъ, въ кормленья. И вы всѣ люди тое волости чтите ихъ и слушайте, а они васъ вѣдають, и судити и ходити велятъ у васъ тіуномъ своимъ, а доходъ имать по наказному списку. Писанъ на Москвѣ, лѣта 6933 августа въ 28 день». На оборотѣ надписано: князь великій Василій Васильевичъ всея Русіи. Печать вислая, на красномъ воску орелъ (А. Ю. № 161, I).

Слѣдующая по времени грамота дана тѣмъ-же лицамъ 20 апрѣля 1426 года. За тотъ-же выѣздъ они награждены:

«... въ кормленье, въ Мещерѣ, городомъ Елатмою и Кадомою съ мыты, и съ перевозы, и со всѣми намѣстьничьи доходы и съ пошлиною...» (А. Ю. № 161, II).

Усердною службою старшей линіи московскаго дома отличались, по всей вѣроятности, и другіе Протасьевы. Въ 1508 г. Протасій Акинфовичъ Протасьевъ пожалованъ торговыми пошлинами въ Мещерѣ и въ Мещерскомъ уѣздѣ, а въ 1555 г. царь Иванъ Васильевичъ жалуетъ сына его, Протасія, волостью Лузою въ кормленіе. Изъ той-же грамоты видно, что кормленщикомъ въ Лузѣ былъ и отецъ Протасія. Можно думать, что въ Лузѣ съ 1425 года по вторую половину XVI вѣка на кормленіи сидѣли постоянно члены рода Протасьевыхъ, но всякій разъ по особому назначенію государя.

Бывали, однако, и случаи пожалованія кормленій съ потомствомъ. Такъ, кажется, надо понимать извѣстіе о пожалованіи князю Ѳедору Ивановичу Бѣльскому города Луха съ волостями и пр. Великій князь Иванъ Васильевичъ говоритъ, что онъ далъ Бѣльскому Лухъ и пр. въ вотчину; а затѣмъ прибавляетъ: «а отъѣдетъ князь Бѣльскій, или его дѣти отъ моего сына Василія, и та его вотчина сыну моему, князю Василію» (Р. С. I, № 144). Городъ Лухъ съ волостями

не составлялъ частной собственности великаго князя, и Бѣльскому пожалована, надо думать, не собственность, а кормленіе, но съ нисходящимъ потомствомъ, что и выражено въ словѣ «въ вотчину», т. е. съ дѣтьми. Эта вотчина условная, пока самъ Бѣльскій и дѣти его будутъ служить великому князю Василію.

Система кормленій предполагается и обоими Судебниками. По этимъ памятникамъ, кормленія даются какъ боярамъ, такъ и дѣтямъ боярскимъ.

«А бояромъ или дѣтемъ боярскимъ, за которыми кормленія съ судомъ боярскимъ, и имъ судити, а на судѣ у нихъ быти: дворьскому» и пр... (ст. 38 Суд. 1497 и 62 Царск.).

Общераспространенность этой системы засвидѣтельствована и лѣтописцемъ въ извѣстіи подъ 1556 годомъ:

«А по се время, говоритъ онъ, бояре и князи и дѣти боярскіе сидѣли по кормленіямъ, по городамъ и по волостямъ, для расправы людямъ и всякаго устроенія землямъ и себѣ отъ службъ для покоя и прокормленія...»

Характерное свидѣтельство: кормленіе есть покой отъ службы, т. е. отъ военной; дается оно, слѣдовательно, въ награду за военные труды. Этотъ порядокъ вещей удержанъ Иваномъ Грознымъ и послѣ 1556 года:

«Бояръ же и вельможъ и всѣхъ воиновъ, говоритъ о немъ тотъ же лѣтописецъ, устроилъ кормленіемъ, праведными уроки».

Изъ разсказа лѣтописца надо заключить, что въ это время, вслѣдствіе злоупотребленій кормленщиковъ, произошло новое общее распредѣленіе кормленій *).

*) Р. Л. VII. 259, 261. Именно отъ этого времени (1555—6 годы), конечно, случайно, къ намъ дошло сравнительно много отдѣльныхъ извѣстій о кормленіяхъ: пять за два года. Въ 1555 г. Протасьевъ назначенъ въ Лузу, подъ отцомъ своимъ, а Крюковъ Ѳедоръ Васильевъ получилъ въ кормленіе должность ясельничаго. Въ слѣдующемъ году Григорій Ивановичъ Дмитріевъ вѣдалъ конюшій путь, Матвею Мунторину Хлуденеву дана половина ямскаго, а князю Михаилу Васильевичу Глинскому — половина намѣстничаго дохода, всѣ въ Новгородѣ (Д. къ А. И. I, № 53, 105, 108, 109).

Награда кормленіями выдѣляетъ заслуженныхъ вольныхъ слугъ въ особую группу. Для нихъ существуютъ нѣкоторыя спеціальныя правила, вызываемыя особенностью ихъ положенія.

Имѣя опредѣленныя должности, они, кажется, не были обязаны выступать въ походъ на ряду съ другими боярами и слугами вольными. Въ договорахъ великаго князя Василія Васильевича съ Дмитріемъ Шемякой (1436 года) говорится, что служилые люди выступаютъ съ воеводою своего князя, кромѣ путныхъ бояръ (т. е. получившихъ пути въ кормленіе). «Путные бояре» можетъ означать здѣсь кормленщиковъ вообще *). Такая-же оговорка о путныхъ боярахъ дѣлается въ договорахъ и по отнощенію къ городской осадѣ. Она объясняется тѣмъ, что путные бояре, какъ и кормленщики вообще, должны были находиться въ мѣстахъ ихъ назначенія, а потому для нихъ не было обязательно садиться въ осаду по мѣсту нахожденія ихъ недвижимостей.

Путные бояре и кормленщики платятъ дани сообразно съ доходами со своихъ путей и кормленій. Но можно думать, что къ платежу даней привлекаются они только въ крайнихъ случаяхъ. Въ договорахъ говорится объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ:

«А коли мнѣ взяти дань на своихъ боярехъ на большихъ и на путныхъ, тогда ти взяти на своихъ тако-же по кормленію и по путемъ» (Р. С. I, № 33).

Это, надо думать, не обыкновенная дань, а чрезвычайная.

Кормленщики могутъ отъѣхать съ кормленій, какъ и всѣ вольные слуги, но изъ такого отъѣзда возникаютъ весьма важныя затрудненія. Вмѣстѣ съ кормленщикомъ выѣзжаетъ и весь штатъ назначенныхъ имъ, изъ своихъ дворовыхъ слугъ, судныхъ и правительственныхъ органовъ и сразу прекращается дальнѣйшее теченіе всѣхъ начатыхъ дѣлъ. А за совершонныя уже дѣйствія могли быть взяты тіунами и до-

*) Въ Р. С. I, № 33 выраженіе «путные бояре» именно употреблено вмѣсто кормленщиковъ вообще.

водчиками кормленщика причитающіяся имъ пошлины. Напримѣръ, отвѣтчикъ могъ быть вызванъ въ судъ, по немъ взяты поруки, или онъ, если поручителей не нашлось, закованъ въ желѣзо, и за всѣ эти дѣйствія получены уже пошлины: ѣздъ, хоженое, желѣзное. Но такъ какъ, за отъѣздомъ кормленщика, дальнѣйшее теченіе дѣла прекратилось, то новому кормленщику придется вновь вызывать въ судъ и пр., а органамъ его брать новыя пошлины за дѣйствія уже оплаченныя. Кромѣ того, мы уже знаемъ, что кормленщики не всѣ доходы получали за свой счетъ, а дѣлились иногда съ княземъ. Разсчеты по этому дѣлежу въ минуту отъѣзда также могли быть незавершены. Наконецъ, на кормленщика могли быть предъявлены иски по злоупотребленію должностью. Отъѣздъ кормленщика могъ возбудить, такимъ образомъ, массу затрудненій. Относительно этого-то крайне сложнаго вопроса и встрѣчаемъ въ княжескихъ договорахъ такое опредѣленіе:

«А который бояринъ поѣдетъ изъ кормленія..., а службы не отслуживъ, тому дати кормленье по исправѣ, а либо служба отслужити ему» (Р. С. I, № 27).

По этой статьѣ кормленщикъ все-таки можетъ отъѣхать, не смотря ни на какія затрудненія, но князь-союзникъ обязывается дать ему у себя кормленіе не иначе, какъ по исправѣ, т.-е. по удовлетвореніи всѣхъ возникшихъ изъ отъѣзда законныхъ требованій. Кормленщику предоставляется, такимъ образомъ, на выборъ: или отслужить службу, т.-е. довести до конца начатыя дѣла, отвѣтить на жалобы, если онѣ представлены, и пр., или удовлетворить деньгами понесшихъ убытки отъ его отъѣзда.

Система кормленій, составляющая такое необходимое дополненіе вольной службы, не была отмѣнена даже Иваномъ Грознымъ. Въ его царствованіе она потерпѣла только нѣкоторыя ограниченія въ объемѣ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію кормленщиковъ, въ количествѣ поступавшихъ въ ихъ пользу судебныхъ пошлинъ, а всего болѣе въ учрежденіи излюбленныхъ судей.

Подъ ограниченіемъ объема дѣлъ мы разумѣемъ изъятіе изъ вѣдомства кормленщиковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, губныхъ дѣлъ и предоставленіе ихъ вѣдомству даровыхъ выборныхъ земскихъ органовъ.

Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ въ 1539 г., когда Грозному было всего 9 лѣтъ; онъ совершенъ слѣдовательно, не имъ, а боярскимъ правительствомъ. Въ этомъ году даны были, по челобитью мѣстныхъ жителей, двѣ первыя изъ дошедшихъ до насъ губныхъ грамотъ. Слѣдующія такія грамоты относятся къ 1540 и 1541 году. Примѣръ, данный боярами, нашелъ потомъ подражателя и въ самомъ царѣ.

Но, кромѣ губныхъ дѣлъ, Иванъ Грозный предоставлялъ иногда и весь мѣстный судъ и управленіе выборнымъ органамъ. Древнѣйшая изъ такихъ грамотъ относится къ 1552 г. Дана она жителямъ Важскаго уѣзда, также по ихъ челобитью, въ которомъ они заявляли, что у нихъ въ посадахъ многіе дворы, а въ уѣздѣ многія деревни запустѣли отъ прежнихъ важскихъ намѣстниковъ и ихъ лихихъ людей, отъ татей, разбойниковъ и пр., и что имъ намѣстника и пошлинныхъ людей впредь прокормить немочно, а потому, просили пожаловать ихъ: намѣстника отставить и дозволить имъ для суда и управы выбрать изъ своей среды лучшихъ людей, а за намѣстничій доходъ платить въ казну оброкомъ—1500 р. Царь согласился и пожаловалъ все, о чемъ его просили.

И та и другая мѣра имѣла значеніе исключенія, а не общаго правила и вовсе не была направлена противъ системы кормленій въ принципѣ. Выборные органы управленія возникаютъ только тамъ, гдѣ объ этомъ просятъ мѣстные жители. Но губные органы вовсе не исключаютъ кормленщиковъ, а только берутъ изъ области ихъ вѣдомства нѣкоторыя дѣла; всѣ остальныя по прежнему остаются въ рукахъ намѣстниковъ и волостелей. Посылать-же кормленщиковъ въ такія разоренныя мѣстности, какою оказался Важскій уѣздъ, не соотвѣтствовало цѣли учрежденія кормленій. Если-бы въ

Вагу и былъ посланъ кормленщикъ, онъ, конечно, самъ сталъ бы просить о переводѣ его въ другое мѣсто, гдѣ можно прокормиться, что и дѣйствительно случалось. Наконецъ, четыре года спустя послѣ выдачи важской грамоты, Иванъ Грозный, какъ мы указали уже, вновь устроилъ своихъ воиновъ «праведными кормленіями». Система кормленій имѣла слишкомъ глубокіе корни въ вольной службѣ, чтобы ею можно было такъ легко поступиться *).

Сокращеніе судныхъ доходовъ кормленщиковъ также было сдѣлано въ царствованіе Грознаго, хотя мы и не знаемъ, кому приписать эту мѣру: самому царю или совѣтникамъ первой и лучшей половины его царствованія. Это сокращеніе находимъ въ царскомъ Судебникѣ, по которому наивысшій размѣръ пошлины опредѣленъ въ гривну съ рубля, а прежде онъ доходилъ до стоимости иска, т.-е. судья получалъ съ виноватаго столько-же, сколько истецъ, выигравшій свой искъ.

Система кормленій существуетъ еще и въ XVII вѣкѣ, хотя, конечно, только въ видѣ исключенія. Въ 1645 г. Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ, братъ умершей царицы Евдокіи, пожалованъ былъ въ должность крайчаго съ путемъ и «городъ Гороховецъ ему данъ». Такъ записано въ Дворцовыхъ Разрядахъ (III, 15). Городъ ему данъ, конечно, въ кормленіе. Назначеніе на должность воеводы записывалось въ книгахъ иначе, и Стрѣшневъ въ томъ-же году былъ воеводою, только не въ Гороховцѣ, а во Мценскѣ. Въ 1661 г

*) Въ двухъ дошедшихъ до насъ отъ 1555 г. уставныхъ грамотахъ (А. Э. I, № 242 и 243) объ отмѣнѣ намѣстниковъ и волостелей говорится, какъ объ общемъ правилѣ: «и мы (т. е. царь), жалуючи крестьянство, для тѣхъ великихъ продажъ и убытковъ, намѣстниковъ и волостелей и праветчиковъ отъ городовъ и волостей отставили». Это выраженіе едва-ли слѣдуетъ понимать буквально. Выше были приведены свидѣтельства источниковъ о назначеніи кормленій не только въ 1555, но и въ 1556 г. Указанія на намѣстниковъ и волостелей весьма не рѣдки въ актахъ второй половины XVI в. См. А. Э. I, № 245, 250, 277, 300, 306, 324, 330, т. II. № 53, т. III, № 37. Даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ кормленщики были отмѣнены при Грозномъ, они снова появились въ смутное время. См. А. Э. III, № 126.

кн. Каспулатъ Мурза Черкасскій пожалованъ за службы дѣда, дяди и отца городомъ Терскомъ съ судомъ; а прежде этотъ городъ на тѣхъ-же правахъ послѣдовательно былъ предоставляемъ его дѣду, дядѣ и отцу. Въ 1678 г. пожалованы ему еще таможенныя пошлины за службу противъ турокъ и крымскихъ татаръ (Рум. Собр. № 22 и 114).

Формально въ XVII вѣкѣ кормленщики существуютъ только въ видѣ исключенія, но въ дѣйствительности воеводы XVII вѣка, замѣнившіе старыхъ кормленщиковъ, продолжаютъ по-прежнему питаться отъ должности. Это знаетъ правительство и даже принимаетъ въ соображеніе при назначеніи на должность. Татищевъ разсказываетъ, что царь Алексѣй Михайловичъ, получивъ разъ челобитье о воеводствѣ, приказалъ узнать въ Разрядѣ, есть-ли свободный городъ, въ которомъ можно было-бы нажить пять-сотъ или шесть-сотъ рублей. Разрядъ указалъ Кострому. Царь назначилъ туда просителя воеводой, причемъ далъ ему совѣтъ употребить нажитыя деньги на покупку деревни. Воевода, отслуживъ свой срокъ, донесъ царю, что онъ нажилъ только 400 руб. Государь велѣлъ провѣрить это донесеніе воеводы. По повѣркѣ оказалось, что воевода бралъ только то, что ему добровольно приносили, и ничего не вымогалъ. Царь приказалъ дать ему за это другой, болѣе доходный городъ. Поэтому-то должности воеводъ назывались въ XVII вѣкѣ «корыстовыми».

Выше мы упоминали уже о путныхъ боярахъ. Изъ сказаннаго было видно, что къ путнымъ боярамъ примѣнялись тѣ-же правила, что и къ кормленщикамъ, и что даже терминъ «путные бояре» употреблялся иногда для обозначенія кормленщиковъ вообще. Намъ остается теперь объяснить самое слово «путный» бояринъ.

Слово «путь», отъ котораго произошло прилагательное «путный», существуетъ и въ современномъ языкѣ въ смыслѣ пути-дороги. Путь-дорога, въ противоположность бездорожью, есть удобство, выгода, преимущество, нѣчто хорошее

Отсюда мы и теперь говоримъ: будетъ-ли изъ тебя путь? то-есть прокъ, дѣло. Отсюда путный и безпутный человѣкъ.

То-же значеніе выгоды, преимущества, имѣетъ это слово и въ древнемъ языкѣ. Поэтому кормленіе есть «путь», а кормленщикъ «путный» человѣкъ. Въ грамотѣ бѣлозерскаго князя волоцкому волостелю (кормленщику) читаемъ:

«...... Игуменъ, Екимъ, и вся братья.... билъ ми челомъ о томъ, а сказываетъ, что являлъ имъ староста волоцкой мою грамоту такову, что имъ пріимати къ себѣ въ волость, въ твой путь, на Волочекъ..... монастырскіе половники» и т. д. (А. Э. I, № 48, I. Около 1450).

Путями-же называются всякаго рода сельскохозяйственныя угодья: рыбныя ловли, бортныя ухожаи, бобровые гоны и пр. Воскъ, медъ, рыба, мѣха, лошади составляли главнѣйшее богатство древней Россіи, а разные виды охоты не только любимѣйшее развлеченіе князей, но и очень прибыльную статью хозяйства. Поэтому, князья жаловали свои земли разнымъ дѣловымъ людямъ съ тѣмъ, чтобы они занимались содержаніемъ и разведеніемъ княжескихъ лошадей, пчелъ, собираніемъ меда, варкой воска, ловлей бобровъ и рыбы, содержаніемъ собакъ, необходимыхъ для княжеской охоты, соколовъ для той-же цѣли и пр. Такія хозяйственныя заведенія достигали значительнаго развитія и, какъ прибыльныя, доходныя статьи, тоже назывались путями. Въ источникахъ встрѣчаются: сокольничій путь, къ которому относились сокольники и всѣ приспособленія для соколиной охоты; конюшій путь; ловчій, который одинаково могъ заключать въ себѣ псарей, бобровниковъ и рыбниковъ; рыбники разумѣются еще и подъ терминомъ стольнича пути. Эти пути составляютъ такую-же собственность князя, какъ и его села, а потому въ духовныхъ завѣщаніяхъ они упоминаются рядомъ съ селами. Въ духовной великаго князя Василія Дмитріевича читаемъ:

«А княгинѣ своей даю волости Коломеньские: Пѣсочну, да Брашеву зъ селцемъ зъ Гвоздною и съ Иванемъ, да Устьмерску, да Гжелю и съ путми и зъ селы зъ сво-

ими, что въ тѣхъ волостехъ ни есть». Рум. Собр. I, № 42. 1424.

Въ духовной Юрія Галицкаго:

«А изъ волостей изъ Дмитровскихъ даю сыну своему Василью: Селну, Гуслицю, Вохну, Загарье, Рогожь, Куней, или что будетъ въ тѣхъ волостехъ села или пути, а то все даю сыну своему Василью». Рум. Собр. I, № 51, 1434.

Далѣе, словомъ путь обозначалось въ древности и самое право, тоже какъ преимущество, и тотъ документъ, на которомъ право утверждалось. Въ концѣ крестьянской порядной 1604 года читаемъ:

«А отдали ему съ путики, и съ ловищи, и съ езовищи, и со всѣмъ угодьемъ, куды ходилъ топоръ, и соха, и коса, и что къ тому жеребью изстари потягло. И Сидору на томъ жеребью дворъ поставить, и земля распахать, и огороды огородить, и впустѣ не покинуть тое двѣнадцатые доли обежные. Да въ томъ ему и путь дали. А на то послуси Ильинской Тавренской пономарь, Иванъ, Григорьевъ сынъ, Жаравлевъ. А путь писалъ Ѳедотко Андріевъ Пахтусова. Лѣта 7112 году маія въ 10 день».

«Съ путики»—т. е. съ мѣстами охоты; по свидѣтельству Даля слово путь и теперь означаетъ ловлю, бой звѣрей, а слово «путикъ» охотничьи участки, на которые промышленники дѣлятъ между собой лѣса, чтобы не мѣшать другъ другу. «Путь дали» — дали право; «путь писалъ» — писалъ порядную.

Князья въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ дѣлаютъ, иногда, особыя назначенія въ пользу старшихъ сыновей. Они называютъ такіе отказы отказами «на старѣйшій путь», т. е. это преимущество старшинства, право первенства. Такія-же преимущества «на старѣйшій путь» установляются иногда и договорами. Въ договорѣ великаго князя Семена съ братьями читаемъ:

«А что есмы съ ступилися тобѣ на старѣйшинство: тобѣ полтамги, а молодшимъ двумъ полтамги, да тобѣ сокольничій путь и садовници, да конюший путь..... и ловчий путь тоже. И потомъ на старѣйший путь, кто будетъ старѣйший,

тому полтамги, а молодшимъ двумъ полтамги». Рум. Собр. I. № 23. 1341.

Великій князь Дмитрій Ивановичъ въ завѣщаніи пишетъ:

«А на старишший путь сыну моему, князю Василью, Василцево сто и Добрятиньская борть зъ селомъ Добрятиньскимъ». Рум. Собр. I. № 34. 1389.

Наконецъ, словомъ путь могъ обозначаться и всякій установившійся порядокъ, обычай. Въ спорномъ дѣлѣ Сергіева монастыря съ Куростровцемъ Неумоенымъ старецъ Максимъ утверждалъ, что «та деревня, по старому пути, словетъ Бороздинская». Съ этимъ не соглашались отвѣтчики. Они утверждали, что она «Плешковская и Оншутинская, а не Бороздинская» (Ѳедотовъ-Чеховскій, № 91, 1612—13).

Приведенныя мѣста, разъясняющія значеніе слова «путь», даютъ возможность выяснить и значеніе термина «путный бояринъ». Это во-первыхъ, всякій кормленщикъ; а такъ какъ кормленія давались боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, то путный бояринъ можетъ означать какъ высшіе разряды бояръ, такъ и средніе и даже меньшіе.

Иногда при назначеніи на должность говорилось, что она дается «съ путемъ». Это значитъ, что къ должности приписывалась какая-либо доходная статья въ пользу должностнаго лица. Князь мосальскій, Андрей Ѳедоровичъ, въ 1610 году пожалованъ былъ крайчествомъ съ путемъ, «а въ путь пожаловали его городомъ Гороховцемъ» (Рум. Собр. II, № 218). Въ 1654 году ближній бояринъ, Василій Бутурлинъ, получилъ «дворчество съ путемъ», а въ путь ему назначили половину «всякихъ дворецкаго пути доходовъ»: съ ловецкихъ слободъ, съ кружечныхъ дворовъ, съ судныхъ дѣлъ (Рум. Собр. III. № 174). Такіе крайчіе, дворецкіе и другіе придворные чины тоже могутъ разумѣться подъ терминомъ «путные бояре».

Наконецъ, разныя хозяйственныя учрежденія, называвшіяся путями, предоставлялись вѣдѣнію отдѣльныхъ чиновъ, которые тоже будутъ «путными». Сюда относятся конюшіе, ловчіе, сокольники и пр. Нѣкоторые изъ нихъ, конюшіе, на-

примѣръ, поднялись съ теченіемъ времени до высшихъ ступеней служебной лѣстницы; другіе, какъ ловчіе и сокольники, всегда принадлежали къ среднимъ.

Но пути въ этомъ особомъ, хозяйственномъ смыслѣ не всегда состояли въ вѣдомствѣ спеціальныхъ чиновниковъ, а вѣдались иногда и мѣстными кормленщиками, намѣстниками и волостелями. Въ жалованной грамотѣ переяславскимъ сокольникамъ читаемъ:

«Се язъ, князь великій Василій Ивановичъ, пожаловалъ есми своихъ сокольниковъ переяславскихъ, сокольнича пути.... Намѣстницы мои переяславскіе..... не входятъ къ нимъ ни по что.... А кому будетъ на нихъ чего искати, ино ихъ сужу язъ, князь великій, или мой сокольничей»..... (А. Э. I. № 167, 1507).

Или въ жалованной грамотѣ сокольникамъ Вологодскаго уѣзда читаемъ:

«А случится душегубство, или разбой съ поличнымъ, ино судитъ ихъ волостель Авнежскіе волости».... (А. И. I. № 295, 1540).

Такимъ образомъ, будетъ неправильно пріурочивать путныхъ бояръ исключительно къ вѣдомству путей въ смыслѣ хозяйственныхъ княжескихъ заведеній. Это всякіе кормленщики, служебное положеніе которыхъ весьма различно; есть между ними и высшіе, и средніе, и меньшіе.

Кормленія въ системѣ вольной службы имѣли значеніе награды за службу и служили средствомъ привлеченія къ ней. Съ той-же цѣлью князья раздавали служилымъ людямъ и свои земли. Но этотъ способъ награды и приманки къ службѣ развивается уже въ позднѣйшее время. Въ завѣщаніи Ивана Даниловича Калиты, упоминается только одинъ вольный слуга, пожалованный его землею, Бориско Ворковъ, которому онъ далъ свою куплю въ Ростовѣ, село Богородское. Если-бы были другія лица, пожалованныя Калитою землями, онъ не забылъ-бы упомянуть о нихъ въ своемъ завѣщаніи. Дѣлались-ли такія пожалованія въ до-московское время, объ этомъ ничего нельзя сказать опредѣленнаго по недостаточно-

сти источниковъ. Нѣтъ основаній совершенно отвергать этотъ способъ награды служилыхъ людей въ до-московское время; но и нельзя думать, чтобы онъ могъ получить тогда сколько нибудь значительное развитіе. Въ Москвѣ развивается онъ только съ успѣхами объединительной политики, когда частная собственность московскихъ князей замѣтно возрастаетъ. Первое общее упоминаніе о боярахъ и дѣтяхъ боярскихъ, награжденныхъ княжескими селами, находимъ въ завѣщаніи великаго князя Василія Васильевича.

«А кому буду давалъ, говоритъ онъ, своимъ княземъ и бояромъ и детемъ боярскимъ свои села въ жалованье, или хотя и въ куплю кому далъ, ино тѣ мои села моимъ дѣтемъ, во чьемъ удѣле будетъ, ино тому то и есть».

Но только при сынѣ его, Иванѣ Васильевичѣ, награжденіе служилыхъ людей землями получаетъ значеніе системы, къ осуществленію которой въ обширныхъ размѣрахъ правительство начинаетъ стремиться сознательно. По покореніи Новгорода, великій князь, Иванъ Васильевичъ, требуетъ, чтобы ему дали волости и села,

«Понеже намъ, великимъ княземъ, государство свое держати на своей отчинѣ, Великомъ Новѣгородѣ, безъ того нелзѣ».

То есть, нельзя господствовать въ Новгородѣ, если не будетъ тамъ селъ для раздачи служилымъ людямъ. Въ это время было произведено, по государеву указу, помѣщеніе на вновь пріобрѣтенныхъ земляхъ даже такихъ служилыхъ людей, которые состояли въ боярскихъ дворахъ и ничего своего не имѣли (Кар. VI, пр. 201). Этотъ фактъ помѣщенія на землю ничего не имѣвшихъ служилыхъ людей и далъ, надо думать, наименованіе особой формѣ служилаго владѣнія,—помѣстью.

На какомъ правѣ дѣлались эти пожалованія? Права эти были не одинаковы; съ теченіемъ времени они измѣнялись. Первоначально пожалованіе дается условно, т.-е. даръ остается за пожалованнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ служить князю, отъ котораго получилъ пожалованіе, или тому изъ его наслѣдниковъ, котораго князь укажетъ.

Это условіе прямо обозначается въ древнѣйшихъ извѣ-

стіяхъ о пожалованіяхъ. Оно и совершенно понятно. Не могли-же князья раздавать земли безусловно при существованіи права отъѣзда.

Въ завѣщаніи Калиты это условіе выражено въ слѣдующей формѣ:

«А что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородичское, а далъ есмь Бориску Воръкову, а же иметь сыну моему которому служити, село будетъ за нимъ; не иметь-ли служити дѣтемъ моимъ, село отоимуть».

Но по мѣрѣ того, какъ отъѣздъ выходитъ изъ употребленія, начинаютъ встрѣчаться пожалованія въ помѣстья безъ оговорки постоянной службы, потому, конечно, что постоянство службы само собой предполагается, и пожалованія въ вотчину съ предоставленіемъ права распоряженія. Такія пожалованія въ вотчину, кажется, не старѣе XVI вѣка; они, однако, далеко не вытѣснили пожалованій въ помѣстье *).

Вотъ жалованная грамота на вотчину:

«Мы, великій государь Василей, Божіею милостію государь всей Русіи и великій князь Владимерскій, и Московскій, и Новогородскій, и Псковскій, и Смоленскій, и Тверской, и Пермскій, и Югорскій, и Вятскій, и Болгорскій, и иныхъ, пожаловалъ есми Василья, Тимоѳеева сына, Олексѣева да сына его, Ортема, въ Переславскомъ уѣздѣ, въ Мишутинѣ стану, своими великого князя деревнями черными, деревнею Самойловымъ на рѣкѣ на Куньемѣ, деревнею Василковымъ на Ма-

---

*) Неволинъ (IV, 172) думаетъ, что пожалованія въ вотчину дѣлаются уже съ XIV вѣка. Это едва-ли. Въ доказательство онъ приводитъ пожалованіе Родіону Несторовичу половины Волока Ламскаго «въ вотчину» и нѣсколько случаевъ изъ княжескихъ договоровъ о пожалованіяхъ князей Рюриковичей. Назначеніе Несторовичу части Волока есть, конечно, пожалованіе въ кормленіе, а не въ собственность; слово «въ вотчину» означаетъ здѣсь наслѣдственное кормленіе, какъ и въ вышеприведенномъ случаѣ съ княземъ Ѳедоромъ Бѣльскимъ. Назначеніе-же вотчинъ князьямъ Рюриковичамъ не составляетъ доказательства, такъ какъ вытекаетъ изъ особенныхъ отношеній владѣтельныхъ князей. Княжескія вотчины принадлежали князьямъ на особомъ, а не на общемъ вотчинномъ правѣ. Въ случаѣ отъѣзда, князья теряли свои вотчины; были установлены и другія различія въ правѣ распоряженія и наслѣдованія.

лой на Куньемѣ, деревнею Петроковымъ вверхъ Куньева со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тѣмъ деревнямъ потягло. А пожаловалъ есми Василья и сына его, Ортемья, тѣми деревнями въ вотчину и съ судомъ, опричь душегубства и разбою съ поличнымъ, впрокъ ему и его дѣтямъ. Писано лѣта 7024 апрѣля въ 15 день» (печать красная). А. Э. I, № 162, 1516).

Въ другихъ жалованныхъ грамотахъ на вотчину выраженіе «въ прокъ» пояснено такъ:

«Воленъ (такой-то) то село и деревни кому дати, и продати, и промѣнити, и въ закупъ дати, и по душѣ дати» (А. Э. I, № 160, 1515).

Въ этомъ полномъ правѣ распоряженія, предоставляемомъ вотчиннику, и заключается существенное различіе пожалованія въ вотчину отъ пожалованія въ помѣстье. Что же касается льготъ, предоставляемыхъ помѣстнымъ владѣльцамъ, то онѣ совпадали со льготами, жалуемыми вотчинникамъ. Условные владѣльцы имѣютъ одинаковое съ вотчинниками право суда и льготы отъ повинностей; сами они судятся передъ великимъ княземъ или близкимъ ему человѣкомъ.

Вотъ одна изъ древнѣйшихъ до насъ дошедшихъ грамотъ на помѣстье. Она сохранилась въ мѣстническомъ дѣлѣ Зюзина съ Нагимъ:

«Се язъ, князь великій Иванъ Васильевичъ всея Русіи пожаловалъ есми Микитку да Юрку Шенуриныхъ да сына Микиткина, Осташа, въ Галичѣ, въ Едоскомъ стану, своею великаго князя деревнею Шенуринскою со всѣмъ съ тѣмъ, что къ ней изъ старины потягло. А пожаловалъ есми Микитку да Юрку Шенуриныхъ и сына Микиткина, Осташа, тою деревнею доколѣ служитъ Микитка да Юрка и Микиткинъ сынъ мнѣ и моимъ дѣтямъ. И кто у нихъ въ той деревнѣ учнетъ жити людей, и намѣсницы мои галицкіе и ихъ тіуны ихъ людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоя и татьбы съ поличнымъ, и кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ, не всылаютъ къ нимъ ни почто; а праветчики и доводчики поборовъ своихъ не берутъ, ни въѣзжаютъ къ нимъ ни почто. А вѣдаютъ и судятъ Микитка и Юрка и Микиткинъ сынъ тѣхъ людей своихъ сами, или кому прикажутъ. А случится судъ смѣсной тѣмъ ихъ людемъ згородскими людьми или становыми, и намѣсницы

мои галицкіе и ихъ тіуны тѣхъ ихъ людей судятъ, а Микитка или Юрка или Микиткинъ сынъ или ихъ приказщикъ съ ними судятъ, а присудомъ дѣлятся на полы. А кому будетъ чего искати на Микиткѣ или на Юркѣ и на Микиткинѣ сынѣ, или на ихъ приказщикѣ, ино ихъ сужу язъ самъ, князь великій, или мой бояринъ введеной. А дана грамота лѣта девять-десять шестого (1488) марта». Рус. Ист. Сбор. V. 15.

По этому-же образцу пишутся грамоты и въ XVI вѣкѣ, но въ нихъ не встрѣчается условіе «доколѣ служитъ.... мнѣ и моихъ дѣтямъ». Оно, конечно, само собой разумѣется. Въ XVI вѣкѣ выработалось и особое слово для обозначенія такихъ пожалованій. Въ противоположность пожалованію въ вотчину такое пожалованіе безъ права распоряженія называется пожалованіемъ въ «помѣстье». Этотъ терминъ употребленъ, напримѣръ, въ жалованной грамотѣ Борису Захарьичу Бороздину и Гришѣ Иванову Жедринскому. Но есть пожалованія, въ которыхъ жалуемое не называется ни вотчиной, ни помѣстьемъ. Таково, напримѣръ, пожалованіе Курбаткѣ Третьякову и Лукинымъ. Въ этихъ случаяхъ надо уже изъ общаго содержанія грамоты дѣлать заключеніе о свойствахъ пожалованія (А. Э. I. № 141, 163; А. до Ю. Б. № 44, I; Ѳед.-Чехов. № 49; 1505—1546).

Нуждается въ объясненіи одно выраженіе духовной Василія Васильевича, въ которой читаемъ:

«А кому буду давалъ своимъ княземъ и бояромъ и дѣтямъ боярскимъ свои села въ жалованье или хотя и въ куплю кому далъ, ино тѣ мои села моимъ дѣтемъ, въ чьемъ удѣлѣ будутъ, ино то тому и есть».

Не только то, что великій князь пожаловалъ, но и то, что онъ продалъ, — отдается дѣтямъ его. Что-же это значитъ? Села отдаются дѣтямъ великаго князя въ государственномъ, а не въ частно-гражданскомъ смыслѣ. Эти пожалованія и купли входятъ въ составъ удѣловъ, въ границахъ которыхъ находятся, и, слѣдовательно, мѣстному князю принадлежитъ въ нихъ судъ и дань въ предѣлахъ, само-собою разумѣется, жалованныхъ грамотъ.

Великій князь Иванъ Васильевичъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ лучшій истолкователь мыслей своего отца. Въ его-же духовной читаемъ:

«А что есми давалъ свои села бояромъ своимъ и княземъ и дѣтямъ боярскимъ и грамоты свои жалованныя имъ подавалъ на тѣ села прочно имъ и ихъ дѣтямъ, или кому буду въ куплю далъ свои грамоты; и въ тѣ села сынъ мой Василій и мои дѣти не вступаются».

Признаніе принципа неприкосновенности условнаго владѣнія (пока соблюдается условіе) точно такъ-же не подлежитъ сомнѣнію, какъ и неприкосновенность владѣнія вотчинами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Дворовые чины.

Кромѣ разобранныхъ уже терминовъ, которыми обозначались разные классы населенія древней Россіи, въ нашихъ источникахъ встрѣчается еще масса наименованій различныхъ чиновъ княжескаго, а позднѣе царскаго двора. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ отроками, дѣтскими, тіунами, конюхами и конюшими, ловчими, дворянами, стряпчими, дворецкими, стольниками, чашниками, спальниками, окольничими, боярами введеными и пр.

При всемъ разнообразіи въ положеніи этихъ лицъ, всѣ они составляютъ одинъ классъ придворныхъ слугъ.

Нашей древности было совершенно чуждо принципіальное различіе органовъ государственнаго управленія отъ органовъ управленія частными дѣлами князя. Кто входилъ въ составъ княжескаго двора, тотъ поэтому уже самому считал-

ся годнымъ и для отправленія публичныхъ функцій. Назначенные къ публичнымъ должностямъ, чины двора удерживали за собой тѣ наименованія, которыя принадлежали имъ въ частномъ хозяйствѣ князя.

Дворъ князя, мѣсто его постояннаго жительства и центръ всѣхъ хозяйственныхъ операцій, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и древнѣйшимъ присутственнымъ мѣстомъ, мѣстомъ суда и управленія.

Въ старѣйшей редакціи Русской Правды читаемъ:

«Аще оубьють татя на своемъ дворѣ, любо оу клѣти, или оу хлѣва, то той оубитъ; аще ли до свѣта держать, то вести его на княжь дворъ.....» Ак. 38.

Какъ хозяйственный дворъ князя былъ присутственнымъ мѣстомъ, такъ и органы управленія княжескимъ хозяйствомъ были судьями и администраторами. Таковы въ древнѣйшее время княжескіе тіуны, отроки его и дѣтскіе.

Что тіунъ есть домашній слуга, ключникъ, въ этомъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія Русская Правда (Тр. 104). Тіунъ завѣдуетъ хозяйствомъ своего господина; онъ довѣренное лицо, которому поручаются ключи дома.

Въ большихъ хозяйствахъ такихъ тіуновъ могло быть нѣсколько. Русская Правда, перечисляя княжескихъ слугъ, упоминаетъ тивуна огнищнаго, тивуна конюшаго (Тр. 10) и сельскаго или ратайнаго (Тр. 11). Тивунъ сельскій или ратайный завѣдывалъ земледѣльческимъ хозяйствомъ, конюшій—конюшеннымъ, огнищный, надо думать, домовымъ княжескимъ, а потому онъ и названъ впереди другихъ. Огнище означаетъ очагъ; слово это могло употребляться для обозначенія цѣлаго дома, подобно тому, какъ слово «дымъ» употреблялось для обозначенія цѣлаго двора: «Съдумавше поляне и даша отъ дыма мечь» Козарамъ, т. е. отъ каждаго двора *).

*) Лавр. 7. Другое толкованіе «тивуна огнищнаго», состоящее въ томъ, что выраженіе это означаетъ «судью огнищанъ» (Карамзинъ, II пр.

Этимъ тіунамъ-ключникамъ поручалось производить и судъ вмѣсто князя. Свидѣтельство источниковъ о тіунахъ-судьяхъ кіевскаго князя Всеволода приведено выше, на стр. 120.

Въ томъ-же смыслѣ, что тіунамъ поручался судъ, надо понимать и слѣдующее мѣсто Лаврентьевской лѣтописи, относящееся къ послѣднимъ годамъ княженія въ Кіевѣ князя Всеволода Ярославича:

«И людемъ не доходити княже правды, начаша тіуни грабити, людій продавати, сему не ведущю въ болѣзняхъ своихъ». 1093.

«Князь Конъстянтинъ Полотскій въспроси владыки Симеона Тферьскаго, гдѣ быти тіуномъ нашимъ на ономъ свѣтѣ? И рече владыка: гдѣ и князь. Князь же о томъ не полюби на владыку, глаголя: тіунъ неправо судитъ, мъзду емлетъ, зло дѣетъ; язъ что дѣю? И рече ему владыка: аще будетъ князь добръ, и жалуетъ люди, и того ради избираетъ властеля мужа добра, страха Божія полна, разумна и праведна, князь будетъ въ раи и тіунъ его съ нимъ. Аще же будетъ князь безъ страха Божіа и христіанъ не иматъ жаловати, и онъ поставляетъ властелина зла, невѣдуща, толико бы ему кунъ добывалъ ..... и князь будетъ въ адѣ, а тіунъ его съ нимъ». Карамзинъ, IV, прим. 178.

Тіуны, которымъ поручался судъ, переставали, конечно, завѣдывать княжескимъ хозяйствомъ. Получая доходъ отъ суда, они становились достаточными людьми и пріобрѣтали собственные дворы, въ которыхъ и жили (см. выше, стр. 120).

Наконецъ, приведемъ свидѣтельство изъ конца XIII вѣка.

Термины «дѣтскіе» и «отроки» обозначаютъ обыкновенную домашнюю прислугу, состоящую у стола и гардероба, и сопровождающую своего господина во время его выѣздовъ. Въ то время какъ одни лѣтописи говорятъ о дѣтскихъ, дру-

27, словари Академич. и Даля), не можетъ быть принято потому, во-1-хъ, что то мѣсто Правды, въ которомъ находится это выраженіе, перечисляетъ не судей, а слугъ княжескаго двора: отроковъ, конюховъ, поваровъ и ключниковъ; во-2-хъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія допустить, что для огнищанъ существовалъ особый судья, который судитъ только ихъ.

гія, въ томъ-же случаѣ, упоминаютъ отроковъ. По Лаврентьевской лѣтописи князя Василько встрѣчаетъ «его дѣтьскыи», по Воскресенской его встрѣчаетъ «отрокъ», по нѣкоторымъ-же другимъ спискамъ «дѣтьскый отрокъ» (1096)

Этимъ мелкимъ слугамъ, дѣтскимъ и отрокамъ, такъ-же какъ и тіунамъ, князья предоставляютъ нѣкоторую роль и въ отправленіи правосудія.

Русская Правда говоритъ, что въ случаѣ споровъ о наслѣдствѣ князья посылаютъ дѣтскихъ дѣлить спорщиковъ (Тр. 100). При испытаніи желѣзомъ дѣтскіе такъ-же принимаютъ участіе и получаютъ за это полъ-гривны (Тр. 82). Отроки участвуютъ въ дѣлахъ по обвиненію въ убійствѣ, съ которыхъ тоже получаютъ доходъ (Тр. 16).

Но старинный дворъ князя состоялъ не изъ однихъ только тіуновъ, дѣтскихъ, конюховъ, необходимыхъ для ежедневной службы по хозяйству и дому. Князь нуждался въ воинахъ, которые находились-бы у него постоянно подъ рукой Нѣкоторое количество такихъ воиновъ, то большее, то меньшее, смотря по средствамъ князя, всегда жило въ его дворѣ. Эти дворовые воины назывались по возрасту—отроками, по оружію—гридями и мечниками. Войско, выступившее съ Борисомъ Владиміровичемъ противъ печенѣговъ, наканунѣ смерти отца его, великаго князя кіевскаго, Владиміра Ярославича, состояло изъ «воевъ», дружины отца Бориса и собственныхъ его отроковъ (Лавр. 1015). Число такихъ отроковъ-воиновъ достигало у нѣкоторыхъ князей до нѣсколькихъ сотъ. Святополкъ-Михаилъ Кіевскій, собираясь противъ половцевъ, говоритъ: «имѣю отрокъ своихъ 800 (вар. 500), иже могуть противу имъ стати» (Лавр. 1093).

Гриди (гридь и гридинъ) и мечники—это два разныя наименованія того-же рода лицъ, воиновъ, жившихъ во дворѣ князя и на его содержаніи. Для помѣщенія гридей во дворѣ князя устраивалась особая комната, на кото-

рую и перешло наименованіе ея обитателей: гридня, гридница *).

Наша древность не знала спеціализаціи должностей. Какъ тіунамъ и дѣтскимъ приказывался судъ, такъ точно встрѣчаемъ на судѣ и мечниковъ. Мечникъ присутствовалъ вмѣстѣ съ дѣтскимъ при испытаніи желѣзомъ и получалъ за это 5 кунъ (Тр. 82). Мечникъ, конечно, могъ быть употребленъ княземъ и во всякое другое дѣло. Въ 1147 году Андрей Боголюбскій послалъ къ Ростиславичамъ посломъ мечника своего, Михна **).

---

*) Карамзинъ производитъ слово гридь отъ шведскаго gred — мечъ (T. I, прим. 476). Это производство представляется намъ наиболѣе удачнымъ. Гридьнъ будетъ то-же, что мечникъ, то-есть, воинъ по ремеслу. Подстановка этого понятія во всѣ мѣста, гдѣ употреблено въ лѣтописи слово гридь, даетъ совершенно удовлетворительный смыслъ. Въ начальной лѣтописи читаемъ:

«Ярославу же сущю Новѣгородѣ и урокомъ дающю Кыеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до года, а тысячю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху».... 1014.

Это гриди-мечники, наемные воины, получающіе плату за службу.

Въ новогородской лѣтописи по синодальному харатейному списку читаемъ:

1166. «Въ тоже лѣто.... приде Ростиславъ.... и позва Новгородьце на порядъ: огнищане, гридь, купьце вячшее»....

1195. «Томь же лѣтѣ позва Всѣволодъ Новгородьце на Чьрниговъ, на Ярослава.... И Новгородьци не отпрѣшася ему, идоша съ княземь Ярославъмъ огнищане и гридьба и купци»....

Въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ о нѣкоторомъ опредѣленномъ разрядѣ лицъ, занимающихъ постоянно одно и то-же мѣсто между огнищанами и купцами. Пониманіе подъ гридью и гридьбой воиновъ, сдѣлавшихъ себѣ ремесло изъ военнаго дѣла, и здѣсь даетъ совершенно удовлетворительный смыслъ.

**) Проф. Мрочекъ-Дроздовскій (Чтенія 1886. I. 86 сл.) не находитъ возможнымъ видѣть въ мечникѣ воина. «Мечникъ, говоритъ онъ, служилъ князю правителю (судьѣ), а меченоша князю воину, вождю дружины.... Мечникъ былъ не меченосецъ, какъ то думаетъ Эверсъ, а мечедержатель князя, какъ судьи». Конечно, князь былъ и судья, и воинъ, и хозяинъ своего собственнаго имущества. Но чтобы разныя стороны его дѣятельности олицетворялись въ особыхъ органахъ, этого у насъ не было не только въ XI, но даже въ XVII вѣкѣ. Мечникъ, какъ воинъ вооруженный мечемъ, легко переходитъ въ палача: «ускори послати виновнаго къ мечнику». Прол. Апр. 30. Академ. Слов.

Этотъ древнѣйшій княжескій дворъ, при маломъ развитіи поземельной собственности у князей до-московскаго времени, не могъ быть очень многолюднымъ и блестящимъ. Въ составъ его входило немного чиновъ и нѣтъ основанія думать, чтобы чины собственно придворные были въ древности очень многолюдны.

Обстановка двора Владиміра Мономаха поражаетъ своей простотой. Въ составѣ своего придворнаго штата онъ упоминаетъ только тіуновъ, отроковъ, ловчихъ и конюховъ. Обязанности этого немногочисленнаго штата были такъ не многосложны, что князь могъ до всего доходить самъ. Владиміръ Мономахъ совѣтуетъ дѣтямъ своимъ не полагаться на тіуновъ и отроковъ, чтобы приходящіе къ нимъ не посмѣялись дому и обѣду ихъ. О себѣ-же утверждаетъ, что весь ловчій нарядъ онъ самъ велъ, а также конюшій, соколиный и ястребиный (Лавр. 1096).

Общественное положеніе многихъ древнѣйшихъ чиновъ двора было не изъ высокихъ. Тіуны только при наличности особой оговорки сохраняли свою свободу, въ противномъ случаѣ, по общему правилу, они становились холопами. Могли быть не свободные и въ составѣ отроковъ, конюховъ, ловчихъ.

Дворъ, описанный Владиміромъ Мономахомъ, не составлялъ преимущества княжеской власти; онъ былъ у каждаго состоятельнаго человѣка. Русская Правда говоритъ о боярскихъ тіунахъ (Тр. 1 и 59), объ отрокахъ посадниковъ, вирниковъ, мостниковъ (Тр. 7, 91, 108; см. сказанное выше о дворахъ бояръ, стр. 302 и сл.).

По мѣрѣ развитія княжеской власти и особенно увеличенія земельныхъ имуществъ князей московскаго дома составъ княжескаго двора измѣняется. Среди придворныхъ чиновъ все въ большей и большей мѣрѣ начинаютъ встрѣчаться дѣти боярскія и бояре. Въ XVI и главнымъ образомъ въ XVII вѣкѣ всѣ лучшіе люди московскаго государства добиваются уже чести поступить въ придворный штатъ московскихъ государей въ качествѣ ихъ спальниковъ, стольниковъ, чашни-

ковъ, крайчихъ и т. д. Люди лучшихъ фамилій стоятъ у крюка въ комнатѣ московскихъ государей и сопровождаютъ ихъ выѣзды въ качествѣ возницъ и ухабничихъ. Съ уничтоженіемъ системы кормленій и съ установленіемъ обязательной службы всѣ высшіе чины московскаго государства непремѣнно проходятъ чрезъ придворныя должности. Дворъ московскихъ государей XVII вѣка представляетъ блестящую картину бояръ введенныхъ, окольничихъ, стольниковъ, стряпчихъ и иныхъ чиновъ, которые ежедневно собираются въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ на крыльцѣ московскаго дворца и въ его передней. Только не многіе изъ нихъ, такъ называемые «ближніе люди», допускаются въ «комнату великаго государя». Придворная служба привлекла къ себѣ все высшее населеніе московскаго государства.

Несмотря на этотъ пышный расцвѣтъ придворной службы, въ актахъ московскаго времени еще видны слѣды скромнаго двора старыхъ кіевскихъ князей.

Въ грамотѣ царя Бориса отъ 1601 года находимъ слѣдующее перечисленіе дворовыхъ чиновъ, весьма напоминающее вышеприведенное перечисленіе Владиміра Монамаха:

«Большаго Дворца дворовые люди всѣхъ чиновъ: ключники, стряпчіе, сытники, подключники; конюшеннаго приказу прикащики, конюхи, стремянные, стряпчіе; ловчаго пути охотники и конные псари; сокольничья пути кречетники, сокольники, ястребники, трубники и сурначей» (А. И. II, № 20).

Въ запискѣ о царскомъ дворѣ начала XVII вѣка читаемъ:

«На дворцѣ церковь Преображенья, служитъ протопопъ. Весь дворецъ: ключники, и стряпчіе, и сытники, и приспѣшники, и повары тутъ приходятъ и рано для ихъ служба живетъ, чтобы отправясь шли всякъ на свой приспѣхъ къ царскому столу готовить» (А. И. II, № 355).

Это дворъ въ тѣсномъ смыслѣ традиціоннаго двора старыхъ князей, а не въ широкомъ смыслѣ новаго двора московскихъ государей, въ составъ котораго давно уже поступили и дѣти боярскія и бояре. Еще въ XV вѣкѣ дворъ мо-

сковскихъ князей былъ уже полонъ княжатъ и дѣтей боярскихъ, которые составляли особое ихъ дворовое войско, въ родѣ отроковъ Святополка—Михаила Кіевскаго. Въ Воскресской лѣтописи подъ 1449 годомъ читаемъ:

«Тое же весны князь Дмитрій Шемяка, преступивъ крестное цѣлованіе и проклятые на себе грамоты, поиде къ Костромѣ съ многою силою, а приде на Великъ день и много бився подъ градомъ, но не успѣша ничтоже; понеже бо застава въ немъ бѣ, князь Иванъ Васильевичъ Стрига да Федоръ Басенокъ, и съ нимъ многіе дѣти боярскіе, дворъ великого князя».

Или подъ 1469 годомъ.

«Тое же весны, по Велицѣ дни на другой недѣлѣ, послалъ князь велики на Казанскіе мѣста рать въ судѣхъ, воевода Костантинъ Александровичъ Беззубцевъ, а съ нимъ многіе дѣти боярскіе, дворъ свой, тако-же и отъ всеа земли своей дѣти боярскіе, изъ всѣхъ уѣздовъ своихъ и изъ всѣхъ отчинъ братіи своеа потому-же».

Въ послѣднемъ извѣстіи дворовымъ дѣтямъ боярскимъ противополагаются городовые, какъ не принадлежашіе къ составу двора.

Въ разрядахъ 1578 года находимъ терминъ «дворовыхъ бояръ». Въ спискѣ назначенія служилыхъ людей въ литовскій походъ, между прочимъ, читаемъ:

«Изъ двора бояре: кн. Ѳедоръ Михайловичъ Трубецкой, кн. Василій Ѳедоровичъ Скопинъ-Шуйскій, Дмитрій Ивановичъ Годуновъ» (Вибл. XIV, 349).

Древнѣйшія и весьма скудныя свѣдѣнія о чинахъ двора находимъ въ лѣтописяхъ и грамотахъ разнаго рода, позднѣйшія и болѣе подробныя въ разрядныхъ и боярскихъ книгахъ.

Изъ боярскихъ книгъ, содержащихъ важнѣйшій матеріалъ по вопросамъ о времени возникновенія разныхъ чиновъ, взаимнаго ихъ отношенія съ точки зрѣнія служебной чести, жалованья и пр.,—дошло до насъ очень немного. Подлинныя книги мы имѣемъ только отъ XVII вѣка, да и этихъ сохранилось всего девять вмѣсто ста, и эти девять книгъ не изданы и не описаны. Для XVI и XV вѣка (съ 1462 года)

мы имѣемъ только напечатанное Новиковымъ (XX) извлеченіе изъ своднаго списка «старинныхъ бояръ и дворецкихъ, окольничихъ и нѣкоторыхъ другихъ придворныхъ чиновъ», принадлежавшаго М. П. Шереметевой. Этотъ списокъ продолжается до 1676 г. Несмотря на всю его важность, онъ не полонъ и возбуждаетъ не мало вопросовъ, на которые не всегда можно отвѣчать даже догадками.

Въ теченіи первыхъ 32-хъ лѣтъ (съ 1462 по 1494 годъ) списокъ этотъ перечисляетъ только бояръ введеныхъ, дворецкихъ да окольничихъ и не упоминаетъ о другихъ чинахъ. Можно-ли думать, что въ это время при московскомъ дворѣ не было иныхъ чиновъ, напримѣръ, постельничаго, ловчихъ, крайчихъ, сокольниковъ, стольниковъ и пр.? Конечно, нѣтъ. Новиковское извлеченіе только два раза упоминаетъ о стольникахъ (подъ 1653 и 1669 годомъ) и то случайно (говоря о назначеніи ясельничаго и царицына дворецкаго, въ каковыя должности были пожалованы стольники), о стряпчихъ-же вовсе не упоминаетъ, за исключеніемъ стряпчаго съ ключомъ. А между тѣмъ въ подлинныхъ боярскихъ книгахъ, съ 1627 года начиная, цѣлыя страницы исписаны назначеніями въ стольники и стряпчіе. Ясно, что изъ подлинныхъ книгъ не все перешло въ шереметевскую сводную книгу. Но почему одно перешло, а другое нѣтъ? Это, конечно, зависѣло отъ цѣлей, которыя преслѣдовалъ составитель сводной книги, а эти цѣли намъ неизвѣстны. Можно думать, что его интересовали только важнѣйшія должности.

Но начавъ съ важнѣйшихъ, бояръ, окольничихъ и дворецкихъ, онъ потомъ присоединяетъ къ нимъ и менѣе важныхъ. Съ 1495 года въ его спискѣ появляются: казначей, постельничій и ясельничій; съ 1509—ловчій; съ 1511—оружничій; съ 1514—крайчій; съ 1550—сокольничій; съ 1572—дворяне думные; съ 1646—стряпчіе съ ключомъ; съ 1655—думные дьяки; съ 1667—печатникъ. Этимъ и исчерпывается кругозоръ его: стольники, стряпчіе, дворяне и иные болѣе мелкіе чины вовсе не вошли въ его сводную книгу.

Изъ того, что составитель Шереметевской сводной книги

начинаетъ вести списокъ бояръ введеныхъ, казначеевъ, постельничихъ и иныхъ чиновъ съ такого-то, а не съ иного года, вовсе еще не слѣдуетъ, что эти должности возникли въ томъ году, подъ которымъ онѣ впервые у него упомянуты. Изъ подлинныхъ боярскихъ книгъ видно, что стряпчіе съ ключомъ и думные дьяки упоминаются уже въ 1627 году, а въ дѣйствительности, конечно, появились гораздо раньше, у него-же они впервые упомянуты подъ 1646 и 1655 годами. Почему составитель своднаго списка такъ запаздываетъ и чѣмъ, вообще, опредѣляется онъ въ выборѣ года, съ котораго начинаетъ вести списокъ лицъ, занимавшихъ извѣстную должность? На эти вопросы у насъ нѣтъ отвѣта. Мы даже не знаемъ въ одинъ разъ составлена Шереметевская сводная книга, или это трудъ разновременный, въ которомъ принимали участіе многія лица.

Каждый придворный чинъ имѣлъ свою опредѣленную честь, которая выражалась въ мѣстѣ, занимаемомъ имъ на лѣстницѣ придворныхъ чиновъ. Эта честь не была, однако, постоянной. Съ теченіемъ времени она измѣнялась. Примѣръ этому представляетъ возвышеніе чести конюшихъ-бояръ и дворецкихъ-бояръ. Подобныя-же измѣненія могли происходить и въ мѣрѣ чести низшихъ чиновъ. Но, по бѣдности дошедшаго до насъ матеріала, они ускользаютъ отъ нашего вниманія.

Переходимъ къ обозрѣнію отдѣльныхъ чиновъ двора. Мы будемъ вести перечень чиновъ въ той послѣдовательности, которая постоянно наблюдается въ Шереметевской сводной книгѣ *); послѣдовательность чиновъ, не внесенныхъ въ эту

*) Не можемъ, однако, не указать на то обстоятельство, что порядокъ Шереметевской книги не совершенно совпадаетъ съ порядкомъ подлинныхъ боярскихъ книгъ. Мы отдаемъ предпочтеніе сводной книгѣ передъ подлинниками потому, что не имѣемъ основанія думать, чтобы составитель свода измѣнилъ порядокъ оригиналовъ, или чтобы издатель, Новиковъ, отступилъ отъ порядка рукописи. Что-же касается подлинниковъ, то они черновые, а потому и не слѣдуютъ одному опредѣленному порядку. Въ книгѣ на 7135 годъ думные дворяне поставлены выше край-

книгу, опредѣлимъ согласно подлиннымъ боярскимъ книгамъ XVII вѣка, разряднымъ книгамъ и другимъ памятникамъ, содержащимъ указаніе на этотъ предметъ.

I. Бояре введеные.

Терминъ «бояринъ введеный» встрѣчается въ жалованныхъ грамотахъ на разныя льготы и, между прочимъ, на освожденіе отъ суда мѣстныхъ органовъ. Такимъ пожалованнымъ предоставляется, обыкновенно, право судиться предъ самимъ княземъ или бояриномъ его введенымъ:

«А кому будетъ чего искати на Марьи (Копниной, получившей жалованную грамоту), или на ее сынѣ, Ѳедорѣ, или на ихъ приказницѣ, ино ихъ сужу язъ самъ, князь великій, или мой бояринъ введеный». А. Э. I. № 44. 1449.

Дошедшія до насъ грамоты этого рода не восходятъ далѣе половины XV вѣка *). Но это, конечно, не значитъ, что введеные бояре возникли только въ это время. Объ нихъ упоминается въ грамотахъ, какъ объ учрежденіи, существующемъ уже и общеизвѣстномъ. Жалованная грамота великаго князя Василія Васильевича Ивану Петелину (А. Э. II, № 46), тоже упоминающая о введеномъ бояринѣ, есть только повтореніе грамотъ его отца, дѣда и прадѣда. Это даетъ достаточное основаніе думать, что бояре введеные были уже у первыхъ московскимъ князей, въ началѣ XIV вѣка.

Но мы и на этомъ не считаемъ возможнымъ остановиться

чаго, въ книгѣ на 7137 годъ—ниже крайчаго, а въ книгѣ на 7176 годъ они поставлены даже ниже постельниковъ. Въ Шереметевской книгѣ крайчій всегда слѣдуетъ за окольничими (если нѣтъ дворецкаго), и это мѣсто его, какъ увидимъ, подтверждается и другими данными; а думные дворяне всегда слѣдуютъ за казначеемъ, который занимаетъ мѣсто между ними и крайчимъ. Надо думать, что составитель сводной книги пользовался не тѣми черновыми подлинниками, которые теперь сохраняются въ Архивѣ мин. юстиціи и дали матеріалъ для алфавитнаго указателя, составленнаго директоромъ его Ивановымъ.

*) А. Э. I. № 46, 111, 120, 149, 215, 379; А. И. I. № 115, 180; Ѳедот. Чехов. № 28, 32, 75.

и идемъ далѣе. Бояринъ введенный производитъ альтернативно съ княземъ тотъ судъ, который князь предоставляетъ лично себѣ. Князья являются у насъ судьями съ самаго древняго времени. Но конечно и въ самое древнее время не могли они всегда самолично разбирать всѣ дѣла, подлежавшія ихъ суду, и нуждались въ помощникахъ. Думаемъ, поэтому, что бояре для суда, или какъ ихъ называютъ памятники съ XIV вѣка начиная, введеные бояре принадлежатъ къ древнѣйшимъ нашимъ суднымъ учрежденіямъ.

Кому было поручать князьямъ тотъ судъ, который они оставляли лично за собой, какъ не лучшимъ людямъ волости, каковыми и были, какъ мы знаемъ, бояре? Какъ лучшіе, старѣйшіе люди земли, они должны были знать обычаи и дѣла, а потому и могли замѣнять князя. Въ одномъ судномъ дѣлѣ начала XVI вѣка, вмѣсто доклада великому князю или боярину введеному говорится о докладѣ

«Великому князю или человѣку старѣйшему». Рус. Ист. сбор. V. 13. 1501.

Думаемъ, что «мужи» сыновей Ярослава: Коснячько, Перенѣгъ, Никифоръ Кыянинъ, Чюдинъ и Микула, о которыхъ упоминаетъ Русская Правда (Акад. сл. сп. 17 — 18, Тр. ст. 2), и были древнѣйшими введеными боярами, имена которыхъ дошли до насъ. Князья Ярославичи совѣщаются съ ними о порядкѣ суда на тотъ, конечно, случай, что этимъ мужамъ придется рѣшать дѣла вмѣсто князя и, такимъ образомъ, давать направленіе тогдашней юрисдикціи. Въ это отдаленное время, какъ и въ московское, князья судили лично не только въ случаяхъ привилегированной подсудности, но и во всѣхъ тѣхъ, когда низшіе судьи находили почему-либо невозможнымъ рѣшить дѣло и обращались съ докладомъ къ князю или «человѣку старѣйшему».

Итакъ, дѣло, для котораго существовали бояре введеные, принадлежитъ отдаленнѣйшей древности. Но мы не имѣемъ достаточныхъ основаній утверждать то же и о самомъ терминѣ. Терминъ «введеные», можетъ быть, не старѣе XIV

вѣка. Въ болѣе отдаленное время такихъ бояръ, въ отличіе отъ бояръ вообще, могли называть просто «княжими боярами», или, какъ ихъ называетъ Русская Правда, «княжими мужами». Съ XIV вѣка ихъ стали называть «введеными», потому что они вводились въ особое довѣріе къ князю *). Но и въ памятникахъ послѣ XIV вѣка вмѣсто введеный бояринъ говорится иногда тоже «княжой бояринъ» (Ѳедот. Чехов. № 66).

Съ половины XV вѣка намъ уже извѣстны имена всѣхъ введеныхъ бояръ, и мы можемъ изъ году въ годъ слѣдить за каждымъ измѣненіемъ въ ихъ составѣ до самаго конца XVII вѣка. Введеные бояре это суть тѣ бояре, которымъ сказывается боярство. Сказывается не просто боярство, которое есть ничто иное какъ бытовое наименованіе лучшихъ, или старѣйшихъ людей, а введеное боярство. Княжеская служба создаетъ не бояръ вообще, а введеныхъ бояръ, иначе—придворныхъ бояръ, всегда состоящихъ при князѣ и дѣлающихъ его дѣло

Кромѣ жалованныхъ грамотъ, говорящихъ альтернативно о судѣ князя и его введенаго боярина, мы имѣемъ еще, со второй половины XV вѣка, рядъ подлинныхъ судныхъ дѣлъ. Мѣстные судьи весьма нерѣдко заканчиваютъ свое производство такимъ опредѣленіемъ:

«И о семъ судьи рклись доложить государя великаго князя или его боярина». Ѳедот. Чехов. № 21, 66.

За этимъ слѣдуетъ докладъ боярину, который и называется по имени и отчеству. Въ этихъ судныхъ спискахъ, слѣдовательно, мы имѣемъ имена введеныхъ бояръ. Вотъ тѣ, которыя намъ встрѣтились въ спискахъ XV и XVI вѣка.

*) Для объясненія слова «введеный» укажемъ слѣдующія мѣста источниковъ:

«А князь Михайло Тверскій приневоли брата своего, князя Михайла Васильевича Кашинскаго, въведе его во всю свою волю», П. С. Р. Л. VIII, 19, 1373 г.; «А что въвелъ зять твой, кн. Александръ Ивановичъ, отцу моему четыре села.... въ долгу въ 500 рубляхъ, и тобѣ то оправить по докончанію». Р. С. I, стр. 126, 1436.

Князь Щеня, Дан. Вас.; ему сдѣланъ докладъ безъ обозначенія года. А. Ю. № 3.

Князь Пенько, Дан. Александр.; ему сохранялось пять докладовъ, но всѣ безъ означенія года. А. Ю. № 5; Ѳедот. Чехов. № 7, 13, 19, 41

Кн. Ростовскій, Дмитр. Владимір., докладъ отъ 1501 года. Рус. ист. сбор. V, 13.

Сабуровъ, Юрій Констант., сохранился докладъ отъ 1506 года. Ѳедот. Чехов. № 21.

Давыдовъ, Григор. Ѳед., докладъ отъ 1518 года. Ѳедот. Чехов. № 66.

Яковлевъ, Сем. Вас., докладъ въ 1562 году. Ѳедот. Чехов. № 75.

Волынскій, Мих. Ив., докладъ въ 1562 году. Ѳедот. Чехов., № 76.

Юрьевъ, Дан. Ром., докладъ до 1585 года. Ѳедос. Чехов. № 83.

Годуновъ. Григор. Васил., докладъ до 1585 года. Ѳедот. Чехов. № 83.

Всѣ эти введеные бояре встрѣчаются и въ спискѣ М. П. Шереметевой съ обозначеніемъ года, когда имъ было сказано боярство: князю Д. В. Щенѣ въ 6984, кн. Д. А. Пенько—Ярославскому въ 7008, кн. Д. В. Ростовскому—въ 7009, Ю. К. Сабурову -- въ 7014, Г. Ѳ. Давыдову — въ 7014, С. В. Яковлеву -- въ 7067, М. И. Волынскому — въ 7067, Д. Р. Юрьеву—въ 7057 и Г. В. Годунову—въ 7092.

Введеные бояре, слѣдовательно, суть тѣ, кому боярство сказано.

Годы назначенія въ боярство могутъ служить для опредѣленія времени суднаго списка, если въ спискѣ годъ не означенъ. Списки эти не могутъ быть старѣе года, когда послѣдовало назначеніе упоминаемаго въ нихъ боярина въ званіе введенаго *).

Число такихъ введеныхъ бояръ первоначально было очень не велико. Жалованныя грамоты всегда говорятъ о нихъ въ

*) Издатели Юридическихъ актовъ полагаютъ, что правая грамота, напечатанная ими подъ № 5, была составлена около 1490 г. Но такъ какъ кн. Пѣнко, которому представленъ былъ по этому дѣлу докладъ, возведенъ въ званіе боярина введенаго только въ 1500 г., то и правая грамота не можетъ быть старѣе этого года.

единственномъ числѣ. Въ годъ смерти Василія Васильевича ихъ было только пятеро: Мих. Бор. Плещеевъ, кн. Ив. Юр. Патрикеевъ, кн. Ив. Вас. Стрига-Оболенскій, Мих. Ѳед. Собуровъ и Григ. Вас. Заболоцкій. Въ годъ смерти Ивана Васильевича ихъ было 13. При преемникѣ его число ихъ возросло до 20. Наибольшаго развитія число введеныхъ бояръ достигаетъ при Грозномъ въ 7061 году. Къ первому сентября этого года ихъ было 32 человѣка, а въ теченіи года вновь назначено 4. Но къ концу царствованія Грознаго число введеныхъ бояръ сократилось до 10 человѣкъ. Въ теченіи XVII вѣка оно колеблется между 20 и 30 *).

Если при великомъ князѣ Васильѣ Васильевичѣ введеныхъ бояръ было всего только пять человѣкъ, то при мелкихъ удѣльныхъ князьяхъ ихъ должно было быть и еще меньше.

Понятно, что наименованіе «бояринъ», столь распространенное въ древней и Московской Россіи, не могло пойдти отъ немногочисленнаго придворнаго боярства, которое также не могло выдѣлить изъ себя и громадный классъ дѣтей боярскихъ. Отношеніе совершенно обратное: придворная жизнь держалась бытовыхъ терминовъ.

Въ памятникахъ XVII вѣка, даже въ законодательныхъ, терминъ бояринъ употребляется и въ тѣсномъ и въ широкомъ смыслѣ; но въ офиціальныхъ перечисленіяхъ разныхъ чиновъ онъ всегда означаетъ только введеныхъ бояръ.

Бояре, которымъ докладывались судныя дѣла вмѣсто князя, или рѣшали ихъ сами (Ѳедот. Чехов. № 21 и др.), или, въ свою очередь, докладывали ихъ князю, если встрѣчали какое либо затрудненіе при рѣшеніи (А. Ю. № 3: Ѳедот. Чехов. № 15). Необходимость такихъ докладовъ указываетъ на то, что введеный бояринъ находится въ постоянныхъ личныхъ сношеніяхъ съ княземъ, для чего и долженъ былъ состоять при его особѣ. Онъ, поэтому, придворный человѣкъ.

*) При Ѳедорѣ Ивановичѣ и Борисѣ Годуновѣ—18; при восшествіи на престолъ Михаила Ѳедоровича—20; по боярскимъ книгамъ къ 1 сентября 1627 и 1629 гг. и 21, 1640—29, 1668—27, 1676—23.

Этимъ объясняется то исключеніе, которое дѣлается для введеныхъ бояръ въ междукняжескихъ договорахъ на случай осады города:

«А осада городная, гдѣ кто живетъ, тому туто и сѣсти, опрочѣ бояръ введеныхъ и путныхъ». Рум. собр. I, № 58, 1436.

Бояре вообще выдерживаютъ осаду въ томъ городѣ, гдѣ они живутъ. Это правило не распространяется на бояръ введеныхъ, потому, конечно, что они доджны находиться при дворѣ своего князя.

Званіе введенаго боярина считалось у насъ высшей должностью. Это наибольшая честь, какой только могъ достигнуть служилый человѣкъ. Назначеніе въ эту должность зависѣло отъ усмотрѣнія государей. Оно дѣлалось посредствомъ устнаго объявленія назначаемому. Въ разрядной книгѣ на 1615 годъ читаемъ:

«Того же году, февраля на 2-й день, на праздникъ Срѣтеніе Господне, пожаловалъ государь изъ столниковъ въ бояре князь Юрья Еншеевича Сулешева, а сказывалъ ему боярство бояринъ князь Володимеръ Тимоѳѣевичъ Долгорукой». Двор. разр. I. 170.

Отсюда выраженіе «боярство сказано».

По общему правилу государи возводили въ званіе введеныхъ бояръ именитѣйшихъ людей. Котошихинъ говоритъ, что были «большіе роды», члены которыхъ прямо жаловались боярствомъ съ обходомъ посредствующей ступени окольничаго. Ихъ не назначали окольничими, это было бы для нихъ недостаточно почетно. Но это не значитъ, что государи должны были членовъ извѣстныхъ родовъ непремѣнно дѣлать боярами, или что они не могли возводить въ боярство людей неименитыхъ. Никакихъ ограниченій такого рода у насъ не существовало. Изъ именитыхъ людей государи жаловали только тѣхъ, кого хотѣли; а вмѣстѣ съ тѣмъ они могли возвести въ званіе боярина введенаго и человѣка не именитаго. И такъ всегда было. Иванъ Грозный почтилъ званіемъ боярина Ѳед. Григ. Адашева и двухъ Годуновыхъ, Дмитр. Ив. и Бор. Ѳед.; Ѳедоръ Ивановичъ, въ первый годъ

вступленія своего на престолъ, пожаловалъ въ это званіе еще трехъ Годуновыхъ, Степана, Ивана и Григорія Васильевичей; Алексѣй Михайловичъ возвышаетъ Хитрово, Нарышкина и Матвѣева. А съ другой стороны, мы знаемъ, что фамиліи, члены которыхъ прямо возводились въ боярство въ XV вѣкѣ, вовсе не встрѣчаются въ этомъ званіи въ XVI; а боярскія фамиліи XVI вѣка не даютъ бояръ въ XVII-мъ. Въ личномъ составѣ боярства происходили постоянныя колебанія: старыя фамиліи съ высшихъ ступеней служебной лѣстницы нисходили на самыя низшія, а новыя подымались на высшія.

Хотя новые мелкіе люди и достигали высшаго положенія въ государствѣ, но движеніе ихъ до высшихъ ступеней служебной лѣстницы представляетъ нѣкоторыя особенности. По общему правилу они не прямо возводились въ высшее званіе боярина, а послѣдовательио проходили чрезъ окольничество, а иногда и думное дворянство. Изъ этого общаго правила мы замѣтили только одно исключеніе: Бор. Ѳед. Годуновъ не былъ окольничимъ, а прямо изъ крайчихъ былъ возведенъ въ званіе боярина. Наоборотъ, люди именитыхъ фамилій прямо возводились въ боярство, минуя окольничество. Это отличіе составляетъ характерный признакъ большихъ родовъ. Члены ихъ жалуются званіемъ стольника, крайчаго и другими придворными чинами, но никогда званіемъ окольничаго. Пожалованіе званія окольничаго низводитъ первостепенные роды въ разрядъ второстепенныхъ. Почему именно чинъ окольничаго, а не какой либо другой низшій, напримѣръ стольника, или стряпчаго, имѣлъ свойство проводить эту разграничительную черту между перворазрядными и второразрядными родами, это намъ не ясно. Но мы не имѣемъ основанія заподозрить свидѣтельство Котошихина, прямо противополагающаго большіе роды, которые бываютъ въ боярехъ, а въ окольничикъ не бываютъ, меньшимъ родамъ, которые бываютъ въ окольникихъ и въ боярахъ (II. 1, 2).

Котошихинъ даетъ намъ и списокъ этихъ большихъ родовъ. Этотъ списокъ нуждается, однако, въ поправкахъ и пополненіяхъ. Котошихинъ отнесъ къ этому первому разряду

фамилій нѣкоторыя такія, члены которыхъ бывали и окольничими, и, наоборотъ, о нѣкоторыхъ дѣйствительно перворазрядныхъ онъ забылъ упомянуть.

Напечатанный матеріалъ даетъ возможность составить списокъ перворазрядныхъ фамилій по вѣкамъ, съ XV начиная. Въ каждомъ-же вѣкѣ мы расположимъ боярскія фамиліи по степени ихъ служебной важности, а мѣриломъ этой важности принимаемъ число лицъ, возведенныхъ въ званіе боярина изъ каждой фамиліи.

Въ XV вѣкѣ по 7008 годъ включительно служили только въ боярахъ:

Бороздины и кн. Оболенскіе—по 6 разъ;
Морозовы, Сабуровы, кн. Холмскіе и кн. Ярославскіе — по 3 раза;
кн. Патрикеевы, кн. Микулинскіе и кн. Ряполовскіе — по 2 раза;
кн. Барбашины, кн. Булгаковы, кн. Дорогобужскіе, кн. Симскіе, кн. Телятевскіе, Хромые, Челяднины и кн. Щенятевы—по 1 разу.

Въ XVI вѣкѣ по 7108 годъ:

кн. Шуйскіе—14 разъ;
кн. Пронскіе—8 разъ;
кн. Оболенскіе—6 разъ;
кн. Воротынскіе, кн. Глинскіе и кн. Трубецкіе—по 5 разъ;
кн. Горбатые, кн. Куракины-Булгаковы, кн. Одоевскіе, кн. Ростовскіе и кн. Черкаскіе по 4 раза;
кн. Курбскіе, кн. Микулинскіе, кн. Мстиславскіе, кн. Ростовскіе-Каптеревы и кн. Щенятевы по 3 раза;
кн. Куракины, кн. Курлятевы, кн. Пеньковы (Ярославскіе), кн. Репнины, кн. Ростовскіе-Темкины и Челяднины по 2 раза;
кн. Булгаковы, кн. Бѣлевскіе, кн. Горенскіе, кн. Кашины, кн. Ноготковы, кн. Ногтевы, кн. Ростовскіе-Холодковы, кн. Ростовскіе-Хохолковы, Сукины, кн. Холмскіе и Ѳедоровы по 1 разу.

Въ XVII вѣкѣ по 7185 годъ:

кн. Голицыны—9 разъ;
кн. Одоевскіе 6 разъ;

кн. Куракины, Морозовы, кн. Репнины и кн. Хованскіе по 4 раза;
кн. Сицкіе и кн. Трубецкіе по 3 раза;
кн. Ростовскіе-Буйносовы и кн. Урусовы по 2 раза;
кн. Воротынскіе, кн. Кашины, кн. Олшевскіе, кн. Ростовскіе-Бахтеяровы, кн. Ростовскіе-Темкины, кн. Пронскіе, кн. Сулешовы, кн. Шаховскіе, и кн. Шуйскіе по 1 разу.

Изъ этого списка видно, что есть фамиліи XV вѣка, удержавшія свое значеніе и въ XVI, есть фамиліи XVI вѣка, удержавшія свое значеніе въ XVII; но ни одна изъ важныхъ фамилій XV вѣка не сохранила своего значенія въ XVII. Это вовсе не по тому, что они угасли; Бороздины и Холмскіе встрѣчаются и въ боярскихъ книгахъ XVII вѣка, но не выше дворянъ московскихъ; князья Оболенскіе не выше окольничихъ. Они уступили свое мѣсто новымъ дѣятелямъ. Есть, впрочемъ, одна фамилія XV вѣка, сохранившая свое первенствуюшее положеніе и въ XVII. Это Морозовы; но они не пользовались этимъ положеніемъ въ XVI. Въ XVI вѣкѣ ни одинъ Морозовъ не былъ назначенъ прямо въ бояре, 6 изъ нихъ достигли боярства послѣ окольничества, а трое и не пошли дальше окольничихъ. Изъ этого видно, что высшій служилый классъ въ Москвѣ далеко не представлялъ той неподвижности и замкнутости, какъ иногда думаютъ.

Нашъ списокъ расходится съ Котошихинскимъ. Кромѣ приведенныхъ нами перворазрядныхъ фамилій, онъ относитъ къ нимъ еще: кн. Прозоровскихъ, кн. Салтыковыхъ, кн. Хилковыхъ, Шеиныхъ, Шереметевыхъ и кн. Черкаскихъ. Члены этихъ фамилій бывали окольничими въ XVII вѣкѣ, а нѣкоторые и въ XVI, а потому мы и не отнесли ихъ къ перворазряднымъ *). Забылъ же Котошихинъ назвать: кн. Кашиныхъ, кн. Кура-

*) Шереметевскій списокъ знаетъ между кн. Черкаскими одного окольничаго, Василія Петровича, которому окольничество сказано въ 7143 году. Хотя это назначеніе не встрѣчается въ Алфавитѣ, но вѣрность Шереметевскаго списка этимъ еще не подрывается, такъ какъ боярской книги за 7143 годъ не сохранилось.

киныхъ, кн. Олшевскихъ, кн. Ростовскихъ-Бахтеяровыхъ, кн. Ростовскихъ-Темкиныхъ, кн. Сулешевыхъ и кн. Шуйскихъ. Хотя нѣкоторые изъ пропущеныхъ имъ фамилій были только по одному разу въ званіи боярина введенаго, но это нисколько неоправдываетъ его пропуска, такъ какъ и среди поименованныхъ имъ боярскихъ фамилій есть такія, члены которыхъ только по разу были боярами, напримѣръ, Воротынскіе, Пронскіе, Шеины, Хилковы.

Второй разрядъ боярскихъ фамилій составляютъ тѣ, члены которыхъ бываютъ и въ боярахъ и въ окольничихъ. Котошихинъ даетъ списокъ и этихъ второразрядныхъ фамилій, но онъ также представляетъ невѣрности и еще менѣе полонъ, чѣмъ списокъ перворазрядныхъ бояръ. Предлагаемъ нашъ списокъ въ томъ же порядкѣ.

Въ XV вѣкѣ по 7008 годъ включительно бывали въ боярахъ члены фамилій, служившихъ и въ окольничихъ:

Захарьины-Романовы-Юрьевы и Плещеевы по 2 раза;
Заболоцкіе — 1 разъ.

Въ XVI вѣкѣ по 7108 годъ:

Воронцовы и Захарьевы-Романовы-Юрьевы по 7 разъ;
Морозовы и Яковлевы (Яковля) по 6 разъ;
Годуновы, Шеины и Шереметевы по 5 разъ;
Кн. Бѣльскіе и Сабуровы по 4 раза;
Бутурлины, кн. Серебряные и кн. Телятевскіе по 3 раза;
Салтыковы, кн. Сицкіе, кн. Троекуровы, кн. Хворостинины, кн. Шестуновы по 2 раза;
Адашевы, Басмановы, Борисовы, Волынскіе (Вороные-Волынскіе), Давыдовы, Даниловы, Заболоцкіе, Колычевы, кн. Кубенскіе, Кутузовы, кн. Палецкіе, Плещеевы, кн. Ромодановскіе, кн. Ряполовскіе, кн. Симскіе, Собакины, кн. Татевы, кн. Телепневы, Траханіоты, Тучковы, кн. Хилковы и кн. Ушатые по 1 разу.

Въ XVII вѣкѣ по 7185 годъ:

Салтыковы, Стрѣшневы и Шереметевы по 6 разъ;
Нагово (Нагіе) и кн. Ромодановскіе по 5 разъ;
Кн. Долгорукіе, Милославскіе и кн. Черкаскіе по 4 раза;

Головины, кн. Прозоровскіе и кн. Хилковы по 3 раза;
Кн. Барятинскіе, Годуновы, Захарьевы-Романовы-Юрьевы, кн. Львовы, кн. Мосальскіе, Плещеевы (въ 7190 году), кн. Ростовскіе-Лобановы и кн. Троекуровы по 2 раза;
Басмановы, Бутурлины, кн. Бѣльскіе, кн. Волконскіе, Далматовы, кн. Дыковы, Зюзины, Колычевы, кн. Лыковы, Матвѣевы, кн. Мезецкіе, Нарышкины, Нащокины, кн. Пожарскіе, Пушкины, Сабуровы, кн. Татевы, кн. Туренины, кн. Хворостинины, Хитрово и Шеины по 1 разу.

Розрядкой напечатаны фамиліи, приводимыя и Котошихинымъ. Кромѣ этихъ, онъ еще называетъ: кн. Куракиныхъ, Сукиныхъ и Измайловыхъ. Куракины бывали только въ бояхъ; Измайловы же ни въ Шереметевскомъ спискѣ, ни въ Алфавитѣ ни разу боярами не показаны; Сукины въ XVII вѣкѣ выставили только одного дворянина въ думу и одного окольничаго.

Приведенные списки боярскихъ фамилій составлены на основаніи Шереметевской выписки изъ боярскихъ книгъ и сличены съ данными Алфавита. Но такъ какъ оба эти источника и не полны и не свободны отъ ошибокъ, то и нашъ списокъ не можетъ претендовать на совершенную точность.

Безусловнымъ мѣриломъ важности старинныхъ родовъ онъ не можетъ служить и по другой еще причинѣ. Случаи назначенія въ боярство условливаются не одной изстари унаслѣдованной важностью рода, но и усмотрѣніемъ князя. Въ силу личнаго расположенія князя, члены менѣе именитыхъ фамилій могли быть призываемы чаще членовъ болѣе именитыхъ фамилій. Изъ того, что двѣ разныхъ фамиліи выставили въ извѣстное время одинаковое число бояръ, вовсе еще не слѣдуетъ, что эти двѣ фамиліи одинаково родовиты; или что фамилія болѣе разъ призванная къ введеному боярству непремѣнно родовитѣе фамиліи меньшее число разъ призванной. Списокъ указываетъ только на служебное значеніе разныхъ фамилій въ данное время. А это значеніе условливается разными обстоятельствами, изъ которыхъ на первый

планъ выдвигается добрая воля государя, а на второй—родовитость фамиліи.

Вопросъ о родовитости древнихъ фамилій и современникамъ не былъ совершенно ясенъ, да едва-ли эта родовитость и допускаетъ какую-либо точно опредѣленную и общую для всѣхъ мѣру. Каждая фамилія склонна была преувеличивать свое значеніе и уменьшать значеніе другихъ. Отсюда масса споровъ объ отеческой чести. Ближайшее разсмотрѣніе этого предмета выходитъ, однако, за предѣлы вопросовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, а потому мы и возвращаемся на прежнее, къ судной дѣятельности введеныхъ бояръ.

Существованіе особыхъ бояръ, назначаемыхъ для производства суда, дало начало и особому термину для обозначенія этого суда: это «боярскій судъ». Въ Судебникѣ 1497 года читаемъ:

«О великомъ князи. А съ великого князя суда и съ детей великого князя суда имати на виноватомъ по тому-же, какъ и съ боярского суда, съ рубля по два алтына, кому князь великій велитъ» (21).

Терминъ «боярскій судъ» удерживается и во второмъ Судебникѣ, но пошлины опредѣляются тамъ по 11 денегъ съ рубля (*).

Но въ періодъ Судебниковъ «боярскій судъ» предоставлялся уже не однимъ боярамъ, онъ давался и лицамъ, неимѣвшимъ боярскаго званія. Отсюда выраженіе Судебниковъ: «кормленіе съ боярскимъ судомъ» и «кормленіе безъ боярскаго суда», т. е. намѣстникамъ и волостелямъ иногда предоставляется «боярскій судъ», а иногда нѣтъ. Надо, однако, замѣтить, что боярскій судъ, предоставляемый кормленщикамъ, былъ всегда менѣе настоящаго боярскаго суда. Второй Судебникъ еще болѣе ограничиваетъ боярскій судъ

(*) Эта разница можетъ объясняться измѣненіемъ состава московскаго рубля. Въ XV вѣкѣ онъ состоялъ изъ 100 денегъ, а въ XVI изъ 200. Прозоровскій. Зап. арх. Общ. XII, 1865, приложеніе III.

намѣстниковъ, чѣмъ это сдѣлано первымъ (Судеб. 1497 г., ст. 20 и 43; Судеб. 1550 г., ст. 63 и 66). Причина — въ постоянно развивающейся централизаціи къ Москвѣ.

Бояре-судьи въ древнее время не составляли коллегіи. Каждый изъ нихъ могъ рѣшить всякое дѣло, о которомъ ему докладывали, если только онъ самъ не находилъ какого-либо затрудненія въ рѣшеніи. Въ послѣднемъ случаѣ онъ докладывалъ князю и рѣшалъ по его указанію.

Великій князь Иванъ Васильевичъ первый нарушаетъ начало единоличности боярскаго суда. Его Судебникъ предписываетъ, чтобы на судѣ бояръ были дьяки (1). Мы считаемъ это новшествомъ. Но судебникъ не опредѣляетъ точно, что должны дѣлать дьяки на судѣ бояръ. Надо думать, они должны были судить вмѣстѣ съ боярами. Это можно заключить и изъ значительной пошлины, предоставленной дьякамъ: они получали съ рубля 8 денегъ, слѣдовательно, болѣе бояръ (Суд. ст. 3). Это трудно было-бы понять, если бы роль ихъ была исключительно служебная и подчиненная. Дьяки великаго князя — первые товарищи, приданные боярамъ. Дьяки-писцы были, надо думать, при боярахъ и прежде. Второй Судебникъ прямо уже говоритъ, что «судъ царя и великаго князя должны судить бояре..... и дьяки» (стат. 1). Но пошлину имъ понижаетъ до 7 денегъ съ рубля. Иванъ Васильевичъ держался дьяковъ болѣе своего внука.

Въ дошедшихъ до насъ судныхъ спискахъ отъ времени послѣ Судебниковъ не видно, однако, участія дьяка въ веденіи дѣла. Докладъ дѣлается одному боярину, а не боярину и дьяку; по выслушаніи доклада, вопросъ тяжущимся предлагаетъ одинъ бояринъ, а не бояринъ и дьякъ; наконецъ, рѣшеніе произноситъ тоже одинъ бояринъ. Дѣятельность дьяка великаго князя видна только въ собственноручной подписи имъ суднаго списка. Думаемъ, что въ формѣ составленія судныхъ списковъ удержалась старина, когда судилъ одинъ бояринъ. Подпись же дьяка, конечно, означаетъ, что онъ со всѣмъ написаннымъ совершенно согласенъ.

Это полное единенiе боярина и дьяка. Въ случаѣ разногласiя дѣлался докладъ государю.

Сопоставленiе худороднаго дьяка съ благороднымъ бояриномъ въ одномъ и томъ-же судѣ и необходимость единогласiя такихъ разнородныхъ элементовъ представляетъ реформу великой важности. Московская Русь наслѣдовала бояръ Руси до московской; въ составъ этого высшаго класса вошла масса княжескихъ фамилiй, лишенныхъ московскою властью своихъ старинныхъ верховныхъ правъ. Московскiе государи продолжаютъ пользоваться услугами бояръ и даютъ имъ званiе «введеныхъ», но чтобы ослабить ихъ значенiе, они ставятъ рядомъ съ ними дьяковъ. Побѣжденные московскими государями владѣтельные князья нисходятъ въ разрядъ бояръ; этихъ именитыхъ бояръ тоже надо принизить и вотъ къ нимъ подмѣшиваютъ дьяковъ. Великiй князь Иванъ Васильевичъ въ дѣлахъ внутренняго управленiя является столь-же тонкимъ политикомъ, какимъ онъ былъ и въ дѣлахъ внѣшнихъ.

Ему-же принадлежитъ и другая важная реформа. Онъ первый начинаетъ раздѣлять предметы управленiя по различiю рода дѣлъ и учреждаетъ приказы для завѣдыванiя отдѣльными отраслями управленiя.

Такiе приказы поручаются и боярамъ, но тоже не однимъ, а съ дьяками, ибо всѣ приказы вѣдаютъ судъ, а на судѣ долженъ присутствовать и дьякъ великаго князя. Судные списки приказовъ XV и XVI вѣка не найдены и намъ неизвѣстны. Древнѣйшiе изъ напечатанныхъ относятся къ самому концу XVI вѣка и къ первой половинѣ XVII. Дѣлопроизводство этихъ новыхъ учрежденiй, неизвѣстныхъ до московской Руси, даетъ важный матерiалъ для разъясненiя вопроса объ отношенiи дьяковъ къ боярамъ: дьяки и бояре все дѣлаютъ вмѣстѣ. Истцы подаютъ челобитную въ приказъ боярину и дьяку; дѣло слушается бояриномъ и дьякомъ; приговоръ постановляютъ опять бояринъ и дьякъ

(Өед. Чехов. № 96, 101 и 105, 1618 — 1638; ср. № 91 и 98, 1612—1628).

Итакъ, бояринъ и дьякъ (или нѣсколько дьяковъ) это древнѣйшая судная коллегія.

Но со второй половины XVI вѣка мы встрѣчаемъ уже указанія и на существованіе боярской судной коллегіи. Въ грамотѣ царя и великаго князя Ивана Васильевича губному старостѣ въ Бѣжецкій Верхъ отъ 1558 года читаемъ:

«Здѣсь передъ нашими бояры, передъ княземъ Андреемъ Ивановичемъ Ростовскимъ (Катыревымъ, боярство сказано въ 7065) съ товарищи, былъ судъ Василью Скрябину, сыну Ушакова, со княземъ Өедоромъ, со княжъ Өедоровымъ сыномъ Мещерскаго, въ вотчинной деревне въ Трубихе»..... Өедот. Чехов. № 73.

Другое такое указаніе относится къ 1582 году. Въ мѣстническомъ спорѣ кн. Голицына съ кн. Шуйскимъ читаемъ:

«И государь царь и великій князь приказалъ бояромъ, князю Өедору Михайловичу Трубецкому (боярство сказано въ 7080 г.) съ товарищи и думнымъ дворяномъ, а велѣлъ князя Ондрея Голицына и князя Олександра Шуйскаго въ отечествѣ слушати» (Рус. ист. сбор. II, 38).

Въ судномъ дѣлѣ 1599 года читаемъ:

«И по нашему указу бояре наши, сѣ ваши отписки и записи мировой и грамоты, что дали есте Климетцкаго монастыря игумену съ братьею, слушавъ, приговорили въ спорной землѣ..... игумена Климетцкаго монастыря оправити»..... Өедот. Чехов. № 249.

Разрядныя книги XVII вѣка содержать въ себѣ уже множество указаній на разборъ боярами въ судебномъ порядкѣ мѣстническихъ споровъ (Дворц. разр. I. 118, 135, 138, 158, 173, 231 и др.; Кн. разр. I. 726 и др.).

Что-же это за боярская коллегія? Съ давнихъ временъ владѣтельные князья имѣли обычай совѣщаться со своими мужами или боярами. Тоже дѣлають и московскіе государи. Но въ этотъ совѣтъ входять не одни бояре, а и окольничіе, дѣти боярскія и нѣкоторые иные чины. Несмотря на такой разночиновный составъ думы, она и въ XVII

вѣкѣ продолжаетъ по старому называться «боярами», т. е. боярской думой, въ силу того широкаго значенія, какое въ старину имѣло слово «бояре». Этой-то думѣ и поручается разборъ дѣлъ въ указанныхъ случаяхъ. Итакъ, это не коллегія бояръ введеныхъ, а коллегія—разныхъ чиновъ.

Нѣтъ основанія думать, чтобы эта коллегія бояръ или дума царская до Уложенія составляла обыкновенную судебную инстанцію. Она судила всякій разъ по особому приказу царя. Царь же могъ поручить такой исключительный судъ и не всей своей думѣ, а нѣкоторымъ только ея членамъ, или даже одному боярину съ дьякомъ. Въ розрядной книгѣ за 1623 годъ читаемъ:

«Тогожъ дни, декабря въ 3 день, пожаловалъ государь Козьму, Данилова сына, да Павла, Ѳедорова сына, Левонтьевыхъ, велѣлъ имъ, по ихъ челобитью, на князь Ивана да на князь Василья Ромодановскихъ судъ дать; а приказалъ государь ихъ судить боярину, князь Иванъ Ивановичу Одоевскому (съ 7130 года), да розрядному дьяку, Михаилу Данилову». Двор. Разр. I. 576; ср. Кн. разр. 932 и 1282

Значеніе обыкновенной судной инстанціи разночиновная государева дума получаетъ только съ Уложенія, въ которомъ читаемъ:

«А спорныя дѣла, которыхъ въ приказѣхъ за чѣмъ вершить будетъ не мощно, взносить изъ приказовъ въ докладъ къ государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Русіи и къ его бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ. А бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ сидѣти въ палатѣ и, по государеву указу, государевы всякія дѣла дѣлать всѣмъ вмѣстѣ». X. 2.

Это новость. Государева дума сдѣлана высшей судебной инстанціей по всѣмъ спорнымъ дѣламъ, которыя почему либо не могутъ быть рѣшены въ приказахъ. Государева дума, слѣдовательно, заняла мѣсто, принадлежавшее въ старину каждому введеному боярину въ отдѣльности. Но статья говоритъ, что докладъ дѣлается «государю и его боярамъ». Какъ же это понимать? Этого выраженія нельзя понимать въ томъ

смыслѣ, что докладъ дѣлается государю и боярамъ вмѣстѣ. Такое пониманіе предполагало бы постоянное присутствіе царя въ думѣ, что невозможно. Въ старину говорилось совершенно ясно: «сужу я, великій князь, или мой бояринъ введеный». Эта ясная формула замѣнена теперь туманной, отъ которой вѣетъ недовѣріемъ ко вновь созданному судилищу. Двадцатая же статья той же главы Уложенія предписываетъ жалобы на приказы, если они кому «суда не дадутъ или противъ его челобитья указу ему не учинятъ» (т. е. не рѣшатъ дѣла), подавать государю, а о думѣ не упоминается. Этому соотвѣтствуетъ и практика. Недовольные ходомъ дѣла въ приказахъ подаютъ челобитья государю, а онъ уже предписываетъ внести дѣло къ боярамъ (Ѳедот. Чехов. № 134). Надо думать, что въ силу Уложенія спорныя дѣла изъ приказовъ докладывались сперва царю, а по его указу боярамъ. Но московскіе государи не всегда приказывали рѣшать эти дѣла боярамъ въ полномъ составѣ думы; случалось, что такой приказъ давался на имя нѣкоторыхъ только бояръ, напримѣръ, тѣхъ, кому въ данный моментъ приказано вѣдать Москву (Ѳедот. Чехов., II, стр. 346).

Централизація всѣхъ дѣлъ въ особѣ государя дѣлаетъ дальнѣйшіе успѣхи въ Москвѣ XVII вѣка. Московскіе государи никому не довѣряютъ. Все должно дѣлаться по докладу имъ лично и по ихъ указу.

Въ XVII вѣкѣ значеніе введеныхъ бояръ падаетъ сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, которое принадлежало имъ въ первой половинѣ XVI вѣка и ранѣе, когда каждый введеный бояринъ былъ самостоятельный судья и докладъ дѣлался ему альтернативно съ великимъ княземъ.

Но возвратимся къ старинѣ.

Бояре введеные вѣдаютъ судъ по дѣламъ, восходящимъ до государя. Но государи и сами лично разбираютъ дѣла этого рода, такъ какъ докладъ дѣлается иногда имъ непосредственно. Въ этихъ случаяхъ государи лично выслушиваютъ стороны, дѣлаютъ имъ вопросы, приказываютъ читать

документы и сами произносятъ рѣшеніе *). При такомъ личномъ судоговореніи князей присутствуютъ бояре. Въ судныхъ спискахъ этого рода обыкновенно пишется:

«А на судѣ царя и великаго князя были бояре». . . (имена).

Или:

«А на докладѣ были у царя и великого князя бояре». . .

Какая же роль этихъ бояръ на судѣ князя? Не можетъ подлежать сомнѣнію, что они не судятъ вмѣстѣ съ княземъ. Если каждый бояринъ обладалъ достаточной властью для рѣшенія всякаго дѣла, то тѣмъ болѣе князь. Но князь могъ не знать существующихъ обычаевъ и порядковъ; бояринъ же, предполагалось, всегда ихъ зналъ. Для разъясненія возможныхъ недоразумѣній князя, бояре и присутствовали на его судѣ.

Число ихъ весьма различно. Встрѣчаемъ одного, двухъ и трехъ. При одномъ бояринѣ приглашался еще окольничій, а иногда дьякъ. Это непостоянство числа и состава совѣтниковъ князя указываетъ на то, что и присутствовавшіе на судѣ князя бояре не составляли какой либо постоянной коллегіи.

Древнее время не знало спеціализаціи чиновъ. Хотя каждый чинъ возникалъ для удовлетворенія нѣкоторой опредѣленной потребности, но лица, возведенныя въ этотъ чинъ, назначались и къ другимъ дѣламъ, по той причинѣ, что они пользовались уже довѣріемъ государя. Поэтому и дѣятельность бояръ введеныхъ не ограничивалась однимъ судомъ, а далеко выходила за предѣлы этого первоначальнаго ихъ назначенія. Такъ было, надо полагать, съ древнѣйшихъ временъ. Самыя же подробныя указанія на эту разнообразную дѣятельность бояръ находимъ въ розрядныхъ книгахъ.

Мы видѣли уже, что бояре суть совѣтники государей по дѣламъ суднымъ; но они же первые ихъ совѣтники и по

*) Өедот. Чехов. № 34, 70, 71, 74; А. Ю. № 4, 7, 12, 13, 17; А. до Ю. Б. № 52, III, № 103, I.

всѣмъ другимъ дѣламъ: по законодательству, управленію внутреннему и внѣшнему, по вопросамъ войны и міра и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ боярину принадлежитъ первое мѣсто въ государевой думѣ.

Въ конкуренціи съ другими чинами, но всегда на первомъ мѣстѣ, бояре призываются къ отправленію всѣхъ высшихъ должностей по военному и гражданскому управленію. Они назначаются предводителями войскъ; имъ поручаются центральныя учрежденія, приказы; они управляютъ областями въ качествѣ намѣстниковъ и воеводъ; ведутъ переговоры съ иностранными послами; а въ случаѣ выѣзда государя изъ Москвы имъ «приказываютъ» Москву, т. е. поручаютъ центральное управленіе на время отсутствія государя, впрочемъ, въ самой тѣсной зависимости отъ отсутствующаго государя, съ которымъ вѣдующіе Москву бояре стоятъ въ постоянныхъ сношеніяхъ.

Находящіеся при дворѣ московскаго государя бояре принимали участіе во всѣхъ торжественныхъ событіяхъ двора и составляли въ этихъ случаяхъ ближайшую обстановку царя. Они сидѣли въ золотомъ платьѣ подлѣ государя при пріемѣ и отпускѣ иностранныхъ пословъ. Въ торжественные выходы московскихъ царей, когда люди разныхъ чиновъ жаловались къ рукѣ, бояре стояли подлѣ царя, а одинъ изъ нихъ поддерживалъ руку его, къ цѣлованію которой допускались приглашенные. Во время вѣнчанія государей на царство, бояре стояли на «чертежномъ мѣстѣ», особомъ возвышеніи въ 12 ступеней, приготовляемомъ въ Успенскомъ соборѣ для совершенія обряда вѣнчанія. Бояре сопровождали государя въ его поѣздкахъ по монастырямъ, по загороднымъ дворамъ, производили смотры служилымъ людямъ и пр.

Какъ лица, пользовавшіеся довѣріемъ государей, бояре назначались воспитателями царевичей и состояли при нихъ «дядьками». Жены ихъ назначались къ царскимъ дѣтямъ «мамами». При совершеніи обряда вѣнчанія на царство бояре-дядьки вели подъ правую руку наслѣдника престола въ церковь.

Но не одни малолѣтные царевичи нуждались въ особой заботливости бояръ, въ ней нуждалась и сама государыня. Въ случаѣ временныхъ отлучекъ супруга-государя изъ Москвы, для охраны ея, къ ней всегда назначался особый бояринъ. Это дѣлалось даже въ тѣхъ случаяхъ, когда государь выходилъ изъ дворца для посѣщенія городскихъ московскихъ монастырей, или къ обѣднѣ въ соборную Успенскую церковь.

Въ розрядной книгѣ на 1674 годъ читаемъ:

«Тогожъ году, декабря въ 25 день, какъ былъ великому государю выходъ въ соборную и апостольскую церковь, и въ верху оставлены были у государыни царицы бояре: бояринъ Кирило Полуехтовичъ Нарышкинъ да бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. . . . У государя царевича оставлены: дядки, бояринъ князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Куракинъ». . . . Двор. Разр. III. 1156.

Чиновные бояре не всѣ находились въ одинаковой степени близости къ государю. Назначеніе въ бояре зависѣло не отъ одного только усмотрѣнія князя, но условливалось въ нѣкоторой степени отеческой честью служилаго человѣка; близость же къ князю исключительно зависѣла отъ степени личнаго расположенія государя къ боярину. Въ силу этого уже въ XVI вѣкѣ, а можетъ быть и ранѣе, среди чиновныхъ бояръ образовалось различіе: они распались на бояръ ближнихъ и просто бояръ *). Ближніе бояре, въ силу болѣе интимныхъ ихъ отношеній къ государю и условливаемаго тѣмъ права свободнаго доступа къ его особѣ, называ-

*) Приведемъ два мѣста памятниковъ XVI вѣка, въ которыхъ рѣчь идетъ о бояхахъ и дворянахъ ближнихъ. Александроневская лѣтопись говоритъ, что царь Иванъ, узнавъ о неправдахъ княгини Евфросиньи и сына ея, Владиміра Андреевича, велѣлъ быть у Владиміра Андреевича «своимъ бояромъ. . . ; его же бояръ . . . . которые при немъ близко жили, взялъ на свое имя»... (182). Тотъ же царь далъ такой наказъ своему гонцу въ Литву на случай, если его будутъ спрашивать объ опричнинѣ: «опричнины нѣтъ, живетъ государь на своемъ царскомъ дворѣ, а которые дворяне служатъ ему правдою, тѣ при государѣ живутъ близко, а которые дѣлали неправды, тѣ живутъ отъ государя подальше» (Солов. VI, 262).

ются еще «комнатными» боярами, т. е. боярами, имѣющими доступъ въ кабинетъ государя. На нихъ возлагаются самыя интимныя порученія.

Въ 1674 г. патріархъ Іоакимъ наложилъ запрещеніе на духовника государя и любимца его, благовѣщенскаго протопопа, Андрея Савиновича. Хотя протопопъ и не отличался святостью жизни, но царь былъ очень огорченъ распоряженіемъ патріарха. Для совѣщанія по этому дѣлу, онъ пригласилъ его къ себѣ во дворецъ, встрѣтилъ на крыльцѣ и провелъ къ себѣ въ «комнату». Здѣсь началось совѣщаніе о протопопѣ. Кромѣ царя и патріарха въ комнатѣ были только «комнатные» бояре: кн. Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, Кирилло Полуектовичъ Нарышкинъ и Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ (Дв. Роз. IV, ст. 1155).

Когда царь предпринималъ какую-либо поѣздку изъ Москвы, рядомъ съ нимъ въ каретѣ садились комнатные бояре; а бояре просто ѣхали сзади. Въ случаѣ болѣзни государя, близкіе бояре подавали лѣкарство.

Близость къ государю давала, конечно, важныя преимущества, по пословицѣ: «близь царя, близь милости»; но различіе ближнихъ и просто бояръ было дѣло частной, домашней жизни, а не публичное, офиціальное. Составители разрядныхъ книгъ знали ближнихъ бояръ и при случаяхъ они называютъ ихъ по именамъ, но въ это званіе бояре не возводятся; «близость» или «комната» не «сказываются», а пріобрѣтаются самымъ дѣломъ. Имена бояръ, которые называются въ Дворцовыхъ Разрядахъ ближними, встрѣчаются и въ Новиковской выпискѣ изъ боярскихъ книгъ, но безъ титула ближній, или комнатный. Находимъ ихъ и въ офиціальныхъ книгахъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, но также безъ титула ближнихъ. «Близость», составляя естественное послѣдствіе личнаго расположенія государя къ боярину, не состоитъ ни въ какой связи со старшинствомъ боярской службы и съ знатностью породы. Старые бояре Алексѣя Михайловича, Петръ Васильевичъ Ше-

реметевъ (съ 7165 г.) и князь Иванъ Борисовичъ Репнинъ (съ 7167 г.), въ 1675 г. не были близкими, а молодые и вовсе не знатные, Кириллъ Полуектовичъ Нарышкинъ и Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, были ими.

Завѣтная мысль каждаго боярина, въ XVII вѣкѣ по крайней мѣрѣ, сдѣлаться ближнимъ, комнатнымъ бояриномъ. Достоинство человѣка опредѣляется въ Москвѣ близостью къ царю. Удаленіе отъ царя разсматривается какъ наказаніе, хотя-бы оно послѣдовало въ почетной формѣ назначенія на одно изъ важнѣйшихъ воеводствъ.

20 декабря 1674 года боярину, князю Алексѣю Андреевичу Голицыну, было сказано въ воеводы въ Кіевъ. До этого назначенія князь Голицынъ былъ комнатнымъ бояриномъ и ѣздилъ съ царемъ въ каретѣ, сидя по лѣвую его руку, по правую сидѣлъ князь Иванъ Алексѣевичъ Воротынскій (Двор. Раз. III, ст. 1099). Кіевское воеводство представлялось ему далеко не въ розовомъ свѣтѣ. Онъ увидалъ въ этомъ назначеніи государеву опалу, и при «сказкѣ», указавъ на свою прежнюю вѣрную службу, объявилъ, что если за нимъ есть какая вина, пусть-бы государь приказалъ ему объ этомъ сказать, что-бы вина его была всѣмъ вѣдома: ему лучше понести заслуженное наказаніе, хотя-бы и самую смерть, чѣмъ терпѣть царскую немилость безъ всякой вины. За непослушаніе «великій государь на него боярина гнѣвъ свой и опалу положилъ и съ дѣтьми; и велѣлъ послать тайныхъ дѣлъ дьяку, Данилѣ Полянскому, подъячего къ нему на дворъ: и не указано ему, боярину, до указу великаго государя, со двора съѣзжать и дѣтямъ его тожъ не велѣно съ двора съѣзжать и при своей государской милости быти и у государя царевича» (Двор. Разр. III, ст. 1144 сл.).

Отношенія, вырабатываемыя жизнью, имѣютъ наклонность облекаться въ офиціальныя формы. Это случилось и съ ближними боярами. Въ самомъ концѣ XVII вѣка, при послѣднемъ московскомъ царѣ, Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, комнатное боярство начинаетъ уже сказываться, какъ особый чинъ. Первое такое извѣстіе находимъ въ разрядной книгѣ 1682 года (напе-

чатана у Соловьева, XIII, 391): 16-го апрѣля пожаловалъ великій государь въ комнату боярина, князя Ивана Андреевича Хаванскаго.

Но вмѣстѣ съ этимъ ближнее боярство должно было утратить искренность своего первоначальнаго интимнаго характера, когда оно не «сказывалось» офиціально, на крыльцѣ, при свидѣтеляхъ, а являлось естественнымъ послѣдствіемъ расположенія царя. На ближнемъ боярствѣ только повторилась исторія введеныхъ бояръ. Введеными, первоначально, тоже дѣлались только близкіе люди. Но когда потребности государства довели ихъ число до нѣсколькихъ десятковъ, среди нихъ обособляется нѣкоторый болѣе тѣсный кружокъ людей подъ именемъ ближнихъ; въ концѣ XVII вѣка и эти ближніе получаютъ, въ свою очередь, только офиціальное значеніе. Для дѣйствительно-же близкихъ приходилось изобрѣтать новый титулъ. Онъ и изобрѣтался по мѣрѣ надобности. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, стоявшій такъ близко къ царевнѣ Софіи, именуется «бояриномъ и оберегателемъ» (Боярск. кн. 7194 г, въ Моск. Арх. м. юст.).

Чиновное боярство жалуется государями. Само-собой разумѣется, что служилый человѣкъ могъ не принять такого пожалованія; а разъ принявши, могъ впослѣдствіи, при измѣнившихся обстоятельствахъ, отказаться отъ него. Но вопросъ о непринятіи и сложеніи боярскаго званія едвали когда имѣлъ у насъ какое-либо практическое значеніе. Приближеніе къ князю, раздавателю всякихъ милостей, открывало такія радужныя перспективы служилымъ людямъ, что трудно предполагать съ ихъ стороны какое-либо упорство при открывавшейся возможности переступить порогъ княжескаго двора. Случаи выхода изъ боярства встрѣчаются даже въ XVII вѣкѣ, когда о свободѣ службы и помину не было, но они всегда объясняются какими-либо чрезвычайными обстоятельствами: отвращеніемъ отъ мірской жизни и поступленіемъ въ монашество, или, какъ при Иванѣ Грозномъ, опасеніемъ сдѣлаться безъ вины виноватымъ; выбытіе изъ боярства въ этомъ послѣднемъ случаѣ сопровождалось бѣгствомъ въ Литву.

Въ напечатанной Новиковымъ выпискѣ изъ боярскихъ книгъ противъ именъ нѣкоторыхъ бояръ дѣлается такая помѣта: «выбылъ», т. е. выбылъ изъ боярскаго званія. Но подъ этимъ терминомъ никакъ нельзя понимать одно только добровольное оставленіе боярскаго званія. Составители боярскихъ книгъ скрыли подъ нимъ самыя разнообразныя причины выхода изъ боярства, большинство которыхъ они, изъ почтенія, можетъ быть, къ боярскому званію, не рѣшались называть собственнымъ именемъ. Случилось, что бояре навлекали на себя царскую опалу и съ высшей ступени государственныхъ почестей переходили на лобное мѣсто. О такихъ боярахъ тоже пишется, что они выбыли изъ боярства.

Въ 1471 году великій князь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ въ бояре Дмитрія Исаковича Борецкаго, сына Мароы Борецкой. Въ томъ-же году началось въ Новгородѣ движеніе въ пользу признанія власти короля польскаго и великаго князя Литовскаго, Казиміра. Въ этомъ движеніи принялъ участіе и новопожалованный бояринъ. Московскій великій князь разбилъ новгородскія войска и удержалъ Новгородъ за собой; Борецкій былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ. Въ боярской-же книгѣ слѣдующаго года отмѣчено: «выбылъ бояринъ Дмитрій Исаковичъ Борецкой». Князь Иванъ Өедоровичъ Овчина Телепневъ Оболенскій, любимецъ великой княгини Елены, былъ убитъ безъ суда своими политическими противниками, а въ боярской книгѣ слѣдующаго года отмѣчено «выбылъ». Паденіе князя Ивана Өедоровича Бѣльскаго отмѣчено тѣмъ-же многознаменательнымъ «выбылъ». Эта официальная стыдливость, скрывающая отъ потомства истинную причину выбытія изъ бояръ введеныхъ, продолжается у насъ и въ XVII вѣкѣ. Въ книгѣ 7142 года противъ имени боярина Михаила Борисовича Шеина отмѣчено «выбылъ», а 2-го марта тогоже года онъ находился уже подъ слѣдствіемъ, которое привело его къ смертной казни.

Лицо, пожалованное введенымъ боярствомъ, могло быть за вину лишено этого званія. Уложеніе установляетъ даже спеціальное наказаніе «отнятіе чести» за преступленіе по долж-

ности: чести лишался бояринъ-судья, который по недружбѣ или посуломъ обвинитъ праваго, а виноватаго оправитъ (X, 5). Въ 1658 г. честь была отнята у боярина и дворецкаго Никиты Алексѣевича Зюзина (Нов. XX, 113); въ 1690 у князя Голицына «отнята честь, боярство». Объ этомъ велѣно отмѣтить «въ Разрядѣ, въ боярской книгѣ, подъ ихъ именами» (Шакловитый. III, 6 и 78).

Введеные бояре награждались всѣми тѣми милостями и пожалованіями, которыя, обыкновенно, выпадали на долю служилыхъ людей, но, конечно, въ большей мѣрѣ. Имъ назначались помѣстья и денежное жалованье. Первичный окладъ помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ былъ опредѣленъ въ 200 четей (Улож. XVI, 1). За услуги онъ, обыкновенно, увеличивался. Размѣръ боярскаго денежнаго жалованья не былъ опредѣленъ. Первично назначаемый окладъ впослѣдствіи и по мѣрѣ заслугъ, увеличивался и достигалъ до 1000 р. и болѣе. Назначеніе жалованья всякій разъ зависѣло отъ усмотрѣнія государя. Вновь сказанному боярину не непремѣнно давалось и новое содержаніе, онъ могъ служить нѣкоторое время и по старому окладу. Точно также отъ усмотрѣнія государя зависѣли и прибавки къ жалованью. Старый бояринъ, поэтому, могъ получать меньше молодого, но болѣе взысканнаго милостями государя *).

*) По книгамъ 7135 года кн. Владиміръ Тимоѳеевичъ Долгорукій получалъ 300 р., бояриномъ-же онъ былъ сдѣланъ въ 7115 году. Болѣе его получали въ томъ-же году младшіе по времени назначенія бояре: Черкаскій Иванъ Борисовичъ (б. съ 7121) 600 р., Пожарскій Дмитрій Михайловичъ и Сицкій Алексѣй Юрьевичъ (оба съ 7123 г.) по 400 р., Сулешовъ-же Юрій Енишеевичъ, ихъ сверстникъ,—не имѣлъ никакого оклада. Морозовы, Борисъ Ивановичъ и Иванъ Васильевичъ, оба пожалованы въ бояре въ 7142 г. Первый въ 7148 г. имѣлъ уже окладъ въ 500 р., а второй не былъ еще верстанъ боярскимъ окладомъ и противъ его имени прописано старое содержаніе стольника. Князь Никита Ивановичъ Одоевскій въ 7184 г. получалъ 930 р., да потомъ получилъ въ два раза по 100 р. прибавки; по книгамъ 7194 г. онъ получалъ 1130 р. По книгамъ 7194 г. бояринъ и оружничій Петръ Шереметевъ получалъ 1040 р., бояринъ и оберегатель кн. Василій Васильевичъ Голицынъ 850 р. За вѣчный міръ

II. Окольничіе.

Древнѣйшія указанія на окольничихъ относятся къ первой половинѣ XIV вѣка. При заключеніи договора московскими князьями, сыновьями Ивана Даниловича Калиты, Семеномъ, Иваномъ и Андреемъ, присутствовалъ въ числѣ свидѣтелей этого акта и окольничій, что и обозначено въ концѣ договора. Второе, близкое къ этому по времени свидѣтельство, находится въ рязанскихъ актахъ. Великій князь рязанскій, Олегъ Ивановичъ, по совѣщанію съ епископомъ и со своими боярами, далъ жалованную грамоту Ольгову монастырю, въ которой читаемъ:

«А бояре со мною были: Софоний Алтыкулачевичъ, Семенъ Өедоровичь, Микита Андрѣевичь, Тимошь Олександровичь, Манасѣя дядько, Юрьи окольничий, Юрьи чашьникъ, Семенъ Никитьичь съ братьею, Павелъ Соробичь» (Рум. Собр. I, № 23, 1341 годъ; А. И. I, № 2, 1356—1387)

Существованіе въ Рязани бояръ-дядекъ и окольничихъ служитъ доказательствомъ, что эти учрежденія не суть только московскія, а принадлежатъ къ обще-русскимъ.

По московскимъ памятникамъ XVI и XVII вѣковъ окольничимъ поручаются тѣ-же дѣла по управленію, какъ и боярамъ, но съ тѣмъ различіемъ, что они вездѣ занимаютъ второе мѣсто послѣ бояръ. Они сидятъ въ приказахъ, назначаются воеводами, послами, входятъ въ составъ государевой думы, все, какъ бояре, но только честью окольничіе меньше бояръ, а потому стоятъ всегда за боярами.

Но для уясненія того, что такое окольничіе, важна не эта широкая дѣятельность ихъ, а та тѣсная спеціальная, благодаря которой они выдѣлились изъ общей массы служилыхъ людей и стали именно окольничими, а не боярами введеными, не стольниками и пр.

съ польскимъ королемъ первый получилъ 100 р. рядовой придачи, а второй за службу и за миръ съ польскимъ королемъ 250 р., да рядовой придачи за тотъ-же миръ 100 р. (Моск. Арх. Мин. Юстиціи, Боярскія книги).

Указанія на эту первоначальную дѣятельность окольничихъ очень немногочисленны и относятся къ позднѣйшему времени.

Въ разрядныхъ книгахъ встрѣчаемся съ такой службой окольничихъ, которая никогда не возлагается на бояръ; если она возлагается иногда на другіе низшіе чины, напримѣръ, на дворянъ, то съ оговоркой, что они дѣлаютъ это «вмѣсто окольничихъ». Эту службу и надо считать спеціальной должностью окольничихъ.

Она состоитъ, во-1-хъ, въ устройствѣ всего необходимаго для путешествія князей. Московскіе государи предпринимали очень частыя поѣздки по монастырямъ для молитвы, по дѣламъ управленія и войны, увеселительныя, по загороднымъ дворцамъ, для охоты и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ передъ ними ѣхали окольничіе и устраивали станы для ихъ остановки, назначали дворы для помѣщенія ихъ свиты, заботились объ исправленіи дорогъ, проложеніи мостовъ и пр.

Въ мѣстническомъ спорѣ кн. Лыкова съ кн. Пожарскимъ находимъ такую выписку изъ разрядовъ на 1555 годъ:

«Какъ государь ходилъ на Коломну и Тулу, а передъ государемъ были окольничіе отпущены на Коломну, а роздавали дворы»..... Рус. ист. сбор. II, 346.

Въ разрядныхъ книгахъ подъ 1567 годомъ читаемъ:

«Лѣта 7076, сентября въ 3 день, ходилъ царь і великій князь Іванъ Васильевичъ...... въ свою отчину, въ Великій Новгородъ,.. .. окольничей предъ государемъ, Василей Ивановичъ Умный Колычевъ, Василей, Григоревъ сынъ, Зузинъ».

Подъ 1614 годомъ:

«Того-же году, какъ ходилъ государь къ Троицѣ, въ Сергіевъ монастырь, весною, и передъ государемъ были окольничіе для становъ: окольничей Никита Васильевичъ Годуновъ (съ 1599 года) да Иванъ Полусоха Ооонасьевъ, сынъ Загряской». Двор. разр. I, 132.

Что устраивать путь и станы для государя есть спеціальная обязанность окольничихъ, это видно изъ слѣдующаго мѣста разрядной книги за 1625 годъ:

«А какъ государь пошелъ отъ Троицы, Сергіева мона-

стыря, къ Москвѣ, и передъ государемъ шли, въ окольничихъ мѣсто, дворяне: князь Андрей, княжъ Никитинъ сынъ, Звенигородской да Семенъ, Ѳедоровъ сынъ, Глѣбовъ». Двор. разр. I, 751.

Дворяне исполняютъ здѣсь не свою, а чужую должность, должность окольничихъ.

Весьма характерно слѣдующее выраженіе въ челобитной Василья Зюзина отъ 1576 года:

«Государю, князю Ивану Васильевичу Московскому, бьетъ челомъ холопъ твой, Васюкъ Зюзинъ: сказали, государь, быти у твоего дѣла передъ тобою, государемъ, въ окольничихъ, Ѳедору Нагому да мнѣ, холопу твоему»..... Рус. Ист. Сб. I, 1.

Ѣхать передъ государемъ и устроивать все необходимое въ пути и значитъ быть въ окольничихъ.

Вторая спеціальная обязанность окольничихъ состояла въ представленіи государю иностранныхъ пословъ. О пріемѣ шведскаго посла въ разрядной книгѣ за 1626 годъ сказано:

«А какъ посолъ пришелъ въ полату, и государю посла объявлялъ окольничей, Ѳедоръ Левонтьевичъ Бутурлинъ». Двор. разр. I, 866, ср. 975.

Съ этою цѣлью для окольничаго устраивалось въ пріемной палатѣ особое мѣсто, которое и называлось мѣстомъ окольничаго. Въ описаніи прощальной аудіенціи, данной въ 1627 году посламъ (двумъ купцамъ) шаха персидскаго читаемъ:

«На окольничемъ мѣстѣ сидѣлъ въ засѣдкахъ окольничей, Ѳедоръ Левонтьевичъ Бутурлинъ, купчинъ являлъ». Двор. разр. I, 916.

Между двумя указанными спеціальными родами службы окольничихъ можно усматривать опредѣленную связь. Почему пословъ являетъ окольничій, а не членъ посольскаго приказа, который стоитъ ближе къ этому дѣлу? Окольничіе, дѣлавшіе распоряженіе о помѣщеніи, во время поѣздокъ, государя и его свиты, распоряжались и отводомъ дворовъ для помѣщенія пословъ и ихъ свиты. Они, слѣдовательно, принимали пословъ, первые знакомились съ ними, а потому и

являли ихъ государю. Указаніе на это находимъ въ статейномъ спискѣ посольскихъ сношеній съ Польшей въ малолѣтство Ивана Грознаго. Въ іюлѣ 1534 года въ Москвѣ получено было извѣстіе о томъ, что къ царю ѣдетъ отъ короля посланникъ, подчашій Никодимъ, кревскій державца. Для береженья къ нему были назначены Борисъ и Иванъ Ступишины съ дѣтьми боярскими. При встрѣчѣ Никодима на Дорогомиловѣ они сказали ему:

«Великого государя Ивана, Божіею милостію государя всея Русіи и великого князя, окольничіе велѣли намъ у тобя быти и подворье тобѣ указати» (А. Зап. Рос. II, 251 сл.).

Окольничіе распоряжаются встрѣчею пословъ, назначаютъ необходимыхъ для этого лицъ и отводятъ дворы для ихъ помѣщенія.

Такова спеціальность окольничихъ. На это указано еще Миллеромъ (Извѣстіе о дворян. рос., 74). Отъ «околичности дорогъ» въ смыслѣ дѣла, поручаемаго окольничимъ, онъ производитъ и самое ихъ наименованіе.

Спеціальность окольничихъ менѣе важна и почетна, чѣмъ спеціальность бояръ введеныхъ. Поэтому въ должность эту назначались члены фамилій, менѣе родовитыхъ, чѣмъ въ должность бояръ введеныхъ. У Котошихина читаемъ:

«А встрѣтить пословъ и принять посылаетца столникъ, середнего роду, которые бываютъ въ околничихъ» 50.

Котошихинъ разумѣетъ здѣсь такіе роды, которые выше окольничества не подымаются. Для этихъ среднихъ родовъ окольничество есть высшая ступень на служебномъ поприщѣ, которой они могутъ достигнуть.

Возникновеніе чина окольничихъ относится еще къ тому времени, когда служба была вольная; вольные же слуги носили наименованіе бояръ, дѣлившихся на лучшихъ, среднихъ и меньшихъ. Окольничіе, слѣдовательно, назначались тогда изъ среднихъ боярскихъ родовъ, а бояре введеные изъ лучшихъ. Этимъ объясняется возможность слѣдующихъ выраженій въ источникахъ:

«Послалъ князь великій въ Литву боярина своего окольничаго Григорія Ѳедоровича, сына Давидовича». Ник. VI. 185.

Окольничій здѣсь чинъ, бояринъ же—бытовое названіе, присоединенное къ чину для большаго почета, подобно тому, какъ въ наше время говорятъ и пишутъ: «господинъ надворный совѣтникъ!» *).

Приводимъ списокъ фамилій, члены которыхъ не поднимались выше званія окольничаго. Это будутъ третьестепенные роды.

Въ XV вѣкѣ:

Басенокъ, Воронцовы, Ощера были въ окольничихъ по 1 разу.

Въ XVI вѣкѣ:

Головины—5 разъ;
Беззубцевы и Карповы по 3 раза;
Вельяминовы, кн. Великіе, Мамоновы, Нагово и кн. Тулуповы по 2 раза;
кн. Вяземскіе, кн. Гагины, кн. Долгорукіе, кн. Елецкіе, Житовы, Жулебины, кн. Засѣкины, Зайцевы, кн. Звенигородскіе, Ивановы, Ивановичи, Квашнины, Китаевы, Клешнины, Ляцкіе, кн. Ноздреватые, Петровы, Сакмышевы, кн.

*) Въ такомъ же смыслѣ употребляются эти два термина и въ Смоленскѣ. Въ жалованной грамотѣ вел. кн. Василія Ивановича Смоленску отъ 1514 года читаемъ:

«А отъ ябедниковъ нашему намѣстнику и нашимъ окольничимъ бояръ и мещанъ и черныхъ людей беречи»... Рум. собр. I. № 148.

Окольничій—чиновникъ, бояринъ—высшій классъ населенія вообще. См. еще выраженія, подобныя приведенному въ текстѣ, въ Сб. Имп. Рус. ист. общ. XXXV, 413, 487, 643.

Въ Новиковскомъ извлеченіи изъ Шереметевской боярской книги подъ 7130 годомъ читаемъ:

«Сказано бояре:

Князь Андрей Васильевичъ Сицкой, онъ же и въ окольничихъ».

Это значитъ: кн. Сицкому въ томъ же году было сказано окольничество, а потомъ боярство, подобно тому, какъ подъ 7014 годомъ Давыдовъ показанъ среди окольничихъ, но съ припиской «въ боярехъ». Ниже, подъ тѣмъ же годомъ, сказано, что Давыдовъ возведенъ въ боярство.

Токмаковы, кн. Туренины, Чулковы и кн. Щербатые по 1 разу.

Въ XVII вѣкѣ:

Кн. Щербатые 3 раза;
Вельяминовы, Волынскіе и Измайловы по 2 раза;
Алферьевы, Боборыкины, Гавреневы, кн. Гагины, Еропкины. кн. Засѣкины, Козловскіе, Кондыревы, Коробьины, Литвиновы, кн. Оболенскіе, Проѣстевы, Скуратовы, Соковнины, Сукины, Чоглоковы и Щелкаловы по 1 разу.

Число окольничихъ первоначально было очень невелико и, по всей вѣроятности, соотвѣтствовало дѣйствительной въ нихъ потребности. По смерти великаго князя Василія Васильевича на лицо оказался всего одинъ окольничій и весьма долгое время при его преемникѣ число ихъ не превышало трехъ. Но къ концу царствованія Ивана Васильевича оно значительно возростаетъ. Онъ оставилъ своему сыну шесть окольничихъ. При Грозномъ встрѣчаемъ постоянныя назначенія окольничихъ, иногда по 4, по 5 и даже по шести человѣкъ въ одинъ годъ. Дмитрій самозванецъ при вступленіи на престолъ нашелъ десять окольничихъ и поспѣшилъ прибавить къ нимъ еще четырехъ. Василій Ивановичъ Шуйскій къ этимъ 14 прибавляетъ въ первый годъ своего царствованія еще трехъ. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ число окольничихъ весьма колеблется, достигая иногда цифры 9 и даже 17 человѣкъ. Въ годъ смерти его на лицо было четыре окольничихъ. Алексѣй Михайловичъ въ первый годъ вступленія своего на престолъ назначилъ 8 новыхъ окольничихъ и затѣмъ въ теченіи первыхъ лѣтъ своего царствованія ежегодно назначалъ по 3, по 4 и по 5, а въ 1655 назначилъ 8 человѣкъ. Своему преемнику онъ оставилъ 12 окольничихъ.

Вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа окольничихъ, должность эта все болѣе и болѣе эманципируется отъ своего первоначальнаго назначенія. Для устройства становъ въ XVI и въ XVII вѣкѣ все чаще и чаще посылаютъ дворянъ. Окольничіе же утверждаются въ значеніи второго чина въ государствѣ и занимаютъ прочное мѣсто въ думѣ государевой, въ приказахъ,

въ посольствахъ, по воеводствамъ. Это званіе дѣлается удобной ступенью для приближенія къ царю и проведенія въ боярство людей не именитыхъ, но угодныхъ. Адашевъ, Басмановы, Годуновы, Стрѣшневы, Матвѣевъ, Нарышкины, Хитрово — всѣ они проходили въ боярство чрезъ окольничество.

Въ XVII вѣкѣ среди окольничихъ появляются ближніе, или комнатные. Этимъ ближнимъ иногда дается мѣсто даже впереди бояръ не ближнихъ. 26 августа 1675 года, въ день ангела царицы, Натальи Кириловны, государыня, возвратясь отъ обѣдни, изволила жаловать придворныхъ пирогами. На этой церемоніи близкіе окольничіе: Иванъ Ѳедоровичъ Стрѣшневъ, Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ и Иванъ Богдановичъ Хитрово были поставлены выше именитыхъ бояръ не комнатныхъ: кн. Трубецкаго, Шереметева, кн. Репнина, Милославскаго и кн. Барятинскаго (Двор. разр. III. 1624).

Сказанное о боярахъ относительно жалованья, назначенія ихъ въ должность и лишенія ея относится и къ окольничимъ. Они тоже не имѣли опредѣленныхъ штатовъ и по назначеніи на должность могли оставаться на прежнемъ содержаніи. Уложеніе опредѣляетъ окольничимъ, какъ и боярамъ, только размѣръ помѣстнаго оклада въ Московскомъ уѣздѣ — во 150 четей. Но это вовсе не значитъ, что такой окладъ имъ непремѣнно давался при назначеніи въ окольничіи. Онъ могъ быть данъ, но для этого нуженъ былъ особый государевъ указъ.

Мы сказали выше, что непринятіе должности боярина хотя и возможно, но мало вѣроятно, въ виду первостепеннаго значенія введенаго боярства. Нельзя того-же сказать объ окольничествѣ. По первоначальному своему значенію эта должность неважная. Принять ее, значитъ заявить о своей принадлежности къ второстепеннымъ и даже третьестепеннымъ родамъ. По соображеніямъ служилой чести, жалуемые окольничествомъ иногда отказываются отъ этого назначенія. Примѣръ такого отказа даетъ, между прочимъ,

Петръ Петровичъ Головинъ. Онъ не принялъ окольничества въ 1651 году на томъ основаніи,

«Что въ окольничихъ въ его пору нѣтъ, а отецъ де его былъ въ боярѣхъ» (Симб. сбор., 113; П. С. З № 61, стр. 253).

Отецъ Петра Петровича Головина дѣйствительно былъ бояриномъ (съ 1611 г.), но изъ нашего списка видно, что въ XVI вѣкѣ Головины выше окольничихъ не шли, а въ XVII хотя и повысились, но бывали и въ боярахъ и въ окольничихъ; только отецъ Головина былъ прямо назначенъ бояриномъ съ обходомъ окольничества. Это обстоятельство, по всей вѣроятности, и было причиной честолюбивыхъ притязаній сына. Но правительство не нашло возможнымъ стать на его точку зрѣнія. На челобитье Головина послѣдовала такая резолюція:

«Государь было тебя страдника пожаловалъ, не по твоей страдничей мѣрѣ, честью въ окольничіе, и ты де государя прогнѣвилъ, сказалъ, что-де ваши родители въ окольничихъ не бывали, и бояре было приговорили, за твою страдничью вину, тебя, бивъ кнутомъ, сослать въ Сибирь, и государь на милость положилъ, кнутомъ бить и въ Сибирь сослать не велѣлъ, а велѣлъ тебя написать по московскому списку и ни въ какой чести тебѣ у него, государя, не бывать».

Въ слѣдующемъ году Головину снова сказано окольничество. На этотъ разъ онъ не отказывался и умеръ въ званіи окольничаго въ 7162 году.

Въ 1623 году окольничіе, Борисъ и Михайло Салтыковы, заслужили казнь, но государь большого наказанья надъ ними учинить не велѣлъ, а велѣлъ послать ихъ по деревнямъ, при государѣ же быть имъ непригоже, помѣстья и вотчины отобраны на государя. Это значитъ, что Салтыковы были лишены и окольничества, хотя у Новикова это не отмѣчено. Въ 1633 году Михайло Салтыковъ былъ помилованъ: «пожалованъ прежнею честью, государь велѣлъ ему быть въ окольничихъ попрежнему». Рум. Собр. III, № 64 и 98.

Лишить чести значитъ лишить чина.

III. Дворецкіе.

Древнѣйшее упоминаніе о дворецкихъ встрѣчаемъ въ лѣтописи подъ 1171 годомъ:

«И поможе Богъ Андреевичю Мстиславу съ братьею, и взяша Кіевъ. Мстиславъ же Изяславичь бѣжа изъ Кіева на Василевъ. И постигша и Бастѣева чадь, начаша стрѣляти въ плечи ему, и много изоимаша дружины около его: Яша Дмитра Хороброго и Олексея дворьского»...... Ипат.

Слѣдующее за тѣмъ извѣстіе находимъ въ той-же лѣтописи подъ 1235 годомъ. Послѣ того, какъ галицкіе граждане высказались въ пользу князя Даніила Романовича и съ криками: «се есть держатель нашъ, Богомъ данный», устремились къ нему на встрѣчу, были вынуждены выйти на встрѣчу князя и власти: епископъ Артемій, и дворьскій, Григорій *).

Какъ показываетъ слово, дворскіе, или дворецкіе имѣютъ непосредственное отношеніе ко двору. Они завѣдуютъ дворомъ князя. Можно думать, что это только новое наименованіе для извѣстныхъ уже намъ домовыхъ ключниковъ. О Владимірскомъ князѣ Андреѣ Боголюбскомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что онъ во всемъ довѣрялся ключнику Анбалу, который имѣлъ ключи отъ всего дома:

«Тотъ бо ключь держашеть у всего дому княжа и надо всими волю ему далъ бяшеть» князь (Ипат. 114).

Этотъ ключникъ, конечно, и былъ дворецкимъ боголюбовскаго дома князя Андрея. Главные ключники, по всей вѣроятности, и получили титулъ дворскаго и дворецкаго, т. е. завѣдующаго всѣмъ дворовымъ хозяйствомъ. Дворскіе были и у частныхъ лицъ.

Дворскаго необходимо было имѣть въ каждомъ дворѣ и въ каждомъ имѣніи, гдѣ былъ у князя свой дворъ и свое

*) Болѣе древнее извѣстіе Никоновской лѣтописи подъ 1097 годомъ: «и усрѣте и дѣтскый его, сирѣчь дворецкій», есть, конечно, объясненіе позднѣйшаго составителя.

хозяйство. Такихъ дворскихъ всегда было нѣсколько, и число ихъ было тѣмъ большее, чѣмъ больше было дворовъ у князя. По различію дворовъ и дворскіе должны были различаться. Дворскіе городскихъ дворовъ, въ которыхъ была резиденція князя и къ которымъ стягивалось хозяйство всѣхъ другихъ дворовъ, стояли выше другихъ дворскихъ, которые были имъ подчинены. Состоя при князѣ и завѣдуя всѣмъ его хозяйствомъ, которое въ древнѣйшее время все сосредоточивалось во дворѣ князя и не отдѣлялось отъ государственнаго хозяйства, эти дворскіе могли быть весьма вліятельными людьми. Такимъ выдающимся положеніемъ въ Галичѣ пользовался вышепомянутый дворскій, Андрей. Лѣтописецъ разсказываетъ, что онъ, вмѣстѣ съ епископомъ, нѣкоторое время «возбранялъ» Даніилу занимать Галичъ. Перейдя же на сторону Даніила, онъ занялъ при немъ выдающееся положеніе и въ 1239 году былъ посланъ съ войскомъ на Перемышль съ порученіемъ прогнать находившагося тамъ и строившаго ковы противъ Даніила князя Константина Рязанскаго. Карам. IV. пр. 20.

Гораздо болѣе извѣстій о дворскихъ находимъ въ московскихъ памятникахъ. Изъ жалованныхъ грамотъ XIV и слѣдующихъ вѣковъ надо вывести, что дворскіе находятся при каждомъ дворѣ князя и имѣютъ право въѣзжать въ сосѣднія частныя имѣнія для наряда жителей къ исполненію «княжаго дѣла», то есть извѣстныхъ повинностей въ пользу княжескаго двора: ставить дворъ князя, кормить его коней и пр. Если князь освобождалъ кого отъ этихъ повинностей, то въ грамотѣ, обыкновенно, говорилось:

«Не надобѣ имъ (пожалованнымъ) ни которая дань, ни ямъ, ни подвода........, ни служба, ни дѣло княже, ни дворьскіи, ни старосты ать ихъ не займаютъ ни про что» *).

*) А. Э. I. № 5. 1361. Жалованныя грамоты писались не всегда въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ. Въ нѣкоторыхъ, вмѣсто подробнаго перечисленія повинностей, говорится вообще: «не тянутъ ни въ какіе протори и розметы», или: «не надобѣ имъ ни которая пошлина». Не смотря

Эти дворскіе, какъ пользующіеся довѣріемъ князя, вмѣстѣ со старостами и лучшими людьми, цѣловальниками, должны были присутствовать на судѣ кормленщиковъ:

«А безъ дворскаго и безъ старосты и безъ лутчихъ людей суда намѣстникомъ и волостелемъ не судити». Суд. 1497 г., ст. 38.

Второй Судебникъ къ этому добавляетъ:

«А дворскому да старостѣ и цѣловальникомъ къ тѣмъ суднымъ дѣломъ руки свои прикладывати». Ст. 62.

Это мелкіе дворскіе, которые своего суда не имѣли, а только принимали участіе на судѣ кормленщиковъ. Выше ихъ были дворскіе большихъ дворцовъ, находившіеся въ главныхъ городахъ княженій. Имъ принадлежало главное начальство надъ дворцовымъ хозяйствомъ. Подъ вѣдомствомъ ихъ состояли не только дворные люди, дворяне, но и земли.

Въ духовой грамотѣ серпуховскаго князя, Владиміра Андреевича, читаемъ:

«А кто будетъ подъ дворьскимъ слугъ, тѣхъ дѣти мои промежи себе не приимаютъ, ни отъ сотниковъ; а кто тѣхъ выйдетъ изъ удѣловъ дѣтей моихъ, инъ земли лишонъ, а земли ихъ сыну моему, чей будетъ удѣлъ». 1410. Рум. Собр. I. № 40.

Подъ слугами, подчиненными дворскому, надо разумѣть всякихъ людей, состоявшихъ на службѣ двора. Въ началѣ XV вѣка эти люди получали земельный надѣлъ и, слѣдовательно, нѣкоторые изъ нихъ могли уже не жить во дворѣ князя; они жили въ своихъ дворахъ, но на земляхъ князя. Тѣмъ не менѣе и они были подчинены дворскимъ. Духовная серпуховскаго князя въ числѣ такихъ дворовыхъ слугъ, устроенныхъ княжеской землей, называетъ бортниковъ (пчеловодовъ), садовниковъ, псарей, бобровниковъ, барашей (бара—домашняя рухлядь, барачъ—смотритель рухляди) и дѣ-

на это разнообразіе формы грамотъ, упоминанія о дворскихъ весьма нерѣдки. См. А. Э. I. № 19, 28, 34, 35, 44, 46, 51, 56, 75, 88, 102, 120, 122 и 131, отъ 1414 по 1494; № 164 и 300, отъ 1517 и 1578.

люевъ. Въ началѣ XV вѣка все это были еще вольные слуги, а потому могли уйти. Данныя имъ земли возвращались, однако, въ такомъ случаѣ, князю. Дворскій, вѣдая дворовыхъ людей, вѣдалъ и земли дворцовыя и раздавалъ ихъ въ видахъ удовлетворенія дворцовыхъ нуждъ. Духовная грамота Владиміра Андреевича даетъ поводъ думать, что до возникновенія особаго помѣстнаго приказа дворскіе надѣляли помѣстьями и дворскихъ людей, обязанныхъ военною службою. Между дворецкими и дворянами въ XV вѣкѣ могла существовать очень тѣсная связь. Наши дворецкіе сродни, такимъ-образомъ, майордомамъ первыхъ франкскихъ королей.

Въ старину, кто кѣмъ управлялъ, тотъ того и судилъ. Большіе дворецкіе, поэтому, были судьями всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя находились подъ ними. До возникновенія спеціальныхъ приказовъ, ихъ суду подлежали какъ всѣ дворовые слуги, такъ и слуги, устроенныя государевыми землями.

Кромѣ указанныхъ дѣлъ вѣдомству и суду дворецкихъ Большаго Дворца предоставлялся иногда привилегированный судъ въ тяжбахъ нѣкоторыхъ монастырей. Троице-Сергіеву монастырю давалась иногда привилегія судиться предъ великимъ княземъ или «бояриномъ и дворецкимъ Большого Дворца» (Ѳедот.-Чехов. № 75, жалов. гр. отъ 1546 г., ср. А. Э. I. № 198. 1543).

Есть основаніе думать, что и нѣкоторыя другія дѣла, касающіяся монастырей, доходили до московскихъ государей также чрезъ дворецкихъ. На оборотѣ грамоты великаго князя Василія Ивановича въ Тверь городовому прикащику объ отводѣ Валоколамскому монастырю мѣста въ городѣ для осаднаго двора написано:

«Князь великій всея Руси. А приказалъ дворецкой Михайла Юрьевичъ». 1521. А. Э. I. № 169.

Дворецкій приказалъ отводъ двора потому, конечно, что чрезъ него шолъ докладъ объ этомъ царю.

Такую-же надпись имѣетъ и жалованная грамота Переяс-

славскому-Данилову монастырю на право безпошлиннаго провоза монастырскихъ товаровъ. 1548. А. Э. I. № 222.

Вѣдомство духовенства дворецкимъ надо разсматривать какъ особую привилегію лицъ духовнаго званія. Большими дворецкими, въ большинствѣ случаевъ, были бояре введеные. Духовенство вѣдалось, слѣдовательно, лицомъ, облеченнымъ самымъ высшимъ чиномъ въ государствѣ. То же значеніе имѣетъ и позднѣйшее сосредоточеніе дѣлъ о духовенствѣ въ приказѣ Большого Дворца.

Съ присоединеніемъ къ Москвѣ сосѣднихъ княженій число большихъ дворецкихъ увеличивается, такъ какъ въ распоряженіе московскихъ великихъ князей поступаютъ и дворцы упраздняемыхъ княжествъ. Въ памятникахъ XVI в. у московскихъ государей мы встрѣчаемъ: рязанскаго дворецкаго, тверскаго, нижегородскаго, новогородскаго, казанскаго и астраханскаго *).

Съ дальнѣйшими успѣхами объединенія и съ развитіемъ приказнаго устройства эти остатки удѣльной старины исчезаютъ. Въ XVII вѣкѣ все дворцовое управленіе сосредоточивается въ приказѣ Большого (московскаго) Дворца, во главѣ котораго стоитъ одинъ московскій дворецкій **). Этотъ московскій дворецкій вѣдаетъ хозяйственные дворы: сытенный, кормовой, хлѣбенной, житенной и всѣхъ дворовыхъ людей. Для обезпеченія нуждъ Большого Дворца ему отданы доходы съ кабаковъ, таможенъ, съ мельницъ, рыбныхъ ловель и друг. Съ тою-же цѣлью онъ вѣдаетъ тягломъ и податями посадскихъ людей болѣе чѣмъ въ 40 городахъ; да въ Москвѣ къ нему приписано восемь слободъ торговыхъ и ремеслен-

*) Рус. Лив. А. № CCCLXIX, 1521; Рум. Собр. I. № 144, 1504; Симб. Сбор., Разрядн. кн. подъ 1559 г.; Тверск. лѣт. VIII. 266. 1519.

**) Кромѣ приказа Большого Дворца Котошихинъ называетъ еще приказъ Казанскаго Дворца (VII. 6). Но этотъ приказъ вѣдалъ въ XVII вѣкѣ не дворцовое управленіе «а Казанское и Астраханское царствы» во всѣхъ отношеніяхъ: военномъ, финансовомъ и пр. Казанскій Дворецъ вѣдалъ, между прочимъ, и царскіе рыбные промыслы, но присылаемую въ Москву рыбу передавалъ въ распоряженіе московскаго Приказа Большого Дворца.

ныхъ людей: котельниковъ, оловянишниковъ, кузнецовъ, плотниковъ, рыбниковъ, шатерниковъ, горшечниковъ, печниковъ и кирпичниковъ. Эти московскіе ремесленные люди стоятъ въ особомъ положеніи: они платятъ подати во дворецъ наряду съ посадскими другихъ приписныхъ городовъ, да кромѣ того «они-жъ повинни работать всякіе дѣла на царскомъ дворѣ, что прилучится, безденежно».

Котошихинъ, у котораго мы взяли эти подробности, не объясняетъ, почему московскіе посадскіе люди несутъ болѣе тяжелыя повинности, чѣмъ не московскіе (VII, 4). Причина можетъ заключаться просто въ фактѣ большей ихъ близости ко двору и въ возникающемъ отсюда удобствѣ возложить на нихъ кромѣ общихъ денежныхъ еще и натуральныя повинности. Но мы думаемъ, что причина этого различія можетъ быть и болѣе разумная. Она можетъ условливаться забытой людьми XVII вѣка стариной. Выше мы указали, что дворовые люди селились на княжескихъ земляхъ и должны были за эти земли нести нѣкоторыя повинности по отношенію ко двору. Жители восьми упоминаемыхъ Котошихинымъ слободъ могли быть также поселены на дворцовыхъ земляхъ; отсюда тотъ плюсъ повинностей, который неизвѣстенъ посадскимъ 40 приписныхъ городовъ.

Въ устройствѣ московскаго приказа Большого Дворца XVII вѣка находимъ и другой остатокъ старины. Дворы сытенный, кормовой, хлѣбенный и житенный, обязанные снабжать Большой Дворецъ питьями и яствами, состоятъ въ вѣдѣніи «ключниковъ». Это тѣ-же тіуны-ключники, которые заботились о столѣ Владиміра Мономаха, и на которыхъ онъ совѣтовалъ не полагаться.

Какъ на остатокъ глубокой старины надо смотрѣть и на обязанность дворецкаго служить за столомъ государя. При описаніи обѣда, даннаго въ честь англійскаго посла, въ дворцовыхъ разрядахъ на 1617 годъ записано:

«За кушаньемъ у государева поставца сидѣлъ дворецкій и бояринъ, Борисъ Михайловичъ Салтыковъ».

Объ этой службѣ дворецкаго за столомъ государя Котошихинъ разсказываетъ слѣдующее:

«И какъ царь садится ѣсть, въ обѣдъ и въ вечеру, или когда бываютъ власти и бояре на обѣдѣ, и у поставца садитца дворецкой, или околничей и думной человѣкъ, или дьякъ дворцовой, и отпущаютъ ѣству къ царю, и къ царицѣ, и къ царевичамъ, и къ царевнамъ, накушивая, и роздаютъ ѣствы въ раздачи по росписямъ...» (VI. 3).

Изъ того, что дворецкій могъ быть замѣненъ окольничимъ и даже дьякомъ, слѣдуетъ, что въ XVII вѣкѣ дворецкій не всегда самъ служилъ за столомъ, а только въ исключительныхъ случаяхъ. Но это, конечно, первоначальная его обязанность; все остальное—къ ней приложилось. Дворецкій, по историческому своему происхожденію, есть первый дворовый человѣкъ и только. Услуги за столомъ своего государя однѣ изъ важнѣйшихъ его обязанностей.

Дворецкій есть должность частнаго домоводства, а не публичная. Въ этомъ отношеніи онъ ниже окольничаго. Окольничій устраиваетъ дороги, дѣлаетъ мосты, гати, отводитъ дворы для помѣщенія государя и его свиты. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ есть лицо, облеченное властью внѣ двора государева; дворецкій, прежде всего, власть во дворѣ и для дворовыхъ людей. Значительный подъемъ должности дворецкаго совершается въ промежутокъ времени между первымъ и вторымъ Судебниками. Первый Судебникъ еще ничего не знаетъ о самостоятельномъ судѣ дворецкихъ, онъ говоритъ только о судѣ бояръ и окольничихъ; второй Судебникъ за судомъ окольничихъ упоминаетъ судъ дворецкихъ (1).

Этому первоначально невысокому значенію дворецкаго соотвѣтствуетъ то, что честью онъ ниже окольничаго. Онъ первый дворовый человѣкъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а потому имѣетъ мѣсто впереди другихъ дворовыхъ людей, но послѣ окольничихъ.

Въ 1501 (7009) году назначенъ былъ дворецкимъ князь Петръ Васильевичъ Великій. Его назначеніе занесено въ боярскую книгу послѣ назначенія окольничихъ. Въ томъ же

году онъ былъ отставленъ отъ этой должности. Въ 1504 (7012) онъ снова назначенъ дворецкимъ и затѣмъ до самой смерти (въ 7021, когда былъ пожалованъ въ окольничіе) въ перечнѣ чиновъ всегда занималъ мѣсто послѣ окольничихъ. То-же самое повторилось и съ княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Хворостининымъ. Въ 1577 (7085) году онъ былъ назначенъ дворецкимъ, и назначеніе это записано послѣ назначенія окольничихъ. Затѣмъ до 1584 (7092) года, когда былъ пожалованъ въ званіе окольничаго, онъ постоянно занималъ въ книгахъ мѣсто послѣ окольничихъ (Новиковъ, XX).

Итакъ, дворецкій самъ по себѣ честью ниже окольничаго. Но должность дворецкаго можетъ быть дана окольничему и даже боярину, или извѣстное лицо можетъ быть пожаловано единовременно въ бояре и въ дворецкіе, въ окольничіе и дворецкіе; въ такомъ случаѣ оно занимаетъ въ спискѣ чиновъ мѣсто по окольничеству или боярству. Но и въ этихъ случаяхъ званіе дворецкаго ничего не прибавляетъ къ его чести и не дѣлаетъ первымъ среди бояръ или окольничихъ. Бояре-дворецкіе великаго князя Василія Васильевича, Сабуровъ и Заболоцкій, занимаютъ въ спискѣ мѣсто ниже бояръ его: Плещеева, кн. Патрикеева и кн. Стриги-Оболенскаго.

Благодаря напечатанному Новиковымъ извлеченію изъ боярской книги М. П. Шереметевой, мы можемъ составить списокъ дворецкихъ съ конца царствованія Василія Васильевича Темнаго.

Въ годъ смерти Василія Васильевича (1462) было двое бояръ дворецкихъ: М. Ѳ. Сабуровъ († 1464) и Гр. В. Заболоцкій († 1473). Какъ дѣлилось между ними управленіе дворцовымъ вѣдомствомъ, этого мы не знаемъ. Двойственность продолжается и по смерти Сабурова, такъ какъ на его мѣсто, еще при жизни Заболоцкаго, назначенъ бояринъ дворецкій М. Я. Русалка Филимоновъ Морозовъ. Но со смерти Заболоцкаго (1473) и до 1646 года въ Москвѣ былъ всегда одинъ дворецкій.

Въ XVI вѣкѣ дворецкими были:

сынъ боярскій, кн. П. В. Великій, назначенъ дворецкимъ въ годъ смерти Морозова (1501), но тогда же отставленъ; снова-назначенный въ 1504 онъ оставался въ должности дворецкаго до своей смерти въ 1513 году;
бояринъ В. А. Челяднинъ съ 1513 по годъ смерти въ 1518;
бояринъ кн. Ѳед. Лопата-Оболенскій съ 1519 по 1530 (†);
бояринъ М. В. Тучковъ съ 1531 по 1535 (†);
бояринъ кн. И. И. Кубенскій съ 1535 по 1546, когда онъ выбылъ изъ дворецкихъ;
бояринъ И. И. Хабаровъ съ 1547 по 1549, когда онъ былъ отставленъ;
бояринъ Д. Р. Юрьевъ съ 1549 по 1566 (†);
бояринъ Н. Р. Юрьевъ съ 1566 по 1577, когда онъ выбылъ изъ дворецкихъ, но остался бояриномъ; † 1585;
дворянинъ кн. Ѳ. И. Хворостининъ съ 1577 по 1585 (въ 1584 окольничій, въ 1589 бояринъ, въ 1608 †);
бояринъ Гр. В. Годуновъ съ 1585 по 1598 (†);
бояринъ Ст. В. Годуновъ съ 1599 по 1605 (†).

Шереметевская книга перечисляетъ только московскихъ дворецкихъ, а въ XVI вѣкѣ были дворецкіе, управлявшіе дворцами присоединенныхъ къ Москвѣ княженій. Вотъ имена встрѣтившихся намъ городовыхъ дворецкихъ:

въ 1521 году тверской дворецкій, бояринъ М. Ю. Захарьинъ; тверскимъ же дворецкимъ при Василіѣ Ивановичѣ былъ И. Ю. Шигона-Поджогинъ;
въ 1523 нижегородскій дворецкій, окольничій А. Н. Бутурлинъ;
въ 1555 новогородскій дворецкій, сынъ боярскій С. В. Шереметевъ;
въ 1559 рязанскій дворецкій, окольничій кн. В. А. Сицкій.

Въ томъ же году казанскимъ, нижегородскимъ и астраханскимъ дворецкимъ былъ бояринъ М. И. Вороной-Волынскій.

Въ XVII вѣкѣ московскими дворецкими были:

бояринъ кн. В. М. Рубецъ-Мосальскій съ 1605 по 1606, когда его отставили;
бояринъ И. Ѳ. Крюкъ-Колычевъ съ 1607 по 1609, когда выбылъ;

окольничій Арт. В. Измайловъ съ 1609 по 1613 (изъ окольничихъ выбылъ въ 1634);

окольничій Б. М. Салтыковъ съ 1613 по 1624 († въ 1646 бояриномъ, но не дворецкимъ).

Въ 1624 и 1625 годахъ дворцомъ управлялъ стольникъ Л. И. Далматовъ-Карповъ, безъ титула дворецкаго.

Въ 1626 году на его мѣсто «во дворецъ» назначенъ изъ дворянъ кн. А. М. Львовъ.

Въ дворцовыхъ разрядахъ на 6 января 1626 года объ немъ записано:

«Того же дни велѣлъ государь вѣдать во дворцѣ и сидѣть у отдачи, вмѣсто дворецкаго, изъ дворянъ князь Алексѣю, князь Михайлову сыну, Львову».

Это, по нашему сказать, исправляющій должность дворецкаго.

Въ 1627 Львовъ называется уже дворецкимъ, а въ слѣдующемъ году возводится въ званіе окольничаго съ оставленіемъ въ должности дворецкаго. Съ 1634 года онъ бояринъ-дворецкій и значится въ этой должности до 1652 года, когда былъ отставленъ.

Въ 1646 году въ званіи дворецкаго произошла существенная перемѣна. Изъ наименованія должности съ опредѣленнымъ кругомъ обязанностей оно стало почетнымъ титуломъ. Получивъ отъ своего отца только одного боярина дворецкаго, кн. А. М. Львова, Алексѣй Михайловичъ возводитъ въ это званіе въ 1646 году 12 человѣкъ, и затѣмъ проходитъ рѣдкій годъ, чтобы званіе боярина дворецкаго не было пожаловано одному, двумъ, а то, какъ въ 1653 году, и шести лицамъ. Такъ какъ назначеніе въ дворецкіе стало почетнымъ отличіемъ, то оно дѣлается вслѣдъ за назначеніемъ въ бояре и прежде назначенія окольничихъ. Можно даже думать, что съ этого времени назначеніе въ дворецкіе есть всегда назначеніе въ бояре-дворецкіе. Противъ имени всѣхъ, назначенныхъ дворецкими въ 1646 году (за исключеніемъ одного только Б. П. Шереметева), въ отмѣткѣ о смерти говорится: умеръ бояринъ и дворецкій. Но такъ какъ особаго назначенія въ бояре для многихъ изъ нихъ не было, то слѣдуетъ заключить, что въ 1646 году они были назна-

чены боярами-дворецкими. А съ 1655 года новыя назначенія дѣлаются всегда вмѣстѣ «въ бояре и дворецкіе».

Званія боярина и дворецкаго сливаются въ одинъ высшій почетный титулъ. Послѣдній, кому при Алексѣѣ Михайловичѣ было сказано: бояринъ и дворецкій, былъ окольничій Арт. Серг. Матвѣевъ, сосланный Ѳедоромъ Алексѣевичемъ, въ первый годъ по вступленіи его на царство, въ ссылку, въ Пустоозеро.

Несмотря на это измѣненіе въ значеніи чина дворецкаго, дворецкій и при Алексѣѣ Михайловичѣ управляетъ дворцомъ, но только одинъ, а не всѣ бояре-дворецкіе:

«Приказъ Большаго Дворца, а въ немъ бываетъ и сидитъ бояринъ и дворецкой, да окольничей, да думной человѣкъ, да два или три діака» (Котош. VII. 4).

Кто этотъ настоящій дворецкій, этого не видно по боярскимъ книгамъ. Его надо розыскивать въ дѣлахъ приказа Большаго Дворца, въ разрядахъ и пр.

IV. Конюшіе.

Чинъ конюшаго существуетъ съ самой глубокой древности. Конюшій упоминается уже съ княземъ Игоремъ въ плѣну половецкомъ въ 1185 году:

Съ нимъ бо (съ кн. Игоремъ) бяшеть тысячкого сынъ и конюшій его, и та нудяста и, глаголюща: пойди, княже, въ землю Рускую, аще восхощеть Богъ избавить тя». Ипат.

Знаетъ конюшаго и пространная Русская Правда. Она опредѣляетъ плату за убійство тіуна конюшаго (Тр. 10). Этотъ старинный тіунъ-конюшій, слѣдовательно, былъ ключникъ, приставленный къ лошадямъ. Въ его распоряженіи состояли конюхи, извѣстные и краткой Русской Правдѣ.

Конюшенное хозяйство составляетъ только часть общаго дворовага хозяйства, а потому должность конюшаго, по значенію своему, должна была уступать должности дворецкаго. Можно допустить, что конюхи и конюшіе первоначально

состояли въ вѣдомствѣ дворецкихъ. Они вѣдь тоже могли надѣляться дворцовыми землями, а всѣ такіе слуги состояли подъ дворскимъ. Изъ Шереметевской боярской книги видно, что при московскомъ дворѣ до самаго конца XV вѣка не было сановныхъ конюшихъ, которые занимали бы равное положеніе съ дворецкими. По всей вѣроятности, во все это время конюшенное вѣдомство и сами конюшіе состояли подъ дворскими. Впервые съ чиномъ конюшаго въ боярскихъ книгахъ встрѣчаемся въ 1496 году, а книги начинаются 1462 годомъ. Въ 1496 году въ званіе конюшаго былъ назначенъ бояринъ А. Ѳ. Челяднинъ. Съ этого времени по 1604 годъ, годъ отставки отъ должности послѣдняго конюшаго, при московскомъ дворѣ было 9 конюшихъ. Это все бояре: ни одинъ окольничій, не говоримъ уже о низшихъ чинахъ, не былъ удостоенъ званія конюшаго. Изъ приводимаго въ примѣчаніи *) списка бояръ-конюшихъ видно, что назначеніе ихъ не всегда слѣдуетъ непрерывно, а нарушается иногда промежутками въ 2, 8 и даже 17 и 18 лѣтъ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что должность конюшаго боярина возникла вовсе не для удовлетворенія какой-либо неотложной потребности управленія, какъ должности боярина введенаго, окольничаго или дворецкаго. Конюшенное вѣдомство управлялось кѣмъ-нибудь и въ тѣ длинные промежутки, когда конюшихъ-бояръ не было, какъ управлялось оно и до назначенія боярина А. Ѳ. Челяднина въ конюшіе. Мы даже знаемъ, кѣмъ управлялось. До учрежденія конюшихъ бояръ оно управлялось конюшими же, но не важными людьми, боярами, а мелкими чинами, которые имѣли мѣсто за стольни-

---

*) Вотъ списокъ бояръ-конюшихъ: А. Ѳ. Челяднинъ съ 1496 по 1503 †; И. А. Челяднинъ съ 1511 по 1515 †; кн. И. Ѳ. Овчина-Телепневъ-Оболенскій съ 1533 по 1539 †; кн. М. В. Глинскій съ 1541 по 1547, когда онъ былъ оставленъ; кн. В. В. Чулокъ-Ушатый назначенъ и умеръ въ 1549; И. П. Ѳедоровъ съ 1550 по 1567, когда онъ выбылъ; Б. Ѳ. Годуновъ съ 1584 по 1599; Д. И. Годуновъ съ 1599 по 1605 †; М. Ѳ. Нагой съ 1605 по 1606, когда былъ отставленъ.

ками (Сб. Им. рус. ист. общ. XXXV, 163) и, надо думать, состояли въ вѣдомствѣ дворецкихъ.

Думаемъ, что конюшіе-бояре, о которыхъ памятники говорятъ только съ конца XV вѣка, составляютъ не остатокъ старины, а нововведеніе великаго князя Ивана Васильевича. Онъ учреждаетъ приказы. Весьма возможно, что онъ первый выдѣлилъ конюшенное управленіе изъ общаго дворцоваго и во главѣ его поставилъ особаго боярина-конюшаго. Въ исторіи приказовъ нерѣдки факты возникновенія новыхъ учрежденій этого рода, исчезновенія ихъ въ формѣ слитія съ другими приказами, а потомъ—новаго появленія. Тоже могло происходить и со вновь учрежденнымъ Конюшеннымъ приказомъ: онъ то обособлялся отъ дворцоваго вѣдомства подъ начальствомъ конюшаго-боярина, то вновь сливался съ дворцомъ, то состоялъ подъ вѣдомствомъ ясельничаго, второй чинъ конюшеннаго вѣдомства, появляющійся въ боярскихъ книгахъ годомъ ранѣе конюшаго-боярина.

Конюшіе до 1496 года занимали не высокое мѣсто на лѣстницѣ московскихъ чиновъ. Въ спискѣ лицъ, назначенныхъ для сопровожденія въ Литву великой княжны Елены, они перечисляются послѣ стольниковъ (Сбор. Импер. рус. ист. общ. XXXV, 163). Съ 1496 года конюшіе назначаются только изъ бояръ, а потому занимаютъ мѣсто среди бояръ; но должность конюшаго ничего къ боярской чести не прибавила. Конюшіе пишутся послѣ бояръ-дворецкихъ; такъ писались: А. Ѳ. Челядининъ, кн. Оболенскій и кн. Глинскій.

Особое возвышеніе чина конюшаго начинается съ назначенія въ эту должность боярина И. П. Ѳедорова. Это назначеніе написано впереди назначенія бояръ, чего прежде никогда не дѣлалось: новые бояре заносились въ книгу всегда прежде новыхъ конюшихъ. Это первое возвышеніе конюшаго надъ боярами и притомъ въ лицѣ человѣка не родовитаго могло стоять въ связи со стремленіемъ Ивана Грознаго принизить гордость родовитыхъ бояръ. Тотъ-же порядокъ продолжается при Ѳедорѣ Ивановичѣ и царѣ Борисѣ. Назначеніе Бор. Ѳед. Годунова въ конюшіе

записано прежде назначенія бояръ; такъ-же записано и назначеніе царемъ Борисомъ въ конюшіе Дм. Ив. Годунова. Царь Борисъ сдѣлалъ и другое отступленіе отъ старины. Назначеніе дворецкимъ боярина Ст. Вас. Годунова велѣлъ онъ записать непосредственно за назначеніемъ Годунова — конюшаго и впереди бояръ, чего тоже прежде никогда не дѣлалось (Вивл. XX). Это первенствующее мѣсто двухъ бояръ Годуновыхъ, конюшаго и дворецкаго, условливается, конечно, не важностью самыхъ должностей, а родствомъ Годуновыхъ съ царемъ. Необычное возвышеніе родственниковъ царя было замѣчено родовитыми людьми и подало поводъ къ слѣдующимъ словамъ въ челобитныхъ боярина Вас. Пет. Морозова и двухъ Салтыковыхъ. Челобитныя эти были поданы въ 1616 году по случаю мѣстническаго спора, предъявленнаго окольничимъ, Никитою Годуновымъ, къ боярину В. П. Морозову. Въ челобитной Морозова читаемъ:

«Никита Годуновъ бьетъ челомъ тебѣ, государю, на меня, Василья, не по дѣлу, а менши ему быть меня, Василья, мочно. Николи Годуновымъ съ Морозовыми не сошлось..... А что упрекаетъ племянникомъ своимъ, Иваномъ Годуновымъ, что при царѣ Борисѣ былъ болши меня, Василья, и царю Борису въ тѣ поры была воля, по свойству своихъ выносилъ, и говорить было противъ царя Бориса не мочно»... Двор. разр. I. 226.

Также выражаются и Салтыковы.

Несмотря на осужденіе Бориса и личный характеръ противобоярской политики Ивана Грознаго, фактъ превознесенія конюшаго и дворецкаго надъ боярами-введеными совершился. Вліяніе его сказывается даже на Котошихинѣ, у котораго читаемъ:

«А кто бываетъ конюшимъ, и тотъ первой бояринъ чиномъ и честью»... VI. 6.

И въ другомъ мѣстѣ:

...... «И тотъ бояринъ (дворецкій) честію бываетъ другой человѣкъ, подъ конюшимъ первой»... VII. 4.

Это говоритъ человѣкъ, при жизни котораго вовсе не

было бояръ-конюшихъ. Онъ свидѣтельствуетъ о прошломъ, но не очень отдаленномъ. Память современниковъ Котошихина, отъ которыхъ онъ могъ слышать о значеніи конюшаго, очевидно, не шла далѣе конца XVI вѣка. До назначенія боярина Өедорова въ конюшіе, бояре-конюшіе всегда писались ниже бояръ и ниже дворецкихъ.

Несмотря на это возвеличеніе конюшаго-боярина, вѣдомство его и въ XVII вѣкѣ состоитъ изъ тѣхъ-же чиновъ, которые были извѣстны еще Русской Правдѣ. Это разные виды конюховъ, перечисляемые Котошихинымъ. Мы находимъ у него стремянныхъ конюховъ, которые дневали и ночевали на конюшнѣ; стряпчихъ конюховъ, которые чистили, поили, сѣдлали и запрягали лошадей; они же были и возницами. Въ разрядныхъ книгахъ они называются «стряпущими конюхами» (Двор. разр. III. 1407). Выше этихъ двухъ разрядовъ были столповые прикащики, на ихъ рукахъ находилась сбруя, колымажная казна, овесъ и сѣно; товарищами ихъ были задворные конюхи, которые чистили сбрую, мыли колымаги, всыпали лошадямъ овесъ, разносили сѣно.

Кто-же были эти конюхи?

Котошихинъ говоритъ:

«Всѣ тѣ вышеписанные чины—люди честные и пожалованные годовымъ денежнымъ жалованьемъ, и помѣстьями, и вотчинами» (стр. 67).

Конюхи государевы—люди чиновные; они владѣютъ помѣстьями, вотчинами и крестьянами. Чѣмъ-же отличаются они отъ другихъ помѣщиковъ, напримѣръ, дворянъ? Разница есть, но скорѣе количественная, чѣмъ качественная, и формальная, чѣмъ матеріальная. Дворяне-помѣщики лошадей царскихъ не чистили, сбруи дегтемъ не мазали, колымагъ не мыли, но на козлахъ возницами и дворяне-помѣщики ѣздили, даже старыхъ и родовитыхъ фамилій, княжескихъ. А съ другой стороны государевы конюхи не только лошадей и экипажи чистили, но и бывали въ разныхъ правительственныхъ посылкахъ. Находясь внѣ города, государи сносились

съ оставленными въ Москвѣ боярами чрезъ конюховъ. Въ дворцовыхъ разрядахъ на 1675 годъ читаемъ:

«Того жъ году присланъ, нарочно, изъ походу къ боярину, къ Артемону Сергѣевичу Матвѣеву, да къ думному дьяку посольскаго приказу, Григорью Богданову, съ товарищи — конюхъ; а указано ему боярину, Артемону Сергѣевичу Матвѣеву, ѣхать самому на дворъ къ князь Касбулату Муцаловичю Черкаскому и велѣно ему сказать, что бы онъ ѣхалъ, по указу великаго государя, къ нему, великому государю, въ походъ на Воробьеву гору къ рукѣ и съ узденями своими, съ черкасы». III. 1431.

Конюхъ объявляетъ царскій указъ.

Въ XVII вѣкѣ конюшенное вѣдомство достигло громадныхъ размѣровъ. По свидѣтельству Котошихина, число царскихъ лошадей съ рабочими и стрѣлецкими простиралось до 44 тысячъ. Для прокормленія ихъ существовали особыя «конюшенныя села», находившіяся въ вѣдомствѣ конюшихъ. Для описи, сыска и дозора этихъ селъ посылались конюхи, которые и вели имъ книги: дозорныя, приправочныя и иныя. Въ 1617 году дозорныя книги конюшенныхъ селъ въ Вологодскомъ уѣздѣ писали конюхи Вас. Голодецкій и Иванъ Соколовъ (Ѳедот. Чехов. № 98). Въ другихъ приказахъ такая-же служба возлагалась на дворянъ, стряпчихъ и стольниковъ.

На содержаніе перечисленныхъ конюховъ (число которыхъ въ одной Москвѣ простиралось свыше 300 человѣкъ) денежнымъ жалованьемъ была опредѣлена, между прочимъ, особая пошлина съ продажи лошадей. Съ этою цѣлью въ городахъ и селахъ были учреждены «конскія площадки», гдѣ и долженъ былъ происходить торгъ лошадьми съ запискою каждой продажи въ книги. Для наблюденія за правильнымъ поступленіемъ этого сбора посылались опять конюхи (Котош. 67 и сл.).

Рѣзкой разграничительной черты между конюхомъ и дворяниномъ-помѣщикомъ нельзя провести. Конюхи соединяютъ въ себѣ признаки старыхъ дворовыхъ людей, такъ какъ живутъ во дворѣ государя, и дворянъ XVII вѣка,

такъ какъ имѣютъ помѣстья и употребляются въ правительственныя посылки. Они — низшій классъ дворовыхъ чиновъ. Единственная опредѣленная разница между конюхами и непосредственно слѣдующими за ними высшими разрядами заключалась въ способѣ записки тѣхъ и другихъ въ книги: дворяне записаны въ городовыя десятни, конюхи въ списки Конюшаго приказа.

Шереметевская сводная книга, имѣющая дѣло съ верхами служебной лѣстницы, совершенно не интересуется конюхами и ничего объ нихъ не знаетъ. Не упоминаютъ о нихъ и боярскія книги. Но въ въ нихъ есть списки дьяковъ, подъячихъ и выбора городовыхъ дворянъ; это даетъ поводъ заключить, что всѣ разряды конюховъ занимали на служебной лѣстницѣ мѣсто ниже этихъ чиновъ.

Послѣдній разрядъ конюховъ составляли стадные конюхи; они пасли лошадей въ полѣ. По свидѣтельству Котошихина, ихъ было въ Москвѣ и городахъ около 200 человѣкъ. Древнѣйшее указаніе на конюховъ этого рода находимъ опять въ Русской Правдѣ. Тамъ упоминается «старый конюхъ у стада», пасшій лошадей князя Святослава Ярославича и убитый дорогобужцами (Акад. ст. 21). За смерть его князь приказалъ взыскать 80 гривенъ, плата, которая, обыкновенно, взималась за княжихъ мужей и тивуновъ княжихъ (огнищныхъ и конюшихъ) и превышала въ два раза обыкновенную плату за конюховъ (Тр. 9). Это обстоятельство и навело Карамзина на мысль, что «старый конюхъ» Святослава былъ важный чиновникъ, тіунъ конюшій. Мы уже выше имѣли случай замѣтить, что количество штрафныхъ денегъ не можетъ служить твердымъ основаніемъ для распознаванія качества людей. Иногда оно лишь свидѣтельствуетъ о степени раздраженія князя-хозяина и въ то-же время судьи.

Для ослѣпленія Василька (въ 1096 году) Святополкъ — Михаилъ, кіевскій князь, послалъ своего конюха, Сновида Изечевича, а Давыдъ Владимірскій — конюха Дмитра. Дмитръ, конечно, былъ конюхъ-возница, или, по московски, стряпчій

конюхъ, такъ какъ Давыдъ пріѣхалъ съ нимъ изъ Владиміра. Труднѣе сказать, что такое былъ Сновидъ Изечевичъ. Судя по окончанію на вичъ, это былъ не заурядный конюхъ, а близкій къ князю человѣкъ.

М. Ѳ. Нагой былъ послѣдній бояринъ-конюшій. Послѣ его удаленія отъ должности, бояре-конюшіе болѣе не назначались. Во главѣ дѣлъ конюшеннаго вѣдомства стоялъ съ этого времени ясельничій (Котоших. VI. 6).

Списокъ ясельничихъ Шереметевская боярская книга ведетъ съ 1495 года. Въ это званіе назначались люди не именитые, четвертостепенные. Изъ шестнадцати извѣстныхъ намъ фамилій ясельничихъ *), семь — дали думныхъ дворянъ и только три достигли окольничества; это Елизаровы, Кондыревы и Татищевы.

Ясельничіе, возводимые въ званіе дворянина въ думѣ, обыкновенно, выбывали изъ ясельничихъ и замѣщались иными лицами; такъ—Воейковъ замѣнилъ Татищева, Болтинъ—Биркина, Елизаровъ—Кондырева. Только Елизаровъ, кажется, нѣкоторое время былъ ясельничимъ и думнымъ дворяниномъ.

На служебной лѣстницѣ чиновъ ясельничіе занимаютъ мѣсто послѣ стряпчихъ съ ключемъ и впереди сокольничихъ **).

---

*) Въ званіи ясельничаго были: Ѳедоръ Векентьевъ 1459 + 1498; Давыдъ Лихаревъ 1499+1502; А. Ѳ. Дровнинъ 1503—1508; И. И. Суковъ 1509+1514; Ѳ. С. Хлоповъ 1516+1527; В. Г. Дровнинъ 1540+1556; В. Ѳ. Ошанинъ 1571+1582; М. И. Татищевъ 1596—1604; А. М. Воейковъ 1605+1606; Б. М. Глѣбовъ 1621+1631; И. В. Биркинъ 1632—1641; Б. Ѳ. Болтинъ 1641—1646; Ж. В. Кондыревъ 1647—1651; О. И. Елизаровъ 1652—1653; А. И. Матюшкинъ 1654—1664; И. А. Желябужскій 1664—1668; Ѳ. Я. Вышеславцевъ 1671—1677; въ 1677 назначенъ И. Т. Кондыревъ.

**) Изъ грамоты, напечатанной въ I т. Д. къ А. И. подъ № 53 отъ 1555 года, видно, что въ Новгородѣ существовало особое кормленіе, которое давалось ясельничимъ и называлось «ясельничее». Въ 1555 году Иванъ Грозный пожаловалъ это кормленіе Ѳ. В. Крюкову, который ясельничимъ не былъ; передъ тѣмъ оно было за кн. А. Гагаринымъ, такъ-же несостоявшимъ въ ясельничихъ. Это служитъ только подтвержденіемъ высказанной уже мысли, что содержаніе чиновъ совершенно зависѣло отъ усмотрѣнія государя. Съ 1540 по 1556 годъ ясельничимъ былъ В. Г. Дровнинъ, а новгородское «ясельничее» получали совсѣмъ другія лица.

V. Крайчіе.

Чинъ этотъ принадлежитъ, кажется, къ новымъ, московскимъ. Мы не встрѣтили термина «крайчій» ранѣе начала XVI вѣка. Крайчій служитъ московскому государю, въ торжественныхъ случаяхъ, за обѣденнымъ столомъ. Онъ относится, слѣдовательно, къ той-же категоріи слугъ, какъ и дворецкій. Но дворецкій во время стола государя сидитъ за особымъ поставцомъ, крайчій-же «стоитъ у стола великаго государя». Для исполненія разныхъ послугъ въ распоряженіи крайчаго состоитъ стольникъ. Крайчій находится у стола государя для усиленія торжественной обстановки парадныхъ обѣдовъ, а не для подачи царю яствъ и напитковъ. Блюда государю подаютъ стольники; крайчему же принадлежитъ общій надзоръ за ними. 8-го іюня 1675 года, въ день ангела царевича и великаго князя Өедора Алексѣевича, у царя былъ столъ:

«А у стола великаго государя стоялъ крайчей, князь Петръ Семеновичъ Урусовъ, да съ нимъ столникъ Дмитрій, Никитинъ сынъ, Наумовъ...... Да передъ великаго-же государя чашничали и ѣсть ставили столники его, великаго государя, по списку».... Двор. разр. III. 1450; см. еще стр.: 979, 999—1001, 1027—8.

Если для наливанія напитковъ государю и поднесенія ему кушаній наряжались особые стольники, то, конечно, ни то, ни другое не составляло спеціальной обязанности крайчаго. Свидѣтельство Котошихина, что крайчій «ставитъ на столъ ѣству предъ царя по одному блюду» (21), надо понимать въ смыслѣ особой услужливости крайчаго, а не обязанности его *).

Лица, подававшія князьямъ напитки и яства, конечно, существовали и въ самыя древнія времена подъ именемъ отроковъ, ключниковъ, дворецкихъ, а позднѣе стольниковъ и чашниковъ; но спеціализація этихъ должностей, выдѣленіе

*) При описаніи царской свадьбы Котошихинъ самъ говоритъ, что предъ царя ставятъ блюда стольники (I, 11).

стольниковъ и чашниковъ, которые наливаютъ напитки и подаютъ блюда, крайчаго, который стоитъ за столомъ государя и наблюдаетъ за стольниками, дворецкаго, который сидитъ за особымъ поставцемъ, имѣя около себя двухъ дворцовыхъ дьяковъ да ключниковъ со всѣхъ дворцовъ, и наблюдаетъ за всѣмъ порядкомъ царскаго стола, — есть, конечно, явленіе сравнительно позднее. У насъ нѣтъ данныхъ, чтобы съ точностью опредѣлить, когда возникла эта пышная обстановка царскаго стола. Шереметевская книга упоминаетъ въ первый разъ о крайчемъ подъ 1514 годомъ. Но мы имѣли уже случай замѣтить, что составитель ея опаздываетъ съ своими записями на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Онъ не замѣтилъ появленія первыхъ думныхъ дворянъ, перваго стряпчаго съ ключомъ, первыхъ думныхъ дьяковъ; могъ не замѣтить и появленія перваго крайчаго. Это предположеніе даетъ поводъ отнести учрежденіе крайчихъ не къ началу XVI, а къ концу XV вѣка, къ княженію великаго князя Ивана Васильевича.

На крайчихъ, которымъ принадлежитъ надзоръ за разносомъ питей и ѣствъ, возлагались, иногда, и нѣкоторыя другія обязанности, стоявшія въ связи съ указанной.

При московскомъ дворѣ былъ обычай въ торжественные дни, когда у государя званаго стола не было, разсылать боярамъ и другимъ чинамъ кушанья и напитки съ царскаго стола на домъ. Такая разсылка высшимъ чинамъ нерѣдко возлагалась на крайчаго.

Въ 1675 году въ день Рождества Господня

«Указалъ великій государь крайчему, князю Петру Семеновичу Урусову, бояромъ, и окольничимъ, и думнымъ дворяномъ, и думнымъ дьякомъ, и ближнимъ людемъ послать по двѣ подачи (по два кушанья) съ кубки, а бояромъ съ чарками». Двор. разр. III. 1154. 1243.

Незамѣтно, чтобы крайчимъ принадлежало какое-либо участіе въ управленіи дворцовымъ вѣдомствомъ, или даже какою-либо частью его.

Крайчій, обыкновенно, былъ одинъ.

Изъ прилагаемаго въ примѣчаніи *) списка крайчихъ видно, что, за небольшими исключеніями случайныхъ людей (Басмановъ, Годуновъ), крайчіе назначались изъ лучшимъ фамилій: многія изъ нихъ принадлежатъ къ перворазряднымъ, остальныя бывали въ боярахъ и окольничихъ. Большинство крайчихъ оставалось въ этой должности не подолгу, отъ одного до 5 лѣтъ. Очень многіе изъ крайчихъ сами достигли боярства. Изъ 28, нами приведенныхъ, двое умерли въ должности, а изъ 26 остальныхъ, которые отъ должности крайчаго были съ теченіемъ времени отставлены, 17 человѣкъ достигли званія боярина.

По достоинству фамилій, изъ которыхъ назначались крайчіе, это одна изъ почетнѣйшихъ должностей. Очень понятно, что въ Шереметевскомъ спискѣ имъ отведено мѣсто за окольничими (или дворецкими, если послѣдніе не имѣли высшаго званія). Но и это мѣсто не всегда удовлетворяло крайчихъ знатныхъ фамилій.

---

*) Крайчими были: въ 1514 — 1524 П. Ю. Сабуровъ; 1525 — 1530 кн. Ю. М. Голицынъ-Булгаковъ; 1531—1535 кн. П. И. Кубенскій; 1536—1540 кн. Ю. В. Глинскій; 1541—1548 кн. И. Ѳ. Мстиславскій; 1549—1553 кн. Ю. П. Шемяка-Пронскій; 1554—1559 кн. П. Д. Бѣльскій; 1560—1563 кн. П. П. Горенскій; 1564—1569 Ѳ. А. Басмановъ; 1570—1572 К. В. Собакинъ; 1573—1575 кн. Ѳ. П. Мстиславскій; 1576—1579 Б. Ѳ. Годуновъ; съ 1580 по 1583 крайчаго не указано; 1584—1586 Д. П. Шуйскій; 1587—1599 А. Н. Юрьевъ; 1600—1603 И. П. Годуновъ; 1603—1605 И. М. Годуновъ; 1605 — 1606 кн. Б. М. Лыковъ; въ 1606 кн. И. А. Хворостининъ; въ 1607 кн. П. Б. Черкаскій; 1608—1610 кн. П. П. Ростовскій-Буйносовъ; съ 1611 по 1613 не указано крайчаго; 1613 — 1624 М. М. Салтыковъ; 1624—1636 кн. В. Е. Сулешовъ; 1637 — 1640 Л. А. Плещеевъ; 1641—1645 кн. С. А. Урусовъ; 1646—1647 С. Л. Стрѣшневъ; 1648—164[illegible] П. М. Салтыковъ; 1649—1676 кн. Н. С. Урусовъ; въ 1677 кн. П. Гр. Куракинъ; съ 1677 кн. В. Ѳ. Одоевскій.

Относительно Л. А. Плещеева въ новиковское изданіе вкралась ошибка. Подъ 7145 (1637) годомъ у него напечатано: «сказано: казначей Лев Аѳонасьевичъ Плещеевъ»; а подъ 7148 (1640) читаемъ: «отставленъ крайчій Л. А. Плещеевъ». Въ дворцовыхъ-же разрядахъ Л. А. Плещеевъ упоминается крайчимъ еще въ 1617 году (ст. I. стол. 284) единовременно с М. М. Салтыковымъ. Итакъ, Плещеевъ былъ крайчимъ, а не казначеемъ, и гораздо ранѣе, чѣмъ это показано въ сводномъ спискѣ.

Въ боярской книгѣ на 7184 годъ (1676), на стр 23 находимъ такую приписку, сдѣланную другой рукой:

«Великій государь Өедоръ Алексѣевичъ князя Ивана Куракина пожаловалъ изъ стольниковъ комнатныхъ въ крайчіе, а потомъ указалъ ему сидѣть въ полатѣ съ бояры въ думѣ и имя его поставить выше окольничихъ». Моск. Арх. мин. юст.

Изъ этой выписки видно, что обыкновенное мѣсто крайчихъ за окольничими. Но въ отступленіе отъ этого порядка И. Гр. Куракину, фамилія котораго выставляла только бояръ и никогда окольничихъ, предоставлено писаться выше окольничихъ *).

Крайчество, являвшееся высшею ступенью для стольника, не соединяется, въ свою очередь, и съ высшими служебными должностями дворецкаго, окольничаго, боярина. Назначеніе крайчаго дворецкимъ и т. д. равносильно отставкѣ его отъ крайчества.

VI. Казначеи.

Запасы всякой домашней рухляди: платья, бѣлья, мѣховъ, сосудовъ золотыхъ, серебряныхъ, оловянныхъ и иныхъ, драгоцѣнныхъ камней, денегъ и пр. носили у насъ въ древности наименованіе казны. Отсюда выраженіе: «казна домовая», «казна постельная», «казна золотая, серебряная», и пр. (Котош. VI. 1). Въ духовной грамотѣ великаго князя Ивана Васильевича читаемъ:

«А опричь того, что ни есть моей казны.... лаловъ и яхонтовъ и иного каменья и жемчюгу и саженья всякого, и поясовъ и чепей золотыхъ, и судовъ золотыхъ и серебря-

---

*) Въ Двор. разр. III, подъ 1675 годомъ на стр. 1449 читаемъ:

«Того-же числа (іюня 8) жаловалъ государь царевичь и великій князь Өедоръ Алексѣевичь пирогами бояръ, и окольничихъ, и думныхъ дворянъ, и думныхъ дьяковъ, крайчаго, князь Петра Семеновича Урусова, и постельничаго, Өедора Алексѣевича Полтева» и т. д.

Здѣсь крайчій поставленъ ниже не только дворянъ, но и дьяковъ думныхъ. Это доказываетъ, что разрядныя записки велись иногда очень небрежно, на скорую руку.

ныхъ и каменныхъ, и золота и серебра, и соболей, и шолковыя рухляди, и иные всякие рухляди что ни есть; такъ же и въ моей казнѣ постельной что ни есть иконъ и крестовъ золотыхъ, и золота и серебра, и платья, и иные рухляди»..... Рум. Собр. I, № 144, 1504.

Мѣсто храненія казны носило наименованіе казенной палаты, а при значительномъ развитіи казны—казеннаго двора; лицо, хранившее казну, называлось казначеемъ.

Казна, казенная палата, казначеи—все это необходимая обстановка богатаго и хорошо устроеннаго хозяйства. Она встрѣчается не только у князей, но и у частныхъ лицъ. Въ большомъ московскомъ дворѣ князей Голицыныхъ было нѣсколько казенныхъ палатъ: всякая казна и платье, помѣщавшіяся въ нижней казенной палатѣ, были приказаны Кузькѣ Крылову; казна верхней палаты была приказана Митькѣ Басманову. Кузька Крыловъ называется казначеемъ В. В. Голицына, но у него есть и другой казначей, Пашка Прововъ (Шакловитый, III. 169, 197—199, 206, 250—1).

Во времена до-московскія княжеская казна хранилась у ключниковъ и тіуновъ. Кіевскій князь Ростиславъ, похоронивъ соправителя своего, князя Вячеслава:

«Ѣха на Ярославль дворъ, и съзва мужи отца своего, Вячеслава, и тивуны и ключники, каза нести имѣнье отца своего предъ ся, и порты, и золото, и серебро. И снесъ все, и нача роздавати по манастыремъ, и по церквамъ.... а собѣ не прія ни что, толико крестъ честный взя на благословеніе собѣ»..... 1154. Ипат.

Это совершенно такая-же казна, какъ и та, которая перечислена въ духовной великаго князя московскаго: золото, серебро, платье, иконы.

Въ духовныхъ грамотахъ московскихъ князей мы встрѣчаемъ казначеевъ въ качествѣ хранителей княжескихъ прибытковъ, но они не совершенно исключили старыхъ тіуновъ, которые продолжаютъ вѣдать, какъ и въ старину, княжескую казну, и упоминаются рядомъ съ казначеями. Какъ старые тіуны были рабами, такъ и новые казначеи то-же рабы: это лишь новое наименованіе дворовыхъ чиновъ, извѣстныхъ съ

глубокой древности. Московскіе князья въ своихъ духовныхъ весьма нерѣдко отпускаютъ казначеевъ на волю. Въ завѣщаніи Ивана Ивановича читаемъ:

«А кто будеть моихъ казначеевъ и тивуновъ и посельскихъ, или кто будеть моихъ дьяковъ, что будеть отъ мене вѣдали прибытокъ ли который, или хто будеть у тыхъ женился, тѣ люди не надобни моимъ дѣтемъ, ни моей княгинѣ, далъ есть имъ волю». Рум. Собр. I. № 25. 1356; № 86. 1462.

Учрежденіе казначеевъ, занимающихъ опредѣленное и весьма почетное мѣсто на лѣстницѣ московскихъ придворныхъ чиновъ, принадлежитъ, по всей вѣроятности, великому князю Ивану Васильевичу, и стоитъ, надо думать, въ связи съ предпринятымъ имъ учрежденіемъ приказовъ. Котошихинъ перечисляетъ очень много приказовъ, вѣдавшихъ государевы доходы, но только одинъ изъ нихъ имѣетъ въ своемъ составѣ казначея, это Казенный дворъ. Можно думать, что появившимся съ конца XV вѣка казначеямъ, списокъ которыхъ даетъ Шереметевская книга, и былъ приказанъ московскій Казенный дворъ, упоминаемый въ разрядныхъ книгахъ уже въ 1500 году. Въ описаніи свадьбы дочери великаго князя Ивана Васильевича съ княземъ Холмскимъ сказано:

«А что отъ великаго князя и отъ великой княгини даровъ князю Василью Даниловичу Холмскому было, и то записано въ Казенномъ дворѣ» (Карам. VI, пр. 628).

Учрежденіе новой должности казначея не повело, однако, къ немедленному упраздненію старыхъ казначеевъ рабовъ. Духовная грамота Ивана Васильевича такъ-же дѣлаетъ распоряженіе объ отпускѣ на свободу казначеевъ, тіуновъ, дьяковъ и посельскихъ, вѣдавшихъ прибытки князя.

Точно также не повело оно и къ объединенію въ однѣхъ рукахъ управленія всей государевой казны, гдѣ-бы она ни находилась. Кромѣ казны, находившейся въ завѣдываніи казначея, Дмитрія Володиміровича (Овцы), завѣщаніе Ивана Васильевича упоминаетъ еще «деньги и иную всякую рухлядь» въ Новгородѣ у дворецкаго и у казначеевъ, «казну» на

Бѣломъ озерѣ и на Вологдѣ и въ иныхъ мѣстахъ, которыя не были приказаны Д. В. Овцѣ.

Даже московская казна не вся находилась въ рукахъ казначея Овцы. Кромѣ казны, ему порученной, была еще казна у дворецкаго и казна у конюшаго.

Вѣдомство казначеевъ Казеннаго двора не оставалось неизмѣннымъ. Съ начала оно быстро возрастаетъ, а затѣмъ, по мѣрѣ развитія приказныхъ учрежденій, сокращается. По памятникамъ XVI вѣка казначеи вѣдаютъ многое такое, что въ XVII в. перешло въ вѣдѣніе особыхъ приказовъ.

Казначеи XVI вѣка не только хранили государеву казну, но и вѣдали государевы доходы, получая разные пошлины и оброки и сдавая въ оброчное содержаніе разныя доходныя статьи *).

Они вѣдаютъ и расходы. Въ 1555 году былъ посланъ чрезъ Великій Новгородъ до нѣмецкаго рубежа Д. Гр. Плещеевъ. Вѣдомость о расходахъ на эту поѣздку приказано было прислать казначеямъ въ Москву (Д. къ А. И. I, № 70, II и IV, 1555).

Вѣдомству казначеевъ подлежали и дѣла о холопствѣ. У нихъ совершались акты на холопство и они вели книги, въ которыя записывались эти акты (А. И. I. № 154, XIII, 1558). Вѣдомство дѣлъ о холопствѣ казначеями можетъ объясняться существованіемъ особой пошлины съ поступленія въ холопство.

Управленіе въ старину никогда не отдѣлялось отъ суда, а потому казначеи вѣдали и судъ. Судебная компетенція ихъ была весьма широка и во многихъ случаяхъ мы не имѣемъ даже возможности объяснить, почему извѣстныя дѣла подлежали именно суду казначеевъ.

---

*) Они получаютъ таможенный доходъ (Д. къ А. И. I, № 101, 1556), недоимки денежныхъ пошлинъ (тамъ-же, № 51, XIII, 1555), оброкъ за бобровъ (А. Э. I, № 183, 1537), сдаютъ на откупъ пятенную и анбарную пошлину (Д. къ А. И. I, № 74, 1555). тамгу и всѣ таможенныя пошлины (А. Э. I, № 263, 1563); штрафныя деньги за употребленіе неправильной мѣры тоже поступаютъ къ казначеямъ (Д. къ А. И. I, № 45, 1550).

Казначеи разбирали споры, возникавшіе изъ обложенія разными сборами, напр. тамгою (А. Э. I. № 262, 1563). Подсудность этихъ дѣлъ казначеямъ составляетъ естественное послѣдствіе подвѣдомственности имъ таможенныхъ пошлинъ.

Но казначеи вѣдали судъ и во многихъ другихъ случачаяхъ, которые не стояли ни въ какомъ отношеніи къ ихъ спеціальности.

Эта широкая судебная компетенція не принадлежала имъ, однако, съ самаго начала, а была предоставлена только въ послѣдствіи. Первый Судебникъ ничего не знаетъ о судѣ казначеевъ, онъ говоритъ только о судѣ бояръ и окольничихъ; второй Судебникъ къ боярамъ и окольничимъ вездѣ прибавляетъ дворецкихъ и казначеевъ. Это, думаемъ, нововреденіе: казначеи получили право «судить судъ царя и великаго князя» не въ качествѣ хранителей казны, а въ качествѣ довѣренныхъ и приближенныхъ къ царю лицъ. Въ этомъ смыслѣ они конкурируютъ со введенными боярами. Въ жалованныхъ грамотахъ XVI вѣка лицамъ привилегированнымъ предоставляется обращаться къ суду царя или его казначеевъ *).

Изъ памяти казначеямъ, Ѳ. И. Сукину и Х. Ю. Тютину, отъ 1555 года, узнаемъ, что въ это время суду казначеевъ были приказаны цѣлые города. Въ этомъ году состоялся новый указъ о добровольныхъ холопахъ. Этотъ указъ былъ сообщенъ казначеямъ съ предписаніемъ тотъ указъ

«Въ Судебникъ написать, а въ городы, которые имъ приказаны судити, къ выборнымъ головамъ послати, чтобъ они доброволныхъ людей судили по сему приговору». А. И. I. № 154, IV.

Этой подсудностью казначеямъ цѣлыхъ городовъ надо объяснять то обстоятельство, что имъ сообщаются къ исполненію новые указы о порядкѣ суда, а они, съ своей стороны, дѣлаютъ вопросы о томъ, какъ производить судъ въ случаяхъ, въ законахъ неуказанныхъ **).

*) Д. къ А. И. I. № 26, 44, 117, 1530—1564; А. И. I. № 141, 147, 1542—1547.

**) А. И. I. № 154, III, VII, XII, XV, XX, 1555—56; въ 1556 году

Какъ довѣренные люди, казначеи назначаются вмѣстѣ съ боярами вести переговоры съ иностранными послами. Въ 1494 году въ переговорахъ съ литовскими послами участвуетъ казначей Д. В. Овца (Сб. Им. р. ист. общ. XXXV, 114).

Это широкое вѣдомство казначеевъ XVI вѣка къ половинѣ слѣдующаго столѣтія весьма сократилось. Котошихинъ говоритъ, что денежный доходъ Казеннаго двора, которымъ управлялъ казначей, небольшой, всего «въ 3000 рублевъ», и что въ вѣдомствѣ его состояло посадскихъ торговыхъ людей не болѣе 500 человѣкъ (VI, I). Вѣдомство доходовъ перешло въ финансовые приказы разнаго наименованія; холопьи дѣла — въ Холопій приказъ. Въ вѣдомствѣ казначея осталась только царская казна: золотая, серебряная, сосуды, бархаты, атласы, ковры золотые и серебряные, сукна и всякая домовая казна.

Что касается числа казначеевъ, единовременно сидѣвшихъ въ Казенномъ дворѣ, то мы встрѣчаемъ то одного, то двухъ. Но преобладающая практика состояла, кажется, въ назначеніи одного казначея. Шереметевская книга только и говоритъ что объ одномъ. Но этотъ одинъ всегда имѣлъ товарищей изъ болѣе мелкихъ чиновъ. Великій князь Иванъ Васильевичъ выросъ въ тяжелое время постоянныхъ измѣнъ служилыхъ людей и былъ проникнутъ весьма понятнымъ недовѣріемъ къ окружавшимъ его лицамъ, чтобы довѣрить свою казну одному человѣку. Онъ не находилъ полезнымъ и свой судъ передавать одному введеному боярину, а присоединилъ къ нему дьяка. Еще болѣе сложную организацію наблюдаемъ въ устройствѣ его казны. Онъ самъ говоритъ объ этомъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи. Свою казну великій князь раздѣлилъ между сыновьями. Часть каждаго онъ заботливо «поклалъ въ ларци», ключи отъ ларцевъ онъ отдалъ дѣтямъ, а самыя ларцы отдалъ на храненіе:

«Въ свою казну, своему казначею, Дмитрію Володиміро-

казначеямъ былъ предоставленъ судъ иногороднихъ, временно находившихся въ Москвѣ, въ ихъ спорахъ съ другими иногородцами, но не одногородцами. А. И. I. № 154, XIV.

вичу (Овцѣ), да своему печатнику, Юрію, Дмитріеву сыну, Греку, да своимъ дьякомъ, Данилкѣ Мамыреву да Тишкѣ Маклакову».

У казначея Д. В. Овцы, было, такимъ образомъ, трое товарищей: печатникъ да двое дьяковъ. Этотъ составъ казеннаго двора сохраняется и въ половинѣ XVI вѣка, когда былъ не одинъ казначей, а двое: Ѳ. И. Сукинъ и Х. Ю. Тютинъ. Въ 1550 году штрафныя деньги за употребленіе старыхъ мѣръ приказано высылать:

«Къ нашимъ казначѣемъ и къ печатнику и къ дьякомъ». Д.къ А. И. I, № 45.

Казенный дворъ, слѣдовательно, цѣлая коллегія. Этотъ первоначальный свой характеръ сохраняетъ онъ и въ XVII вѣкѣ, только печатникъ вышелъ изъ его состава. Котошихинъ говоритъ, что въ приказѣ Казеннаго двора сидитъ «казначей, а съ нимъ два дьяка» (VI, 1).

На служебной лѣстницѣ московскихъ чиновъ казначеи занимаютъ мѣсто послѣ крайчаго и впереди думныхъ дворянъ. Это мѣсто постоянно отводится имъ въ Шереметевскомъ спискѣ. Въ подписи соборнаго приговора о литовской войнѣ 1566 года имена казначеевъ слѣдуютъ непосредственно за именами окольничихъ (крайчій не подписался). Такъ было и въ XVII вѣкѣ. Котошихинъ говоритъ:

«И тотъ казначей думной же человѣкъ и сидитъ въ думѣ выше думныхъ дворянъ» (VI, 1).

Есть основаніе думать, что казначеи съ перваго своего возникновенія были уже думные люди. Въ концѣ духовной грамоты великаго князя Ивана Васильевича читаемъ:

«А туто были бояре мои... да казначей мой Дмитрей Володимировичъ».

И бояре и казначей присутствовали при написаніи грамоты, конечно, въ качествѣ совѣтниковъ, а это и есть «думные люди».

Должность казначея по преимуществу дѣловая, а не почетная только, развилась-же она на почвѣ старинной дворо-

вой службы, а потому въ казначеи назначаются люди новые не родовитые *). Но должность казначея прокладывала дорогу къ высшимъ почестямъ. Съ отправленія этой должности началось возвышеніе Траханіотовъ, Головиныхъ, Сукина. Василій Юрьевичъ Траханіотъ, сынъ казначея, былъ пожалованъ званіемъ боярина введенаго. Первый Головинъ, упоминаемый въ боярскихъ книгахъ, Петръ Ивановичъ, тоже былъ казначей, а сыновья его достигли окольничества; внукъ — опять казначей, а правнукъ, Василій Петровичъ, сынъ казначея, — самъ казначей, а потомъ окольничій, а въ 1609 году бояринъ. Сукинъ, отправлявшій должность казначея въ теченіи 22 лѣтъ, самъ былъ возведенъ въ званіе боярина. Изъ 19 извѣстныхъ намъ казначеевъ только одинъ принадлежитъ къ родовитой фамиліи, это князь Мосальскій. Но Мосаль-

*) Казначеями были: 1495+1510 Д. В. Овца, 1511+1513 Ю. Д. Траханіотъ, 1514+1525 П. И. Головинъ, 1526—154? И. И. Третьяковъ, 1544—1566 Ѳ. И. Сукинъ, 1567—1572 Н. А. Курцевъ, 1573+1577 кн. В. В. Мосальскій, 1578+1585 И. П. Головинъ, 1586+1593 И. В. Траханіотъ, 1594+1599 Д. И. Черемисининъ, 1600+1604 И. П. Татищевъ, 1605—1609 В. П. Головинъ; съ 1609 по 1613 казначея не показано; 1613+1623 Н. В. Траханіотъ; съ 1623 по 1637 казначея не показано; 1640—1642 П. И. Волынскій, 1643—1661 Б. М. Дубровскій; съ 1662 по 1663 казначея не показано; въ 1663 назначенъ А. С. Нарбековъ (когда отставленъ, не видно), въ 1677 назначенъ И. Б. Камынинъ.

Шерем. книга всегда говоритъ только объ одномъ казначеѣ, а въ актахъ мы нашли указаніе на единовременное существованіе двухъ казначеевъ, изъ которыхъ второй сводному списку вовсе не извѣстенъ. Это, напримѣръ, Хозяинъ Юрьевичъ Тютинъ, бывшій казначеемъ вмѣстѣ съ Сукинымъ. Акты упоминаютъ объ немъ въ 1550-хъ и 60-хъ годахъ; А. И. I, № 154, IV, XII; № 74, 112; А. Э. I, № 263. Но Тютинъ сдѣлался казначеемъ еще при Третьяковѣ. Въ А. Ю. № 22, въ правой грамотѣ, помѣченной 1547 г., Тютинъ упоминается вторымъ казначеемъ при Третьяковѣ — первомъ. Но такъ какъ съ 1544 г. былъ казначеемъ Сукинъ, то выходитъ, что въ концѣ сороковыхъ г. было три казначея. Это повторяется и въ началѣ 50-хъ, когда былъ первымъ казначеемъ И. П. Головинъ, если вѣрить описанію свадьбы Володимера Андреевича (Вивл. XIII). Шерем. сп. упоминаетъ этого Головина только въ званіи окольничаго. Почему Шерем. сп. называетъ одного казначея, а не всѣхъ, это тайна составителя. Годъ смерти Третьякова (1543) показанъ невѣрно, онъ былъ живъ еще въ 47 г.

скіе появляются въ боярскихъ книгахъ не ранѣе конца XVI вѣка и первый извѣстный имъ Мосальскій былъ казначеемъ; только въ XVII вѣкѣ поднимаются Мосальскіе до окольничества и боярства. И они, слѣдовательно, не смотря на свою родовитость, высокимъ служебнымъ положеніемъ не пользовались и службу свою начали съ казначейства.

VII. Дворяне думные.

Слово дворянинъ впервые встрѣчается въ разсказѣ суздальскаго лѣтописца о событіяхъ, послѣдовавшихъ за убіеніемъ ростовскаго князя, Андрея Боголюбскаго:

«Горожане же боголюбьскыи и дворяне разъграбиша домъ княжь и дѣлатели, иже бяхоу пришли къ дѣлоу: злато и сребро, порты же и паволокы и имѣніе, емоу же не бе числа». 1175.

Карамзинъ замѣтилъ уже по поводу этого мѣста, что «здѣсь въ первый разъ употреблено имя дворянъ въ смыслѣ придворныхъ» (III, пр. 23). Совершенно вѣрное замѣчаніе. Только подъ придворными здѣсь надо разумѣть придворныхъ въ смыслѣ отроковъ и дѣтскихъ Русской Правды и начальной лѣтописи.

Убіеніе Андрея Боголюбскаго было дѣломъ дворовыхъ его людей. Самое близкое участіе въ немъ принимали Анбалъ, его довѣренный ключникъ (тіунъ), и любимый слуга князя, Якимъ Кучковичъ. Они, надо думать, подговорили всю княжескую дворню. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что не только объ отмщеніи смерти князя, но и объ отданіи послѣдняго долга тѣлу его никто изъ близкихъ къ нему не позаботился: тѣло князя было выброшено въ огородъ. Заботу о погребеніи принимаетъ на себя пришлый человѣкъ, кіянинъ, Кузмище. Соболѣзнуя о князѣ, онъ говоритъ: «уже тебе, господине, паробьци твои не знаютъ» (Ипат.). Эти-то паробки (отроки), возставшіе на господина своего, и суть тѣ дворяне, которые принялись вмѣстѣ съ гражданами боголюбскими грабить домъ своего князя.

Дворянами стали называться отроки и дѣтскіе потому, что жили во дворѣ князя. Это дворные люди. Первая Новгородская лѣтопись говоритъ, что князь Мстиславъ Мстиславичъ схватилъ новогородскаго намѣстника, князя Ярослава Всеволодовича, и дворянъ его поковалъ; Воскресенская лѣтопись, описывая тѣ-же событія, говоритъ, что князь Мстиславъ поковалъ дворныхъ людей Ярослава.

Дворяне играютъ совершенно ту-же роль, какая принадлежала отрокамъ и дѣтскимъ. Какъ дворные люди князя, они состоятъ при немъ для личныхъ его услугъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ они воины и на нихъ возлагается отправленіе нѣкоторыхъ дѣйствій при судѣ.

Въ первой Новгородской лѣтописи читаемъ:

«Томъ же дне иде князь Мьстиславъ съ новогородьци на Чюдь, на Ереву, сквозѣ землю Чюдскую къ морю. Села ихъ потрати и осѣкы ихъ възьма и ста съ новогородци подъ городомъ Воробниномь. И Чюдь поклонишася ему и Мьстиславъ же князь възя на нихъ дань и да новгородьцемъ двѣ части дани, а третьюю часть дворяномъ». 1214.

Дворяне получили третью часть дани въ качествѣ воиновъ князя. Они играютъ въ данномъ случаѣ роль отроковъ, гридей и мечниковъ.

Въ договорѣ Новгорода съ тверскимъ княземъ, Михаиломъ, читаемъ:

«А дворяномъ твоимъ у купець повозовъ не имати развѣ ратной вѣсти........ А за рубежь изъ новогородьской волости твоимъ дворяномъ суда не выводити, ни судити». Рум. собр. I. № 8. 1305.

Здѣсь дворяне то гонцы, которые состоятъ на посылкахъ, то судные чиновники. Въ качествѣ судныхъ чиновниковъ, но очень не важныхъ, выступаютъ они и въ Двинской судной грамотѣ (1397); они вызываютъ къ суду:

«А кто на кого челомъ бьетъ, дворяне и подвойскіе позовутъ къ суду» (9).

По позднѣйшимъ спискамъ (XV вѣка) Русской Правды они тоже прислуживаютъ на судѣ:

«Оже оутяжутъ въ моукѣ, а посидить оу дворянина, 8 ногатъ за тоу моукоу» (Кар., ст. 135).

Въ составѣ дворянъ встрѣчаются не только свободные люди, но даже и дѣти боярскія. Въ войну съ ляхами владимірскаго князя, Владиміра Васильевича, на сторонѣ послѣдняго былъ убитъ «дворный слуга его, любимый сынъ боярскій, Михайловичъ, именемъ Рахъ» (Ипат. 1281).

Новый терминъ дворянъ одинаково употребляется и для обозначенія дворовыхъ слугъ всѣхъ частныхъ господъ. Если эти частные господа получаютъ кормленія, въ такихъ случаяхъ они также предоставляютъ дворянамъ своимъ отправленіе нѣкоторыхъ судныхъ и правительственныхъ дѣйствій. Дворянъ своихъ имѣли даже тіуны. У кого былъ свой дворъ, у того могли быть и свои дворяне, какъ въ старину отроки.

Въ жалованной грамотѣ князя Василія Давыдовича Ярославскаго архимандриту Спасскаго монастыря (отъ первой половины XIV в.) читаемъ:

«А судьи мои вси, намѣстницы и тіуны, не шлютъ дворянъ своихъ, по люди Святаго Спаса, но шлютъ ко игумену, а игуменъ шлетъ по нихъ своихъ людей» (Карамз. IV. пр. 328).

Въ жалованной грамотѣ Кашинскаго князя читаемъ:

«А что ся учинеть или розбой, или душегубьство, или татба, который судъ ино будеть межи монастырьскихъ людій, судитъ ихъ и дворянъ даеть монастырьскій тивунъ одинъ». А. Э. I. № 5. 1361.

Или, сто лѣтъ позднѣе, въ жалованной грамотѣ великаго князя Ивана Васильевича Троице-Сергіеву монастырю:

«А намѣстницы мои бѣжицкіе и ихъ тіуни не всылаютъ дворянъ своихъ къ нимъ ни по что». А. Э. I. № 131. 1494.

У богатыхъ людей число такихъ дворянъ достигало значительныхъ размѣровъ и они составляли ихъ вооруженную силу. Лѣтописецъ такъ описываетъ поимку Михаила Глинскаго, замыслившаго перейдти на сторону польскаго короля, воеводами великаго князя московскаго:

«Князь же Михайло Голица скоро вѣсть посла воеводѣ, Ивану Андреевичу Челяднину, а самъ всѣдъ борзо на конь со всѣмъ дворомъ своимъ..... и тое ночи гнавъ..... И бысть въ четвертую стражу нощи, оже Михайло Глинскій ѣдетъ одинъ напередъ своихъ дворянъ за версту, и пойма его князь Михайло Голица, а дѣти боярскіе переимали дворянъ Глинскаго» (Карамз. VII. пр. 119).

Дворянъ Глинскаго переловили «дѣти боярскіе» воеводы князя Михаила Голицы; а выше было сказано, что Михаилъ Голица отправился на поимку Глинскаго «со всѣмъ дворомъ своимъ». Въ составъ двора его, значитъ, также входили дѣти боярскія, какъ они входили и въ составъ двора московскихъ государей. Мы имѣемъ указанія, что дѣти боярскія поступали даже въ холопи къ частнымъ людямъ (Судебникъ 1550 г. ст. 81).

Съ увеличеніемъ границъ московскаго великаго княженія на счетъ сосѣднихъ княженій, великихъ и удѣльныхъ, число дворовыхъ людей московскаго великаго князя значительно увеличивается поступленіемъ подъ его власть дворовъ присоединяемыхъ княженій. По мѣрѣ увеличенія своей власти, московскіе великіе князья начинаютъ недовѣрчивымъ окомъ взирать на дворы боярскіе. Разрядная книга Бекетова сохранила извѣстіе о томъ, что великій князь Иванъ Васильевичъ приказалъ переписать на свое имя служилыхъ людей изъ дворовъ нѣкоторыхъ князей (служилыхъ) и бояръ:

«Какъ Богъ поручилъ великому князю, Ивану Васильевичу, подъ его державу Великій Новгородъ, и по его, государеву, изволенію распущены изъ княжескихъ дворовъ и изъ боярскихъ служилые люди, и тутъ имъ имена, кто чей бывалъ, какъ ихъ помѣстилъ государевъ писецъ, Дмитрій Китаевъ».

За тѣмъ идетъ перечисленіе, по именамъ, дворовыхъ людей, послужильцевъ бояръ: Тучковыхъ, кн. Ряполовскаго, Шереметевыхъ, Кузьмина, Есипова, Салтанова-Травина и Обрамова. Число отобранныхъ дворовыхъ послужильцевъ очень неодинаково. У Василья Тучкова взято 9 семей, у Ивана

Тучкова и Травина по 8, а у Кузьмина — всего одна. Въ концѣ написано:

«И помѣщены, по государеву указу, въ Вотской Пятинѣ». Карам. VI. пр. 201.

Отобранные у частныхъ людей дворовые послужильцы переведены не въ княжескій дворъ, а помѣщены въ Вотской пятинѣ на вновь пріобрѣтенныхъ отъ Новогорода земляхъ. Въ рукахъ Ивана Васильевича соединилось уже столько княжескихъ дворовъ и дворовыхъ людей, что надо было подумать о новой организаціи придворныхъ слугъ. Онъ даетъ имъ помѣстья съ обязанностью нести военную службу и такимъ образомъ выводитъ ихъ изъ тѣсной сферы дворового быта на болѣе широкую арену помѣстной жизни и службы. Такое испомѣщеніе дворовыхъ людей на княжескихъ земляхъ, какъ и пожалованіе княжескими землями бояръ и дѣтей боярскихъ, значительное развитіе могло получить не ранѣе половины XV вѣка, когда объединительная политика московскихъ князей дѣлаетъ уже несомнѣнные успѣхи. Но значеніе правильной системы, примѣняемой въ широкихъ размѣрахъ, испомѣщеніе получаетъ только при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ (см. выше, стр. 345 и сл.).

Дворные слуги, выводимые изъ дворовъ и помѣщаемые на княжескихъ земляхъ, удерживаютъ и въ этомъ новомъ своемъ положеніи старое наименованіе дворянъ. Къ этому старому имени присоединяется и новое «помѣщикъ», происшедшее изъ факта помѣщенія на княжеской землѣ. Рядомъ съ старинными землевладѣльцами, боярами и людьми боярскими, возникаетъ въ Москвѣ новый классъ условныхъ владѣльцевъ помѣщиковъ-дворянъ. Этотъ новый классъ, возникшій изъ дворныхъ слугъ, естественно, занимаетъ неодинакое мѣсто съ боярами и дѣтьми боярскими. Въ первомъ Судебникѣ находимъ такую статью:

«А бояромъ или дѣтемъ боярскимъ, за которыми кормленія съ судомъ боярскимъ, и имъ судити» (38).

Кормленія даются только боярамъ и дѣтямъ боярскимъ,

но не дворянамъ; послѣднимъ довольно и помѣстій. Эта статья повторена и вторымъ Судебникомъ (62). До самой половины XVI вѣка, значитъ, еще живо чувствуется разница между боярами и ихъ дѣтьми и дворянами.

Но уже съ конца XV вѣка начинается и смѣшеніе этихъ первоначально совершенно различныхъ разрядовъ лицъ. Въ Воскресенской лѣтописи подъ 1484 годомъ читаемъ:

«Тое же зимы поималъ князь велики блъшихъ бояръ новгородцкыхъ и боярынь, а казны ихъ и села всѣ велѣлъ отписати на себя, а имъ подавалъ помѣстіа на Москвѣ подъ городомъ».

Эту мѣру великій князь повторяетъ въ 1489 году. Но на этотъ разъ онъ испомѣщаетъ новогородскихъ бояръ не только въ Московскомъ уѣздѣ, но и во Владимірскомъ, Муромскомъ, Костромскомъ, Нижегородскомъ и другихъ. На земли же, отобранныя у новогородскихъ бояръ, онъ помѣщаетъ дѣтей боярскихъ изъ Московскихъ городовъ (Воскр. л. стр. 218). Такимъ образомъ, появляются помѣщики изъ старинныхъ бояръ и дѣтей боярскихъ.

Мѣры этого рода продолжаются и въ XVI вѣкѣ. Въ 1550 году царь Иванъ приказалъ дать «боярамъ и другимъ слугамъ, которымъ быть готовымъ въ посылки», помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ, кромѣ тѣхъ, у которыхъ уже есть вотчины близь Москвы (Никонов. лѣт.).

Для надобностей государевой службы бояре такъ-же помѣщаются, какъ и дворяне. А съ другой стороны, и дворяне, сдѣлавшись помѣщиками, получили вкусъ къ землевладѣнію и стали пріобрѣтать вотчины. Такимъ образомъ, возникаютъ условія, благодаря которымъ начинаетъ сглаживаться первоначальное различіе между бояриномъ и сыномъ боярскимъ съ одной стороны и дворяниномъ съ другой.

Но сліяніе дворянъ съ дѣтьми боярскими совершается весьма медленно. Только къ началу XVII вѣка дѣлается оно совершенно замѣтнымъ. Въ первой же половинѣ XVI вѣка дѣти боярскія продолжаютъ составлять высшій сравнительно

съ дворянами классъ и въ перечисленіи разныхъ группъ населенія слѣдуютъ непосредственно за боярами.

Завѣщаніе Ивана Васильевича, говоря о неприкосновенности пожалованныхъ служилымъ людямъ селъ и деревень, упоминаетъ дѣтей боярскихъ, а не дворянъ (мѣсто приведено на стр. 349 и сл.).

Тотъ-же памятникъ въ тѣхъ случаяхъ, когда вмѣстѣ съ дѣтьми боярскими надо упомянуть и о дворянахъ, ставитъ дѣтей боярскихъ впереди дворянъ:

«А что которые мои дворы внутри города на Москвѣ и за городомъ за моими бояры, и за князьями, и за дѣтми за боярскими, и за дворяны за моими, и за дворцовыми людми, и за конюхами, и за мастеры за моими, и тѣ всѣ дворы сыну же моему Василью».

Далѣе духовная грамота говоритъ о людяхъ, имѣющихъ свои собственные дворы, полученные по наслѣдству, купленные или пожалованные великимъ княземъ, и здѣсь упоминаетъ только дѣтей боярскихъ, а не дворянъ:

«А у кого будутъ у бояръ и у князей и у дѣтей у боярскихъ внутри города на Москвѣ и за городомъ на посадехъ дворы, ихъ отчины и купли, или кому буду далъ на Москвѣ внутри города и за городомъ, по посадамъ, грамоты свои жаловальные прочные, и сынъ мой въ тѣ дворы у нихъ не вступается».

Приводимый памятникъ проводитъ ясное различіе между дѣтьми боярскими и дворянами. У дѣтей боярскихъ есть своя собственность, купли и жалованныя въ прокъ княжескія земли и дворы. Кромѣ того, имъ даются княжескія дворы на помѣстномъ правѣ. У дворянъ-же предполагается только послѣдній видъ условнаго владѣнія, дворы, данные на помѣстномъ правѣ.

Княжескія грамоты, содержащія въ себѣ разныя правительственныя распоряженія, пишутся на имя дѣтей боярскихъ, а не дворянъ:

«Отъ великого князя, Василія Ивановича, всея Русіи, княземъ, и бояромъ, и дѣтемъ боярскимъ, и всѣмъ служилымъ людемъ. Что бы есте въ монастырскихъ, въ Троицкихъ Сер-

гіева монастыря, селѣхъ и деревняхъ, въ Новоторжскомъ уѣздѣ, не ставилися». 1509. А. Э. I. № 151.

Духовенство въ своихъ поученіяхъ князьямъ заботится о милостивомъ ихъ вниманіи къ дѣтямъ боярскимъ, а не къ дворянамъ, которыхъ оно еще не знаетъ въ качествѣ особаго служилаго и землевладѣльческаго класса. Въ поученіи митрополита Макарія царю Ивану Васильевичу читаемъ:

«Боляръ же своихъ и болярынь и всѣхъ вельможъ жалуйте и берегите по ихъ отечьству; ко всѣмъ же княземъ и княжатамъ и къ дѣтемъ боярскымъ и ко всему христолюбивому воиньству и къ всѣмъ своимъ доброхотамъ будите приступни и милостивы по царскому своему сану и чину». 1547. Д. къ А. И. I. № 40.

Хотя разные дворовые слуги съ конца XV вѣка испомѣщаются уже на государевыхъ земляхъ, но, надо думать, что большинство уѣзднаго служилаго населенія состояло еще по прежнему изъ дѣтей боярскихъ, а не изъ дворянъ. На эту мысль наводятъ многія правительственныя распоряженія по военному вѣдомству, въ которыхъ въ качествѣ городовыхъ служилыхъ людей упоминаются только дѣти боярскія:

«Отъ царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русіи въ Пронескъ Якову Никитичу Измайлову да Михаилу Ѳедоровичу сыну Сунбулову. Послалъ есмя въ Пронескъ воеводу своего, князя Ондрея Михайловича Курбскаго, и какъ князь Ондрей въ Пронескъ пріѣдетъ, и выбъ списки дѣтей боярскихъ рязанцевъ, которые были у васъ, отдали воеводѣ нашему». 1550.

Или:

«Отъ царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русіи въ Новгородъ Сѣверской воеводѣ нашему, Осифу Васильевичу Полеву. Писали есмя къ тебѣ напередъ сего, а велѣли тебѣ изо Брянска итти по крымскимъ вѣстѣмъ въ Новгородокъ Сѣверской а съ тобою брянчанамъ, дѣтемъ боярскимъ»... 1554. Рус. Ист. сб. II. 1838, стр. 207, 87; ср. еще стр. 81, 193, 197.

Преобладающее значеніе дѣтей боярскихъ въ первой половинѣ XVI вѣка подтверждается и выше приведенною статьей (62) царскаго Судебника, повторяющей статью Су-

дебника 1497 года (38), по которой кормленія и сопряженое съ ними право суда и управленія предполагается, по общему правилу, только у бояръ и дѣтей боярскихъ.

Но въ памятникахъ второй половины XVI вѣка терминъ дворяне начинаетъ уже употребляться и для обозначенія дѣтей боярскихъ. Съ такимъ случаемъ встрѣчаемся въ приговорной грамотѣ людей разныхъ чиновъ отъ 1566 года по вопросу о перемиріи съ польскимъ королемъ. Послѣ изложенія мнѣнія бояръ читаемъ:

«А мы государя своего царевы и великого князя дворяне первая статья».

За этимъ слѣдуетъ перечисленіе именъ дворянъ первой статьи и поданное ими мнѣніе, а потомъ:

«А мы дворяне и дѣти и боярские другое статьи». Рум. Собр. I. № 192.

Въ первомъ случаѣ о дѣтяхъ боярскихъ не упомянуто, но это, конечно, описка; въ первомъ случаѣ, какъ и во второмъ, надо читать: «дворяне и дѣти боярские первой статьи». Что здѣсь подъ терминомъ дворяне разумѣются и дѣти боярскіе, это видно изъ сличенія встрѣчающихся въ подписи именъ дворянъ съ именами дѣтей боярскихъ, поручившихся въ неотъѣздѣ боярина, Ивана Петровича Яковлева (Рум. Собр. I. № 184, 1565 годъ). Нѣкоторые изъ лицъ, подписавшихъ приговорную грамоту 1566 года подъ рубрикой «дворянъ первой статьи», встрѣчаются въ поручной подъ рубрикой «дѣтей боярскихъ» *). Ясно, что дворянами названы въ приговорѣ и дѣти боярскія. Это смѣшеніе тѣмъ легче могло произойти, что съ весьма древняго времени, какъ мы видѣли, дѣти боярскія вступаютъ уже въ составъ княжескихъ дворовъ. Въ приведенныхъ мѣстахъ терминъ «дворяне» стоитъ впереди «дѣтей боярскихъ», но это еще не

*) Это будутъ: Годуновъ Мих. Вас., Зюзинъ Иванисъ Григор., Третьяковъ Ѳома Иван., Плещеевъ Бархатъ Олферьевъ и Ѳоминъ Василій Григорьевъ. Они и дѣти боярскіе и дворяне первой статьи.

твердо установившаяся практика. Въ томъ-же памятникѣ въ концѣ читаемъ:

«А мы княжата, и дѣти боярскіе, и дворяне на сей грамоте, на своихъ рѣчехъ, государю своему крестъ цѣловали».

Неустановленность терминологіи видна и изъ того, что въ томъ-же самомъ памятникѣ совершенно такіе-же служилые люди, какъ выше помянутые дворяне и дѣти боярскія, названы, по роду землевладѣнія, помѣщиками: «торопецкіе и луцкіе помѣщики».

Возникающее смѣшеніе дѣтей боярскихъ и дворянъ ведетъ къ тому, что въ должности, въ которыя прежде назначались только дворяне, теперь назначаются уже и дѣти боярскія. Въ розрядной книгѣ Симбирскаго сборника подъ 1575 годомъ читаемъ:

«А во дворянехъ съ нимъ (съ московскимъ посломъ къ цесарю римскому) были Юрьева Ливонскаго немецкие помѣщики, дѣти боярскіе: Мамлей Ильинъ да Третьякъ Зубатый».

Въ такомъ-же широкомъ смыслѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ терминъ дворяне употребляется и при наименованіи членовъ государевой думы. Въ выпискѣ Новикова изъ боярской книги М. П. Шереметевой нерѣдко находимъ выраженіе: «дворянинъ въ думѣ», а за тѣмъ слѣдуетъ имя, т. е., такой-то дворянинъ назначенъ для засѣданія въ боярскую думу. Такое-же выраженіе встрѣчаемъ и въ разрядахъ XVI в., напечатанныхъ Новиковымъ (XIV т.):

«1578 годъ: дворяне, которые въ думѣ», а затѣмъ слѣдуютъ имена.

Что-же такое дворяне въ думѣ?

Допущеніе въ государеву думу людей не именитыхъ не составляетъ какой-либо новости. Говоря о бояряхъ введенныхъ, мы уже замѣтили, что, обыкновенно, въ это званіе возводились лучшіе люди, но государи могли сдѣлать и дѣйствительно дѣлали введеными боярами и людей новыхъ, не именитыхъ. Въ выборѣ лицъ въ свою думу князья не

были ограничены какимъ-либо однимъ классомъ служилыхъ людей; да это и невозможно было по малой замкнутости и обособленности этихъ классовъ. Присутствіе въ княжеской думѣ XVI вѣка лицъ изъ средней полосы служилыхъ людей не представляется намъ новостью. С. М. Соловьевъ уже обратилъ вниманіе на одно мѣсто въ статейномъ спискѣ 1534 года. При описаніи пріема литовскаго посла тамъ сказано:

«А князь великій сидѣлъ въ брусяной избѣ, а у него бояре, и окольничіе, и дворецкіе, и дѣти боярскіе, которые живутъ въ думѣ, и дѣти боярскіе прибылные, которые не живутъ въ думѣ» (Акты Запад. Рос. II. 252).

«Если подъ именемъ думы, говоритъ по поводу этого мѣста авторъ Исторіи Россіи, мы будемъ здѣсь разумѣть совѣтъ великокняжескій и слову жить придадимъ обыкновенное значеніе существованія или присутствія, то должны будемъ признать, что еще прежде самостоятельнаго правленія Іоанна IV были введены въ думу дѣти боярскіе. Конечно, мы ни какъ не рѣшимся утверждать, что это введеніе послѣдовало именно въ правленіе Елены, а не ранѣе» (VI. 32). Соловьевъ исправляетъ здѣсь господствовавшее до него мнѣніе, по которому Ивану Грозному приписывалась демократизація царской думы. Мы совершенно присоединяемся къ его разъясненію приведенной цитаты. Дѣти боярскія, которыя жили въ думѣ, по всей вѣроятности, суть члены государевой думы. Но мы не думаемъ, чтобы по поводу разъясненнаго мѣста могла итти рѣчь о какомъ-либо нововведеніи въ составѣ думы, совершонномъ Иваномъ Грознымъ или кѣмъ-либо изъ его предшественниковъ. Мысль, что до XVI в. въ княжескую думу входили только бояре введеные да окольничіе, основывается единственно на томъ, что о думныхъ дворянахъ рѣчь идетъ лишь въ памятникахъ второй половины XVI вѣка. Это, конечно, не доказательство. Князья сами назначали бояръ введеныхъ и окольничихъ и не могли быть ограничены ими въ выборѣ состава своей думы. Они всегда вольны были совѣщаться съ кѣмъ хотѣли, и совѣща-

лись какъ съ большими боярами, такъ и съ меньшими, такъ и съ дѣтьми боярскими. Вмѣстѣ съ усиленіемъ власти московскихъ государей, княжеская дума стала получать нѣкоторую тѣнь организаціи и вырабатываться въ постоянное учрежденіе, но нельзя думать, чтобы именно въ такое время появились какія-либо ограниченія московскихъ государей въ выборѣ ихъ совѣтниковъ, отъ которыхъ пришлось бы освобождаться Ивану Грозному или его предшественникамъ. Во второй половинѣ XVI вѣка терминологія начинаетъ мѣняться, вмѣсто дѣтей боярскихъ начинаютъ говорить дворяне. Терминъ новый, а не дѣти боярскія новость въ думѣ. Можно думать, что съ развитіемъ власти московскихъ государей число совѣтниковъ ихъ не возрастало, а сокращалось. Установленіе обязательной службы устранило необходимость тѣхъ соглашеній со служилыми людьми, къ которымъ надо было обращаться при вольной службѣ и которыя превращали въ совѣтъ князя всѣхъ его вольныхъ слугъ.

Согласно господствовавшимъ въ началѣ XVI вѣка понятіямъ, памятники того времени говорятъ о дѣтяхъ боярскихъ въ думѣ, а не о дворянахъ. Древнѣйшее изъ дошедшихъ до насъ извѣстій этого рода находится въ описаніи переговоровъ съ посломъ прусскаго магистра, происходившихъ въ Москвѣ въ 1517 году. Крестъ на заключенной съ посломъ грамотѣ долженъ былъ цѣловать бояринъ князь Дм. Вл. Ростовскій, но такъ какъ въ этотъ заключительный моментъ переговоровъ онъ изъ Москвы выѣхалъ, то государь приказалъ вмѣсто него цѣловать крестъ «сыну боярскому Ивану, Юрьеву сыну, Подjогину (Шигонѣ), который у государя въ думѣ живетъ» (Сб. Им. рус. ист. общ. LIII, 40). Вторымъ извѣстнымъ намъ сыномъ боярскимъ, членомъ государевой думы, является Иванъ Берсень Беклемишевъ. Онъ самъ говорилъ Максиму Греку, что принималъ участіе въ обсужденіи вопроса о Смоленскѣ, возражалъ на мнѣніе великаго князя и тѣмъ навлекъ на себя его неудовольствіе. «Пойди, смердъ, прочь, ненадобенъ ми еси», сказалъ ему государь. По поводу этого столкновенія Берсень высказалъ такое заключеніе объ отношеніи Василія Ивановича

къ думнымъ людямъ: «государь упрямъ, стрѣчи противъ себя не любитъ; кто ему встрѣчю говоритъ и онъ на того опаляется. А отецъ его, князь велики, противъ себя стрѣчю любилъ и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его говаривали (А. Э. I. № 172. 1525). Со второй половины XVI вѣка въ памятникахъ рѣчь уже идетъ о дворянахъ въ думѣ, а не о дѣтяхъ боярскихъ.

Дворяне въ думѣ, несмотря на то, что они признанные совѣтники государя, не имѣютъ равной чести не только съ боярами введеными, но и съ дворянами старинныхъ знатныхъ фамилій. Это видно изъ слѣдующей выписки о порядкѣ встрѣчи англійскаго посла въ 1583 году:

«А встрѣча послу первая была на нижнемъ крыльцѣ противъ Благовѣщенія: дворянинъ, князь Иванъ Васильевичъ Сицкой, да дворянинъ думный, Романъ Васильевичъ Олферьевъ, да дьякъ Ондрей Шерефединовъ да Дружина Пѣтелинъ» (Сб. Им. Рус. Ист. Общ. XXXVIII. 82).

Думный дворянинъ занимаетъ при встрѣчѣ второе мѣсто, а первое принадлежитъ простому дворянину, но родовитому.

Шереметевская боярская книга, содержащая наиболѣе свѣдѣній о думныхъ дворянахъ XVI вѣка, начинаетъ свой перечень съ Олферьева (Алферьева то-же) Романа Васильевича, назначеннаго въ думу въ 1572 году, и ничего не знаетъ ни объ Ив. Юр. Поджогинѣ, ни о Берсенѣ.

Изъ Шереметевской боярской книги намъ извѣстны имена двѣнадцати думныхъ дворянъ XVI вѣка.

Изъ прилагаемаго списка *) древнѣйшихъ думныхъ дво-

---

*) По времени назначенія ихъ въ думу, они слѣдуютъ одинъ за другимъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

въ 7080 году назначенъ Олферьевъ Ром. Вас.,
» 7081 » » Безнинъ Мих. Андр.,
» 7085 » » Бойковъ Басмъ Вас.,
» » » » Зюзинъ Як. Вас.,
» » » » Черемисининъ Деменша Ив.,
» 7086 » » Нагово Аөан. Өед.
» 7087 » » Пивовъ Ром. Мих.,

рянъ видно, что въ это званіе въ XVI вѣкѣ назначались какъ лица старинныхъ княжескихъ и боярскихъ фамилій (Зюзины), такъ и люди совершенно новые, однофамильцы которыхъ встрѣчаются только въ званіи дворянъ московскихъ и даже городовыхъ.

Фамилія Безниныхъ въ Шереметевской боярской книгѣ только одинъ разъ упоминается; въ боярскихъ же книгахъ XVII вѣка ея совсѣмъ нѣтъ. Знакъ, что думный дворянинъ Мих. Андр. Безнинъ принадлежалъ къ очень неважнымъ людямъ, въ самомъ лучшемъ случаѣ къ заурядным городовымъ дворянамъ. Тоже надо сказать о Пивовѣ, фамилія котораго упоминается еще одинъ только разъ въ боярскихъ книгахъ XVII вѣка и то въ качествѣ луховскаго городоваго дворянина. Далеко не высокимъ положеніемъ пользовались и нѣкоторые другіе изъ думныхъ дворянъ XVI вѣка, какъ напримѣръ: Воейковы, Писемскіе и Ржевскіе. Однофамильцы Ржевскихъ только къ концу XVII вѣка достигаютъ званія окольничаго, а Воейковы и Писемскіе и въ XVII не идутъ выше стольниковъ. Изъ двѣнадцати думныхъ дворянъ только двое (Зюзинъ и Буйносовъ) принадлежатъ къ старымъ именитымъ фамиліямъ; большинство-же, слѣдовательно, состояло изъ людей новыхъ и не именитыхъ.

Тѣмъ-жъ характеромъ думные дворяне отличаются и въ XVII вѣкѣ. Изъ сорока-двухъ фамилій, члены которыхъ (всего 59 человѣкъ) возведены были въ это званіе въ теченіе первыхъ 75 лѣтъ этого вѣка, только двѣ (Собакиныхъ и Сукиныхъ) принадлежатъ къ старымъ и извѣстнымъ, достигавшимъ окольничества и даже боярства въ XVI вѣкѣ. Всѣ остальныя принадлежатъ къ новымъ, члены которыхъ не занимали высокаго положенія на служебной лѣстницѣ XVI вѣка. Изъ этихъ сорока новыхъ фамилій двѣнадцать и

въ 7089 году назначенъ Татищевъ Ив. Петр.,
» 7095 » » Писемскій Өед. Андр.,
» 7098 » » Ржевскій Ив. Н.,
» 7106 » » кн. Ростовскій-Буйносовъ Петр. И.
» 7108 » » Татищевъ Мих. Юрьев.

въ XVII вѣкѣ не поднимаются выше стряпчихъ и стольниковъ *), а одиннадцать имѣютъ въ своей средѣ дьяковъ **).

Но нѣкоторые изъ этихъ новыхъ людей, проходя чрезъ званіе думнаго дворянина, быстро достигали самыхъ высшихъ ступеней тогдашней служебной лѣстницы. Думный дьякъ Семенъ Ивановичъ Заборовскій въ 1655 году былъ назначенъ думнымъ дворяниномъ, въ 1674—окольничимъ, а въ 1677—бояриномъ. Еще быстрѣе шло возвышеніе извѣстныхъ любимцевъ, Артамона Сергѣевича Матвѣева, сына дьяка, и Кирилла Полуэктовича Нарышкина, сына городоваго дворянина. Матвѣевъ въ 1671 году былъ назначенъ думнымъ дворяниномъ, въ томъ-же году — окольничимъ, а въ 1675—бояриномъ и дворецкимъ; Нарышкинъ—въ 1671 году думный дворянинъ, въ 1672 — окольничій, въ 1673 — бояринъ. Люди именитые прямо назначались окольничими и даже боярами, безъ посредствующей ступени думнаго дворянина ***).

*) Аничковы, Баклановы, Биркины, Голохвастовы, Лодыженскіе, Луговскіе, Ляпуновы, Микулины, Минины, Панины, Соловцовы, Яновы.

**) Гавреневы, Грамотины, Елизаровы—двое, Заборовскіе, Леонтьевы, Лихачевы, Лопухины, Матвѣевы, Нестеровы, Полтевы, Пронщищевы—двое.

***) Вотъ фамиліи остальныхъ двадцати-четырехъ думныхъ дворянъ: Еропкинъ, Желябужскій, Измайловъ, Кондыревъ, Матюшкинъ, Нарбековъ, Нарышкинъ Θедоръ Полуэкт., Нащокины—двое, Проѣстевъ, Пушкины—четверо, Ржевскій, Ртищевы—двое, Соковнинъ, Стрѣшневъ, Толстой, Хитрово—двое, Чалаевъ, Яшковъ. Нѣкоторые изъ членовъ этихъ фамилій въ концѣ XVII вѣка достигли званія окольничаго и даже боярина.

Имена думныхъ дворянъ первыхъ 75 лѣтъ XVII вѣка мы извлекли изъ Шереметевскаго списка. Онъ не во всемъ совпадаетъ съ алфавитнымъ указателемъ къ боярскимъ книгамъ, составленнымъ Ивановымъ. Но большинство такихъ разногласій объясняется совершенно удовлетворительно. Въ алфавитѣ Иванова нѣтъ 14 назначеній въ думные дворяне, которыя извѣстны Шереметевскому списку. Всѣ эти назначенія послѣдовали въ такіе годы, книги которыхъ не сохранились въ Архивѣ Министерства Юстиціи. Этимъ же объясняется и встрѣчающаяся иногда разница въ годѣ назначенія. У Иванова иногда отмѣченъ не годъ назначенія, а позднѣйшій, и не одинъ, а два и три. Это годы состоянія въ званіи, взятые не изъ книги современной назначенію, а изъ позднѣйшихъ. Свѣдѣнія же алфавита [illegible] о [illegible] лѣтъ, [illegible] которыхъ сохранились [illegible], [illegible]

Въ памятникахъ начала XVII вѣка терминъ дворяне занимаетъ уже окончательно мѣсто, принадлежавшее прежде термину дѣти боярскія. Этотъ послѣдній или вовсе не упоминается, или упоминается послѣ дворянъ.

Въ грамотѣ объ избраніи Михаила Ѳеодоровича на царство читаемъ:

«А по челобитью и прошенію бояръ, и дворянъ, и приказныхъ людей, и всего христолюбиваго воинства, и гостей.....»

Или:

«А потомъ митрополиты, и архіепископы и епископы, и архимариты, и игумены, и весь освященный соборъ, и бояре, и окольничіе, и дворяне, и дѣти боярскіе, и все христолюбивое воинство, и гости, и торговые и всякіе люди Московскаго государства, совѣтовавъ межъ себя», и пр. Рум. Собр. I, стр. 603 и 605. 1613.

Это словоупотребленіе удерживается во всѣхъ памятникахъ XVII вѣка. Въ предписаніяхъ по военному вѣдомству читаемъ:

«Государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Русіи указалъ быти на своей государевой службѣ въ украйномъ разрядѣ воеводамъ по полкамъ, а съ ними указалъ государь быти на своей государевой службѣ въ полкѣхъ дворяномъ и дѣтямъ боярскимъ и иноземцемъ......» 1627. Рус. ист. сб. II, 385.

Въ это время дворяне населяютъ уже всѣ города. Челобитныя отъ мѣстныхъ служилыхъ людей пишутся отъ имени дворянъ и дѣтей боярскихъ:

о всемъ подтверждаютъ Шереметевскій списокъ. Нѣкоторыя разнорѣчія въ годахъ и личныхъ именахъ для нашей цѣли не имѣютъ особенно важнаго значенія; одно крупное разнорѣчіе замѣтили мы относительно Проѣстева Степана Матвѣевича. По Шереметевскому списку, онъ сдѣланъ думнымъ дворяниномъ въ 7142 г., а въ слѣдующемъ окольничимъ. Алфавитъ не говоритъ о назначеніи его дворяниномъ, потому, конечно, что книга 7142 г. не сохранилась; но утверждаетъ, что Проѣстевъ Ст. Мат. былъ окольничимъ еще въ 7137 году. Если послѣдній годъ не ошибка, то свѣдѣніе Шереметевскаго списка подъ 7142 годомъ не можетъ быть вѣрно.

«Дворяне и дѣти боярскіе колужане и козличи, серпуховичи, медынцы, олексинцы били намъ челомъ, чтобы намъ для ихъ великія бѣдности пожаловати.....» 1614. Двор. разр. I, 128.

Царскіе указы въ отвѣтъ на такія челобитья упоминаютъ также сперва дворянъ, а потомъ дѣтей боярскихъ.

Кто на первомъ мѣстѣ названъ, тотъ считается первымъ, т. е. старшимъ, лучшимъ. Такимъ образомъ, среди мѣстнаго служилаго населенія терминъ дворяне сталъ обозначать какъ-бы лучшихъ людей, а дѣти боярскія—меньшихъ. Произошла полная перестановка понятій.

Въ этомъ торжествѣ термина, возникшаго въ придворной службѣ, надъ терминомъ, возникшимъ въ вольной службѣ, выразилась полная и неоспоримая побѣда новыхъ московскихъ порядковъ надъ отживавшей стариной.

Уложеніе всякій разъ, когда говоритъ о дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ, ставитъ дворянъ впереди дѣтей боярскихъ.

«А будетъ которые ратные люди на государевѣ службѣ учнутъ бити челомъ бояромъ и воеводамъ о отпускѣ зъ государевы службы, своимъ домовымъ разореніемъ, или людскимъ побѣгомъ, или инымъ какимъ самымъ нужнымъ дѣломъ,—и бояромъ и воеводамъ про тѣхъ ратныхъ людей сыскивати въ полкѣхъ д в о р я н ы и д ѣ т ь м и б о я р с к и м и......» VII, 13.

Или:

«А будетъ кто учнетъ государю бити челомъ о помѣстьяхъ, которые помѣстья даны на прожитокъ д в о р я н о м ъ и д ѣ т я м ъ б о я р с к и м ъ старымъ, которыя отъ службы отставлены......» XVI, 8; смот. ст. 16, 22 и др.

Такое постоянное употребленіе двухъ терминовъ для обозначенія одного и того-же класса повело къ слѣдующей редакціонной опискѣ составителей Уложенія:

«А въ губныхъ старостахъ у такихъ дѣлъ (у разбойныхъ и убійственныхъ) въ городѣхъ быть д в о р я н о м ъ добрымъ и прожиточнымъ, которые за старость или за раны отъ службы отставлены..... А въ которыхъ городѣхъ д в о р я н ъ н ѣ т ъ, и въ тѣхъ городѣхъ въ губные старосты в ы б и р а т ь

изъ дѣтей боярскихъ, добрыхъ же и прожиточныхъ людей.....» XXI, 4.

На основаніи этой статьи можно-бы подумать, что дворяне составляютъ отдѣльный отъ дѣтей боярскихъ классъ. Но такое предположеніе ничѣмъ не подтверждается. Наоборотъ, сохранившіяся въ Московскомъ Архивѣ министерства Юстиціи «десятни» не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что дворяне и дѣти боярскія въ XVII вѣкѣ до такой степени слились въ одинъ разрядъ, что не представлялось уже никакой надобности, а, можетъ быть, даже и возможности различать сына боярскаго отъ дворянина. Десятни представляютъ опись городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, въ которой обозначалось имя, отчество и фамилія служилаго человѣка, «каковъ онъ будетъ на государевѣ службѣ коненъ и оруженъ и люденъ», какое дано ему государево денежное жалованье и кто по немъ въ службѣ и въ деньгахъ порука. Во многихъ десятняхъ къ этимъ даннымъ прибавляются еще свѣдѣнія о помѣстьяхъ и вотчинахъ. Въ этихъ поименныхъ десятняхъ, однако, не означается, кто такой служилый человѣкъ, дворянинъ, или сынъ боярскій. Напримѣръ:

«Семенъ, Александровъ сынъ, Бѣшенцевъ. Окладчики про него сказали: служитъ онъ, Семенъ, съ отцова помѣстья; а за отцомъ его, за Александромъ, помѣстья въ Луцкомъ уѣздѣ въ дачѣ 753 чети съ осьминою, 15 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ нововыходцевъ, да подъ Луками Великими вотчинныя четвертныя его купленныя земли деревня, а живетъ въ той деревнѣ человѣкъ его и съ той земли государевъ оброкъ платитъ ежелѣтъ, а пожиточного угодья за нимъ нѣтъ; государеву службу служитъ онъ, Семенъ, со 135 года; на государевѣ службѣ бываетъ на конѣ; бою у него: сабля да пистоль да человѣкъ на меринкѣ съ простымъ конемъ; бою у человѣка: сабля да пистоль; на государеву службу на срокъ пріѣзжаетъ и до отпуску живетъ; а во 149-мъ году для государевы службы на Москвѣ за отца своего и на иныхъ службахъ и на межеваньи былъ. А на государевѣ службѣ въ полку будетъ онъ, Семенъ, на конѣ, бою у него: сабля да коробинъ, пара пистолей, да человѣкъ на мѣ-

ринкѣ съ простымъ конемъ, бою у челолѣка сабля да пистоль, да въ кошу человѣкъ съ пищалью. Самъ онъ, Семенъ, сказалъ противъ окладчиковы сказки тожъ, что онъ будетъ на государеву службу таковъ. Дано ему государева жалованья 14 рублевъ. Порука по немъ, въ государевѣ жалованьѣ и что ему быть на государевѣ службѣ съ пріѣзду и до отпуску со всею полною службою, окладчики: Петръ Максимовъ сынъ Лукомской, Григорій Гавриловъ сынъ Хомутовъ, Лаврентій Алексѣевъ сынъ Непѣнинъ, Данило Ѳедоровъ сынъ Алексѣевъ. Семенъ Бѣшенцовъ государево жалованье, деньги, взялъ, а въ его мѣсто братъ его, Максимъ, руку приложилъ *).

Здѣсь ни самъ Бѣшенцевъ, ни четверо поручившихся за него окладчиковъ не говорятъ, кто они, дворяне, или дѣти боярскія, потому, конечно, что это совершенно безразлично.

При такомъ смѣшеніи дѣтей боярскихъ и дворянъ, возможны и случаи употребленія термина «дѣти боярскія» вмѣсто «дворянъ». Разрядная книга 1616 года предписываетъ явиться на службу «дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ»:

«А которые дворяне и дѣти боярскіе и всякіе служилые люди на государеву службы на Тулу на срокъ, на Вербное Воскресенье, пріѣдутъ и...... тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и всѣхъ людей велѣти въ пріѣзды писати...... А которые дворяне и дѣти боярскіе на срокъ не пріѣдутъ и...... по тѣхъ нѣтчиковъ, по дворянъ и по дѣтей боярскихъ, тотчасъ послати...... въ городы высылщиковъ......»

Но далѣе въ томъ же наказѣ читаемъ:

«А которые дѣти боярскіе у смотру не объявятся, и высылщики ихъ не сыщутъ, и имъ (воеводамъ) про тѣхъ распрашивать тѣхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, гдѣ тѣ дѣти боярскіе, побиты ли или померли, или хто гдѣ въ городѣхъ живетъ и хто тѣми ихъ помѣстьи владѣетъ?» Разр. кн. I. 124 сл.

Въ послѣднемъ случаѣ «дѣти боярскія» употреблено вмѣсто «дворянъ и дѣтей боярскихъ».

Въ XVIII вѣкѣ терминъ «дѣти боярскія» совсѣмъ исчезаетъ; терминъ «дворяне» дожилъ до нашихъ дней.

*) Великолуцкая, пусторжевская и невельская десятня 1649 г. За сообщеніе выписокъ изъ десятень, хранящихся въ Мос. Арх. мин. Юстиціи, приношу мою глубокую благодарность г. директору архива, Н. А. Попову.

По историческому своему происхожденію обширный классъ дворянъ XVII вѣка представляется состоящимъ изъ очень разнообразныхъ элементовъ. Въ него входятъ всѣ княжескія фамиліи, рюриковичи и гедиминовичи, потомки древнихъ бояръ и дѣтей боярскихъ, дворовые люди, получившіе помѣстья въ государевыхъ земляхъ, и даже иноземцы. Разрядная книга 1675 года, перечисляя посланниковъ въ китайское государство, называетъ:

«Иноземецъ Николаи, Гавриловъ сынъ, Спотарій да съ нимъ дворяне, иноземцы кормовые: Ѳедоръ, Павловъ сынъ, Аранъ да Костентинъ, Ивановъ сынъ, Христофоровъ». Дворц. разр. III, 1246.

Эти дворяне иноземцы не надѣлены даже помѣстьями, а получаютъ для своего содержанія изъ государевыхъ запасовъ отсыпной кормъ, почему и названы кормовыми.

Дворянство, состоявшее изъ такихъ разнородныхъ элементовъ, конечно, не могло представлять никакого единства и сплоченности. Это масса до крайней степени разношерстная. Мы затрудняемся указать и одинъ признакъ, который, будучи общимъ для всѣхъ элементовъ дворянства, отличалъ-бы этотъ разрядъ лицъ отъ другихъ классовъ населенія Московскаго государства. Этой разграничительной черты нельзя найти ни въ обязанностяхъ, ни въ правахъ дворянства.

Дворяне были обязаны нести военную службу и подлежали кнуту, если не исполняли этой обязанности. Но къ военной службѣ призывались и всѣ другіе разряды лицъ: стрѣльцы, гости, посадскіе, крестьяне и дворовые люди, и также не могли отказываться отъ явки, какъ и дворяне. Гости и посадскіе несли эту обязанность временно, только въ случаѣ опасности, угрожавшей мѣсту ихъ жительства. Но крестьяне и дворовые люди, поступавшіе на службу въ качествѣ даточныхъ людей, входили наравнѣ съ мелкопомѣстными дворянами въ составъ регулярныхъ полковъ и служили тамъ на одних ъ съ ними основаніяхъ (Котош. IX). Стрѣльцы-же также, какъ и дворяне, были обязаны постоянной службой и съ потомствомъ

Дворяне имѣли право владѣть вотчинами и помѣстьями, но такое право принадлежало и дьякамъ. Изъ другихъ классовъ населенія право на вотчины признавалось указами за гостями; на дѣлѣ-же вотчины, въ смыслѣ наслѣдственной собственности, встрѣчаются у посадскихъ и даже крестьянъ, съ тѣмъ различіемъ отъ дворянъ, что на земельныхъ владѣніяхъ посадскихъ людей и крестьянъ лежали иныя повинности, чѣмъ на дворянскихъ.

Между дворянами и другими классами населенія можно указать только одно формальное различіе. Дворяне записывались по городамъ въ дворянскіе списки, посадскіе-же люди и крестьяне въ писцовыя, переписныя, и иныя книги тяглыхъ государевыхъ людей.

Мы не знаемъ, когда впервые возникъ порядокъ составленія дворянскихъ списковъ. На все служилое населеніе городовъ едва-ли онъ могъ распространиться ранѣе установленія обязательной службы и опредѣленія мѣры этой службы. Можно думать, что составленіе такихъ списковъ стало общимъ правиломъ въ половинѣ XVI вѣка. Оно можетъ входить въ составъ тѣхъ реформъ по устройству службы, которыя приписываются лѣтописцемъ Ивану Грозному.

Дворянскіе списки были заведены въ интересахъ правительства, для опредѣленія числа лицъ, годныхъ въ службу а не въ интересахъ дворянства, какъ особаго класса, а потому и не могли повести ни къ объединенію его пестрыхъ элементовъ, ни къ обособленію ихъ отъ другихъ классовъ. Изъ практики XVII вѣка мы знаемъ, что въ дворянскіе списки записывались не служилыхъ отцовъ дѣти, крестьяне и даже холопы.

Заботу о чистотѣ вновь созидаемаго дворянскаго сословія принимаетъ на себя правительство. Въ цѣломъ рядѣ указовъ о разборѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ оно предписываетъ, чтобы

«Холопей боярскихъ, и стрѣлецкихъ, и козачьихъ, и не служилыхъ никакихъ чиновъ отцовъ дѣтей и братью и племянниковъ, и пашенныхъ мужиковъ отнюдь никого дѣтьми

боярскими у верстанья не называли и помѣстными и денежными окледы ихъ не верстали» (П. С. З. № 744, 745, 1678).

Натуральное различіе составныхъ элементовъ дворянства отразилось въ московскихъ памятникахъ въ различіи большихъ дворянъ, московскихъ и городовыхъ.

I. Подъ городовыми дворянами разумѣются, по общему правилу, дворяне, имѣющіе вотчины и помѣстья въ уѣздахъ, кромѣ Московскаго и ближайшихъ къ Москвѣ мѣстъ, и занесенные въ служебные списки городовъ этихъ уѣздовъ. Это самый низшій разрядъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Они несутъ военную службу съ «городомъ», т. е. въ качествѣ рядовыхъ воиновъ, а не начальства. Въ Разрядной книгѣ 1614 года читаемъ:

«А которые атаманы и казаки отъ воровства не отстанутъ, и на государеву службу, на Тихвину, не пойдутъ, и уговоръ ихъ ни которыми дѣлы не иметъ, — и боярину и воеводамъ, князю Борису Михайловичу Лыкову, збиратиа съ городы, съ дворяны и съ дѣтми боярскими, а быть съ ними городомъ: Кострома, Ярославль, Галичъ, Вологда, Суздаль, Володимеръ, Лухъ, Гороховецъ, Переславль, Ростовъ, Муромъ, Арзамасъ, Нижней-Новгородъ, Юрьевъ-Полской, опричь тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которымъ велѣно быть подъ Смоленскомъ». Кн. разр. I, 9.

Такой службѣ съ городомъ противополагается служба «по разряду», т. е., въ должностяхъ воеводъ и въ придворныхъ чинахъ, назначаемыхъ изъ разряда. Это высшая служба, служба-же съ городомъ низшая. Должности изъ Разряда даются людямъ родословнымъ, съ городомъ-же служитъ всякая мелочь. Въ мѣстническомъ спорѣ Дмитрія Погожева съ Петромъ Головинымъ бояре въ 1614 году приговорили:

«Дмитрія Погожева бить батоги въ Разрядѣ и, бивъ батоги, посадить въ тюрьму за то, что онъ на Петра Головина билъ челомъ не по дѣлу. Погожимъ съ Головиными не сошлось нигдѣ, и сказка ему была: не сошлось де и дѣтемъ Петровымъ съ твоимъ, Дмитріевымъ, отцомъ. У Петра Головина отецъ былъ бояринъ да и всѣ Головины при государѣхъ были въ чести; а твой, Дмитровъ, отецъ въ разрядѣхъ не объявливался ни гдѣ, служилъ по Колугѣ съ

городомъ и люди вы не родословные. И досел҄ѣза де такіе не родословные люди на родословныхъ людей не бивали челомъ и государя тѣмъ не кручинивали». Двор. разр. I. 139.

Въ 1615 году бояре обвинили князя Аѳанасія Гагарина въ мѣстническомъ его спорѣ съ Ѳедоромъ Бутурлинымъ, между прочимъ потому, что

«Ѳедоровъ отецъ, Левонтей Бутурлинъ, при царѣ Иванѣ былъ честной человѣкъ, былъ въ стольникѣхъ, а князь Аѳанасьевъ отецъ Гагарина служилъ съ городомъ; да и нынѣ родъ ихъ, Гагарины, многіе служатъ съ городомъ». Кн. разр. I. 88.

Среди городовыхъ дворянъ источники различаютъ выборныхъ. Подъ выборными разумѣютъ они дворянъ, назначаемыхъ воеводами въ должности сотенныхъ и подъѣздныхъ головъ (Двор. раз. I. 591 и сл.). Такіе выборные, обыкновенно, назначаются изъ лучшихъ дворянъ. Въ разрядной книгѣ 1615 года читаемъ:

«А во всякія посылки воеводамъ, князю Василью Семеновичу и Ратману, посылати дворянъ выборныхъ и дѣтей боярскихъ лутчихъ, чтобъ дворяня выборные и дѣти боярскіе лутчіе во всякіе посылки ѣздили, а даромъ на службѣ не жили; а меншіе бъ статьи дѣти боярскіе болшихъ статей дворянъ выборныхъ и дѣтей боярскихъ лутчихъ не ослуживали, чтобъ передъ дворяны и передъ дѣтми боярскими лутчими дѣтямъ боярскимъ молодымъ на службѣ посылокъ лишнихъ однолично не было». Кн. разр. I, 44.

Приведенное распоряженіе исходитъ изъ того факта, что, кромѣ военной службы, которая была непостоянной, а временной, дворяне употреблялись еще въ разныя посылки, и принимаетъ мѣры къ тому, чтобы въ эти посылки въ одинакой мѣрѣ назначались, какъ молодшіе (худшіе), такъ лучшіе и выборные дворяне. Выборные вездѣ поставлены впереди лучшихъ, а это, согласно понятіямъ того времени, надо понимать въ томъ смыслѣ, что выборные суть лучшіе изъ лучшихъ.

Эти бытовыя различія не могли, однако, связывать мо-

сковскихъ государей. Они поддерживали ихъ, на сколько это имъ нравилось; но если хотѣли, то возвышали городовыхъ дворянъ до высшихъ ступеней служебной лѣстницы, такъ какъ всѣ назначенія зависѣли отъ ихъ усмотрѣнія. Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, сынъ не важнаго городоваго дворянина, въ 7144 году былъ назначенъ стряпчимъ, въ 7148—комнатнымъ стольникомъ у крюка, въ 7166—окольничимъ и оружничимъ, а въ 7176—бояриномъ. Еще быстрѣе поднялся Кириллъ Полуэктовичъ Нарышкинъ, сынъ городоваго тарусскаго дворянина. Въ 7166 году онъ сдѣланъ стряпчимъ, а въ 7188 былъ уже бояриномъ.

Слѣдуетъ, однако, указать на то, что такое быстрое возвышеніе любимцевъ изъ городовыхъ дворянъ всегда вызывало неудовольствіе, а иногда и цѣлую бурю среди сверстниковъ.

Въ 1624 году вторымъ воеводой въ большой полкъ въ Тулу былъ назначенъ князь Никифоръ Яковлевичъ Мещерскій, который до того времени служилъ въ Новгородѣ «съ городомъ». Вслѣдъ за этимъ назначеніемъ первый воевода, князь Голицынъ, писалъ въ Москву:

«Которымъ дворяномъ выборнымъ велѣно быть на государевѣ службѣ съ нимъ на Тулѣ, и онъ, по государеву указу, расписалъ въ головы къ сотнямъ и къ подъѣзднымъ станицамъ и списки сотнямъ имъ далъ. И тѣ дворяне приходили къ нему въ съѣзжую избу съ великимъ шумомъ и сотенные и подъѣздные списки передъ нимъ въ съѣзжей избѣ пометали. А сказали ему, что имъ у сотенъ и у подъѣздныхъ станицъ въ головахъ отъ него, для товарища его, князя Мещерскаго, быть невозможно».

Черезъ нѣсколько дней, въ дополненіе къ первому донесенію, князь Голицынъ увѣдомилъ государя, что трое изъ назначенныхъ имъ головъ, Борисъ Колтовской, Аѳанасій Уваровъ и Яковъ Хрущовъ, для товарища его, князя Никифора Мещерскаго, «съ государевой службы сбѣжали».

Бѣжавшіе изъ Тулы дворяне оказались въ Москвѣ, куда они явились, конечно, для поддержанія своихъ претензій. Ихъ тамъ схватили, подержали день или два въ тюрьмѣ и

выслали обратно въ Тулу на государеву службу. Но что ихъ неудовольствіе и въ Москвѣ не было найдено совершенно неосновательнымъ, это видно изъ государева указа на первое донесеніе князя Голицына, въ которомъ читаемъ:

«А по нашему указу дворяномъ выборнымъ велѣно быть всѣмъ съ тобою съ однимъ». Двор. разр. I. 586 сл.

Недовольные дворяне утѣшались тѣмъ, что они служатъ съ однимъ Голицынымъ, а не съ товарищемъ его, Мещерскимъ, до котораго имъ, слѣдовательно, и дѣла нѣтъ. Это потому, что они назначены были Голицынымъ, а не Мещерскимъ. Что протестовали не всѣ городовые, а только выборные, это служитъ подтвержденіемъ выше высказанной мысли о томъ, что выбираютъ, обыкновенно, изъ лучшихъ. Какъ лучшіе, они и вступились за свою честь.

Такъ какъ городовые дворяне самый низшій разрядъ дворянъ, то записка въ городовые дворяне лицъ, служившихъ по разряду, имѣетъ значеніе наказанія.

Въ 1675 году стольникъ, Алексѣй Дмитріевъ Колтовской, за безчестье князя Юрія Петровича Трубецкого, приговоренъ былъ къ уплатѣ 500 рублей безчестья, да его-же, Алексѣя, велѣно было

«Написать въ Кіевѣ по дворянскому списку и служить по Кіеву». Двор. разр. III. 1249.

Ясно, что записка въ дворянскія списки XVII вѣка совсѣмъ не то, что установленная Екатериною Великой записка въ дворянскія книги. Въ дворянскіе списки XVII вѣка записывали не для приданія чести и правъ, а для опредѣленія рода службы. Поэтому, званіе городоваго дворянина никому не жаловалось, какъ награда, и никто до этого чина не дослуживался, какъ до высшей чести. Городовые дворяне пополнялись актомъ рожденія. Званіе это сообщалось всѣмъ законнымъ дѣтямъ городоваго дворянина. Но родиться дворяниномъ еще не много значило. У отца дворянина могло совсѣмъ не быть вотчинъ, а помѣстій — только на одну душу. Сыновья такого дворянина были очень маленькіе люди, имъ и на службу снарядиться было не съ чего.

Въ 1556 году сынъ новогородскаго помѣщика, Бориска Ѳедоровъ Кашкаровъ, подалъ государю челобитье, въ которомъ говоритъ:

«За отцомъ за моимъ государева жалованья, помѣстья, девятнадцать обежъ, и отецъ мой съ того помѣстья государевы службы служитъ самъ; а опричь меня, Бориска, у отца моего четыре сыны, а мнѣ братья, Сенка да Степанка въ государеву службу поспѣли, а Тимошка да Максимко въ гогудареву службу спѣютъ, а язъ, Бориско, и братья мои менщые къ отцу въ помѣстье не припущены и въ отводъ помѣстьемъ не пожалованы; и мнѣ, Бориску, впредь государевы службы служити не съ чего». Д къ А. И. I, № 52, XXXVII.

Сыновья такихъ мелкихъ помѣщиковъ и по смерти отца своего могли ничего не получить, кромѣ титула дворянина да права просить государя о надѣлѣ помѣстьемъ для службы. Въ челобитьи сына новогородскаго помѣщика, Васки Михайлова Вольнина, читаемъ:

«Государева за мной жалованья, помѣстья, нѣтъ нигдѣ. И за отцомъ моимъ, за Михайломъ, было государева жалованья, стараго помѣстья тридцать девять обежъ, и отца моего не стало, до писцовъ государевыхъ, а послѣ отца моего осталась жена, а мнѣ мачеха, да дочь, а мнѣ сестра, да насъ четыре браты: Семейка, да язъ, Васка, да Третьячко, да Меншикъ; а писцы государевы, Шелонскіе пятины, Квашня Свербѣевъ съ товарыщи, того старого отца нашего помѣстья тридцать двѣ обжи написали за братомъ моимъ за болшимъ, за Семейкою, а семъ обежъ отца нашего помѣстья писцы государевы написали за отца нашего женою, а за нашего, за Васкиною съ братьею, мачехою, за Анницею съ дочерью, а съ нашею сестрою, съ Марьицею, а язъ Васка и братья мои, Третьячко и Меншикъ, къ брату своему, къ Семейкѣ, въ отцово помѣстье не припущены и въ отводъ отъ брата помѣстьемъ не пожалованы»... въ заключеніе Васка проситъ, чтобы государь пожаловалъ его семью обжами, которыя были даны его мачихѣ и сестрѣ, но теперь, за смертью мачихи и выходомъ замужъ сестры, освободились. Тамъ же № II, 1556.

На помощь къ такимъ неимущимъ дворянамъ приходитъ правительство посредствомъ «верстанія» новиковъ или недо-

рослей, которые въ службу поспѣли, помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ. Верстаніе есть обложеніе новиковъ опредѣленной службой съ пожалованнаго имъ помѣстья и денежнаго жалованья и является какъ бы вторымъ рожденіемъ дворянъ, безъ котораго нетолько участь всѣхъ новыхъ дворянскихъ фамилій, но и значительной части старыхъ фамилій дѣтей боярскихъ была бы крайне жалкая.

Правильное верстаніе новиковъ должно было возникнуть вмѣстѣ съ установленіемъ обязательной службы. Первое извѣстное намъ указаніе на верстаніе недорослей, поспѣвшихъ въ службу, относится къ 1532 году; затѣмъ знаемъ, что было верстаніе въ 1538 и 1539 году. Эти три верстанія были произведены въ Новогородской области. Д. къ А. И. I, № 52, IV, VI, X.

Какъ производились эти древнѣйшія верстанія и какой былъ размѣръ новичныхъ окладовъ, этого въ точности мы не знаемъ, такъ какъ до насъ не дошли древнѣйшіе наказы о верстаніи. Изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній размѣры новичныхъ окладовъ можно выяснить только въ очень общихъ чертахъ. Они не были одинаковы даже для лицъ, надѣляемыхъ въ одномъ и томъ же году. Въ верстаніе 1539 года встрѣчаются новичные оклады въ $6^1/_4$, въ 8, въ 11 и въ 12 обежъ на человѣка; въ верстанье 1532 года братьямъ Пушкинымъ было дано по 13 обежъ на человѣка (Д. къ А. И. I, № 52. VI, X, XVI—XVIII). Переводя обжи на четверти, обыкновенную земельную мѣру въ XVII вѣкѣ, получимъ для меньшаго надѣла $62^1/_2$ четверти, для большаго—130 (Ак. до Юр. б. № 135. 1616). Этими цифрами обозначается только количество пахатной земли въ одномъ полѣ; для опредѣленія полнаго размѣра пахатной земли помѣстья ихъ надо помножить на три.

Болѣе точныя свѣдѣнія о верстаньи принадлежатъ началу XVII вѣка. Въ смутное время правительство крайне нуждалось въ служилыхъ людяхъ, оно само приказывало розыскивать недорослей и верстать ихъ. Первый извѣстный намъ указъ о такомъ верстаніи, послѣдовавшій въ 1606 году, до насъ не дошелъ; но онъ буквально повторяется въ указѣ Михаила Ѳедоровича отъ 1616 года.

Новичное верстаніе XVII вѣка не было одинаковымъ для всѣхъ городовыхъ дворянъ. Мы уже видѣли, что городовые дворяне не были равны по своему достоинству, между ними были лучшіе и молодшіе. Это различіе, надо полагать, условливалось различіемъ отеческой служилой чести. Соотвѣтственно этой чести недоросли раздѣлялись на нѣсколько статей и получали разные оклады.

Въ 1616 году тульскимъ воеводамъ приказано было:

Сыскати недорослей и тѣхъ недорослей тотъ часъ велѣти выслать къ себѣ на Тулу, и которые будутъ недоросли въ службу поспѣли, а помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ не верстаны, и тѣхъ дѣтей боярскихъ помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ, выпрося окладчиковъ, поверстать. А помѣстные и денежные оклады имъ учинить противъ новичныхъ статей 114 году: лутчимъ новикомъ, дѣтемъ боярскимъ, служилымъ (которые уже несли службу, хотя помѣстья и не имѣли) большой статьи по 300 чети, денегъ съ городомъ по 8 рублей; другой статьѣ по 250 чети, денегъ съ городомъ по 7 рублей; третьей статьѣ по 200 чети, денегъ съ городомъ по 6 рублей. А не служивымъ (которые еще не служили) новикомъ большой статьѣ по 250 чети, денегъ съ городомъ по 7 рублевъ; другой статьѣ по 200 чети, денегъ съ городомъ по 6 рублей; третьей статьѣ по 150 чети, денегъ съ городомъ по 5 рублевъ». Кн. разр. I. 125.

Приведенный наказъ различаетъ служившихъ уже недорослей отъ неслужившихъ и первымъ назначаетъ высшій окладъ, чѣмъ вторымъ. Это дѣлается съ цѣлью привлеченія къ службѣ и такихъ недорослей, которые еще не верстаны. Дворяне, не имѣющіе ни вотчинъ, ни помѣстій, служить не обязаны, ибо имъ не съ чего служить. Но они могутъ служить съ отцовскихъ вотчинъ и помѣстій. Такимъ-то усерднымъ къ государевой службѣ дворянамъ и дается высшій новичный окладъ.

Число статей, на которыя дѣлились городовые дворяне, и размѣръ окладовъ не были, однако, одинаковы во всѣхъ городахъ. Въ 1619 и въ 1621 году нижегородскія дѣти боярскія дѣлились не на 3, а на 5 статей. Послѣдняя статья

служилыхъ дѣтей боярскихъ получала 150 четвертей, не служилыхъ — 100; первая — 350 и — 300. Такое-же дѣленіе и окладъ встрѣчаемъ и для ростовскихъ служилыхъ новиковъ (Историко-юридич. матер. изд. Моск. Арх. М. Ю. Вып. I. 133, 151; Кн. разр. I. 796). Чѣмъ условливалась такая крупная разница въ числѣ статей, не знаемъ. Можно думать, что въ половинѣ XVII вѣка она исчезла. Уложеніе знаетъ только три статьи новичныхъ окладовъ: большую, среднюю и меньшую. XVI. 33.

Всѣ вновь поверстанные новики писались въ десятни по статьямъ (Кн. разр. I. 805). Изъ десятней составлялись сотни, во главѣ которыхъ ставились выборные дворяне. Списки десятень доставлялись въ Москву.

Несмотря на происшедшее слитіе дѣтей боярскихъ и дворянъ, вѣковое различіе этихъ двухъ разрядовъ не совершенно умерло и иногда сказывается въ памятникахъ даже половины XVII вѣка.

Въ Уложеніи читаемъ:

«А которые порозжіе помѣстные земли, въ Московскомъ уѣздѣ, и въ городѣхъ вотчинные земли, покупали патріаршии, митрополичьи, и архіепископли дѣти боярскіе себѣ въ вотчину, а тѣ.... дѣти боярскіе изстари природные дѣти боярскіе, и за ними тѣмъ землямъ и впредь по куплѣ быть въ вотчинѣ-же А которые.... дворовые люди, не служилыхъ отцовъ дѣти, и не природные дѣти боярскіе покупили себѣ вотчины, и тѣхъ.... дворовыхъ людей по тѣмъ вотчинамъ написати въ государеву службу съ городы; а будетъ кто изъ тѣхъ.... дѣтей боярскихъ государевы службы служить не похочетъ, и у него купленая его вотчина, взявъ, отдати въ роздачю, кому государь укажетъ». XVII. 37.

Статья различаетъ природныхъ дѣтей боярскихъ. Это настоящія, старинныя дѣти боярскія. За ними, какъ это ни странно, сохранились и старинныя ихъ права: они могутъ владѣть вотчинами и государю московскому не служить, а служить, кому хотятъ, въ данномъ случаѣ, духовнымъ властямъ.

Этимъ природнымъ дѣтямъ боярскимъ противополагаются не природныя. Это патріаршіе и пр. дворовые люди, не служилыхъ отцовъ дѣти, а посадскихъ, крестьянъ, вольноотпущенныхъ, сами вольноотпущенные и пр. Они тоже могутъ покупать вотчины, но не могутъ оставаться на службѣ духовныхъ властей, а должны поступать на государеву службу въ городовые дворяне. Дворовые люди епископовъ, дѣти крестьянъ, вольноотпущенные, если только могутъ купить вотчину, вводятся въ составъ городоваго дворянства еще во второй половинѣ XVII вѣка!

II. Высшую ступень составляли московскіе дворяне. Они занимаютъ мѣсто за придворными чинами и всегда впереди городовыхъ дворянъ. Въ разрядной книгѣ на 1613 годъ читаемъ:

«А пѣвъ молебны и моля Бога о государевѣ многолѣтнемъ здоровьи, бояре, и окольничіе, и стольники, и дьяки думные, и стряпчіе, и приказные люди, и дворяне московскіе, и жилцы, и изъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе...... и всякихъ чиновъ люди Московскаго государства государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу крестъ цѣловали». Двор. разр. 16.

Тоже мѣсто дается московскимъ дворянамъ и въ Уложеніи:

«А будетъ кто, какого чину нибудь, обесчеститъ стольниковъ, или стряпчихъ, или дворядъ московскихъ, или дьяковъ, или жилцовъ, или дворянъ, или дѣтей боярскихъ городовыхъ». X. 93.

Московскіе дворяне заносятся въ особый «московскій списокъ». Объ нихъ говорятъ, что они служатъ «по московскому списку».

Начало этому списку положено Иваномъ Грознымъ въ 1550 году испомѣщеніемъ въ Московскомъ уѣздѣ и уѣздахъ прилежащихъ къ нему городовъ, разстояніемъ отъ Москвы не далѣе 70 верстъ, 1000 человѣкъ дѣтей боярскихъ, которые должны быть всегда готовы во всякія посылки.

Вотъ этотъ указъ:

«Лѣта 7059 октября въ 1 день, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи приговорилъ съ бояры: учинити въ Московскомъ уѣздѣ, да въ половинѣ Дмитрова, да въ Рузѣ, да въ Звенигородѣ, да въ Числякѣхъ, и въ Ордынцѣхъ, и въ Перевѣсныхъ деревняхъ, и въ Тетеревичѣхъ, и въ оброчныхъ деревняхъ, отъ Москвы верстъ за 60 и за 70, помѣщиковъ, дѣтей боярскихъ, лутчихъ слугъ, 1000 человѣкъ. А которымъ бояромъ и окольничимъ быти готовымъ въ посылки, а помѣстей и вотчинъ въ Московскомъ уѣздѣ у нихъ не будетъ, и бояромъ и окольничимъ дати помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ по 200 четвертей, а дѣтемъ боярскимъ въ первой статьѣ дати помѣстья по 200-же четьи, а другой статьѣ дѣтемъ боярскимъ дати помѣстья по 150 четьи, а третьей статьѣ дѣтемъ боярскимъ помѣстья по 100 четьи. А сѣна имъ давати по толку жъ копенъ, на колко кому дано четвертныя пашни, опричъ крестьянскаго сѣна. А крестьяномъ дати сѣна на выть (отъ 10 до 15 четвертей) по тридцати копенъ. А которой, по грѣхомъ, изъ тоя 1000 вымретъ, а сынъ его къ той службѣ не пригодится, ино въ того мѣсто прибрать иного. А за которыми бояры и за дѣтми боярскими вотчины въ Московскомъ уѣздѣ или въ иномъ городѣ, которые близко къ Москвѣ, верстъ за 50 или за 60, и тѣмъ помѣстья не дати». А. Э. I. № 225.

Причина испомѣщенія—нужды государевой службы, необходимость имѣть подъ руками всегда готовыхъ людей для всякихъ внезапныхъ посылокъ.

Въ то время, когда послѣдовалъ указъ, дѣти боярскія еще не смѣшивались съ дворянами, дѣти боярскія были лучшіе слуги, а потому рѣчь идетъ объ испомѣщеніи только ихъ, а не дворянъ.

Но въ XVI вѣкѣ, какъ и ранѣе, многія дѣти боярскія служили во дворахъ московскихъ государей; въ противоположность городовымъ, они назывались дворовыми. Во исполненіе приведеннаго указа были помѣщены не только городовые, но и дворовыя дѣти боярскія, всего 1050 человѣкъ; земли имъ роздано 112,600 четвертей. Эти природныя, подмосковныя дѣти боярскія, именная роспись которыхъ сохранилась, и составляютъ первое зерно московскаго дворянскаго списка.

Думаемъ, что этотъ списокъ долженъ былъ потомъ пополниться фамиліями и тѣхъ дѣтей боярскихъ, которыя имѣли свои вотчины въ Московскомъ или въ ближайшихъ къ нему уѣздахъ, разстояніемъ не далѣе 60—70 верстъ отъ Москвы. Они находились въ одинаковыхъ условіяхъ съ новыми помѣщиками и, конечно, несли равную съ ними службу, а потому, надо думать, и были записаны въ общій съ ними служебный списокъ. Весьма вѣроятно, что прежніе вотчинники составляли старый московскій списокъ, къ которому пришлось присоединить новыхъ московскихъ помѣщиковъ.

Не смотря на то, что въ московскій списокъ вошли не одни только дворовыя дѣти боярскія, но и городовыя, въ XVII вѣкѣ всѣ служащіе по московскому списку безразлично называются дворянами. Первоначальное наименованіе «дѣтей боярскихъ» для нихъ совершенно утратилось въ XVII вѣкѣ.

Въ чемъ-же преимущество московскихъ дворянъ передъ городовыми? Не въ томъ, что они всѣ природныя дѣти боярскія; большинство городовыхъ дворянъ тоже природныя дѣти боярскія, между ними очень нерѣдки и княжескія фамиліи. Преимущество московскихъ дворянъ въ близости къ московскому двору и въ службѣ на глазахъ государя. Московскіе дворяне по преимуществу назначаются въ стольники, стряпчіе и иные придворные чины; они состоятъ на службѣ при царицахъ, участвуютъ въ посольствахъ, назначаются въ приказы и на воеводства, посылаются съ разными порученіями по городамъ и предводительствуютъ полками. Московскіе дворяне не высшее сословіе въ западно-европейскомъ, или древне русскомъ смыслѣ, а ближайшіе государевы слуги. Въ указѣ 1550 года приказано прибрать въ число московскихъ помѣщиковъ «лучшихъ слугъ». Если это аристократія, то служебная. Для московскихъ дворянъ — великій интересъ постоянно находиться на глазахъ государя; живя въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ отъ Москвы, они имѣютъ къ этому и легкую возможность.

Такъ какъ служба по московскому списку составляетъ

особое служебное преимущество, то городовые дворяне добиваются чести быть занесенными въ московскій списокъ. Изъ боярскихъ книгъ XVII вѣка видно, что государи жалуютъ московское дворянство городовымъ дворянамъ. Въ книгѣ на 7137 годъ на стр. 308 читаемъ:

«Въ нынѣшнемъ 137 году государь жалуетъ въ московскій списокъ...» Затѣмъ слѣдуютъ имена.

На этихъ вновь пожалованныхъ не всегда, однако, распространялись всѣ преимущества службы московскихъ дворянъ. Иногда они продолжали нести службу съ своимъ городомъ, о чемъ дѣлалась особая отмѣтка въ боярской книгѣ. Въ книгѣ на 7184 годъ, на стр. 176, передъ спискомъ дворянъ сказано:

«По московскому списку написаны изъ городовъ, а на государевой службѣ съ своими городами».

Или на 1449 стр.:

«По московскому списку написаны, а на службѣ велѣно быть въ полкахъ съ тѣми городами, изъ которыхъ написаны».

Служба по московскому списку, съ такимъ трудомъ дававшаяся городовымъ дворянамъ, доставалась, однако, значительному числу служилыхъ иноземцевъ. Въ боярскихъ книгахъ не разъ встрѣчаемъ такой списокъ:

«Иноземцы, которые служатъ съ московскими дворяны».

Въ книгѣ 7176 года такихъ иноземцевъ показано 99 человѣкъ, въ книгѣ 7184 года — 70.

И помѣстный окладъ въ Московскомъ уѣздѣ не давался вновь назначаемымъ немедленно по назначеніи; они могли служить нѣкоторое время по своему прежнему окладу. Петръ Апраксинъ значится уже въ московскомъ спискѣ по книгѣ 7135 года; не смотря на это, въ книгѣ 7137 года (стр. 212) у его фамиліи стоитъ такая помѣта:

«Петру Апраксину помѣстной окладъ въ алатырскомъ списку».

Подобная же отмѣтка есть и при фамиліи Тимоѳея Желябовскаго, который имѣлъ окладъ не по московскому дво-

рянскому списку, а по жилецкому (книга 7137 года стр. 307).

Многіе, слѣдовательно, изъ вновь пожалованныхъ первоначально были только по имени московскими дворянами.

По общему правилу, однако, московскіе дворяне получали помѣстный окладъ въ московскомъ уѣздѣ. Царскіе указы конца XVI вѣка и Уложеніе опредѣляютъ и размѣръ этого оклада. Это сравнительно позднѣйшее опредѣленіе существенно отличается отъ первоначальнаго, сдѣланнаго Иваномъ Грознымъ. Указъ Ѳедора Ивановача отъ 1587 года и Уложеніе (XVI, 1) не различаютъ среди московскихъ дворянъ никакихъ статей, всѣмъ безъ различія они назначаютъ по 100 четвертей (Христ. Влад. Будан. III, 205).

Возникаетъ вопросъ, дѣти московскихъ дворянъ наслѣдуютъ званіе своихъ отцовъ, или возводятся въ званіе московскихъ дворянъ въ силу особаго пожалованія?

Прямыхъ опредѣленій по этому вопросу мы не встрѣчаемъ. Единственное косвенное указаніе находится въ выше приведенномъ указѣ Ивана Грознаго. Изъ этого указа слѣдуетъ, что не всѣ дѣти московскаго дворянина становились на мѣсто отца по его смерти, а только одинъ, и то при условіи годности къ той службѣ, какую несъ отецъ. Надо думать, что годный къ службѣ отца сынъ утверждался правительствомъ въ помѣстьи своего отца. Иначе сказать, онъ «прибирался» въ эту должность, или жаловался въ списокъ московскаго дворянства, а не наслѣдовалъ преимущества своего отца. Если онъ не годился, на его мѣсто прибирали другаго, т. е. жаловали въ московскій списокъ или городоваго дворянина, или кого-либо изъ сыновей другихъ московскихъ дворянъ, годныхъ къ службѣ. Но такъ было, надо думать, только въ началѣ. Съ теченіемъ же времени это должно было измѣниться. Право наслѣдованія въ помѣстьяхъ у насъ мало по малу сближается съ правомъ наслѣдованія въ вотчинахъ. Съ успѣхами этого сближенія сыновья помѣщика, по всей вѣроятности, стали по общему правилу, а не по «прибору», наслѣдовать своему отцу и заноситься въ московскіе списки.

Мы сказали, что дворяне московскіе жалуются въ при-

дворныя должности стольниковъ, стряпчихъ и иныя. Случалось, однако, что пожалованный въ должность стольника выбывалъ потомъ изъ этой должности, безъ назначенія въ иную высшую. Такіе выбывающіе изъ спеціальныхъ придворныхъ должностей снова заносились въ списокъ московскихъ дворянъ. Такимъ образомъ, въ лицѣ каждаго человѣка, облеченнаго придворнымъ чиномъ, со стряпчаго начиная, скрывался московскій дворянинъ.

Въ 1627 году, въ праздникъ Вербнаго Воскресенья, у государя обѣдали два боярина, одинъ окольничій, два думныхъ дьяка и 18 дворянъ. Передъ перечисленіемъ именъ и фамилій девяти первыхъ дворянъ сказано:

«Были напередъ того въ стольникахъ». Двор. разр. I. 905.

Эти бывшіе стольники названы дворянами, изъ боярскихъ же книгъ XVII вѣка видно, что они всѣ состоятъ въ спискѣ московскихъ дворянъ *).

Такимъ возвращеніемъ въ прежнее званіе и надо объяснять то обстоятельство, что въ печатномъ алфавитѣ къ боярскимъ книгамъ у нѣкоторыхъ фамилій сперва означено званіе стряпчаго, или стольника, а потомъ—московскаго дворянина. Это вовсе не значитъ, что стряпчій или стольникъ получилъ вновь званіе московскаго дворянина, онъ только возвратился въ это званіе, будучи выписанъ изъ спеціальной придворной должности.

По какой причинѣ дѣлалось такое возвращеніе въ прежнее званіе, этого мы не знаемъ; но можно утверждать, что оно дѣлалось не въ наказаніе. Это видно изъ того, что на обѣдѣ 1627 года сперва названы девять фамилій бывшихъ стольниковъ, т. е. исключенныхъ, а за ними уже девять фамилій московскихъ дворянъ, которые въ стольникахъ не

*) Вотъ ихъ имена: кн. Прозоровскій Сем. Вас., Салтыковъ Ив. Ив., кн. Литвинъ Мосальскій Андр. Өед., кн. Репнинъ Пет. Александр., Плещеевъ Григ. Андр., кн. Гагаринъ Дан. Григ., Савинъ Андр. Пет., Ласкиревъ Никит. Ив. и Суминъ Лар. Григ.

были *). Если исключеннымъ дали первое мѣсто, то, конечно, потому, что они были уже придворными и не находятся въ немилости.

III. Иногда въ разрядныхъ книгахъ дворянамъ придается эпитетъ «большіе». Эпитетъ большіе означаетъ лучшіе и примѣняется или ко всѣмъ московскимъ дворянамъ, которые въ полномъ своемъ составѣ лучше городовыхъ; или къ лучшимъ изъ московскихъ.

Въ первомъ смыслѣ эпитетъ этотъ нѣсколько разъ употребленъ въ разрядной книгѣ 1613 года. «Дворяне большіе» занимаютъ тамъ мѣсто послѣ стряпчихъ и выше приказныхъ людей, жильцовъ и дворянъ городовыхъ; о московскихъ же дворянахъ не упоминается. Въ тѣхъ же мѣстахъ того же разряда, гдѣ упоминаются дворяне московскіе, наоборотъ, не говорится уже о большихъ (Двор. разр. I. стр. 14, 16, 18).

Во второмъ смыслѣ эпитетъ этотъ употребленъ въ разрядной книгѣ 1625 года. Марта 25, во время пріема Кизылбашскихъ пословъ, государь былъ окруженъ слѣдующимъ образомъ:

«А въ палатѣ при государѣ, съ лѣвые стороны отъ государя, сидѣли бояре, и окольничіе, и думные люди въ золотѣ. А дворяня большіе и стольники сидѣли противъ государя въ золотѣжъ. А рынды были, по правой сторонѣ, столники...... (двое кн. Татевыхъ и двое кн. Волконскихъ) А въ сѣнѣхъ сидѣли дворяне жъ московскіе, и дьяки, и гости въ золотѣ» (Двор. разр. I. 671).

Изъ того, что въ сѣняхъ сидѣли тоже дворяне московскіе слѣдуетъ, что рынды и большіе дворяне суть тоже московскіе, но лучшихъ фамилій, и, по всей вѣроятности, бывшіе уже стольниками, а потому и поставленные выше настоящихъ стольниковъ.

*) Вотъ имена этихъ московскихъ дворянъ: Стрѣшневъ Лук. Степ., кн. Пріимковъ-Ростовскій Александр. Дан., кн. Звенигородскій Сем. Григ., Измайловъ Тимоѳ. Вас., Коробьинъ Сем. Гавр., Огаревъ Ив. Нелюб., Горихвостовъ Григ. Ив., Бояшевъ Ѳед. Мих. и Елизаровъ Мих. Григ. Всѣ они значатся москов. дворянами уже въ книгѣ 7135 года.

Кромѣ помянутыхъ видовъ дворянъ, источники XVII вѣка говорятъ еще о «дворовыхъ дворянахъ». Этотъ видъ дворянъ постоянно встрѣчается въ десятняхъ XVI и XVII вѣка на ряду съ дворянами городовыми и выборомъ. Дворовые дворяне также владѣютъ помѣстьями, получаютъ государево денежное жалованье, службу служатъ на конѣ, имѣютъ саблю, карабинъ, пистоль. Но что это за видъ и чѣмъ они отличаются отъ городовыхъ и выборныхъ, это намъ не ясно.

VIII. Оружничіе.

Какъ наименованіе казначея произошло отъ «казны», такъ наименованіе оружничаго отъ «казенной оружничей палаты», содержавшей царскую оружейную казну и состоявшей въ завѣдываніи оружничаго. Такія оружничьи палаты существовали, конечно, съ самыхъ древнихъ временъ, такъ какъ и самые древніе князья имѣли свое войско, которое вооружали на свой собственный счетъ. Несмотря на это, «казенная оружничья палата», если не ошиблемся, впервые упоминается Котошихинымъ, а объ оружничихъ наши свѣдѣнія не восходятъ далѣе начала XVI вѣка.

Оружейная казна, какъ и всякая иная, входя въ составъ княжескаго двора, первоначально вѣдалась, надо полагать, тіунами и ключниками. Въ лѣтописныхъ разсказахъ, относящихся къ началу XIII вѣка, мы встрѣчаемъ княжескихъ меченосцевъ. Можно думать, что въ лицѣ этихъ меченосцевъ и обособилась впервые должность хранителей княжеской оружейной казны. Меченоши не только носятъ княжеское оружіе, но и хранятъ его. Дѣлаемъ это предположеніе на томъ основаніи, что по свидѣтельству памятниковъ начала XIII вѣка меченоши—люди довольно высокаго положенія.

«Великій князь Всеволодъ, читаемъ въ Лаврентьевской лѣтописи, посла съ полкомъ Кузму Ратьшича м е ч е н о ш ю своего, и взя Тепру, и возвратися со многимъ полономъ въ Володимерь». 1210.

Этотъ древнѣйшій, извѣстный намъ меченосецъ называется по имени и по отечеству съ окончаніемъ на «вичъ»; ему поручается главное начальство надъ полкомъ князя въ самостоятельной военной экспедиціи. Онъ пользуется, значитъ, особымъ довѣріемъ своего государя. Можно думать, что дѣятельность такого меченоши далеко уже вышла за предѣлы того понятія, которое выражается въ его наименованіи. Весьма вѣроятно, что меченоши XIII вѣка княжескаго меча уже и не носили, предоставляя это болѣе мелкимъ чинамъ, а хранили княжескую оружейную казну и начальствовали надъ войскомъ.

Другое извѣстіе о меченошахъ XIII вѣка находимъ подъ 1225 годомъ:

«Той же зимы повоеваша литва окола града Торжку, бяше бо ихъ 7000, и гость биша и Торопецкую волость взяша всю. Князь же Ярославъ и Володимеръ съ новоторжцы, новогородцевъ мало, торопчане же поидоша по нихъ и сугнаша ихъ на Въсвятѣ, полонъ весь отъяша, а самѣхъ избиша 2000 мужь, ту же убища литва торопецкаго князя, Давыда, и Василья, м е ч е н о ш ю Ярославля». Новогор. IV.

Изъ убитыхъ поименно названы только князь да меченоша.

Въ такомъ же почетномъ положеніи являются и оружничіе позднѣйшихъ московскихъ памятниковъ. Они встрѣчаются въ должности пословъ (П. С. Л. VIII. 260. 1516).

На высокое положеніе московскихъ оружничихъ указываетъ и то обстоятельство, что оружничество соединяется съ окольничествомъ и боярствомъ. Оружничій, получившій званіе окольничаго или боярина, продолжаетъ быть оружничимъ. Въ это званіе назначаются люди родовитые. Изъ восьми извѣстныхъ намъ оружничихъ *), четверо — князья, осталь-

*) Оружничими были: въ 1511+1522 А. М. Салтыковъ, первый извѣстный Шереметевскому списку оружничій; 1523+1532 И. И. Карповъ, 1533+1549 кн. Ю. И. Щегининъ. 1550—1564 Л. А. Салтыковъ (съ 1563 бояринъ и оружничій), 1564—1572 кн. А. И. Вяземскій, 1573—1577 кн. Иванъ Девételевичъ, 1578+1610 кн. Б. Я. Бѣльскій (съ 1605 бояринъ и

ные принадлежатъ къ фамиліямъ, бывавшимъ въ окольничихъ и боярахъ. Четверо изъ восьми достигли боярства и остались оружничими.

Въ XVII вѣкѣ вѣдомство оружничаго расширилось. Онъ управляетъ Оружейнымъ приказомъ, въ составъ котораго вошла и старая «казенная оружничья палата». Но Оружейный приказъ не хранитъ только оружіе, какъ оружейная палата; онъ озабоченъ изготовленіемъ его и закупкой. Необходимыя для этого средства получаются изъ приказа Новая Четверть, во главѣ котораго стоитъ тотъ же оружничій *). Въ Оружейномъ приказѣ при оружничемъ сидитъ одинъ дьякъ, въ Новой Четверти—два.

IX. Постельничіе.

Первое появленіе постельничихъ Шереметевская боярская книга относитъ къ 1495 году, къ княженію Ивана Васильевича, при которомъ появились казначеи, ясельничіе, конюшіе бояре и, по всей вѣроятности, крайчіе **). Лица, вѣдавшія постель князя, существовали съ древнѣйшихъ временъ, хотя,

оружничій); въ 1656 году умеръ бояринъ, дворецкій и оружничій Г. Г. Пушкинъ; Б. М. Хитрово въ книгѣ на 1658 годъ показанъ окольничимъ и оружничимъ, въ книгѣ на 1668—бояриномъ и оружничимъ, въ книгѣ на 1676 годъ—бояриномъ, дворецкимъ и оружничимъ.

*) У Котошихина стр. 89:

«Приказъ Новая Четверть; а сидитъ въ томъ приказѣ околничей и оружейничей, да два дьяка»...... 20.

«Оружейной приказъ; а вѣдаетъ тотъ приказъ тотъ же окольничей, что и Новую Четверть, а съ нимъ дьякъ»...... 21.

Это не совсѣмъ точно. Оружничій не непремѣнно окольничій, онъ можетъ быть и бояриномъ; а можетъ не быть ни тѣмъ, ни другимъ. Правильнѣе было бы сказать: «вѣдаетъ..... тотъ же оружничій».

**) Давно уже и не одинъ разъ было указано на то, что развитіе пышности двора вел. князя Ивана Васильевича стоитъ въ связи съ его бракомъ на греческой царевнѣ. Но насколько новые придворные чины отразили на себѣ вліяніе византійскихъ образцовъ, это и по сіе время далеко еще не выяснено.

можетъ быть, и не подъ именемъ постельниковъ, а сперва подъ болѣе общимъ наименованіемъ отроковъ. Извѣстіе Шереметевской книги надо понимать въ томъ смыслѣ, что при Иванѣ Васильевичѣ постельничіе получили опредѣленное мѣсто на лѣстницѣ придворныхъ чиновъ и вѣдомство ихъ было регулировано болѣе точнымъ образомъ, чѣмъ это могло быть прежде. Они вѣдаютъ не только постель государя, но и всю его «постельную казну», въ которой находились иконы, кресты, посуда золотая и серебряная, платье и иная рухлядь (Рум. Собр. I. № 144, 1504). Въ духовной грамотѣ начала XVI вѣка читаемъ:

«А што моего платья, а то платье у моего постельничово, у Ондрѣя, у Иванова сына, Бѣлкина да у Өедора, у Васильева сына, Кокошкина у Малова». Далѣе идетъ перечисленіе платья, обуви, перстней. Рум. Собр. I. № 147.

Завѣдывая «постельной казной», въ которой хранилось бѣлье и платье государя, они завѣдывали и самымъ шитьемъ платья и бѣлья; въ ихъ вѣдомствѣ состояли мастера этого дѣла и Мастерская палата, въ которой производились работы. Въ разрядной книгѣ на 1675 годъ читаемъ:

«Того жъ году указалъ великій государь быть въ Мастерской вмѣсто постелничаго, Өедора Алексѣевича Полтева, столнику и ближнему человѣку у крюка, Петру Савельевичю Хитрово, да съ нимъ же оставленъ стряпчей, Борисъ, Лаврентьевъ сынъ, Аргамаковъ, да съ ними же оставленъ дьякъ Мастерскіе палаты великого государя, Өедоръ, Петровъ сынъ, Казанецъ». Двор. разр. III. 1545.

Изъ приведеннаго мѣста видно, что Мастерская палата тоже коллегія, но мѣсто предсѣдателя можетъ быть предоставлено въ ней и не постельничему.

Постельничій, вѣдая постель, бѣлье, платье, перстни и другія украшенія государя, былъ ближайшимъ къ нему слугой. Онъ спалъ съ нимъ въ одной комнатѣ, ходилъ съ нимъ въ баню (Котош. 10, 23), сопровождалъ его въ торжественныхъ выходахъ, наблюдая за тѣмъ, чтобы стулъ, скамеечка подъ ноги и другія необходимыя государю вещи были подъ руками и къ услугамъ царя. Марта 13-го 1675 года государь былъ у

обѣдни въ церкви Рождества Пречистыя Богородицы, съ нимъ были бояре, окольничіе, думные дворяне и ближніе люди.

«А стряпнею былъ постельничій, Ѳедоръ Алексѣевичъ Полтевъ, а съ нимъ стряпчіе стряпнею съ полотенцомъ, и со стуломъ, и съ подножіемъ». Двор. разр. III. 1279.

Если самъ постельничій не могъ слѣдовать за государемъ со стряпнею, то назначался иной чинъ, но съ оговоркой, что онъ идетъ «стряпнею вмѣсто постельничаго». Двор. разр. III. 1312.

Въ распоряженіи постельничаго состояли стряпчіе, которые ходили со стряпней, и спальники, которые дежурили въ комнатѣ царя, одѣвали, раздѣвали и разували его (Котош. II. 5).

Должность постельничаго исключительно частнаго, домашняго характера. Находясь и днемъ и ночью около государя, постельничіе могли вкрадываться въ его довѣріе и даже оказывать на него вліяніе; тѣмъ не менѣе родовитые люди никогда не принимали на себя этой должности. Въ постельничіе назначались люди четвертостепенные, которые въ окольничихъ не бывали *), а бывали въ казначеяхъ и постельничихъ. Нѣкоторые изъ нихъ, начавъ съ этихъ мелкихъ должностей, дошли потомъ и до высшихъ. Изъ шестнадцати фамилій, члены которыхъ были постельничими въ первые 150 лѣтъ существованія этой должности (по 1645 годъ), возвысились только двѣ фамиліи, Волынскихъ да Годуновыхъ. Съ 1562

*) Постельничими были: Ив. Юрнъ съ 1495+1499; С. И. Брюхо 1502+1507; М. С. Яробкинъ 1508+1513; Як. Мансуровъ 1514+1520; К. А. Буруновъ 1521+1532; А. В. Мансуровъ 1542+1551; И. М. Вѣшняковъ 1552+1561; Я. В. Волынской 1562+1568; С. С. Ярцовъ 1569—1570; Д. И. Годуновъ 1571—1573; И. Д. Овцынъ 1574+1581; И. О. Белобразовъ 1582—1604; С. И. Шапкинъ 1605—1606; К. О. Белобразовъ 1607+1608; И. Г. Одадуровъ 1609—1610; К. И. Михалковъ 1613+1628; С. Л. Хруновъ 1629—1634; О. И. Игнатьевъ 1635+1642; И. М. Аничковъ 1643—1647; М. А. Ртищевъ 1647—1650; О. М. Ртищевъ 1650—1656; Г. И. Ртищевъ 1656—1669; Ѳ. А. Полтевъ 1669+1677; съ 1677 И. М. Языковъ.

по 1569 годъ Волынскіе дали одного постельничаго, одного казначея, да трехъ окольничихъ. Всѣ остальные четырнадцать фамилій далѣе постельничаго не пошли. Только послѣ 1645 года для постельничихъ открывается болѣе свободное движеніе къ высшимъ чинамъ. И. М. Аничковъ и Г. И. Ртищевъ дошли до думныхъ дворянъ; М. А. Ртищевъ былъ возведенъ въ званіе окольничаго, а И. М. Языковъ достигъ окольничества и боярства.

Должность постельничаго не соединяется ни съ какою высшею придворною. Но постельничіе, какъ и другіе чины, даже стоящіе ниже ихъ, назначаются иногда ратными воеводами. Такъ въ 1554 году постельничій И. М. Вѣшняковъ былъ первымъ воеводой въ передовомъ полку (Р. ист. сбор. II. 118).

На лѣстницѣ чиновъ постельничіе занимаютъ мѣсто за оружничими. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ Шереметевскомъ сводѣ и въ нѣкоторыхъ изъ боярскихъ книгъ Московск. Архива мин. Юстиціи *).

X. Стряпчіе съ ключомъ.

Стряпчій съ ключомъ есть первый человѣкъ среди стряпчихъ. Многолюдный-же чинъ стряпчихъ получилъ свое наименованіе отъ глагола стряпать, т. е. дѣлать, работать, откуда стряпня и стряпчій. Въ старину говорилось: «стряпать

*) Такъ по книгамъ за 7135, 7137 и 7148 годы. Въ книгахъ за 7184 и 7194 они поставлены выше думныхъ дворянъ, что неправильно и объясняется черновымъ характеромъ книгъ. Мѣсто, отводимое имъ разрядными книгами, колеблется; они называются то выше думныхъ дьяковъ, что согласно съ положеніемъ, высказаннымъ въ текстѣ, то ниже ихъ (Двор. разр. I. стр. 982, 998, 1000, 1002, 1005 и пр.). Это разногласіе разрядныхъ книгъ служитъ лишь новымъ подтвержденіемъ высказанной выше догадкѣ, что мы имѣемъ, въ самомъ лучшемъ случаѣ, лишь черновыя разрядныя книги, которыя велись довольно небрежно. Свидѣтельство Котошихина, что «постельничіе честью противъ окольничихъ» надо признать не совершенно точнымъ (II, 13).

посламъ» въ смыслѣ служить посламъ (Сб. Им. рус. ист. общ. XXXV, 623). И теперь говорятъ: «состряпать свадьбу» въ смыслѣ сладить, устроить свадьбу. То, что дѣлается въ Мастерской палатѣ, есть «стряпня». «Государь указалъ вѣдать стряпню въ Мастерской палатѣ....». Двор. разр. III. 1611. Отсюда выраженіе «идти за государемъ со стряпней», т. е. съ его шапкой, полотенцемъ, платкомъ и пр., что составляетъ «стряпню Мастерской палаты».

Древній типъ стряпчаго всего лучше сохранился въ Конюшенномъ дворѣ, въ лицѣ стряпчихъ конюховъ, о которыхъ Котошихинъ говоритъ:

«Чинъ ихъ таковъ: на Москвѣ, на конюшнѣ, и въ походехъ чистятъ, и кормятъ, и поятъ, и устраиваютъ лошадей, и лошади подъ царя сѣдлаютъ, и корѣты и сани наряжаютъ», т. е. моютъ, чистятъ и запрягаютъ (VI. 6).

Это и есть стряпня. Стряпали и въ Мастерской палатѣ, т. е. шили; стряпали въ Кормовомъ и Хлѣбенномъ дворѣ. Можно думать, что дѣловые люди хозяйственныхъ царскихъ дворовъ, портные, квасники, пивовары, повара, пирожники, хлѣбники тоже назывались первоначально стряпчими, ибо и они стряпали. Слово «стряпня» и до нашихъ дней сохранилось въ смыслѣ повареннаго дѣла. Но въ памятникахъ XVII вѣка, изъ которыхъ мы только и узнаемъ о стряпчихъ, они уже такъ не называются. Котошихинъ говоритъ о «поварахъ-мастерахъ» и «полумастерахъ» и «о пирожныхъ-мастерахъ» (63, 65). Въ этихъ терминахъ надо, кажется, видѣть указаніе на нѣмецкое вліяніе въ нашемъ поваренномъ искусствѣ XVII вѣка.

Мы встрѣчаемъ стряпчихъ и на другихъ хозяйственныхъ дворахъ, кромѣ Конюшаго, но въ нѣсколько высшей должности сравнительно со стряпчими-конюхами. Стряпчіе Сытеннаго двора не приготовляютъ питей, но состоятъ при погребахъ и отпускаютъ напитки по росписи. Съ этою цѣлью у нихъ на храненіи находится необходимая посуда серебряная, оловянная, мѣдная и деревянная. По ночамъ они спятъ на Сытенномъ дворѣ по очереди, для его охраненія. Точно

также и стряпчіе Кормоваго и Хлѣбеннаго дворовъ не стряпаютъ уже на кухнѣ, гдѣ ихъ замѣнили повара, пирожники, хлѣбники и калачники, а выдаютъ кушанья, пироги и хлѣбы, по чину, кому что надлежитъ, по особой росписи (Котош. 61 и сл.).

Терминъ «стряпчіе» встрѣчается только въ московскихъ памятникахъ. Въ болѣе отдаленное время должность ихъ исполнялась отроками, а потомъ дворовыми людьми.

Какъ ни скудны наши свѣдѣнія объ исторіи стряпчихъ, но мы, на основаніи приведенныхъ уже указаній, можемъ, кажется, сдѣлать заключеніе, что въ положеніи стряпчихъ совершился своего рода подъемъ. Большинство стряпчихъ хозяйственныхъ дворовъ перестало уже быть рабочими людьми. Къ рабочимъ дворовымъ людямъ, послѣ конюховъ, всего ближе подходятъ стряпчіе разныхъ другихъ хозяйственныхъ дворовъ, о которыхъ только что было сказано. Но и тамъ есть чины ниже ихъ, которые заняты рабочимъ дѣломъ. На Сытенномъ дворѣ ниже стряпчихъ винокуры, пивовары, бочкари и сытники, которые во время царскихъ походовъ носятъ сосуды съ питьемъ, но не подаютъ питье царю; на Кормовомъ — ниже стряпчихъ: повара-мастера и полумастера; на Хлѣбенномъ — хлѣбники, калачники и пирожные мастера; даже на Конюшенномъ дворѣ стряпчіе не послѣдній чинъ, ниже ихъ стадные конюхи.

Но числомъ этихъ дворовыхъ стряпчихъ вовсе не исчерпывается общее количество стряпчихъ, бывшихъ при московскомъ дворѣ. На Сытенномъ дворѣ Котошихинъ полагаетъ 40 человѣкъ стряпчихъ; на Хлѣбенномъ — 2-хъ, на Конюшенномъ — 200; число стряпчихъ на Кормовомъ дворѣ онъ не опредѣляетъ, полагаемъ ихъ тоже въ 40 человѣкъ, какъ и на Сытенномъ. Всего получится 282 стряпчихъ, а въ боярскихъ книгахъ находимъ, помимо этихъ «дѣловыхъ» стряпчихъ, еще сотни ихъ. Въ книгѣ на 1668 годъ ихъ болѣе 500, а въ книгѣ на 1676 годъ число ихъ простирается до 640 человѣкъ. Самъ Котошихинъ число стряпчихъ, о которыхъ говоритъ во главѣ «о царскихъ чиновныхъ людяхъ», полагаетъ въ 800 человѣкъ,

кромѣ тѣхъ, которые сидѣли въ разныхъ хозяйственныхъ дворахъ.

Какіе-же это стряпчіе? Это придворные люди, носившіе званіе стряпчаго безъ назначенія къ какой-либо опредѣленной стряпнѣ; они состоятъ при особѣ государя для всякихъ ему услугъ.

Назначаются эти стряпчіе къ самымъ разнообразнымъ службамъ и въ самыя разнообразныя посылки, за исключеніемъ болѣе крупныхъ назначеній на должности воеводъ и пословъ. По свидѣтельству Котошихина, ихъ не дѣлаютъ воеводами и не посылаютъ послами; но они могутъ входить въ составъ посольствъ въ качествѣ второстепенныхъ чиновъ.

Стряпчіе эти назначаются по именной росписи къ разнымъ службамъ при особѣ государя. При его выходѣ въ церковь они несутъ за нимъ стулъ, скамеечку подъ ноги, платокъ; во время церковной службы они держатъ государеву шапку. Когда государь принимаетъ личное участіе въ военныхъ походахъ, стряпчіе везутъ его панцырь, мечъ (Котошихинъ 21). Во время зимнихъ поѣздокъ государя по окрестностямъ Москвы, они назначаются въ «ухабничіе» для поддерживанія возка на ухабахъ. 20 января 1620 года, когда государь «ѣздилъ тѣшиться на лоси въ Черкизово»,

«На ухабѣ стоялъ (вар. ухабничей) стряпчей Замятня, Өедоровъ сынъ, Левонтьевъ». Двор. разр. I. 435.

Въ 1674 году декабря 8-го, когда государь съ государыней и дѣтьми изъ села Преображенскаго «ходилъ тѣшиться въ село Алексѣевское»,

«На ухабѣ стояли стряпчіе Илья, Михайловъ сынъ, Дмитріевъ да Өедоръ, Ивановъ сынъ, Собакинъ». Двор. разр. III. 1130.

Во время праздничныхъ обѣдовъ у государя стряпчіе чашничали и блюда ставили передъ боярами, окольничими и ближними людьми (Двор. разр. III. 1001).

Служба при государѣ не могла занять сотни стряпчихъ, а потому ихъ посылали съ воеводами по полкамъ въ качествѣ военныхъ людей (Кн. разр. стр. II. 787 и слѣд.).

Котошихинъ говоритъ, что стряпчіе не всѣ находились въ Москвѣ на лицо, на случай какого-либо назначенія, а только половина ихъ. Другая половина отпускалась въ деревни. Каждые шесть мѣсяцевъ они мѣнялись (21).

Согласно боярскимъ книгамъ, разрядамъ и Котошихину, стряпчіе занимаютъ мѣсто послѣ стольниковъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Несмотря на весьма невысокое положеніе стряпчихъ при московскомъ дворѣ, въ чинъ этотъ въ XVII вѣкѣ назначались даже люди изъ перворазрядныхъ фамилій. Въ стряпчихъ бывали: кн. Голицыны, кн. Пронскіе, кн. Репнины, кн. Ростовскіе-Буйносовы, кн. Урусовы, кн. Хованскіе, Шереметевы. Даже тѣ изъ членовъ этихъ фамилій, которые достигали боярства, въ молодости бывали стряпчими. Бояринъ кн. И. А. Репнинъ изъ дворянъ московскихъ прежде всего былъ возведенъ въ званіе стряпчаго. Точно также были стряпчими дворяне московскіе, В. и Б. П. Шереметевы, возведенные потомъ въ званіе боярина.

Члены родовитыхъ фамилій бывали стряпчими въ смыслѣ низшаго придворнаго званія, а не въ смыслѣ опредѣленной должности при одномъ изъ хозяйственныхъ дворовъ. Въ стряпчіе-конюхи люди родовитые не назначались. Въ виду такого разнообразнаго личнаго состава чина стряпчихъ, честь ихъ, по всей вѣроятности, не была одинакова. Мѣсто за стольниками принадлежало только стряпчимъ въ смыслѣ придворнаго званія, а не опредѣленной должности въ хозяйственныхъ дворахъ.

Это положеніе подтверждается текстомъ Уложенія. Въ статьѣ, опредѣляющей размѣръ помѣстнаго оклада въ Московскомъ уѣздѣ, читаемъ:

«За стольники, и за стряпчими, и за дворяны московскими, и за дьяки,...... по сту четвертей за человѣкомъ».

«За дворовыми людьми, за стряпчими, и за сытники съ помѣстныхъ ихъ окладовъ со ста четвертей по десяти четвертей». XVI. 1.

Здѣсь различены два вида стряпчихъ. Одни идутъ за

стольниками, это придворное званіе; другіе идутъ за дворовыми людьми, это рабочіе стряпчіе хозяйственныхъ дворовъ. Всѣ они люди честные и имѣютъ помѣстья; но честь послѣднихъ ниже чести первыхъ.

Люди родовитые только временно занимали должность стряпчаго, можетъ быть въ ранней молодости, а потомъ возвращались въ прежнее состояніе. Б. и В. П. Шереметевы въ книгахъ на 7135 и 7137 годы написаны дворянами московскими, въ книгѣ на 7144—стряпчими, а въ книгѣ на 7148 опять дворянами московскими.

Шереметевская сводная книга о стряпчихъ вовсе не говоритъ. Она знаетъ только стряпчаго съ ключомъ и перечисляетъ лицъ, занимавшихъ эту должность съ 1646 года.

Стряпчій съ ключемъ есть помощникъ постельничаго, онъ вѣдаетъ подъ нимъ Мастерскую палату и постельную казну; у него ключъ отъ казны, отсюда, конечно, и наименованіе «стряпчій съ ключомъ». Онъ порожденіе все осложняющейся придворной жизни. Въ разрядной книгѣ на 1675 годъ подъ мѣсяцемъ августомъ находимъ такой указъ:

«Указалъ великій государь быть за собою, великимъ государемъ, поочередно и помѣсячно, и въ походѣхъ жить, и на Москвѣ вѣдать стряпню въ Мастерской палатѣ: постелничему, Ѳедору Алексѣевичу Полтеву, да стряпчему съ ключемъ, Ивану Кузмичу Кузмину, да стольнику и ближнему человѣку, Ивану, Демидову сыну, Голохвостову, да столнику и ближнему человѣку у крюка, Петру, Савельеву сыну, Хитрово, да съ ними дьякамъ Мастерскіе жъ великого государя палаты, Ивану Чаплыгину да Ѳедору Казанцу. А за нимъ, великимъ государемъ, велѣно ходить въ походѣ почередно». Двор. разр. III. 1611.

Потребности двора такъ разрослись, что сдѣлалось необходимымъ усилить первоначальный составъ Мастерской палаты. Первое учрежденіе должности стряпчаго съ ключемъ Шереметевская сводная книга относитъ къ 1646 году.

Стряпчіе съ ключемъ занимаютъ мѣсто послѣ постельни-

чаго. Трое изъ пяти занимавшихъ эту должность съ 1646 года по 1677 повышены были въ постельничіе *).

XI. Ловчіе и сокольничіе.

Эти два чина принадлежатъ къ древнѣйшему составу двора. Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи дѣтямъ упоминаетъ уже о ловчемъ, соколиномъ и ястребиномъ нарядѣ (Лавр. 1096). Съ самыхъ древнихъ временъ охота на звѣря и птицу составляла любимѣйшее развлеченіе князей и у каждаго изъ нихъ былъ свой штатъ охотниковъ. Хотя забава охотой составляла чисто частное дѣло князей, а не государственное, но, по смѣшенію въ древнее время элементовъ частнаго и государственнаго, княжескіе охотники являются не только приспѣшниками княжескихъ забавъ, а и властью. Князьямъ не только принадлежали въ собственность озера и рѣки, богатыя рыбою, и мѣста, въ которыхъ водился пушной звѣрь (бобровые гоны), но они ловили рыбу и звѣря въ предѣлахъ всего своего княженія, гдѣ только имъ было угодно **). Для этого лова, при дворѣ ихъ были разные ловчіе: охотники, псари, бобровники, сокольники, подлазчики рыболовы, подледчики, неводники. На обязанности ихъ лежало содержать въ исправности необходимую для ловли

---

*) Шереметевскій сводъ даетъ такой списокъ стряпчихъ: М. А. Ртищевъ съ 1646—1647; Ѳ. М. Ртищевъ 1650—1656; Ѳ. А. Полтевъ 1656—1669 П. К. Кузьминъ 1669—1679; А. П. Лихачевъ съ 1677.

У Котошихина читаемъ:

«Царская Мастерская палата, а въ ней сидитъ стряпчей съ ключомъ да дьякъ, а тотъ стряпчей честью противъ околничихъ, а въ думѣ не сидитъ...... а онъ же надсматриваетъ надъ другими стряпчими»...... VII. 12.

Все это не вполнѣ точно. Стряпчій могъ имѣть первое мѣсто въ Мастерской палатѣ, но только въ томъ случаѣ, когда тамъ не сидѣлъ постельничій. Честь стряпчаго съ ключомъ ниже чести окольничаго. Подчинены стряпчему съ ключемъ могли быть только нѣкоторые стряпчіе, состоявшіе при постельной казнѣ, а ни какъ не всѣ.

**) А. Э. I № 12, 1398; № 56, 1455; Рум. Соб. I № 127, 1490.

снасть, собакъ, соколовъ и производить самую ловлю. Для этой послѣдней цѣли, гдѣ бы охота ни происходила, въ княжескихъ водахъ и лѣсахъ или въ чужихъ, они имѣли право ѣзжать въ деревни мѣстныхъ жителей, останавливаться въ ихъ дворахъ, кормиться на ихъ счетъ и кормить своихъ лошедей, собакъ и соколовъ, и наконецъ, требовать личнаго участія жителей деревни въ производимой ими охотѣ. Мѣстные жители были обязаны давать имъ кормъ, дворы для постоя, подводы, проводниковъ, сторожей, забивать на рѣкахъ ѣзы и выходить на ловлю медвѣдей, лосей, лисицъ, бобровъ и пр. *).

Въ разсказѣ лѣтописца, относящемся къ концу XIII вѣка, находимъ указаніе, что въ пользу ловчихъ установлялся иногда особый сборъ. Въ 1289 году великій князь володимірскій, Мстиславъ Даниловичъ, опредѣлилъ брать «ловчее» съ Берестьянъ за ихъ измѣну. Вотъ разсказъ объ этомъ лѣтописца:

«И пріѣха (Мстиславъ) въ Берестій. И рече бояромъ своимъ: «есть ли ловчіи здѣ?» (вар. ловци) Они же рѣкоша: «нѣтуть, господине, изъ вѣка». Мстиславъ же рѣче: «азъ пакъ уставливаю на нѣ ловчее (вар. ловци), за ихъ коромолу..... и повелѣ писцю своему писати грамоту. «Се азъ, князь Мьстиславъ, сынъ королевъ, внукъ Романовъ, уставляю ловчее на Берестьяны и въ вѣкъ, за ихъ коромолу: со ста по двѣ луннѣ меду, а по двѣ овцѣ, а по пятинадцать десяткъвъ луку, а по сту хлѣбовъ, а по пяти цебровъ (zober) овса, а по пяти цебровъ ржи, а по 20 куровъ, а по толку со всякого ста. А на горожанахъ по 4 гривны кунъ. А хто мое слово порушить, а станетъ со мною передъ Богомъ». Ипат. 225.

Вопросъ князя «есть ли въ Берстіи ловчіи (ловци)?» надо понимать такъ: имѣютъ ли мои ловчіи право въѣзда въ Берестье для сбора своей дани? Изъ этого вопроса видно, что въ XIII вѣкѣ были уже мѣста привилегированныя отъ даней и въѣзда княжескихъ чиновниковъ. Берестье пользовалось такой привилегіей. За коромолу оно ея лишается. Изъ

*) А. Э. I № 5, 18, 22, 35, 43, 44, 56, 81, 86, 120, 132, 136, 152, 215, 217, съ 1361 по 1548. Въ Рязани встрѣчаются «боровщики», о которыхъ не упоминаютъ московскіе памятники. А. И. I № 81, 1484—1501.

подробнаго опредѣленія въ грамотѣ размѣра дани можно, кажется, заключить, что она не вездѣ была одинакова.

И въ памятникахъ позднѣйшаго времени находимъ указанія на существованіе особаго сбора въ пользу ловчихъ. Московскіе князья называютъ нѣкоторыя пошлины не своими, а пошлинами своихъ рыбниковъ, подледчиковъ, бобровниковъ и пр. *). Можно думать, что эти охотничьи пошлины вводились въ замѣну натуральной повинности помогать княжескимъ ловцамъ во время охоты.

По мѣрѣ присоединенія къ Москвѣ сосѣднихъ княженій, въ распоряженіи московскихъ государей оказалось охотниковъ болѣе, чѣмъ было нужно. Московскіе государи не затруднились найти этимъ лишнимъ людямъ иное употребленіе. Они освободили ихъ отъ падавшей на нихъ натуральной повинности и, взамѣнъ того, обложили единообразнымъ денежнымъ взносомъ. Отъ вел. князя Василія Ивановича сохранилась грамота галицкимъ рыболовамъ, которою онъ жалуетъ имъ Галицкое озеро, гдѣ они до того времени ловили рыбу на дворецъ, и обязываетъ ихъ вносить въ его казну за лѣтнюю рыбную ловлю 12 руб. съ половиной. Со дня выдачи этой жалованной грамоты галицкіе рыболовы перестали уже быть рыболовами въ древнемъ служебномъ смыслѣ этого слова. Потребности же двора въ рыбѣ удовлетворялись переяславскими рыболовами, на которыхъ по прежнему лежала натуральная повинность въ государеву поварню (А. Э. I № 142, 143). А въ концѣ XVI в. и нѣкоторая часть переяславскихъ рыболововъ состоитъ уже на денежномъ оброкѣ (А. Э. I № 341).

Особенно любопытна грамота того же князя переяславскимъ сокольникамъ. Въ 1507 г. въ городѣ Переяславлѣ состояло 20 человѣкъ сокольниковъ, и въ томъ числѣ четыре вдовы. Нѣкоторые изъ сокольниковъ-мужчинъ занимались сапожнымъ и сѣдельнымъ мастерствомъ, а одна изъ вдовъ хлѣбы пекла на продажу. И вотъ этимъ-то 20 человѣкамъ

*) А. Э. I № 34. 35, 1437; № 107. 1476; № 136. 1500; Рус. Ист. библ. II. № 5, 1307—1432.

вел. князь даетъ жалованную грамоту, которою освобождаетъ ихъ отъ суда и вѣдомства переяславскаго намѣстника, отъ всякихъ повинностей въ его пользу и въ пользу разныхъ ѣздоковъ, и ото всѣхъ иныхъ повинностей, за исключеніемъ яма, городоваго дѣла и посошной службы. Судятся эти сокольники передъ самимъ вел. княземъ (или его сокольникомъ) и платятъ ему «за соколы оброкомъ полтора рубля въ годъ» (А. Э. I № 147). Въ этой грамотѣ ясно отразилось и прежнее привилегированное положеніе сокольниковъ, и новое, состоящее въ томъ, что, какъ сокольники, они болѣе не нужны князю. Не смотря на полную ихъ ненужность, они не сливаются однако съ остальнымъ населеніемъ, а продолжаютъ составлять особую группу, которая находится въ непосредственномъ вѣдѣніи самого князя, какъ и всѣ его дворовые люди. Такъ робко вводятся новые порядки. Нельзя даже сказать, что они отмѣняютъ старые: они сливаются съ ними. Въ результатѣ получается учрежденіе, которое можетъ быть объяснено только съ исторической точки зрѣнія. Грамота дана сокольникамъ, которые, по всей вѣроятности, давно уже перестали быть сокольниками и живутъ разными иными промыслами. Замѣна поставки соколовъ въ натурѣ денежнымъ оброкомъ уничтожаетъ послѣдній признакъ, по которому еще можно распознать сокольниковъ. Тѣмъ не менѣе, они продолжаютъ состоять въ вѣдомствѣ двора, хотя къ этому нѣтъ болѣе ни малѣйшей разумной причины.

Во главѣ учрежденій охоты стояли ловчіе и сокольничіе.

Въ боярскихъ книгахъ ловчіе появляются съ 1509, а сокольничіе съ 1550 года. Сводная книга и здѣсь очень отстаетъ отъ дѣйствительности. Въ московскомъ посольствѣ, отправленномъ въ Литву въ 1503 году, принималъ уже участіе сокольничій, М. С. Еропкинъ-Кляпикъ. Что это былъ не простой сокольникъ, а начальный человѣкъ, это видно изъ того, что имя его написано съ «вичемъ» и что во время переговоровъ ему также предоставлено было право слова, какъ и другимъ посламъ (Сб. Им. рус. ист. общ. XXXV. 413).

Со времени появленія сокольничихъ, должность эта нѣсколько разъ соединялась въ одномъ лицѣ съ должностью ловчаго. Въ сокольничіе и ловчіе назначались люди неименитые *). Но нѣкоторые изъ нихъ, начавъ службу съ ловчихъ, затѣмъ возвысились до думныхъ дворянъ, окольничихъ и даже бояръ. Таковы Нагіе и Пушкины, достигшіе боярства, и Проѣстевы, достигшіе окольничества. Обратная роль выпала на долю рода Заболоцкихъ. Въ XV вѣкѣ они выставили древнѣйшаго боярина-дворецкаго; въ XVI встрѣчаются въ боярахъ и окольничихъ; въ XVII не идутъ выше ловчаго.

Должность ловчаго соединялась съ нѣкоторыми изъ ближайшихъ высшихъ и даже низшихъ. Такъ А. И. Матюшкинъ былъ стольникомъ и ловчимъ, былъ ловчимъ и ясельничимъ и остался ловчимъ, получивъ званіе дворянина въ думѣ.

Въ половинѣ XVII вѣка существовало два разныхъ вѣдомства охоты. По свидѣтельству Котошихина, царская лѣтняя и зимняя потѣха на звѣря состояла въ вѣдомствѣ Конюшеннаго приказа. Для ловли тенетами и собаками лосей, оленей, лисицъ, зайцевъ и пр. въ его распоряженіи состояло до ста ловцовъ и псарей (69). Лѣтняя потѣха соколиная состояла въ вѣдомствѣ приказа Тайныхъ Дѣлъ. Въ потѣшномъ соколиномъ дворѣ подъ Москвой онъ насчитываетъ сто человѣкъ сокольниковъ да по городамъ были учреждены кречетники для ловли и ученья птицъ; ихъ было

*) Въ сводной боярской книгѣ находимъ слѣдующихъ ловчихъ и сокольничихъ: М. И. Нагой лов. 1509—1525; Д. Г. Проѣстевъ лов. 1526+1534; Ѳ. М. Нагой лов. 1535 — 1539; И. Ж. Ѳ. Наумовъ сок. и лов. 1550+1562; Г. Д. Ловчиковъ лов. 1563 — 1567; М. И. Бобрищевъ-Пушкинъ сок. и лов. 1568 — 1574; сок. 1574 + 1582; И. М. Пушкинъ лов. 1574 — 1583; Д. А. Замыцкій назначенъ лов. въ 1584; И. А. Жеребцовъ сок. 1590 + 1600; Г. Г. Пушкинъ сок. 1605 — 1606; Григорій Маматовъ лов. 1622+1634; И. Ѳ. Левонтьевъ лов. 1635+1647; А. С. Заболоцкій лов. 1648—1652; А. И. Матюшкинъ лов. 1653—1676; В. И. Философовъ лов. назначенъ въ 1677.

больше ста человѣкъ. Число потѣшныхъ царскихъ птицъ превышало три тысячи (70).

Гавр. Гр. Пушкинъ былъ послѣднимъ сокольничимъ. Съ 1606 года не встрѣчаемъ болѣе назначенія въ эту должность. Вѣдомство соколиной охоты распредѣлялось между рядовыми сокольниками, начальными и подсокольничимъ. Алексѣй Михайловичъ, великій охотникъ соколиной потѣхи, сочинилъ торжественный обрядъ возведенія рядовыхъ сокольниковъ въ начальные. Онъ занимаетъ большую половину написаннаго при немъ «Урядника или новаго уложенія и устроенія чина сокольнича пути», снабженнаго собственноручными замѣтками царя. Конецъ «Урядника» содержитъ роспись государевымъ охотникамъ, кому которыхъ птицъ приказано держать. Сто одинъ кречетъ и соколъ московскаго потѣшнаго двора были розданы на руки 49-ти рядовымъ сокольникамъ, дѣлившимся на пять статей. Эти статьи носили наименованіе по первому рядовому сокольнику, напримѣръ: первая Парфентьева статья, вторая Михеева и пр (П. С. З. № 440, 1668).

Всѣ эти рядовые сокольники, ястребники, кречетники и иные охотники, напримѣръ, конные псари и пр. награждались помѣстьями и имѣли вотчины и своихъ крестьянъ (А. Э. II. № 20. 1601; Котош. 70). Но на служебной лѣстницѣ московскихъ чиновъ они занимали такое невысокое мѣсто, что объ нихъ не упоминаютъ ни Шереметевскій сводный списокъ, ни боярскія книги. Опредѣленное мѣсто имѣли только начальные люди, ловчіе и сокольничіе.

XIII. Печатникъ.

Въ древности княжескіе грамоты и указы князьями не подписывались, а скрѣплялись приложеніемъ печати, которая привѣшивалась къ документу на снуркѣ. Поэтому печатники, хранившіе и привѣшивавшіе къ документамъ княжескія печати, должны принадлежать къ древнѣйшимъ чинамъ кня-

жескаго двора. Лѣтописи сохранили указанiе на нихъ отъ первой половины XIII вѣка. У галицкаго князя, Данiила Романовича, былъ печатникъ Кириллъ. Онъ пользовался большимъ довѣрiемъ своего государя и въ 1241 году посланъ былъ въ Бакоту «исписати грабительства нечестивыхъ бояръ и утѣшити землю...». Это былъ человѣкъ грамотный; но не высокородный, а потому называется только по имени, безъ отечества. Въ томъ-же году онъ былъ отправленъ ратнымъ воеводою въ землю Болоховскую (Кар. IV. пр. 20). Этотъ старѣйшiй печатникъ, намъ извѣстный, также хорошо значитъ владѣлъ мечомъ, какъ и перомъ.

У Смоленскаго князя, Ѳедора, былъ печатникъ, Моисей, то-же изъ людей неименитыхъ; намъ извѣстна грамата этого князя отъ 1284 года, которую онъ печаталъ. Рум. Собр. II. № 3.

При московскихъ князьяхъ печатники сохраняютъ тотъ-же характеръ: это люди грамотные, но не родовитые. Дмитрiй Ивановичъ сдѣлалъ своимъ печатникомъ попа Митяя (Никонов. лѣт.). У великаго князя Ивана Васильевича печатникомъ былъ грекъ, Юрiй Дмитрiевъ (Рум. Собр. I, стр. 399). У внука его, Ивана Васильевича, въ должности печатника встрѣчаемъ дьяка, Ив. Мих. Висковатова, фамилiя совершенно неизвѣстная Шереметевскому списку.

Въ XVII вѣкѣ въ качествѣ печатниковъ исключительно являются дьяки.

Шереметевская сводная книга очень опаздываетъ съ печатниками. Она приводитъ единственнаго ей извѣстнаго печатника подъ 1667 годомъ; это думный дьякъ и печатникъ Алмазъ Ивановъ († въ 1669). Печатники, какъ люди не родовитые, по всей вѣроятности, мало интересовали составителя свода. Котошихинъ много говоритъ о печатяхъ, но совсѣмъ не знаетъ печатниковъ. Это потому, что въ его время должность печатника слилась съ должностью думнаго дьяка, вѣдавшаго Посольскiй и Печатный приказы *). На рукахъ

*) Соединенiе посольскихъ дѣлъ съ должностью печатника встрѣ-

этого дьяка было три печати: 1) большая государственная, которою печатались грамоты къ иностраннымъ государямъ (за исключеніемъ крымскаго хана и хановъ калмыцкихъ) и грамоты въ малороссію; 2) малая государственная, которою печатались грамоты къ крымскимъ и калмыцкимъ ханамъ и внутреннія грамоты на пожалованіе вотчинъ, помѣстій и гостиннымъ именемъ; 3) печать, которая прикладывалась ко всѣмъ внутреннимъ правительственнымъ грамотамъ: «а бываетъ та печать у думнаго дьяка безпрестанно повѣшена на вороту» (Котош. стр. 72, 30, 92, 93).

Кромѣ этихъ трехъ печатей, у московскихъ государей въ XVII вѣкѣ была еще четвертая «для скорыхъ и тайныхъ царскихъ дѣлъ». Она хранилась у государева постельничаго (Котош. II. 13).

Мѣсто печатника на служебной лѣстницѣ XVII вѣка опредѣляется его думнымъ дьячествомъ. Думный дьякъ и печатникъ пишется послѣ всѣхъ разсмотрѣнныхъ чиновъ (за исключеніемъ стряпчихъ), но впереди другихъ думныхъ дьяковъ.

Можно думать, что тоже мѣсто принадлежало и печатникамъ думнымъ дьякамъ XVI вѣка. Печатникъ и довѣренный дьякъ Ивана Грознаго, Ив. Мих. Висковатовъ, въ соборной грамотѣ 1566 года написанъ послѣ казначеевъ и впереди другихъ думныхъ дьяковъ. Промежуточные чины, занимающіе мѣсто между казначеями и печатниками, въ соборномъ приговорѣ 1566 года не участвовали.

чается еще при Грозномъ. Довѣренный его дьякъ, Ив. Мих. Висковатовъ которому не разъ поручались иностранныя сношенія, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и печатникомъ. Но это не было общимъ правиломъ. Печатникъ Борисъ Ивановичъ Сукинъ въ 1573 году сидѣлъ въ Разбойной избѣ, а не въ Посольской (А. до Ю. Б. № 230, II и III). При Өедорѣ Ивановичѣ дьякъ Посольскаго приказа, Василій Щелкановъ, былъ и печатникомъ (Рус. Ист. Сбор. II. 128). Такимъ образомъ, практика временъ Котошихина имѣетъ свои корни еще въ XVI вѣкѣ.

XIV. Стольники.

Первоначальное назначеніе стольниковъ служить за столомъ государя, подавать ему блюда и наливать напитки въ чаши, отсюда и другое имъ наименованіе — чашники. Это, слѣдовательно, одинъ изъ многочисленныхъ видовъ спеціализаціи домашнихъ слугъ, отроковъ, а позднѣе дворовыхъ людей.

Стольники встрѣчаются уже въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, относящихся къ началу XIII вѣка. Древнѣйшее изъ нихъ упоминаетъ подъ 1228 годомъ стольника новогородскаго владыки. Уже въ это отдаленное время дѣятельность стольниковъ не ограничивается тою служебною ролью, на которую указываетъ ихъ наименованіе. Стольникъ кіевскаго князя, Владиміра Рюриковича, принимаетъ въ 1230 году участіе въ посольствѣ къ князю Юрію вмѣстѣ съ митрополитомъ всея Руси, Кирилломъ, епископомъ, Порфиріемъ, и игуменомъ кіевскаго монастыря Святого Спаса. Галицкій князь Даніилъ ведетъ въ 1241 году переговоры съ галицкими боярами чрезъ посредство стольника своего, Іакова (Карам. III. пр. 324 и 333; IV. пр. 20). Чашники князя рязанскаго входятъ вмѣстѣ съ боярами въ составъ думы своего князя уже въ XIV вѣкѣ (мѣсто привед. на стр. 385).

Изъ всего этого ясно, что за-долго еще до-московскаго времени стольники начали играть довольно видную роль въ придворномъ штатѣ своихъ государей.

Съ этимъ двоякимъ значеніемъ застольныхъ слугъ и весьма почетнаго придворнаго званія находимъ стольниковъ и при московскомъ дворѣ.

За столомъ московскихъ государей стольники служатъ только въ торжественныхъ случаяхъ, въ праздники и при пріемѣ пословъ. Возлагаемыя на нихъ при этомъ обязанности были весьма разнообразны. Онѣ состояли въ приглашеніи почетныхъ гостей къ столу. На языкѣ того времени эта обязанность обозначалась терминомъ: въ столы сказывать.

«Въ столы сказывали столники: въ болшой столъ князь Иванъ Иванъ Ивановичь Меншой Одоевской да князь Матвѣй Васильевичь Прозоровской; въ кривой столъ князь Семенъ Васильевичь Прозоровской да Юрій Игнатьевичъ Татищевъ.... Звалъ посла за столъ столникъ князь Григорій Васильевичъ Тюфякинъ». Двор. разр. I. 283. 1617. См. Сб. Им. р. ист. общ. XXXVIII. 83.

Во время стола стольники «ѣсть и пить отпускаютъ», наблюдаютъ за общимъ порядкомъ стола и служатъ, наливая напитки и подавая блюда.

Мы уже сказали, что въ торжественные царскіе обѣды за особымъ поставцомъ сидѣлъ дворецкій и «къ великому государю отпускалъ ѣсть».

Для приглашенныхъ къ государеву столу гостей, ту-же роль игралъ стольникъ, для котораго устроивался особый поставецъ. 16-го февраля 1664 года, на обѣдѣ, данномъ англійскому послу, Чарльсу Говарду,

«За поставцомъ сидѣлъ и бояромъ и посломъ ѣсть отпускалъ столникъ Василей, Григорьевъ сынъ, Нечаевъ».

Для назначенія и отпуска винъ наряжался особый стольникъ. На томъ же обѣдѣ:

«Вина наряжалъ столникъ князь Юрья, княжъ Михайловъ сынъ, Одоевскій».

Для наблюденія за общимъ порядкомъ у государева стола стоялъ крайчій и стольникъ, у столовъ-же гостей по стольнику. Объ нихъ говорилось, что они смотрятъ въ столы.

«Въ столы смотрѣли столники: въ болшой столъ князь Михайла, княжъ Семеновъ сынъ, Прозоровской да князь Борисъ, княжъ Лукинъ сынъ, Львовъ; въ кривой столъ князь Петръ Меншой, княжъ Семеновъ сынъ, Прозоровской да князь Петръ, княжъ Лукинъ сынъ, Львовъ».

Напитки и кушанья подавали государю стольники; но тѣ, которые «передъ великого государя пить носили», назывались чашниками. За столомъ бояръ тоже служили стольники, но не всегда; весьма нерѣдко ихъ замѣняли стряпчіе.

Число стольниковъ и стряпчихъ, служившихъ за столомъ

государя достигало иногда весьма значительной цифры. На упомянутомъ обѣдѣ въ присутствіи англійскаго посла «передъ великаго государя пить носили»—26 чашниковъ; а «ѣсть ставили» 57 стольниковъ; «передъ бояръ (которыхъ было никакъ не болѣе десяти человѣкъ) пить носили»—шесть стольниковъ и 21 стряпчій; ѣсть ставили 22 стольника и 23 стряпчихъ; «передъ пословъ пить носили»—2 стольника и 27 стряпчихъ; ѣсть ставили—1 стольникъ и 24 стряпчихъ. Всего 114 стольниковъ и 97 стряпчихъ. Какъ только государь сѣлъ за столъ, всѣ эти чашники и стольники были «явлены» ему окольничимъ, Ѳ. М. Ртищевымъ, который замѣщалъ въ этотъ день дворецкаго и сидѣлъ на его мѣстѣ за поставцомъ. Постоявъ нѣкоторое время предъ государемъ, Ртищевъ пошелъ около столпа за поставецъ, а за нимъ пошли чашники и стольники въ золотыхъ одеждахъ, по два человѣка въ рядъ *).

По связи съ этой первоначальной обязанностью стольниковъ служить за столомъ, на нихъ возлагалась обязанность кормить монастырскую братію во время многочисленныхъ поѣздокъ московскихъ государей по монастырямъ (Двор. разр. III. 1385) и обязанность «приносщиковъ» или «подносщиковъ». Въ праздникъ Воскресенія Христова московскіе государи имѣли обычай, при христосованіи, обмѣниваться яйцами. Для этой цѣли яйца подавалъ имъ стольникъ, который назывался то приносщикомъ, то подносщикомъ (Двор. разр. III. 1323, 1353). Это была особая честь, которой могли удостоиться стольники. Въ разрядной книгѣ за апрѣль 1675 года читаемъ:

«Пожаловалъ великій государь стольника, ближняго человѣка, приносомъ, князь Андрея, княжъ Дмитреева сына, Щербатова». Двор. разр. III. 1319.

8-го апрѣля того-же года, въ пятницу на Святой недѣлѣ

*) Двор. разр. III. 565; см. еще 1001; т. I. 284, 407.

Свидѣтельство Котошихина (II. 6), что на столы гостей «ѣству ставили окольничіе», надо считать невѣрнымъ. Изъ сказаннаго въ текстѣ видно, что окольничіе на торжественныхъ обѣдахъ играли высшую роль, чѣмъ крайчіе: они сидѣли за поставцомъ вмѣсто дворецкаго, а крайчіе стояли за столомъ государя.

«ходилъ великій государь въ Новодѣвичій монастырь праздновать Пречистой Богородицѣ, къ вечернѣ, и ко всенощной, и къ обѣднѣ». Число христосовавшихся при этомъ съ государемъ было такъ велико, что за вновь пожалованнымъ приносщикомъ, стольниковъ А. Д. Щербатовымъ, стояло десять подносщиковъ, изъ нижнихъ чиновъ, съ яйцы (Двор. разр. III. 1323).

На стольниковъ возлагались и другія обязанности придворной службы, не стоявшія уже ни въ какой связи съ ихъ стольничествомъ. При торжественныхъ выходахъ имъ поручалось идти за государемъ «со стряпнею» вмѣсто постельничаго; они завѣдывали иногда, вмѣсто постельничаго-же, Мастерской палатой, а вмѣсто сокольничаго—птицами и сокольниками (Двор. разр. III. 994, 1093, 1545).

При пріемѣ пословъ они назначались въ рынды. 25-го ноября 1626 года государь принималъ шведскихъ пословъ:

«А при государѣ были въ рындахъ, въ бѣломъ платьѣ, съ топоры, по правую сторону, столники: князь Ѳедоръ, княжъ Борисовъ сынъ, Татевъ да князь Ѳедоръ, княжъ Ѳедоровъ сынъ, Волконской; по лѣвую сторону: столникъ князь Иванъ, княжъ Борисовъ сынъ, Татевъ да стряпчій Юрей, Васильевъ сынъ, Телепневъ». Двор. разр. I. 866.

Въ тѣ дни, когда царевичи, бояре, окольничіе и иные чины допускались въ «комнату» государю челомъ ударить и «видѣть его государскіе пресвѣтлые очи», стольники назначались стоять въ комнатѣ «у крюка» (двернаго) и по списку вызывать допущенныхъ къ аудіенціи.

«4-го апрѣля 1675 года приходили къ великому государю въ комнату царевичи, царевичъ сибирскій, Алексѣй Алексѣевичъ, да царевичъ касимовской, Михайло Васильевичъ, бояре и пр. А у крюка стоялъ въ комнатѣ и пущалъ по списку столникъ и ближней человѣкъ, Петръ, Савельевъ сынъ, Хитрово» *).

*) Двор. разр. III. 1312. У крюка со стольниками конкурируютъ, иногда, стряпчіе, и наоборотъ, стольники назначаются, иногда, въ ухабничіе. Въ 1666 году на ухабѣ стоялъ стольникъ кн. Б. В. Горчаковъ, впослѣдствіи окольничій. Двор. разр. III. 605.

Наконецъ, стольники исполняли должность возницъ государя. Въ январѣ 1620 года государь ѣздилъ на охоту въ село Черкизово,

«А возница былъ у государя столникъ, князь Юрья, княжъ Андреевъ сынъ, Сицкой». Двор. разр. I. 435.

Въ декабрѣ 1674 года государь ѣздилъ въ село Алексѣевское,

«А возницы у великаго государя были въ приказѣ: столникъ и ближней человѣкъ Ѳедоръ, Петровъ сынъ, Салтыковъ да столникъ князь Яковъ, княжъ Васильевъ сынъ, Хилковъ». Двор. разр. III. 1130.

Этою придворной службой далеко не исчерпывается дѣятельность стольниковъ. Придворная служба занимаетъ въ ихъ дѣятельности скорѣе второе, чѣмъ первое мѣсто. Это видно и изъ числа стольниковъ, которое, по Котошихину, доходило до 500 человѣкъ (21). Служба у стола занимала очень небольшое число стольниковъ и въ немногіе дни года. На что же нужны были 500 стольниковъ? Они составляли почетное придворное званіе; старшіе члены этого чина разсылались по воеводствамъ, младшіе несли военную службу въ полку государя и по городамъ при воеводахъ.

«7183 году, мая въ 9 день, сказалъ, по указу великаго государя, думной разрядной дьякъ, Герасимъ Дохтуровъ, всему великаго государя полку: столникомъ, и стряпчимъ, и дворяномъ московскимъ...... быть готовымъ на его великого государя службу съ запасы; а великому государю походъ будетъ самому противъ солтана турецкаго и хана крымскаго, по вѣстямъ». Двор. разр. III. 1380.

Кромѣ того, стольники назначались въ приказы и посылались во всякія посылки, въ посольства, по судебнымъ дѣламъ, для смотра служилыхъ людей и пр. (Котош. 21).

Мѣсто стольниковъ на служебной лѣстницѣ московскихъ чиновъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Они упоминаются всегда послѣ думныхъ дьяковъ и впереди стряпчихъ.

Въ стольникахъ служили лица самыхъ лучшихъ фамилій: князья Куракины, Одоевскіе, Голицыны, Трубецкіе, Репнины,

Ростовскіе, Урусовы, Морозовы, Шереметевы и пр. Даже быть государевымъ возницей не считалось умаленіемъ служебной чести. Государевъ возница въ 1620 году, князь Ю. А. Сицкой, въ 1638 году былъ возведенъ въ званіе боярина; такое же повышеніе выпало на долю и князя В. В. Голицына, бывшаго возницей въ 1666 году. Двор. разр. III. 605.

Но въ стольники назначались и люди неименитые. Сынъ благовѣщенскаго протопопа, Андрея Посникова, любимца царя Алексѣя Михайловича, былъ стольникомъ. Двор. разр. III. 980.

Первоначальная обязанность стольниковъ состояла въ службѣ государю въ его дворцѣ, въ его комнатахъ. А потому быть въ стольникахъ значило «быть въ приближеньи» къ государю (Рус. ист. сбор. V. 309). Но съ развитіемъ чина стольниковъ и съ возрастаніемъ ихъ числа до нѣсколькихъ сотъ, должно было оказаться, что не всѣ стольники находятся въ одинаковой близости къ царю. Тогда какъ одни вмѣстѣ съ крайчимъ стояли за его стуломъ, ставили передъ нимъ блюда и наполняли царскія чаши виномъ, другіе находились въ разныхъ посылкахъ, по воеводствамъ, въ приказахъ. Такимъ образомъ, возникла разница «ближнихъ стольниковъ» и просто стольниковъ. Такъ какъ ближніе стольники служили государю въ его комнатѣ, то они назывались еще «комнатными». Комнатными назывались, впрочемъ, не одни ближніе стольники, но всякіе ближніе люди. Были комнатные бояре, какъ мы уже видѣли; постельничій, спальники, стряпчій съ ключемъ по существу дѣла были только комнатные.

Въ челобитной Мирона Вельяминова (1631) въ мѣстническомъ спорѣ его съ княземъ Василіемъ Вяземскимъ читаемъ:

«И въ роду, государь, нашемъ, по вашей государской милости, при прежнихъ государѣхъ, въ Сабуровыхъ, и въ Годуновыхъ, и въ Вельяминовыхъ были бояре и околничіе; а при царѣ, государь, Өедорѣ Ивановичѣ всеа Русіи былъ дядя мой, Дмитрій Ивановичъ, околничей, а братья, государь, мои жили въ комнатѣ, а иные въ столникахъ и въ стряпчихъ». Рус. Ист. Сб. V. 68.

Когда число стольниковъ превысило потребности комнаты, то вошло въ обычай лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ назначать въ комнату. Такое назначеніе могло дѣлаться уже въ XVI вѣкѣ, а можетъ быть, и раньше, но записывалось-ли оно въ книги, этого мы не знаемъ, такъ какъ не имѣемъ боярскихъ книгъ того времени. Сводная-же Шереметевская книга о назначеніи въ стольники совсѣмъ не говоритъ. Въ алфавитѣ Иванова къ боярскимъ книгамъ XVII вѣка древнѣйшее, встрѣтившееся намъ назначеніе въ комнатные стольники относится къ 1640 году. Въ этомъ году комнатнымъ стольникомъ у крюка былъ назначенъ Б. М. Хитрово. Непрерывный-же рядъ назначеній въ комнатные стольники начинается лишь съ семидесятыхъ годовъ XVII столѣтія *). Съ этого-же времени начинается объ нихъ и рядъ извѣстій въ разрядныхъ книгахъ. Въ 1675 году послѣдовалъ указъ «росписать государевыхъ ближнихъ людей и столниковъ дневать и ночевать поочередно, въ четыре перемѣны» (Двор. разр. III 1184). Съ семидесятыхъ-же годовъ мы начинаемъ встрѣчать ближнихъ стольниковъ со стряпней, у крюка, возницами и пр. (Двор. разр. III. 994, 1130, 1230, 1312, 1545). Ближніе стольники днюютъ и ночуютъ у гроба умершаго государя; они-же несутъ изъ комнаты тѣло его **).

---

*) За исключеніемъ Б. М. Хитрово, мы не замѣтили въ алфавитѣ комнатныхъ стольниковъ за первые 75 лѣтъ XVII столѣтія. Съ 1676 года встрѣчается уже множество назначеній въ это званіе. Въ этомъ году восемь князей Долгорукихъ были комнатными стольниками, пять Собакиныхъ и пр. Такъ какъ книги за предшествовавшіе годы, съ 1668 по 1675, не сохранились, то можно допустить, что обильное назначеніе въ комнатные стольники началось съ конца шестидесятыхъ годовъ. Можно думать, что при Алексѣѣ Михайловичѣ «комнатный стольникъ» сталъ тоже особымъ придворнымъ званіемъ, какъ и чинъ дворецкаго. Всѣ не ближніе стольники стали съ этого-же времени называться «площадными» (Двор. разр. III. 1001, 1328).

**) Двор. разр. III. 1640. Вотъ фамиліи 25-ти ближнихъ стольниковъ, назначенныхъ дневать и ночевать во дворцѣ: Бутурлины, кн. Голицыны, Головины, Голохвастовы, кн. Долгоруковы, Лодыженскіе, Матюшковы, Мо-

За стольниками идутъ стряпчіе, а за стряпчими дворяне московскіе. Объ этихъ чинахъ рѣчь была выше.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дьяки.

Дьяки—письменные люди нашей древности. Въ памятникахъ XIII вѣка они называются писцами. Пространная Русская Правда знаетъ писца, сопровождавшаго вирника и получавшаго за свой трудъ 10 кунъ (Тр. 67). Мстиславъ Даниловичъ, возложившій на берестьянъ, за ихъ коромолу, ловчее, приказываетъ написать объ этомъ грамоту писцу своему (Ипат. 1289). Но въ XIV вѣкѣ русское слово писецъ вытѣсняется греческимъ діакъ. Грамоты московскихъ князей, съ Ивана Калиты нычиная, пишутся дьяками.

Соціальное положеніе дьяковъ было очень различно. Между ними встрѣчаются рабы и свободные. Свободные занимались не только письмоводствомъ, но и преподаваніемъ грамотности. Таковъ былъ дьякъ, у котораго учился въ юности новгородскій архіепископъ Іона; архіепископъ говоритъ, что «въ училищѣ его наставника было множество учащихся дѣтей» (Карамз. V. пр. 386, 1459). Богатые господа имѣли въ своемъ распоряженіи дьяковъ-рабовъ. Къ этому разряду принадлежало и большинство княжескихъ дьяковъ. Въ ду-

---

розовы, кн. Мышецкіе, Нарышкины, кн. Одоевскіе, кн. Ромодановскіе, Салтыковы, Собакины, кн. Троекуровы, Хитрово, Шеины и кн. Щербатовы.

ховныхъ завѣщаніяхъ московскихъ князей постоянно встрѣчаемъ распоряженія объ отпускѣ на волю «казначеевъ, тивуновъ, посельскихъ и дьяковъ, которые вѣдали прибытокъ князя» *).

Дьяки, какъ люди грамотные и просвѣщенные книжнымъ ученіемъ, представляли бо́льшую полезность, чѣмъ другіе дворовые слуги, и имѣли, поэтому, болѣе шансовъ войдти въ довѣренность и близость къ своимъ господамъ. Мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ ихъ въ должностяхъ, свидѣтельствующихъ о довѣріи къ нимъ ихъ господъ. У Дмитрія Ивановича, внука великаго князя, Ивана Васильевича, вся казна, за исключеніемъ постельной, находилась на рукахъ трехъ дьяковъ; одинъ изъ нихъ писалъ и грамоту его духовную (Рум. Собр. I. № 147). Тоже бывало и у владѣтельныхъ князей. Они отпускаютъ на волю дьяковъ, которые ихъ «прибытокъ» вѣдали, то-есть доходы, а слѣдовательно и казну. Дьяки вѣдаютъ прибытокъ по приказу князя, они первые приказные люди. Въ нѣкоторыхъ духовныхъ, въ распоряженіи объ отпускѣ на волю, на мѣстѣ дьяковъ, дѣйствительно, стоятъ «приказные люди». Въ духовной Юрія Васильевича читаемъ:

«А что мои люди ключники, и посельскіе, и всѣ приказные люди, которые мой приказъ вѣдали, и тѣ всѣ на свободу» (Рум. Собр. I и V. 96, 1472; срав. № 121, 1486).

Дьяки рабы — первоначальный составъ возникавшихъ въ XV вѣкѣ приказовъ.

Но на службѣ князей были и свободные дьяки. Дьяки, отпускаемые на волю, не всегда же уходили отъ наслѣдниковъ своихъ прежнихъ господъ; какъ люди уже извѣстные и пользовавшіеся довѣріемъ умершихъ князей, они могли продолжать службу и у ихъ преемниковъ, но въ качествѣ вольноотпущенныхъ.

Въ извѣстіяхъ XV и XVI вѣка встрѣчаемъ терминъ введенаго дьяка. Такъ названъ Ѳедоръ Стромиловъ, дьякъ

*) Рум. Собр. I. № 25, 34, 39, 42, 86, 96, 121, 144; 1328—1504.

великаго князя Ивана Васильевича, и Василій Щелкаловъ, дьякъ Ивана Грознаго *). По аналогіи съ боярами введеными во введеныхъ дьякахъ надо видѣть вольныхъ людей, введеныхъ во дворецъ и близость къ государю.

Первоначальные приказы возникали въ предѣлахъ дворцоваго вѣдомства, а потому и дьяки, которымъ они поручались, назывались «дворцовыми» (А. Э. I. № 155, 1512). О «полатныхъ и дворцовыхъ дьякахъ» говоритъ и Судебникъ 1550 года. Онъ упоминаетъ объ нихъ въ статьѣ, опредѣляющей размѣръ безчестья. Статья эта даетъ точныя опредѣленія мѣры безчестья не только для дѣтей боярскихъ, но для гостей, посадскихъ людей, крестьянъ и даже холоповъ; только для полатныхъ и дворцовыхъ дьяковъ не оказалось возможнымъ найдти какую-либо опредѣленную мѣру вознагражденія. Безчестье имъ опредѣлялось всегда по особому усмотрѣнію царя и великаго князя. Это, конечно, потому, что въ составъ полатныхъ и дворцовыхъ дьяковъ входили очень разнообразные элементы: тутъ были рабы и свободные, ближніе и дальніе дьяки. Нѣтъ повода думать, что бы дьяки рабы не достигали близости.

Со второй половины XV вѣка въ положеніи дьяковъ происходитъ перемѣна величайшей важности и не для однихъ только дьяковъ, а для всей системы суда и управленія Московскаго государства. Изъ неважнаго придворнаго чина, какимъ были до того времени дьяки, вѣдавшіе письмоводство своего князя, его прибытки и казну, они становятся правительственнымъ классомъ, дѣятельность котораго обнимаетъ всѣ важнѣйшія дѣла и на пространствѣ всего Московскаго государства.

Первое общее опредѣленіе, выдвинувшее дьяковъ въ передовую линію правительственныхъ органовъ, принадлежитъ великому князю Ивану Васильевичу и было уже нами ука-

*) П. С. Л. VIII. 234, 1498. А. И. I. № 180, 1571. Ѳедоръ Стромиловъ, можетъ быть, сынъ дьяка Алексѣя Стромилова, писавшаго завѣщаніе вел. кн. Василія Дмитріевича. Рум. Собр. I. № 42.

зано (стр. 372). Это первая статья его Судебника, предписывающая, чтобы на судѣ бояръ и окольничихъ были дьяки

Примѣсь дьяка къ древнему боярскому элементу представляется совершенно понятной; эта примѣсь, при той послѣдовательной смѣнѣ явленій, какая наблюдается въ ходѣ нашей исторіи, была неизбѣжна. Вольные слуги смѣнились чинами, обязанными службою, но дьяки были лучше и этихъ новыхъ обязанныхъ слугъ: у нихъ не было преданій старой вольности. Другое великое преимущество дьяковъ состояло въ томъ, что они были люди худородные: дворовые слуги (дворяне въ первоначальномъ значеніи слова), дѣти вольноотпущенныхъ, посадскихъ, духовенства. При назначеніи ихъ въ должность, князьямъ не нужно было стѣсняться соображеніями объ ихъ отеческой чести. Наконецъ, это все грамотные люди. При этихъ условіяхъ дьякамъ открывалось широкое поле дѣятельности въ только что возникшемъ московскомъ государствѣ.

Мы уже имѣли случай замѣтить (Лекц. и Изслѣд.), что новыя начала, выражаемыя въ указахъ московскихъ государей, обыкновенно, подготовляются предшествующей практикой. Можно думать, что такъ было и въ данномъ случаѣ. Великій князь Иванъ Васильевичъ и его братья, удѣльные князья, подмѣшивали уже дьяковъ къ боярамъ еще до изданія Судебника 1497 года.

Князь Андрей Васильевичъ Старшій держалъ въ Бѣжецкѣ при намѣстникѣ, Семенѣ Борисовичѣ Легневѣ, дьяка Александра Васильевича Карамышева. Для разсмотрѣнія спора, возбужденнаго Сергіевымъ монастыремъ о владѣніи землей, на мѣсто были посланы бѣжецкіе намѣстникъ и дьякъ; князь постановилъ рѣшеніе «по слову» намѣстника и дьяка *). Въ 1477 году, когда возникло знаменитое столкновеніе изъ-за титула между великимъ княземъ и Новгородомъ, великій

*) Ѳед. Чех. № 9. Грамота не имѣетъ года, но она, по крайней мѣрѣ, на четыре года старше Судебника, такъ какъ упоминаемый въ ней князь Андрей Васильевичъ Старшій умеръ въ 1493 году.

князь отправилъ въ Новгородъ двухъ бояръ и при нихъ дьяка, Василія Далматова *). То, что до 1497 года практиковалось въ отдѣльныхъ случаяхъ, съ этого года дѣлается общимъ правиломъ. Дьяки становятся товарищами бояръ введеныхъ и окольничихъ. Это наша древнѣйшая судная коллегія. Для образованія ея довольно двухъ членовъ. Но сколько бы ни было въ ней членовъ, она никогда не рѣшала по большинству голосовъ, а всегда единогласно; въ случаѣ раздѣленія голосовъ, необходимъ докладъ государю.

Дѣятельность дьяковъ не ограничивается участіемъ въ центральномъ судѣ бояръ и окольничихъ. Они посылаются и въ области съ намѣстниками и воеводами, но только въ важнѣйшіе пункты: въ Новгородъ Великій, въ Нижній, на Вологду, въ Кострому, въ Казань, Астрахань и пр. Въ грамотѣ свіяжскому воеводѣ, Богдану Юрьевичу Сабурову, читаемъ:

«А тебѣ велѣли есмя быть на нашей службѣ въ воеводахъ въ Казани, въ острогѣ. А въ городѣ вѣдати и всякими нашими дѣлы промышляти съ воеводою, со князь Григорьемъ Булгаковымъ, съ товарыщы да съ дьякомъ, съ Михайломъ Битяговскимъ, вмѣстѣ за одно» (Д. къ А. И. I. № 127, 1581).

А какъ дѣла вѣдались за одно, это видно изъ формы слѣдующаго приговора, состоявшагося въ Казани-же въ 1585 году въ бытность тамъ тѣхъ-же воеводъ и дьяка:

«Въ лѣто 7093 іюля въ 22 день..... воевода, князь Григорей Андреевичъ Булгаковъ, съ товарищи да государя царя и великаго князя діякъ, Михайло Битяговскій, приговорили: ..... И государевы воеводы и діякъ на тѣхъ людей игумену Родіону въ пошлинахъ велятъ давати пристава.....» А. Э. I. № 328.

Грамота скрѣплена печатью воеводы, князя Булгакова, и подписью дьяка Битяговскаго, который, кромѣ того, скрѣпилъ ее и по склейкамъ.

---

*) П. С. Л. VIII, стр. 183. Лѣтопись не приводитъ фамилій пословъ, а называетъ ихъ только по именамъ: Өедоръ Давыдовичъ и Иванъ Борисовичъ. Иванъ Борисовичъ долженъ быть Бороздинъ, назначенный въ бояре въ 1476 году и умершій въ 1501; Өедоръ Давыдовичъ долженъ быть Хромой; назначенъ въ бояре въ 1471 году, умеръ въ 1483.

Воеводъ въ Казани было много, а дьякъ одинъ. Но еслибы онъ не присоединился къ приговору воеводъ и отказался подписать его, приговоръ не могъ-бы состояться, хотя-бы на него были согласны и всѣ воеводы. Несогласіе дьяка могло остановить обычное теченіе дѣлъ. Такъ именно и случилось въ Астрахани. Въ 1626 году при воеводахъ, бояринѣ князѣ Ив. Ѳед. Хованскомъ и Григ. Валуевѣ, тамъ было два дьяка, Марко Поздѣевъ и Василій Яковлевъ. Поздѣевъ отличался гордымъ и необузданнымъ характеромъ. Сидя въ съѣзжей избѣ съ воеводами, онъ не снималъ шапки и тогда, когда читалъ царскіе указы и произносилъ имя великаго государя. Въ отпискахъ въ Москву писалъ себя полнымъ именемъ, несмотря на то, что это не повелось и не разъ воспрещалось ему подъ угрозой государевой опалы. У себя на дворѣ держалъ для забавы медвѣдей и травилъ ими прохожихъ. Медвѣдь его изъѣлъ малого Митьку, принадлежавшаго товарищу его, дьяку Яковлеву, содралъ съ головы кожу по самую кость и черепъ попортилъ, «а онъ, Марко, беречи того не велѣлъ». Съ такимъ человѣкомъ трудно было ужиться; у него были вѣчные нелады съ дьякомъ Яковлевымъ. Въ съѣзжей избѣ, въ присутствіи боярина и воеводы, дьяки постоянно чинили рознь и ссоры, а послѣдствіемъ была полная остановка дѣлъ. Въ Москвѣ одно время не получалось изъ Астрахани никакихъ отписокъ. Дьяки спорили другъ съ другомъ, одинъ перемарывалъ то, что другой писалъ, а дѣла стояли (Двор. разр. I. 835).

Древнѣйшія свѣдѣнія объ участіи дьяковъ въ судѣ на равныхъ правахъ съ судьями относятся къ самому началу XV вѣка. Для описи земель московскіе князья нерѣдко посылали сына боярскаго и при немъ дьяка. Эти, такъ называемые, писцы не только описывали земли, но и производили судъ по спорамъ о землевладѣніи, которые возникали при описи. Судъ этотъ творился не только сыномъ боярскимъ, но и дьякомъ. Вотъ выписка изъ дѣла 1511 года.

«По великого князя слову Василія Ивановича всеа Русіи, сій судъ судили великого князя писцы бѣлозерскіе, Иванъ

Микуличъ Заболоцкій да діакъ, Андрей Харламовъ. Ставъ передъ писцы у деревни у Шюклинскіе тягался Лева и пр. ......И писцы вспросили Левы..... И по великого князя слову..... писцы бѣлозерскіе, Иванъ Микуличъ Заболоцкій да діакъ, Андрей Харламовъ, отвѣтчика, старца Іону, оправили, а ищею, Леву Зайцева, обвинили» (Ѳед. Чехов. № 24, см. еще № 25, 51 и др.).

Соучастіе дьяковъ въ судѣ мелкихъ чиновъ, дѣтей боярскихъ, могло, конечно, предшествовать Судебнику. Судебникъ дѣлаетъ это соучастіе необходимымъ на судѣ бояръ и окольничихъ.

Выше мы указали уже на то, что памятники XVI вѣка говорятъ о судной боярской коллегіи (стр. 374). Дьяки, ставшіе товарищами бояръ, должны были получить мѣсто и въ ней. Случай древнѣйшаго ихъ участія въ боярской судной коллегіи приведенъ въ недавно вышедшемъ превосходномъ трудѣ г. Лихачева о дьякахъ. Онъ относится къ 1520 году. Коллегія изъ четырехъ бояръ, четырехъ окольничихъ, печатника и трехъ дьяковъ разсматривала дѣло о покраденной у корельскаго попа дьякономъ Спиридономъ ржи (176).

Нѣтъ повода думать, чтобы бояре и окольничіе, судившіе дѣло корельскаго попа, были постоянными членами судной боярской коллегіи. Нельзя этого утверждать и о дьякахъ, принимавшихъ участіе въ томъ-же судѣ. И тѣ и другіе назначались, по всей вѣроятности, для каждаго дѣла особо. Но отъ второй половины XVI вѣка мы имѣемъ документъ, указывающій на существованіе дьяковъ, постоянныхъ членовъ боярскаго суда. Мы разумѣемъ приговоръ чиновъ собора 1566 года о ливонскихъ дѣлахъ. Чины собора на вопросъ царя отвѣчали не всѣ за одинъ, а по группамъ. Первую группу составило духовенство, вторую бояре, окольничіе, казначеи, печатникъ и дьяки; третью и четвертую— дворяне и дѣти боярскія первой и второй статьи; пятую— опять дьяки и приказные люди и т. д.

Въ перечисленіи членовъ второй группы, послѣ печатника и передъ дьяками, находимъ такую запись:

«А у бояръ въ судѣ язъ Борисъ Ивановичъ Сукинъ».

Борисъ Ивановичъ Сукинъ, подающій мнѣніе вмѣстѣ съ боярами и другими думными людьми, былъ въ то время дьякомъ, но онъ отличенъ отъ другихъ дьяковъ, перечисленныхъ послѣ него, тѣмъ, что онъ сидитъ у бояръ въ судѣ, а тѣ не сидятъ. Присутствіе на судѣ бояръ есть постоянный его признакъ *).

Кто-же другіе дьяки, перечисляемые послѣ Сукина? Такъ какъ они подаютъ мнѣніе вмѣстѣ съ думными государевыми людьми, то и они, надо думать, думные дьяки, хотя такъ и не названы. Имъ противолагаются дьяки приказные, которые составляютъ особую, пятую группу.

Соборный приговоръ 1566 года сохранилъ для насъ отпечатокъ полной дьяческой организаціи XVI вѣка; но первые зачатки ея относятся къ XV-му вѣку и, пожалуй, еще къ болѣе отдаленному времени. Въ половинѣ XV столѣтія существуетъ уже раздѣленіе письменныхъ княжескихъ людей на дьяковъ и подъячихъ. Іюля 23-го 1453 года, прискакалъ въ Москву изъ Новгорода подъячій Бѣда съ вѣстью о смерти Дмитрія Шемяки. За доставленіе этого радостнаго извѣстія

*) Въ разрядныхъ книгахъ на 1547 годъ Сукинъ отмѣченъ дьякомъ. Лихачевъ, Разрядные дьяки, стр. 121. Что онъ оставался дьякомъ и въ 1566 году, это слѣдуетъ изъ того, что онъ названъ послѣ печатника. Думные дворяне всегда назывались ранѣе печатника, а дьяки, хотя-бы и думные,—послѣ. То обстоятельство, что Сукинъ въ посольскихъ дѣлахъ 1543—44 года называется «ближнимъ дворяниномъ», ничего не доказываетъ. Въ посольскихъ дѣлахъ русскіе уполномоченные очень часто называются высшими титулами, имъ непринадлежащими. Такъ окольничій П. М. Плещеевъ названъ въ 1504 году бояриномъ, а окольничій К. Г. Заболотскій—бояриномъ и дворецкимъ. Сб. Им. рус. ист. общ. XXXV. 413. Придаваемый въ посольскихъ-же дѣлахъ дьякамъ титулъ «великій» также не имѣлъ никакого опредѣленнаго значенія внутри московской территоріи.

Родной братъ дьяка Бориса Ивановича Сукина, Θедоръ Ивановичъ, изъ казначеевъ былъ возведенъ Иваномъ Грознымъ прямо въ бояре, съ обходомъ чина окольничаго. Это показываетъ, насколько Грозный мало стѣснялся соображеніями объ отеческой чести служилыхъ людей.

онъ былъ награжденъ званіемъ дьяка (П. С. Л. VIII. 144). Судебники говорятъ уже о дьякѣ и подъячемъ, какъ лицахъ, совершенно различающихся по своимъ функціямъ: подъячій вѣдаетъ письменную часть, онъ пишетъ, по приказу дьяка, грамоты; дьякъ только подписываетъ ихъ. Грамоты должны храниться у дьяка.

Различіе ближнихъ и дальныхъ дьяковъ, конечно, современно появленію дьяковъ при князьяхъ. Ближніе, какъ пользовавшіеся довѣріемъ князей, призывались ими на совѣтъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда князья находили это нужнымъ. Дьяки призывались на совѣщаніе и одни и совмѣстно съ другими ближними людьми, съ боярами, дворецкими и пр. Весьма характерно извѣстіе Царственной книги о составѣ думы великаго князя Василія Ивановича, въ которой надлежало обсудить его завѣщаніе:

«И..... повелѣ къ себѣ принести тайно Меньшому Путятину (дьяку) духовныя грамоты. И пусти въ думу къ себѣ, къ духовнымъ грамотамъ, дворецкаго своего тверского, Ивана Юрьевича Шигону, и дьяка своего Меньшова Путятина. И нача мыслити князь великій, кого пустить въ ту думу и приказать свой государевъ приказъ (6, 1534).

Такія государевы думы на случай и въ произвольномъ составѣ собирались во всѣ времена и всѣми князьями. Появленіе думныхъ чиновъ подъ именемъ «дѣтей боярскихъ, живущихъ въ думѣ» и «думныхъ дворянъ» неизмѣнило этого исконнаго характера думы. Думные чины призывались въ государеву думу, когда государь этого хотѣлъ. Они не были непремѣнными его совѣтниками. Это болѣе почетное отличіе, чѣмъ право.

Въ качествѣ такихъ совѣтниковъ по наряду, а не по праву, являются и тѣ пять дьяковъ, которые въ 1566 году подаютъ свое мнѣніе съ боярами и другими думными чинами. Вотъ ихъ имена: Иванъ Клобуковъ, Путило Михайловъ, Андрей Васильевъ, Ишюкъ Бухаринъ, Андрей Щелкаловъ и Иванъ Юрьевъ.

Борисъ Ивановичъ Сукинъ весьма отъ нихъ отличается.

Онъ названъ впереди ихъ и полнымъ именемъ. Онъ выше ихъ всѣхъ и, можетъ быть, потому что имѣетъ опредѣленное и постоянное назначеніе присутствовать на судѣ боярской коллегіи. До сихъ поръ не имѣется указаній на то, чтобы эта боярская коллегія въ XVI вѣкѣ была постояннымъ учрежденіемъ съ постояннымъ составомъ. Бор. Ив. Сукинъ есть первый и единственный, намъ извѣстный, постоянный ея членъ. Когда началось и какъ долго продолжалось его членство, этого мы не знаемъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ былъ уже печатникомъ (Карам. IX, пр. 387 и 819).

Мы указали на преимущества дьяковъ передъ новыми обязанными слугами изъ высшихъ классовъ населенія (стр. 487), но не исчерпали всѣхъ этихъ преимуществъ. Едва-ли не главнѣйшее изъ нихъ заключалось въ томъ, что дьякамъ не нужно было давать кормленій. Состоя на службѣ, они собираютъ доходы на государя, а не на себя; въ ихъ личную пользу шли только дьячьи пошлины. Назначаемые вмѣстѣ съ кормленщиками, они управляютъ за счетъ князя. Чрезвычайно любопытный образчикъ совмѣстнаго управленія дьяковъ и кормленщиковъ, находимъ въ Новгородѣ въ 1555—6 году. Мы остановимся съ нѣкоторой подробностью на этомъ явленіи, такъ какъ оно весьма характерно для возрастающаго отъ году въ годъ значенія дьяковъ въ Московскомъ государствѣ *).

Въ 1555 году въ Новгородѣ былъ намѣстникъ, бояринъ, князь Дмитрій Ѳедоровичъ Палецкій, и при немъ два дьяка, сперва Ѳедоръ Сырковъ и Казаринъ Дубровской, а потомъ мѣсто Сыркова занялъ Ѳедоръ Еремѣевъ. Намѣстнику, въ рукахъ котораго, по старому порядку, былъ судъ, не былъ по-

*) Приводимыя далѣе свѣдѣнія о дѣятельности новогородскихъ дьяковъ мы беремъ изъ первой офиціальной книги новогородскихъ грамотъ отпечатанныхъ въ Доп. къ А. И. I. подъ № 47 и съ № 49 по № 112. Изъ этого чрезвычайно важнаго собранія въ актахъ отпечатано до 133 грамотъ. Для сокращенія цитатъ мы будемъ обозначать въ текстѣ только № грамоты.

жалованъ въ кормленіе весь Новгородъ, а только половина его, то-есть половина судебныхъ доходовъ, да и то не со всѣхъ дѣлъ. По старому порядку кормленщикъ назначалъ для суда, въ первой инстанціи, изъ своихъ людей тіуна и судебныхъ приставовъ, недѣльщиковъ и пр., которые назывались пошлинниками. Были такіе пошлинники и при бояринѣ кн. Палецкомъ. Но такъ какъ ему шли не всѣ пошлины, а только половина, то для сбора другой половины дьяки, съ своей стороны, должны были назначить тоже тіуна и недѣльшиковъ, но уже не изъ своихъ людей, а изъ мѣстныхъ дѣтей боярскихъ (№ 86, 88, 55). Судъ производится тіунами, царскимъ и намѣстничимъ; чего они рѣшить не могутъ, восходитъ къ намѣстнику и дьякамъ; чего эти не могутъ рѣшить, о томъ докладывается въ Москву, государю.

Въ концѣ декабря 1555 года намѣстникъ новогородскій долженъ былъ вмѣстѣ съ другими воеводами выступить въ походъ противъ нѣмцевъ. Уходя на войну, князь Палецкій увелъ вмѣстѣ съ собой тіуна и всѣхъ своихъ пошлинныхъ людей. Это все глубокая старина. Но намѣстничья половина не сливалась вслѣдствіе этого съ царской. Она сохраняла свою особность. Изъ Москвы дьяки получили указъ, въ которомъ имъ предписывалось:

«Выбрать тіуна и велѣть ему всякія дѣла намѣстничьи судити, да и недѣльшиковъ выбрати, и въ недѣляхъ быти» (88, ср. 86).

Но и этого мало. Изъ Москвы прислали служилаго человѣка, Ивана Ивановича Жулебина (сына боярскаго), который долженъ былъ исправлять должность намѣстника. Въ грамотѣ о присылкѣ Жулебина находимъ ясное указаніе на тотъ порядокъ судопроизводства, который наблюдался при намѣстникѣ и долженъ продолжаться и теперь при его замѣстителѣ:

«И вы бы, говорится дьякамъ, дѣла наши дѣлали съ Иваномъ (Жулебинымъ) по нашему указу. И которые дѣла учнутъ тіуны наши (прежній, царскій, и новый, назначенный вмѣсто тіуна намѣстника) судити (это первый судъ); а кото-

рыхъ будетъ дѣлъ кончати имъ не мочно, и мы Ивану велѣли да и вы съ Иваномъ (это второй, высшій судъ) тѣ дѣла по суду кончали (бы) и управу имъ чинили (бы); а въ которыхъ будетъ дѣлѣхъ невозможно вамъ управы учинити, и вы-бъ суда списки намъ присылали (это третій, самый высшій судъ) съ приписью своими руками. А которые будете судные дѣла кончаете Иванова суда (то есть намѣстничья), и вы бы съ тѣхъ дѣлъ пошлины имали на насъ. А которые дѣла тіуня суда (то есть окончены тіунами), и вы-бъ пошлины велѣли имати тіуномъ. Да и надъ тіуны-бъ есте и надъ недѣлщики берегли, чтобы тіуны дѣла наши дѣлали и пошлины-бъ имали на насъ по нашему наказу».... 88.

Что дьяки судили вмѣстѣ съ намѣстникомъ и во время его бытности въ Новгородѣ, это видно изъ слѣдующей грамоты, присланной на имя намѣстника и дьяковъ:

«Били намъ челомъ изъ Воцкіе пятины Михалко да Гришко Шубины...... на Собакиныхъ дѣтей Скобелцына..... И ты-бъ имъ, бояринъ нашъ и намѣстникъ, и вы, дьяки наши, на Собакиныхъ дѣтей Скобелцына..... дали пристава, а велѣли ихъ поставить передъ собою, да въ тѣхъ бы есте ихъ во всѣхъ дѣлѣхъ судили, и обыскомъ обыскали, и управу имъ учинили..... А въ чемъ не возможете имъ управы учинити, и вы-бъ суда своего списокъ и обоихъ исцовъ къ намъ прислали».... (51, V).

Хотя во время отсутствія намѣстника пошлины его собирались на государя, но онѣ отдавались намѣстнику по его возвращеніи. 9-го марта 1556 года въ Новгородъ былъ назначенъ новый намѣстникъ, бояринъ, князь Мих. Вас. Глинскій. Ему приказано было отдать собранныя уже пошлины. Мы приведемъ выписку изъ этой грамоты, такъ какъ изъ нея ясно, что разумѣлось подъ половиной Новгорода:

«И язъ боярина и намѣстника своего, князя Михаила Васильевича Глинского, пожаловалъ, велѣлъ ему дати половины Великого Новагорода намѣстничь весь доходъ...... И вы-бъ, смѣтя намѣстничь доходъ, половину Новагорода, что собрано на меня, царя и великого князя на весь годъ,... да отдали боярину и намѣстнику.. ... А которые будутъ у васъ судные дѣла и списки не вершены, а сужены будутъ въ томъ же году,.... и вы-бъ тѣ дѣла не вершеные отдали боярину же и намѣстнику....; а велѣлъ есмы тѣ дѣла вершити и поло-

вину пошлинъ съ тѣхъ дѣлъ взяти боярину-жъ своему и намѣстнику (109).

Половина Новагорода означаетъ половину пошлинъ съ намѣстничья суда. Опредѣленіе предѣловъ намѣстничья суда выходитъ за предѣлы настоящаго изслѣдованія. Ограничимся указаніемъ на то, что Новгородскіе дьяки, кромѣ участія въ намѣстничьемъ судѣ, имѣли еще свой судъ, въ который намѣстники не вмѣшивались.

Въ 1551 году ивангородской вѣсецъ возбудилъ искъ въ пятидесяти рубляхъ противъ вѣсчаго сторожа, который вѣсилъ товары «пудомъ татемъ» и царевы пошлины кралъ. Ивангородскій намѣстникъ передалъ это дѣло въ докладъ новогородскому намѣстнику, боярину, князю Ив. Курлятеву, а дьяки у князя Курлятева «тотъ списокъ взяли потому, что то былъ ихъ судъ» (51, XIX). Дьяки, значитъ, присутствовали на судѣ намѣстника, но какъ только выяснилось, что докладываютъ дѣло ихъ специальнаго суда, они прекратили дальнѣйшее теченіе его передъ намѣстникомъ и взяли къ себѣ (ср. 51, XVI).

Дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, касалось вѣсчей пошлины и, слѣдовательно, доходовъ князя съ торговли. А мы знаемъ, что еще въ XIV вѣкѣ дьяки вѣдали «княжескіе прибытки». Этотъ порядокъ сохраняется и въ XVI-мъ. Княжескіе доходы состоятъ и во второй половинѣ этого вѣка въ вѣдѣніи дьяковъ. На основаніи многочисленныхъ грамотъ на имя новогородскихъ дьяковъ можно составить слѣдующій списокъ финансовыхъ дѣлъ, подлежащихъ ихъ вѣдомству. Они получаютъ деньги отъ таможенниковъ (49) и отдаютъ на откупъ пятенную и анбарную пошлину (74), а продажу вина отдаютъ на вѣру (49), взыскиваютъ недоимки казенныхъ платежей (51, XIII и XXIII; 54, 60, 62, II) и участвуютъ въ раскладкѣ крестьянскаго тягла (51, XVII). Сосредоточивая въ своихъ рукахъ царскіе доходы, они расходуютъ ихъ на мѣстныя нужды, а остатокъ препровождаютъ въ Москву (51, XXI). Дьяки выдаютъ жалованье стрѣльцамъ (68) и старостамъ (87), заготовляютъ кормы и деньги для продовольствія и содержанія войскъ (70),

выдаютъ деньги для приготовленія ядеръ (72); они же составляютъ смѣты для постройки крѣпостей (82). Такъ какъ дьяки вѣдаютъ всякое обложеніе, то въ ихъ рукахъ находятся писцовыя книги; они даютъ изъ нихъ выписи, кому нужно (78).

Вѣдомству новгородскихъ дьяковъ принадлежали не одни только государевы доходы и расходы, они вѣдали и помѣстныя дѣла. Всѣ распоряженія о помѣстьяхъ присылаются изъ Москвы исключительно на имя дьяковъ. Они одни приводятъ ихъ въ исполненіе, надѣляя, кого слѣдуетъ, участками, отписывая свободныя земли на государя и т. д. (52, I—XXXIX). Обо всѣхъ такихъ перемѣнахъ дѣлаются соотвѣтственныя отмѣтки въ помѣстныхъ книгахъ, которыя ведутся тоже дьяками. Сосредоточивая въ своихъ рукахъ такіе важные документы, какъ писцовыя и помѣстныя книги, дьяки лучше вооружены для суда по поземельнымъ спорамъ, чѣмъ намѣстники и ихъ тіуны. Этимъ объясняется то обстоятельство, что предписанія изъ Москвы о разборѣ споровъ о землѣ иногда присылаются только на имя дьяковъ (51, I, XIV; 57, 59, 84). По той же причинѣ распоряженія объ отводѣ мѣстъ въ Новгородѣ подъ осадные дворы, церковно-служителямъ и пр. присылаются исключительно на имя дьяковъ (69,77).

Такова судебная и правительственная дѣятельность новогородскихъ дьяковъ XVI вѣка. Она обширнѣе дѣятельности намѣстниковъ того времени, хотя-бы на эту дожность былъ назначенъ первый чинъ въ государствѣ, бояринъ. Дѣятельность дьяковъ превосходитъ дѣятельность намѣстниковъ и по пространству подчиненной имъ территоріи и по количеству порученныхъ дѣлъ. Въ Новогородской волости былъ не одинъ намѣстникъ, а нѣсколько, по всей вѣроятности, въ каждомъ городѣ съ уѣздомъ былъ свой особый намѣстникъ. Кромѣ собственно новогородскаго намѣстника, акты упоминаютъ еще о корельскомъ, орѣшковскомъ, ивангородскомъ и ладожскомъ (50, 51, XIX; 54). Каждый изъ нихъ имѣлъ свой кормъ и свой судъ, и обращался къ новогородскому только, какъ къ высшей власти. Дьяки-же

новогородскіе судили и управляли во своей области. Они принимали участіе во всякой дѣятельности намѣстника, какъ судной, такъ и правительственной, даже предписанія о военныхъ экспедиціяхъ присылаются на имя намѣстника и дьяковъ (50). Предписанія объ исправленіи десятень и о высылкѣ дѣтей боярскихъ на службу посылаются иногда только на имя дьяковъ (47). Дьяки вѣдаютъ, слѣдовательно, и военное управленіе. Изъ 133 грамотъ, отпечатанныхъ въ Доп. къ А. И., только одна не обращена къ дьякамъ. Но она касается не нуждъ Новогородской области, а похода противъ нѣмцевъ и говоритъ о пищальномъ и пушечномъ нарядѣ. Грамота эта адресована на имя князя Палецкаго, какъ ратнаго воеводы, а не какъ намѣстника (73). Всѣ остальныя грамоты обращены къ дьякамъ и только нѣкоторыя изъ нихъ къ намѣстнику и дьякамъ. Намѣстникъ безъ дьяковъ не дѣлаетъ никакого дѣла, дьяки безъ намѣстника дѣлаютъ очень многое *).

---

*) Въ началѣ декабря 1555 года, когда былъ рѣшонъ походъ на «свейскихъ нѣмцевъ» и для этого былъ присланъ въ Новгородъ воевода бояринъ князь Пет. Мих. Щенятевъ, а другимъ воеводой назначенъ новогородскій намѣстникъ, бояринъ, князь Дм. Ѳед. Палецкій, новогородскіе дьяки получили указъ о послушаніи боярамъ:

«И которыя наши дѣла у бояръ нашихъ будутъ, и вы бы тѣ дѣла наши у бояръ нашихъ, у князя Петра Михайловича да у князя Дмитрія Ѳедоровича, дѣлали и въ нашихъ дѣлахъ ихъ слушали» (76).

Это спеціальный указъ, онъ предписываетъ исполненіе предписаній ратныхъ воеводъ во время войны, а не намѣстника въ качествѣ мѣстнаго правителя.

Между грамотами Новогородскимъ дьякамъ есть и такія, въ которыхъ рѣчь идетъ о крестьянскомъ выходѣ. Выше (241 ст. и сл.) мы указали уже на практическія затрудненія, которыя могли вытекать изъ исковъ о возвращеніи крестьянъ, ушедшихъ до срока. Грамота отъ 17 декабря 1555 г. даетъ образчикъ такихъ затрудненій. Лѣтомъ 1555 года у помѣщиковъ, Бровцына и Воронина, крестьяне были свезены «не по сроку, и безъ отказу, и безпошлинно». Мы не знаемъ, о чемъ били челомъ Бровцынъ и Воронинъ, о возвращеніи крестьянъ, или объ убыткахъ; но изъ Москвы на имя дьяковъ пришелъ указъ велѣть тѣмъ крестьянамъ «за Иваномъ за Бровцынымъ да за Тимошкою за Воронинымъ жити по нашему уложенью, по Судебнику, до сроку, и на помѣщика дѣло дѣлати и доходъ давати»

Правительственную власть, исходящую изъ центра вновь возникшаго государства, въ окраинахъ его гораздо полнѣе представляетъ дьякъ, чѣмъ старый намѣстникъ-кормленщикъ хотя-бы и бояринъ.

Кромѣ двухъ указанныхъ дьяковъ, въ Новгородѣ былъ еще дворцовый дьякъ, подобно тому, какъ въ Новгородѣ былъ особый дворецкій. Дворцовый дьякъ стоялъ ниже Еремѣева и Дубровскаго; имя его пишется послѣ ихъ именъ и иногда съ сокращеніемъ, Ѳѳоня (94).

Дьяки владѣли вотчинами, а за службу свою награждались помѣстьями.

Управленіе въ Московскомъ государствѣ не было организовано по одному образцу. Старое уживалось тамъ весьма долго на ряду съ нарождающимся новымъ. Были и въ XVI вѣкѣ города, которые управлялись одними кормленщиками безъ дьяковъ, а были и такія мѣстности, въ которыхъ кормленщиковъ вовсе не было и которые управлялись своими выборными старостами, сотскими и цѣловальниками, какъ, напримѣръ, Двина въ 1550 году (Доп. къ А. И. I, № 45). Новогородская область, послѣ присоединенія Новгорода къ Москвѣ, представляла нѣкоторыя особенности, которыя не встрѣчаютсв въ старинныхъ владѣніяхъ Московскаго удѣла. Она имѣла въ Новгородѣ свой мѣстный центръ, къ которому тянули остальные новогородскіе города, неимѣвшіе непосредственныхъ сношеній съ Москвой. Это мѣстное центральное управленіе областью и сосредоточивалось, главнымъ образомъ, въ рукахъ двухъ указанныхъ дьяковъ. Города, которые неимѣли своихъ мѣстныхъ правительственныхъ центровъ, сносились непосредственно съ центральнымъ управленіемъ въ Москвѣ. Московскіе приказные дьяки играли по отношенію къ нимъ

(51, XVIII; ср. V). Предписаніе это помѣчено 17-мъ декабря, а срокъ прошелъ уже въ ноябрѣ. Надо думать, что московскіе дьяки имѣли въ виду возвращеніе кресьянъ до новаго срока. А чтобы они сдѣлали, если-бы до новаго срока оставались двѣ недѣли, или того менѣе? Какъ исполнено было московское предписаніе въ Новгородѣ, этого не видно.

ту самую роль, какая по отношенію къ Новгороду или Ладогѣ въ Новогородской волости принадлежала новогородскимъ дьякамъ. Эти разные порядки, по мѣстнымъ и личнымъ соображеніямъ, разнообразились до крайности и смѣнялись одни другими. Въ концѣ XV вѣка въ Бѣлозерскѣ находится подъячій, которому приказано получать съ бѣлозерскихъ откупщиковъ тамгу, а въ половинѣ XVI вѣка бѣлозерскіе таможенники должны были сами привозить тамгу въ Москву и сдавать ее

«Царевымъ и великаго князя казначеемъ, Ивану Петровичу Головину да Ѳедору Ивановичу Сукину, да царевымъ-же и великаго князя дьякамъ, Юрью Сидорову да Кожуху, Григорьеву сыну, Кроткову». А. Э. I. № 134, 1497, № 230, 1551.

Выше, когда рѣчь шла о казначеяхъ, мы указали уже, что они вѣдали государевы прибытки. Да и по состоянію своему они близки къ дьякамъ. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ князей XIV и XV вѣка они рабы и отпускаются на волю вмѣстѣ съ дьяками. Братъ казначея, Ѳедора Сукина, Борисъ Ивановичъ, былъ дьякъ.

Въ 1557 году таможенные пошлины въ монастырскомъ селѣ, въ Веси Егонской, въ Бѣжецкомъ Верху, сдаются на оброкъ монастырю московскими казначеями; въ 1563 году тѣже пошлины, въ томъ-же мѣстѣ и тому-же монастырю сдаются на оброкъ московскими дьяками; а въ 1591 году находимъ указаніе, что въ Москвѣ существуетъ особая Четь дьяка Андрея Щелкалова, въ которую поступаютъ таможенныя пошлины изъ Поморскихъ волостей (А. Э. I. № 263, 352).

Московскіе дьяки также вѣдали вѣсъ и мѣру, какъ и новогородскіе. Въ 1550 году были разосланы изъ Москвы во всѣ города новыя мѣдныя мѣры сыпучихъ тѣлъ, старыя-же мѣры велѣно было прислать въ Москву

«Къ печатнику нашему и къ дьяку, къ Микитѣ Фуникову Курцову, да къ дьякомъ нашимъ, къ Юрью къ Сидорову, да къ Ѳедору къ Семенову». Доп. къ А. И. I. № 45.

Въ управленіи военными дѣлами принимаютъ участіе тоже не одни новогородскіе дьяки, а и московскіе. Въ разрядѣ на 1559 годъ читаемъ:

«7067 года послалъ государь, царь и великій князь на ливонскіе нѣмцы зимою царевича Тахтамыша да боярина и воеводу, князь Семена Ивановича Микулинскаго, и иныхъ своихъ бояръ и воеводъ, а были по полкамъ: въ большомъ полку царевичъ Тахтамышъ...... да въ передовомъ-же полку изъ Острова воевода Ѳедоръ Васильевитъ Шереметевъ...... да въ передовомъ-же полку у воеводъ Борисъ, Ивановичъ сынъ, Сукинъ съ казанскими и зъ горными съ луговыми людьми»...... (Рус. Ист. сбор. V. 241).

Этотъ Бор. Ив. Сукинъ, назначенный въ походъ съ воеводами передоваго полка и имѣвшій подъ своимъ начальствомъ казанскихъ людей, былъ, какъ мы знаемъ, дьякъ.

Въ 1595 году были посланы изъ Москвы въ Смоленскъ ставить каменный городъ дѣти боярскія, кн. Вас. Андр. Звенигородскій и Сем. Вол. Безобразовъ, а при нихъ два дьяка, Посникъ Шиполовъ да Нечай Перфирьевъ. Царскій наказъ о постройкѣ стѣны данъ на имя всѣхъ четырехъ; дьяки принимаютъ такое-же участіе въ постройкѣ города, какъ и дѣти боярскія:

«И князю Василью, и Семену, и дьякамъ, Поснику и Нечаю, пріѣхавъ въ Смоленскъ, сыскати въ Смоленску на посадѣ и въ уѣздѣ сараи и печи, гдѣ дѣлывали кирпичъ и известь и кирпичъ жгли, да тѣ всѣ сараи и печи отписати на государя...... и гдѣ есть камень бутовой и стѣнной на городовое дѣло..... и гдѣ лѣсъ на сараи и на дрова...... и какъ которые запасы возити въ Смоленскъ...... и сколко къ которому дѣлу надо быть какихъ людей............. то имъ все смѣтить и росписать подлинно..... да та смѣта дьяку Нечаю Порфирьеву...... привести къ государю..... за дьячьими приписми...... (А. Э. I. № 365).

Новогородское управленіе XVI вѣка имѣетъ свои особенности, но дѣятельность новогородскихъ дьяковъ не представляетъ исключенія. Имъ и въ другихъ мѣстахъ поручаютъ и судъ, и финансы, и военное дѣло.

Широкая правительственная и судебная дѣятельность дья-

ковъ XVI вѣка, составляющая необходимое слѣдствіе возвышенія ихъ при Иванѣ III, была замѣчена современниками и вызывала порицанія со стороны лицъ высшаго класса. Курбскій упрекаетъ Ивана Грознаго за то, что онъ вѣритъ писарямъ, которыхъ избираетъ не отъ шляхетства, а отъ поповичей и простого всенародства. Еще рѣзче порицаетъ новые порядки другой московскій выходецъ, Тетеринъ. Есть у великаго князя, писалъ онъ въ Москву къ Морозову, новые вѣрники, дьяки, его половиною кормятъ, а большую себѣ берутъ; ихъ отцы вашимъ и въ холопство не годились, а теперь не только землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ (Солов. VII, 45).

И Курбскій и Тетеринъ говорятъ объ Иванѣ Грозномъ. Въ немъ видятъ они виновника новыхъ порядковъ. Это не вѣрно. Прочное начало возвышенію дьяковъ положено великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ. Но слова порицателей Грознаго для насъ важны, не смотря на ихъ неточность. Возвышеніе дьяковъ началось во второй половинѣ XV вѣка. Но и въ XVI вѣкѣ это явленіе, сравнительно, все еще новое. До возвышенія Москвы роль дьяковъ была очень скромная. Правительственнымъ классомъ были бояре и слуги вольные. Съ ихъ помощью образовалось московское государство. И вотъ съ этого-то момента и наступаетъ переломъ. Московскіе государи начинаютъ ломать тѣ подмостки, при помощи которыхъ произошло возвышеніе ихъ собственной власти, и выдвигать на службу новому государству новыхъ людей. Они присоединяютъ дьяковъ къ боярамъ не по теоретическимъ соображеніямъ о превосходствѣ коллегіальнаго начала надъ единоличнымъ, а для того, чтобы создать въ дьякахъ противовѣсъ боярамъ. Вотъ объ этомъ-то характерномъ переломѣ въ ходѣ нашей исторіи и свидѣтельствуютъ Курбскій и Тетеринъ, хотя для ихъ времени это и не была свѣжая новость. Въ ихъ время новые порядки сдѣлали уже такіе успѣхи, что реформа стала для всѣхъ фактомъ очевиднымъ.

Въ первой половинѣ XVII вѣка, а можетъ быть и ранѣе,

появляется и титулъ думнаго дьяка *). Мы указали уже, что дьяки-совѣтники своихъ государей — явленіе очень старинное. Но въ старину это было дѣломъ домашней, кабинетной жизни. Теперь-же дьяки удостоиваются и соотвѣтствующаго титула и, такимъ образомъ, явно, на глазахъ всего Московскаго государства, становятся рядомъ съ дѣтьми боярскими, живущими въ думѣ, съ окольничими и боярами введенными. Они признанные члены государевой думы, а не тайные совѣтники.

Въ XVII вѣкѣ возвышеніе дьяковъ дѣлаетъ дальнѣйшіе успѣхи. Въ періодъ полнаго развитія приказной системы, они являются непремѣнными членами приказовъ. Ни дворяне, простые и думные, ни стольники, ни окольничіе, ни бояре не были непремѣнными членами приказовъ. Были приказы безъ бояръ, безъ окольничихъ, безъ дворянъ и стольниковъ, но не было ни одного, въ которомъ не сидѣлъ-бы дьякъ. Бояре, окольничіе, дворяне встрѣчаются въ приказахъ только въ единственномъ числѣ, дьяки-же сидятъ тамъ и по два и по три. Но и это не все, были приказы, въ составъ которыхъ входили только одни дьяки. Такой составъ встрѣчаемъ не въ незначительныхъ только приказахъ, какъ напримѣръ Панафидный, но и въ такихъ, какъ Счетный, Посольскій и приказъ Тайныхъ дѣлъ **). Вотъ что говоритъ Котошихинъ о приказѣ Тайныхъ дѣлъ:

---

*) Въ договорной записи съ польскимъ гетманомъ Жолкевскимъ, 1610 года, упоминаются «думные дьяки, Василій Телепневъ и Томило Луговской». Рум. Собр. II. № 199 и 200. Указаніе на «дьяковъ государевой ближней думы Андрея да Василья Яковлевичей Щелкаловыхъ» конца XVI вѣка приведено г. Лихачевымъ (167). Оно также находится въ договорной записи съ послами польскаго короля.

Въ Шереметевскій сводный списокъ первые думные дьяки занесены очень поздно. Они появляются тамъ только подъ 1655 годомъ: Алмазъ Ивановъ, Сем. Ив. Заборовскій и Лар. Дм. Лопухинъ.

**) Составъ приказовъ отъ времени до времени мѣнялся. По Котошихину, въ Посольскомъ приказѣ не было боярина, а въ 1675 году тамъ уже сидитъ бояринъ, Арт. Серг. Матвѣевъ; и наоборотъ, по Котошихину въ Разрядѣ сидитъ окольничій, думный дьякъ да два простыхъ, а по разрядамъ въ 1626—7 годахъ тамъ окольничаго не было и всѣ дѣла направ-

«А въ немъ сидитъ діакъ да подьячихъ съ 10 человѣкъ и вѣдаютъ они и дѣлаютъ дѣла всякіе царскіе, тайные и явные. И въ тотъ приказъ бояре и думные люди не входятъ и дѣлъ не вѣдаютъ, кромѣ самого царя. А посылаются того приказу подьячіе съ послами въ государства, и на посолскіе съѣзды, и въ войну съ воеводами для того, что послы въ своихъ посолствахъ много чинятъ не къ чести своему государю, въ проѣздѣ и въ разговорныхъ рѣчахъ......, а воеводы въ полкѣхъ много неправды чинятъ надъ ратными людми, и тѣ подьячіе надъ послы и надъ воеводами надсматриваютъ и царю пріѣхавъ сказываютъ. И которые послы, или воеводы, вѣдая въ дѣлахъ неисправленіе свое и страшась царского гнѣву, и они тѣхъ подьячихъ дарятъ и почитаютъ выше ихъ мѣры, чтобы они, будучи при царѣ ихъ пословъ выславляли, а худымъ не поносили. А устроенъ тотъ приказъ при нынѣшнемъ царѣ для того, чтобъ его царская мысль и дѣла исполнялися всѣ по его хотѣнію, а бояре-бъ и думные люди о томъ ни о чемъ не вѣдали» (VII. 1).

Одинъ дьякъ и десять подъячихъ опредѣлены для наблюденія за дѣятельностью всѣхъ высшихъ чиновъ въ государствѣ. О результатахъ своихъ наблюденій они докладываютъ прямо царю, помимо бояръ и думныхъ людей. Котошихинъ говоритъ, что это новое учрежденіе, устроенное царемъ Алексѣемъ. Въ этомъ ему надо вѣрить. Приказъ Тайныхъ дѣлъ—учрежденіе дѣйствительно новое, но идея его и практика старыя. Ту-же роль играли ближніе дьяки великаго князя въ XVI, XV вѣкѣ и ранѣе. Они тоже подсматривали, подслушивали и доносили царю о результатахъ своихъ тайныхъ наблюденій и тѣмъ выслуживались. Въ XVII вѣкѣ этотъ тайный надзоръ вводится въ общую систему приказной организаціи. Дьякъ тайныхъ дѣлъ и его подъячіе—ближайшіе люди къ царю, у нихъ право и обязанность нашоптывать.

лялись только къ двумъ дьякамъ: думному Ѳедору Лихачеву да Михайлѣ Данилову (Двор. разр. III, 1500; I. 849, 956). Но въ 1626 году и по разрядамъ въ Посольскомъ приказѣ сидятъ только дьяки, думный, Максимъ Грамотинъ, да приказный, Максимъ Матюшкинъ, о бояринѣ-же не упоминается (Двор. разр. I. 814), чѣмъ вполнѣ подтверждается свидѣтельство Котошихина.

Но они не думные люди. Фактически они выше думныхъ людей, такъ какъ они ближе къ царю, но официально они ниже ихъ. Дьяки тайныхъ дѣлъ возводятся въ думные и это для нихъ повышеніе. Въ 1672 году дьякъ тайныхъ дѣлъ, Ѳедоръ Михайловъ, сдѣланъ думнымъ; въ 1677 г. такое-же повышеніе выпало на долю дьяка Тайнаго приказа, Данилы Полянскаго (Вивл. XX). Сдѣлавшись думными, то-есть, членами боярскаго суда и боярской думы, дьяки эти могли, конечно, сохранить и ту близость къ царю, въ которой состояли къ нему прежде.

Помимо этого тайнаго вмѣшательства во всѣ дѣла, дьяки принимали и прямое участіе въ рѣшеніи судебныхъ и правительственныхъ дѣлъ государства. Они дѣлали это въ качествѣ членовъ приказовъ. Мы указали уже, что съ конца XV вѣка они товарищи бояръ; далѣе мы видѣли, что роль товарищей бояръ и намѣстниковъ сохраняютъ дьяки и въ XVI вѣкѣ. Въ приказахъ XVII вѣка они тоже товарищи думныхъ людей, бояръ и окольничихъ. Это видно изъ формулы назначенія дьяковъ въ приказы. Въ разрядныхъ книгахъ читаемъ:

«Тогожъ году пожаловалъ великій государь....... указалъ сидѣть..... въ Большомъ Приходѣ дьяку, Тимоѳею Литвинову, съ окольничимъ, съ Никитою съ Михайловичемъ Бобарыкинымъ» (Двор. разр. III, 1186, 1675).

Или:

«Тогожъ году пожаловалъ великій государь во дьяки подьячаго Челобитеннаго приказу, Тимоѳея Насонова. А указано ему сидѣть въ Челобитенномъ же приказѣ съ бояриномъ, съ Иваномъ Богдановичемъ Милославскимъ» (тамъ же, 1086, 1674).

Дьяки сидятъ съ боярами и окольничими, они не служатъ имъ, какъ секретари, а засѣдаютъ въ приказѣ, какъ члены его и товарищи бояръ и окольничихъ.

Тоже говоритъ и Котошихинъ о дѣятельности дьяковъ:

«А на Москвѣ и въ городѣхъ въ приказѣхъ зъ бояры, и околничими, и думными, и ближними людми, и въ по-

солствахъ съ послами бываютъ они (дьяки) въ товарыщахъ и сидятъ вмѣстѣ, и дѣлаютъ всякія дѣла, и суды судятъ (*II*, 9).

И во главѣ о приказахъ:

«А судити указано въ приказѣхъ бояромъ, и околничимъ, и столникомъ, и дворяномъ, и дьякомъ, кому въ которомъ приказѣ вѣдати приказано, всѣмъ вмѣстѣ» (VII, 38).

Согласно съ этимъ, бумаги въ приказъ присылались на имя всѣхъ его членовъ:

«Того жъ году пріѣхалъ подьячей Посолского приказу къ великому государю, къ Москвѣ, съ отписки изъ Литвы..... въ Посолской приказъ: къ боярину, къ Артемону Сергѣевичу Матвѣеву, да къ думному дьяку, къ Григорію Богданову, съ товарыщи» (Двор. разр. 1500, 1675).

Подъ товарищами боярина и думнаго дьяка здѣсь разумѣются простые дьяки, члены приказа.

А вотъ формула назначенія дьяковъ въ города къ воеводамъ:

«Того жъ году посланъ, по указу великого государя, въ Ярославль, въ товарыщи къ столнику и воеводѣ, къ Ивану, Александрову сыну, Аничкову, Посолского приказу дьякъ, Яковъ Поздышевъ» (Двор. разр. III, 1186, 1675).

Начало, установленное великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ для суда бояръ и окольничихъ, въ XVII вѣкѣ проникаетъ всюду. Ни одно сколько-нибудь важное дѣло не обходится безъ участія дьяка.

Въ переговорахъ съ иностранными послами дьяки также говорятъ рѣчи, какъ и бояре. А такъ какъ рѣчи эти сочинялись впередъ въ Посольскомъ приказѣ, то, можно думать, что и бояре говорили со словъ дьяковъ.

На смотрахъ служилымъ людямъ дьяки принимаютъ такое-же участіе, какъ бояре, окольничіе и иные чины.

«7183 году, сентября въ 30 день, былъ смотръ стряпчимъ и дворяномъ московскимъ и жилцомъ, а смотрѣлъ, по указу великаго государя, бояринъ, князь Иванъ Алексѣевичъ Воротынской, разрядной дьякъ, Герасимъ, Семеновъ сынъ, Дох-

туровъ, да думной-же дьякъ, Стрѣлецкаго приказа, Ларіонъ Ивановъ, да разрядной же дьякъ, Василей Григорьевъ». Двор. разр. III. 1049; см. еще столб. 1060, 1064, 1199 и др.

Но случалось, что смотръ стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ московскихъ поручалось произвести однимъ дьякамъ. Такъ было 11-го и 12-го января 1675 года (тамъ-же, 1180).

Дьяковъ посылали и въ XVII вѣкѣ въ походы товарищами ратныхъ воеводъ. Въ разрядѣ на 1674 годъ читаемъ:

«Сказано по полкамъ бояромъ и воеводамъ на службу великаго государя; въ большомъ полку: бояринъ и воевода, князь Юрья Алексѣевичъ, да съ нимъ въ товарищѣхъ, околничей, князь Володимеръ Дмитріевичъ Долгоруковъ, да съ ними жъ дьяки: Александро, Ворѳоломѣевъ сынъ, Алексѣевъ, да Михайло Прокофьевъ да Тимоѳей Литвиновъ» (Двор. разр. III. 990).

Дьяки вездѣ: на судѣ, въ посольствахъ, при сборѣ и расходованіи государевой казны, въ войскахъ.

Дьяки непрестанно находятся и при государѣ. Въ важныхъ случаяхъ они говорятъ именемъ его рѣчи. Въ 1619 г. просительная рѣчь Михаила Ѳедоровича, обращенная къ отцу его, митрополиту Филарету Никитичу, о принятіи имъ на себя званія патріарха, была произнесена, въ присутствіи царя, властей и бояръ, думнымъ дьякомъ, Иваномъ Грамотинымъ (Двор. разр. I. 403).

Дьяки дѣлаютъ царю доклады по всякимъ дѣламъ. Въ разрядной книгѣ на 1663 годъ читаемъ:

«И государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ..... приказалъ думному дьяку, Томилу Луговскому, сыскати въ Разрядѣ челобитье князя Богдана Косаткина Ростовскаго...... и сказать про то бояромъ, чтобъ бояре о томъ поговорили, а что приговорятъ, и о томъ велѣлъ государь доложить себя» (Кн. раз. I. 981).

Или въ 1675 году:

«И великій государь указалъ, по челобитью столника, Михаила Морозова, взнесть то судное дѣло вершеное въ докладъ къ себѣ, великому государю, въ верхъ думному дьяку, Герасиму Дохторову (Двор. разр. III. 1288).

Въ поѣздкахъ государя изъ Москвы его сопровождаютъ дьяки. Они служатъ посредниками въ сношеніяхъ московскихъ приказовъ съ царемъ. Въ концѣ іюня 1675 года государь выѣхалъ на Воробьевы горы. Въ его отсутствіе пріѣхалъ изъ Литвы съ отписками подъячій Посольскаго приказа, Пр. Возницынъ. Изъ Посольскаго приказа бояринъ Матвѣевъ отправилъ того подъячаго:

«Въ походъ къ великому государю, на Воробьеву гору; и велѣлъ отписки подать и самому явиться въ походѣ думному дьяку, Дементью Башмакову, да тайныхъ дѣлъ дьяку, Данилѣ Полянскому» (Двор. разр. III. 1500).

А вѣдь при царѣ на Воробьевыхъ горахъ, конечно, были бояре и при томъ ближніе. Дѣла-же идутъ не черезъ нихъ, а черезъ дьяковъ, изъ которыхъ второй даже не имѣетъ титула думнаго. Но это дьякъ Тайныхъ дѣлъ, а онъ могъ быть ближе думнаго.

Дьяки объявляютъ царскіе указы (Двор. разр. I. 574 III. 992).

Думные дьяки суть члены государевой думы и боярской судной коллегіи. Вотъ что говоритъ Котошихинъ о мѣстѣ, которое занимаютъ они въ царской думѣ:

«И какъ царю лучится сидѣти съ тѣми бояры и думными людми въ думѣ о иноземскихъ и о своихъ государственныхъ дѣлехъ, и въ то время бояре и околничіе и думные дворяне садятца по чинамъ, отъ царя поодаль, на лавкахъ, бояре подъ боярами, кто кого породою ниже, а не тѣмъ, кто выше и прежъ въ чину, околничіе подъ боярами противъ того жъ, подъ околничими думные дворяне потому жъ, по породѣ своей, а не по службѣ, а думные дьяки стоятъ, а инымъ временемъ царь велитъ имъ сидѣть, и о чемъ лучитца мыслити, мыслятъ съ царемъ, яко обычай и индѣ въ государствахъ» (II, 5).

Какъ люди мелкіе, худородные, дьяки занимаютъ послѣднее мѣсто въ думѣ, они стоятъ, когда остальные члены сидятъ; но они принимаютъ участіе въ преніяхъ—«мыслятъ» съ царемъ, а иногда приглашаются даже сѣсть въ присутствіи царя. Если, обыкновенно, они стоятъ, то это потому, что въ

думѣ присутствуетъ самъ царь. Не могло-же въ началѣ XVII вѣка притти въ забвеніе, что съ небольшимъ сто лѣтъ тому назадъ приказные дьяки были холопы и отпускались на волю изъ милости.

Гораздо болѣе свободная роль принадлежала дьякамъ въ судной боярской коллегіи, въ засѣданіяхъ которой царь не присутствовалъ. Думные дьяки принимали тамъ дѣятельное участіе въ преніяхъ, брали на себя иниціативу и, случалось, проводили свое личное мнѣніе въ противность мнѣнію остальныхъ членовъ. Любопытный образчикъ даетъ боярскій судъ по дѣлу Ивана Чихачева. Чихачевъ, назначенный быть въ рындахъ при пріемѣ шведскаго посла, сказался больнымъ, а въ городъ не пріѣхалъ. По государеву указу наряженъ былъ судъ. Обвиняемый явился къ отвѣту на двухъ костыляхъ. Бояре спросили его, почему онъ не пріѣхалъ по наряду? «Лошадь ногу изломила, какъ государь тѣшился за лосями, потому и въ городъ не могъ пріѣхать», отвѣчалъ Чихачевъ. Этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ думнаго дьяка, Томилу Луговскаго. «Ты, сказалъ онъ, отбаливаешься отъ князя Аѳанасья Шеховскаго и вотъ почему въ городъ не поѣхалъ!» Чтобы понять это замѣчаніе, надо знать, что Чихачевъ назначенъ былъ рындой ниже Шеховскаго. Дьякъ угадалъ настоящую причину болѣзни подсудимаго. Онъ, дѣйствительно, не принялъ назначенія по соображеніямъ чести. Видя, что нельзя скрыть настоящей причины ослушанія государева указа, Чихачевъ тутъ-же сталъ бить челомъ о судѣ съ княземъ Аѳ. Шеховскимъ, меньше котораго ему быть не вмѣстно. Бояре нашли, что можно ему быть меньше князя Аѳанасья и приговорили было Ивана Чихачева за князя Аѳанасьево безчестье бить кнутомъ. Но думный дьякъ, Томило Луговской, не согласился съ такимъ рѣшеніемъ, онъ сказалъ боярамъ: долго того ждать! А потомъ подошелъ къ Чихачеву, взялъ у него изъ рукъ костыль и сталъ тутъ-же бить его по спинѣ и по ногамъ. Эта короткая расправа весьма понравилась боярской коллегіи. Одинъ изъ почетнѣйшихъ ея членовъ, бояринъ

Иванъ Никитичъ Романовъ, взялъ у Чихачева другой костыль и сталъ бить его тоже по спинѣ и ногамъ, а другіе приговаривали: «не по дѣлу бьешь челомъ, знай свою мѣру!» Вслѣдъ за этой расправой состоялось новое столь-же единодушное рѣшеніе: Чихачеву велѣно быть по прежнему указу въ рындахъ ниже кн. Аѳ. Шеховскаго (Двор. разр. I 435. 1620). Смѣлость, съ которою думный дьякъ поднялъ руку на московскаго дворянина, достаточно говоритъ о роли, принадлежавшей дьякамъ въ Московскомъ государствѣ вообще и въ боярской думѣ въ частности *). Надо полагать, что дьяки въ боярской думѣ сидѣли, а не стояли; сидѣли-же они въ приказахъ въ присутствіи бояръ.

Когда у государя бывалъ званый столъ, дьяки думные и простые приглашались въ качествѣ гостей и въ числѣ сравнительно не меньшемъ, чѣмъ иные чины. При двухъ боярахъ, напримѣръ, и одномъ окольничемъ находимъ двухъ думныхъ дьяковъ и отъ трехъ до пяти простыхъ; число приглашенныхъ дворянъ достигало при этомъ до 18 человѣкъ (Двор. разр. I, 525, 535, 872 и др.).

Всего дьяковъ въ московскомъ государствѣ было около ста человѣкъ. Эта цифра, указанная Котошихинымъ, подтверждается и офиціальнымъ спискомъ бояръ и др. чиновъ на 7184 (1676) годъ Число думныхъ дьяковъ въ XVII вѣкѣ колеблется отъ 3 до 8. По книгамъ на 1627 и 29 годы ихъ

*) Это не единственный случай ручной расправы думныхъ дьяковъ съ дворянами. Думный дьякъ Сыдавной-Васильевъ въ 1617 году билъ по щекамъ Ѳед. Лев. Замятню, за челобитье на князя Гагарина о мѣстахъ, и Мих. Ив. Лодыженскаго, за отказъ ѣхать въ Тулу къ Вердеревскому. Извѣстіе Двор. разрядовъ объ этихъ случаяхъ (I. 264 и 287) очень кратки, но трудно думать, чтобы это битье по щекамъ имѣло значеніе исполненія какого-либо приговора царя или думы. Это, надо полагать, случаи самовольной расправы сильнаго человѣка, на котораго лучше было не жаловаться. Трудно сказать, чѣмъ могла кончиться жалоба на самовольную расправу дьяка; но дворянинъ, ослушавшійся царскаго указа по соображеніямъ отеческой чести и недоказавшій своей правоты, легко могъ попасть на конюшню, если-бы дѣло его подверглось разсмотрѣнію формальнымъ порядкомъ.

было 3, въ 1668—5, въ 1640 и 1676—8; Котошихинъ насчитываетъ 4-хъ, по одному въ Посольскомъ, Разрядномъ, Казанскомъ дворѣ и Помѣстномъ приказѣ. Всего въ 38 приказахъ, находившихся въ городѣ Москвѣ, по счету Котошихина дьяковъ было до 70 человѣкъ *). Въ 13 лѣтъ, протекшихъ съ отъѣзда Котошихина въ Польшу (1664), число московскихъ приказовъ нѣсколько измѣнилось; въ спискѣ бояръ и др. чиновъ на 1676 годъ ихъ насчитывается всего 35, но распредѣленіе дьяковъ по приказамъ остается почти тоже, въ 35 приказахъ сидятъ 68 дьяковъ.

Изъ общей котошихинской цифры 100 дьяковъ около 30 находилось по городамъ. Въ спискѣ на 1676 годъ въ городахъ показано 35 дьяковъ **). Всего будетъ 103 дьяка у дѣлъ, да кромѣ того было еще не у дѣлъ 17 человѣкъ, да одинъ показанъ больнымъ. Эти 17 человѣкъ находились въ запасѣ и могли быть ежеминутно куда-нибудь посланы. Такимъ образомъ, все центральное управленіе Московскаго государства и мѣстное, въ главнѣйшихъ пунктахъ, сосредоточивалось въ рукахъ 121 дѣльца. Если принять въ соображаніе, что крайними пунктами Московскаго государства при Алексѣѣ Михайловичѣ были: на западѣ Псковъ и Смоленекъ, на сѣверѣ—Архангельскъ, на востокѣ—Тобольскъ, на югѣ—Кіевъ,

---

*) Въ нѣкоторыхъ приказахъ Котошихинъ не указываетъ точной цифры дьяковъ, а говоритъ, что ихъ было 2 или 3; общее число дьяковъ, такимъ образомъ, будетъ колебаться между 65-ю и 70-ю. Итогъ приказамъ у Котошихина подведенъ въ суммѣ 42-хъ; но въ 4 приказахъ изъ этихъ 42-хъ дьяковъ не было. Это хозяйственные приказы, состоявшіе въ вѣдомствѣ Большаго дворца; они управлялись низшими чинами, ключниками, а одинъ—дворяниномъ. Вотъ почему для показанія распредѣленія дьяковъ по приказамъ мы беремъ 38 приказовъ, въ которыхъ дѣйствительно были дьяки, а не 42.

**) Вотъ распредѣленіе дьяковъ по городамъ по книгѣ 1676 года: въ Бѣлгородѣ—5, Смоленскѣ—4, въ Новгородѣ, Псковѣ, Казани и Астрахани—по 3, Тобольскѣ—2, въ Свіяжскѣ, Симбирскѣ, Теркахъ, въ Нижнемъ, въ Ярославлѣ, на Вологдѣ, въ Костромѣ, у Архангельскаго города, на Верховьи, въ Олонцѣ, Сѣвскѣ, Путивлѣ и Кіевѣ по одному (Списокъ на 184 годъ въ Моск. Арх. мин. Юстиціи).

Астрахань и Терки, то нельзя не признать, что у сотни дьяковъ, которая находилась у дѣлъ, дѣла было довольно.

За свою службу дьяки получали государево жалованье помѣстьями и деньгами. Мѣра его, какъ и для другихъ чиновъ, не была опредѣлена штатами, а зависѣла отъ усмотрѣнія государя. По боярской книгѣ на 7135 годъ (1627) думный дьякъ Лихачевъ получалъ 250 р., а Телепневъ, тоже думный дьякъ, получалъ старый окладъ въ 100 р., а въ думныхъ дьякахъ не былъ верстанъ. Этотъ старый, приказный окладъ остается за нимъ и въ 1629 году. Нѣкоторые приказные дьяки получали болѣе Телепнева. Дьякъ Болотниковъ по книгѣ на 1627 годъ получалъ 200 р. Другіе приказные гораздо менѣе: Даниловъ 100 р. да за ярославскую службу ему прибавили—20 р.; Матюшкинъ при назначеніи въ дьяки получилъ 80 р., а потомъ дошелъ до 100; Никиф. Шипула, посольскій дьякъ, началъ съ 70 р. Всѣхъ болѣе получалъ думный дьякъ Грамотинъ—300 р.; этотъ окладъ остался за нимъ по опалѣ и ссылкѣ на Алатырь.

Размѣръ помѣстья дьякамъ опредѣляется Уложеніемъ, но только для Московскаго уѣзда. Они уравнены здѣсь съ окольничими и получаютъ по 150 четвертей (XVI, 1). Общій размѣръ дьяческихъ помѣстій значительно превышалъ эту норму. Дьякъ Даниловъ въ 1627 году имѣлъ уже 800 четвертей, а за ярославскую службу ему прибавили еще 100; дьяку Матюшкину при назначеніи дали 700 четвертей, а потомъ прибавили 100 (Моск. Арх. м. юст.).

На лѣстницѣ служебной чести думные дьяки занимаютъ мѣсто послѣ стряпчаго съ ключомъ; дьяки по приказамъ послѣ дворянъ московскихъ.

За дьяками идутъ подъячіе. Общее число ихъ Котошихинъ опредѣляетъ въ 1000 человѣкъ. Они дѣлились на старыхъ и молодыхъ. Молодые употреблялись для письма, а старые, какъ давно состоящіе въ должности подъячаго и потому опытные и дѣло знающіе, для болѣе важныхъ назначеній. Они участвуютъ на смотру служилыхъ людей, отвозятъ государеву казну, досматриваютъ съ дьяками больныхъ слу-

жилыхъ людей, а иногда назначаются и къ исправленію должности дьяка. Въ 1675 году были отправлены писцы въ Московскій уѣздъ:

«Московскій дворянинъ Сергѣй, Ѳедоровъ сынъ, Аксаковъ да съ нимъ: подьячій старый помѣстнаго приказа, Александръ Титовъ, справою вмѣсто дьяка, да три человѣка молодыхъ подьячихъ помѣстнаго-жъ приказу для писма *).

Подъячіе были тоже землевладѣльцы. Указъ царя Бориса 1601 года предоставляетъ и подъячимъ право «возить крестьянъ» (стр. 244). Они получаютъ помѣстное и денежное жалованье. Изъ боярской книги на 1627 годъ видно, что подъячіе приказовъ получали денежнаго жалованья по 37, 40, 50 и 60 р., помѣстнаго по 350 и 500 четвертей.

Дьяки, наши первые приказные люди, зародившись въ предѣлахъ государева двора и для цѣлей дворцоваго управленія, мало по малу проникаютъ во всѣ важнѣйшія отрасли суда и администраціи. Въ то-же время старинный правящій классъ, бояре и дѣти боярскія, поступая въ придворныя должности, превращается въ бояръ введенныхъ, окольничихъ, дворецкихъ, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и получаетъ въ дьякахъ товарищей своей судной и административной дѣятольности. Но эти два класса не смѣшиваются. Между новымъ классомъ дьяковъ, вышедшимъ изъ дворни государевой, и потомками старыхъ вольныхъ слугъ есть великая разница. Потомки вольныхъ слугъ, воины по ремеслу, имѣютъ отеческую честь и считаются ею; дьяки, дворовые писцы по происхожденію, отеческой чести не имѣютъ. Это потому, что первоначальная должность ихъ мелкая; они и въ XVII вѣкѣ считаются «худымъ чиномъ». Люди, состоявшіе въ худомъ чинѣ, не могли по этому чину имѣть высокой чести, имъ нечего было передать и своимъ дѣтямъ.

Отсюда и преимущества дьяковъ и недостатки ихъ положенія. Великое преимущество худаго чина состоитъ въ

*) Двор. разр. III. 1080, 1210, 1365.

томъ, что дьяки проникаютъ всюду; это потому, что они могутъ быть младшими товарищами, какъ родовитыхъ людей, такъ и самыхъ худородныхъ. Но, занимая вездѣ послѣднее мѣсто, они не замѣтны; объ нихъ забываютъ иногда упомянуть; самое имя дьяка нерѣдко исчезаетъ въ болѣе широкомъ наименованіи «товарища». Согласно съ такимъ темнымъ положеніемъ дьяка, въ эту должность назначаютъ людей мелкихъ, худородныхъ. Ряды ихъ пополняются не только дѣтьми духовенства, но и посадскими людьми и даже пашенными крестьянами *). Есть случаи назначенія дьяковъ изъ дворянъ. Въ 1649 году бѣжецкій дворянинъ, Сем. Ив. Заборовскій, былъ назначенъ думнымъ разряднымъ дьякомъ; въ 1675 году дворянинъ Вас. Гр. Пестриковъ былъ назначенъ дьякомъ Дворцоваго суднаго приказа (Двор. разр. III. 108, 113, 1278). Но мы знаемъ, что терминъ дворяне со второй половины XVI вѣка обнимаетъ людей очень разнаго происхожденія. Между ними есть потомки дѣтей боярскихъ и даже князей, а рядомъ съ ними—потомки старинныхъ дворовыхъ людей и не только княжескихъ, но и митрополичьихъ, епископскихъ, боярскихъ. Въ дьяки назначались люди неважные по происхожденію, или захудалые **).

И должность дьяка худая и назначаются на нее люди

*) Въ 1641 году послѣдовалъ указъ, которымъ воспрещалось принимать въ подьячіе «поповыхъ и дьяконовыхъ дѣтей, и гостинныя и суконныя сотенъ торговыхъ, и черныхъ сотенъ посадскихъ всякихъ, и пашенныхъ людей и ихъ дѣтей». А. И. III. № 92. XXXI.

**) Г. Лихачевъ въ «Отвѣтѣ суровому критику» приводитъ два случая происхожденія дьяковъ изъ княжескихъ фамилій, относящіеся еще къ XV вѣку (37). Это чрезвычайно цѣнное указаніе. Но общій составъ дьяковъ этимъ нисколько не мѣняется. Въ среду дворовыхъ людей бояръ постоянно поступали дѣти боярскія. Но отъ этой примѣси дворовые люди не становились же благородными; такъ и дьяки отъ примѣси князей. Боярскія дѣти, поступавшія во дворню бояръ и женившіяся на ихъ рабыняхъ, принадлежали къ захудалымъ отпрыскамъ высшаго сословія и только по крови были его членами; такъ и князья, поступавшіе во дьяки. Это мелочь, хотя и знатнаго происхожденія, а не большіе люди. По выраженію лѣтописца «они были родомъ велики да захудѣли» (Отвѣтъ. 38).

худые. Поэтому-то и мѣстничество не могло привиться къ дьякамъ. Есть случаи мѣстническихъ споровъ дьяковъ съ дворянами и даже окольничими, но дьяки въ этихъ спорахъ опираются не на дьячествѣ своемъ, а на иныхъ основаніяхъ, напримѣръ, на происхожденіи отъ дѣтей боярскихъ. Выше помянутый думный дьякъ, Сем. Ив. Заборовскій, въ 1663 г. былъ приглашенъ къ царю на обѣдъ, но послѣ окольничаго Ос. Ив. Сукина. Онъ обидѣлся этимъ, уѣхалъ отъ стола «и билъ челомъ государю въ отечествѣ о счетѣ на окольничаго Осипа Сукина». Очень характерно это челобитье; мы находимъ тамъ такое мѣсто:

«Осиповъ прадѣдъ Сукина, Борисъ Сукинъ, былъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ дьякъ и въ иныхъ худыхъ чинахъ бывали родители его».

Не менѣе характеренъ отвѣтъ Сукина, который тоже билъ челомъ на Заборовскаго

«О безчестьи и объ обороні; а говорилъ, что де Семенъ Заборовской передъ нимъ, Осипомъ, человѣкъ молодой, а бьетъ челомъ на него, Осипа, не по своей мѣрѣ; а прежде сего на околничихъ думные дьяки не бивали челомъ. А дѣдъ де его, Осиповъ, Борисъ, во дьякахъ не бывалъ, и тѣмъ его Семенъ безчеститъ. А тотъ Борисъ, что былъ во дьякахъ, и тотъ не ихъ, Сукиныхъ; и никто роду его, Осипова, въ такихъ обышныхъ чинахъ не бывали; а прадѣдъ де его, Осиповъ, при государѣ, царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Русіи былъ бояринъ».

Потомокъ дьяка отрекается отъ своего предка. Заборовскій, самъ думный дьякъ, уязвляетъ своего противника дьячествомъ. Но Борисъ Сукинъ былъ, въ свое время, тоже, что теперь Заборовскій. Чѣмъ-же думный дьякъ Заборовскій лучше думнаго дьяка Сукина? Происхожденіемъ: онъ дворянинъ и, можетъ быть, природный сынъ боярскій, а Сукины—дьяческая фамилія. Челобитье Заборовскаго и въ глазахъ царя не было, кажется, совершенно неосновательно. Это видно изъ того, что Алексѣй Михайловичъ сперва разгнѣвался было на Заборовскаго и запретилъ

ему съѣзжать со двора и свои царскія очи видѣть, но очень скоро (на другой-же день) смягчился и допустилъ къ себѣ опальнаго. Когда-же Заборовскій снова сталъ бить челомъ на Сукина, царь велѣлъ сдѣлать выписку въ Разрядѣ и доложить себѣ. Указа, однако, поэтому дѣлу не послѣдовало (Двор. раз. III. Прилож. 374).

Въ 1623 году происходилъ споръ о мѣстахъ между двумя стряпчими, отцы которыхъ были дьяками. 3-го декабря государь принималъ казылбашскаго гонца. По этому случаю были назначены рынды и во второй парѣ стряпчіе, Степанъ, Васильевъ сынъ, Телепневъ да Михайло, Васильевъ сынъ, Ларіоновъ. Ларіоновъ обидѣлся и билъ челомъ государю на Телепнева:

«Что ему менши быть его не вмѣстно, потому что отецъ его, Василей, былъ сынъ боярскій и служилъ по Дмитрову, а Василей Телепневъ былъ подъячей, а изъ подъячихъ дьякъ, и государь бы пожаловалъ, велѣлъ сыскать».

Чрезвычайно характеренъ государевъ отвѣтъ:

«И, по государеву указу, сказано Михайлу Лоріонову, чтобъ онъ со Степаномъ Телепневымъ былъ, а быть ему съ нимъ пригоже, потому что отецъ его, Василей Телепневъ, былъ у государя думной дьякъ посолской, а его отецъ, Михайловъ, Василей Ларіоновъ, рядовой дьякъ, а се они оба люди неродословные и счету имъ нѣту: гдѣ государь велитъ быть, тотъ такъ и будь».

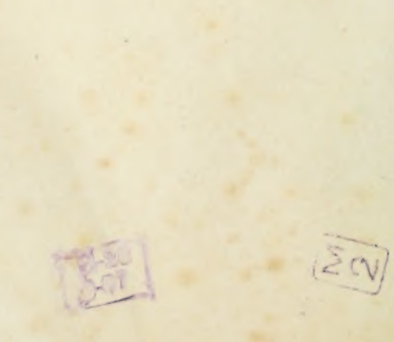
Несмотря на роль, какую играли дьяки въ XVII вѣкѣ, они продолжаютъ оставаться неродословными, отеческой чести у нихъ нѣтъ и счету имъ нѣтъ. И это не правительственная только точка зрѣнія, а и самихъ дьяковъ. Въ обоихъ приведенныхъ нами случаяхъ никто не ссылается на честь дьяка. Наоборотъ, всѣ спорщики согласны въ томъ, что дьякъ худой чинъ. Это утверждаетъ и самъ думный дьякъ Заборовскій и тѣмъ безчеститъ потомка дьяка, окольничаго Сукина *).

*) Двор. разр. I. 575. Случай думнаго дьяка Караулова съ дворяниномъ Баклановскимъ записанъ слишкомъ коротко и не даетъ основаній для какихъ-либо заключеній. Двор. разр. III. 1565.

Московская отеческая честь не родовая только, но и служилая. А потому дьячество не мѣшало выслугѣ. Дьяки производятся въ высшіе чины. Думный дьякъ Лар. Дм. Лопухинъ былъ сдѣланъ думнымъ дворяниномъ; думный дьякъ Сем. Ив. Заборовскій сперва возведенъ въ званіе думнаго дворянина, потомъ окольничаго, а, наконецъ, и боярина (Нов. XX. Алф. Ив.).

Отъ московскихъ дьяковъ въ наше время и памяти не осталось. А для Москвы они были новостью, а не древностью. Наша исторія за послѣднія два столѣтія далеко ушла отъ московскихъ порядковъ. Но она не стояла недвижно и до Петра Великаго. Москва второй половины XV, XVI и XVII вѣковъ еще менѣе походитъ на Русь до московскую, чѣмъ на имперію Россійскую временъ Екатерины II. Но и екатерининское время на нашихъ глазахъ отходитъ уже въ вѣчность. Реформы второй половины истекшаго столѣтія опять двинули насъ въ новое, хотя еще и не вполнѣ опредѣлившееся будущее.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 09 01 14 05 013 7